РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

К.А. Кочегаров

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И РОССИЯ в 1680 – 1686 годах

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА О ВЕЧНОМ МИРЕ

Москва «Индрик» 2008

УДК 94(438)
ББК 63.3(0)51
К 75

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 07-01-16132д)

Ответственный редактор
доктор исторических наук Б.В. Носов

Рецензенты:
кандидат исторических наук доцент В.И. Кузнецов
кандидат исторических наук Л.П. Марней

Кочегаров К.А.

Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. — М.: «Индрик», 2008. — 504 с.

ISBN 978-5-85759-443-8

В монографии исследованы основные проблемы русско-польских отношений в период подготовки и заключения договора о Вечном мире 1686 г. Развитие русско-польских отношений в 1680–1686 гг. рассматривается в контексте внутренней и внешней политики Польско-Литовского государства и России, роли в политике обоих государств украинского вопроса, а также международных отношений в Европе. В монографии впервые вводится в научный оборот ряд исторических источников из архивов России и Польши.

ISBN 978-5-85759-443-8

© К.А. Кочегаров, текст, 2008
© Издательство «Индрик», 2008

Оглавление

Введение 7

ГЛАВА 1. Речь Посполитая накануне войны с Османской империей. Русско-польские отношения в начале 1680-х гг. 41

ГЛАВА 2. Борьба за власть в России в 1682–1683 гг. и Речь Посполитая 101

ГЛАВА 3. Вступление Польско-Литовского государства в войну с Османской империей. Русско-польские отношения в 1683–1685 гг. 149

ГЛАВА 4. Внешняя политика Речи Посполитой в 1684–1685 гг. 228

ГЛАВА 5. Внешняя политика России в 1682–1685 гг. 256

ГЛАВА 6. Русско-польские переговоры в Москве. Заключение Вечного мира 1686 г. 300

ГЛАВА 7. Молдавский поход Яна Собеского. Военные действия России против Крымского ханства в 1686 г. 384

ГЛАВА 8. Посольство Б.П. Шереметева. Ратификация договора о Вечном мире 415

Заключение 466

Именной указатель 474

Использованные источники и литература 494

Список сокращений 503

Введение

XVII век оказался решающим в борьбе Речи Посполитой и Московского государства за наследие Киевской Руси и переломным для русско-польских отношений*, надолго определив их дальнейшее развитие. Смутное время в России в начале XVII в. было осложнено польской интервенцией. В результате Деулинского перемирия 1618 г. Россия потеряла завоеванные у Великого княжества Литовского в самом начале XVI в. Чернигов, Смоленск и другие территории. Попытка отвоевать их в Смоленской войне 1632–1634 гг. оказалась неудачной. На основе заключенного в 1634 г. Поляновского мира московский царь получил лишь Серпейск, польский король отказался от прав на московский престол.

Ситуацию изменило начавшееся в 1648 г. крестьянско-казацкое восстание на Украине под руководством Богдана Хмельницкого. В 1654 г., после неоднократных призывов Б. Хмельницкого и решения Переяславской Рады о воссоединении Украины с Россией, царь Алексей Михайлович, поддержанный сословиями на Земском Соборе 1653 г., объявил войну Речи Посполитой. По Андрусовскому перемирию, заключенному в начале 1667 г., к России отходили Смоленская земля и Левобережная Украина с Черниговом, а также Киев, который, правда, через два года должен был быть возвращен Речи Посполитой. Эти военные победы и внешнеполитические успехи России были закреплены заключенным в 1686 г. Вечным миром, в польской историографии получившим название трактата Гжимултовского по имени подписавшего договор познанского воеводы Кшиштофа Гжимултовского, возглавлявшего польскую делегацию на переговорах в Москве.

Вечный мир 1686 г. не только ознаменовал собой поворотный пункт в отношениях Речи Посполитой с Россией. Он также явился важным событием в истории

---

* Хотя шляхетская Речь Посполитая включала в себя, помимо Польши, земли Украины, Белоруссии и Литвы, в монографии применительно к Польско-Литовскому государству употребляются также термины «польский» и «Польша», поскольку польский компонент этого государства был господствующим в сословном и политическом отношении, что и послужило в историографии основанием для использования названий Речь Посполитая и Польша как синонимов.

борьбы христианских государств Европы с Османской Турцией и Крымским ханством. В вопросе о Вечном мире нашли отражение существенные тенденции внешней политики шляхетской республики в период, когда Речь Посполитая в последний раз предприняла попытку ее активизации как с целью укрепления своего международного положения, так и решения внутренних проблем. Наконец, в области внутреннего развития Польско-Литовского государства 1680-е годы сыграли весьма существенную роль в истории взаимоотношений королевской власти с магнатами и шляхтой, в отношениях Короны и Литвы.

Вечный мир 1686 г. между Речью Посполитой и Россией был, во-первых, непосредственно связан с рубежом, за которым окончательно прекратилась внешняя экспансия Польско-Литовского государства и активная международная политика шляхетской республики. Во-вторых, в области взаимоотношений с Россией Вечный мир ознаменовал переход от конфронтации двух государств к наметившейся тенденции установления между ними союзнических отношений. В-третьих, процесс подготовки, заключения и ратификации договора продемонстрировал комплекс разнообразных связей между внешней политикой и международным положением Речи Посполитой, с одной стороны, и внутриполитическим развитием Польско-Литовского государства — с другой. Указанные три комплексные проблемы хотя и поставлены в историографии, но не имеют до сих пор монографического исследования.

Для России Вечный мир оказался связан с периодом переориентации внешней политики с борьбы за украинские и белорусские земли на борьбу за выход к морям — Черному, а позднее — к Балтийскому. В это время начали устанавливаться более тесные политические связи России со странами Западной Европы, что выразилось на первых порах в присоединении Русского государства к антиосманскому союзу Речи Посполитой, Австрии и Венеции. 1680-е годы в русской истории — это время, которое некоторые исследователи называют эпохой последнего боярского правления. Московское восстание 1682 г. и установление регентства царевны Софьи Алексеевны, сопровождавшиеся борьбой боярских группировок, оказали существенное влияние на выработку внешнеполитического курса Русского государства.

В предлагаемой вниманию читателя монографии исследуется история подготовки, подписания и ратификации договора между Россией и Речью Посполитой о Вечном мире 1686 г.; развитие русско-польских отношений 1680–1686 гг. в контексте наиболее важных тенденций эволюции системы международных отношений в Центральной и Восточной Европе в 80-е гг. XVII в.; рассматриваются основные направления внутренней политики Речи Посполитой в сравнении с важнейшими процессами внутреннего развития России, оказавшими наибольшее влияние на формирование внешней политики правительства царевны Софьи.

XVII век стал временем становления системности в международных отношениях Европы. Ее отражение в международном праве оформилось в результате заключения Вестфальского мира, ознаменовавшего окончание Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Системность международных отношений выражалась: 1) в воз-

никновении контактов системного типа между государствами Западной Европы; 2) в формировании основных «центров силы», т. е. держав, игравших главную роль в европейской политике; 3) в росте значения международных договоров и в формировании международной правовой системы. Главным фактором развития международных отношений становится борьба за реализацию государственных интересов, которые каждое государство формулирует в виде целей своей внешней политики и рассматривает как «совокупность долгосрочных программно-целевых установок, реализация которых гарантировала бы стране сохранение суверенитета и безопасности» [1].

Таким образом, государства, действующие рационально, преследуют на международной арене собственные прагматические цели, заключающиеся в аккумуляции военного и экономического потенциала и борьбе за влияние в рамках системы. Такой взгляд на международные отношения предлагает теория политического реализма [2]. Этот подход представляется вполне соответствующим реалиям европейской политики XVII–XVIII вв. Одним из проявлений системности международных отношений и одновременно политическим и правовым воплощением государственных интересов выступает международный договор — двусторонний либо многосторонний, который мы рассматриваем, прежде всего, как *следствие* совокупности объективных и субъективных факторов и обстоятельств, формирующих позиции сторон к моменту его заключения, отраженные и зафиксированные самим текстом договора. Другой важный аспект любого международного договора — это та программа развития дальнейших взаимоотношений сторон, которую он в себе заключает. В этом случае любой договор показывает *тенденции* двусторонних либо многосторонних отношений, хотя и не содержит в себе одновременно гарантий их дальнейшего развития.

I. Изучение Вечного мира польскими историками берет свое начало со времени становления в Польше научной историографии. Еще Иоахим Лелевель в своих исторических сочинениях отмечал заключение Вечного мира 1686 г. как одно из важнейших внешнеполитических мероприятий Яна Собеского [3].

В одной из первых биографий Яна Собеского, написанной Леоном Рогальским в 1840-е гг. в традиции польского романтизма, на первый план выдвинуты усилия христианских держав — Австрии, Речи Посполитой, России, а также папы римского, — направленные на борьбу с общим противником — Османской империей. Ян III, констатировал автор, «не остановился ни перед какими жертвами для вовлечения России в великое предприятие» [4].

Одним из первых, кто обратил внимание на важность Вечного мира как рубежа в истории Польши, был Юзеф Шуйский. Четвертый том Истории Польши, охватывавший период 1668–1795 гг., был завершен им в 1864 г., в период Польского восстания 1863–1864 гг., что не могло не повлиять на характер суждений автора. Краковский историк оценивал договор крайне негативно. Ян III Собеский, «втянутый в политику Лиги», ради нереальных планов подчинения Молдавии и Валахии, ради призрачной славы освободителя Константинополя поставил на карту сущест-

вование самой Польши, ее границ на востоке. Ю. Шуйский отмечал, что польское посольство столкнулось с двумя непреодолимыми препятствиями для заключения «честного трактата»: московскими войсками, готовыми нанести удар Польше в случае ее поражения в борьбе с турками, и ультимативной позицией русских дипломатов: не вступать ни в какие союзы с Польшей, пока не будет подписан Вечный мир. Помимо этого, автор обвинял главу польского посольства К. Гжимултовского в превышении полномочий и политическом легкомыслии. Плачевными представляются Ю. Шуйскому значение и последствия договора 1686 г., по которому за «ломаный грош и ненадежную помощь» уступались «наиважнейшие» пограничные земли, утверждалось преимущество Москвы над Речью Посполитой[5].

Русско-польские отношения 80-х гг. XVII в. (в т. ч. и переговоры в Андрусове 1683–1684 гг.) рассмотрел А. Яблоновский в связи с публикацией исторических источников к биографии К. Гжимултовского. Автор избегал каких-либо развернутых оценок заключенного договора. Касаясь современных посольству событий, он отмечал, что триумф и радость в Москве резко контрастировали с недовольством и подавленными настроениями в Речи Посполитой[6]. Как завершающий этап тридцатилетнего дипломатического соперничества России и Речи Посполитой изобразил Вечный мир в своих очерках А. Даровский. Союз, заключенный с Москвой, был, по его мнению, сомнительным, сам же договор — фатальным. Вечный мир «подытоживал дипломатическое наследие Яна Казимира, перечеркивал завоевания Владислава IV, а точнее, Сигизмунда III», — писал историк, упрекая Россию, не выполнившую статью договора о возврате гродских книг[7]. Лишь в начале XX в. польский историк Влодзимеж Ленкевич обратил внимание на Вечный мир 1686 г. как на некую точку отсчета, от которой начался взлет могущества России, превращение ее в «северного колосса». Сами русско-польские отношения 80-х гг. XVII в. историк рассматривал на основе очень узкого круга опубликованных источников и литературы[8].

В написанных до 1917 г. трудах польских историков — подданных Российской империи заключение Вечного мира, как правило, рассматривается достаточно нейтрально, без резких суждений, либо только констатируется, тогда как в трудах их коллег, живших на территории Австрийской империи, оно оценивается скорее негативно. Такие оценки трактата 1686 г. показывают, насколько яркую политическую окраску приобретал этот вопрос в разделенной Польше. Вместе с тем исследователи признавали значение договора как рубежа в польско-российских отношениях, с республиканских позиций критиковали политику Яна Собеского, пошедшего на соглашение с Россией.

В межвоенный период выдающийся польский историк В. Конопчиньский рассматривал вторую половину XVII в. как время упадка Речи Посполитой, снижения ее влияния на международные дела. По его мнению, этот упадок проявился в отношениях с Москвой. Заключая договор, Ян III вынашивал замыслы покорения Молдавии и Валахии и подчинения Трансильвании, причем он был готов «условно отказаться в пользу Москвы от земель, незаконно удерживаемых ею по Андрусовскому договору, с тем, чтобы, если цель трактата не будет достигнута, они верну-

лись к Польше». Позицию Москвы на переговорах В. Конопчиньский объяснял тем, что Россия имела перед собой незащищенную границу Речи Посполитой, у которой «руки были связаны войной с Турцией». По его мнению, «в будущем этот договор оказался одним из тяжелейших поражений польской дипломатии, шагом к совершенному подчинению Польши Москве». Это понимал польский король и перед ратификацией еще раз попытался изменить внешнеполитическую ситуацию в свою пользу, совершив поход в Молдавию. Однако «сенат, под влиянием нунция, в опасении, что Москва в будущем откажется помогать или даже возвратится к более жестким требованиям, заставил короля принести присягу». Автор обвиняет «сеймикового плута» и «жалкого макиавеллиста» К. Гжимултовского в том, что тот всячески поддерживал ложную надежду отказаться от ратификации договора на будущем сейме, которая «разлетелась как паутина при столкновении с мрачной действительностью» [9].

Другой польский историк этого периода О. Ласковский, рассматривая внешнюю политику Речи Посполитой, исходил из предпосылки, что судьба христианства в борьбе с исламом в 1670-х — начале 1680-х гг. решалась на полях сражений турок с Яном Собеским. Это предопределило активный поиск королем новых союзников, наиважнейшим из которых было Московское государство ввиду своей многолетней вражды с Крымом. В целом Ласковский разделял оценку договора Конопчиньским. Однако, не обвиняя Гжимултовского, он сожалел только о неоправдавшихся надеждах и потраченных впустую усилиях [10]. Аналогичную мысль развивал К. Пиварский, отмечавший, однако, что трактат Гжимултовского стал дополнительной помехой для выхода Речи Посполитой из тяжелой войны с Османской империей путем сепаратного мира [11].

О ратификации Вечного мира польским королем в романтических тонах писал А. Чоловский. Автор опирался на ценный фактический материал, почерпнутый из Гданьского архива и из собственной коллекции документов, описывая прибытие русского посольства во Львов, заседания сената и церемонию ратификации. Историк идеализировал Яна Собеского, изображая его бескорыстным борцом за дело христианства, принесшего в этой борьбе немалые жертвы и в итоге познавшего лишь горькое разочарование [12].

После 1945 г. в изучении русско-польских отношений второй половины XVII в. значительным шагом вперед стали работы З. Вуйчика [13]. Однако непосредственно к проблеме Вечного мира он обратился сравнительно недавно — в 1990-е гг. [14]. Тогда же автор указал на необходимость написания «основательного труда», посвященного русско-польским отношениям 1680-х гг. [15].

В исследованиях поставленной проблемы З. Вуйчик опирается почти исключительно на польские источники — как опубликованные, так и архивные: на документы архивов Замойских и Потоцких из Главного архива древних актов в Варшаве, на рукописи библиотеки Чарторыских в Кракове (в основном «портфели» Нарушевича), библиотеки Ординации Замойских в составе Национальной библиотеки в Варшаве, библиотеки Оссолиньских во Вроцлаве («портфели» Лукаса), Библиотеки Польской академии наук в Кракове, Архива Польской академии наук в

Варшаве (материалы Я. Волиньского). Помимо этого, автор ввел в научный оборот уникальный источник — «Диариуш московских переговоров» — рукопись XVII в., которая является его собственностью. Названный источник — это своего рода аналог статейного списка посольства, поскольку он содержит не только описания переговоров, но и тексты писем, получавшихся и отправлявшихся послами, а также иные материалы посольства.

З. Вуйчик рассматривает русско-польские отношения 1680-х гг. не только как финальную фазу безуспешной борьбы польской дипломатии за ревизию Андрусовского перемирия 1667 г., когда Речь Посполитая пыталась таким путем вернуть земли, удерживаемые по его условиям Россией, но и как итог почти двухсотлетней борьбы двух государств. Проблема русско-польских отношений, отмечал историк, приобрела значительно большее международное значение после заключения польско-австрийского антиосманского союза (1683 г.) и образования Священной лиги (1684 г.). Теперь в нормализации отношений между Варшавой и Москвой, необходимой для вхождения последней в Лигу, были заинтересованы папство, Австрия и Венеция. Это вызвало интенсификацию русско-австрийских контактов и «все более усиливавшиеся требования к Польше урегулировать свои отношения с восточным соседом». По мнению историка, Москва рассматривала сложившуюся международную обстановку как очень выгодную возможность «для окончательного, *удачного* (курсив мой. — *К. К.*) завершения многолетнего конфликта с Польшей». В итоге, несмотря на напряженные отношения между Россией и Речью Посполитой, неудачно складывавшаяся для последней международная ситуация заставила ее, констатировал Вуйчик, «принять окончательное решение о начале переговоров».

Автор детально описывал переговоры, подчеркивая твердую и неуступчивую позицию Москвы, не останавливавшейся перед прямым нажимом на польских послов. Результаты переговоров историк характеризовал как «очень невыгодные, если не сказать унизительные и пагубные». Наихудшим условием подписанного соглашения стала, по его мнению, 9-я статья — дававшая России право опеки над православным населением Речи Посполитой вплоть до отстаивания его интересов и санкционировавшая неограниченные контакты православных Польши и Литвы с киевским митрополитом. «Договор о Вечном мире <...>, — делает вывод З. Вуйчик, — был крупным поражением польской дипломатии, формальным закреплением проигранной борьбы с Россией за гегемонию в Восточной Европе»[16]. В опубликованной в 1994 г. статье «Эпилог трактата Гжимултовского» историк подробно рассмотрел польско-русские отношения со времени заключения договора в мае до его ратификации польским королем в декабре 1686 г. Польские дипломаты, по мнению З. Вуйчика, не осознавали масштаб дипломатического поражения Речи Посполитой, стараясь представить результаты своей миссии в наиболее выгодном для себя свете[17]. Эти выводы в некоторой степени отразили общую переоценку польскими историками русско-польских отношений, вызванную коренными изменениями политической ситуации в Восточной Европе на исходе XX в.

Работы З. Вуйчика отличает приведенный автором богатый фактический материал, почерпнутый из уникальных источников, в частности из недоступного

другим исследователям «Диариуша московских переговоров». Вместе с тем им присуще преимущественное освещение внешнеполитических факторов, обусловивших заключение Вечного мира. Автор практически не рассматривает в связи с этим внутриполитического положения Польско-Литовского государства. Говоря о позиции России, он отмечает лишь желание Москвы воспользоваться политическими затруднениями Речи Посполитой для закрепления за собой территориальных приобретений. Приводя свидетельства о переговорах царевны Софьи с представителями Литвы, Вуйчик не усматривает в этих контактах проявления специфической тенденции в русско-польских отношениях, а также колебаний и внутренней борьбы в правящих кругах Московского государства по вопросам отношений с Речью Посполитой. На это обстоятельство указывали некоторые российские ученые, а также американский исследователь Л.Р. Левиттер. Описывая русско-польские отношения 1686 г., З. Вуйчик не использовал не только российские архивные материалы, но и такие опубликованные источники, как материалы визита в Речь Посполитую гонца подьячего К. Нефимонова и посольства Б.П. Шереметева, помещенные в 6-м томе Памятников дипломатических сношений, а также документы русско-крымских отношений 1686 г., изданные Д.И. Эварницким. Недостаточно полно был использован также архивный фонд Станислава Антония Щуки, материалы которого представляют интерес.

Рассматриваемой проблематики касался в своем труде, посвященном польско-украинским отношениям на рубеже XVII–XVIII вв., Я. Перденя. По его мнению, польско-русский военный союз отвечал общим интересам России и Речи Посполитой в их борьбе с Османской империей и Крымом. Урегулирование же русско-польских отношений было необходимо в первую очередь Речи Посполитой. Хотя в самом процессе заключения договора автор осветил только отдельные эпизоды, тем не менее в его исследовании использованы неизвестные ранее польские источники. Историк рассматривает не только позицию запорожского гетмана Ивана Самойловича по отношению к Вечному миру до и после переговоров, но и настроения правобережного казачества, стремившегося к объединению с Левобережьем под властью Москвы. Автор отмечает острые пограничные трения, возникшие между сторонами после заключения договора как последствие раздела Украины, произведенного «против воли народа».

«Договор 1686 г., — писал Я. Перденя, — явился поворотным пунктом в развитии польско-русских отношений и означал окончательный крах польской экспансии на Восток. Польша навсегда отрекалась от Заднепровья, а уступкой России Запорожской Сечи отрекалась и от казацкой политики». Условия 9-й статьи договора «широко открывали ворота царского вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой и означали начало постепенного подчинения Польши политике России», — заключает историк [18].

Несколько иную точку зрения высказывает польский историк В. Серчик. Не совсем точно излагая содержание договора, он отмечал, что Вечный мир в основном только подтвердил Андрусовское перемирие 1667 г. и границу владений Русского государства, установленную Бахчисарайским миром 1681 г. В дальнейшем

Вечный мир, считает историк, препятствовал России активно выступать против Речи Посполитой в казацком вопросе [19].

Церковные аспекты Вечного мира и вопрос о переходе киевской митрополии под власть московского патриарха получили подробное освещение в исследовании М. Бэндзы [20]. На основе опубликованных источников (в частности уже упомянутых материалов посольства Б.П. Шереметева) и широкого круга литературы автор рассматривает реализацию условий 9-й статьи договора сразу после его заключения. Выводы историка о значении 9-й статьи совпадают с приводившимися выше мнениями З. Вуйчика и Я. Пердени [21].

Дебатам на сеймах 1688 и 1688–1689 гг. о результатах посольства Гжимултовского посвятил свою статью Е. Маронь. Он целиком разделяет оценку Вечного мира З. Вуйчика [22]. Автор монографии о русско-польских отношениях 1686–1696 гг. польский историк-эмигрант А. Каминьский не затрагивает в своем исследовании русско-польских переговоров 1686 г., ограничиваясь лишь констатацией значения заключенного Вечного мира [23].

Для дальнейшего развития исследований по истории русско-польских отношений 1680-х гг. большое значение имеет новейшая публикация польского оригинала договора о Вечном мире. Издание дополнено цветным факсимильным изданием трактата Гжимултовского. Вступление к публикации, вышедшей на двух языках — польском и русском, — написали М.В. Дмитриев и Г. Лашкевич. Авторы отмечают важность договора для русско-польских отношений [24]. Вместе с тем в публикации текст договора помещен в адаптированном варианте, что умаляет научную ценность издания [25].

На протяжении XIX и первой половины XX в. польская историография рассматривала Вечный мир 1686 г. с единых позиций, оценивая его как неудачный финал проигранной борьбы за Украину. Негативное освещение данной проблемы в польской историографии было в известной степени обусловлено трагическим наследием разделов Польши и гибели шляхетской Речи Посполитой. После окончания Второй мировой войны, отойдя от резких и полемичных оценок предшествующего времени, польские историки выработали в целом негативную оценку договора. Используя преимущественно польские архивные материалы, они, обобщив ценный фактический материал, уделили внимание отдельным вопросам как истории посольства Гжимултовского, так и истории внешней политики Речи Посполитой и международных отношений 1680-х гг. Однако комплексное исследование русско-польских отношений данного периода в польской историографии попрежнему отсутствует.

II. Так же как и польские историки, российские ученые придавали большое значение проблеме Вечного мира 1686 г. Еще выдающийся русский архивист Н.Н. Бантыш-Каменский (1737–1814), считая Вечный мир важным рубежом, подытожившим обширный период русско-польских отношений, назвал его «навеки для России славным договором» [26]. Сын его Д.Н. Бантыш-Каменский (1788–1850) в «Истории Малой России» (1-е изд. в 1822 г.) среди главных факторов заключения Вечного

мира указывал на неспособность Речи Посполитой справиться собственными силами с набегами крымских татар, а также на посредничество императора Священной Римской империи, папы, шведского короля, саксонского курфюрста и даже молдавского господаря. Сам договор, по мнению историка — «выгодный и славный», укрепил положение В.В. Голицына[27].

Одно из первых монографических исследований, вышедшее в свет в 1852 г., в котором была затронута проблема русско-польских отношений второй половины XVII в., принадлежит М. Капустину. Работа эта опиралась на узкий круг источников, а сформулированная в ней концепция внешней политики России XVII в. была призвана утвердить великодержавный и имперский характер политики России в веке XIX. В области русско-польских отношений в центре внимания автора находилось Андрусовское перемирие, «все дальнейшие сношения <...> составляли только пояснение и дальнейшее развитие договора Андрусовского». Вечный мир, по его словам, окончательно закрепил «то, к чему стремилась Россия XVII-го в.»[28].

Гораздо большее значение для исследования проблемы русско-польских отношений в контексте внешней политики правительства царевны Софьи имели появившиеся практически одновременно труды П. Щебальского и Н.Г. Устрялова. Однако суждения и оценки обоих существенно расходились. Щебальский в целом положительно оценивал внешнюю политику России 1680-х гг., справедливо указывал на преемственность многих внешнеполитических шагов правительства Софьи с политикой не только Петра Великого, но и Екатерины II. Историк считал, что русское правительство, приняв решение о продолжении борьбы с Портой и Крымом, сумело извлечь максимальную выгоду из вступления в антиосманскую коалицию, закрепив за собой по договору о Вечном мире с Речью Посполитой завоевания царя Алексея Михайловича, в т. ч. и Киев, обладание которым обусловило дальнейшее объединение древнерусских земель в составе России[29].

Совершенно иначе оценивал русскую внешнюю политику России 1680-х гг. Н.Г. Устрялов, еще один представитель охранительного направления в историографии. В первом томе «Истории царствования Петра Великого» он, на материалах Посольского приказа и с использованием опубликованных польских источников (издание А. Залуского), рассмотрел русско-польские отношения 1683–1685 гг. Историк, в частности, описал обсуждение В.В. Голицыным и служилым иноземцем генералом Патриком Гордоном возможности вступления России в антиосманскую коалицию и войны с Портой[30], изложил ход переговоров о Вечном мире, которым отвел целую главу. Устрялов привел наказ, составленный для русской делегации накануне переговоров, описал въезд и прием польского посольства царями, основные этапы переговоров, отметив, что срыв официальной их части произошел из-за несогласия в денежной сумме, выделил неофициальную часть переговоров и создание сторонами редакций будущего договора[31].

В оценках Н.Г. Устрялов руководствовался прежде всего субъективными мотивами, а именно желанием представить последующее правление царя-реформатора в более выгодном свете, и поэтому не жалел черных красок для характери-

стики политики правительства царевны Софьи, не заслуживавшей, по его мнению, тех похвал, которыми «осыпают» ее «позднейшие историки». Заключение Вечного мира, считал Н.Г. Устрялов, привело к «немаловажным пожертвованиям» со стороны России, «тщеславная царевна превозносила свои заслуги перед народом <...>. Тягость войны с народом могущественным, страшным всей Европе, едва ли не перевешивала выгоды мира с державою слабою и расстроенною, которая при всех усилиях не могла отнять у нас того, чем гордилась царевна». Автор довольно точно подметил, что после заключения договора стороны преследовали разные цели — Речь Посполитая добивалась активного участия России в войне, а последняя — ратификации договора королем. По его мнению, договор вызвал недовольство Яна III, обвинявшего польских послов К. Гжимултовского и М. Огинского в заключении невыгодного трактата [32].

Исследование Н.Г. Устрялова и сегодня, благодаря введенным в научный оборот источникам, сохраняет свое значение как наиболее полное в отечественной историографии описание русско-польских переговоров 1686 г., выполненное на основе материалов Посольского приказа. Тем не менее на него практически не обратили внимания ни польские, ни российские историки.

По своим общественно-политическим взглядам С.М. Соловьев примыкал к либеральному направлению общественного движения, разделяя воззрения западников. Однако его концепция русско-польских отношений была близка к официальной историографии. В своем классическом труде по истории России он в известном смысле повторил тезис М. Капустина, что Андрусовское перемирие, казавшееся на первый взгляд ненадежным, на самом деле ознаменовало завершение «великой борьбы» между Россией и Польшей. Таким образом, заключал историк, именно Андрусовский договор, перешедший «в вечный мир с сохранением всех своих условий», явился совершенным «вечным докончанием», после которого Россия могла успокоиться насчет Польши, перестать ее бояться и заняться другими, более важными для ее «исторической жизни вопросами» [33].

Однако из фактического материала, приводимого историком далее, следует, что русско-польские отношения, теснейшим образом связанные с украинским вопросом, сохраняли свою первостепенную важность и после заключения перемирия 1667 г. С.М. Соловьев показывает, что именно украинское казачество наиболее последовательно выступало против мира с Речью Посполитой, против возвращения полякам Киева, против оставления под польской властью Правобережья и, наконец, против объединения русских и польских войск для войны с турками — все это постоянно обостряло и без того напряженные отношения двух славянских государств.

Изложение событий заключения русско-польского договора 1686 г. С.М. Соловьев предваряет анализом международных отношений в Европе XVII в. Их стабильность зависела от равновесия между Францией и государством австрийских Габсбургов. Историк обосновывает необходимость заключения русско-польского договора с точки зрения международного положения России: «Не принять участия в священной войне, и если следствием будет торжество турок, то надобно будет

беспрестанно опасаться появления турецких ратей под Киевом; если же Польша без русской помощи получит от турок выгодный и славный мир, то первым ее делом будет потребовать от России вооруженную рукою исполнения Андрусовских условий, т. е. возвращения Киева. Следовательно, благоразумие требовало приступить к священному союзу против неверных, но прежде, благодаря настоятельной потребности Польши в этом союзе, заставить ее заключить вечный мир с уступкой Киева в русскую сторону». Вечный мир, открывавший России путь в европейскую политику, имел, по мнению историка, и другое, не менее важное значение, будучи важным шагом к политическому воссоединению Восточной и Западной России (особую роль здесь имело закрепление за Россией Киева)[34].

С.М. Соловьев впервые в развернутой форме поставил вопрос о значении Андрусовского перемирия и Вечного мира как рубежей в русско-польских отношениях второй половины XVII в. Рассматривая соотношение этих событий, он отдавал предпочтение первому, но в то же время признавал и важность второго. Позиция С.М. Соловьева стала отправной точкой многих позднейших исследователей. Значение 9-й статьи Вечного мира, дававшей России повод для вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой, отметил в полной антипольского пафоса статье (появление ее было, видимо, откликом на восстание 1863–1864 гг.) А.А. Волков[35]. Точку зрения С.М. Соловьева, без учета изложенного им фактического материала касательно русско-польских отношений 1667–1686 гг., в дальнейшем приняли многие исследователи и публицисты. В. Эйнгорн писал, что Андрусовское перемирие и было фактически Вечным миром, поскольку определило отношение России к Речи Посполитой почти на 100 лет[36]. Подобного же мнения придерживались В.С. Иконников и П. Головачев[37]. Последний считал, что Вечный мир был результатом давления на польское государство внешних обстоятельств: страха перед турецким нашествием и дипломатического нажима со стороны Вены и Рима[38]. Как второстепенное событие, по сравнению с Андрусовским перемирием, оценивал договор 1686 г. Д.И. Иловайский, считавший, что сближение двух держав, осложнявшееся недовольством казачества и «польским коварством», стало неизбежным после неудач Яна III в войне с турками. Вечный мир, тем не менее, по мнению историка, являлся дипломатическим успехом Москвы, хотя и был куплен дорогой ценой — обязательством вести обременительную войну против Крымского ханства[39]. Точки зрения, высказанной С.М. Соловьевым, придерживался и В.О. Ключевский. Вместе с тем в своих «Лекциях» он подчеркнул, что в результате заключения договора 1686 г. Россия формально вступила в «концерт европейских держав». Вечный мир представляется ему дальнейшим развитием идей А.Л. Ордина-Нащокина и Андрусовского договора[40].

Обсуждение вопроса о Киеве на переговорах о Вечном мире рассмотрел в своем небольшом исследовании Ф.И. Титов. Автор, будучи священником, осветил проблему в контексте церковной истории Западной Руси и Литвы, борьбы на этих землях католицизма и православия. Переговоры 1686 г. он рассмотрел на основе документов Посольского приказа, поместив в статье обширные цитаты из Посольской книги № 224 и из малороссийских дел. Ф.И. Титов отмечал «податливость»

польских послов в ходе переговоров и «твердость» русской делегации. По его мнению, решающую роль в решении московского правительства отстаивать на переговорах Киев сыграл гетман И. Самойлович: «Насколько сам Самойлович понимал величайшее значение Киева <...>, настолько неясны и смутны были представления об этом у московских дипломатов». Ф.И. Титов заключал, что Самойлович был противником договора и, настаивая на оставлении Киева за Россией, надеялся, что это приведет к срыву переговоров. Историк отметил сходство некоторых аргументов, приводимых на переговорах русскими дипломатами, и высказываний гетмана, однако преувеличивал его влияние на позицию русской делегации. Автор подробно рассмотрел дебаты по вопросу о Киеве и земель вокруг него (т. н. «треугольник» земель, включающий Васильков — Стайки — Треполье). Однако сами переговоры он сводил лишь к борьбе за Киев, а значение договора — к получению Россией права «оказывать покровительство и формально вступаться за православно-русских подданных Польско-Литовского государства». В этом Ф.И. Титову виделось «весьма важное, можно сказать, решающее значение [Вечного мира] во всей последующей судьбе Западной Руси до самого конца Речи Посполитой»[41]. Эта точка зрения автора на 9-ю статью договора, несомненно преувеличенная, некоторым образом перекликается с польской историографией, представители которой также придавали этой статье большое значение.

В целом вклад русской дореволюционной историографии в изучение рассматриваемой проблемы достаточно весом. Были введены в научный оборот важнейшие источники (в основном материалы Посольского приказа), поставлен вопрос о соотношении значений Андрусовского перемирия и Вечного мира, выделены внутри- и внешнеполитические факторы, способствовавшие заключению договора 1686 г.

Однако, рассматривая Вечный мир 1686 г. как продолжение Андрусовского перемирия, историки преимущественно оценивали его с точки зрения итогов русско-польского противоборства в XVII в., не усматривая в нем новых политических элементов и тенденций во взаимоотношениях Речи Посполитой и России. Это предопределило отсутствие работ по данной проблематике, исследователи ограничивались лишь констатацией значения договора, причем Вечный мир, не будучи непосредственным предметом изучения, трактовался ими только как дипломатический финал Андрусовского перемирия.

1920–1930-е годы в советской историографии не были отмечены заметными работами, посвященными русско-польским отношениям второй половины XVII в. Исключение составляет статья В.К. Никольского, затрагивающая некоторые аспекты русско-польских отношений 1683–1684 гг.[42].

После окончания Второй мировой войны, когда Советский Союз и Польша входили в антигитлеровскую коалицию, ПНР стала ближайшим союзником СССР в Европе. Это обусловило особое внимание ученых нашей страны к истории Польши и польско-российских отношений, в частности и отношений второй половины XVII в., что не в последнюю очередь было связано также с отмечавшимся в 1954 г. 300-летием воссоединения Украины с Россией.

Первой значительной публикацией в этой области стала вышедшая в 1949 г. статья М.Н. Белова о Крымских походах В.В. Голицына, в которой также был поставлен вопрос о значении союза России и Речи Посполитой в борьбе против Крымского ханства. Отказ России присоединиться к Священной лиге, сразу после ее возникновения в 1684 г., автор объяснял происками «панской Польши» «среди украинцев и запорожских войск», наличием оппозиции союзу с Речью Посполитой со стороны украинского казачества и части московского боярства, а также с «напряженным положением» внутри русского государства. К заключению антиосманского союза с Речью Посполитой Россию, по его мнению, подтолкнуло само Крымское ханство, «грубо нарушавшее» условия Бахчисарайского мира, а «заигрывания» В.В. Голицына с Портой сделали Польско-Литовское государство более уступчивым в переговорах о Вечном мире. М.Н. Белов отмечал, что Ян III пошел на его заключение во многом под давлением Австрии и римского папы[43]. Рассматривая русско-польские отношения после Вечного мира, он характеризовал их как полные взаимной неприязни, стремления переложить друг на друга тяжесть борьбы; отмечал отсутствие согласованности в военных действиях. Основную вину за это автор возлагал на Речь Посполитую, которая не выполняла своих обязательств по договору[44], стремилась навязать свой план ведения военной кампании[45]. В другой своей работе автор отмечал важную посредническую роль голландского резидента в Москве Иоганна фан Келлера в заключении Вечного мира[46]. Однако думается, что значение деятельности Келлера на этом поприще сильно преувеличено.

В 1950 г. вышла в свет статья Г.К. Бабушкиной, написанная автором в процессе подготовки кандидатской диссертации и посвященная международному значению Крымских походов 1687 и 1689 гг. Автор придавала большое значение договору о Вечном мире как важному этапу борьбы европейских держав с Османской империей и свидетельству заметного возрастания роли России на международной арене[47].

В 1950 и 1952 гг. по рассматриваемой теме были защищены диссертации И.Б. Грекова и Т.Н. Копреевой[48]. Источниковой базой диссертации И.Б. Грекова послужили материалы Посольского приказа (Польские, Австрийские, Шведские, Французские, Бранденбургские, Малороссийские и другие дела) и опубликованные польские и другие иностранные источники[49]. Автор признавал узость использованной им польской источниковой базы[50]. Целью исследования И.Б. Греков поставил, с одной стороны, выяснить «подлинные классовые причины польско-русского антагонизма при феодализме и капитализме», с другой — опровергнуть сформулированные ранее в исторической литературе положения о слабости русской дипломатии допетровской эпохи и ее неосведомленности в «польских и общеевропейских делах»[51]. Историк исходил из тезиса о прогрессивности борьбы русского государства за присоединение украинских и белорусских земель, отвечавшей интересам украинского и белорусского народов[52]. Внешнюю политику Яна Собеского автор характеризовал как не соответствовавшую национальным задачам польского государства, выражавшую лишь династические интересы поль-

ского короля и части магнатско-шляхетской группировки[53], а иногда даже — как нереальную и фантастичную[54].

Русско-польские отношения 1679–1686 гг. И.Б. Греков рассматривал в широком международном контексте. Значительное место отводится политике Яна Собеского по отношению к Османской империи, Крымскому ханству, Дунайским княжествам, его отношениям со Швецией, Австрией, Бранденбургом, Папской курией и особенно Францией; подробно рассматриваются русско-шведские, русско-французские и русско-австрийские отношения этого периода.

Внешняя политика польского короля исследуется Грековым в связи с внутренней ситуацией в Польско-Литовском государстве. Отмечается, что в борьбе с магнатской оппозицией Ян Собеский стремился укрепить королевскую власть за счет успешной внешней политики. Конкретное выражение эта программа получила в заключенном весной 1683 г. польско-австрийском союзе и во вступлении Речи Посполитой в войну с Османской империей, с последующим образованием в марте 1684 г. Священной лиги, а также в попытках привлечь в коалицию Россию. Причем эти внешнеполитические акции польских правящих кругов совмещались с желанием восстановить положение Речи Посполитой также и на востоке.

И.Б. Греков последовательно отстаивал тезис о весомой роли России в международных отношениях не только Восточной, но и Западной Европы. Он оценивал русскую внешнюю политику как последовательную и твердую, опиравшуюся на широкую осведомленность и искушенность московского правительства в европейских международных отношениях[55]. По мнению автора, борьба с Крымским ханством и Османской империей занимала в рассматриваемый период центральное место во внешней политике России[56]. Говоря о политике Яна Собеского, Греков отмечал, что тот, не желая идти на сближение с Россией, тем не менее, не мог не считаться с объективными внешнеполитическими обстоятельствами. Эти обстоятельства историк усматривал в безуспешных военных кампаниях 1684–1685 гг. и в дипломатических неудачах в отношениях с Австрией и Францией, которые сделали «польское правительство более сговорчивым и уступчивым в отношениях с Московским государством»[57].

Вечный мир стал, по мнению И.Б. Грекова, «большим шагом вперед по пути воссоединения частей когда-то единой Руси», «крупной вехой в истории русско-польского сближения, крупным успехом русско-польской дипломатии» и одновременно «крупной дипломатической победой русского правительства». Но успех этот был куплен дорогой ценой — Крымскими походами 1687 и 1689 гг. Вместе с тем договор 1686 г. не решил окончательно проблему Украины, зафиксировав ее раздел, и обходил стороной вопрос о белорусских землях, лишь наметив благоприятные предпосылки для дальнейшей борьбы России за полное присоединение Украины и Белоруссии[58]. Договор 1686 г. позволил Польше и России активизировать борьбу против Османской империи и Крымского ханства, сделав возможным в будущем русско-польский союз в войне со Швецией[59].

И.Б. Греков достаточно бегло описал сам процесс переговоров, обращая внимание на наиболее существенные их моменты[60]. В целом его исследование посвя-

щено скорее русско-польским отношениям в 1679–1686 гг., где Вечный мир лишь выступает верхним хронологическим рубежом периода. Автор не рассматривает польско-русские отношения между подписанием договора (26 апреля 1686 г. ст. ст.) в Москве и его ратификацией Яном Собеским в декабре 1686 г. Диссертация И.Б. Грекова заняла значительное место в историографии, не поколебленное даже тем, что автор отказался от ее публикации.

Опираясь на богатый фактический материал источников, И.Б. Греков не избежал, однако, априорных и вызывающих известное сомнение утверждений о «прогрессивности» внешней политики России и вместе с тем полного отрицания каких-либо подобных прогрессивных тенденций в политике польского короля. И.Б. Греков сосредоточил внимание на отношениях России со странами Запада и практически упустил из виду достаточно важный крымско-турецкий фактор в отношениях Москвы и Варшавы, сведя его к общим рассуждениям о важности для Яна III и его союзников по Священной лиге нейтрализации русскими войсками «правой руки султана». Между тем прибытие татарских гонцов в Москву в ходе переговоров о Вечном мире и русское посольство в Стамбул в 1685–1686 гг. оказали заметное влияние на согласие польской стороны заключить договор.

Русско-польским отношениям от Андрусовского перемирия 1667 г. до Вечного мира 1686 г. посвящена диссертация Т.Н. Копреевой. Основное внимание она уделяет периоду 1667–1682 гг., обзорно рассматривая последующие события, имея в виду появившуюся двумя годами ранее диссертацию И.Б. Грекова. В названной работе автор ставила задачу показать значение русско-польских отношений в 1667–1686 гг. как для Речи Посполитой, так и для России, выявить основные тенденции их развития, а также раскрыть важную роль русской дипломатии в международных отношениях указанного периода, которая «тщательно замалчивается буржуазными историками» [61]. Исследовательница исходила из тезиса, что «на протяжении нескольких веков польско-литовские феодалы, в ущерб интересам польского и литовского народов, вели агрессивную политику в отношении Русского государства», и только во второй половине XVII в. сложились объективные предпосылки сближения России и Речи Посполитой для борьбы с общими врагами — Швецией, Бранденбургом, Крымским ханством [62]. Источниковую базу исследования составили материалы РГАДА: Посольского приказа, касающиеся сношений с Речью Посполитой (фонд 79), Приказные дела новой разборки (фонд 159) и др., а также Фонд голландских резидентов архива Ленинградского отделения Института Истории АН СССР, документы из т. н. древлехранилища Погодина Рукописного отдела РНБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, а также опубликованные польские и иностранные источники. Так же как и И.Б. Греков, Т.Н. Копреева указывала на недоступность польских архивных материалов [63].

В отличие от И.Б. Грекова, исследовательница сосредоточила внимание на изучении собственно русско-польских отношений, о чем свидетельствует и комплекс привлеченных источников. Рассматривая русско-польские отношения, автор приходит к выводу: «Русское правительство с полным основанием считало, что лишь заключение „вечного мира“ между Польшей и Россией явится достаточной

гарантией для выполнения Польшей своих союзнических обязательств. Русское правительство хотело быть уверено, что усилившаяся в результате победоносной войны с турками Польша не обрушит вслед за этим свои войска на союзную Россию с целью захватить Смоленск, Киев, Северщину, Украину»[64].

Поворотным пунктом в отношениях с Россией, по мнению Копреевой, стал союз Речи Посполитой с империей Габсбургов, в результате оба союзника проявили реальную заинтересованность в союзе с Москвой, которая к тому времени заключила Бахчисарайское перемирие, а «польское правительство вынуждено было оставить (как оно полагало временно) планы вооруженной интервенции против русского государства»[65]. Однако заключение Вечного мира опять откладывалось по вине Яна Собеского, зондировавшего почву для договора о мире с Крымским ханством[66]. И только «неудачи польской армии в Валахии в 1684 г., неблагоприятный исход переговоров с Крымом, колебания Франции, почти полный разрыв с Империей заставляли польское правительство пересмотреть свою точку зрения относительно России» и пойти на заключение Вечного мира[67]. В итоге, по словам Т.Н. Копреевой, правительство Речи Посполитой на протяжении ряда лет проводило «близорукую и предательскую» политику, представлявшую собой «цепь серьезных ошибок» и направленную против интересов «польского народа и широких слоев шляхты», выставляя заведомо неприемлемым условием союза с Россией возврат последней Левобережной Украины и упустив ряд удачных моментов для борьбы с Портой. Политика Речи Посполитой совпадала с «узкоэгоистическими» желаниями западноевропейских держав сохранить ее в качестве «восточного барьера» против России. Тем не менее «сама жизнь» сделала необходимым сближение двух государств, так как Польское государство не могло без участия России решить основной вопрос своей внешней политики — «изгнание турецких захватчиков». Автор также считает, что весь рассмотренный ею материал свидетельствует о чрезвычайном усилении роли России в международных делах к концу XVII в., так что «теперь ни одна из крупных международных проблем не могла быть решена, помимо и без помощи России»[68].

Хотя диссертации И.Б. Грекова и Т.Н. Копреевой остались неопубликованными, выдвинутые в них концепции способствовали формулированию точки зрения советской историографии на отношения России и Речи Посполитой в 1670–1680-х гг.[69].

В 1958 г. в диссертации О. Махатки заключение Вечного мира рассматривалось в контексте «дипломатических взаимоотношений России, Габсбургской монархии и Польши в период антитурецкой войны»[70]. По мнению автора, поражение османов под Веной стало началом заката могущества Османской империи и «толчком для создания антитурецкой коалиции <...>, в которую в 1686 г. вступила Россия». Справедливые опасения России по поводу ревизии Андрусовского соглашения со стороны Речи Посполитой после победы над османами заставляли ее требовать заключения союза одновременно с Вечным миром[71]. Автор считал, что вовлечение России в Священную лигу было главной задачей для ее членов. О. Махатка несколько сместил акценты, расставленные И.Б. Грековым и Т.Н. Коп-

реевой при оценке русско-польских отношений, отмечая, что Московское правительство использовало мирные отношения с Османской империей и Крымом, а также захват в 1684 г. казаками гетмана И. Самойловича литовских территорий по реке Сож для оказания давления на Речь Посполитую в деле заключения Вечного мира[72]. Сам договор, по его мнению, лишь «частично положил конец длительной дипломатической борьбе», укрепив положение России в Причерноморье и на Правобережной Украине[73].

В рамках концепции русско-польских отношений 1670–1680-х гг., сформулированной советской историографией, рассмотрел аспекты московских переговоров 1686 г. и переговоров посольства Б.П. Шереметева во Львове, связанные с украинскими землями и унией, украинский советский историк Н.П. Ковальский[74].

В 1980 г. в статье Е.Б. Французовой были проанализированы русско-польские переговоры о разграничении между Смоленским и Витебским воеводством и захвате казаками Самойловича Посожских сел. Споры, разгоревшиеся между русской и польской сторонами по этому поводу, автор рассматривала с позиций и на основе аргументации руководства Посольского приказа[75].

Начиная со второй половины 1980-х гг. в советской историографии постепенно происходил переход к новым методологическим принципам исследования. Пересматривались сложившиеся суждения и оценки. Процесс этот завершается в 1990-е гг. становлением новейшей российской историографии. Применительно к рассматриваемым проблемам он нашел отражение в трудах В.А. Артамонова, Н.Н. Молчанова, Г.А. Санина. В то же время названные авторы, вслед за Т.Н. Копреевой, отмечали слабую изученность русско-польских отношений 80–90-х гг. XVII в.[76].

В 1980–1990-е гг. исследователь внешней политики России XVII–XVIII вв. Г.А. Санин на основе исследований И.Б. Грекова и других авторов развивал концепцию, согласно которой Вечный мир 1686 г. означал установление равновесия сил в Восточной Европе, что он стал крупным успехом русской дипломатии, заложил основы для выхода России к Черному морю и послужил в будущем основой Северного союза России, Саксонии и Дании, заключенного в 1699 г.[77].

Точка зрения Г.А. Санина разделяется В.А. Артамоновым, рассмотревшим русско-польские отношения 1680–1690-х гг. в широком международном контексте, с привлечением значительного комплекса источников и с учетом достижений как отечественной, так и зарубежной историографии, в т. ч. польской. Он считает, что требование России заключить союзный договор на условиях Вечного мира было достаточно обоснованным, особенно учитывая нежелание Речи Посполитой окончательно отказываться от земель, уступленных по перемирию 1667 г., и при ее стараниях воспользоваться внутриполитическими трудностями России для его пересмотра. Польское посольство, прибывшее на переговоры в Москву с готовностью уступить России территории, присоединенные к последней по Андрусовскому перемирию, в то же время надеялось, что при военной поддержке России удастся включить в орбиту польского влияния Дунайские княжества и Трансильванию. Вечный мир был куплен дорогой ценой — вступлением России в войну с Крымом,

а также потерей Приамурья по Нерчинскому договору. Договор, тем не менее, констатировал В.А. Артамонов, изменил в пользу России и Польши ситуацию в Восточной Европе, способствовал стабилизации положения на Украине (позднее историк признавал, что «источник возможных конфликтов» все же там сохранялся); знаменовал собой вызревание имперских тенденций в политике России, в противоположность Речи Посполитой, которая «быстро теряла агрессивность и уходила в самоизоляцию». Присоединение к Священной лиге со стороны России было опосредованным, т. к. она отказалась от заключения союзных договоров с Австрией и Венецией. В результате нечетко оговоренных задач России в борьбе с Крымом при толковании договора русской и польской стороной возникали разногласия. Не устранил он и русско-польских противоречий, что выразилось в отказе сейма его ратифицировать. Однако, доказывал В.А. Артамонов, все это не могло перечеркнуть открывшейся возможности согласованных действий обеих стран против Крымского ханства и Турции. В то же время В.В. Голицын и Ян Собеский не смогли должным образом использовать заключенный союз, и Крымские походы ничем не помогли Священной лиге[78].

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. к проблематике Вечного мира вернулся И.Б. Греков. Он обратился к рассмотрению договора 1686 г. в контексте международных отношений в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XIV–XVII вв. через призму взаимоотношений Османской империи и Золотой Орды, а затем возникшего в результате ее распада Крымского ханства с христианскими государствами региона. Заключение русско-польского договора завершило, по его словам, «формирование широкого антиосманского фронта, простиравшегося от Адриатики и Среднего Дуная через все Северное Причерноморье к устью Дона и к Северному Кавказу». Это открывало «новую важную страницу не только в развитии взаимоотношений двух стран, но и в международной жизни всей Восточной и Центральной Европы», — заключает историк[79].

Вечный мир 1686 г. и внешнюю политику России 1680-х гг., практически не использовав архивных источников, рассмотрел в ряде работ А.П. Богданов. Его оценки во многом перекликаются с советской историографией 1950-х гг. К этому автор добавляет апологетическую характеристику деятельности В.В. Голицына. Представляют ценность некоторые наблюдения автора об отражении внешнеполитических взглядов различных группировок в русском правительстве в тогдашней публицистике. Однако в целом работы Богданова не содержат нового материала по истории русско-польских отношений 1680-х гг. Некоторые тезисы автора: что заключение польско-австрийского союза произошло в т. ч. и благодаря деятельности русского посла в Варшаве И.И. Чаадаева, что русская дипломатия «напряженно трудилась» над организацией Священной лиги, что «Ян Собеский и часть магнатов считали реванш за поражение в войне с Россией жизненной необходимостью», что по условиям Вечного мира члены Священной лиги «отводили ей (России. — *К. К.*) значительную часть Балканского полуострова, Константинополь и проливы» и др., — ошибочны и не находят никакого подтверждения в источниках[80].

Н.Н. Молчанов в книге «Дипломатия Петра Великого», вопреки многим исследованиям, повторил высказанное еще в середине XIX в. мнение Н.Г. Устрялова, охарактеризовав политику правительства царевны Софьи, в противовес политике Петра I, как «плывущую по течению». Он отдал предпочтение внешним факторам заключения Вечного мира, а именно потребности слабеющей Польши в союзниках для борьбы с Портой. Главным негативным последствием договора, по мнению автора, стал зафиксированный им отказ «навечно» от Правобережной Украины и Белоруссии[81].

Изучение проблематики Вечного мира в русле исследований Ф.И. Титова недавно продолжила Ю.Э. Шустова. В своей статье она на материалах фонда «Сношения России с Польшей» РГАДА рассмотрела значение 9-й статьи договора о Вечном мире, обязавшей Речь Посполитую не притеснять проживавших в ней православных верующих, в контексте борьбы России за сохранение прав православной церкви в Польско-Литовском государстве[82].

Советская и современная российская историография значительно продвинулась в изучении отношений России и Речи Посполитой последней трети XVII в. Прежде всего коренным образом были пересмотрены суждения дореволюционных историков относительно Вечного мира как «механического» продолжения Андрусовского перемирия, обоснована важная самостоятельная роль данного периода и значение договора 1686 г. как уникального акта во внешней политике России, сформулировано его значение для развития международных отношений в Европе, выявлены и изучены обусловившие заключение договора тенденции внешней политики России.

Вместе с тем отсутствие монографических исследований русско-польских отношений 80-х гг. XVII в. до сих пор дает о себе знать — историки вынуждены черпать фактический материал из рукописей диссертаций[83]. Импульс, заданный в исследовании Вечного мира в середине XX в. — изучение договора в широком международном контексте, определил направление исследования проблемы вплоть до сегодняшнего дня. В результате получился своеобразный парадокс: при достаточно хорошо освещенном общем значении договора без внимания историков остался сам Вечный мир — подготовка сторон к его заключению, процесс переговоров, формирование текста, история польского посольства в Москву и ответного русского — во Львов.

III. В отдельное течение историографии Вечного мира 1686 г. можно выделить направление, условно обозначенное как украинское. К нему принадлежат не только труды собственно украинских историков, но и работы авторов, рассматривавших данную проблематику в более или менее едином русле, с точки зрения Украины как субъекта исторического процесса. Поэтому к украинской историографии мы относим также работы ряда представителей русской дореволюционной, советской, украинской эмигрантской (в нашем случае — межвоенного периода) историографии.

Одним из родоначальников «украинского» направления в историографии был Н.И. Костомаров, видевший своей главной задачей изучение истории не государст-

ва, а — народа, социальной истории. Будучи сторонником равноправного, свободного развития всех славянских народов на основе их объединения в федерацию, он уделил в своем научном творчестве особое внимание Украине и связанным с ней русско-польским отношениям XVII в. В этом нашло отражение влияние на историка идей революционно-демократического лагеря в общественном движении. Описывая обстоятельства заключения Вечного мира 1686 г., Костомаров подробно остановился на консультациях Московского правительства с гетманом И. Самойловичем накануне приезда в Москву польского посольства, когда тот фактически выступил против договора, и исследовал политику гетмана после заключения Вечного мира. Историк не рассматривал сам процесс русско-польских переговоров, отметив только важный для судеб Малороссии эпизод, касавшийся споров о землях на Правом берегу Днепра [84]. Костомаров полагал, что «дружба и союз России и Польши, состряпанные искусственно, сшитые на живую нитку», грозили скорым распадом [85]. Вечный мир, по его мнению, не учитывал интересов украинского народа: желания московских дипломатов расходились со стремлениями малороссиян, которые «отбивались и руками и ногами» от союза с Речью Посполитой. Договор 1686 г., обозначив окончание эпохи «руины» и войны за Малороссию, в то же время, утверждал Костомаров, оставил «народный малороссийский вопрос того времени неразрешенным так, как хотел разрешить его весь народ малороссийский» [86].

Идеи Н.И. Костомарова получили дальнейшее развития в трудах М.С. Грушевского, выдвинувшего националистическую концепцию истории украинского народа и Украины-Руси. Историк впервые ясно сформулировал тезис о складывании после 1648 г. украинского государственного образования — Гетманщины: «Схема автономной украинской жизни еще не успела уясниться с достаточной определенностью и для самих украинских политиков, но фактически начиная с 1648 г. восставшая Украина жила вполне самостоятельной политической жизнью и вокруг старшины и ее гетмана, стоявших в центре ее политической жизни, постепенно нарастали функции и компетенции общегосударственного управления». Рассматривая с этих позиций события на Украине в XVII — начале XVIII в., М.С. Грушевский указывал на произошедшее в 1663 г. «политическое раздвоение Восточной Украины на два гетманства, из которых одно находилось под властью Москвы, другое под верховенством Польши». Одновременно он называл Андрусовский договор 1667 г. «решительной изменой» со стороны России «обязательствам», взятым на себя ею при присоединении Украины. По его мнению, Вечный мир зафиксировал раздел украинского государства и положил начало его ликвидации. «Московско-польские договоры второй половины XVII в., окончательно отделившие Заднепровье и Киев от Правобережья, — констатировал Грушевский, — приготовили новый культурный а затем и религиозный раскол» [87].

Традиции М.С. Грушевского в 1920–1930-е гг. были продолжены представителями украинской эмигрантской историографии, заимствовавшими его тезис о разделе Украины между Россией и Речью Посполитой. А. Яковлев назвал Вечный мир третьим разделом Украины, вслед за Андрусовским перемирием 1667 г. и Бахчисарайским перемирием 1681 г., считая его заключение противоправным, по-

скольку оно противоречило договорным статьям Войска Запорожского и Москвы 1674 г. Аналогичного мнения придерживался Д. Дорошенко[88].

Украинский советский историк И.П. Крипьякевич полагал, что война с Портой, которую намеревались вести Россия и Речь Посполитая после заключения Вечного мира, отвечала чаяниям украинского народа, однако ни Москва, ни Варшава не собирались принимать их во внимание, преследуя только собственные цели. Поэтому И. Самойлович и казацкая старшина относились к заключению Вечного мира с недоверием[89]. Исследования политики украинского гетмана по отношению к русско-польским переговорам о Вечном мире и его участия в формировании позиции московских дипломатов накануне переговоров продолжили В. Станиславский, В. Степанков, Т. Чухлиб[90].

В целом современная украинская историография рассматривает Вечный мир в традициях своих идейных предшественников, начиная с Н.И. Костомарова и М.С. Грушевского[91]. Характерной чертой новейших концепций истории Украины второй половины XVII в. является, с одной стороны, утверждение, что гетманщина была фактически независимым государством, а с другой — стремление переложить на Россию и отчасти на Речь Посполитую всю ответственность за его судьбу. На этом основании украинские историки трактуют Вечный мир и Андрусовское перемирие как причины раздела Украины.

Концепции украинской историографии по проблемам предыстории Вечного мира 1686 г. разделяются и некоторыми российскими историками. Так, российская исследовательница Гетманщины из Санкт-Петербургского университета Т.Г. Яковлева назвала русско-польские договоры 1667 и 1686 гг. «явным нарушением всех договорных статей, начиная с Переяславского договора 1654 г.»[92].

IV. Среди зарубежных историков первым достаточно подробно русско-польский договор 1686 г. рассмотрел швейцарский историк Отто Форст де Баттаглия, автор известной биографии Яна Собеского. Анализируя внешнюю политику польского короля, он исходил из тезиса, что «верность Лиге и победа над турками были для Польши первой жизненной необходимостью». Это обусловило заключение мирного договора с Россией, который, по мнению историка, всего лишь подтверждал фактическое положение вещей в соответствии с нормами международного права. Все это с лихвой компенсировалось присоединением Москвы к антитурецкой лиге. Недовольство части польско-литовской политической элиты Вечным миром автор называл демагогичным, не имеющим ничего общего с действительной пользой Речи Посполитой[93].

Проблематика Вечного мира и, шире — русско-польских отношений второй половины XVII в. получила освещение в трудах английских и американских историков[94]. Эти работы, основанные на опубликованных источниках и литературе, вносят мало нового в исследование проблемы по сравнению с польской и российской историографией. Однако их появление свидетельствует о научном значении поставленной проблемы, которую указанные авторы рассматривают не столько как завершение русско-польского противоборства XVII в., а в перспективе становления российского великодержавия в XVIII в. Подобным же образом значение Веч-

ного мира, который означал вхождение России в антиосманскую коалицию и в итоге способствовал укреплению ее международного авторитета, расценили болгарская исследовательница Искра Илиева[95] и венгерский историк Шандор Гебеи[96].

С этой точки зрения подошел к проблеме Вечного мира и известный турецкий историк Халил Иналджик, высказав при этом весьма радикальные и небесспорные суждения. Уделяя внимание крымско-османскому фактору в отношениях Речи Посполитой и России, он писал о ловкости московских дипломатов, умело сыгравших и на стремлении Порты не допустить вступления Москвы в войну, и на желании членов Лиги видеть Россию в составе коалиции. Одновременно русские дипломаты развили бурную деятельность в Крыму, желая, по его словам, не допустить союза хана с Варшавой, и даже якобы добились признания российского суверенитета над Украиной со стороны Порты и Речи Посполитой. Говоря о неудачных крымских походах В.В. Голицына, турецкий историк приходит к парадоксальному выводу, что они показали всю безнадежность положения Крымского ханства перед российскими войсками. Присоединение России к Священной лиге, считал Х. Иналджик, означало не только превращение ее в полноправную европейскую державу, но и привело к проникновению России в Причерноморье и в конечном итоге к сокрушению могущества Османской империи[97].

В подходах немецкой историографии к истории польско-российских отношений рассматриваемого периода преобладает точка зрения, что их характер определялся почти исключительно борьбой «за наследие Киевской Руси»[98], что русско-польское противоборство во многом повлияло на становление украинской идентичности и формирование украинской нации[99]. В обобщающих трудах по истории международных отношений на рубеже XVII–XVII вв. и истории Священной лиги проблема Вечного мира только констатируется, но практически не подвергается рассмотрению и анализу[100]. Опираясь на выводы З. Вуйчика, как один из этапов конфронтации двух «империй» — польской и российской, длившейся с XIV до XX в., рассматривал Вечный мир австрийский историк Вальтер Лейч. Говоря о заключенном в 1686 г. русско-польском военном союзе, он отмечал, что ни одна из сторон поначалу не получила от него выгоды по причине военной слабости как России, так и Речи Посполитой[101].

V. Использованные в работе исторические источники можно условно разделить на три разряда. К первому принадлежит сам польско-российский договор 1686 г., его проекты и редакции. Два других включают в себя соответственно источники польского и русского происхождения. Такое разделение объясняется не только очевидной симметрией в освещении польско-российских отношений, но и историческими особенностями формирования источниковой базы в России и в Польше.

Главная особенность польской источниковой базы заключена в практическом отсутствии архивов государственных учреждений, отвечавших за внешнюю политику. Дипломатические документы оказались рассеяны по крупным фамильным архивам, по другим собраниям и коллекциям документов — Чарторыских, Потоцких, Замойских, Радзивиллов и др.

Отдельно в этой связи хотелось бы сказать о т. н. «портфелях» Нарушевича. В 1775 г. польский король Станислав Август Понятовский поручил своему приближенному — епископу смоленскому и эмаусскому Адаму Нарушевичу написание «Истории польского народа». Епископ не успел выполнить задание (подготовленный им 1-й том «Истории...» вышел уже после его смерти в 1836 г.), однако возглавленный Нарушевичем коллектив, начиная с 1781 г., провел важную работу по сбору и систематизации источников для задуманного труда, облегчив труд последующих поколений историков. Представляют большую ценность собранные им материалы, распределенные по «портфелям» в хронологической последовательности. Они включают самые разнообразные документы, в т. ч. и выписки из Метрик Коронной и Литовской, несвижского архива Радзивиллов (фактически Архива Великого княжества Литовского), собраний Залуских, Чарторыских, Потоцких, Сапег, Четвертинских, Ходкевичей и др., архивов городов Гданьска, Кракова, Сандомира и др., личного архива Станислава Августа и т. д.[102]. Ныне «портфели» А. Нарушевича (сам он именовал их «Acta regum et populi Poloni»[103]) хранятся в составе собрания Библиотеки Чарторыских в Кракове. Источники, посвященные русско-польским переговорам 1683–1686 гг., занимают в общем массиве документов за эти годы («портфели» 179, 180, 181) не последнее место.

Возникновение польских источников часто было обусловлено не деятельностью учреждения, а их принадлежностью отдельным лицам, занимавшим государственные и общественные должности (королю, канцлерам, сенаторам и т. п.), политическим деятелям из магнатской и шляхетской среды, иногда людям малозначительным и невысокого происхождения, но в силу обстоятельств оказавшимся участниками и свидетелями важных событий.

Подобные источники имеются и в других странах, в частности и среди русских источников. Однако в государствах с развитым бюрократическим аппаратом, к которым принадлежали все великие державы, подобные источники (фамильные архивные собрания) составляют меньшую часть в сравнении с архивами государственных учреждений, в составе которых такие, принадлежавшие отдельным лицам источники, как правило, и сохранились. При этом в России архивные собрания личного происхождения отдельно от фондов учреждений начинают формироваться только в XVIII в.

Еще одной особенностью польских источников было то, что по разным причинам значительная часть документов, объем которой невозможно оценить даже приблизительно, оказалась утраченной в ходе войн, восстаний и других обстоятельств, негативно сказавшихся на архивных собраниях Польши. Поэтому многие польские источники XVII в. нередко являются вторичными, т. е. содержащими информацию, почерпнутую из других источников, не сохранившихся до нашего времени.

Известно несколько публикаций русско-польского договора о Вечном мире. Это прежде всего текст, опубликованный в Полном собрании законов Российской империи[104], уже упоминавшееся польское издание договора о Вечном мире, в котором ценность представляет цветное факсимиле оригинала, полученного польской стороной экземпляра[105]. Оригинал текста хранится в польском Государст-

венном архиве древних актов в Варшаве в составе Коронного архива. Стоит упомянуть и несколько измененный текст Вечного мира, включенный в Volumina legum в 1710 г.[106]. Множество «списков» с текста Вечного мира находится среди посольских книг и столбцов фонда 79 РГАДА[107]. Все они практически полностью идентичны тексту, опубликованному в «Полном собрании...». Оригинал русского экземпляра договора, хранящийся в Архиве внешней политики России, мы в нашем исследовании не использовали.

Источники польского происхождения по содержанию и по типу можно разделить на три основные группы: 1) дипломатическую документацию; 2) переписку Яна Собеского, представителей магнатов и шляхты; 3) документы польского сейма и сената. К первой группе принадлежат инструкции польским посольствам, направляемым за границу, в частности в Россию. В них формулировались политические задачи посольства. К сожалению, инструкция польского посольства, прибывшего в Москву в 1686 г., пока не обнаружена в архивах, так же как и инструкция для польско-литовских комиссаров, направленных на Андрусовскую комиссию 1684 г. Об их содержании мы можем судить по косвенным упоминаниям в других источниках.

На сегодняшний момент известны три инструкции послам и посланникам Речи Посполитой в Россию за период 1681–1686 гг. Это инструкция послу Станиславу Невестинскому (1681 г.), гонцу Станиславу Бентковскому (1682 г.), посланнику (гонцу) Яну Зембоцкому (1683 г.). Все они хранятся в архивах Польши и России (Литовская метрика). Кроме того, в архивном собрании Замойских находится инструкция («записка»), составленная в 1682 г. для Иосифа Лядинского, который не имел официального дипломатического статуса и должен был вести в Москве неофициальные переговоры. Все эти документы играют важную роль при реконструкции внешнеполитического курса Речи Посполитой в отношении России.

Наиболее содержательными источниками первой группы являются диариуши (букв. «дневник») посольств, в которые заносились каждодневные записи о деятельности послов, описания имевших значение для дипломатической миссии событий, записи переговоров и т. д. Сочетая в себе форму журнальной и протокольной записи ежедневных отчетов, диариуши содержат наиболее подробную и достоверную информацию. Они составлялись как для официальной отчетности, так и частными лицами для собственных нужд. Известны два диариуша переговоров о Вечном мире. К сожалению, нам оказался недоступен тот из них, рукопись которого находится в собственности профессора З. Вуйчика. Этот факт отчасти компенсирует то, что его содержание подробно изложено в работах польского историка. Второй документ не являлся официальным диариушем посольства. Он был составлен неизвестным автором, предположительно — дворянином литовской части делегации и опубликован в XIX в.[108]. Что касается другого важного этапа переговоров о Вечном мире — Андрусовской комиссии 1684 г., то польские записи переговоров на ней сохранились в Архиве Замойских и «портфелях» Нарушевича. Некоторые из этих источников, наряду с другими, были опубликованы в старинном издании Анджея Залуского «Epistolae historicum familiarium» в переводе на латинский язык[109].

В собрании Потоцких Главного архива древних актов в Варшаве сохранился также диариуш переговоров С. Невестинского (1681 г.), а также частично — Я. Зембоцкого, который вел переговоры в Москве в 1685 г.

Наряду с инструкциями и диариушами, к дипломатической документации принадлежат реляции посольств. В нашем случае это две реляции главы польско-литовской делегации на Андрусовскую комиссию 1684 г., а затем главы посольства Речи Посполитой в Россию в 1686 г. — познанского воеводы Кшиштофа Гжимултовского. Реляции дают нам ценный фактический материал, изложенный, однако, в интерпретации составителя так, чтобы в наиболее выгодном для польской стороны и самого посла свете представить результаты возложенной на посольство миссии, что следует учитывать при анализе этих источников. Реляция К. Гжимултовского 1686 г. была опубликована в XIX в.[110].

Дипломатическая документация дополняется официальными грамотами польского короля и Речи Посполитой, адресованными иностранным дворам, в первую очередь московским царям. В нашем исследовании мы использовали как оригиналы грамот, так и их переводы, хранящиеся среди документов Посольского приказа.

В связи особенностями польско-литовской политической системы приобретает особое значение составляющая вторую группу польских источников переписка короля, представителей магнатов и шляхты, занимавших ключевые посты в Речи Посполитой. Она дополняет, а часто и заменяет несохранившиеся официальные документы внешней политики шляхетской республики, помогает получить представление о выработке внешнеполитического курса польско-литовского правительства, объясняет причины тех или иных его шагов на международной арене, политику магнатских группировок в отношении соседних стран, борьбу королевского двора и оппозиции по вопросам отношений с другими государствами и т. д. Такая корреспонденция, рассеянная по самым разным архивным собраниям Польши, представляет собой как подборки писем, так и единичные документы. Особый интерес для нас представляет фонд подканцлера Великого княжества Литовского Станислава Антония Щуки в составе Публичного архива Потоцких, переписка Яна Собеского с литовским подканцлером М.К. Радзивиллом и др. Важное значение имеют также две публикации подобных источников, относящиеся к XIX в.[111], а также издание, содержащее записи речей и письма К. Гжимултовского[112].

Документация, связанная с деятельностью польско-литовского сейма, составляет третью основную группу источников польского происхождения. Обладая всей полнотой власти в шляхетской республике, сейм играл решающую роль как в области внутренней политики, так и в выработке внешнеполитического курса Речи Посполитой. О взаимоотношениях польского короля и собравшихся на сеймики и на сейм магнатов и шляхты, о внешнеполитической программе монарха и его сторонников свидетельствуют королевские инструкции на предсеймовые сеймики и рассылавшиеся сенаторам письма deliberatoria. Документы, касающиеся самого сейма, — диариуши сеймов, записи выступлений на сеймах сенаторов и послов (депутатов сейма), секретные постановления — script ad archiwum и сеймовые конституции, помещенные в Volumina Legum, раскрывают механизм принятия и

содержание решений сеймов по вопросам внешней политики. На сейме давали отчет послы, направленные в другие государства по решению предыдущего сейма, давались аудиенции послам и резидентам иностранных держав. В период между сеймами большое значение имели сенатские советы — senatus consilia, решения которых, не являвшиеся обязательными для короля, назывались senatus consulta.

Три основные группы польских источников дополняют дневники и политические сочинения мемуарного характера. Некоторые аспекты русско-польских отношений 1683–1684 гг. освещает дневник витебского воеводы Яна Антония Храповицкого, рукопись которого хранится в Краковском национальном музее.

Свидетельства польских источников могут быть дополнены опубликованными документами дипломатического характера из архива Ватикана [113].

VI. Источники русского происхождения — это в основном материалы из хранящихся в РГАДА фондов Посольского приказа, касающиеся сношений России с Речью Посполитой (фонд 79), а также с другими государствами — Австрией, Османской империей, Крымским ханством, Францией. Их можно разделить на 5 основных групп: 1) документация направляемых за границу или на пограничный съезд русских посольств; 2) посольские книги и столбцы Посольского приказа, отразившие деятельность внешнеполитического ведомства в Москве и ход переговоров с послами и посланниками в российской столице; 3) переписка польских дипломатов с руководством Посольского приказа, снабженная переводами того времени и приказными пометами; 4) материалы о внутреннем положении Речи Посполитой и внешней политике шляхетской республики, состоящие из различных документов как русского, так и польского происхождения, собранных в Москве в Посольском приказе; 5) грамоты русским царям от иностранных государей и отпуски (копии) ответных царских грамот.

К документации русских посольств относятся наказы и памяти послам, посланникам и гонцам в Речь Посполитую и другие страны. В них сформулированы цели внешней политики России, раскрываются конкретные задачи, поставленные перед послами московским правительством. Из наказов и памятей видно, какие тенденции в польской внутренней и внешней политике интересовали русские правящие круги. Наиболее подробную информацию дают статейные списки послов — своеобразная летопись посольства, фиксировавшая все важнейшие события — переговоры, получение почты из Москвы, собранные послами сведения и т. д. Статейные списки являются исчерпывающим источником о ходе посольства *. Их информация дополняется корреспонденцией, которую присылали послы в Посоль-

* Статейный список (точнее, та его часть, которая была посвящена переговорам) составлялся непосредственно на переговорах и представлял собой своеобразную стенограмму. Причем делалось это как русской, так и польской (либо другой) стороной (польский аналог статейного списка — диариуш). Подтверждение этому находим в источниках. В 1684 г. в ходе переговоров в Андрусове русские послы говорили польскому посланнику: «Давное то обыкновение есть такое, розговор (т. е. то, о чем говорят дипломаты в ходе официальной встречи. — *К. К.*) в тож время с обоих сторон записывают» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 128–130).

ский приказ, с докладами о ходе переговоров, о возникших трудностях, в случае, когда требовалось решение, выходившее за рамки данного им наказа, или в других непредвиденных обстоятельствах. Реакцию на донесения послов руководства Посольского приказа отражают отпуски царских грамот к послам, в которых им давались дополнительные инструкции.

Вторая группа русских источников отразила ход переговоров 1681–1686 гг. в Москве. Центральное место в этой группе занимают посольские книги, составлявшиеся в Посольском приказе. Их материалы дополняются столбцами, также содержащими информацию о ходе переговоров, черновые редакции договоров, не вошедшие по каким-то причинам в посольскую книгу.

Третья группа объединяет переписку польских послов с руководством Посольского приказа. Она, как правило, касается второстепенных вопросов — снабжения посольства, личных просьб дипломатов. Однако письма послов, направленные руководителю русской внешней политики В.В. Голицыну уже после заключения договора о Вечном мире, затрагивают более важные проблемы — реализацию условий заключенного соглашения.

К четвертой группе источников относятся документы, касающиеся сбора информации Посольским приказом о внутренней и внешней политике Речи Посполитой. Особый интерес здесь представляют отписки воевод пограничных городов, а также имеющие особое значение отписки смоленского дворянина Назария Краевского, поставлявшего подробную и ценную информацию и поддерживавшего связи с Августином Константиновичем, одним из ближайших клиентов воеводы троцкого, а затем канцлера Великого княжества Литовского Марциана Огинского. Интерес также представляют переводы с рукописных и печатных «газет» того времени — т. н. вестовые письма, освещавшие различные события в Речи Посполитой и Европе и собиравшиеся Посольским приказом. Однако к информации вестовых писем необходимо подходить критически, поскольку они часто содержат непроверенные данные и попросту слухи.

Пятую группу составляют официальные грамоты московским государям от глав иностранных государств — императора Священной Римской империи и папы римского, польского короля, венецианского дожа, крымского хана и турецкого султана, а также копии ответных царских грамот.

Помимо польских дел Посольского приказа были также привлечены фонды, посвященные отношениям со Швецией (фонд 96), Францией (фонд 93) и Крымским ханством (фонд 123). Дипломатические документы, касающиеся русско-польских отношений 80-х гг. XVII в., практически не публиковались, за исключением отдельных, малозначительных материалов русско-польской комиссии в Андрусове в 1683–1684 гг.[114] и русско-австрийских переговоров 1684 г. о присоединении России к Священной лиге и заключении русско-польского мира[115].

Не менее важны для изучения русско-польских отношений рассматриваемого периода объединенные в особую группу документы, касающиеся отношений Московского правительства с гетманом Иваном Самойловичем. Это в первую очередь: 1) царские грамоты гетману и его ответные грамоты царям; 2) документы, касаю-

щиеся совещаний московского правительства с гетманом по вопросам сношений с Речью Посполитой и Крымом, — наказы московским посланникам, выезжавшим в Батурин, и их статейные списки; письма и инструкции И. Самойловича; 3) документы, присылавшиеся гетманом в Москву и содержавшие информацию о внутренней и внешней политике Речи Посполитой, — распросные речи купцов и выходцев с Правобережья, «прелестные письма», распространявшиеся польской стороной на Левобережье и т. д. Все эти документы, хранящиеся в фондах Малороссийского и Посольского приказов, из которых опубликована самая малая часть[116], дают представление о значении Украины во внешней политике России и о влиянии украинских правящих верхов на внешнеполитический курс московского правительства во второй половине XVII в. — явления, не получившего пока должного освещения в историографии.

Важное место среди источников принадлежит также документам внутренней политики Российского государства, в различной степени связанным с внешней политикой. Это распоряжения городовым воеводам, жалованные грамоты служилым людям, документы, касающиеся донского казачества и калмыцких племен[117]. Представляет интерес «Гистория о царе Петре Алексеевиче» князя Б.И. Куракина — сочинение известного дипломата Петровской эпохи, написанное им в 1723 г. как раздел задуманного капитального труда «Гистория Славянороссийской империи», но фактически являющееся источником мемуарного характера. Этот труд ценен тем, что дает важные и уникальные свидетельства борьбы боярских группировок в правительстве по вопросу заключения договора о Вечном мире[118].

Комплекс источников, использованный в данной работе, включает опубликованные и обнаруженные на данный момент в архивах Польши и России документы, посвященные русско-польским отношениям 1680–1686 гг. и заключению договора о Вечном мире. Многие из них впервые вводятся в научный оборот. Использованные источники позволяют с достаточной полнотой осветить избранную проблему, в т. ч. подготовку и заключение договора о Вечном мире, а также роль в русско-польских отношениях украинского и крымско-турецкого факторов; дают возможность сопоставить данные русской и польской стороны в изложении многих важных моментов во взаимоотношениях двух стран, восстановить максимально достоверную картину тех или иных событий. Специфика польской и российской источниковых баз, о которой уже говорилось, предопределяет и то, что русские и польские источники взаимно дополняют друг друга. Так, частная корреспонденция и секретные реляции польских и литовских дипломатов позволяют в ряде случаев пролить свет на неофициальную деятельность русской дипломатии, которая не получила отражения в документации Посольского приказа, а последняя позволяет осветить те официальные события русско-польских отношений, документы о которых в польских архивах не сохранились.

С опорой главным образом на источниковую базу рассматривается внешняя политика России первой половины регентства царевны Софьи, поскольку в отечественной историографии отсутствуют специальные труды по данной проблематике, освещающие ее на необходимом уровне. Многие аспекты внешнеполитической

истории Речи Посполитой указанного периода исследованы на основе польской литературы с привлечением польских архивных документов.

* * *

От души благодарю Институт славяноведения РАН, в котором была выполнена эта работа, а также Институт истории Польской академии наук, Институт истории Варшавского университета, Российский государственный архив древних актов, Главный архив древних актов в Варшаве, Государственную публичную историческую библиотеку России и Национальную библиотеку Республики Польша за неоценимую помощь и поддержку в работе на книгой. Хотелось бы выразить благодарность Правительству Республики Польша и Кассе им. Юзефа Мяновского за предоставленную возможность длительное время работать в польских архивах и библиотеках. Приношу сердечную благодарность российским, польским и украинским коллегам, помогавшим автору в его научных изысканиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Маныкин А.С.* Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Введение в теорию международных отношений. Учебное пособие. Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2001. С. 13–16.

[2] *Степанова Е.А.* Современные концепции изучения международных отношений (конец 1970–1990-е гг.) // Там же. С. 93–94.

[3] *Lelewel J.* Historia, obraz dziejów Polski // Dzieła. T. 7. Warszawa, 1961. S. 375; *Tegoż.* Dzieje Polski, potocznym sposobem opowiedziane // Ibid. S. 179.

[4] *Rogalski L.* Dzieje Jana III Sobieskiego, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego. Warszawa, 1847. S. 240, 255.

[5] *Szujski J.* Dzieje Polski. T. 4. Lwów, 1866. S. 98–100.

[6] *Jabłonowski A.* Krzysztof Grzymułtowski, wojewoda poznański. Żywot. // Źródła dziejowe. T. 1. Warszawa, 1876. S. CI–CXIV.

[7] *Darowski A.* 30 lat traktatów pokojowych (1656–1686) // Szkice historyczne. Seria 2. Sankt-Petersburg, 1895. S. 551–552.

[8] *Lenkiewicz W.* Udział Rosji w pokoju Karłowickim 1699. Lwów, 1901.

[9] *Konopczyński W.* Dzieje Polski Nowożytnej. Warszawa, 1936. S. 108–111. *Tegoż.* Polska a Turcja. 1683–1792. Warszawa, 1936. S. 16, 23.

[10] *Laskowski O.* Jan III Sobieski. Lwów, 1933. S. 175, 262–264, 291.

[11] *Piwarski K.* Polska a Francja po roku 1683. Kraków, 1933. S. 39; *Tegoż.* Między Francją a Austrią. Z dziejów polityki Jana III Sobieskiego w latach 1687–1690. Kraków, 1933. S. 4–5. *Tegoż.* Osłabienie znaczenia międzynarodowego Rzeczypospolitej w drugiej połowie XVII wieku // Roczniki Historyczne. Rocznik XXIII. Poznań, 1957. S. 252.

[12] *Czołowski A.* Łzy króla Jana III. Epizod z przeszłości kamienicy królewskiej we Lwowie // Księga pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera. T. 1. Lwów, 1925. S. 163–182.

[13] Основные труды по русско-польским отношениям: *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski i jego geneza. Warszawa, 1959; *Tegoż.* Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki

polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968; *Tegoż.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji. 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976. Полную библиографию работ см.: Między Wschodem i Zachodem: Rzeczpospolita w XVI–XVIII wiekach. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcikowi w siedemdziesiątą rocznice urodzin. Warszawa, 1993. S. 1–12; КН. Rocznik CIX. 2002. № 3. S. 9–12.

[14] *Wójcik Z.* Jan Sobieski. Warszawa, 1994 (1-e wyd. 1983). S. 374–379; *Tegoz.* Rokowania polsko-rosyjskie o «pokój wieczysty» w Moskwie w roku 1686 // Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Warszawa, 1994. S. 38–55; *Tegoż.* Epilog traktatu Grzymułtowskiego w roku 1686 // Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1994. S. 29–45.

[15] *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 38.

[16] *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie...; *Tegoż.* Jan Sobieski... S. 374–379. Оценки историком Вечного мира см. также в более ранних исследованиях: *Wójcik Z.* Zmiana w układzie sił politycznych w Europie Środkowo-Wschodniej w drugiej połowie XVII wieku // КН. 1960. T. 1. S. 53; *Tegoż.* Znaczenie wieku XVII w historii stosunków polsko-rosyjskich // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 2. Historia. Prace na V Międzynarodowy kongres slawistów w Sofii. 1963. Warszawa, 1963. S. 91; *Tegoż.* Dzieje Rosji. 1533–1801. Warszawa, 1971. S. 174–175, 210; *Tegoż.* Międzynarodowe położenie Rzeczypospolitej // Polska XVII wieku. Państwo — społeczeństwo — kultura. Warszawa, 1974. S. 40; *Tegoż.* Dyplomacja polska w okresie wojen drugiej połowy XVII w. (1648–1699) // Historia dyplomacji polskiej. T. 2. 1572–1795. Warszawa, 1982. S. 235–237.

[17] *Wójcik Z.* Epilog traktatu Grzymułtowskiego...

[18] *Perdenia J.* Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII–XVIII wieku. Wrocław, 1963. S. 47–58.

[19] *Serczyk W.A.* Historia Ukrainy. 3-e wyd. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2001. S. 130.

[20] *Bendza M.* Tendencje unijne względem cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686. Warszawa, 1987. S. 141–223.

[21] Ibid. S. 203–212.

[22] *Maroń J.* Echa traktatu Grzymułtowskiego na sejmach 1688 i 1688/89 r. // Studia z dziejów nowożytnych. Wrocław, 1988. S. 93–94.

[23] *Kamiński A.S.* Republik vs Autocracy. Polish-Lithuania and Russia 1686–1697. Cambrige (Massachusetts), 1993. P. 1, 71.

[24] Traktaty pokojowe pomiędzy Rzeczpospolitą a Rosją w XVII wieku. Мирные договоры между Речью Посполитой и Россией в XVII веке. Kraków, 2002. S. 7–21.

[25] Ibid. S. 48–65.

[26] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России по 1800 год. Ч. 3. М., 1897. С. 157.

[27] *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. СПб., 1903. С. 318–320.

[28] *Капустин М.* Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII-го в. М., 1852. С. 23–24.

[29] *Щебальский П.* Правление царевны Софьи. М., 1856. С. 83–98.

[30] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 125–137.

[31] Там же. С. 152–169.

[32] Там же. С. 125, 169–172.

[33] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. М., 1991. С. 180–181.

[34] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 361–363.

[35] *Волков А.А.* Россия и Польша в XVII столетии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1865. № 2. С. 68.

[36] *Эйнгорн В.* Дипломатические отношения Московского правительства с Правобережною Малороссией в 1673 году // ЖМНП. 1898. Май. С. 119.

[37] *Иконников В.С.* Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, один из предшественников петровской реформы // Русская старина. Т. 40. СПб., 1883. С. 52; *Головачев П.* Значение Андрусовского перемирия для международных отношений Восточной Европы // Русская старина. Т. 115. СПб., 1903. С. 159–161.

[38] *Головачев П.* Указ. соч. С. 165.

[39] *Иловайский Д.И.* Отец Петра Великого. М., 1996. С. 462, 514, 516.

[40] *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 т. Т. 3. М., 1989. С. 332.

[41] *Титов Ф.И.* Окончательный переход Киева от Польши к России по договору о Вечном мире между ними в 1686 г. Киев, 1904. С. 1–24.

[42] *Никольский В.К.* Земский собор о Вечном мире с Польшей 1683–1684 гг. // Научные труды индустриально-педагогического института. Серия социально-экономическая. Вып. 2. М., 1928.

[43] *Белов М.Н.* К истории дипломатических отношений России во времена Крымских походов 1686–1689 гг. // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 14. Л., 1949. С. 154–155.

[44] Там же. С. 165.

[45] Там же. С. 171.

[46] *Белов М.Н.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 80–81.

[47] *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // ИЗ. Т. 33. М., 1950. С. 158–172.

[48] *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 года. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1950. *Копреева Т.Н.* Русско-польские отношения во второй половине XVII в. (от Андрусовского перемирия 1667 г. до Вечного мира 1686 г.). Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1952.

[49] *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 г. [Автореферат кандидатской диссертации] // Институт Славяноведения АН СССР. Краткие сообщения. Вып. 2. М., 1951. С. 88–90.

[50] *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 г. Кандидатская диссертация. М., 1950. С. 84.

[51] *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 г. Кандидатская диссертация... С. 9, 11; *Его же*. Вечный мир 1686 г. [Автореферат...]. С. 85, 89–90.

[52] *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 г. Кандидатская диссертация... С. 3.

[53] Там же. С. 378–379.

[54] Там же. С. 320–323.

[55] Там же. С. 280–320, 297, 307, 323–330, 346, 399, 406, 408–411, 422, 604, 623, 681.

[56] Там же. С. 194, 355, 439–440, 546.

[57] Там же. С. 565.

[58] Там же. С. 678–681.

[59] *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 г. [Автореферат...]. С. 98.

[60] *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 г. Кандидатская диссертация... С. 596–650.

[61] *Копреева Т.Н.* Русско-польские отношения во второй половине XVII в. (от Андрусовского перемирия 1667 г. до Вечного мира 1686 г.). Кандидатская диссертация. Л., 1952. С. XIX.

[62] Там же. С. III, X.

[63] Там же. С. 47 (примечание 1).

[64] Там же. С. 424.

[65] Там же. С. 484.

[66] Там же. С. 493.

[67] Там же. С. 505.

[68] Там же. С. 510–511; *Копреева Т.Н.* Русско-польские отношения... Автореферат... С. 20.

[69] См.: История Польши. Т. 1. М., 1956. С. 322–323; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 531–536. (Соответствующий раздел написан с участием И.Б. Грекова.); История Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1953. С. 321, 328–329.

[70] *Махатка О.* Взаимоотношения России, Австрии и Польши в связи с антитурецкой войной 1683–1699 гг. Кандидатская диссертация. Л., 1958. С. 1.

[71] Там же. С. 59–60.

[72] Там же. С. 65–68.

[73] Там же. С. 90.

[74] *Ковальский Н.П.* Деятельность русской дипломатии в 70–90-х гг. XVII в. по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. Днепропетровск, 1968. С. 167–172.

[75] *Французова Е.Б.* Из истории русско-польских отношений в последней трети XVII в. (по материалам межевых комиссий) // ИЗ. Т. 105. М., 1980. С. 287–288.

[76] История внешней политики России. XVII век. М., 1999. С. 271, 273; *Артамонов В.А.* Россия, Речь Посполитая и Крым: 1686–1699 гг. // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 6; *Копреева Т.Н.* Русско-польские отношения... Кандидатская диссертация. С. X.

[77] *Санин Г.А.* Итоги и задачи изучения внешней политики России // Советская историография. М., 1981. С. 271–272; *Его же.* Россия, Украина, Крым в XVII–XIX вв. // Россия и страны Ближнего Зарубежья. История и современность. М., 1995. С. 63; *Его же.* Антиосманские войны и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1996. С. 72; История внешней политики России. XVII век. М., 1999. С. 340; *Его же.* Украина в политических отношениях Российского государства и Османской империи // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 1. Київ, 2000. С. 343–344.

[78] *Артамонов В.А.* Россия, Речь Посполитая и Крым 1686–1699 гг. // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993. С. 29–30; *Его же.* Позиции гетманской власти и России на Украине в конце XVII — начале XVIII в. // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 89–99; *Его же.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 295–307.

[79] *Греков И.Б.* Московско-польский договор 1686 г. о союзе и «вечном мире» // Советское славяноведение. 1987. № 3. С. 27–43; *Его же.* Международное значение договора 1686 г. между Россией и Речью Посполитой // Przemiany w Polsce, Rosji, na Ukrainie, Białorusi i Litwie (druga połowa XVII — pierwsza połowa XVIII). Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991. С. 182–205.

[80] *Богданов А.П.* Василий Васильевич Голицын // «Око всей Великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв. М., 1989. С. 199–215; *Его же.* Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // ВИ. 2003. № 4. С. 26–46; *Его же.* Правление царевны Софьи // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 99. Ново-

девичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. С. 34–36 и др.

[81] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 31–33.

[82] *Шустова Ю.Э.* Посольские книги как источник по истории введения греко-католической унии на украинских землях в составе Речи Посполитой в 70–90-х гг. XVII в. // Источниковедение: поиски и находки: Сборник научных трудов. Вып. 1. Воронеж, 2000. С. 110–120.

[83] См. напр.: *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей...; *Богданов А.П.* Василий Васильевич Голицын...

[84] *Костомаров Н.И.* Руина. М., 1995. С. 380–384.

[85] *Костомаров Н.И.* Мазепа. М., 1992. С. 59.

[86] *Костомаров Н.И.* Руина... С. 377, 390.

[87] *Грушевский М.С.* История украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. СПб., 1914. Т. 1. С. 245–253, 261–263; *Его же.* Развитие украинских изучений в XIX в. и раскрытие в них основных вопросов украиноведения // Там же. С. 2–3; *Его же.* Очерк истории украинского народа. Киев, 1990. С. 228.

[88] *Яковлів А.* Українсько-московські договори в XVII–XVIII віках // Праці українського наукового інституту. Т. 19. Серія правнича. Кн. 3. Варшава, 1934. С. 118–119; *Дорошенко Д.* Нарис історії України. Т. 2. Від половини XVII століття // Праці українського наукового інституту. Т. 18. Серія підручників. Кн. 2. Варшава, 1932. С. 103–104.

[89] *Крип'якевич І.П.* Історія України. Львів, 1990. С. 208. Историк жил и работал во Львове до 1957 г. Следует сказать, что его взгляды не встретили поддержки в СССР. Многие его работы изданы только в начале 1990-х гг. Разделом Украины считала Андрусовский договор 1667 г. также А.М. Апанович. См.: *Апанович О.М.* Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії в 50–70 роки XVII ст. Київ, 1961. С. 207–208.

[90] *Станіславський В.* Статті гетьмана Самойловича щодо «вічного миру» // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 1. Київ, 2000. С. 348–357; *Степанков В.* Проблема возз'єднання козацької України в контексті міжнародних відносин Центрально-Східної Європи (остання чверть XVII ст.) // Там само. Вип. 2. Київ, 2002. С. 261–275; *Чухліб Т.В.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ, 2005. С. 346–356.

[91] *Гуржій О.І. Чухліб Т.В.* Україна крізь віки. Т. 8. Гетьманська Україна. Київ, 1999. С. 210–211; Українське козацтво. Мала енциклопедія. Київ, 2002. С. 79; *Чухліб Т.В.* Вказ. праця.

[92] *Яковлева Т.Г.* Мазепа — гетман: в поисках исторической объективности // Новая и Новейшая история. 2003. № 4. С. 46.

[93] *Battaglia Otto Forst de.* Jan Sobieski król Polski. Warszawa, 1983. S. 266, 276–278. 1-е изд.: *Battaglia Otto Forst de.* Jan Sobieski König von Polen. Eintiedeln; Zürich, 1946.

[94] *O'Brien C.B.* Russia under Two Tsars. 1682–1689. The Regency of Sophia Alekseevna. Berkley; Los Angeles, 1952. P. 85–104; *Lewitter L.R.* The Russo-Polish Treaty of 1686 and Its Antecedents // The Polish Review. 1964. № 3–4; *Hughes L.* Sophia Regent of Russia. 1657–1704. New Haven; London, 1990. P. 191–193.

[95] *Илиева И.* Русия и Свещената лига (1684–1699) // 300 години Чипровско въстание. Принос към историята на българите през XVII в. София, 1988. С. 272–285.

[96] *Гебеи Ш.* Роль России в антитурецкой войне Священной Лиги (1687–1700) // Место России в Европе (материалы международной конференции). Budapest, 1999. С. 198–210.

[97] *Галіл Іналджик.* Боротьба за східно-європейську імперію 1400–1700 рр. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 2. Київ, 2002. С. 128–135.

[98] См. напр.: *Zernack K.* Die Expansion des Moskauer Reichs nach Westen, Süden und Osten von 1648–1689 // Handburg der Gescichte Rußlands. Bd. 2(1). S. 123–152.

[99] См. напр.: *Zernack K.* Polen und Rußland — Zwei Wege in der europaische Geschichte. Berlin, 1994.

[100] См. напр.: *Eckhof E.* Venedig, Wien und die Osmanen. Umbruch in Süd — Osteuropa 1645–1700. München, 1970.

[101] *Leitsch W.* Russo-Polish Confrontation // Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick; New Jersey, 1974. P. 132, 152.

[102] *Grzybowski S.* Teki Naruszewicza. Wrocław, 1960. S. 10–13, 15–22, 22–58.

[103] Ibid. S. 7.

[104] ПСЗ. Т. 2. С. 770–786.

[105] Traktaty pokojowe pomiędzy Rzeczpospolitą a Rosją... S. 103–118.

[106] VL. T. 6. S. 73–82.

[107] См. напр.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 6; Там же. Д. 224. Л. 607 об.–702 об.

[108] «Wjazd jaśnie wielmożnych: Krzysztofa Grzmułtowskiego, wojewody poznańskiego <...>; Marcjana Aleksandra z Kozielska Ogińskiego kanclerza w. ks. lit. hrabi na Dubrownie <...>; Aleksandra Przyiemskiego, podstolego koronnego <...>; Jana na Potoku Potockiego kasztelanica kamienieckiego <...>, posłów pełnomocnych do Moskwy do Jana Aleksiejewicza i Piotra Aleksiejewicza braci rodzonych, carów rossyjskich, roku 1686, d. 19 lutego» // ŹDP. T. 2. S. 41–56.

[109] *Załuski A.* Epistolae historicum familiarium. T. 1. P. 2. Braunsberg, 1711.

[110] «Zdanie sprawy przed królem Janem III z poselstwa do Moskwy, zaczętego w roku 1685, a skończonego dnia trzeciego maja 1686 przez Krzysztofa Grzymułtowskiego, wojewodę poznańskiego» // ŹDP. T. 2. S. 3–35.

[111] ŹDP. T. 2; Listy z czasów Jana III i Augusta II, wydane przez G.B.U. i Władysława Skrzydyłkę. Kraków, 1870.

[112] Źródła dziejowe. T. 1. Krzysztofa Grzymułtowskiego, wojewody poznańskiego listy i mowy. Wydał A. Jabłonowski. Warszawa, 1876.

[113] *Theiner A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelovits, Fédor III, et Pierre le Grand czars de Russie extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859; Relacje nuncjuszów apostolskich o Polsce od roku 1548 do 1690. T. 2. Berlin; Poznań, 1864.

[114] ДАИ. Т. 10. С. 451–453; Т. 11. С. 41–51, 141–154, 241.

[115] ПДС. Т. 6.

[116] Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышом-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. 1. М., 1858. С. 281–293; *Станіславський В.* Вказ. праця. С. 348–385; ДАИ. Т. 11. С. 88, 164.

[117] ДАИ. Т. 10. С. 256–257, 287–289; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 4. СПб., 1836. С. 429–433; СГГД. Ч. 4. С. 505–509, 519–525.

[118] *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 39–40, 89–100. См. также: Куракин Борис Иванович // РБС. Т. [10]. Кнаббе — Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 578.

Глава 1

Речь Посполитая накануне войны с Османской империей. Русско-польские отношения в начале 1680-х гг.

I. Вторая половина XVII в. стала для Польско-Литовского государства временем потрясений, которых не знали ранее ни шляхетская Речь Посполитая, ни Польское королевство и Великое княжество Литовское[1]. Казацко-крестьянское восстание 1648 г. на Украине и принятие ее в подданство русского царя, начало в 1654 г. русско-польской войны, а в 1655 г. — шведского «потопа» поставило под угрозу само существование Речи Посполитой. В 1656 г. появляются даже планы раздела Польско-Литовского государства между Бранденбургом, Швецией и Трансильванией с участием украинского гетмана Богдана Хмельницкого и литовского магната Богуслава Радзивилла. Однако Речь Посполитая сумела преодолеть внешнеполитические трудности, что свидетельствовало о прочности сословного и политического строя республики, обладавшей весьма значительными людскими и материальными ресурсами.

Тем не менее последствия войн были тяжелейшими. В 1657 г. по Велявско-Быдгощским договорам Речь Посполитая признала суверенитет бранденбургского курфюрста в Княжеской Пруссии, до той поры бывшей леном польской короны. По Оливскому мирному договору со Швецией 1660 г. польский король Ян Казимир отрекался от права на Северную Лифляндию и на шведский престол. Наиболее тяжелые территориальные потери Речь Посполитая понесла по Андрусовскому перемирию с Россией 1667 г., уступив Смоленское, Черниговское и часть Киевского воеводств, включая и сам Киев. Результатом войн середины XVII в. стало ослабление международного значения Речи Посполитой.

Войны XVII в. разрушительно сказались и на экономике страны. Территориальные и людские потери привели к существенному сокращению ее хозяйственного потенциала. Была разорена и частично потеряна Украина — основа благосостояния и могущества крупнейших магнатских родов — Вишневецких, Потоцких, Конецпольских, Калиновских, Собеских и др. Большой ущерб был нанесен землям Великого княжества Литовского, людские потери которого, по разным оценкам историков, достигали 50%. Война вызвала сокращение посевных площадей, упадок ремесла и торговли.

Военные разорения не были единственной причиной ослабления Польско-Литовского государства во второй половине XVII в. Не менее важную роль играли причины внутреннего характера. Революция цен в Европе XVI в. стимулировала хлебный экспорт из Польши и Литвы через порты в Прибалтике на запад, что вызвало усиление роли крупного фольварка в экономике и власти землевладельца над крестьянами. Денежные поступления от внешней торговли способствовали обогащению шляхты, а также относительному росту королевских доходов и пополнению государственной казны. Рост доходности шляхетских и магнатских имений сказался на характере отношений господствующего сословия и королевской власти. Шляхта все больше превращалась в землевладельческое сословие в ущерб своей военной функции в государстве. С одной стороны, мелкие шляхетские владения экономически тяготели к магнатерии, а сами шляхтичи-землевладельцы в силу личных и поземельных связей — к магнатским родам, сторонниками и клиентами которых они нередко выступали. С другой стороны, из-за трудностей объявления и сбора посполитого рушения и по ряду других причин прямая военная повинность шляхты все чаще заменяется денежными «поборами», ложившимися на города и крестьян, а коронные и литовские войска комплектовались наемниками.

Во второй половине XVII в. экономическая ситуация в Европе существенно изменилась. В ходе Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Германия оказалась разорена, города пришли в упадок, а к востоку от Эльбы было восстановлено крепостничество. В результате спрос на зерно существенно сократился, а его предложение за счет немецких восточных земель было увеличено. Шведские завоевания в Прибалтике изменили баланс хлебной торговли в Северной Европе. Потребности Дании и скандинавских стран в зерне большей частью удовлетворялись за счет находившихся под властью Швеции остзейских областей. Таким образом, конъюнктура хлебной торговли складывалась не в пользу Польско-Литовского государства. Уменьшение спроса и падение цен на сельскохозяйственную продукцию в Европе, появление в XVII в. на западноевропейском рынке более дешевой продукции из России — зерна, пеньки, льна, корабельного леса, поташа — стало одной из причин снижения доходности барщинно-фольварочной системы хозяйства в Речи Посполитой.

Стремление шляхты сохранить свои доходы повлекло за собой увеличение крестьянских повинностей и усиление крепостничества, наступление на права городов, что негативно сказывалось на их экономике и на положении городского сословия в целом. В частности, получила распространение практика установления воеводами в интересах шляхты фиксированных цен на продукты городского производства с одновременным сохранением свободных цен на сельскохозяйственные товары. Шляхта добивалась также максимального освобождения своих имений от всех видов государственных налогов и повинностей, а также сокращения расходов республики. Раздавались даже голоса о передаче государственных финансов в ведение сеймиков и воеводских шляхетских корпораций.

В наибольшей степени сословное господство шляхты и ее стремление полностью сбросить с себя любую зависимость от государственной власти проявилось в

политической области. После смерти последнего короля из династии Ягеллонов (1572 г.) Речь Посполитая стала шляхетской республикой, в которой монарх избирался сеймом и подписывал pacta conventa — обязательства перед дворянством. Установившаяся политическая система характеризовалась ослаблением центральной власти, отсутствием постоянных налогов и постоянного войска, усилением роли местных дворянских корпораций и представлявших их собраний шляхты — сеймиков. Королевская власть лишалась главных рычагов обеспечения не только внутреннего единства страны, но и в значительной мере возможности противостоять внешним угрозам. В 1652 г. впервые в истории Речи Посполитой был сорван сейм с использованием права liberum veto, что положило начало частому срыву сеймов и свидетельствовало о начале кризиса этого политического института. Срыв сеймов привел к увеличению роли сената во второй половине XVII в. и соответственно роли магнатерии, что позволило многим польским историкам определить начавшийся период как эпоху правления магнатской олигархии.

События середины XVII в. должны были послужить уроком для польской политической элиты. В 1660-х гг. сторонники усиления королевской власти и проведения соответствующих политических реформ в республике группировались вокруг короля Яна Казимира и королевы Людвики Марии. Главной целью двора, пользовавшегося активной поддержкой Франции, было добиться выбора наследника при жизни Яна Казимира (т. н. элекция vivente rege), что позволило бы, как надеялись реформаторы, избежать кризиса «бескоролевья». Эти попытки вызвали к жизни сильную магнатско-шляхетскую оппозицию, и раньше сопротивлявшуюся усилению королевской власти, как это было, например, во время рокоша Зебжидовского в 1606–1607 гг. На этот раз оппозицией руководил крупный магнат Ежи Любомирский. Рокош Любомирского, завершившийся разгромом королевских войск под Монтвами в 1666 г., перечеркнул попытки реформ. После отречения Яна Казимира (1668 г.) на престол был избран не отличавшийся выдающимися способностями Михал Корибут Вишневецкий, сын знаменитого магната Иеремии. Он, по язвительному замечанию В. Конопчиньского, «хотя и владел восемью языками, ни на одном из них не мог сказать ничего интересного»[2]. Престиж королевской власти в 1670-е гг. был как никогда низок. Некоторые магнаты во главе с коронным гетманом Яном Собеским демонстративно не повиновались королю. Был сорван коронационный сейм 1669 г., а в течение 1670–1672 гг. — три сейма из четырех.

Со второй половины XVII в. становится заметным влияние дипломатии других стран на внутреннюю политику Речи Посполитой. Главную роль тут играли трое соседей Польско-Литовского государства — Австрия, Швеция и Бранденбург, а также Франция. В стране постоянно находились австрийский, французский, бранденбургский резиденты и папский нунций, которые подкупом и интригами привлекали на свою сторону тех или иных магнатов, мало считаясь при этом с королевской властью. Ярким примером такой деятельности стало организованное в Варшаве в 1670 г. бранденбургским резидентом, что называется под боком у короля, похищение полковника Кристиана Людвига фон Калкштейна — вождя оппозиции, действовавшей в Княжеской Пруссии против курфюрста Фридриха-

Вильгельма. Но все же главными иностранными «игроками» на польско-литовской внутриполитической арене были Австрия и Франция, борьба которых за влияние в Речи Посполитой являлась частью соперничества этих двух государств за европейскую гегемонию. Применительно к Речи Посполитой она выражалась в желании каждой из сторон видеть своего ставленника на польском престоле.

В 1660–1670-х гг. Речь Посполитая по замыслу французского короля Людовика XIV, наряду с Османской империей и Швецией, должна была стать частью т. н. антигабсбургского восточного барьера от Средиземноморья до Балтики. Именно поэтому французские дипломаты, стремясь к сохранению мирных отношений между Портой и Польско-Литовским государством, посредничали в 1660 г. при заключении Оливского мира со Швецией и Журавненского мира с Турцией[3]. Соответственно целью австрийской дипломатии и поддерживавшего ее Святого престола было недопущение присоединения Речи Посполитой к антигабсбургскому блоку и нормализации польско-турецких отношений. Направление османской экспансии на польские земли открывало перед Австрией возможность успешно противодействовать французскому натиску на своих западных границах.

Однако тогда иностранные дворы еще не ставили своей непосредственной стратегической задачей ослабление Польско-Литовского государства. Франция, например, стремясь в 1660–1680-е гг. удержать среди своих союзников сначала Яна Казимира, а затем Яна Собеского, поддерживала политику усиления королевской власти и идею элекции vivente rege. Бранденбург, Австрия и Швеция больше были заинтересованы в консервации существующей политической системы Речи Посполитой, что позволяло им не только сохранять, но и усиливать собственное влияние в стране.

И все же ошибочно было бы утверждать, что деятельность иностранных держав была решающим фактором, противодействовавшим проведению реформ, направленных на централизацию Польско-Литовского государства, что сторонники французской или австрийской «партий» были всего лишь наймитами (по-польски «jurgieltnik»), марионетками иностранных резидентов. Более близким к истине кажется мнение, что крупные магнатские группировки, выступая как самостоятельные субъекты внешней и внутренней политики, сотрудничали с бранденбургским, австрийским, французским резидентами и папским нунцием, руководствуясь при этом своими собственными интересами, которые, впрочем, часто отождествлялись ими с интересами всей Речи Посполитой. Получение тем или иным магнатом «пенсии» от иностранного резидента не означало, что он принимал на себя роль агента чужого двора. Магнаты брали жалованье и от нескольких резидентов одновременно, переходили из одного лагеря в другой, причем руководствуясь не только политическими интересами, но часто и личными симпатиями или антипатиями. При существующей политической системе каждый более или менее способный государственный деятель считал себя достойным не только высших государственных постов, но и короны.

В 1666 г. украинский гетман Правобережья П.Д. Дорошенко принял протекцию турецкого султана, дав возможность Османской империи, искавшей во внеш-

ней экспансии выхода из затяжного внутреннего кризиса, непосредственно вмешаться в борьбу за украинские земли. Перед этим османы стремились закончить длительную Кандийскую войну с Венецией, что давало Речи Посполитой передышку. Однако Польско-Литовское государство не воспользовалось представившейся возможностью для поиска союзников и стабилизации внутреннего положения. В 1672 г. османские войска вторглись в Подолию и после двух недель осады взяли крепость Каменец. Речь Посполитая, будучи совершенно не готова к войне, заключила Бучачский мир, расцененный в стране как «позорный». Сейм не утвердил этот договор, и война продолжилась. В самый ее разгар умер король Михал Корибут. В 1673 г. Ян Собеский нанес поражение турецко-татарскому войску при Хотине, но не смог продолжить кампанию, потому что литовский гетман Михал Казимеж Пац увел свои войска в Литву. Тем не менее победа открыла Собескому путь к короне.

Перед избранным в 1674 г. польским королем Яном III Собеским стояли непростые задачи. Главной из них, несомненно, было завершение войны с Османской империей и Крымским ханством. Эта задача была тесно связана с другой — нормализацией отношений с Россией, перемирие с которой истекало в 1680 г. Во внутренней политике важнейшей целью Яна Собеского стало проведение политической реформы, направленной на усиление королевской власти и централизацию страны. На этом пути предстояло преодолеть сопротивление магнатов, обладавших практически суверенной властью в своих имениях и не желавших усиления королевской власти. Можновладцев поддерживали многочисленные клиенты из числа мелкой шляхты, которая часто обеспечивала избрание на сеймиках нужных депутатов сейма. Массы мелкой и средней шляхты не были достаточно организованы, а отсутствие у них какой-либо идеологической платформы, кроме лозунга золотой шляхетской вольности вкупе с нежеланием шляхты нести повинности в пользу государства, делало также невозможным их выступление как опоры короля.

В Речи Посполитой отсутствовал социальный слой, на который польский король мог бы опереться в своих планах усиления королевской власти и централизации страны. Города были разобщены в сословном отношении и не имели достаточной политической силы, их представители не допускались на сейм. Не мог Собеский рассчитывать и на войско, бывшее в массе своей шляхетским, проникнутым шляхетской идеологией и предрассудками. Да и сам польский король был плоть от плоти шляхетской политической системы, носителем шляхетского сознания и политической культуры. Он не только не имел сил на осуществление государственного переворота и вооруженную расправу с оппозицией, но и внутренне не был способен к такому шагу [4]. Ян Собеский выбрал другой путь укрепления личной власти, тот, который принес ему корону, — путь проведения активной внешней политики.

В первый период правления (1674–1679 гг.) во внешней политике Ян Собеский опирался на Францию и ее союзницу Швецию, которым противостояли австрийские и испанские Габсбурги, Бранденбург, Голландия, Дания и некоторые немецкие государства. Польский король рассчитывал отобрать у Бранденбурга Княжескую Пруссию, которую хотел превратить в наследственное владение, чтобы таким путем основать в Польше собственную королевскую династию [5].

В осуществление этой программы, получившей в историографии название «балтийской политики»[6], польским королем были заключены два трактата — Яворовский с Францией (1675 г.) и Гданьский со Швецией (1677 г.). В 1677 г. в Варшаве был заключен также договор между выступавшими против власти Габсбургов венгерскими повстанцами («куруцами») и Францией. Коронный хорунжий Иероним Любомирский начал вербовку солдат для военных действий в Венгрии в поддержку куруцов. Однако заключенный в 1678–1679 гг. Нимвегенский мир между французским королем и его противниками совершенно не учитывал претензий польского короля к Бранденбургу. Это, вкупе с последовавшим вскоре после заключения мира сближением курфюрста Фридриха-Вильгельма с Францией, означало крах королевских планов «балтийской политики».

Серьезное сопротивление «балтийская политика» встретила и внутри Польско-Литовского государства не только со стороны магнатской оппозиции, поддерживаемой морально и материально папской, австрийской и бранденбургской дипломатиями. Причины внешнеполитических неудач Собеского коренились в самом политическом устройстве Речи Посполитой, когда сейм, от которого зависело утверждение налогов на войско, его аукция (увеличение) и редукция (сокращение), мог блокировать осуществление военных планов польского короля. Судьбы «балтийской политики» Собеского на варшавском сейме 1677 г. решались в борьбе между двором и оппозицией вокруг сокращения армии после заключения Журавненского мира 1676 г. Решение сейма о редукции войска с 22 270 до 13 000 ставок солдатского жалованья* означало существенное политическое поражение короля, хотя тот и пытался вербовать увольняемых солдат на свои собственные средства и на французские субсидии[7]. Упомянутое постановление сейма не только ослабляло позиции короля, но и снижало готовность вооруженных сил Речи Посполитой в случае военной опасности.

Важным элементом «балтийской политики» было сохранение мира с Османской империей. По Журавненскому мирному договору 1676 г. последняя присоединяла Подольское воеводство с крепостью Каменец, а также значительную часть Правобережной Украины**. Мир этот вызвал в Речи Посполитой недовольство части магнатов и шляхты (в первую очередь подольских «выгнанцев»), поддерживавшееся папской и австрийской дипломатией. Тщетно рассчитывая при помощи Франции пересмотреть условия договора, Ян Собеский направил в Константинополь посольство во главе с воеводой хелминским Яном Гнинским, однако заключенный в апреле 1678 г. т. н. трактат Гнинского лишь подтверждал условия мира 1676 г.[8].

---

* Так называемые «ставки жолду» (stawki żołdu), утверждавшиеся на сейме, определяли не фактическую численность войска, а количество единиц солдатского жалования (компут). Поэтому, за счет того, что командиры получали жалованье в количестве нескольких ставок, определенных для рядовых солдат, фактическая численность войска из-за т. н. «слепых ставок», как правило, была меньше определенной в компуте примерно на 10%.

** В представлении польских политиков и дипломатов второй половины XVII в. Украина включала в себя территории Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств. Волынь, Подолия и Русское воеводство с центром во Львове к Украине не принадлежали.

Гродненским сейм 1678–1679 гг. ознаменовал окончательное поражение королевских планов «балтийской политики». Выступавший на его сессии 2 февраля 1679 г. коронный канцлер епископ Стефан Выджга от имени короля предложил дружбу императору. Это заявление было адресовано получившему аудиенцию на сейме австрийскому послу Альтгейму[9]. В зачитанном 28 февраля королевском мнении относительно дальнейших отношений Речи Посполитой с Портой и Россией (т. н. предложения от трона) прозвучала мысль о необходимости заключения широкой антиосманской лиги с участием Вены, Москвы, римского папы, итальянских князей, испанского короля и даже Франции, что, по мнению польских историков, стало началом поворота в польской внешней политике[10].

Кроме того, гродненский сейм явно свидетельствовал и о начавшемся кризисе этого политического института. Принятое сеймом решение о распределении оплаты войска между отдельными воеводствами и землями вместо централизованной его оплаты из скарба Речи Посполитой способствовало дальнейшей политической децентрализации и военному ослаблению государства[11].

Для получения помощи против Османской империи по решению сейма в страны Западной Европы направились польские послы: в Австрию, Венецию и Рим — подканцлер литовский Михал Казимеж Радзивилл, с миссией которого связывались главные надежды; во Францию — подскарбий коронный Анджей Морштын; в Англию, Голландию — его кузен, подконюший литовский Щенсный Морштын; в Испанию, Португалию и города Северной Италии (Генуя и Турин) — Иероним Любомирский[12]. В сентябре 1679 г. с той же целью литовский стольник Станислав Казимеж Радзивилл приехал в Берлин. Стремясь сохранить видимость дружественных отношений с польским двором, курфюрст тепло принял посла, «без всяких торгов» пообещав выставить 1500 солдат[13]. К 1680 г., однако, стало ясно, что направленные в Западную Европу посольства не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов. По мнению З. Вуйчика, одна из главных причин неудачи состояла в том, что при императорском и папском дворах, где принимали М. Радзивилла, не сразу осознали начавшиеся перемены от французской к австрийской ориентации во внешнеполитическом курсе Речи Посполитой[14]. Однако дело было не только в этом. Ян Собеский, жаждавший реванша за утраченное Подольское воеводство и украинские земли, предлагал Австрии заключить наступательный союз — именно такие полномочия и были даны сеймом литовскому подканцлеру. Однако Вена не желала развязывать войну с османами, не будучи уверенной в прочности Нимвегенского мира, и соглашалась заключить только оборонительный союз с Речью Посполитой против Порты. Собеский же был готов принять эти предложения лишь в том случае, если бы Россия, которая вела тогда войну с Османской империей, заключила бы с ней мир[15]. Пытаясь добиться урегулирования франко-имперских противоречий, Собеский даже направил гонца в Париж, чтобы убедить Людовика XIV предоставить Вене письменные гарантии, что Франция воздержится от недружественных действий в отношении императора в том случае, если Австрия вступит в войну с османами. Однако при дворе «христианнейшего» короля отказались пойти на такой шаг, хотя французский посол в Вене и делал устные заверения подобного рода[16].

Отношения с Россией занимали видное место во внешней политике Яна Собеского. В ходе польско-турецкой войны 1672–1676 гг. польская сторона предприняла активные усилия, чтобы, опираясь на декабрьские 1667 г. и мартовские 1670 г. союзные постановления, втянуть Россию в войну. Однако попытка антиосманского русско-польского сближения в начале 1670-х гг. была сорвана. С одной стороны, такой исход был обусловлен продолжавшейся борьбой России и Речи Посполитой за влияние на Украине (главным образом на Правобережной), а с другой — неуверенностью Москвы в надежности Речи Посполитой как союзника из-за военной слабости и внутриполитической нестабильности шляхетской республики. Русско-польские отношения ухудшились, в 1677 г. стороны отозвали резидентов, а Ян Собеский после заключения Журавненского договора 1676 г. и начала русско-турецкой войны рассчитывал при дипломатической поддержке Порты добиться возвращения удерживаемых Россией по Андрусовскому перемирию земель или хотя бы части из них [17].

II. Начавшееся изменение внешнеполитического курса Речи Посполитой не могло не отразиться на русско-польских отношениях. Ян Собеский болезненно переживал утрату Подолии, тем более что надежды компенсировать эти потери за счет России или Бранденбурга не осуществились. Теперь, строя планы антитурецкой коалиции, королевский двор мог надеяться на возвращение утраченных по Журавненскому миру земель. Ян III понимал и то, что в случае заключения русско-османского перемирия Порта может вновь направить свои агрессивные устремления на Речь Посполитую. Россия, в свою очередь, ведя изнурительную войну с турками, не могла не учитывать намерения шляхетской республики извлечь из этого выгоду, тем более что срок тринадцатилетнего русско-польского перемирия подходил к концу. В этих условиях русское правительство предпочло пойти на уступки, чтобы не обострять отношения с Польско-Литовским государством. По договору, заключенному в Москве посольством во главе с воеводами волынским Михалом Чарторыским и полоцким Казимежем Сапегой 17 (7)* августа 1678 г., Россия передавала Речи Посполитой пограничные города Невель, Себеж, Велиж с поветами и выплачивала 200 тыс. рублей [18].

После сражений за Чигирин и русская, и османская стороны, убедившись в невозможности достичь решающего перевеса в борьбе друг с другом, стали искать возможности для заключения мирного соглашения. Вместе с тем московское правительство не желало отказываться от части Правобережья, за которое русско-украинские войска вели кровопролитную борьбу с турками в течение нескольких лет. Турция также претендовала на эти земли. Все эти проблемы нашли выражение в русско-турецких мирных переговорах при посредничестве Крымского ханства и молдавского господаря Г. Дуки. Первые предложения о мире были сделаны османской стороной через крымского хана уже в начале 1679 г. [19]. В Москве были

* Все даты здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, даны по новому стилю. При использовании русских источников в скобках дается дата по старому стилю.

готовы заключить мир, но при условии отказа хана от ежегодной «казны» и согласия Порты на территориальные требования России. Однако выехавшее в мае 1679 г. в Крым посольство стольника Б.А. Пазухина и дьяка Герасима Долгово было разгромлено «воровскими черкассами», а оба посланника убиты [20].

Практически одновременно с переговорами о мире с Портой Россия возобновила консультации о заключении антиосманского союза с Речью Посполитой, а также с Австрией. На гродненский сейм 1678–1679 гг. прибыло русское посольство И.В. Бутурлина и И.И. Чаадаева, которое затем из Речи Посполитой направилось в Вену. В ходе переговоров с посольством Бутурлина в Гродно поляки выдвигали заведомо неприемлемые условия союза: возвращение всех земель, утраченных ими по Андрусовскому перемирию 1667 г., ежегодные субсидии Речи Посполитой на ведение войны в размере 600 тыс. рублей, наконец, участие в походе на турок самого царя во главе армии в 50–60 тыс. человек. В сравнении с ними предложения русской делегации были более чем скромными: предоставление друг другу вспомогательных отрядов в 10 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы. Единственным результатом переговоров было установление срока начала русско-польской пограничной комиссии с участием посредников (июнь 1680 г.), на которую сеймом были назначены депутаты [21]. Однако еще прежде ее начала переговоры продолжились в Москве с польскими послами референдарием Великого княжества Литовского Циприаном Павлом Бжостовским и черниговским воеводой Яном Гнинским-младшим. На переговорах в Москве польская сторона несколько снизила требования по сравнению с предложениями, сделанными посольству Бутурлина в Гродно. Запрашиваемые субсидии были сокращены в три раза (до 200 тыс. рублей), но и эти условия были отклонены. Русские соглашались на переговоры о совместных военных действиях против турецко-татарских войск («случение сил») при сохранении перемирия [22].

Ведя переговоры об антиосманской коалиции с императором, польский король одновременно проникся мыслью, что Россия действительно стремится к союзу с Польско-Литовским государством и единственное препятствие к этому — выдвинутое польско-литовской стороной требование субсидий. В конце января 1680 г. Ян Собеский сообщал М.К. Радзивиллу, что прошедшая в Варшаве генеральная рада сената приняла решение отказаться от этого условия и что станы (король, сенаторы и шляхта) Речи Посполитой, скорей всего, будут согласны. «Toć tedy już nie mając ullum do zawarcia z Moskwą ligi impedimentum, nieomylnie się ta między nami sklei colligatio; a przez to offendemus Turczyna, gdy przeciw niemu unitis armis et animis czynić będziemy. Toć i cesarzowi Jmci, i jego expedit interessom z nami w tę tripl-alliansę wchodzić czego sam <...> życzył, i toties quoties declarował, że byliście z Moskwą weszli w ligę, tedy i on tosz z nami uczyni» *, — рассуждал польский король.

* «И после того, как не будем иметь никаких препятствий для заключения союза с Россией, неизбежно сложится наша коалиция, при помощи которой мы разгромим турок, действуя против них объединив оружие и сплотившись духом. Тогда это будет отвечать и интересам императора — вступить с нами в тройственный альянс, чего он и сам <...> желал и постоянно заявлял, что, если бы вы вступили в союз с Россией, тогда и он бы поступил также с нами».

Союз трех держав — Речи Посполитой, России и Австрии — подразумевался именно как наступательный. Польский дипломат Ян Карвовский уведомлял Собеского из Ясс, что турки и татары готовы всячески демонстрировать дружбу Речи Посполитой, однако король считал, что причина этого — продолжающаяся русско-турецкая война, поэтому верить подобным заявлениям нельзя. «Uważyć trzeba, jako nam potrzebna rzecz jest kończyć z Moskwą» *, — делал вывод Собеский [23].

Намеченная на 1680 г. русско-польская комиссия с участием международных посредников не состоялась, хотя в пограничном селе Мигновичи для комиссаров было развернуто строительство новых «дворов» [24]. В то же время интенсивные обмены посольствами между Варшавой и Москвой продолжались.

III. Позиция Литвы и политика литовских магнатов оказала большое влияние как на характер русско-польских отношений 1680-х гг. в целом, так и на заключение договора о Вечном мире и союзе 1686 г. в частности. В исторической литературе уже обращалось внимание на стремление магнатерии Великого княжества Литовского к самостоятельной внешней политике. Исследователи, однако, редко затрагивали т. н. литовский партикуляризм в отношениях Речи Посполитой с одним из самых важных соседей, а именно с Россией. И если история русско-литовских связей в 60–70-х гг. XVII в. получила частичное освещение в работах З. Вуйчика, О. Перовой и Б.Н. Флори [25], то 1680-е годы оказались вне внимания историков.

Важной особенностью политики Речи Посполитой по отношению к России были частые разногласия в этой области политических элит Короны и Литвы [26]. Положение осложнялось наличием в Великом княжестве сильной антидворской оппозиции королевскому двору, противники которого в Литве имели возможность шантажировать оппонентов принятием Великим княжеством российской протекции, а литовские сторонники короля не всегда поддерживали его политический курс в отношении России. После Андрусовского перемирия 1667 г. литовские магнаты последовательно выступали против любого обострения отношений с восточным соседом, стремясь обеспечить на границе с Россией прочный мир. Такой политики придерживались во второй половине 1670-х гг. литовский канцлер Кшиштоф Пац и литовский гетман Михал Казимеж Пац, причем эти их устремления часто шли вразрез с намерениями двора [27].

В России центром связей с Литвой был Смоленск. Информацию о происходивших в Речи Посполитой событиях регулярно пересылали в Москву смоленские воеводы, отписки которых хранятся именно в столбцах Посольского приказа (фонд 79 «Сношения России с Польшей» Российского государственного архива древних актов в Москве). Наиболее ценную и подробную информацию в Москву направлял специальный агент Посольского приказа в Смоленске Назарий Михайлов сын Краевский. Первые его рапорты датированы 1680 г. На этот источник впервые обратил внимание еще Н.Г. Устрялов. Донесения Краевского использовал

* «Надо особенно обратить внимание на то, как необходимо для нас поскорей договориться с Москвой».

в своей диссертации И.Б. Греков, писавший о важности и необходимости их изучения для истории русско-польских отношений[28].

Н.М. Краевский принадлежал к довольно известному смоленскому дворянскому роду. В 1654 г. после взятия Смоленска два брата Краевских — Станислав и Андрей перешли на русскую службу и приняли православие. Крестным отцом Станислава, принявшего в крещении имя Назарий стал боярин Михаил Степанович Пушкин (отсюда и отчество — Михайлов сын). Назарий не только сохранил свои имения, но в 1656 г. был пожалован новыми, что свидетельствует о его активной деятельности на службе новому государю. Скорее всего, именно он в качестве дворянина русского посольства участвовал в русско-польских переговорах в 1669–1670 гг. в Андрусово, а затем осенью 1670 г. в съезде пограничных судей[29]. По собственным словам Н.М. Краевского, его предки «в сенаторских креслах сиживали у королей полских», что смоленский шляхтич был готов подтвердить «печатными крониками»[30]. Краевский владел в окрестностях Смоленска несколькими деревнями. «Да прошу у тебя государя моего великих государей указу и твоего милостивого заступления, — писал как-то Н.М. Краевский В.В. Голицыну, — по челобитной моей <...> что градом побило хлеб под двором, и в четырех деревнишках моих, что и на семена не осталось, а я за службишку мою надежен на твое заступление...»[31]. За десятилетия пребывания на российской службе Краевский так и не выучил русской азбуки. Свои письма в Москву он писал по-русски латиницей с использованием многочисленных польских слов и оборотов[32].

О важности для руководства Посольского приказа донесений Н.М. Краевского свидетельствует то, что они адресовались тем, кто управлял в данный момент Посольским приказом: в 1680–1681 гг. — боярину Василию Семеновичу Волынскому[33], в 1682 г. — думному дьяку Лариону Иванову[34], а после гибели последнего от рук восставших в Москве стрельцов — В.В. Голицыну, канцлеру и руководителю внешней политики России в 1682–1689 гг. Для личной встречи с ним Краевский несколько раз ездил в Москву[35]. «Государю моему ко мне многомилостивому боярину князю Василию Васильевичу, искатель милости твоей, вскормленник, раб твой, Назарко Краевской челом бьет, пад пречистыми ногами стоп твоих», — обращался к В.В. Голицыну Н.М. Краевский в своих письмах[36].

Добываемую информацию Краевский пересылал смоленскому воеводе, причем тот должен был, не читая его писем, запечатывать конверт печатью княжества Смоленского и отсылать в Москву[37]. Такой наказ получал каждый новый назначаемый в Смоленск воевода[38]. После того, как руководство русской внешней политикой сосредоточилось в руках В.В. Голицына, в декабре 1682 г. смоленскому воеводе был послан указ, что в случае желания Краевского выехать в Москву ему должны быть даны подводы[39].

Донесения Н. Краевского за 1680–1686 гг. большей частью представляют собой т. н. вестовые письма — аналог польских «awizów», или рукописных и печатных «газет», которые свободно распространялись в Речи Посполитой и содержали сведения о событиях польской и международной жизни, временами неточные. Информация в этих донесениях не была чем-то исключительным; Посольский

приказ черпал подобные сведения и из других аналогичных источников, регулярно поступавших в Москву через Рижскую, Виленскую (в 1681–1685 гг., правда, «куранты» через нее в Москву не поступали) почты и другие каналы[40]. Однако нельзя сказать, что соболя из Сибирского приказа, шедшие на оплату трудов самого Краевского и его агентов, раздавались напрасно.

Основным информатором Краевского в Литве был писарь гродский мстиславский Августин Константинович Погожей (Augustyn Pohożow Konstantynowicz), одновременно бывший многолетним слугой и доверенным лицом троцкого воеводы Марциана Огинского. Подсендек мстиславский Ежи Казимеж Неронович-Шпилёвский отмечал в 1686 г., что Константинович находится при М. Огинском «на старшинстве и также на страже» и ведает сношениями не только с Москвой, но и с украинскими казаками[41].

Константинович упоминается как мостовничий минский уже в 1671 г., однако на этой должности он, видимо, не удержался. В 1674 г., после смерти короля Михала Корибута Вишневецкого, М. Пац и его сторонники, в т. ч. и М. Огинский, выступавшие за приглашение на польский престол царевича Федора Алексеевича, выслали Константиновича для переговоров об этом с князем Юрием Алексеевичем Долгоруким и боярином Артамоном Сергеевичем Матвеевым[42]. В 1674 г. он стал писарем гродским мстиславским, а в 1685 г. — писарем земским мстиславским. Последний раз Константинович упоминается в источниках в 1703 г.*.

Через А. Константиновича Москва действительно получала информацию, часто достаточно конфиденциальную, о событиях внутренней и внешней политики Речи Посполитой, а то и напрямую контактировала с литовскими магнатами. Деятельность и Краевского, и Константиновича была небезопасна. Константинович не всегда решался давать Краевскому подлинники присылаемых к нему писем и документов, а содержание некоторых вообще отказывался оглашать, отговариваясь под разными предлогами. Свою осторожность, по словам Краевского, он объяснял тем, что «столко недрузей как друзей у него и крепко за ним смотрят. А есть де некто и с нашей страны, иже на меня жалобу творит пред шляхтою мстиславскою, и просил [Константинович] крепко о том, чтоб на Москве о нем тайно было». Передавая Краевскому список инструкции тайного королевского посланника Станислава Бентковского, писарь гродский требовал гарантий, чтоб на ближайшей русско-польской пограничной комиссии русские послы о той инструкции полякам «в очи не выговаривали», и говорил, что за то — сообщал Голицыну Краевский — «де и он (Константинович. — *К. К.*) на кол посажен бы был, потому что список никому Бентковский [не] давал, — только Константиновичу»[43]. Дипломаты Посольского приказа с пониманием отнеслись к просьбе Константиновича — тема эта на русско-польских переговорах не поднималась.

Сам Краевский тоже временами не чувствовал себя в безопасности. В апреле 1683 г. он жаловался в письме В.В. Голицыну, что шляхта смоленская на него

---

* Выражаю благодарность профессору Анджею Рахубе за предоставленную информацию о А. Константиновиче.

«дурно похваляется», обвиняя его, что он «извет» подал на нее великим государям, а во время своей поездки в Москву «одного себя верным великим государям ставил». И, «служа им великим государям тайные службы», ожидает он «пагубы или убийства от них», — жаловался Краевский, и просил «об обороне» или о присылке милостивой царской грамоты в Смоленск «за посольские службы», чтоб «черни ведомо было», или хотя бы указа к смоленскому воеводе, чтоб защитил[44]. В одном из писем Краевскому Константинович просил «дабы безопасны были гонцы вашей милости, а лучше б им не одним путем ездить»[45].

И Краевский, и Константинович получали царское жалование, правда достаточно нерегулярно. В декабре 1680 г. Константинович в одном из писем пенял Краевскому, что за свою службу получил в этом году всего-то 50 рублей соболями: «...а ваша милость толко мене обнадеживает милостию царского величества, которой я не улучаю <...>, а за такие мои желателства не того я чаял, но тому не дивлюс по старому присловию „ближее я себе, нежели тебе“, и знатно ваша милость свою службу похваляет, а моя в забвение идет», — обиженно писал он. В январе 1681 г. Краевский, будучи в Москве, получил «пару соболей в десять рублев да десять аршин атласу». Для Константиновича было передано царского жалованья 5 пар соболей по шести рублей[46]. В сентябре 1682 г. Краевский писал В.В. Голицыну, что ранее (видимо, в 1670-х гг.) писарь гродский ежегодно получал соболей на 80 рублей. Смоленский шляхтич просил возобновить регулярную выплату жалования, т. к. А. Константинович стал неохотно идти на сотрудничество, несмотря на то, что Краевский время от времени платил ему из собственного кармана. Писарь гродский действительно вел себя двусмысленно: 18 (8) сентября 1682 г. он сообщил о прибытии в пограничное с Россией село Кадино королевского дворянина С. Бентковского, однако отказывался прямо заявить о целях его миссии, лишь намекая на ее секретный и антироссийский характер. В Москве немедленно выслали смоленскому воеводе для А. Константиновича 4 пары соболей по 10 рублей с указанием «тайным обычаем» передать их Краевскому. После этого слуга М. Огинского подтвердил, что С. Бентковский — королевский лазутчик[47].

В июне 1682 г. Н. Краевский получил чин стольника, ему было послано «пара соболей в 10 рублей, атласу гладкого десять аршин». Получив жалованье для Краевского и указ о пожаловании в стольники, смоленский воевода И.Б. Репнин, согласно инструкциям из Москвы, вызвал его в приказную избу, где объявил «государскую милость», само же жалованье отдал новоявленному стольнику «в иное время тайно у себя на дворе»[48]. В июле 1683 г. Константиновичу было послано царского жалованья 4 пары соболей (2 пары по 15 рублей, по одной паре ценой в 11 и 7 рублей), Краевскому — 2 пары соболей по 10 рублей[49]. В марте 1685 г. Н.М. Краевский вновь ездил в Москву, где получил жалование для А. Константиновича — «две пары соболей по десяти рублей пара за присланные его августиновы вестовые писма»[50]. Благодаря за присланное жалование, А. Константинович писал Н.М. Краевскому: «Jakom ustnie zmiankował przed Wmm panem że com kolwiek moiej życzliwości wyświadczał za żywota zeszłego Jem Pana hetmana [М. Паца] ku dobremu całego chrześciaństwa y względem Litwy (? — *К. К.*) domku moiego, iż z

łaski carskich wieliczestw atestacio jest mi wydana, w tem i teraz bez naruszenia sumienia moiego zostawać nie będę, zaczym żadnych datków nie potrzebowałem i nie potrzebuje. Jednak nie gardzone łaską wyświadczono par dwie soboli dwudziestu przyjowszy, zostawam...» * [51]. Несомненно, что данные о выплате жалования А. Константиновичу и Н.М. Краевскому сохранились не полностью. Однако, кроме материального вознаграждения, А. Константинович получал и иные благодарности. Весной 1683 г. Краевский, возвратившись домой из Москвы, принимал у себя Константиновича и вручил ему царскую грамоту, «свидетельствованную о породе дома Погожих, и он честно с великим поклоном поцеловал печать, воспринял и обещал служить до смерти своей» [52].

Константинович поддерживал связь с Посольским приказом с ведома и при участии воеводы троцкого М. Огинского, а также литовского гетмана М. Паца. Марциан Александр Огинский, родившийся в 1632 г., был воспитан в православной вере. Военную службу он начал в 1650-е гг. — в бурное время казацкого восстания на Украине, Потопа и русско-польской войны, участвуя в боях против венгерских войск Ракоци, шведов, русских (т. ч. в знаменитой битве под Полонкой в июне 1660 г. и походе польско-литовских войск на Левобережье зимой 1663–1664 гг.). Должность троцкого воеводы, дававшей доступ в сенат Речи Посполитой, М. Огинский получил в 1670 г. при условии перехода в католичество. В 1670-х гг. М. Огинский неоднократно участвовал в переговорах с Россией. Начав свою политическую карьеру как один из противников Михала Паца, в дальнейшем троцкий воевода стал его ближайшим сторонником. В 1674 г. Огинский препятствовал участию литовских войск в кампании против турок, затем активно противодействовал осуществлению «балтийской политики» Яна III [53].

Прямых указаний в источниках на регулярную выплату М. Огинскому царского жалованья нет. Однако в 1686 г., уже после заключения Вечного мира, воевода троцкий поручил направленному к В.В. Голицыну посланцу просить, чтобы тот «исходатайствовал у царского величества дабы тож впред доходило канцлеру (т. е. М. Огинскому. — *К. К.*), что прежде сего бывало предку (т. е. предшественнику К. Пацу, однако, возможно, в виду имелся М. Пац. — *К. К.*) его» [54]. Не исключено, что речь здесь идет о денежных выплатах. А после ратификации трактата Гжимултовского Яном Собеским М. Огинский, настаивая в письме Голицыну на выплате последнего денежного взноса со стороны России согласно Вечному миру, одновременно напомнил и о том, что еще на переговорах в Москве Голицын обещал ему «удоволствование» (т. е. попросту определенную сумму денег) за содействие заключению договора [55].

---

* В Посольском приказе письмо перевели так: «Как я изоуст говорил с вашею милостию, что я ни есть моего желательства чинил во время жития умершаго его милости господина гетмана [М. Паца] к целому добру христианства и ради [Литвы и] домишка моего, что по милости их царского величества объявление мне дано; в том и ныне без нарушения совести моей не буду престават, для того и никаких поминков не требовал есмь и не требую, однакож на призренную милость явленную, две пары соболей по двадцати рублей приняв, пребываю...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 111–112).

Другую, более реальную выгоду от тесного сотрудничества с Москвой давала М. Огинскому торговля. Пограничное село Кадино, где во время русско-польских андрусовских комиссий находился польско-литовский посольский стан, также упоминается как оживленный центр русско-польской пограничной торговли, в т. ч. и «лесными» товарами[56], а Константинович — как «урядник» (namiesnik) этого села[57], из чего можно сделать вывод, что село принадлежало троцкому воеводе. Кроме того, источники отмечают заботы М. Огинского о своих интересах в русско-польской торговле[58]. Сохранился документ, свидетельствующий о сотрудничестве Огинского со смоленскими воеводами в деле вырубки и сплаве леса из дворцовых имений (подробности выяснить трудно, т. к. текст сильно поврежден)[59]. На сейме 1683 г. между литовским подканцлером Д. Радзивиллом и М. Огинским разгорелся яростный спор. Троцкий воевода протестовал против введения чрезвычайных таможенных пошлин в ВКЛ по решению короля и сената, говоря, что шляхта несет от этого большие убытки. В ответ Д. Радзивилл заявил, что «nie idzie [М. Огинскому] o krzywdzie stanu szlacheckiego, której żadnej najmniejszej na cłach i mytach, nie tylko szlachta ale ani mieszczanie nie mają, którzy się handlami nie bawią, ale tylko o kupców, między któremi Jm Pan w-da trocki i bracia Jmć połocki [Ян Яцек Огинский] i mścisławski [Шимон Кароль Огинский] są najwięksi kupcy, bo nie tylko prywatni ludzie stanu kupieckiego, ale całe miasta i societates nigdy tak wiele pienk i leśnych towarów, nigdy tak wiele strugów do Rygi nie prowadzą, ani ztamtąd soli i inszych merces nie wywożą, jako kto z Ich m. PP. wojewodów pomienionych, i to Ich mśw boli kiedy się skarb od ich handlów upomina podatków jako od kupców <...>. Ale nie tylko sami Ichm nadder wielkie hahdle prowadzą, ale też kupców i żydów biorą w swoje protectie» *. Огинские же обвинили Радзивиллов, что они торгуют не меньше: «...strugi moskiewskie pod swoją przeprowadzą protectią» ** [60].

Впрочем, интересы Огинских касались не только посреднической торговли русскими товарами через Ригу, но и русско-литовской торговли. Отписки смоленских воевод свидетельствуют, что в 1683 г. торговый агент (фактор) М. Огинского шляхтич Казимеж Амборк дважды (в марте и октябре) приезжал в Смоленск «для покупки розных товаров»[61]. Несомненно, что таких приездов было больше. В 1686 г. Огинский добился от русского правительства разрешения построить на смоленском посаде собственный торговый двор. В июле 1686 г. М. Огинский писал

---

* «не об обидах шляхетского сословия беспокоится [М. Огинский], которых самых малых на пошлинах не только шляхта, но и мещане не имеют, поскольку не занимаются торговлей, а о купцах, среди которых его милость пан троцкий и братья его милости пан полоцкий [Ян Яцек Огинский] и мстиславский [Шимон Кароль Огинский] самые крупные купцы, так как не только отдельные люди купеческого сословия, но и целые города и общины никогда так много пеньки и лесных товаров, никогда такое множество стругов до Риги не сплавляют, а оттуда столько соли и других товаров не вывозят, как кто-либо из вышеупомянутых панов, и то их задевает, что казна требует с их торговли налогов, как с купцов <...>. Но не только сами их милости весьма крупную ведут торговлю, но также и купцов и евреев берут под свою протекцию».

** «...московские струги под своей сплавляют протекцией».

к В.В. Голицыну, прося позаботиться о снижении пошлин для купцов Речи Посполитой, приезжавших в Москву, до уровня литовских пошлин (Огинский отмечал, что в Речи Посполитой все — и иностранные и местные купцы — платят одинаково), а также о пресечении взимания денег на границе сверх установленных тарифов. При этом литовский канцлер особенно хлопотал за могилевских купцов. В своих требованиях М. Огинский опирался на 18-ю статью Вечного мира, предписывавшую обеим сторонам брать пошлины с торговцев «без всякого отягчения <...> по древним уставам». Однако действовавший в России с 1667 г. Новоторговый устав носил протекционистский характер, в отличие от польского и литовского таможенного законодательства. «Нарушить и переменить» его невозможно — констатировалось в подготовленном в Посольском приказе ответном письме от имени В.В. Голицына для литовского канцлера (послано оно не было)[62]. Стремясь обеспечить мир на границе с Москвой, Огинские тем самым хотели обезопасить и свою торговлю.

Несомненно, что через Константиновича Огинский не только поставлял Москве информацию, но и получал ее. Весной 1683 г., в ходе встречи русского гонца в Польшу Семена Дядкина с покоевым шляхтичем гетмана К. Сапеги Миколаем Плосковицким, последний сообщил, что события, происходящие в Москве, становятся известны польскому правительству по сообщениям Н.М. Краевского и Ф. Крыжевского. За это из литовского скарба обоим якобы было послано королевского жалованья 600 рублей[63]. Ротмистр Фаддей Крыжевский жил в Мигновичах с 1669/1670 г. «для приему и отпуску почты и для переему беглых людей, которые буде побегут в полскую сторону»[64]. В Посольском приказе донос М. Плосковицкого оставили без последствий, видимо зная о характере деятельности своих агентов и не опасаясь, что через Н.М. Краевского в Литву может попасть какая-то не подлежащая разглашению информация. Впрочем, имеются косвенные свидетельства, что в Посольском приказе подозревали Краевского в сборе информации для литовских магнатов, и потому не позволяли ему приезжать в Москву без специального разрешения. Осенью 1681 г. смоленский воевода И.Б. Репнин сообщал в Москву, что Назарий не смеет ехать туда с донесениями из-за подозрений «будто он ездит для проведывания вестей». Ехать в русскую столицу смоленский шляхтич выражал готовность только «по присылке» к нему царской грамоты[65].

К началу 1680-х гг. М. Огинский накопил достаточный дипломатический опыт, в т. ч. и в отношениях с Россией. Ян Антоний Храповицкий, витебский воевода, так отзывался о троцком воеводе: «...takżeśmy rosli i starzali się prawie równie, żyjąc w braterskiej miłości; acz żadnego pokrewięstwa nie mając tyle względem cnotliwych spoieni i usługami Ojczyźnie w wielu okazyach wespół pełnionemi zwłaszcza na kommissyach z Moskwą traktowanych» * [66].

Связи Великого княжества Литовского с восточным соседом отражали давнюю традицию особых отношений Литвы с Москвой, которые рассматривались

---

* «...так росли мы и старели почти вместе, живя в братской любви, хотя и не были связаны каким-либо родством, разве что спаяны достойными услугами на пользу Отчизне, во многих случаях вместе совершаемыми, особенно на комиссиях, проходивших с Россией».

литовскими магнатами и шляхтой как их старинная привилегия, не зависящая от влияния Короны и королевского двора в Варшаве. Свою роль здесь, несомненно, играли родовые и личные связи литовской и московской знати. По тем же причинам значение особых отношений с Литвой осознавалось и в московских правящих кругах. Для России их важность подчеркивалась отсутствием русского резидента в Варшаве, для Литвы — стремлением обезопасить себя в случае вооруженного конфликта с Россией. Стремление Великого княжества строить мирные отношения с Москвой определялось осознанием опасности, которой могла подвергнуться Литва в случае обострения русско-польских отношений. Походы царских воевод на белорусские земли в 1654–1667 гг. слишком хорошо запечатлелись в памяти литовских магнатов. Позиция некоторых кругов литовской политической элиты, представляемых канцлером М. Огинским, сыграла значительную роль на переговорах о Вечном мире 1686 г.

IV. В январе 1680 г. в польскую столицу выехало посольство окольничего И.А. Прончищева и дьяка Е.И. Украинцева для обсуждения пресловутого «случения сил». Русское правительство было готово заключить оборонительный союз на условиях оказания взаимной военной помощи в 20 тыс. солдат[67]. Однако Ян Собеский, узнав о назначении посольства, принял это за готовность России как можно скорее заключить наступательный союз с Речью Посполитой. Польский король посчитал вопрос о формировании антиосманской коалиции Австрии, России и Речи Посполитой уже решенным. «Za taką tedy Moskwy ochotą, już by cesarz Jmć, exclusa omni cunctatione, ad offensivam z nami braćby się miał colligationem, gdyż się opuszczać i upuczszać nie godzi okazji, kiedy sama Moskwa ultro quaerit, et ambit, czegośmy pragnęli. <...> pokiśmy jeszcze poniekąd powątpiewali, jeżeli się Moskwa etiam po ustąpieniu zaprosow pieniężnych ad offensivam miała resolwować ligam; lecz kiedy to już sublatum jest dubium velis remisqae do tej nam trzeba brać się i chwytać okazji» *, — сообщал Ян Собеский М.К. Радзивиллу, находившемуся на пути в Рим. Польский король просил его изложить эти соображения венскому двору через Яна Бергриса Платера — польского дипломата, оставленного Радзивиллом при императорском дворе для продолжения переговоров, надеясь, что это подвигнет Вену на решительные действия в отношении союза[68]. Ян Собеский восторженно сообщал литовскому подканцлеру, что в день въезда русских дипломатов в Варшаву у него родился сын. Монарх считал это знаком скорого счастливого окончания переговоров, ведь «Господь Бог воинов для войны посылает»[69].

Оптимистические прогнозы Яна III были явно преждевременными. Несмотря на то, что на переговорах с И.А. Прончищевым и Е.И. Украинцевым польско-

* «При таких намерениях Москвы, императору следует, отбросив всякую медлительность, заключать с нами наступательный союз, потому что нельзя упускать такой случай, когда сама Россия просит и умоляет об этом, чего и мы желали. <...> у нас было сомнение, что Москва, даже после нашего отказа от денежных запросов, решится заключить наступательный союз, но теперь, когда оно отброшено, необходимо и нам изо всех сил использовать этот шанс».

литовская делегация отказалась от субсидий, русская сторона упорно не соглашалась на наступательный союз[70]. «O Moskwie zaś nie podobna wypisać, co to są za ludzie? Offensivam bellum cale de-traectarit, defensivum zaś takiego potrzebują, żebyśmy się casu necessitatis spólnie i wzajemnie posiłkowali, to jest jeżeli oni nam piętnaście, albo 20 000 suppeditabunt wojska, tedy my vicissim tak wiele im dodać mamy. Uważyć tedy co to za proportia, bobyśmy jednego żołnierza naszego za 50 ich nie dali»*, — раздраженно писал польский король М.К. Радзивиллу. «Ta szalona Moskwa wielkiej godna jest nagany: co to za ludzie? — продолжал он. — Jako z nimi traktować, gdy mówią, że kiedy nieprzyjaciel z małą przeciwko nam wynidzie potęgą, tedy się nam posiłkować nie trzeba; ale każdy z swojej strony powinien wojenny czynić przemysł»**. По словам Собеского, его предложения вести активные наступательные действия, не давая туркам сосредоточить на молдавском и украинском театрах значительные силы, «не помещались в голове» у русских дипломатов[71]. Наступательным планам Я. Собеского были вполне созвучны письма польского резидента в Стамбуле С. Проского, отмечавшего в 1679–1680 гг. небывалую слабость Порты и ее неготовность к войне. Проский уверял короля, что коалиция из России, Австрии и Речи Посполитой гарантированно победит османов[72].

Дело, впрочем, было в том, что русская и польская стратегии ведения войны с османами на тот момент существенно различались. Русское правительство считало Османскую империю грозным противником, а дальние походы по опустошенному Правобережью, в окружении татарских загонов, на значительном удалении от своих границ — рискованным предприятием. В Москве осознавали, что выбор подобной стратегии, в т. ч. и при отсутствии достаточного количества обученных войск и опытных командных кадров, может привести к катастрофическим последствиям. Поэтому Россия придерживалась оборонительной стратегии, а царские войска если и осуществляли активные действия, то небольшими силами, например, под Азовом. Ян Собеский же, строивший планы возвращения Каменца и стремившийся усилить польское влияние в Молдавии и Валахии, пытался склонить Россию, как, впрочем, и Австрию, к активным наступательным действиям крупными силами в направлении Днестра и Дуная. «Хочет де его королевское величество с войсками идти в Волосскую землю к Дунаю. <...> А об оборонительном союзе и не мыслит договариваться», — записали послы в своем статейном списке слова встречавшегося с ними австрийского резидента И. Жировского[73]. Однако ни в Вене, ни в Москве эти планы польского короля по разным причинам поддержки не встретили.

---

* «О русских даже писать не хочется, что ж это за люди? Наступательную войну совершенно отвергли, оборонительную же вести на таких условиях хотят, чтобы мы в случае необходимости взаимно друг другу помогали, то есть если они нам пятнадцать или двадцать тысяч войска дадут, то бы и мы со своей стороны им столько же предоставили. Что же это за пропорция такая, поскольку мы бы за пятьдесят их солдат не дали бы и одного своего».

** «Эти сумасшедшие русские достойны одного порицания, ну что это за люди? Как с ними вести переговоры, если они утверждают, что когда враг выступит против нас с небольшими силами, то нам не стоит оказывать друг другу помощь, а каждому чинить военный промысел самостоятельно».

И после отъезда из Варшавы И.А. Прончищева и Е.И. Украинцева при польском дворе не теряли надежды на скорое заключение союза с Россией. Ян Собеский утешал себя, что не в традициях русской дипломатии подписывать важные международные договоры в столице чужого государства. Все надежды связывались теперь с миссией каштеляна велюньского Константина Томицкого. Уверенности в успехе добавляло и то, что, по информации, поступавшей в Варшаву из Стамбула, России никак не удавалось достичь соглашения с османами[74]. В инструкции Томицкому были обозначены крайние условия союза, на которые готова была согласиться республика — это выплата Россией 200 тысяч рублей военных субсидий ежегодно, удар русских войск на Крым (допускалась возможность осуществить его силами украинских казаков, но обязательно с артиллерией и под командованием офицеров русской армии) в сопровождении отряда польской кавалерии. Король готов бы самостоятельно вести наступательную войну на Дунае, но оба союзника должны были помогать друг другу всеми силами в случае наступления османов на кого-либо из них[74а]. Однако из-за несговорчивой позиции русской стороны Томицкому даже не пришлось предложить это на переговорах.

Польское посольство прибыло в Москву в августе. Секретарем посольства был подчаший жмудский Ежи Доминик Довмонт, будущий польский резидент в Москве. В ходе переговоров с В.С. Волынским, И.А. Желябужским и Л. Ивановым польские послы потребовали объявить цель, с которой Россия направила послов в Стамбул и Бахчисарай. Русские дипломаты отвечали, что для переговоров об освобождении пленных. К. Томицкий и Е. Довмонт предлагали союз на условиях предоставления вспомогательного русского корпуса численностью 40 тыс. человек, затем это число было уменьшено вдвое. В помощь царским войскам, которые должны были выступить на Крым, предполагалось дать 3-тысячный отряд. Русская сторона в ответ на это соглашалась выделить не более 5 тыс. человек для боевых действий короля в Молдавии и Валахии. Делегации не пришли к соглашению, и 30 сентября польские послы выехали из Москвы[75].

Параллельно официальным русско-польским переговорам гетман М. Пац и воевода М. Огинский вели секретную переписку с Москвой. Как следует из черновиков письма, составленного в Посольском приказе для литовских магнатов в конце 1680 г., Пац и Огинский неоднократно просили Москву через Н.М. Краевского выслать к ним своего эмиссара для «доброго дела» и для пользы всего христианства. Они заявляли, что противодействуют «злым намерениям зломысленных людей». Причем, как следует из текста, «зломысленные люди» — это сторонники Франции (Ян Собеский также именовался «зломысленным»), а планы, которым литовские магнаты противодействовали, — это желание «зломысленных» ухудшить отношения с Россией[76].

Русское правительство откликнулось на просьбу Паца и Огинского. Летом 1680 г. под видом гонца с царской грамотой к русским послам И.А. Прончищеву и Е.И. Украинцеву, находившимся в Варшаве, выехал Н.М. Краевский[77]. Ему были даны «статьи» для переговоров с Пацом и Огинским. Из 1-й «статьи» следует, что литовские магнаты писали в Москву: «Лутче с нами Речью Посполитою о спосо-

бах на оборону от бусурманского нахождения имети совет, нежели с тем, которого француз с турком посадил на престол». В виду в данном случае имелся Ян Собеский. В связи с этим Краевский должен был выяснить, «открытую» или «тайную» желают оппозиционеры иметь «пересылку» с Москвой, в т. ч. и «каким образом, на котором месте и в которое время». Опираясь на сообщенную Пацом и Огинским информацию, что они по вопросу союза с Россией переписываются «с сенаторами, з гетманами, с канцлерами», в Посольском приказе выдвинули условия, чтобы предлагаемые сношения велись при поддержке и одобрении духовных и светских сенаторов Короны и ВКЛ. Возможно, чтобы наверняка знать, кто из сенаторов и министров заодно с литовскими оппозиционерами, насколько они влиятельны и готовы действовать в русских интересах, в приказе хотели получить соответствующие письма за их подписями[78].

По пути в Варшаву Краевский задержался в Гродно, куда прибыл 19 (9) июля 1680 г. В ходе встречи с ним М. Пац и М. Огинский всячески подчеркивали, что польский король против союза с царем, и обещали поддержку планам русской дипломатии на переговорах в Варшаве[79]. Краевский выехал в Речь Посполитую, имея с собой полномочную грамоту послам для ведения переговоров с литовскими магнатами. И.А. Прончищев должен был увидеться с литовскими оппозиционерами и «о добро настоящем деле говорить на общую ползу», чтобы стороны «что належит к доброму делу становили».

Однако переговоры эти не состоялись. Пац и Огинский не приехали в Варшаву, заявив Краевскому, что в данный момент они заняты «военной комиссией» и, кроме того, не могут увидеться с русскими дипломатами «для подозрения» двора. Литовские магнаты обещали в скором времени выслать своего человека в Москву. Но и этот посланник не приехал, поскольку в Россию направилось посольство К. Томицкого и Е. Довмонта. Впоследствии Пац и Огинский оправдывались, что не выслали обещанного нарочного, т. к. Томицкому было «приказано высматривать все наши пересылки, не договариваемся ли чего». Польский дипломат якобы не доверял даже своему товарищу, Ежи Довмонту, представлявшему Литву. Довмонт имел инструкции от канцлера литовского К. Паца, «каким способом к тому договору приступить может, на которой способ спускаемся». Причем непонятно, имели литвины в виду официальную инструкцию посольства или же какой-то секретный наказ.

Судя по черновикам уже упоминавшегося послания к литовским магнатам, в статьях, переданных примерно в это время Пацом и Огинским в Посольский приказ (не ясно, впрочем, сделано ли было это через Довмонта или же через Краевского), они лишь оправдывались, что не прислали обещанного посланца, опасаясь королевского сторонника Томицкого, а также просили, чтобы Краевский вошел в состав очередного русского посольства в Речь Посполитую для ведения с ним переговоров[80]. Е.Е. Замысловский, рассматривающий в своем исследовании посольство Томицкого и Довмонта, не отмечает, что последний вел какие-либо сепаратные переговоры в Москве[81]. Позднее выяснилось, что М. Пац и М. Огинский опасались К. Томицкого не зря. В его свите находился некий Иосиф Лядинский,

тетка которого была «в черницах на Москве». Через нее Томицкому стало известно, что «гетман де чрез Краевского описываетца к Москве». Польский посол по возвращении сообщил об этом Яну Собескому, и М. Пац был прилюдно обвинен в тайных сношениях с русским правительством. На это литовский гетман, по словам Н.М. Краевского, будто бы ответил: «...хотя бы де я и описывался з государи христианскими толко б не з бусурманином, то де моя должность християнская» [82].

В Москве были недовольны долгим «молчанием» литовских магнатов, о чем и было заявлено Краевскому. Он сообщил о настроениях русской дипломатии Пацу и Огинскому. Те, в свою очередь, немедленно направили А. Константиновичу письмо, предназначенное для Краевского, а в действительности — для русского правительства. Писарь гродский должен был предъявить его Краевскому, а тот сообщить в Посольский приказ, потребовав заодно присылки «надежного» человека, которому можно бы было показать оригинал. Отправлять его в Москву категорически запрещалось. Таким способом обе стороны — и Россия, и Литва — пользовались неоднократно — Краевский переписывал своей рукой грамоты, составленные в Посольском приказе для литовских магнатов, они же свои письма присылали на имя Константиновича, который показывал их Краевскому, и уже переписанные Назарием послания попадали в Москву.

В своем письме М. Пац и М. Огинский перекладывали всю вину за несостоявшиеся переговоры с Прончищевым и Украинцевым на самих послов — литвины якобы рассчитывали провести их на обратном пути посольства из Варшавы, однако послы «ни сами путем не поехали на Гродно, чтоб с нами видетца, ни прислали кого з дороги». Литовские магнаты уверяли царское правительство в искренности своих намерений, просили не держать «в опале» Краевского, особенно настаивая на том, чтобы все их сношения с Москвой оставались в глубокой тайне [83].

В Посольском приказе под руководством В.С. Волынского было составлено ответное послание под замысловатым названием «Словесное объявление через доносителя, желающего добра». В архивах сохранилось 4 варианта этого письма, из них 3 черновых и одно «белое». В результате, по мере редактирования, текст письма становился все менее понятен непосвященному человеку. В двух первоначальных вариантах, один из которых был написан Краевским, русское правительство достаточно ясно выразило свои намерения. В Посольском приказе удовлетворились присланным списком с письма литовского канцлера и троцкого воеводы и выражали готовность продолжить тайные сношения: «...и нам ныне вернее стало и буди то вам ведомо, что мы дали моч послу нашему с вами добра желающими особами говорить и становить на общую ползу нам всему христианству». Вести переговоры должны были русские послы на сейм 1681 г. И.А. Желябужский и С. Протопопов. Самого Краевского русское правительство посылать в Варшаву отказалось «для того, что он Назарей нам сказал, от вас остережен, что ваш зломысленный (в самом раннем черновом варианте, вместо „зломысленный“ было написано „король“. — *К. К.*) премощен есть, и ему б Назарею быть осторожну от него (в самом раннем варианте письма — „от короля“. — *К. К.*), и от Сапегов, а вы сами слышали у стола посолского, что ему Назарею [Казимир] Сапега, воевода

полоцкой, говорил к подозрению, что и наши послы слышали...». В Посольском приказе желали, чтобы Огинский и Пац «не допустили до злаго намерения, которое одной мысли з бусурманы, и ваше желание на доброе общее дело нам и християном не допустя на сейм, послом нашим объявили и пересылками тайно ссылатца на пресечение от злых злаго намерения» [84].

Во втором, сокращенном варианте было исключено все, связанное с Краевским и Константиновичем. В окончательном, белом варианте — из текста были выброшены всякие упоминания о Речи Посполитой, ее короле и «бусурманах». Однако суть послания осталась неизменной: русская сторона выражала готовность вести «тайные» переговоры с литовскими магнатами через направленных в Варшаву послов, с целью «пресечения злаго намерения» [85].

18 (8) января 1681 г. «белое письмо» Назарий Краевский переписал «по полски на дворе у боярина у Василия Семеновича Волынского <...> и с тем он с Москвы отпущен» [86]. Вскоре Краевский сообщил Волынскому, что отправил письмо по назначению, а также получил ответ на предыдущее послание к Пацу и Огинскому (текст его, видимо, не сохранился, но известно, что его из Москвы для переписывания доставил подьячий Михаил Тарасов). Литовские магнаты подтвердили готовность вести переговоры с Желябужским на сейме «на ползу нам християном» и, отмечая, что «на дороге видетца для подозрения невозможно», просили русских послов поспешить с приездом, опасаясь активных действий королевской партии. Все это Краевский сообщил ехавшему в Речь Посполитую И.А. Желябужскому [87].

V. Настойчивое желание польского короля продолжать антиосманские переговоры с Россией в 1680 г. определялось не только неудачей миссии М.К. Радзивилла, но и позицией Османской империи. Надежды, которые прежде Ян Собеский возлагал на дипломатическую поддержку Порты (попытки улучшить условия Константинопольского договора 1678 г. предпринимались в 1679 г. польским дипломатом Яном Карвовским через посредство крымского хана [88] и непосредственно резидентом С. Проским в Стамбуле [89]), обернулись усилением османской враждебности в отношении Речи Посполитой.

Одной из причин этого, по оценкам самого Яна Собеского, стала именно дипломатическая активность Речи Посполитой в ее стремлении заключить антиосманский союз. Ян Собеский резонно полагал, что в Стамбуле не могли не знать о миссии Радзивилла, Анджея и Щенстного Морштынов, о переговорах с Россией. В апреле — мае 1680 г. каменецкий паша и крымский хан в письмах к польному коронному гетману С. Яблоновскому упрекали Речь Посполитую в тесных дипломатических контактах с Москвой [90]. Несмотря на безрезультатность этих шагов королевской дипломатии, Порта отреагировала на них усилением нажима на Польско-Литовское государство.

Ян Собеский стремился всеми силами избежать делимитации границы в Подолии. Однако в начале 1680 г. великий визирь Кара-Мустафа в ультимативной форме потребовал от польского резидента С. Проского провести размежевание уже в этом году. Попытки резидента в соответствии с королевскими инструкциями

уклониться от решения этого вопроса, ссылаясь на то, что комиссаров для разграничения может назначить лишь сейм, который соберется только через год, ни к чему не привели. Чтобы сделать польское правительство более уступчивым, Порта направила войска в Дунайские княжества и в Подолию, усилила гарнизоны Каменца, Бара и других подольских крепостей[91]. Ян Собеский воспринял эти приготовления как стремление турок развязать против Речи Посполитой новую войну[92]. В июле 1680 г. официальное требование великого визиря о разграничении Подолии было направлено и польскому королю[93]. Это окончательно ставило крест на всех попытках Речи Посполитой добиться от Порты территориальных уступок. «Suknia przez Gnińskiego skrajona, ani się już skrócić, ani przyczynić nie może» *, — заявлял великий визирь в ответ на все просьбы С. Проского[94].

С наступлением июля — времени, когда, по мнению польского короля, турки обычно начинают военную кампанию — Собеский выехал в «русские края», «aby przynajmniej, consilio malum avertere, kiedy dla słabości i szczupłości wojska armis nie możemy» **. Еще рассчитывая обрести в текущем году партнеров по антиосманской коалиции, король решил всеми мерами затягивать польско-турецкое разграничение. С этой целью со стороны Речи Посполитой на него были назначены «простые люди», которые, как считал Собеский, являлись бы более «зрителями» нежели «актерами» на «этой сцене»[95]. В виду имелись польские дипломаты, заключившие ранее с Портой Журавненский мир 1676 г., — саноцкий хорунжий Томаш Карчевский и брацлавский каштелян Ежи Вельхорский, не соответствовавшие своим рангом турецким комиссарам[96]. По мнению польского короля, назначение более знатных персон дало бы туркам повод для очередного торжества, посылка же на разграничение Т. Карчевского и Е. Вельхорского демонстрировала вынужденный, «подневольный» характер делимитации границы со стороны Речи Посполитой. По тем же причинам польской делегации было дано распоряжение отказаться устанавливать пограничные знаки вдоль новой польско-турецкой границы. Уловка эта, впрочем, не помогла. Турецкие комиссары приказали соорудить их янычарам, а также пригнанным специально для этого окрестным крестьянам[97].

Ян Собеский признавал, что согласие на разграничение Подолии он был вынужден дать также и потому, что не удалось заключить договора о союзе с Россией. Информация, распространявшаяся ранее польской разведкой в Подолии о возможном ударе русско-польской армии на Каменец, таким образом, автоматически дезавуировалась, и теперь уже сама Речь Посполитая могла стать объектом нападения со стороны турецких войск, концентрировавшихся между Хотином и Жванцем[98]. Только к концу июля Собескому стало ясно, что в текущем году польско-турецкая война не начнется, при условии, что Речь Посполитая согласится на требуемое турками разграничение, однако в следующем году — считал польский король — она неизбежна[99]. Польской стороне удалось договориться, чтобы во время

---

* «Платье, скроенное Гнинским, уже ни сузить, ни расширить не удастся».

** «чтобы, по крайней мере, благоразумием беду отвести, если из-за слабости войска силой не можем сделать это».

делимитации границы с обеих сторон присутствовали отряды численностью не более тысячи солдат. Однако продолжавшееся продвижение турецких войск на Цецору, прямо к границам Речи Посполитой, вызвало серьезное беспокойство коронных гетманов и короля, особенно учитывая, что и без того малочисленные польские войска были ослаблены болезнями, да еще и находились на квартирах. В начале августа Ян Собеский велел гетманам объявить войскам о готовности к сбору. В Каменец был направлен посланник с заявлением, что условием проведения разграничения должно стать прекращение движения османских войск к польским границам либо их передислокация в другое место, за исключением оговоренного ранее контингента. Ему же было заявлено о наличии у османской стороны неких книг, составленных якобы аж 900 лет назад (Собеский по этому поводу с недоумением замечал, что в те времена еще и Польши не существовало), согласно которым к Подолии относились Староконстантинов, Тернополь, Озоховцы (Ozohowce; совр. Ольховцы?), Збараж, Вишневец, Подгайцы, Бережаны (Brzezany), Бучач и др. — значительная часть Русского воеводства. В случае отказа уступить эти города турки грозили войной. Собеский с горькой иронией писал Радзивиллу, что, видимо, и османский султан, и французский король прошли науку у одного учителя, поскольку Людовик XIV в такой же манере претендует на Мец, Страсбург, Кёльн, а видимо — и на всю Священную Римскую империю. По мнению польского короля, согласиться с такими требованиями означало бы надеть поводок на свою шею собственными руками, а столь наглые претензии турок вызваны их хорошей информированностью о слабости польской армии. В связи с напряженностью ситуации польские войска стали сосредотачиваться в лагере под Микулинцами, недалеко от Тернополя.

Только в конце августа в Яворове, где в тот момент находился королевский двор, вздохнули с облегчением. Выяснилось, что под Каменцом находится лишь 8-тысячная османская армия, что явно исключало возможность ведения турками активных действий, а каменецкий паша сообщил о готовности турецкой стороны приступить к разграничению в соответствии с ранее согласованными условиями[100]. Но после встречи 26 августа уполномоченных с польской и османской сторон трудности обозначились опять — турки потребовали присоединения к Русскому воеводству Потока и Бучача. Однако, встретив твердую позицию польских дипломатов, требования эти были османами сняты[101].

10 сентября 1680 г., во время разграничительной комиссии с османами и в преддверии приближавшегося сейма, Ян Собеский разослал сенаторам письма deliberatoria, подводя итоги внешней политики Речи Посполитой в 1679–1680 гг. Концентрация турецких и татарских войск в Подолии под предлогом разграничения, а также завоз крупной партии провианта в Каменец для пополнения военных магазинов по-прежнему вызывали тревогу польского короля. Он сообщал сенаторам, что великий визирь Кара-Мустафа, который в 1677 г. под Чигириным будто бы дал слово, что через четыре года вся «оттоманская мощь» вновь выступит на завоевание новых земель, в текущем году поехал зимовать в район Дуная. Король выражал уверенность, что на весну–лето 1681 г. Порта планирует начать новую

войну. В случае, если переговоры о продлении перемирия, которые ведет с турками император, увенчаются успехом, объектом нападения может вновь стать Речь Посполитая. Однако, по мнению Яна III, «судьбы Отчизны» зависели в настоящий момент не только от разграничения Подолии, но и от «московского трактата» — переговоров, которые ведут в Москве К. Томицкий и Е. Довмонт. Решение выслать их в Москву было принято на генеральной раде сената, после того как Речь Посполитая не получила внятных ответных заявлений от христианских государей, к которым по решению сейма 1678–1679 гг. были направлены посольства с приглашением к совместному выступлению против Порты. Одновременно было решено всячески демонстрировать дружбу по отношению к Стамбулу, чтобы выиграть время для союзных переговоров.

Подробный анализ польским королем предлагаемых Россией условий союза свидетельствовал, что в польских планах антитурецкой коалиции восточный сосед в данный момент занимал главное место. Тем не менее Собеский считал, что Россия затягивает переговоры о союзе, характеризовал ее как «ненадежного друга». Касаясь прошедших переговоров с посольством И.А. Прончищева и Е.И. Украинцева в Варшаве, польский король напоминал сенаторам предложения русской стороны — предоставление Речи Посполитой вспомогательного корпуса численностью в 15–20 тыс. взамен на аналогичный контингент. Вместо войск русские послы предлагали также выплатить шляхетской республике миллион злотых (200 тыс. рублей). Собеского не устраивали эти условия. Он считал, что предоставление России польских войск в обмен на равное количество русских — это «опасный обмен», удовлетвориться же миллионом — значит слишком дешево оценить безопасность Отчизны. С посольством Томицкого Собеский связывал надежду, что Россия пойдет на уступки в отношении союза.

Если Москва в глазах польского короля была ненадежным партнером, то остальные потенциальные европейские союзники, по признанию Собеского, оказались еще ненадежней. Французский король заявил, что ни наступательного, ни оборонительного союза с Речью Посполитой заключать не желает. Император, озабоченный защитой своих владений от посягательств Франции, также не дал ясного ответа на польские предложения. Собеский отмечал, что усиление франко-имперских противоречий сводит на нет шансы шляхетской республики получить хоть какую-то помощь от Западной Европы. Папа хоть и пообещал субсидии размером в полмиллиона злотых, однако Франция и Испания воспротивились, чтобы собираемая в их владениях Римом десятина шла на указанные цели.

Обращал польский король внимание сенаторов и на внутреннее состояние Речи Посполитой: как можно рассчитывать на прочный союз с окрестными государями, если все они знают, что решения сейма в Речи Посполитой выполняются из рук вон плохо, что многие воеводства Короны и Литвы еще не собрали налоги, утвержденные гродненским сеймом, что войска, расположенные на границах Польско-Литовского государства, малочисленны, страдают от нехватки денег и продовольствия, что казна пуста. Собеский напоминал сенаторам, что содержание резидента в Стамбуле, направление посланников к султану, царю и французскому королю,

комиссаров на разграничение Подолии он финансировал из собственного кармана, что приехавший за «упоминками» посланец крымского хана уже долгое время живет в Варшаве, получив из личных средств короля лишь скромный «аванс».

В заключение король информировал сенаторов о свежих новостях с польско-османского размежевания: турки упорно требуют Чарткова, утверждая, что город этот упомянут в «реестре», полученном ими от визиря. После долгих споров этот вопрос был отложен до получения дополнительных указаний от визиря, однако польский король не сомневался в том, какими они будут. Он спрашивал сенаторов, разрывать ли разграничение или позволить туркам аннексировать Чартков[102]. Во всех известных ответах сенаторов на королевские письма deliberatoria высказывалось мнение о необходимости сохранения мира с Портой[103].

В письмах М.К. Радзивиллу Ян Собеский неоднократно выражал уверенность, что состояние войны между Россией и Турцией не будет для последней помехой для начала войны на другом фронте, особенно учитывая оборонительную стратегию Москвы. Он считал, что, даже не заключив мир с царем, турки могут воевать «с целой Европой». «Moskal żadnej im nie uczyni diversiej, ale w ten czas się tylko broni, kiedy go atakują» *, — резюмировал Собеский. Это, с одной стороны, заставляло польского короля опасаться, что «другим фронтом» будет именно польский, с другой — внушало уверенность в нескором заключении русско-османского перемирия, что, следовательно, повышало шансы на заключение русско-польского союза. По планам Собеского, соглашение между Москвой и Варшавой должно было быть достигнуто перед сеймом, который планировался на начало 1681 г. Собравшиеся в Варшаве на сейм станы Речи Посполитой (король, сенаторы и послы на сейм) должны были ратифицировать заключенный союз[104].

Разграничение земель Подольского эялета и польских воеводств происходило с 1 сентября по 15 октября 1680 г. В письме, направленном во второй половине сентября от имени султана Ахмеду-паше, бейлербею (наместнику) Каменца, указывалось, что Чартков при любых условиях должен быть признан владением Порты. Польским дипломатам ничего не оставалось, как только согласиться на это[105]. Кроме того, каменецкий паша заявил польской стороне о намерении османов уже весной 1681 г. провести разграничение всех украинских земель. Польский король видел в этом прямую угрозу начала польско-турецкой войны[106]. Видимо, понимая, что иного выхода нет, на разграничение Украины согласились и польские комиссары. Оно было отложено ввиду скорого наступления зимы[107].

В архивах Посольского приказа сохранилась переведенная на русский язык королевская инструкция, присланная на предсеймовый сеймик Мстиславского воеводства в конце 1680 г. Поставленные в ней перед шляхтой вопросы непосредственно перекликаются с содержанием писем, направленных королем сенаторам Речи Посполитой. Отношениям с Россией была посвящена значительная часть инструкции. Информация о результатах посольств в европейские страны немногим

* «Москаль теперь не решится ни на какое нападение, а только обороняется, когда его самого атакуют».

отличалась от той, что сообщалась в письмах сенаторам. В самом начале королевский двор констатировал, что посол в Россию К. Томицкий «отпущен ни с чем». При этом польский дипломат «остерегает», что «то святое дело никогда основательно договорено быти не может, естли вечной покой и вечные договоры с тем народом совершены не будут, к чему дабы воеводства и земли послов своих с полной мочью на сейм посылали». Безотносительно к тому, информировал ли К. Томицкий об этом королевский двор или нет, появление этого пункта в королевских инструкциях на сеймики чрезвычайно важно. Оно свидетельствует, что в Варшаве серьезно задумались над тем, чтобы вовлечь Россию в антиосманский союз, обсуждение которого планировалось не откладывать до пограничной комиссии в Андрусово, а заключить его с русским посольством на будущем сейме. Причины этого, видимо, стоит искать в результатах разграничения Подолии, когда «после долгих преней оружие имеющу соседу» не только Чартков, но и еще одно местечко — Лычковцы «уступить пришлось». Более того, турки потребовали размежевания всей Украины. Польские комиссары пробовали ухватиться за форму статей польско-турецких договоров об Украине, которая отдавалась «самим казакам», однако на османских дипломатов это не возымело никакого действия. Под предлогом отсутствия полномочий польской стороне все же удалось отложить разграничение Украины до весны 1681 г. Ян Собеский видел в этом признак того, что Порта ищет предлога к разрыву мирного договора: если Речь Посполитая не захочет проводить делимитацию границы на Украине «по мысли» турок, считал король, то весной они двинут на шляхетскую республику свои полчища. Характерно, что после этого в инструкции вновь выражалась надежда на заключение союза с русским царем и шляхте предписывалось дать своим послам полномочия на его утверждение [108].

В итоге к концу 1680 г. надежды Яна Собеского на заключение союзных договоров со странами Западной Европы таяли, а позиция Османской империи в отношении шляхетской республики ужесточалась. В Подолии граница между Портой и Польско-Литовским государством по разграничению 1680 г. прошла даже менее выгодно для польской стороны, нежели это было сделано по Бучачскому договору 1672 г. Помимо крупных местечек (Чарткова и Лычковец), османы несправедливо, по мнению поляков, присоединили к своим владением несколько деревень [109]. В этих условиях при польском королевском дворе все большее значение придавали заключению союза с Московским государством как единственной возможности обезопасить страну перед лицом новой османской агрессии. Не оставляя попыток сорвать заключение мира между Россией и Османской империей, королевский двор в конце 1680 — начале 1681 г. активно распространял в польских рукописных и печатных газетах дезинформацию, что союз Москвы и Варшавы, направленный против Порты, якобы уже заключен [110].

Неудача планов Собеского заключить против Порты наступательный союз христианских держав в 1680 г. была предопределена всей международной ситуацией в Европе. В этих условиях попытки Речи Посполитой найти поддержку в странах Западной Европы оборачивались против нее самой.

VI. В преддверии сейма, назначенного на январь 1681 г., вопрос русско-польского союза стал одной из основных тем предсеймовых сеймиков, проходивших в декабре 1680 г. Особое значение эта проблема имела в Литве.

Н. Краевский привез в Москву инструкцию послам Мстиславского воеводства, сеймик которого контролировался «партией» Пацов. «Знатныи так же трудолюбивая Литва терпит от Москвы урон, — констатировалось в ней, — которая толь великие от государства отсекли части, желаемого кончително не могут с нами совершить покою (заключить мирный договор. — *К. К.*), понеже, однако, временная дружба взаимным учинением присяги утверждена есть укреплением, отягчаем веру их милостей послов, чтоб те постановленные договоры не разорение, на которые никоими меры не позволяем, но соблюдение и укрепление содержати могли, и естли на нынешнем сейме пристойное вечного покою учинитис невозможет постановление, без повреждения договоров до будущей то дело <...> отложить комисии <...>»[111].

Состояние перемирия между Россией и Речью Посполитой не до конца удовлетворяло Пацов, а скорее всего, и большинство литовской шляхты, выступавшей за заключение постоянного мира с Москвой, надежды на что отчасти связывались и с наступающим сеймом. Поэтому в инструкции послам давались полномочия поддерживать все антиосманские начинания двора, в т. ч. и по заключению союза с Россией. «Бусурманин» объявлялся самым опасным врагом Речи Посполитой[112]. Русско-польский союз являлся бы дополнительной гарантией от выдвижения Россией новых претензий на литовские земли. Вместе с тем вопрос об удерживаемых Русским государством территориях на основе договора 1667 г. не получил в инструкции однозначного решения.

В начале 1681 г. в Варшаву, к открытию сейма, прибыло очередное русское посольство думного дворянина И.А. Желябужского и дьяка С. Протопопова. К моменту прибытия послов до Яна Собеского уже дошли известия о заключении русско-турецкого Бахчисарайского перемирия, поэтому на начавшихся переговорах польская сторона потребовала объявить условия мира[113].

Между тем переговоры в Бахчисарае шли тяжело, доставив русской стороне немало неприятностей. Посольство, направленное в Крым в сентябре 1679 г., ничего не добилось. Кроме того, один из послов — дьяк Василий Михайлов, поссорившись с коллегой Иваном Сухотиным, самовольно выехал в Москву[114]. Новое посольство опытного дипломата В.М. Тяпкина в сопровождении дьяка Никиты Зотова и писаря запорожского гетмана Семена Раковича было выслано в Бахчисарай в августе 1680 г. В ходе трудных переговоров, которые продолжались с октября 1680 г. по февраль 1681 г., русские послы, так же как и их предшественники Сухотин и Михайлов, требовали признания за Россией части Правобережной Украины в границах по рекам Рось, Ирдень, Тясмин, Чута, Ингулец и Носаковка. Однако татарская сторона ультимативно заявляла, что границей между османскими и русскими владениями должен быть Днепр, грозя в противном случае разрывом переговоров.

В конце концов русские дипломаты вынуждены были уступить, и на основе заключенного двадцатилетнего перемирия Россия получила на Правобережье

только небольшую территорию вокруг Киева с местечками Стайки, Треполье и Васильков. Тяпкин и Зотов упорно настаивали также на переходе Запорожья под власть царя. Соответствующий пункт был включен в текст договора о перемирии и шертной грамоты, представленных русскими дипломатами хану 12 (2) января. Однако в шертной грамоте, образец которой послам вручили 11 (1) марта, статья о Запорожье отсутствовала. Тяпкин и Зотов отказывались принимать такую шерть, но в конце концов приняли, заявив, что делают это под давлением татарской стороны. Русских послов заверяли при ханском дворе, что Запорожье признáет за Россией султан в ходе переговоров с российскими послами, которые будут к нему высланы для ратификации заключенного перемирия. По условиям заключенного договора Россия должна была выплатить хану «казну» за три прошедших года[115], что должно было лечь тяжелым бременем на царский бюджет.

Первые известия о Бахчисарайском перемирии комендант белоцерковской крепости получил уже 14 февраля 1681 г., а окончательное подтверждение, что мир заключен, — 4 марта (т. е. раньше официальной присяги хана, означавшей окончательное заключение договора). В реляции неизвестному сенатору или магнату он сообщил основные положения перемирия[116].

Однако Желябужский и Протопопов заявили в Варшаве, что им ничего не известно о заключении перемирия в Бахчисарае. «Случение сил» они предлагали на условиях предоставления со стороны России Речи Посполитой в помощь 10 тыс. войска, со стороны шляхетской республики на помощь царским войскам — 9 тыс. конницы. Сенаторы же просили предоставления Россией 60-тысячного корпуса, соглашаясь выделить в распоряжение русского командования 2-тысячный отряд. После долгих дебатов русские послы согласились увеличить число русских войск до 20 тыс., польских до 10 тыс. Эта позиция России легла в дальнейшем в основу польских предложений касательно «случения сил» на русско-польских переговорах в 1684 и 1686 гг. Однако на этот раз польско-литовская делегация отвергла эти условия, объявив об окончании переговоров. Желябужский и Протопопов, заявляя, что других полномочий не имеют, попросили разрешения выслать гонца в Москву. Польско-литовская сторона обвинила русских послов в намеренном затягивании переговоров[117]. В середине апреля из Варшавы выехал русский гонец — смоленский рейтар Алексей Коренев в сопровождении польского гонца — волковыского подстолия Кшиштофа Гутовского. Последний вез королевскую грамоту Федору Алексеевичу, содержавшую, впрочем, лишь общие заявления, что Гутовский направлен по делам переговоров, которые ведут русские послы в Варшаве. Суть же польских предложений излагалась в письме литовского подканцлера Доминика Радзивилла к главе Посольского приказа В.С. Волынскому (от 15 апреля 1681 г.). Подканцер просил снизить численность кавалерии, которую должна была предоставить России Речь Посполитая, до 4–5 тыс. и направить соответствующие указания Желябужскому и Протопопову. Гутовский прибыл в Москву через месяц, подав письмо Радзивилла в Посольский приказ 15 (5) мая. Во врученной волковыскому подстолию на следующий день ответной царской грамоте было объявлено, что обо всех русских предложениях по дальнейшему ведению переговоров «доне-

сут» польско-литовской делегации царские послы. В тот же день поляк выехал обратно[118].

С началом сейма 1681 г. А. Константинович пересылал в Москву подробную информацию о его ходе (которую он получал от депутата мстиславского воеводства, сторонника Пацов, Яна Зембоцкого, причем писарь гродский отмечал, что «не без особых делается то проторей», т. е. денежных средств)[119].

Поставляемые в Посольский приказ сведения отражали прежде всего позицию «партии» Пацов и носили в целом антифранцузскую и антидворскую направленность, в них подчеркивалась важная роль и влияние Пацов и М. Огинского в Литве и в Речи Посполитой. В Москву сообщалось о намерении профранцузской «партии» сорвать заключение антиосманского союза России и Речи Посполитой и даже «обратить войну на Москву». Более того, французский король в тесном союзе с Яном Собеским якобы намеревался «за саблею турскою с цесаря християнского корону содрать и самому быть цесарем», а сам польский король якобы желал «за саблею турскою с государем вашим (т. е. с царем. — *К. К.*) управитца или помиритца вечным миром, и <...> свое государство одному под владение подбить и владеть, а не с Речью Посполитой». Переданные в Посольский приказ обвинения в адрес Яна Собеского в намерении установить абсолютную монархию были общим местом в пропаганде противников королевской власти в Речи Посполитой. Однако в этом случае они имели целью спровоцировать враждебность и подозрительность Москвы в отношении политики польского короля и его внешнеполитических планов. В то же время информация о профранцузской ориентации Собеского уже не отвечала действительности и предназначалась исключительно для Посольского приказа, не имевшего своего резидента в Варшаве, а потому слабо знакомого с тамошней внутриполитической обстановкой.

Вместе с тем решение о союзе с Россией и войне с Османской империей не сразу получило поддержку на сейме. 18 марта 1681 г. в костеле иезуитов на отдельной сессии послов и сенаторов Великого княжества Литовского против союза с Россией выступали многие литовские сенаторы, в т. ч. Ц.П. Бжостовский и Я.А. Храповицкий, «толко два воеводы виленской [М. Пац] да троцкой [М. Огинский], те воистину яко сынове Отчизны, великие приводя приводы, желали случения с Москвою». Благодаря якобы стараниям М. Паца и М. Огинского упорство недовольных представителей ВКЛ удалось преодолеть, и в итоге было решено, что «случение с Москвою приемлют и на салтана войну обращают». На следующий день на заседании сената это постановление получило поддержку и Яна Собеского[120], а 25 марта в поддержку союза с Россией и войны с Турцией высказался уже весь сейм[121].

Не ставя под сомнение важную роль Паца и Огинского (особенно среди литовских депутатов) в этом деле, все же необходимо ответить, что эти литовские магнаты необоснованно приписывали себе все заслуги русско-польского сближения. После разграничения Подолии среди шляхты значительно возросли антиосманские настроения, получившие свое выражение на предсеймовых сеймиках. Активную антиосманскую позицию накануне и во время сейма занимал и королевский двор[122]. Идею союза с Россией поддержали и коронные гетманы — С. Яб-

лоновский и Д. Вишневецкий, а также папский нунций в Речи Посполитой, специально встречавшийся с И. Желябужским и С. Протопоповым и убеждавший их заключить договор, обещая Польше финансовую поддержку Святого престола. На военном совете, состоявшемся 26 марта, против войны с Турцией высказалось всего лишь трое вельмож. Но и они примкнули к большинству после уговоров короля, королевы и нунция. 2 апреля Корона приняла решение о формировании войска численностью в 36 тыс. ставок, а 4 апреля и Литва согласилась собрать налоги на оплату 10–12 тыс. ставок[123].

По поводу же конкретных условий русско-польского союза прения продолжались и далее. Его сторонники, желая усилить свои позиции, пытались заручиться поддержкой русских дипломатов, коротавших время в ожидании царского указа из Москвы. 11 (1) мая, накануне обсуждения этого вопроса очередной радой сената, польский пристав Гаврила Черкес попросил русских послов прислать своих людей к гетманам — польному коронному С. Яблоновскому и великому литовскому М. Пацу прямо во время рады с объявлением, что царь выслал к послам гонца с новыми инструкциями по заключению союза с Речью Посполитой. Это должно было продемонстрировать искренность намерений России заключить союзный договор. Однако русская делегация отказалась пойти на такой шаг. 14 (4) мая пристав Г. Черкес заявил послам, что, несмотря на получение польским королем «верного» свидетельства о заключении русско-османского перемирия, Речь Посполитая не отказывается от дальнейших переговоров[124]. По некоторым сведениям, сейм утвердил инструкцию для переговоров с Россией, которая обещала скорый прогресс в деле заключения антиосманского союза и Вечного мира.

Однако 24 мая великопольский посол Владислав Пшиемский не позволил продолжать дебаты «при свечах», вышел из посольской избы и поспешно выехал из Варшавы на лошадях познанского воеводы К. Гжимултовского. Сейм, таким образом, впервые за время правления Яна Собеского, был сорван представителями магнатско-шляхетской оппозиции, главным центром которой была Великая Польша, при поддержке бранденбургской дипломатии.

После Нимвегенского мира между Францией и Голландией с ее союзниками курфюрст Фридрих-Вильгельм, быстро сблизившийся с Людовиком XIV, рассчитывал использовать австро-французские противоречия для усиления своего княжества. Союз Парижа и Берлина был оформлен договорами 1679 и 1681 гг. Одним из пунктов договора 1679 г. французский король гарантировал соблюдение Речью Посполитой Велявско-Быдгощского договора (1657 г.) и Оливского (1660 г.) трактатов. Тем самым Франция защищала интересы Бранденбурга в ущерб интересам Речи Посполитой. Бранденбурский курфюрст, в свою очередь, активно содействовал французской дипломатии в противодействии польско-австрийскому сближению. Эти договоры вкупе с Нимвегенским миром показали, что среди французских союзников Речи Посполитой принадлежит второстепенная роль, что Париж готов пожертвовать польскими интересами в пользу Стокгольма и Берлина. К активному участию в организации срыва сейма бранденбургского посла И. Ховербека побудили опасения вооруженного вторжения в Княжескую Пруссию польско-

литовской армии, собранной для войны с Османской империей. Кроме того, в Берлине также хотели воспрепятствовать принятию сеймом конституций, ограничивавших права сына курфюрста Людвига по распоряжению огромными владениями в Литве — приданым его жены Людвики Каролины из рода Радзивиллов. Брак между ними, заключенный практически втайне в январе 1681 г., был тяжелым ударом для Собеского, рассчитывавшего на руку княжны Радзивилл для своего старшего сына Якуба[125]. К срыву сейма приложил руку и литовский гетман М. Пац[126].

Для обсуждения сложившегося положения в переговорах с Россией сразу после срыва сейма собралась посеймовая рада сената. На ней было решено ждать возвращения из Москвы К. Гутовского и официального подтверждения со стороны России, что перемирие с турками и татарами заключено. Русским дипломатам было заявлено о готовности Речи Посполитой выполнить принятые сеймом решения касательно антиосманского союза. Однако вскоре К. Гутовский возвратился ни с чем, а И.А. Желябужский и С. Протопопов получили царские грамоты с уведомлением о заключении перемирия в Бахчисарае. Им предписывалось объявить об этом Яну Собескому и сенаторам, что они и сделали 9 июня (30 мая)[127]. И теперь, и впоследствии русские дипломаты упорно придерживались версии о «случайном» якобы заключении договора, произошедшем из-за нежелания крымского хана производить размен пленными без заключения перемирия[128].

В тот же день, 9 июня, состоялась еще одна рада сената postcomitiale. В королевских предложениях констатировалось, что с получением уведомления из Москвы о заключении Бахчисарайского перемирия последняя надежда на заключение союза развеялась, а следовательно, все тяготы будущей войны с Турцией лягут исключительно на Речь Посполитую. В связи с этим сенаторы должны были высказать предложения по освещению сложившейся внешнеполитической ситуации в инструкциях на реляцийные сеймики, и в т. ч. итогов «московских» переговоров. Соответственно двор ставил вопрос и о том, что далее предпринять в отношениях с Россией: игнорировать ли «невыносимые обманы» русских, которые тянутся аж со времени гродненского сейма 1678–1679 гг., и сохранить возможность для продолжения переговоров о союзе, или же объявить «на весь мир» об уловках русской дипломатии. Другой вопрос, который волновал Собеского, касался проведения намеченной еще на 1680 г. русско-польской комиссии с посредниками, а именно ее сроков, которые царское правительство оставляло на усмотрение польской стороны, и привлечения посредников, которые, по мнению польского короля, больше бы мешали, нежели содействовали соглашению между Россией и Речью Посполитой.

В связи с русско-османским перемирием королевский двор предлагал сенаторам обсудить инструкции, которые необходимо выслать резиденту С. Проскому в Стамбул, а также вопрос о направлении посланника в Крым с «упоминками» и отправления персидского посланника, находившегося при польском дворе. Кроме того, при дворе ожидали, что османы теперь непременно потребуют разграничения Украины, и поэтому ставился вопрос о том, держать ли наготове войска или, наоборот, распустить их, чтобы не провоцировать турок, и уступать ли Белую Церковь в случае настойчивых требований османской стороны[129].

Сложное внешнеполитическое положение Речи Посполитой диктовало польско-литовским правящим кругам гибкие и осторожные шаги на международной арене. Поэтому сенаторы рекомендовали королю просто объявить в универсалах на реляционные сеймики о прекращении переговоров с Россией ввиду заключения той мира с Турцией и Крымом, воздержавшись от антироссийских сентенций, а русских дипломатов отпустить, декларируя в грамоте к царю «большую дружбу», чтобы не отбить у России охоту к продолжению переговоров о союзе и Вечном мире. Тем самым сенаторы рассчитывали сбить с толку и османскую дипломатию, которая после заключения Бахчисарайского перемирия должна была, по их мнению, ожидать обострения русско-польских отношений. Одновременно решено было не форсировать проведение русско-польской комиссии в ожидании более удобного времени для ее созыва.

Теперь, когда Порта получила мир с Москвой, разграничение Украины, считали сенаторы, стало неминуемым, поэтому король должен был как можно скорее «обновить» дружбу и с султаном через посредство С. Проского. На разграничение Украины следовало назначить комиссаров, однако они должны были вести себя «passive» и категорически отказываться уступать Белую Церковь (в senatus consulta отмечалась важность сохранения указанной крепости за Речью Посполитой, обладание которой обеспечивает не только военное, но и политическое присутствие шляхетской республики на Украине) и Паволочь. Коронные гетманы и генерал коронной артиллерии должны были принять меры к усилению гарнизонов этих крепостей людьми, амуницией и провиантом, в т. ч. за счет гарнизонов небольших местечек (Коростышев и др.), на случай вторжения османов на остававшуюся за Польшей часть Украины. В Крым также предполагалось направить посланника, «знающего тамошние края», под предлогом возвращения захваченного крымцами ясыря под Чернобылем, но не с обычными «упоминками», которые Речь Посполитая уже 3 года не платила ханству, а с «особенно дружественными» — сукнами стоимостью в несколько тысяч злотых, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать Крыму желание сохранять с ним дружественные отношения, с другой — поумерить претензии крымской знати на получение обычных упоминков. Со всяческими заверениями приязни следовало отправить и персидского посланника[130].

В соответствии с принятыми решениями 12 (2) июня русские послы были отпущены из Варшавы «по прежнему посольскому обычаю с любовью»[131]. В универсалах на реляционные сеймики было объявлено о необходимости соблюдения трактата о разграничении Подолии с Портой в связи с заключением Бахчисарайского перемирия[132].

М. Пац и М. Огинский немедленно установили контакт с русскими послами И.А. Желябужским и С. Протопоповым на сейм 1681 г. и регулярно сносились с ними параллельно с официальными переговорами. Серьезной помехой этому стало разоблачение К. Томицким сношений М. Паца с Посольским приказом. Краевский сообщал, что литовский гетман «с товарыщи крепко о том жалеет, что тайна ево открыта с Москвою...»[133]. Несмотря на это, прекращение переговоров и отъезд русского посольства из Варшавы вызвал недовольство литовских магнатов, счи-

тавших, что срыв сейма не повод для прекращения русско-польских переговоров. Уже на территории Литвы в 5 верстах от имения М. Паца — Меречь, литовский гетман нагнал послов и вновь вступил с ними в переговоры. После этого русские дипломаты посетили и М. Огинского в Вильно. Оба литовских политика упрекали послов в заключении перемирия с османами, «показуя, что неправдою и не по християнски с нами поступали», требовали его разрыва и продолжения переговоров о союзе с Речью Посполитой. И.А. Желябужский и С. Протопопов, по свидетельству М. Огинского, заявляли, что перемирие было заключено «случайно», поскольку В.И. Тяпкин приезжал в Крым для лишь для освобождения пленных, и в т. ч. В.Б. Шереметева: «и ево самого в тюрму взяв принудили ко учинению того перемирья, толко подтвержение ево стоит еще на изволении царского величества и для того слово дали, что царское величество того покою подлинно держать не будет». При расставании с М. Огинским русские дипломаты якобы обещали «то учинить у царского величества, что покой с бусурманы разорван будет». В свою очередь И.А. Желябужский и С. Протопопов предлагали Пацу и Огинскому убедить двор направить в Москву посланника для переговоров о пограничной комиссии, который мог бы затронуть и вопрос о союзе [134].

Будучи в Варшаве, И.А. Желябужский и С. Протопопов посылали 19 (9) апреля переводчика И. Тяжкогорского к австрийскому резиденту в Речи Посполитой. Тот подтвердил известия о получении Варшавой сведений о заключении русско-турецкого перемирия, добавив, что «того де поляки зело опасны, чтобы за тем миром не пришел на них тот неприятель войною» [135]. Тревога, которая охватила правящие круги Речи Посполитой, подтверждается многочисленными свидетельствами польских источников. Опасения, что в случае примирения России и Порты положение Польши значительно ухудшится, еще в 1680 г. выражал киевский епископ Станислав Витвицкий [136]. Ему вторил познанский воевода К. Гжимултовский, опасавшийся, что в случае заключения русско-турецкого мира все невзгоды войны с турками обрушатся на Речь Посполитую [137]. Известия о заключении Бахчисарайского договора вызвали у некоторых магнатов очень тревожные настроения. Воевода любельский Мартин Замойский, сообщая коронному подканцлеру Яну Гнинскому о приходящих отовсюду известиях, в т. ч. и от резидента С. Проского о заключении Бахчисарайского перемирия, красноречиво добавлял: «...na nas skóra drży» * [138]. О заключении перемирия крымский хан объявил Яну Собескому через своего посла Ганиш-агу, направлявшегося также и в Швецию [139]. Известно, что в Стокгольм крымские послы прибыли в сентябре 1681 г. и в ходе переговоров предложили шведам заключить союз против России [140].

В этой связи становятся понятными решения сенатского совета от 9 июня, через которые красной нитью проходила мысль о нежелательности вовлечения Речи Посполитой в какие-либо конфликты в условиях, когда шляхетская республика не могла рассчитывать на помощь окрестных государств. Поэтому польско-литовская дипломатия не отказывалась от продолжения переговоров с Россией об антиосман-

* «...нас аж в дрожь бросает».

ском союзе, даже имея веские доказательства русско-турецких дипломатических контактов с целью заключения мира. Польский двор воспринимал эти переговоры как попытку русской дипломатии оказать давление на возможного союзника, и, действительно, раз за разом польская сторона снижала свои требования к «случению сил». Россия же получала возможность достичь своих целей, воздействуя на турок посредством переговоров с Речью Посполитой, и в то же время, ведя переговоры с Бахчисараем и Стамбулом, — шантажировать шляхетскую республику.

Исследователь эпохи царя Федора Алексеевича Е.Е. Замысловский не считал беспочвенными обвинения польско-литовской стороны в намеренном затягивании И.А. Желябужским и С. Протопоповым переговоров в ожидании известий о результатах миссии В.М. Тяпкина[141]. Мнение это представляется небезосновательным. Стоит также принять во внимание, что после Чигиринских походов русская армия не предпринимала крупных операций, что на заключении мира с турками и ханом упорно настаивала украинская старшина во главе с гетманом И. Самойловичем. Царское правительство стремилось получить передышку, поэтому главной целью его внешней политики в 1679–1680 гг. следует признать стремление заключить мир с Портой и Крымом. В этом случае союзные переговоры с Речью Посполитой имели второстепенное значение. Это, впрочем, не исключало заключение союза с Польско-Литовским государством, но такого, который бы предусматривал самостоятельный выбор союзниками стратегии военных действий с возможным предоставлением друг другу ограниченных войсковых контингентов в пределах 15–20 тыс. солдат, а также свободу рук в ведении с османами мирных переговоров.

Однако такой союз Яна Собеского совершенно не устраивал. Свою роль в неудаче переговоров сыграло и то, что литовские магнаты стремились не допустить полного перехода инициативы в переговорах с Россией в руки королевского двора. В ход пускались нелепые обвинения Яна Собеского в протурецких и профранцузских симпатиях. Они если и не воспринимались в Москве как совершенно достоверные, то по крайне мере сеяли сомнения в умах русских дипломатов.

Условия Бахчисарайского перемирия не могли вызвать в Москве большой радости. Перечеркнутыми оказались почти десятилетние усилия, потраченные на присоединение Правобережной Украины[142]. Голландский резидент в Москве Иоганн фан Келлер сообщал, что большая часть царского окружения не верит в продолжительность мира с Портой и Крымом[143]. Новое столкновение России с Османской империей и Крымским ханством было не за горами. Поэтому московская дипломатия не собиралась окончательно отказываться от переговоров о союзе с Речью Посполитой.

VII. В мае 1681 г., когда посольство И.А. Желябужского и С. Протопопова еще находилось в Варшаве, в Москве развернулась подготовка к отправлению посольства в Османскую империю.

Порта, стремившаяся как можно скорее оформить окончание войны с Россией, всячески демонстрировала желание мира. Русскому гонцу — подьячему Никифору Кудрявцеву, находившемуся в Стамбуле с февраля 1680 г. по апрель 1681 г.[144] бы-

ли оказаны, по свидетельству польского резидента Самуэля Проского, небывалые почести, какие не оказывались до этого даже великим послам. У «сарая» русского дипломата было вывешено «красное сукно», что считалось у Порты знаком наивысшей чести, на содержание русского посольства выделены были крупные средства. Визирь устроил в честь него роскошный прием, на котором Кудрявцева забавляли многочисленные музыканты, атлеты, танцовщики султанского двора. Весьма стесненному в деньгах Проскому видеть это было особенно досадно. Более того, османы окутали всевозможной секретностью свои контакты с русским дипломатом. Польскому резиденту никак не удавалось узнать, какие вопросы поднимало турецкое правительство на многочисленных встречах с ним. У С. Проского даже возникло опасение, не ведутся ли переговоры о заключении антипольского союза. В то же время польский резидент считал, что роскошный прием Кудрявцева означал, что османы не исключают возможности продолжения борьбы с Россией, нацелившись на подчинение Астрахани, Казани и черкесских племен. Кара-Мустафа, по словам Проского «мудрый муж, с лица приветлив, а в хвосте яд прячет», пригрел кабардинского князя, который убил родного брата и бежал в Стамбул, чтобы впоследствии «поддержать» его претензии на Кабарду[145]. Эти ошибочные прогнозы С. Проского относительно внешнеполитических планов Османской империи интересны тем, что, по всей видимости, они отчасти легли в основу планов Яна Собеского в отношении Крымского ханства во второй половине 1682 г.

В июле 1681 г. в Стамбул выехало русское посольство окольничего и наместника олонецкого Ильи Ивановича Чирикова и дьяка Прокофия Богдановича Возницына для ратификации Бахчисарайского договора. На будущих переговорах русское правительство еще надеялось изменить в свою пользу условия заключенного в Бахчисарае договора, отстоять границу на Правобережье и переход под царскую власть Запорожья. Согласиться с ханской «шертной грамотой», которая была вручена В.И. Тяпкину, предписывалось только «по самой нужде». 2 сентября (23 августа) по пути в османскую столицу умер И.И. Чириков, и П.Б. Возницын продолжил свой путь в одиночестве, прибыв в Стамбул в середине декабря[146]. В Речи Посполитой надеялись, что смерть «великого посла» затруднит России переговоры с Османской империей и одновременно облегчит заключение русско-польского антиосманского союза[147].

Вскоре по приезде Возницын установил контакт с иерусалимским патриархом, который сообщил ему, что турки желают мира с Россией, поскольку намереваются весной вторгнуться в Венгрию, то же ему говорил и пристав Бекир-ага. По словам последнего, в этом был заинтересован сам великий визирь Кара-Мустафа. Однако, принимая во внимание традиции османской дипломатии, это отнюдь не обещало русскому послу легких переговоров. Дипломатические споры продлились с марта по май 1682 г. Возницыну не удалось добиться ни присоединения части Правобережья вниз по Днепру от Киева до Чигирина (за Россией признавался только Киев с местечками Васильков, Стайки, Треполье), ни перехода под царскую власть Запорожья, а казакам разрешалось ходить на промыслы в низовья Днепра и на Правый берег только при уплате соответствующих пошлин, что было особенно чувст-

вительно для запорожцев. Более того, в договоре были зафиксированы обязательства сторон не строить новых городов вдоль Днепра и не препятствовать переходу жителей обеих сторон реки на противоположный берег. Эти положения существенно задевали интересы гетмана И. Самойловича, грозя свести на нет его титанические усилия по переводу жителей Правобережья на Левый берег в 1679 г. и борьбу с переселением обратно. Добиться для полосы земель вдоль Правого берега Днепра статуса нейтральной земли, не подлежащей заселению, не удалось. В мае П.Б. Возницын, получив окончательный текст договора, совсем не такой, какой ожидало русское правительство, выехал в Россию и в сентябре прибыл в Москву [148].

По сообщению Краевского, после выезда из Варшавы И.А. Желябужского и С. Протопопова в Османскую империю был немедленно направлен посланник «для подтверждения прежних журавенских договоров». Та же информация содержалась и в присланном в Москву одном из писем М. Огинского [149]. Речь шла о курьере, отправленном с инструкциями к польскому резиденту в Стамбуле С. Проскому по решению посеймовой рады сената. Польская сторона стремилась внушить османам мысль об отсутствии какого-либо сближения Москвы и Варшавы. Польский резидент должен был заявлять при султанском дворе, что русским никогда не будут верить, поскольку они неоднократно нарушали все договоры с Речью Посполитой, до сих пор не возвратили Киев, а чтобы добиться «справедливого» разрешения всех споров с Россией, польская дипломатия добивается созыва комиссии с участием международных посредников, однако русская сторона всячески уклоняется от ее проведения. «Aleć widziemy że dopierosz nam Kiowa nie wrócą, kiedy pokojem od Porty tumebunt securi, i już się z tym chwalą, że ich z tym Porta szukała, z czego superbiunt, a zaprawde niesłusznie, bo od nich nec speres, nec metuas, nie wychylą się dalej Dniepra, jak żółw z pod skorłupy» *, — подводил итог коронный подканцлер Я. Гнинский в письме С. Проскому. Последний должен был убеждать Порту в невыгодности заключения перемирия с Россией, позиции которой только усилятся, одновременно настаивая, что эта страна — не особенно серьезный противник, и всячески уверяя Порту в намерении Речи Посполитой и далее соблюдать мир с Османской империей. С. Проский должен был опровергать гулявшие по Стамбулу слухи о возможном начале польско-бранденбургского конфликта, заявляя, что женитьба сына Фридриха-Вильгельма на княжне Радзивилл только укрепила дружбу двух государств [150].

Однако искушенную османскую дипломатию трудно было ввести в заблуждение относительно истинной расстановки сил в Восточной Европе. Признав за Россией Киев по Бахчисарайскому договору, османы в резкой форме отвергли все претензии Речи Посполитой касательно неправомерного захвата Чарткова. На ау-

* «Однако же только теперь нам ясно, что Киева нам не возвратят, поскольку надулись с гордости, обезопасив себя миром с Портой, уже хвастают, что Порта сама искала с ними мира, гордятся этим, и, вероятно, напрасно, так как от них не может быть ни надежд, ни опасений; не высунутся дальше Днепра, как черепаха из-под панциря».

диенции у визиря, в ходе которой польский резидент должен был объявить о намерении Речи Посполитой соблюдать мир, с ним обошлись грубо и бесцеремонно. Визирь Кара-Мустафа отказался также прекратить набеги крымских татар на земли Речи Посполитой, в т. ч. наказать виновных в уже совершенных нападениях и вернуть захваченных пленников и имущество. Проский, вопреки обычаю, не был «подарен» кафтаном, в аудиенции у султана ему было отказано. В сентябре 1681 г. он сообщал в Варшаву, что если османы продлят мир с австрийцами, то их нападение на Речь Посполитую неминуемо. Сообщая о передаче украинских земель под власть молдавского господаря Г. Дуки, резидент отмечал, что тот должен был «принять Украину всю <...>, Паволочь и Белую Церковь по самые стены оставить». Если поляки будут противиться захвату принадлежащих этим городам земель, на помощь господарю должны были прийти крымцы. Белую Церковь «очертить хотят <...>, чтоб толко в одних стенах осталас», — писал он в Варшаву[151]. В декабре польский резидент сообщал, что «ненависть» Порты к Польше не ослабевает. На «дружественные» письма короля Яна Собеского османы долго не давали вообще никакого ответа, а затем резиденту напомнили, что Речь Посполитая должна неукоснительно соблюдать мир с османами. Все просьбы С. Проского дать ему разъяснения по поводу захвата Чарткова и продолжавшихся после заключения мира татарских набегах игнорировались со ссылкой на волю великого визиря Кара-Мустафы. Ответные грамоты султана были вручены польскому дипломату с большой задержкой и только после того, как тот дал обязательства не поднимать эти вопросы на официальной аудиенции у визиря. В ходе нее Кара-Мустафа держался в отношении Проского холодно, польский резидент был вновь отправлен восвояси без традиционных «кофе и кафтана». В своем письме Яну Собескому он уверял, что «zdradzi nas nieodmiennie Porta zaraz, jako się z niemcami pogodzi. A pogodzi się nie omylnie. I ta gotowość którą teraz niemcom grożą obroci się na Polskę»*. Проский сообщал о скором прибытии в Стамбул австрийского посла А. Капрары. Он отмечал, что в австро-османском примирении заинтересована московская дипломатия, которая активно способствует этому[152].

Представленная таким образом позиция Порты диктовала Речи Посполитой необходимость продолжать поиск союзников на случай очередной османской агрессии.

VIII. Несмотря на срыв сейма 1681 г. и заключение русско-османского перемирия, Речь Посполитая, жившая в тревожном ожидании возможного начала войны с Портой, не оставляла попыток втянуть Россию в антиосманский союз. Причем на этой почве произошло некоторое сближение двора и литовской оппозиции. К продолжению переговоров подталкивала Польшу и Римская курия — папа отказывал Собескому в субсидиях на войну с Портой, пока не будет заключен договор с Россией[153].

---

* «предаст нас Порта, непременно предаст, сразу, как только с немцами договорится. А договорится обязательно. И вся та готовность, которой грозили немцам, обратится на Польшу».

После того, как русские послы покинули Варшаву, М. Пац и М. Огинский начали активную переписку с Москвой, стремясь добиться от нее продолжения переговоров. Троцкий воевода в предназначенном для Посольского приказа письме к А. Константиновичу выражал недовольство перемирием России с Османской империей, считая, что это даже стало причиной срыва сейма «по многих приговору и в деле самом по согласию, что лучшее и безопаснее предусматривая, дабы разорванием сейму не огласилас наша война с бусурманы». В то же время он утверждал, что это не может стать препятствием к заключению польско-русского союза, поскольку «Речь Посполитая согласилась на то с Москвою случение, войска назначила, и подати договорила, и то все писмом в казну данным подтвердила, назначив из сенату и ис посолской избы при королевском величестве к совершению тех дел». Русско-османо-крымское перемирие воевода троцкий оценивал как возможный тактический ход, чтобы усыпить внимание будущего общего противника. В конце он сообщал об опасениях порубежной литовской шляхты относительно начала новой войны с Россией[154]. Еще более обширное послание направил русским послам И.А. Желябужскому и С. Протопову литовский гетман М. Пац. Он подчеркивал свои усилия по преодолению сопротивления французской «факцыи», не желавшей допустить заключения русско-польского союза: «...хотя здес у нас таж вредителна той факцыи язва, инако свои дела зделала было, переломали есмы то и переделали на добро, что Речь Посполитая истинным сердцем на договаривание того случения удалася, как счастливо уговорено и докончено...». Поэтому для сторонников союза с Россией стало тяжелым ударом известие «о учиненном перемирье с бусурманы», из-за которого русские послы «то толь доброе дело и полезное всему христианству <...>, уж постановив, разорвали и без совершенства от нас поехали». «Просим дабы нам истинно и по братцки <...> объявили, для чего то учинили, когда тот покой ни Москве может быти хвален и полезен, ни нашему народу. Естли то учинили на нашу пагубу, явно есть, что за нашею пагубою их самих наступит», — восклицал литовский гетман. Приводя те же доводы, что и М. Огинский, Пац призывал Россию продолжить переговоры об антиосманском союзе и даже разорвать Бахчисарайское перемирие. Он сообщал, что для завершения переговоров скоро будет созван новый сейм. М. Пац также заявлял, что сейм пришлось сорвать, «взяв ведомость о учиненном покое» России с османами, для того чтобы избежать объявления Речи Посполитой войны со стороны Турции. Направление польского гонца в Стамбул Пац оправдывал необходимостью османскую «недружбу задержать». В заключении русско-польского союза гетман видел и возможность начала переговоров о Вечном мире: «...там сама чрез союз вначале учиненная надежность была бы проводником к доброму делу и о вечном покое меж царским величеством и нами». Он просил русское правительство и далее продолжать тайные «пересылки» через Н. Краевского и А. Константиновича. Кроме того, Пац выражал опасение, что Бахчисарайское перемирие ухудшит положение проавстрийской «партии» в Речи Посполитой, усилив позиции сторонников Франции и укрепления королевской власти[155].

В новом письме (от 2 июля), переданном через А. Константиновича в Посольский приказ, М. Огинский уже формулировал конкретные предложения относи-

тельно дальнейших переговоров. Отвечая на предложение И.А. Желябужского и С. Протопопова касательно направления в Москву королевского посланца, троцкий воевода упрекал русскую сторону, что теперь королю трудно будет осуществить это «безопасно <...>, потому что обманен от вас, веря, что вы истинно случение с нами договаривать будете <...>, и как ему ныне сызнова с тем делом к царскому величеству отзыватца, разве для того, чтоб пуще нас обманули». Тем не менее Огинский заявлял о намерении Яна Собеского направить в Москву посланника для обсуждения срока проведения русско-польской комиссии, который мог бы вести и переговоры об антиосманском союзе. Однако что касается заключения соответствующего договора, то троцкий воевода выступал за то, чтобы это произошло на комиссии, но без посредников, от которых будет больше вреда, нежели пользы, а особенно от Франции. Им не поддерживалась выдвигавшаяся первоначально идея созыва нового сейма для переговоров с очередным русским посольством, поскольку на прошедшем сейме «и бабы про розговоры (т. е. русско-польские переговоры. — *К. К.*) знали». Комиссию предлагалось созвать осенью или зимой. Огинский отмечал, что пока этот план литовских магнатов не полностью поддерживается двором. «Мы готовы то учинить, — писал он, — толко не ведаем как королевское величество примет, а ведаю, хочет, что б не быть той комисии год или два, для того сия ведомость совершенно чинитца от нас...» [156].

В нескольких письмах А. Константиновича и М. Огинского, полученных в Москве в августе, повторялось настойчивое требование ответить на предложения литовских магнатов. Сообщалось, что Пац и Огинский, выполняя договоренности с Желябужским и Протопоповым, вступили в переписку с подканцлером Я. Гнинским касательно организации посольства в Россию. В подтверждение такого «радения» в Посольский приказ была прислана и копия ответного письма подканцлера — М. Пацу. При этом М. Огинский информировал русских дипломатов и о польско-турецких отношениях, отмечая снижение напряженности на этом направлении. «От салтана тихо», и разграничение Украины, которого турки обещали добиваться в 1681 г., отложено, а потому «никакой зацепки не будет» по причине «домовых бунтов» в самой Османской империи — констатировал троцкий воевода. Он сообщал, что Стамбул всячески уверяет Речь Посполитую в дружбе, что, однако, не должно служить поводом для прекращения переговоров о русско-польском союзе. Османы, подталкиваемые французской дипломатией к войне с императором, сосредотачивают войска в Венгрии. Однако Огинский выражал уверенность, что «цесарь <...> окупится» и османы ударят на Польско-Литовское государство, а потому необходимо «ныне союз сил тех народов учинить, когда беды на нас нет». «И изготовився в осень и зимою, на весну наступить бы на того пса бусурманина», — заканчивал он [157].

В Москве в конце августа — начале сентября по решению царя и ближних бояр литвинам было решено ответить. В Смоленск воеводе Ивану Борисовичу Репнину под названием «На словесное объявление словесной же ответ употребляющим того» было отправлено письмо. Подьячий Никита Максимов, который его повез, получил указание «словесно» передать Н.М. Краевскому его текст. Тот, в

свою очередь, записал все «своею рукою». Подлинник И.Б. Репнин отослал обратно в Посольский приказ.

Литовским магнатам сообщалось, что царю известно о предложениях Паца и Огинского, сделанных через русских послов и Н. Краевского, а сами они как те, кто «приводит обоих великих государей (царя и польского короля. — *К. К.*) к любви <...> достойни всякия похвалы». Причины заключения Бахчисарайского перемирия и прекращения переговоров в Варшаве в послании не раскрывались. Объясняя все произошедшее «волей Божьей», Москва явно стремилась избежать обсуждения этого деликатного вопроса. В письме заявлялось о намерении продолжать прежние тайные пересылки с Пацом и Огинским, однако инициатива в переговорах о союзе отдавалась в руки польско-литовской стороны. Король мог направить посланника в Москву «по своему государскому рассмотрению», русское правительство лишь выражало готовность его принять. Вместе с тем отмечалось, что «до сего времяни по многому с стороны царского величества желанию и по великим и несносным убыткам и по уступке чрез договоры в городех и землях никакой любви християнской со стороны королевского величества не показано». Что имелось в виду, более конкретно обозначалось далее: «дружба» и «любовь» между двумя государями должны были привести к заключению Вечного мира. Способствуя этому, Пацу и Огинскому следовало «от злых и ненавистных людей иметь бодрое око, чтоб злыми замыслы и вредителными не учинили какова зла»[158]. В последнем случае в виду имелись силы, выступавшие против заключения русско-польского союза, в т. ч. и королевский двор.

Пока в Москве секретное послание литовским магнатам готовилось к отправке, там 22 (12) сентября было получено известие от М. Огинского, что при королевском дворе принято решение назначить посланника в Россию. В подтверждение этого троцкий воевода передал копию адресованного ему письма Я. Гнинского[159].

В конце сентября — начале октября Краевский «тайным обычаем» отвез А. Константиновичу «на рубеж» указанное секретное письмо. Кадинский урядник поведал ему о новых трениях между королем и оппозицией во главе с литовским гетманом. Ян Собеский будто бы не хотел созывать новый сейм и, потакая французским интересам, намеревался сократить численность войск, что вызвало решительный протест М. Паца и его сторонников, считавших, что в будущем году война с османами обязательно начнется. Константинович подтвердил факт назначения посланника в Москву, отправление которого, правда, задерживалось по неизвестным ему причинам[160].

Уже в июне 1681 г., после встречи с русскими дипломатами, Пац и Огинский начали переписку с двором, чтобы убедить короля направить в Москву очередное посольство. Поначалу это не встретило понимания в Варшаве. Коронный подканцлер Ян Гнинский резонно напомнил литовскому гетману, что Россию, только что заключившую перемирие с османами, трудно будет убедить разорвать его без достаточных оснований. Подканцлер считал, что если даже русского посла, который приедет в Стамбул подтверждать договор, бросят в Семибашенный замок, то и это не подвигнет Москву заключить с Речью Посполитой антитурецкой союз. Кроме

того, считал он, посольство в Москву должно быть обязательно представительным и знатным, если послать «кавалера», то «медлительный народ» его не примет и никаких переговоров с ним вести никто не будет. В казне Речи Посполитой нет денег даже для резидента в Стамбуле, жившего в османской столице треть года впроголодь, пока король не соблаговолил выслать ему содержание из собственных средств. Тем более нет денег на большое посольство в Москву — подводил итог Я. Гнинский [161].

Однако уже через три недели мнение двора изменилось. Сначала подканцлер сообщил М. Пацу и М. Огинскому, что король уже «серьезно и давно» думает о направлении в Москву посланника и вся проблема только в деньгах. Попутно он все же замечал, что международное положение России не сулит польско-литовским дипломатам особенных успехов. Москва вполне «безопасно» чувствует себя и со стороны Порты, и со стороны Речи Посполитой. Для последней же начать войну против восточного соседа, с учетом вероятного конфликта с османами, крайне рискованно. Кроме того, Я. Гнинский сообщал, что, по слухам, в ближайшем будущем возможно начало русско-шведской войны. В такой ситуации Россия ни за что не откажется от ратификации Бахчисарайского перемирия. Именно поэтому она, считал подканцлер, «без стыда» уклоняется от русско-польской комиссии с посредниками [162]. Однако уже в следующих письмах, отправленных сразу вслед за предыдущими, сообщалось, что и последнее препятствие устранено. Польский король, принимая во внимание скудость литовского скарба, выражал готовность отправить посла в Москву за свой счет. Объявлялось и имя кандидата на эту миссию. Им стал некий Станислав Невестиньский, по всей видимости, креатура подканцлера, неоднократно участвовавший вместе с Гнинским в различных русско-польских переговорах. От Паца и Огинского требовалось как можно скорее дать свое согласие на его назначение, а также прислать предложения для включения их в инструкцию [163].

Копии писем от подканцлера к Пацу от 4 июля и к нему самому от 31 июля троцкий воевода и переслал в Посольский приказ [164]. Во всех посланиях Гнинского особенно подчеркивалось, что организация посольства Невестиньского состоялась по совету и рекомендации обоих литовских магнатов. Об отъезде С. Невестиньского Ян Собеский лично написал М. Пацу и М. Огинскому. Король поручил послу, чтобы он увиделся с гетманом и воеводой, показал им инструкцию и «пространнейшие, естли могло б быть, принял прибавки». В случае удачи миссии С. Невестиньского Собеский был готов созвать весной новый сейм, «естли явно надобно в случения надежду» [165].

В польских архивах сохранился текст данной Станиславу Невестиньскому обширной инструкции, составленной, по-видимому, под руководством коронного подканцлера Я. Гнинского с пометами самого польского короля [166]. С. Невестиньский должен был потребовать объяснений от русского правительства, чем вызваны были одновременные переговоры о союзе с Речью Посполитой в Варшаве и о мире с турками в Бахчисарае, настаивать на разрыве русско-османского перемирия. На встречные обвинения в заключении сепаратного Журавненского мира посланник

должен был заявить, что договор этот король вынужден был заключить под угрозой гибели, будучи с «горсткой» войск со всех сторон окружен турками и татарами, в условиях, когда Россия не оказала Польше помощи, предусмотренной союзными соглашениями. Чигиринские походы Ян Собеский считал не помощью Речи Посполитой, а осуществлением планов Москвы по подчинению Правобережья. Объяснение послов Желябужского и Протопопова, что перемирие с турками было необходимо для выкупа из крымской неволи В.Б. Шереметева и других пленных, польская сторона считала «слабой отговоркой», которую просто стыдно использовать. В инструкции подчеркивалось, что все эти «обиды» король готов забыть ради заключения союза.

Основываясь на соответствующих статьях Андрусовского и других русско-польских договоров, Невестиньскому предписывалось потребовать предъявления текстов перемирия России с Крымом и Портой, напомнив что русские послы на гродненский сейм получили копию Журавненского договора. Русская сторона, правда, отказывалась признавать ее аутентичность.

Невестиньский должен был обратить внимание русского правительства на агрессивную политику Турции, захватившую у Польши Подолию и часть Украины, «перекрывшую» казакам Днепр, а теперь и претендующую на Левобережную Украину, Киев, Астрахань, Казань, черкесские и калмыцкие племена. Этим в Варшаве обосновывали необходимость совместной борьбы двух стран против Порты.

Содержались в инструкции и обвинения против гетмана Самойловича, который о Запорожье не заботится, но, наоборот, желает его уничтожить, поскольку Сечь настроена против гетмана. Вообще, по мнению польского короля, казацкий гетман чужд рыцарских обычаев и всячески преследует их приверженцев, как преследовал И. Серко из-за боязни, что тот отберет у него булаву.

При королевском дворе считали, что османские военные приготовления в Венгрии предприняты для давления на императора, чтобы заставить его продлить перемирие на выгодных для турок условиях, с уступкой им нескольких приграничных крепостей. Войну же османы начнут либо против Речи Посполитой, либо против России.

В рамках союзного соглашения царские войска должны были ударить всеми силами на Крымское ханство и уничтожить его. Поход предлагалось начать весной, по первой траве. Кроме того, Собеский предлагал России отправить отряд с пушками на Запорожье и атаковать турецкие городки в устье Днепра, чтобы открыть запорожцам выход в Черное море. К походу на Крым русской стороне предлагалось подключить калмыков и направить казацкие разъезды под Очаков.

По условиям «случения сил», Собеский рассчитывал получить под свое командование 20-тысячный вспомогательный корпус: 15 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы или даже 18 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы с запасом провианта и вооружения (от пуль до пушек) на год, считая, что пехота будет ему более необходима. Корпус должен был вести не только боевые действия «в поле», но быть готов к осаде крепостей (в т. ч. Каменца), а русские командиры беспрекословно исполнять приказы польского короля. Король, в свою очередь, гарантировал царским солда-

там равное с польскими и литовским «жолнерами» уважение и защиту, заботу о раненых и больных. Потери корпуса в людях и вооружении должны были своевременно восполняться, причем до Днепра Россия должна была сама доставлять и охранять обозы с вооружением и провиантом для этих войск, а на Правобережье эта функция возлагалась на Речь Посполитую. Посланник должен был настаивать, что царские послы уже соглашались дать 20 тыс. войска во время последнего визита в Варшаву.

В случае ответных требований русских о предоставлении вспомогательных войск Невестинский вначале должен был согласиться на выделение под команду царских воевод 5 тыс. конницы. Если же с русской стороны для участия в Крымском походе запросят 10 тыс. всадников, как о том говорили в Варшаве Желябужский и Протопопов, то в оправдание польский посол должен был приводить следующие аргументы. Во-первых, считали в Варшаве, большому конному войску будет трудно найти корм для лошадей в безводных районах Причерноморья. Во-вторых, появление крупного польского контингента вызвало бы недовольство казачества. В-третьих, крымские татары, узнав о готовящемся русском нападении, могут морем вывезти из Крыма жен и детей, а сами двинуться на Правый берег Днепра и, соединившись с турками, ударить на Речь Посполитую. Тогда России будет не особенно с кем воевать в Крыму, а у польского короля на счету будет каждый солдат. Однако, если бы русские дипломаты не удовлетворились предоставлением 5-тысячного корпуса, Невестиньский должен был вести дальнейшие переговоры, уступая по тысяче, и в конце концов объявить о предоставлении 10 тыс. отряда кавалерии. Это означало, что Речь Посполитая была готова согласиться на условия, выдвигаемые Россией. Царское правительство также должно было дать обязательства «уважения» и «защиты» польских войск, заботы о раненых и больных, обеспечения безопасной переправы через Днепр, а также предоставления им провианта после перехода на Левобережье, поскольку доставить его туда из Речи Посполитой не представлялось возможным.

Первоначально также планировалось, что Невестиньский должен был добиваться предоставления 10–15-тысячного казацкого войска Речи Посполитой, помимо русского вспомогательного корпуса, или хотя бы получить разрешение на наем левобережных казаков за деньги Яна III. Пункт этот был вычеркнут из инструкции королем.

В случае заключения союза Россия и Речь Посполитая должны были вместе пригласить в него Австрию, и отдельно: Ян Собеский — римского папу, а царь — персидского шаха.

В обмен на заключение союза Речь Посполитая была готова продлить перемирие с Россией еще на 13 лет, т. е., учитывая срок, о котором стороны договорились в 1678 г. в Москве (13 лет), — до 1704 г. Более того, Ян Собеский в случае неуступчивости русской стороны выражал готовность вести переговоры и о вечном мире, предлагая царю направить к королевскому двору во Львов до 1 января (в крайнем случае — в марте) «двух наиболее доверенных особ» в ранге посланников, а не великих послов, до созыва сейма, начало которого планировалось на март

1682 г. Собеский, как видно, не хотел придавать этим переговорам большой огласки. Официальной причиной тому было нежелание, чтобы о переговорах узнала Порта. Однако, если бы в Москве не согласились и на это, Невестиньский должен был предложить и переговоры с русским великим посольством в Варшаве. В инструкции присутствовало и еще одно важное условие: Невестиньский должен был делать подобные предложения, только убедившись в искреннем желании русской стороной союза с Речью Посполитой и после окончательного согласования всех условий союзного договора.

Чтобы подчеркнуть доверие к будущему союзнику, посланнику поручалось заявить, что король не имеет ничего против нынешних переговоров П.Б. Возницына в Стамбуле о ратификации перемирия, поскольку Речь Посполитая тоже в свое время заключила с турками договор и ратифицировала его, но сделала это под давлением обстоятельств, и сейчас, обретя надежного партнера, готова продолжить борьбу.

Кроме того, инструкция, составленная в королевской канцелярии, содержала и еще одно интригующее предложение: польский посланник должен был выяснить настроения московского правительства относительно унии православной и католической церквей. Это, по мнению польского двора, только бы укрепило союз двух христианских держав, тем более что папа римский выражал готовность активно участвовать в антиосманской коалиции. Для начала Невестиньский должен был предложить направить папе царскую грамоту с использованием общепринятых в католических странах титулов, которые Россия при Алексее Михайловиче отказалась дать главе католической церкви[167]. Данный пункт был включен в инструкцию скорее всего под влиянием папского нунция в Речи Посполитой и отражал попытки дипломатии Иннокентия XI установить отношения с Россией ради вовлечения ее в антиосманскую лигу христианских держав, которые неоднократно предпринимались и впоследствии.

Уже в пути С. Невестинский получил письмо от Яна Собеского, предписывавшего «донести» царю о покровительстве Порты венгерским повстанцам, нежелании тех признавать власть императора, о передаче Правобережной Украины молдавскому господарю Г. Дуке, что, по мнению короля, означало превращение ее в османскую провинцию, а также о переманивании господарем жителей с Левого берега на Правый. Все это, считал Ян III, должно было встревожить Москву, заставить ее активней искать союза с Речью Посполитой[168].

По дороге в Москву С. Невестиньский встречался в Гродно с М. Пацом и М. Огинским. После этого литовские магнаты направили в Москву очередные послания, подчеркивая, что «та посылка (посольство Невестиньского. — *К. К.*) учинилас от нас». В подтверждение этого троцкий воевода посылал адресованное ему письмо Яна Собеского (от 2 ноября). Существенно, что позиция обоих магнатов в отношении двора несколько смягчилась. М. Огинский отмечал, что «королевское величество случения истинным сердцем желает», более того, Ян III, «поостерегшися, в какову начал вступать ненадежность для окаянныя язвы французского промысла, уже желал бы от нея освободится». Об этом свидетельствовало то, что

Собеский начал налаживать контакты с Веной через краковского епископа Яна Малаховского, бывшего раньше коронным подканцлером: «...с цесарем <...> тайным делом ссылается, хотя с ним держатся, и в союз крепкой вступить (и едва не договариватца л, чтоб и дщер свою цесарь за перворожденного сына Иякова королевского выдал) против француза». Сближение двора и литовской оппозиции на почве антиосманского союза вновь вызвало к жизни и планы созыва сейма в начале 1682 г., еще недавно якобы отвергавшиеся Яном Собеским. М. Огинский ставил это в прямую зависимость от результата миссии С. Невестиньского. «Покамест посланник возвратитца, тот наш желателной союз имеет ли место или ни, понеже по ведомости от нынешнего посланного королевское величество и сейм сложить намеряет, на котором уже все дела на прошлом сейме постановленные и уговоренные в совершенство привесть не замедлит, толко бы ныне на Москве что доброе учинитца могло. Все дело состоит на том, чтоб с нынешним посланником истинно, тайно и скоро похотели договорить случение сил, что б по ведомости естли не по возвращению его скорому прежде времяни могл сейм зачатся, и приуготовление к войне учинится, понеже естли будут откладывать то знатно есть, что не хотят никакова доброво дела учинить...» — писал троцкий воевода. Он по-прежнему выражал уверенность, что Османская империя нападет на Речь Посполитую весной будущего года, «от цесаря многие городы и крепости в Венграх побрав, которой конечно и половину венгерской земли, покой себе покупая, уступит, чтоб толко мог французу себя оборонить», который хочет «овладеть цесарством».

В доказательство искренности своих намерений М. Пац и М. Огинский посылали в Москву копию письма польского резидента в Стамбуле С. Проского, сообщавшего «о великом своем безчестье», полученном при султанском дворе. Грубое обращение с резидентом подтверждало прогнозы литвинов о дальнейшем развитии польско-османских отношений.

Оба магната особенно настаивали на сохранении их контактов с Москвой в глубокой тайне. «Той пересылке нашей тайна есть зело потребна, паче же когда ныне посланник будет на Москве», — заключал М. Пац. Кроме того, он выражал недоумение, что «на статьи наши нет совершенно ответу. А мы зело великою поступаем правдою»[169]. Вряд ли можно предположить, что А. Константинович до сих пор не передал М. Огинскому «послание», составленное в Посольском приказе в сентябре 1681 г. Скорее всего, литовские магнаты просто ожидали более конкретного ответа на свои предложения, сделанные И.А. Желябужскому и С. Протопопову во время встречи с ними в июне 1680 г.

Забегая вперед, отметим, что послания М. Паца и М. Огинского никак не повлияли на позицию русской стороны в ходе переговоров с С. Невестиньским, поскольку попали туда уже после их завершения — 8 января 1682 г. (29 декабря 1681 г.)[170].

Станислав Невестиньский прибыл в Москву в декабре 1681 г. Для переговоров с ним была назначена делегация во главе с И.И. Чаадаевым, Л. Ивановым, дьяком В.И. Бобининым и дьяком В.Т. Постниковым. На первой встрече 10 декабря (30 ноября) польский дипломат объявил о целях своей миссии, а на второй — 12 (2) де-

кабря изложил польские условия союза и планы военных действий против Порты и Крыма в соответствии с данной ему инструкцией, умолчав, правда, о предусмотренных уступках, т. е. потребовав от России 20 тыс. войска и предложив взамен 5 тыс. польской конницы. На второй встрече Чаадаев поинтересовался также результатами посольства М.К. Радзивилла к императору и папе. Посланник ответил, что папа готов помочь деньгами при условии создания антиосманской коалиции. Тут же, воспользовавшись оказией, Невестиньский завел разговор о царской грамоте римскому папе с соответствующими титулами. Бахчисарайский договор русские дипломаты объявить посланнику отказались, считая, что и с польской стороны текст Журавненского мира России не был предъявлен. На третьей встрече 17 (7) декабря Чаадаев объявил, что Россия не против союза и вполне отдает себе отчет в непрочности мира с Портой и Крымом, но нуждается в настоящее время в передышке для приведения в порядок вооруженных сил и финансов после изнурительной войны. Русская делегация заявила, что, поскольку ныне султан готовится к войне с персидским шахом (!), Россия может не беспокоиться о своих южных границах и готова вступать в союз, не иначе как если Порта сама даст предлог к началу войны, а против нее возникнет мощная коалиция в составе Франции и императора, заключивших между собой мир. Такой ответ русской стороны был равносилен отказу. Так это понял и Невестиньский: «Taką tedy uczyniwszy declaratią, pokazali, że już z tym responsem trzeba powracać» *, — записал он в своем диариуше. К папе русская делегация также писать отказалась, требуя, чтобы он первый обратился к царю с посланием. На этом переговоры закончились. С. Невестиньскому даже не пришлось огласить содержавшиеся в инструкции уступки. Следующая встреча носила формальный характер, и в конце месяца польский дипломат выехал на родину[171]. О неутешительных итогах переговоров он проинформировал 18 декабря короля и коронного канцлера[172].

В своем шифрованном послании в Варшаву польский посланник сообщал, что, по слухам, в Москве не особенно довольны результатами войны с Крымом и Портой — в Стамбуле еще не ратифицирован договор, а азовские татары уже совершили набег под Козлов, захватив полон, из-за чего русские войска на южных рубежах приведены в боевую готовность. Кроме того, по наблюдениям Невестиньского, часть бояр, особенно представители клана Одоевских, выступали за союз с Речью Посполитой, заслуженные полководцы эпохи Алексея Михайловича — Ю.А. Долгорукий и И.А. Хованский — относились к этой идее неприязненно, «a są i ci co wojnę do nas suadent» **, — констатировал польский дипломат[173].

Россия, заключив Бахчисарайское перемирие 1681 г., охладела к идее антиосманского союза, заключение которого впоследствии в Москве стали последовательно увязывать с установлением прочного мира с Речью Посполитой. Инструкция С. Невестиньского свидетельствует о реальности намерений Яна Собеского заключить союз с Россией против Османской империи в конце 1681 г. Условия,

* «Такую учинив декларацию, показали, что надо возвращаться домой».

** «а есть и такие, которые советуют начать с нами войну».

выдвигавшиеся русскими дипломатами на переговорах 1679–1681 гг., были с некоторыми оговорками приняты польской стороной. Более того, Речь Посполитая была готова предложить Москве такой срок перемирия, который практически полностью устранял возможность возвращения шляхетской республикой потерянных по договору 1667 г. земель. Напуганный угрозами и территориальными претензиями турок при разграничении Подолии, польский королевский двор выражал готовность вести переговоры даже о Вечном мире, хотя русская сторона не акцентировала внимание на этом вопросе в ходе предыдущих переговоров. На какие же уступки в пользу России готовы были пойти в Варшаве? В 1683 г., когда комиссары Речи Посполитой готовились к переговорам с русской делегацией в Андрусово, выяснилось, что сейм 1681 г. утвердил инструкцию, позволявшую за антиосманский союз признать за Россией все Андрусовские приобретения на условиях мирного договора. Однако тогда, в конце 1681 г., Россия, нуждавшаяся, по признанию И.И. Чаадаева, в передышке после тяжелой и изнурительной войны с османами, не желала вести переговоры о союзе. Это стало причиной того, что польские предложения так и не были переданы Москве полностью, а официальные переговоры о Вечном мире были прерваны более чем на год — до весны 1683 г.

Неудача переговоров С. Невестиньского должна была произвести тяжелое впечатление в Варшаве, но она не смутила М. Паца и М. Огинского. Литовские магнаты не оставляли попыток склонить Россию к продолжению переговоров. В начале 1682 г. через А. Константиновича и Н.М. Краевского М. Пац и М. Огинский вновь просили от Москвы «хотя короткого, однако истинного статей ответу» [174]. Наконец М. Огинский решил лично вступить в непосредственный контакт с Краевским.

25 (15) февраля 1682 г. троцкий воевода в сопровождении А. Константиновича, под видом осмотра посольских дворов в пограничном селе Мигновичи, построенных к намечавшейся очередной русско-польской комиссии, приехал в Кадино. Там в «особой избе» у него состоялись переговоры с приехавшим туда же Н.М. Краевским о заключении Вечного мира и союза. Огинский выражал недовольство, что Москва не отреагировала на «пересылку» М. Паца, самого Огинского и их «союзников». При этом троцкий воевода с гордостью подчеркивал, что представляемая им группировка ведет корреспонденцию со многими «окрестными государи». «Чаем де мы, что то наше желание и пересылка его царскому величеству неприятна...» — жаловался он, замечая попутно, что сейма, планировавшегося в случае заключения Невестиньским союза с Россией, теперь не будет. Краевский уклончиво ответил, что всю необходимую информацию М. Огинский и М. Пац могли почерпнуть из официальной царской грамоты, врученной Невестиньскому в ответ на привезенное тем послание короля и Речи Посполитой, который «донес» ее содержание королю и сенаторам. Краевский, используя высказывание самого М. Огинского, по словам которого Невестиньскому было заявлено, что Бахчисарайское перемирие всего лишь передышка для России, необходимая для сбора средств и поиска союзников для дальнейшей борьбы с османами, заявил, что это и был ответ на главный вопрос, поднимавшийся литовским канцлером и троцким

воеводой в тайных посланиях. Одновременно Краевский заверил, что неофициальная переписка с литовскими магнатами будет продолжена в свое время. Это, естественно, не удовлетворило троцкого воеводу. «Бывает, что времянем, выжидая времени, время теряем», — посетовал он, настаивая, что «то нам безчестно и пересылатца меж собою не можем [с] союзники, которые сручны и ведают, что мы с великим государем <...> описываемся, и нам показать нечево». М. Огинский опасался, что охлаждением России к переговорам о союзе против Османской империи воспользуется французская «партия» в Речи Посполитой для улучшения польско-османских отношений. «Дай Бог, чтоб французское пронырство, вредительное христианству, не перемогло нас», — говорил он. По словам троцкого воеводы, Порта предлагала заключить союз против Москвы даже ценой возвращения Каменца (вряд ли такие обещания мог давать Стамбул, однако возможно, что их давали французские дипломаты). А султан, продолжал Огинский: «...бусурман, которые под владением великого государя, Казань, Астрахань, Сибирь и иные называет своими». Краевский ответил: «те страхи на ляхи, а зде Русь нестраховита, и он, воевода, разсмеявся, молвил, Бог то видит, что говорю не на страх, на правду». Примечательно, что Огинский интересовался правдивостью слуха, что будто бы в московском государстве всех «бусурман» велено окрестить. Он считал, что «буде то правда, то добрый знак к союзу с христианы»[175].

Заявления М. Огинского касательно претензий Турции на территории России, заселенные мусульманскими народами, были не лишены оснований. В 1679 г. среди башкирских племен известия о взятии турками Чигирина вызвали усиление антироссийских настроений. Башкиры собирались последовать примеру своих мусульманских единоверцев — турок и крымцев. В Москву сообщалось о военных приготовлениях башкир и сибирских татар[176]. Башкирское восстание началось в 1681 г.

Польско-литовская сторона была осведомлена о частых волнениях на национальных окраинах России. Уже в 1680 г. на переговорах с И.А. Прончищевым и Е.А. Украинцевым польские и литовские сенаторы заявляли, что им известно об османских интригах в Казани и Астрахани с целью организации антироссийского восстания казанских и астраханских татар[177]. Не были беспочвенными и слухи о насильственном крещении мусульман — в мае 1681 г. царское правительство издало указы о конфискации поместий некрещеных татарских феодалов Поволжья и о предоставлении льгот крестившимся[178]. В 1681 г. русское правительство было серьезно обеспокоено возможностью установления союзных отношений между калмыками и Крымским ханством. Москва предприняла активные попытки не допустить подобного сближения, увенчавшиеся успехом[179].

Впоследствии польская дипломатия активно использовала фактор недовольства политикой центральной власти нерусских народов России в своих отношениях с Москвой.

Важным заявлением воеводы троцкого было, что «мы с гетманом (литовским. — *К. К.*) и с союзники нашими вседушно желаем, что союз и вечной покой учинить с великим государем». Причем Огинский считал возможным заключение

сначала Вечного мира, а потом — союза. Более того, он намекнул и на возможность решения самого главного для обеих сторон вопроса — территориального. «И о вечном покое конца делать хотят, а у нас де доброе намерение о вечном покое. *И о поступк[ах]* (уступках. — *К. К.*) *в сторону царского величества наговор[ено]*... (курсив мой. — *К. К.*)», — заявил троцкий воевода[180]. Это также косвенное свидетельство в пользу существования инструкции сейма 1681 г., санкционировавшей некие территориальные уступки в пользу Москвы в случае переговоров о Вечном мире.

Эти переговоры были последними, к которым, хотя и опосредованно, был причастен уже престарелый и больной гетман М. Пац. После его смерти в апреле 1682 г. главной фигурой, отстаивавшей интересы ВКЛ в отношениях Речи Посполитой с Россией, стал М. Огинский. Смерть Михала Паца фактически означала закат могущества Пацов и конец их правления в Литве. Престарелый канцлер К. Пац уже мало влиял на политическую жизнь. На смену гегемонии Пацов шла гегемония Сапег, которых ранее в борьбе с Пацами поддерживал король Ян III. При этом большинство сторонников «партии» Пацов перешло на службу к Сапегам[181].

Огинские не имели возможности создать собственную, равнозначную по влиянию Сапегам «партию», поэтому троцкий воевода, желая сохранить и даже усилить свое политическое влияние, стал искать сближения одновременно и с Сапегами, и с двором. При этом он претендовал на большую литовскую печать и даже на литовское гетманство. Н.М. Краевский еще в начале 1681 г. сообщал о замыслах Пацов передать большую печать М. Огинскому при жизни канцлера К. Паца, который уже в то время был сильно болен: «И у гетмана намерение с воеводою троцким и союзники их, чтоб при животе своем Пац канцлер уступил канцлерства своего воеводе троцкому». М. Пац и Огинский намеревались требовать этого у короля на сейме 1681 г., будучи готовыми в случае его отказа «учинить, чтоб тому статца за позволением Речи Посполитой или по прошению той же Речи Посполитой <...>; король при праве своем и за честь свою станет и без зла на сейме у них не будет». Одновременно король пытался якобы переманить троцкого воеводу на свою сторону («король посылает к воеводе троцкому, что б тот отступил от гетмана»), обещая ему польную литовскую булаву и литовское подканцлерство (ставшее вакантным после смерти М.К. Радзивилла), а после смерти К. Паца и канцлерство, но безуспешно. Тогда же, в начале 1681 г., Краевский сообщал о сближении Пацов с Сапегами, которые «помирилис и писмами меж собою укрепилис». При этом М. Пацу пришлось «допустить» Сапег к владению жмудским староством, что, однако, не положило конец и их претензиям на подканцлерство и польную литовскую булаву[182]. Последнюю Казимеж Сапега получил в январе 1681 г., во время сейма[183].

«А Пацову де булаву взял к себе князь Огинской, а хочет ее держать до сейму и на сейме явственно отдать королевскому величеству, а намерение есть у воеводы троцкого, — писал в Посольский приказ Н.М. Краевский в апреле 1682 г., — добиваться воеводства виленского, и булавы или печати канцлерства, а королевское

намерение есть таково, чтоб де князь Огинской взял за себя покойника Радзивила гетмана литовского полного жену, а она сестра есть королевская и будет де то сватовство состоится, то и чином будет взыскан которым похочет владеть князь Огинской, и прислал де король по князя Огинского, и князь <...> поехал к королю»[184]. В сентябре 1682 г. Н.М. Краевский сообщал, что М. Огинский пребывает в Яворове при королевском дворе, где также находятся и трое Сапег, «a czaiu szto korolewstwo pomirat iech w iech ssorach, i pieczać die wielikuiu oderżyt woiewoda trocki, Pac za żywota swoieho puskaiet woiewodzie...» — передавал Краевский слова А. Константиновича в письме, написанном по-русски, но латинскими буквами[185].

Разногласия между М. Огинским и Сапегами начались после смерти в 1681 г. первой жены троцкого воеводы Марцибеллы — наследницы части огромных владений одного из богатейших магнатов Литвы, Ежи Кароля Глебовича, вторая дочь которого — Кристина — была женой польного гетмана ВКЛ Казимежа Сапеги. Сапега выдвинул от имени жены претензии на часть имений, полученных покойной женой Огинского после смерти родителей[186]. В ходе начавшегося конфликта К. Сапега расквартировал литовские войска (точнее, в дополнение к уже стоявшим там хоругвям были введены новые) во владениях М. Огинского — Мстибовском старостве (Волковыский повет), полученном Марцибеллой после смерти родителей, и Доруснишском старостве (Троцкий повет), унаследованном воеводой троцким от отца. В 1682 г. Ян Собеский, вмешавшись в конфликт на стороне Огинского, требовал у Сапеги вывести войска из имений троцкого воеводы, утверждая, что последний имеет все права на наследство умершей жены[187]. Однако процесс о спорных владениях тянулся еще долгое время. В 1683 г. М. Огинский был вынужден передать во владение К. Сапеги половину города Дубровны[188]. Сближение двора и М. Огинского продолжилось и впоследствии — на сейме 1683 г.

* * *

Переговоры М. Огинского и Н. Краевского были первым и последним крупным контактом литовских магнатов с Москвой в 1682 г. В апреле умер один из их «вдохновителей» — гетман М. Пац, а вскоре — русский царь Федор Алексеевич. Последовавшие затем в Москве стрелецкие волнения и борьба за власть придворных группировок не только надолго сняли с повестки дня русско-польские переговоры о союзе, как официальные, так и неофициальные, но и подвигли Яна Собеского на крутое изменение политики в отношении России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. работы, посвященные истории Речи Посполитой XVII вв.: История Польши. Т. 1. М., 1956; *Czapliński W.* O Polsce siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy. Warszawa, 1966; *Kamieński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku. Dzieje polityczne. Poznań, 2002; *Konopczyński W.* Polska a Szwecja od pokoju oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej. 1660–1795. Warszawa, 1924; *Tegoż.* Dzieje Polski Nowożytnej. T. 2. Wyd. drugie krajowe uzu-

pełnione. Warszawa, 1986; *Matwijowski K.* Projekty reformy państwa z czasów Jana Sobieskiego // Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka». 1975. Z. 2; *Piwarski K.* Osłabienie znaczenia międzynarodowego Rzeczypospolitej w drugiej połowie XVII wieku // Roczniki Historyczne. Rocznik XXIII. Poznań, 1957; Polska XVII wieku. Państwo — społeczeństwo — kultura. Wyd. 3. Warszawa, 1973; *Wasilewski T.* Ostatni Waza na polskim tronie. Katowice, 1984; *Wójcik Z.* Jan Sobieski. 1629–1696. Wyd. 2. Warszawa, 1994. И др.

[2] *Konopczyński W.* Dzieje Polski... S. 47.

[3] *Борисов Ю.Б.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 70, 230–231.

[4] *Matwijowski K.* Czy Sobieski zamierzał dokonać absolutystycznego zamachu stanu? // Studia z dziejów epoki Jana III Sobieskiego. Wrocław, 1984.

[5] *Konopczyński W.* Polska a Szwecja... S. 15; *Wójcik Z.* Jan Sobieski. 1629–1696. Wyd. 1. Warszawa, 1983. S. 241. Здесь и далее все ссылки на 1-е издание.

[6] О «балтийской политике» см.: *Piwarski K.* Polityka bałtycka Jana III w latach 1675–1679 // Księga pamiątkowa ku czci Wacława Sobieskiego. T. 1. Kraków, 1932. S. 197–265; *Codello A.* Litwa wobec polityki bałtyckiej Sobieskiego w latach 1675–1679 // KH. Rocznik 74. 1967. S. 21–47; *Matwijowski K.* Pierwsze sejmy z czasów Jana III Sobieskiego. Wrocław, 1976; *Wójcik Z.* Jan Sobieski.... S. 220–284; *Kamieński A.* Op. cit. S. 125–182.

[7] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 264, 269.

[8] О посольстве Гнинского см.: Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego, wojewody chełmińskiego do Turcji w latach 1677–1678. Wyd. F. Pułaski // Biblioteka ordynacji Krasińskich. T. 20. Warszawa, 1907; *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976. S. 106–141; *Kotarski H.* Jan III Sobieski wobec traktatu Gnińskiego z 1678 r. // Rocznik Naukowo-Dydaktyczny Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie. Prace historyczne. XII. Z. 109. 1987.

[9] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 289.

[10] *Konarski K.* Polska przed odsieczą wiedeńską r. 1683. Warszawa, 1914. S. 60; *Wójcik Z.* Rzeczpospolita... S. 184–185; *Matwijowski K.* Sejm Grodzieński 1678–1679. Wrocław, 1985. S. 120–121.

[11] *Matwijowski K.* Sejm Grodzieński... S. 119, 136–137.

[12] *Kamieński A.* Op. cit. S. 183. Иначе перечислены посольства у З. Вуйчика, в частности он пишет, что в Испанию и Португалию был направлен ксендз Петр Корычиньский (Jan Sobieski. Wyd. 2. Warszawa, 1994. S. 294). Мы используем в данном случае работу Каменьского, более свежую, также и потому, что автор, в отличие от З. Вуйчика, указал свои источники.

[13] *Kamieński A.* Op. cit. S. 186.

[14] *Wójcik Z.* Jan Sobieski.... S. 294–298.

[15] Ян Собеский — М.К. Радзивиллу. 27 декабря 1679 г. Жолква — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 15. S. 42; Тот же — тому же. 30 января 1680 г. Варшава — Ibid. S. 48–51. См. также: *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski (1634–1720). Polityk i dowódca. T. 1. Siedlce, 1997. S. 161; *Konarski K.* Op. cit. S. 67–68, 122.

[16] Ян Собеский — М.К. Радзивиллу. 20 марта 1680 г. Варшава — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 15. S. 62–63; Тот же — тому же. 17 апреля 1680 г. Варшава — Ibid. S. 73; Тот же — тому же. 1 мая 1680 г. Варшава — Ibid. S. 77; Тот же — тому же. 24 июля 1680 г. Пиляшковицы — Ibid. Rps. 16. S. 7–9; Тот же — тому же. 8 августа 1680 г. Яворов — Ibid. Rps. 16. S. 10–12.

[17] О русско-польских отношениях в 70-х гг. XVII в. см.: *Wójcik Z.* Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 173–

307; *Wójcik Z.* Rzeczpospolita...; *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001; *Его же.* Измена Яна Собеского и русско-польские отношения. 1667–1677 // Świat pogranicza. Warszawa, 2003. S. 231–235.

[18] О переговорах см.: *Wójcik Z.* Rzeczpospolita... S. 149–163; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Фёдора Алексеевича. СПб., 1888. С. 24–30; Публикация договора см.: ПСЗ. Т. 2. С. 168–175.

[19] *Флоря Б.Н.* Войны... С. 135–136.

[20] *Веселовский Н.И.* Неудавшееся посольство в Крым стольника Бориса Андреевича Пазухина в 1679 г. Одесса, 1912.

[21] *Wójcik Z.* Rzeczpospolita... S. 181–189; VL. T. 5. S. 300.

[22] *Wójcik Z.* Rzeczpospolita... S. 196–226; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 31–52.

[23] Ян Собеский — М.К. Радзивиллу. 30 января 1680 г. Варшава — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 15. S. 48–51; Ibid. APP. Rps. 45. S. 469–477.

[24] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 6.

[25] *Wójcik Z.* Pacowie wobec kandydatury rosyjskiej na tron Polski w latach 1668–1669 // Przegląd Historyczny. 1969. T. LX. Z. 1; *Tegoż.* Wielkie księstwo Litewskie wobec Szwecji, Rosji i powstań kozackich w XVII wieku // Przegląd Wschodni. T. 1. Z. 3. 1991. S. 557–593; *Tegoż.* The separatists tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in 17th century // Acta Poloniae Historica. Vol. 69. 1994. P. 55–56; *Перова О.А.* Дипломатическая деятельность А.С. Матвеева, связанная с разработкой нового внешнеполитического курса России во второй половине XVII в. // Проблемы истории России [Вып. 1]: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 52–59; *Ее же.* К истории русско-польских дипломатических отношений середины XVII в. Посольство стольника А.С. Матвеева к литовскому гетману В.К. Госевскому 1656 и 1657 гг. // Проблемы истории России: Сб. научных трудов. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 20–33. *Флоря Б.Н.* О русской кандидатуре на элекции 1668–1669 гг. // Studia Polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002. С. 24–30.

[26] Примером этого стало поведение литовского дипломата Иеронима Комара в ходе переговоров посольства Речи Посполитой в Москве в 1678 г. См.: *Wójcik Z.* Reczpospolita... S. 153.

[27] *Szwaba M.* Między dworem a opozycją. Krzysztof Pac wobec Jana III Sobieskiego w latach 1674–1684 // Studia i materiały z czasów Jana III Sobieskiego. Wrocław, 1992. S. 60–61; *Przyboś A.* Pac Michał Kazimierz // PSB. T. 24. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1979. S. 726–727.

[28] *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 г. [Автореферат кандидатской диссертации] // Институт Славяноведения. Краткие сообщения. Вып. 2. М., 1951. С. 88–89.

[29] *Верховская Л.А.* Род Ясенчик-Краевских // Смоленское дворянство. Вып. 1. М., 1997. С. 78–80; *Wójcik Z.* Między traktatem... S. 228, 258.

[30] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 2. Л. 9–10.

[31] Там же. 1686 г. Д. 2. Л. 2.

[32] Сын Краевского, Петр, уже знал русский язык. «Не прогневись, милостивый государь, князь Василий Васильевич, что по руски грамоток не пишу к тебе государю, потому что Петрунка, которой к тебе государю писывал по-руски грамотки, волею Божию умер...» — писал Н.М. Краевский В.В. Голицыну 19 (9) февраля 1686 г. Чуть ранее Краевский говорил М. Огинскому, что сын его тяжело болен и уже «соборован маслом и доднесь при конце живота лежит» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 26, 37). В мае 1685 г. Петр Краевский приезжал с письмами своего отца в Москву (Там же. 1685 г. Д. 2. Л. 79).

[33] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 2. Л. 50.

[34] Там же. 1682 г. Д. 1. Л. 35.

[35] См., напр.: Там же. 1683 г. Д. 2. Л. 3, 18.

[36] См., напр.: Там же. 1686 г. Д. 2. Л. 2.

[37] Так поступали в Москву письма Краевского, составившие в фонде 79 отдельные столбцы: дела под № 2 за 1681–1686 гг., № 9 за 1680 г.

[38] См., напр.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1684 г. Д. 2. Л. 55–56; Там же. 1680 г. Д. 9. Л. 3.

[39] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. Л. 1.

[40] *Шамин С.М.* Письма, грамотки, куранты. Первые регулярные почты в России // Родина. 2001. № 12. С. 10–15; *Его же.* Иностранная пресса и интеграция России в европейскую политическую систему (1676–1682 гг.) // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 1. Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 40–63.

[41] Е.К. Неронович-Шпилёвский — С.А. Щуке. 12 декабря 1686 г. Могилев — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 775–776.

[42] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. М., 1991. С. 487–491.

[43] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 2. Л. 1–4, 19–20, 23а.

[44] Там же. Л. 1–4, 18. Здесь же Краевский высказывает предположение, что о его деятельности стало известно в Смоленске из Москвы «из монастыря» (Новодевичьего. — *К. К.*).

[45] Там же. Л. 25. В «шпионской» деятельности Н.М. Краевского встречались и курьезы. 29 января (ст. ст.) 1686 г., накануне переговоров в Москве о заключении Вечного мира, агент Посольского приказа встречался с литовским дипломатом и пограничным судьей Иосифом Лядинским. Тот поведал Краевскому «о приезде почтманстера из Могилева с нужными письмами к [польско-литовским] послом, и <...> хвастая, показывал лист от короля к нему Лядинскому писаный на подписи, а самого листа честь не дал, и я, хотя послужить великим государям в том и проведать о тех письмах от короля вдался с ним в речь о желании мира и велел ему налить погребец доброй водки и учал ево за приятство спрашивать, есть ли что на ползу о вечном миру и союзе в тех письмах от короля к послам и к тебе». Лядинский долго «опинався», но потом-таки сказал на ухо Краевскому о содержании корреспонденции. «Секрет» заключался в присланных Яном Собеским письмах от европейских властителей с призывами к России вступать в антиосманскую коалицию. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 34–36.

[46] Там же. 1680 г. Д. 9. Л. 5–6, 45–46.

[47] Там же. 1682 г. Д. 2. Л. 29–30 об., 50, 52, 64.

[48] Там же. Л. 13–16; Там же. Д. 1. Л. 77–78.

[49] Там же. 1683 г. Д. 2. Л. 81.

[50] Там же. 1685 г. Д. 2. Л. 65, 68–68 об.

[51] А. Константинович — Н.М. Краевскому. 18 мая 1685 г. Б. м. — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 198.

[52] Там же. 1683 г. Д. 2. Л. 3.

[53] *Rachuba. A.* Ogiński Marcjan // PSB. T. 23. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1978. S. 618–620.

[54] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 11.

[55] М. Огинский — В.В. Голицыну. 23 января 1687 г. Брест // ПДС. Т. 6. Стб. 1507.

[56] См., напр.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 2. Л. 30 об.; AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 95; ŹDP. N. 2. S. 376.

[57] «Instrukcya Urodzonemu Bętkowskiemu sekreterzowi JoKrMci do Kadzynia wyprawionemu z Jaworowa dnia 20 mca lipca roku pańskiego 1682» — BN. BOZ. Rps. 1088. S. 593; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 19.

[58] См., напр.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 100–102 об.; Там же. 1685 г. Д. 2. Л. 39–39 об.; AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 555–560.

[59] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 2. Л. 75.

[60] Диариуш сейма 1683 г. — AGAD. APP. Rps. 324. S. 44–45.

[61] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. Л. 27, 73.

[62] Там же. 1687 г. Д. 2. Л. 1–8.

[63] Там же. 1682 г. Д. 10. Л. 35. Интересно, что и в инструкции, составленной в королевской канцелярии для С. Бентковского, Н.М. Краевский характеризовался как наиболее преданный сторонник польского короля из всей смоленской шляхты. См.: «Instrukcya Urodzonemu Bętkowskiemu...» — BN. BOZ. Rps. 1088. S. 597.

[64] Там же. 1683 г. Д. 6. Л. 170–173.

[65] Там же. 1681 г. Д. 2. Л. 81–82, 90.

[66] Дневник Я.А. Храповицкого — MNKr. Rps. 169. S. 222.

[67] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 53–54.

[68] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 6 марта 1680 г. Варшава — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 15. S. 58–59; Я.Б. Платер — М.К. Радзивиллу. 25 февраля 1680 г. Прага — BCr.Rps. 1376. S. 455–457.

[69] Тот же — тому же. 1 мая 1680 г. Варшава. — Ibid. S. 77.

[70] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 55–72.

[71] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 29 мая 1680 г. Варшава — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 15. S. 85–87.

[72] *Konarski. K.* Op. cit. S. 63.

[73] Цит. по: *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 67.

[74] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 27 июня 1680 г. Варшава. — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 15. S. 97–98.

[74a] Ibid. APP. Rps. 45. S. 563–566.

[75] *Wójcik Z.* Jan Sobieski.... S. 302–303; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 77–80. См. также: *Белов М.Н.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 75–76.

[76] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 9. Л. 32–33.

[77] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 74.

[78] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 9. Л. 4–5.

[79] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 74.

[80] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 9. Л. 7–8, 35–36.

[81] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 77–80.

[82] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 3–5.

[83] М. Пац и М. Огинский — А. Константиновичу. 14 октября 1680 г. Вильно. — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 9. Л. 7–9. Под той же датой было направлено письмо и Краевскому (Там же. Л. 10).

[84] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 9. Л. 32–38.

[85] Там же. Л. 39–42.

[86] Там же. Л. 42.

[87] Н.М. Краевский — В.С. Волынскому. Получено в Москве 31 января (ст. ст.) 1681 г. Б. м. — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 1–2.

[88] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 28 сентября 1679 г. Стрый — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 15. S. 22.

[89] *Stolicki J.* Egzulanci podolscy. Warszawa, 1994. S. 71–72.

[90] *Wagner M.* Op. cit. S. 162.

[91] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 29 мая 1680 г. Варшава — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 15. S. 85–87; Тот же — тому же. 4 июня 1680 г. Варшава — Ibid. S. 91; Тот же — тому же. 13 июня 1680 г. Варшава. — Ibid. S. 93; *Stolicki J.* Op. cit. S. 72–73; *Wagner M.* Op. cit. S. 162.

[92] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 19 июня 1680 г. Варшава — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 15. S. 94–95.

[93] *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. 1672–1699. Warszawa, 1994. S. 98.

[94] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 14 августа 1680 г. Яворов — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 16. S. 19.

[95] Тот же — тому же. 11 июля 1680 г. Варшава — Ibid. S. 2–3.

[96] *Kołodziejczyk D.* Podole... S. 98–101.

[97] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 11 июля 1680 г. Варшава — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 16. S. 2–3; Тот же — тому же. 4 сентября 1680 г. Яворов — Ibid. S. 21–22.

[98] Ibid.; Тот же — тому же. 17 июля 1680 г. Пиляшковицы — Ibid. S. 5–6. В Каменце распространялись сведения о готовности христианских государей оказать Речи Посполитой значительную помощь в случае новой войны с османами, расписывались конкретные планы союзников по ведению боевых действий против Каменца, Крыма и на Украине. Однако сам польский король признавал, что никакого дипломатического эффекта это не дало. См.: Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 10 июля 1680 г. Варшава — Ibid. Rps. 15. S. 101–103.

[99] Тот же — тому же. 24 июля 1680 г. Пиляшковицы — Ibid. Rps. 16. S. 7–9.

[100] Тот же — тому же. 8 августа 1680 г. Яворов — Ibid. S. 10–11; Тот же — тому же. 14 августа 1680 г. Яворов — Ibid. S. 18–19; Тот же — тому же. 21 августа 1680 г. Яворов — Ibid. S. 29–30; Тот же — тому же. 28 августа 1680 г. Яворов — Ibid. S. 32–34; Тот же — тому же. 13 сентября 1680 г. Яворов — Ibid. S. 24–25. См. также: *Wagner M.* Op. cit. S. 162–163.

[101] *Kołodziejczyk D.* Podole... S. 99–100.

[102] РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Д. 141. Л. 45–47 об. См. также: *Stolicki J.* Op. cit. S. 74.

[103] *Stolicki J.* Op. cit. S. 74–75.

[104] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 8 августа 1680 г. Яворов — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 16. S. 11–12; Тот же — тому же. 21 августа 1680 г. Яворов — Ibid. S. 29–30; Тот же — тому же. 4 сентября 1680 г. Яворов — Ibid. S. 21–22.

[105] *Kołodziejczyk D.* Ottoman — Polish Diplomatic Relations (15th–18th century). An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents. Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 545–580; См. так же: Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 13 сентября 1680 г. Яворов — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 16. S. 24–25.

[106] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 22 октября 1680 г. Яворов — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 16. S. 39.

[107] *Kołodziejczyk D.* Podole... S. 101.

[108] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 9. Л. 11–27. Сеймик Мстиславского воеводства, на котором преобладали сторонники союза с Москвой, высказался в поддержку антиосманского союза двух стран (Там же. Л. 27–31).

[109] *Kołodziejczyk D.* Podole... S. 101; *Stolicki J.* Op. cit. S. 75.

[110] *Шамин С.М.* Иностранная пресса... С. 48–49, 55.

[111] «Статьи в инструкцыю воеводства нашего на нинешний сейм вложены» — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 9. Л. 27–31.

[112] Там же.

[113] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 81–82.

[114] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 217; «Список с статейного списка великаго государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова...» // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850. С. 589–590.

[115] Там же. С. 569–643; ПСЗ. Т. 2. С. 290–292.

[116] AGAD. AR. Dz. 2. Rps. 1697. S. 1–3. Любопытно, что в реляции отмечалось, что Киев для России является своего рода «Гробом господним».

[117] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 80–82.

[118] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 8. Л. 1–2, 58, 66–84.

[119] Там же. 1683 г. Д. 2. Л. 63–64.

[120] Там же. Л. 50–70; Там же. 1681 г. Д. 2. Л. 7.

[121] *Kamieński A.* Op. cit. S. 211; *Konarski K.* Op. cit. S. 94–95.

[122] *Stolicki J.* Op. cit. S. 75–78.

[123] *Wagner M.* Op. cit. S. 164–165; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 86–87; *Kamieński A.* Op. cit. S. 211–212; *Stolicki J.* Op. cit. S. 78; *Konarski K.* Op. cit. S. 93–99.

[124] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 82–83.

[125] *Kamieński A.* Op. cit. S. 199–214; *Wójcik Z.* Jan Sobieski.... S. 307–309.

[126] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 84; *Kamieński A.* Op. cit. S. 213.

[127] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 84; *Konarski K.* Op. cit. S. 102–103; AGAD. AZ. Rps. 3046. K. 163.

[128] См., напр.: Диариуш переговоров С. Невестиньского в Москве — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 84; Наказ посольству И.И. Чаадаева и Л.Т. Голосова — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 11а. Л. 102–110. Даже в 1686 г. на переговорах о Вечном мире В.В. Голицын утверждал, что мир с султаном и ханом в 1681 г. «учинился немысленно» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 205 об.)

[129] AGAD. AZ. Rps. 3046. K. 163–166.

[130] Ibid.

[131] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 85.

[132] РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Д. 141. Л. 81–82 об.; BCz. Rps. 419. S. 282–283.

[133] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 4–5, 28.

[134] М. Огинский — А. Константиновичу. 2 июля 1681 г. Вильно — Там же. Л. 44–49. В этом письме воевода троцкий также отмечал, что переговоры с русскими дипломатами уже ранее велись А. Константиновичем и неким Островским. Видимо, происходило это на пути посольства в Варшаву.

[135] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 82.

[136] С. Витвицкий — неизвестному. 2 августа 1680 г. Варшава — AGAD. AR. Dz. 5. Rps. 17574. S. 6–7.

[137] К. Гжимултовский — В.М. Скорашевскому. 23 февраля 1680 г. Варшава — BN. BOZ. Rps. 933. S. 114–115.

[138] М. Замойский — Я. Гнинскому. 2 июня [1681 г.]. Звежинец («Zwierzyniec») — APANW. MW. Teka 68. K. 13.

[139] Мурад-Гирей, крымский хан — Яну Собескому. Б. д. Бахчисарай — BCz. Rps. 428. S. 451.

[140] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича. Б. м., б. д. [Оттиск из журнала Русский вестник]. С. 26.

[141] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 80–82.

[142] *Флоря Б.Н.* Войны... С. 138–139.

[143] *Белов М.Н.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 77–78.

[144] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1946. С. 165.

[145] Реляция С. Проского. 12 апреля 1681 г. Стамбул — AGAD. AR. Dz. 2. Rps. 1702. S. 1–3.

[146] *Ходырева Г.В.* Российско-турецкие переговоры 1681–1682 гг. о ратификации Бахчисарайского мирного договора // Отечественная история. 2003. № 2. С. 151–154.

[147] А. Потоцкий — С.А. Щуке. Б. м., б. д. [1681 г.] — AGAD. APP. Rps. 163. T. 2. S. 501.

[148] *Ходырева Г.В.* Указ. соч. С. 156–159; ПСЗ. Т. 2. С. 388–392; *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 166–168. См. также: *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // ИЗ. Т. 33. М., 1950. С. 159.

[149] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 62–63, 85.

[150] Я. Гнинский — С. Проскому. 11 июля 1681 г. Б. м. — BCz. Rps. 428. S. 22–25. См. также: *Konarski K.* Op. cit. S. 103.

[151] «Доношение бытия на посолстве у везиря сентября в 6 день 1681 году» — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 107–120. Польскую копию реляции С. Проского использовал Я. Столицкий (*Stolicki J.* Op. cit. S. 79. Примечание 93).

[152] С. Проский — Я. Собескому. 3 декабря 1681 г. Стамбул — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 98–102.

[153] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 303–304; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 87–89.

[154] М. Огинский — А. Константиновичу. Б. д. Вильно (Получено в Москве 7 июля (27 июня) 1681 г.) — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 25–27.

[155] «Словесное их милостям господам послам доношение». Б. м., б. д. (переведено 17 (7) июля 1681 г.) — Там же. Л. 30–39.

[156] Там же. Л. 45–49.

[157] Там же. Л. 56–59, 62–63, 81–90.

[158] Там же. Л. 65–67, 72–73, 75–77.

[159] Там же. Л. 68–71.

[160] Н.М. Краевский — Ларион Иванову. Б. м., б. д. (получено в Москве 7 ноября (28 октября) 1681 г.) — Там же. Л. 9–10 об. (оригинал), 91–93 (перевод).

[161] Я. Гнинский — М. Пацу. 4 июля 1681 г. Варшава — BCz. Rps. 428. S. 19–20. (Еще одну копию см.: Ibid. TN. Rps. 178. S. 605–606.)

[162] Я. Гнинский — М. Пацу. 30 июля 1681 г. Б. м. — Ibid. Rps. 428. S. 27–28. (Еще одну копию см.: Ibid. TN. Rps. 178. S. 627–628.) Я. Гнинский — М. Огинскому. 30 июля 1681 г. Б. м. — Ibid. Rps. 428. S. 28–30. (Еще одну копию см.: Ibid. TN. Rps. 178. S. 629–630.) В письме к троцкому воеводе подканцлер отмечал, что не может забыть «grzeczności, ludzkości, chojności WMMM Pana, którymi w domu jego podczas rezidentiej kadzyńskiej zażywał. Odbierałem y na większych zjazdach uprzejmy i osobliwy WMMM Pana affect».

[163] Я. Гнинский — М. Пацу. 31 июля 1681 г. Б. м. — Ibid. Rps. 428. S. 30. (Еще одну копию см.: Ibid. TN. Rps. 178. S. 631.) Я. Гнинский — М. Огинскому. 31 июля 1681 г. Б. м. — Ibid. Rps. 428. S. 31. (Еще одну копию см.: Ibid. TN. Rps. 178. S. 632.)

[164] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 59–61, 68–70. Письмо Я. Гнинского — М. Пацу датировано 14 июля, однако содержание его полностью соответствует польской копии документа, датированной 4 июля.

[165] Я. Собеский — М. Огинскому. 2 ноября 1681 г. Яворов — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 103–104. Аналогичное письмо к М. Пацу, по словам М. Огинского, пришлось выслать обратно коронному подканцлеру «для показания» (Там же. Л. 98).

[166] BCz. Rps. 428. S. 55–80; см. также: AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 52–66.

[167] Ibid.

[168] Я. Собеский — С. Невестиньскому. 14 октября 1681. Яворов — AGAD. AZ. Rps. 3053. K. 297.

[169] РГАДА. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 95–120.

[170] Там же. Л. 95.

[171] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 87–89; AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 70–87.

[172] С. Невестиньский — Я. Собескому. 18 декабря 1681 г. Москва — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 68–69, 72–73; Тот же — Я. Велёпольскому. 18 декабря 1681 г. Москва — Ibid. S. 88–95.

[173] «Cyfra ze stolice moskiewskiej wytłumaczone». 18 декабря 1681 г. — Ibid. S. 91.

[174] А. Константинович — Н.М. Краевскому. 20 января 1682 г. Б. м. — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 2. Л. 2.

[175] Там же. Л. 3–9.

[176] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 226; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 119.

[177] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей... С. 57.

[178] *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI — XVIII в. Казань, 2005. С. 53–54.

[179] Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967. С. 141.

[180] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 2. Л. 4–6.

[181] *Rachuba A.* Hegemonia Sapiehów na Litwie jako przejaw skrajnej dominacji magnaterii w życiu kraju // Władza i prestiż. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku. Białystok, 2003. S. 222–223.

[182] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 5–7.

[183] *Rachuba A.* Sapieha Kazimierz Jan Paweł // PSB. T. 35. Warszawa; Kraków, 1994. S. 39.

[184] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 1. Л. 35–36.

[185] Н.М. Краевский — В.В. Голицыну. Б. м., б. д. [между 8 и 15 сентября 1682 г.] — Там же. Д. 2. Л. 30 об. О попытках Огинских при поддержке Сапег в 1682 г. добиться отказа К. Паца от канцлерства сообщал в Берлин прусский резидент в Речи Посполитой Иоахим фон Скультеус. См.: *Szwaba M.* Op. cit. S. 61.

[186] *Rachuba A.* Ogiński Marcjan...; *Czapliński W.* Hlebowicz Jerzy Karol // PSB. T. 9. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1960–1961. S. 543; *Rachuba A.* Sapieha Kazimierz... S. 46–47.

[187] Я. Собеский — К. Сапеге. 8 июня 1682 г. Яворов — APANKr. Rps. 363. S. 75; Тот же — тому же. 12 августа 1682 г. Яворов — Ibid. S. 91.

[188] *Rachuba A.* Sapieha Kazimerz...

Глава 2

Борьба за власть в России в 1682–1683 гг. и Речь Посполитая

I. На рубеже 1670–1680-х гг., в правление молодого и не отличавшегося крепким здоровьем царя Федора Алексеевича, усилилось влияние на государственные дела боярских группировок. Одна из них объединялась вокруг Милославских, родственников первой жены царя Алексея Михайловича и ее сына царевича Ивана Алексеевича. Видную роль в ней играли способная и решительная царевна Софья, боярин Иван Михайлович Милославский, боярин князь Иван Андреевич Хованский, боярин князь Василий Васильевич Голицын, выдвинувшийся в последние годы царствования Федора. В другую входили главным образом родственники второй жены царя Натальи Кирилловны Нарышкиной, сыном которой был царевич Петр.

Царь Федор умер 7 мая (27 апреля) 1682 г. Фавориты ушедшего царствования боярин И.М. Языков и комнатный стольник А.Т. Лихачев, чтобы сохранить свое влияние, сделали ставку на царевича Петра, который был в тот же день «выкрикнут на царство». Петра поддержал влиятельный род Долгоруких и большинство членов Боярской думы.

Смерть Федора всколыхнула начавшиеся еще 3 мая (23 апреля) волнения стрельцов, недовольных условиями службы и произволом полковников. Это было на руку боярской «партии», группировавшейся вокруг царевича Ивана. Во время беспорядков 25–27 (15–17) мая были убиты ряд сторонников Нарышкиной и Петра. Погибли боярин А.С. Матвеев — в последние годы царствования Алексея Михайловича руководитель русской внешней политики, возвращенный незадолго до этого из ссылки; начальник Стрелецкого приказа князь Ю.А. Долгорукий; воевода князь Г.Г. Ромодановский; дьяк Ларион Иванов, возглавлявший Посольский приказ; И.М. Языков, ряд представителей рода Нарышкиных и др. Сторонникам царевны Софьи удалось нанести тяжелый удар по позициям правившей группировки. 5 июня (26 мая) под нажимом стрельцов царями были провозглашены Иван и Петр Алексеевичи, а 8 июня (29 мая) опять же по требованию стрельцов в связи с малолетством обоих царей регентшей стала их старшая сестра — царевна Софья Алексеевна.

Стрелецкие волнения продолжались в Москве все лето, грозя выйти из-под контроля нового правительства. Власть в столице оказалась в руках начальника

Стрелецкого приказа И.А. Хованского, стремившегося к усилению личного влияния, что вошло в противоречие с интересами Милославских и Софьи. Поэтому они, опираясь на дворянское ополчение, выступили против Хованского, обвинив его в намерении «извести» царскую семью, патриарха и других первых лиц государства. 27 (17) сентября князь и его сын Андрей были схвачены и казнены. В декабре новым начальником Стрелецкого приказа стал думный дьяк Федор Леонтьевич Шакловитый, который жестко подавлял вспыхивавшее время от времени стрелецкое недовольство [1].

Волнения в стрелецких полках продолжались до конца следующего, 1683 г. Бывший в феврале 1683 г. в Москве польский гонец С. Бентковский сообщал: «...strzelców Moskwa zowią czerwiaki na naszą kapustę, którą zjadłszy i sami wyginą, ale już poniekąd swawola ich krocona...» *. По его информации, стрелецкие приказы рассылали на отдаленные от столицы места службы — в Великие Луки («к шведам»), в Казань и Киев. Это вызывало широкое недовольство стрельцов, они неохотно выполняли это распоряжение, грозя отомстить своим гонителям при первой же возможности. Бентковский оставил интересное свидетельство сохранявшихся трений между стрельцами и московскими дворянами. При въезде в Москву посланника и его свиту встречал эскорт под командованием стрелецкого капитана Ивана Чарткова (одновременно исполнявшего роль пристава), состоявший из конных (стременных) стрельцов и дворян, а также детей боярских. Когда кортеж двинулся в город, «strzelcy postrzemienni postrzegując swojej powagi nie dali bojarskim synom przed sobą przodkować» **. Жалобы одного из детей боярских не помогли, пристав ответил, что он стременным стрельцам не указ. Пришлось дворянам ехать в конце процессии [2].

В декабре 1683 г. Ф.Л. Шакловитый предложил удалить часть стрельцов из Москвы для предупреждения новых выступлений, что вскоре и было осуществлено [3]. О ненадежности стрелецких полков и опасности нового бунта сообщал побывавший в Москве в конце 1683 г. польский гонец Я. Окраса [4], а летом 1684 г. — саксонский дипломат Л. Ринхубер [5].

Стрелецкие выступления совпали с волнениями на окраинах России, а во многих случаях послужили к ним толчком. Наиболее широкий характер они имели на Дону и Юге страны. В конце 1670-х — начале 1680-х гг. количество побегов на Дон крепостных крестьян, холопов и служилых людей, пополнявших ряды казацкой голытьбы, значительно возросло. Заключение Бахчисарайского перемирия, примирение с калмыками и последовавшие за этими событиями правительственные указы с запретом совершать набеги на калмыцкие улусы и ходить «за зипунами» на Крым означало для массы простых казаков лишения одного из основных источников существования. Чтобы не допустить широких волнений на Дону,

---

* «...стрельцов московиты зовут червяками на нашу капусту, которую съевши и сами сгинут, но уже более-менее своеволье их обуздано...».

** «стременные стрельцы, заботясь о своем достоинстве, не дали первенствовать детям боярским».

Москва в течение 1680–1684 гг. почти в два раза увеличила направлявшееся туда жалованье. Однако этого оказалось явно недостаточно, чтобы предотвратить выступления казацкой голытьбы.

В марте 1682 г. в Паншине городке вокруг атамана Ильи Иванова Фронова стали собираться «воровские» казаки, намеревавшиеся совершить поход «за зипунами» на Миус и Темрюк. В апреле несколько сот донцев поднялись на реку Черную Калитву, по пути грабя купеческие суда. Здесь на казачьем круге было решено отказаться от предыдущего плана и двинуться в поход на Волгу. Однако, спускаясь вниз по Дону, отряд И. Фронова был разбит казаками, сохранявшими верность правительству, и рассеян. Уцелевшие попытались привлечь в свои ряды широкие слои донских казаков и жителей пограничных уездов. Позднее, в мае, пойманные участники этого выступления под пытками признавались, что казаки «хотели и мыслили чинить, как в прошлых годех чинил Стенка Разин», намереваясь «итти к Москве, а на Москве, сложась заодно с стрельцами, побивать <...> бояр». Однако к концу мая движение, так и не охватив широких слоев казачества, пошло на убыль, в т. ч. и в результате жестоких репрессий пограничных воевод и донской старшины[6].

Известия о восстании в Москве вызвали в 1682 г. выступления крестьян в Белгородском уезде, в имении Белгородского митрополита Максима, а также волнения служилых людей в г. Добром, недовольных произволом воеводы. Доносивший о выступлении митрополичьих крестьян курский воевода Л.Р. Неплюев отмечал, что «и в ыных де местех послушание немногое»[7]. В июне 1682 г. вооруженные столкновения произошли в слободском Острогожском полку между казаками полковника Ивана Сасова и служилыми людьми во главе с острогожским воеводой А.Г. Рахманиновым. Служилые люди обвиняли острогожских черкасс в намерении «пристать» к «воровским» донским казакам[8].

В следующем году волнения среди донских казаков продолжились. Летом–осенью 1683 г. на Дону появились «воровские письма», в которых отмечалось, что «бояре де хотели московских стрельцов порубить, и московские де стрельцы за то бояр самих порубили», а казаки призывались идти на Москву защищать царя Ивана от боярского произвола. «Письма» распространялись раскольниками и ссыльными, жившими по рекам Хопру и Медведице. Этот призыв получил поддержку у рядового казачества. Донскому атаману Фролу Минаеву и старшине с трудом удалось унять казаков. В том же году казаки под руководством атамана Максима Скалозуба напали на Царицын, но после упорного боя были разбиты. В ходе обороны города погибло много служилых людей[9]. И в 1684 г. в Воронеже ходили слухи о намерении донских казаков учинить поход «на Русь»[10].

В начале 1682 г. своего пика достигло восстание башкир, начавшееся еще в 1681 г. в ответ на насильственную христианизацию. Только после того, как войско из уфимских служилых людей во главе с уфимским воеводой князем Андреем Кокординовым разгромило восставших у р. Ик в мае 1682 г., движение пошло на убыль. Однако в этот момент башкир поддержали калмыки. В июне 1682 г. в Башкирию пришло 40-тысячное калмыцкое войско под предводительством тайши Аю-

ки. Разорению подверглись обширные территории от Казани и до Уфы. Выступления башкир и калмыков были окончательно подавлены в конце 1683 г.[11].

В июле 1682 г. недовольные смоленские стрельцы прислали в Москву челобитчиков с жалобами на «убытки и притеснения», сместив своего полковника. Имело место недовольство служилых людей в Белгороде. В октябре 1682 г. выступления стрельцов произошли в Астрахани. Они требовали себе «отпуска» со службы в Москву. Местный воевода сообщал, что стрельцы собираются соединиться с казаками и «бунт возмутить». В северо-восточных и восточных уездах России наблюдались волнения среди помещичьих и монастырских крестьян[12].

Смута в столице Русского государства отозвалась и на Украине. В середине июня 1682 г. по требованию черниговских стрельцов в Москву был привезен полковник тамошнего стрелецкого полка Степан Янов. Его пытали и казнили за притеснения стрельцов. Когда в октябре 1682 г. подьячий Малороссийского приказа Василий Баутин привез в Киев царскую грамоту с сообщением об «измене» и «казни» Хованского, служившие в городе стрельцы возмутились. Многие из них под началом князя воевали в русско-польскую войну. Они заявляли В. Баутину, что Хованский «изменником никогда не бывал <...> а когда де он изменник, инде и мы такие ж изменники, потому что вместе с ним служили». Подьячего таскали за волосы, «били смертным боем» и на некоторое время даже посадили в тюрьму. Не менее резкая реакция на известие о казни Хованского ожидала Баутина в Переяславле, посаженного под караул и здесь. Местные стрельцы даже собирались идти на Москву и расправиться с боярами и патриархом. Они перестали подчиняться воеводе, выбрали новых пятисотенных и десятников и направили в русскую столицу депутацию с челобитной. «Непристойные» разговоры среди стрельцов по поводу событий в Москве отмечались в Севске, Глухове и Батурине. По их примеру и малороссияне начали рассуждать, что неплохо бы, как московские жители, подняться против старшины и арендаторов. Лишь к декабрю в Москву стали поступать сведения, что в малороссийских городах «все тихо и смирно, как и преж сево бывало»[13].

В том, что серьезных выступлений на Украине все же не случилось, велика заслуга гетмана Ивана Самойловича. Узнав, уже после присяги Украины царю Петру, о воцарении в Москве Ивана и Петра, гетман еще до приезда в Батурин царских посланцев с официальным объявлением об этом событии вызвал к себе командующего местным стрелецким гарнизоном полковника Максима Лупандина с офицерами, а также генерального писаря Войска Запорожского и принес вместе с ними перед иконой Иисуса Христа присягу «на верную и вечную <...> службу» обоим царям. Сделал это Самойлович, по его собственному признанию, «предваряя польскому наветованию и розным непристойным поголоском». Такой поступок гетмана, несомненно, способствовал предотвращению каких-либо волнений или выступлений украинского населения в связи с бунтами в русской столице и отсутствию сложностей при повторной официальной присяге малороссийского казачества и мещан Ивану и Петру. Эти свои действия Самойлович подкрепил направленными в Москву просьбами об усилении киевского гарнизона, о выплате

царского жалованья казакам Запорожской Сечи, о приведении в боевую готовность войск Северского разряда под командованием Л.Р. Неплюева и усилении его дополнительными кавалерийскими отрядами. Необходимость этих мер гетман мотивировал угрозой разрыва Бахчисарайского перемирия со стороны Порты и Крыма, собирающих войска на Правом берегу Днепра под предлогом разграничения с Речью Посполитой, и опасностью польских интриг на Украине. Царское правительство, поблагодарив Самойловича за заботу «о целости Малороссийского края» в грамоте от 15 (5) июня 1682 г., обещало послать в Киев «в прибавку» два полка Белгородского разряда, а в случае непосредственной опасности — подкрепления из Москвы. Неплюеву был послан указ идти на соединение с войсками гетмана по первому зову, не дожидаясь дополнительных распоряжений. Во все города Северского разряда были посланы грамоты с наказом быть «к походу во всякой воинской готовности», в Запорожье — направлено царское жалованье, в украинские города, где стояли стрелецкие гарнизоны, — грамоты с уведомлением о повышении жалованья до уровня жалованья московских стрельцов [14]. Кроме того, в июле 1682 г. новое правительство подтвердило все привилегии гетмана и Войска Запорожского, дарованные предыдущими русскими монархами [15].

Украинский гетман совершенно правильно рассудил, что и Порта, и Речь Посполитая наверняка захотят воспользоваться внутренними осложнениями Московского государства. Меры, принятые Самойловичем и по его просьбе — русским правительством, оказались очень своевременными.

II. Стрелецкое восстание, волнения на окраинах России привлекли пристальное внимание правящих кругов в Речи Посполитой. Об этом свидетельствуют польские источники, повествующие о стрелецких бунтах. Наиболее известный из них «Diariusz zaboystwa tyrańskiego senatorów moskiewskich w stolicy roku 1682 y obraniu dwóch carów Ioanna y Piotra» («Дневник злодейского избиения московских бояр в Москве в 1682 г. и избрания двух царей Ивана и Петра») [16] был введен в научный оборот еще С.М. Соловьевым [17]. Копия его содержится в «портфелях» Циприана Павла Бжостовского [18] — референдаря Великого княжества Литовского и одного из ведущих дипломатов Речи Посполитой, специализировавшегося на отношениях с Россией. Диариуш был скопирован и для «портфелей» А. Нарушевича [19]. Не исключено, что он был составлен для самого Яна Собеского. Исследовавший этот источник Е.Ф. Шмурло обоснованно предположил, что он был написан в конце весны 1683 г. [20]. Автором диариуша, вероятней всего, был польский гонец С. Бентковский, приехавший в Москву в январе 1683 г., либо сопровождавший его Иосиф Лядинский, литовский шляхтич, имевший в Москве обширные связи. В пользу этого говорят некоторые сюжетные совпадения, встречающиеся в диариуше и донесении (от 19 марта), составленном в Смоленске кем-то из двух вышеназванных лиц и адресованном, видимо, польскому королю [21].

Ян Собеский, поддержанный некоторыми польскими магнатами, и в первую очередь коронным польным гетманом С. Яблоновским, решил воспользоваться ситуацией и разжечь антироссийские волнения на Смоленщине и Украине. При этом

королевский двор преследовал три цели: во-первых, в случае успешного возобновления борьбы за Украину поднять свой авторитет среди шляхты и укрепить внутриполитические позиции правительства; во-вторых, компенсировать на востоке неудачи во внешней политике на западе; в-третьих, оказать давление на московское правительство и побудить его к уступкам по вопросу о территориях, присоединенных к России по перемирию 1667 г., и об антиосманском союзе. В целом же предпринятый Яном Собеским политический маневр свидетельствовал, что в представлении правящих кругов и шляхты Речи Посполитой вопрос об Украине все еще имел существенное значение в сравнении с другими внешнеполитическими направлениями — балтийским и антиосманским.

В начале 1682 г. российское правительство вновь напомнило о предусмотренной, по его мнению, еще соглашением о перемирии 1667 г. делимитации российско-польской границы и потребовало от польского короля направить комиссаров для «развода границ». С этой целью с российской стороны были посланы межевые судьи: к Великим Лукам — Иван Сумароков, в Смоленск — стольник Андрей Самарин и дьяк Василий Михайлов. Однако польские комиссары «на съезд» так и не явились [22].

Вместо пограничных комиссаров Ян Собеский направил на Левобережную Украину и под Смоленск секретных агентов. Акция эта была задумана с размахом. На Украине королевский двор решил действовать сразу по нескольким направлениям — в Запорожской Сечи, среди украинского духовенства, казацкой старшины и рядового казачества.

В отечественной исторической литературе этот важный и интересный эпизод русско-польских отношений получил лишь частичное отражение в трудах С.М. Соловьева и Н.И. Костомарова [23]. Последующие русские историки основывались на фактическом материале, приведенном в их трудах. В польской историографии эти события были достаточно обще затронуты в монографии сначала Я. Пердени, а затем З. Вуйчика [24]. Церковные аспекты данной проблемы исследовал Мариан Бэндза [25]. Свой вклад в изучение этого вопроса внесли и украинские историки В. Станиславский и Ю.А. Мыцык [26].

В политике польского двора на Украине был и еще один аспект, который ранее мало привлекал внимание историков. А именно то, что направлена она была не только на подрыв российского влияния на Украине, но и против главной опоры этого влияния — гетмана Ивана Самойловича. В данном случае Ян Собеский и его сторонники пробовали воспользоваться в своих целях неуклонно нараставшим недовольством среди казацкой старшины усилением личной власти украинского гетмана.

В начале января 1682 г. киевский воевода Петр Семенович Прозоровский сообщал в Москву о ходивших на Правобережной Украине слухах, что «поляки де Дорошенка* прельщают писмами, чтоб он к ним отъехал и естли он к ним отъедет

* Речь идет о жившем на Украине Григории Дорошенко, брате бывшего гетмана Петра (последний находился в это время в России).

и от него великое смятение будет». Сообщалось также, что киевский полковник Константин Солонина «животы свои перевозит в литовской город Слуцк», а те полковники, которые после падения П.Д. Дорошенко перешли на Левый берег и «ныне живут в малороссийских городех <...> писмами в полские городы пересылаютца и на прежней де сейм из них неведомо от кого был присланной лист» [27]. Эта информация не была лишена основания. Еще в марте 1680 г. польский король Ян Собеский получил послание с Левобережной Украины от «первейшего» полковника Войска Запорожского, сообщавшего, что в случае заключения русско-османского мира левобережные казаки выйдут из подданства русского царя и признают верховную власть польского короля и Речи Посполитой. Ян III предполагал, что за всем этим стоит гетман И. Самойлович [28], однако время показало, что он ошибался.

В январе 1682 г. в Батурине на съезде всей старшины в честь праздника Рождества Христова были отставлены от своих должностей переяславский полковник Войца Сербин и киевский К. Солонина. Первый, по свидетельству самого гетмана, «отговаривался немощию и слабостию сил своих». На место Сербина был «советом всей старшины» назначен войсковой есаул Леонтий Полуботок, которого Самойлович называл «близ боку нашего радетельным человеком». О причинах отставки Солонины гетман в Москву не сообщил, ограничившись скупым замечанием, что ему на помянутом съезде «указали оставити» полковничество (свет на причины этой отставки проливает сообщение Прозоровского). Вакантное место киевского полковника получил стародубский полковник Григорий Карпов (Карпович). Гетман подчеркивал, что Карпович «монаршескому престолу верен есть и нам приятен человек» [29]. В Яворове, очевидно, знали о произошедших кадровых перестановках в Войске Запорожском и решили использовать это в своих целях.

Из письма, которое выслал гетману Л. Полуботок сразу после приезда на новое место службы, следовало, что одной из причин недовольства Самойловича Сербиным были слишком частые переходы людей из его полка на Правый берег, среди которых могли быть и посланцы к польскому королю от недоброжелателей гетмана из числа старшины. Прибывший в конце января 1682 г. в Переяславль Полуботок немедленно собрал сотников и старшину полковых городов и «жестоко приказал» не пропускать «конных и пеших на ту сторону Днепра людей, кроме тех, которые ис которого городка с ведома <...> старшины по дрова ездят» [30].

Войца Сербин был отправлен в Киев, под надзор тамошнего воеводы [31]. Позднее, в октябре 1683 г. (начало активного казацкого движения на Правобережье во главе со Стефаном Куницким), гетман раскрыл русскому правительству истинные причины отставки Войцы Сербина. На переговорах с прибывшим к нему севским воеводой окольничим Л.Р. Неплюевым Самойлович заявил, что если бы своевременно не сместил Войцу Сербина с переяславского полковничества, «то бы от него в переяславском полку были бунты и вместо Куницкого он был бы гетманом, о том де с полской стороны конечно ведомо, что он (Сербин. — *К. К.*) з белоцерковским комендантом (Э. Раппе. — *К. К.*) в том свой имел совет» [32].

Готовя многоходовую политическую комбинацию, польский двор рассчитывал и на поддержку левобережной казацкой старшины (заметную роль среди кото-

рой играли выходцы с Правобережья), которая сама была не прочь высвободиться из-под тяжелой руки гетмана.

Для подготовки миссии на Сечь на руку польскому королю оказалось присутствие при дворе запорожских посланцев — Якова Вороны и Ивана Серко-младшего, названного сына знаменитого запорожского атамана. Теперь Ворону решено было отпустить, а Серко, видимо, на случай, если Ворона будет пойман заставами И. Самойловича, задержать до королевского указа в Дымере либо Белой Церкви (официально ему было разрешено жить при королевском дворе ради заслуг его отца). Я. Вороне были вручены своего рода верительные письма от короля — казакам Запорожской Сечи и от коронного гетмана С. Яблоновского — кошевому атаману, а также двести червонных злотых для раздачи запорожской старшине (кошевому атаману, войсковому есаулу, войсковому писарю и др.)[33].

Установить связи со старшиной и координировать действия королевских агентов на Заднепровье должен был Василий Искрицкий. Его мать была сестрой другого, не менее знаменитого, чем И. Серко, деятеля украинской Руины — правобережного гетмана Павла Тетери, которому Василий доводился племянником. Как отмечалось в выданной инструкции, Искрицкий был воспитан при королевском дворе, оплатившем его обучение, видимо, за границей, и получил по решению сейма шляхетство. Он должен был выехать в Дымер, откуда попытаться наладить связь с представителями старшины, подвергшимися гонениям Самойловича, — в виду имелись конкретные лица, будто бы постриженные по приказу гетмана в монахи. Королевский агент получил исключительно важное задание: добиться созыва генеральной рады, которая бы могла принять решение о переходе украинского казачества на сторону польского короля («łączyć się z JKM PNM, jednoczyć siły z Rzptą» *) для противостояния готовящейся османской агрессии. Такой украинско-польский союз был бы невозможен без устранения гетмана И. Самойловича. Поэтому Искрицкий должен был попробовать связаться с И.С. Мазепой (он единственный из старшины, кто назван в инструкции по имени, — что подчеркивает его важную роль в глазах польского двора). На него Ян Собеский возлагал особые надежды. В Яворове предполагали, что Мазепа, вернувшись из недавней поездки в Москву, уже стал генеральным есаулом. Кроме тех общих идей, которые содержались в инструкции, Искрицкий должен был изложить Мазепе и конкретные предложения королевского двора, что ныне, после смерти царя Федора и гибели многих бояр, он уже не имеет столь могущественных покровителей в Москве, как раньше. «Teraz kiedy się już wszystko wywrócieło, kiedy i dom carski ginie i bojarowie w krwi własnej potopieni i rwie się państwo to za carem teraźniejszym, to za carównami, które mężów i wydziału prowincji potrzebują <...> co pocznie urodzony Mazeppa, na czym sie wesprze w takowym zamieszaniu, na co się spuszcza, czemu ufa. Czy nie lepisz do dziedzicznej wrócić się wolności, w której się urodził, wychował, i wrócić się do tego Pana, którego znał zawsze na się łaskawego i z politycznіejszymi

* «соединиться с его королевским величеством, паном нашим милостивым, объединить силы с Речью Посполитой».

ostatek wieku trawić junakami, niż na tych zostawać dyskrecjej, którzy sami giną a na ludziach rycerskich mało sie znaja» *, — говорилось в инструкции.

Официально Искрицкий ехал в Дымер для разбора ссор и тяжб стоявших там казаков как между собой, так и с «обывателями» киевского воеводства, что подтверждал данный ему королевский универсал. Инструкцию же, к которой была приложена печать, королевский посланник должен был хранить в строжайшем секрете и, выезжая на встречи с агентами львовского епископа Иосифа Шумлянского, непременно оставлять ее в Дымере. В местечко Полонное на Волынь для связи с племянником П. Тетери был направлен коронный хорунжий И. Любомирский[34].

По дороге Искрицкий должен был встретиться еще с одним участником задуманной польским двором политической комбинации — белоцерковским протопопом Семёном Зарембой, для которого ему были вручены инструкция, королевский универсал (с подписью Яна III и коронной печатью) и письма от короля и подканцлера Я. Гнинского. В задачу Зарембы входило выяснить настроения своих собратьев — малороссийского духовенства, а также друзей в Запорожье и на Левобережной Украине, в т. ч. и «старинных полковников», недовольных Самойловичем. За это король обещал протопопу щедрую награду и монаршую милость. Однако в Яворове, видимо, не очень доверяли ему (и как впоследствии выяснилось — не зря) — инструкцию для Зарембы, снабженную коронной печатью, Искрицкий должен был «не выпускать из рук», дать ее ему только для прочтения и разрешить переписать, если протопоп изъявит желание. В свою очередь, если кто-то из тех людей, с которыми Заремба установит связь, захотел бы увериться в искренности его слов, протопоп должен был направлять такого человека к Искрицкому, и тот, убедившись, что присланному можно доверять, мог показать секретный королевский документ[35].

Королевские указания С. Зарембе продублировал в своем письме С. Яблоновский (от 10 июля 1682 г.). В нем уже без обиняков были выражены цели предпринимаемой акции: возвратить Украину и заручиться поддержкой казачества в грядущей войне с Османской империей. С. Заремба должен был выяснить, на каких условиях казаки желают вернуться под власть короля и Речи Посполитой, причем коронный гетман обещал лично ходатайствовать за них при дворе. Из письма ясно и с какими друзьями в первую очередь должен был снестись белоцерковский протопоп — это некие паны Гамалеи, для которых Яблоновский приложил к своему письму верительный «лист» Зарембе. Коронный гетман особенно подчеркивал, что

---

* «Теперь, когда все перевернулось, когда дом царский гибнет и бояре утоплены в собственной крови, а государство разрывается между нынешним царем и царевнами, которые требуют мужей и раздела владений, что делать благородному Мазепе, на что положиться при таком беспорядке, на что надеяться, чему верить? Не лучше ли вернуться к исконной свободе, с которой родился и при которой воспитан, и возвратиться к государю, бывшему всегда к нему ласковым, и провести остаток века с более благовоспитанными юношами, нежели оставаться под покровительством тех людей, которые сами погибают и в рыцарях мало разбираются».

порученное ему задание протопоп должен выполнить как можно быстрее[36]. Упомянутые в письме С. Яблоновского «паны Гамалеи» — вероятно, бывший лубенской полковник Григорий Гамалея и его брат Андрей. Григорий Гамалея был одним из известнейших деятелей Малороссии второй половины XVII в. Начав службу еще при Богдане Хмельницком, в 1659 г. он был послом в Турцию гетмана И. Выговского, а в 1668 г. — гетмана И. Брюховецкого. Затем Г. Гамалея служил гетману П.Д. Дорошенко. В 1674 г. он стал генеральным есаулом, неоднократно бывал наказным гетманом. После отказа Дорошенко в 1676 г. от гетманства Г. Гамалея переселился на Левобережье и в описываемое время жил в Лохвице, не занимая никаких должностей, имея лишь звание знатного войскового товарища. И.С. Мазепа, став гетманом, вновь назначил его лубенским полковником. Его брат Андрей в 1679–1687 гг. занимал должность лохвицкого сотника. В гетманство И.С. Мазепы он стал генеральным есаулом (не позднее 1689 г.)[37].

Чуть позже С. Яблоновский попытался привлечь на сторону польского двора бывшего переяславского полковника Родиона (Райча) Григорьевича Дмитрашко (более известен как Дмитрашка Райча), смещенного И. Самойловичем со своего поста в 1674 г. В 1676 г. Дмитрашко, затаивший обиду на гетмана, обвинялся в «заговоре» против него (дело П. Рославца), но был помилован царским указом[38]. Посылая своего слугу, некоего Кучинского, в Дымер по делам, касавшимся выдачи жалованья расквартированным в Киевском Полесье польским хоругвям, коронный гетман вручил ему и письма для Дмитрашки Райчи с призывом верно служить Яну Собескому, приказав передать их Искрицкому. Тот получив послания, выразил уверенность, что Дмитрашка вскоре «заколотит» на Левобережной Украине. Повез их на Левый берег некий попович Федор Хвеско, ехавший из Львова к себе на родину, в Барышевку. 19 ноября 1682 г. он передал письма переяславскому полковнику. Обо всем этом своевременно узнал через своих агентов гетман И. Самойлович. Федор был схвачен, а в январе 1683 г. Райча был отдан под суд в Переяславле и приговорен к смерти, но вскоре, видимо, опять был помилован[39].

В королевской канцелярии был составлен проект письма и к архимандриту Киево-Печерской лавры Иннокентию Гизелю. В нем крайне осторожно сообщалось о внутренних неурядицах в России и одновременно подчеркивалось могущество Речи Посполитой, готовой помочь «российскому» (т. е. украинскому) народу обрести «исконную свободу». Однако письмо даже с таким туманными намеками, скорее всего, не было отправлено по назначению, поскольку в Яворове не были уверены, что архимандрит благосклонно отнесется к планам Яна Собеского[40]. Поэтому наиболее ответственная миссия была возложена на епископа Иосифа Шумлянского, незадолго перед тем тайно перешедшего в униатство. Он должен был направить в города Левобережной Украины монахов правобережных монастырей. В их задачу входило вести пропаганду в первую очередь среди рядового казачества, причем при королевском дворе не исключали возможность организации Черной рады на Левобережье, хотя монахам Шумлянского поручалось передать письма тем полковникам, которые могли откликнуться на королевские призывы. Собранные сведения эти «духовные особы» должны были сообщать Искрицкому в

Дымер и затем вновь возвращаться на Левобережье. В случае, если бы такой канал связи оказался неудобен из-за отдаленности Дымера от Днепра, племяннику Тетери предписывалось перебраться в Киевский Межигорский монастырь или любое другое приднепровское местечко (монастырь), где и встречаться с агентами Шумлянского. Полученную информацию Искрицкий должен был немедленно пересылать Яну Собескому. Все это предписывалось делать в условиях строжайшей конспирации: каждый шпион должен был двигаться своим маршрутом и выполнять особое задание, ничего не зная о других агентах. С каждым из них Искрицкий должен был встречаться отдельно и на новом месте.

Среди городов, в которые Шумлянскому предписывалось направить монахов, на первом месте в инструкции значилась Полтава, поскольку город был расположен поблизости от Запорожья и здешних казаков считали при королевском дворе наиболее восприимчивыми к польской пропаганде. Агенты львовского епископа должны были посетить Переяславль, Нежин, Киев вместе с окрестными монастырями, а также Чернигов и Новгород-Северский. В последнем рекомендовалось действовать с особой осторожностью по причине близости его к гетманской ставке — Бутурину, чтобы к И. Самойловичу «prętko intencje nasze nie dolecialy» *. Отправлять ли лазутчиков в далекий Стародуб, Шумлянский должен был решить сам, однако это надо было сделать обязательно, если бы на Запорожье и в Полтаве начались антимосковские выступления[41].

Для главных действующих лиц — В. Искрицкого, И. Шумлянского, Я. Вороны и С. Зарембы — в королевской канцелярии были подготовлены обширные инструкции. В целом их содержание концентрировалось вокруг одних и тех же проблем. Некоторые различия присутствовали в зависимости от того, каким слоям украинского общества адресовалась королевская пропаганда. Эти документы отразили не только формирование «казацкой политики» Яна Собеского в конце 70-х — первой половине 80-х гг. XVII в., но и курс польского короля в отношении России, а отчасти и Османской империи. Ключевым же был вопрос об Украине, на обладание которой претендовала каждая из трех держав.

Прежде всего, королевский двор заявлял об исконности прав польских королей на украинские земли. О Яне Собеском в инструкциях говорилось исключительно как о друге казачества, всегда ценившего его рыцарские и боевые качества (которые Москва оценить была не способна), готового защитить и всегда защищавшего Украину от любых врагов и призреть казаков своей отцовской «лаской». Много места посвящалось воспеванию польско-украинского боевого содружества, польские «сабли» в союзе с казацкими «самопалами» составляли, по словам авторов инструкций, непобедимую силу для армий окрестных государств. Прежде всего в виду имелись Турция и Россия. В связи с этим польскому двору надо было как-то объяснить Журавненский (1676 г.) и Константинопольский (1678 г.) договоры, по которым Речь Посполитая уступала османам Подолию и Правобережную Украину за исключением Паволочи и Белой Церкви. Формулировка соответству-

* «быстро намерения наши не долетели».

ющих статей этих договоров, касающихся Украины, подразумевала, что она принадлежит казакам, которые находились в момент их заключения под протекторатом Османской империи. Теперь же польский король в направленных на Левобережье и Запорожье инструкциях истолковывал это таким образом, что он добился, «że Ukraina samym kozakom, a nie komu inszemu wiecznie należeć ma» *, т. е. — независимости Украины. Доказательством этого, считал Ян Собеский, стало то, что вскоре после заключения Журавненского договора «nie komu inszemu Ukraina tylko Chmielniczynkowi była podana» **. Такая трактовка польской дипломатией украинского вопроса получила развитие и в дальнейшем — в ходе переговоров с Россией о заключении Вечного мира.

Особую роль в инструкциях играло описание мощи королевского войска — подчеркивалась его дисциплинированность, спаянность, мужество, боевой дух, наличие в нем в достатке опытных командиров, но главное — констатировалось, что королевская армия в течение одной недели, «словно из рукава», появится по первому призыву казачества там, где необходимо, а сам Собеский готов в любой момент выехать из «дворца» в «обоз». Здесь можно видеть очевидный намек на готовность Речи Посполитой оказать вооруженную помощь казачеству в борьбе за освобождение от московской власти. Кроме того, в королевских инструкциях подчеркивалось, что для казачества приготовлены сукна, «борошно» (провиант), кони, артиллерия, деньги — их запасено на оплату 40-тысячного казацкого войска (!), только бы казаки «wdzięcznymi tego być chcieli» *** и возвратились к «отцу» и «матери», т. е. под власть короля и Речи Посполитой. Провозглашалось, что для всех казаков у Яна III всегда открыты покои, «шкатула» (казна) и «сердце отцовское» как «истинным сынам общей Отчизны».

Характеризуя таким образом свою политику по отношению к Украине, польский двор одновременно обвинял Москву в предательстве интересов «казацкого народа», в несоблюдении союзных соглашений с Речью Посполитой, в невозвращении, вопреки всем обещаниям, Киева. Именно Россия, не оказав вовремя помощи шляхетской республике, за которую обманом выманила себе у короля продление русско-польского перемирия, была якобы виновата в поражении Речи Посполитой в войне с Османской империей.

Более того, как утверждалось в инструкции, переговоры Василия Тяпкина в Бахчисарае и Прокофия Возницына в Стамбуле не учитывали интересов Украины — по сути, Россия и Турция разделили ее без согласия казачества по Днепру, причем Москва отдала туркам Правобережье, на которое не имела никакого права. Целью такого раздела было полное искоренение казачества. Речи Посполитой, говорилось в инструкциях, удалось «спасти» от турок лишь Паволочь и Белую Церковь, где и казацкое войско, и весь «росиньский» народ могут найти «гнездо и приют». России ставилось в вину, что славные полковые места и старинные казац-

* «что Украина самим казакам, не кому-то другому, принадлежать должна».

** «не кому другому, но только Хмельниченку Украина была отдана».

*** «благодарными за это быть захотели».

кие поселения, равные Киеву (Чигирин, Корсунь, Черкассы, Умань, Брацлав, Кальник, Лисянка, Богуслав, Ставище), оказались под турецким игом. Результатом этого якобы стало появление в Немирове господаря Георге Дуки «i że Ukrainę insze posiadają narody a narod dziedziczny Kozacki wypierają i zaniedługo wykorzenią, gdy i Dniepr z zamkami zawarty, i już nawet na Zadnieprzu przejścia od Korony do Zaporoża nie masz» *.

В королевских инструкциях всячески подчеркивалось, что и на Левобережье Россия никаких прав не имеет, владея им временно по русско-польскому договору о перемирии, по истечении которого, а возможно и раньше, Речь Посполитая обязательно потребует возвращения своих «исконных» земель. Собеский считал, что Москва, якобы нарушив присягу на союзное соглашение, трижды принесенную царями и шесть раз царскими боярами, дает польско-литовской стороне право денонсировать договор о перемирии в любое время.

Припоминалась и османская осада Чигирина, который, по свидетельству польского дипломата, находившегося в турецком лагере, русские сдали намеренно: войска Г.Г. Ромодановского отошли от города, когда турки уже готовы были снять осаду и обратиться в бегство. Наконец, в инструкциях говорилось, что своей «вероломной» политикой Россия якобы сорвала заключение общеевропейской коалиции (Австрия, германские и итальянские государства, Рим, Нидерланды, Швеция, Дания, Англия, Венеция и даже Франция) против Османской империи. Москва даже запретила вербовать на собственные средства польскому королю казаков для участия в священной войне, опасаясь, что они вспомнят об «исконной вольности» и захотят к ней вернуться — заявлял Ян Собеский.

Именно за эти «грехи», утверждалось в королевских инструкциях, Москва терпит Божью кару — «тонет» в собственной крови. Речь шла о Московском восстании 1682 г., которое трактовалось как трагедия, «от веков неслыханная». Причем, по версии польской стороны, бояре, чтобы не допустить оказания царем помощи Речи Посполитой против турок и ненавидя царя за то, что его супруга Агафья (в девичестве Грушецкая) имела польское происхождение, отравили сначала ее, потом самого Федора Алексеевича и хотели погубить весь царский род. За это бояр и постигло «Господне наказание» — все они перебиты стрельцами. Самого русского царя Федора Алексеевича королевские инструкции характеризовали довольно лестно, как подававшего большие надежды в воинском деле, истинного и набожного христианина, прилагавшего все силы для создания антиосманской коалиции.

Другим аспектом смуты в России, о котором предполагалось подробно оповестить малороссиян, были бунты служилых татар — «московских орд» — Казанской, Астраханской, Касимовской, Башкирской, Калмыцкой и даже некой Рязанской, а также волнения среди донских казаков, которые припомнили подвиги

* «и что Украиной другие владеют народы, а народ исконный казацкий вытесняют и вскоре искоренят, когда Днепр крепостями перекрыт и даже с Короны через Заднепровье на Запорожье проезда нету».

Стеньки Разина (и здесь Собеский был совершенно прав). «Орды» якобы договорились с Крымом и Портой о переходе под покровительство султана и о большом походе на Россию в союзе с турками и крымскими татарами. Собеский, видимо, было осведомлен об ужесточении политики русского правительства 1680–1681 гг. в отношении феодалов-мусульман и их недовольстве ею и надеялся использовать этот фактор в своих интересах.

Одной из целей инструкций было подогреть антиосманские настроения в Запорожье и на Украине. Ввиду надвигавшейся войны с Османской империей Собеский стремился заручиться поддержкой казачества, обращая его внимание на агрессивную политику османов в Венгрии, на планы турок, используя политическую нестабильность в России, установить свою власть над «московскими ордами»: чтобы осуществить их, османы, прослышавшие о восстании в Москве, якобы стремятся теперь заключить с императором мир. Все это прямо грозило и самой Украине. Сообщалось в инструкциях, что Крым готовится уничтожить Кодак, а затем и искоренить Запорожье. В этих условиях Собеский заявлял о своей готовности не только защитить Украину от «бусурманского» нашествия, но и освободить все православные народы от турецкой власти, а запорожцам обещал разрушить турецкие замки в устье Днепра.

Особое внимание уделялось и взаимоотношениям Яна Собеского с православной церковью. Подчеркивалось, что король с одинаковым уважением и заботой относится и к греческой, и к римской церкви, что он освободил православные церкви и монастыри из-под власти светских панов, от чинша и подводной повинности. А введенный недавно запрет ездить православному духовенству в Константинополь оправдывался необходимостью не допустить проезда туда шпионов под видом духовных особ.

Красной нитью в инструкциях проходила мысль о России как о тираническом государстве, которому, в отличие от Речи Посполитой, чуждо понятие о вольностях и рыцарских традициях. Шляхетская же республика изображалась в этом отношении образцом для подражания. Казачеству предлагалось «очнуться от смертельного сна», подумать о себе, спастись, «выбившись» из неволи, которая в конечном счете приведет его к погибели. Наконец, казаки могли бы доказать, что достойны своих славных предков, не уступают им мужеством и стремлением к воинской славе.

Содержание рассмотренных инструкций представляло целую систему идей и воззрений, которые польским королевским агентам предстояло пропагандировать среди украинского казачества и населения Левобережья. Лазутчики должны были допытываться от представителей украинского общества, с которыми им довелось бы общаться, какие те испытывают трудности и в чем польский король мог бы им помочь. Несмотря на то, что польские предложения не были сформулированы конкретно, понятно, что их главной целью было побудить украинцев выступить против России, опираясь на поддержку Речи Посполитой.

Помимо этих общих положений каждая из инструкций, в зависимости от того, для кого она предназначалась, содержала особенные рекомендации. Запорожцев,

известных своим анархизмом и не любивших, когда государственная власть, будь то Батурин, Москва или Варшава, вмешивалась в их дела, польский двор рассматривал как своеобразный катализатор антимосковских выступлений на всем Заднепровье. Называя Сечь «рыцарским гнездом» и источником славы Войска Запорожского, королевский двор рекомендовал ей «открыть глаза» Заднепровью на грядущие опасности, напомнить Левобережью об «исконной милости» короля, который «wszystko dla wierności ich (запорожцев. — *К. К.*) i cnego narodu Kozackiego uczynić będzie gotów» *. Запорожцев предупреждали о якобы задуманном Москвой открытии на левом берегу Днепра царских кабаков, чтобы получить средства на выплату «хараджа» — дани Крымскому ханству. Эта мера грозила старинной привилегии сечевиков — свободному винокурению, а слухи об этом способны были вызвать нешуточное недовольство.

Старшину и казаков городовых полков Левобережья стращали перспективой превращения их в пашенных (крепостных) мужиков, которая ждет их под московской властью, убеждали, что Запорожье уже будто бы добивается «протекции» при королевскому дворе. Кроме того, в инструкциях Шумлянского и Искрицкого содержался намек на возможную независимость Украины: «...lepiej mieć głowę i Pana na Kijowie, w domu, w gniaździe, w bliskości, niż go w zamieszanej, krwią własnej zalanej szukać stolicy, albo się z Krymu, albo się go z Stambułu bać i spodziewać» **. Кроме идеи политической независимости от Москвы в инструкциях поднимался вопрос и о независимости религиозной. Казакам припоминалось, что якобы сотни лет назад киевский митрополит посвящал в сан московского, которого теперь зовут патриархом. «A czy nie wiecznasz sromota i wstyd potomności, że teraz dla gnusności, czy wyrodków synów, czy metropolita czy patryarcha (московский. — *К. К.*) jako uzurpuje, rządzi kijowskiego i cerkwiom Bożym kijowskim panuje, który im z przodkow swoich podlegał» ***, — призывала инструкция В. Искрицкого. Инструкция львовского епископа утверждала, что киевская Святая София гораздо древнее Соборной церкви в Москве. А из этого следовало: «Czemu by jako władzę duchowną tak i świecką nie lepiej widzieć w Kijowie, niż tej szukać niewolniczym karkiem w Moskwie» ****, что недвусмысленно означало превращение Киева в центр светской и церковной власти на Украине, независимый от России.

Разумеется, непоследовательные, а порой и противоречащие друг другу положения инструкций не представляли собой целостной политической программы. Из

---

* «все будет готов сделать, чтобы воздать должное их верности и благородству народа казацкого».

** «...лучше иметь голову и государя в Киеве, дома, в родном гнезде, поблизости, чем искать его в охваченной смятением, залитой собственной кровью Москве либо приглашать и ожидать его с Крыма или Стабула».

*** «И разве не вечный срам и стыд для потомков, что теперь из-за гнусности или сыновей-выродков то ли митрополит, то ли патриарх узурпирует власть киевского митрополита, и им руководит, и церквями Божьими управляет, которым его предки подчинялись».

**** «Разве не лучше власть как духовную, так и светскую видеть в Киеве, чем в поисках ее гнуть шею в Москве».

них нельзя заключить, в чем состоял конкретный план Собеского, хотя там и содержались многочисленные сентенции об исконных правах польских королей на Украину. В инструкции Шумлянского даже открыто говорилось о готовности Собеского взять казачество под свою «протекцию». Хотел ли польский король возвращения к условиям Гадячского договора, предусматривавшего создание автономного княжества Русского со ставкой гетмана в Киеве, или полной независимости Украины при равноправном военном союзе с Речью Посполитой? [42] Совершенно определенно расценил содержание польских предложений гетман И. Самойлович, сообщавший в Москву, что «король особное киевское руское княжество уделом учинити хощет» [43]. Опытный политик, гетман недвусмысленно намекал русскому правительству, что если оно будет пытаться ограничить гетманскую власть, то Речь Посполитая обязательно этим воспользуется.

Инструкция, подготовленная для Шумлянского, содержала открытые выпады против гетмана И. Самойловича, который также наряду с турками и русскими причислялся к «искоренителям» казачества. Гетману ставилось в вину, что он, стремясь к укреплению своей власти, расправлялся с неугодными ему полковниками. Казакам советовали освободиться от власти такого «никчемного человека, чуждого всему рыцарскому».

В инструкции Шумлянскому затрагивался и очень важный для польско-украинских отношений вопрос о возможности восстановления прав «панов» (польской шляхты) на их владения в случае возвращения Левобережной Украины под власть короля и Речи Посполитой. В ней провозглашалось, что шляхта больше не будет претендовать на свои имения в Заднепровье, признавалось, что из-за панского угнетения «тамошний народ никогда не мог находиться в покое» и в итоге это стало причиной потери Речью Посполитой Украины. Казачество заверяли, что по прошествии с 1648 г. стольких лет почти все бывшие землевладельцы умерли, а их наследники уже не помнят, где были земли родителей, что не будет возобновлена старая практика раздачи магнатам старостств и королевщин в Киевском воеводстве, на Левобережной Украине и Северщине, наконец, что земли умершего бездетным короля Михала Корибута будут непосредственно закреплены за казачеством [43а].

Из материалов Посольского приказа известно, что И. Шумлянский, в соответствии с королевскими указаниями, направил на Левобережную Украину четырех лазутчиков. Первыми выехали два униатских игумена: Иосиф из «Творилского монастыря, что под Городищем» и игумен Залочивского (Золочивского) монастыря. Первый, как вскоре оказалось, якобы из-за болезни вообще не поехал на Левый берег Днепра. О судьбе второго игумена, получившего письма «для возмущения» Малороссии, источники ничего не сообщают. Более ответственная миссия, видимо, была поручена двум другим чернецам — Ионе Зарудному и Феодосию Храпкевичу, выехавшим позднее (проезжий лист от Шумлянского выдан им 20 июля 1682 г. во Львове). Ехали Зарудный и Храпкевич порознь, везя с собой на Левый берег полученную от Шумлянского копию (без подписей и печатей) королевской инструкции. Храпкевич (видимо, ему И. Шумлянский доверял больше) был снабжен также рекомендательными письмами: одно — к бывшему киевскому полков-

нику Константину Солонине, другое — к Григорию Дорошенко (брату П.Д. Дорошенко). Подписаны они были во Львове коронным гетманом С. Яблоновским и датированы 18 июля 1682 г. Принимая также во внимание, что В. Искрицкий позднее написал миргородскому полковнику Даниле Апостолу, становится понятным, на кого рассчитывали при королевском дворе, имея в виду старшину, страдавшую от гонений гетмана. Храпкевич поехал через Белую Церковь, где протопоп Семён Заремба помог ему спрятать письма и мемориал, обмазав их воском, обернув в холстину и поместив во флягу с дегтем. Дал чернецам И. Шумлянский и устные наставления — оповещать население Левобережья о скором приходе под Киев короля с войском. При этом, по свидетельству одного из лазутчиков, львовский епископ хвастал, что сам он готовится стать киевским митрополитом.

Акция польского двора потерпела полный провал. Ян Собеский, наверно бы, удивился, узнав, что «рыцарский человек», «духовный и набожный пастор» Семён Заремба[44] «целовал образ» гетману И. Самойловичу и обещал информировать его обо всех направленных против него действиях польских властей. Поэтому, как только Храпкевич покинул Белую Церковь, протопоп поспешил отправить донос к киевскому полковнику Григорию Карповичу, и тот уже 14 (4) августа в сопровождении небольшого отряда казаков арестовал монаха в Кирилловском монастыре неподалеку от Киева и изъяли в его келье указанную Зарембой «флягу дехтярную». Приютившему его сообщнику и давнему знакомому — «монастырскому отцу» — удалось бежать. Об аресте Храпкевича и о захваченных письмах Г. Карпович тотчас проинформировал гетмана.

Второй лазутчик, И. Зарудный, прибыл в Киев, откуда, не показывая никому мемориала, спрятанного в подушке * его телеги, выехал в Батурин, где объявил обо всем самому И. Самойловичу, жалуясь, что «по неволе выслан <...> по изволению короля с иудиными делами». Тот, в свою очередь, уже 26 (16) августа прислал в Москву перехваченные документы и обоих чернецов. Поляки, по словам гетмана, обрадовались, узнав «о смертном убиении честных людей» в Москве, и в направленных ими на Украину статьях содержится «много гордых их похвалных слов (бахвальства. — *К. К.*) и много неразсудного на царский престол негодования и чести умаления...». Кроме того, Ф. Храпкевич передал И. Самойловичу слова И. Шумлянского о скором приходе к Днепру войск под командованием И. Любомирского, в связи с чем гетман просил усилить русские гарнизоны в украинских городах.

Доставленных в Москву монахов поместили в Даниловский монастырь. Допросить их было поручено дьяку Василию Бобинину. И. Зарудный оказался бывшим казаком из Корсуня. После смерти родителей он поступил на службу в придворную хоругвь короля Яна Казимира под началом хорунжего Лянцкоронского, а

---

* Подушка — в данном случае подшипник, приспособление, на котором лежат и обращаются концы оси (см.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 2000. С. 213). Позднее русские дипломаты обвиняли поляков, что король велел послать свои грамоты на Украину «в осях».

потом постригся в монахи знаменитого Креховского монастыря, располагавшегося недалеко от Львова. Будучи послан Шумлянским на Украину, Зарудный, памятуя, что когда-то И. Самойлович помог ему отыскать церковную утварь, отданную его отцом на сохранение жителям местечка Городец, решил просто сдаться гетману. Кроме того, сын его — Данило служил у гетмана челядником. Иноком Креховского монастыря был и Ф. Храпкевич — в прошлом шляхтич перемышльского повета Русского воеводства. Накануне путешествия на Левобережье он жил в Вознесенском Деревянском монастыре, в шести милях от Львова. Креховский монах прямо заявил В. Бобинину, что цель задуманной при польском дворе акции — привести Малороссию «под руку короля», при этом один из адресатов писем С. Яблоновского, Солонина или Дорошенко был «обнадежен» гетманской булавой. Также Храпкевич поведал, что, несмотря на обещания Яна Собеского, польское войско до сих пор не собралось и к походу неготово [45].

Для белоцерковского протопопа С. Зарембы сотрудничество с гетманом И. Самойловичем не прошло бесследно. В начале 1683 г. по приказу львовского епископа И. Шумлянского он был арестован и подвергнут асессорскому суду [46].

И. Самойлович не удержался, чтобы не ответить полякам их же способом. На попавшие к нему в руки польские «инструкции» по приказу гетмана была составлена ответная пространная грамота и переправлена на Правобережье [47].

На следующий день после получения писем гетмана, 27 (17) августа, собралась ближняя дума из комнатных бояр для принятия неотложных мер. По ее решению 30 (20) августа И. Самойловичу была направлена грамота с милостивым словом, также ему сообщалось, что в Киев, вместо ушедшего оттуда Московского выборного полка, уже направлены (полки вышли еще в июне) два солдатских полка — «Курский» под командой Томаса Колбрехта и «Обоянский» под командой Вилима Шарфа. По просьбе гетмана для протопопа Зарембы было послано царское жалованье — 2 пары соболей по 10 рублей. 28 (18) августа пленных чернецов было приказано отправить в Троице-Сергиеву лавру, где держать под строгим надзором [48]. Освобождены они были лишь через четыре года — после заключения договора о Вечном мире.

Стоит отметить, что вышеозначенные решения принимались русскими правительством в ходе очередного обострения внутриполитической обстановки в Москве. Уже 30 (20) августа царский двор, опасаясь новых стрелецких волнений, выехал в село Коломенское [49]. В этой ситуации в Москве не могли выслать на Украину требуемые И. Самойловичем дополнительные войска, выдав за таковые полки, направленные в Киев в ответ на предыдущую просьбу гетмана. То, что пленных монахов отправили в Троице-Сергиев монастырь, косвенно свидетельствует, что планы похода туда вынашивались противниками И.А. Хованского уже в августе.

После быстрого провала миссии чернецов В. Искрицкий пробовал и самостоятельно установить контакт с левобережными полковниками. Пользуясь оказией — свадьбой дочери И. Самойловича и боярина Федора Петровича Шереметева — он послал к приехавшему на это торжество в Батурин миргородскому полковнику

Даниле Апостолу (будущему гетману Украины) верного человека с письмом и инструкцией, «в возу заделанных» (позднее И. Самойлович сообщал в Москву, что Искрицкий послал к Апостолу «димирского (т. е. служившего в г. Дымер. — *К. К.*) драгуна чюмацким обычаем», т. е. под видом чумака[50]). Инструкция содержала более сорока пунктов. Помимо вопросов о житье-бытье, Искрицкий интересовался и политической ситуацией на Левобережье. Апостол, однако, отказался взять на свадьбе письма, и гонец Искрицкого привез их ему позднее, в Сорочинцы. Полковник, видимо, решил выждать некоторое время и, только убедившись, что из затеи польского двора ничего не вышло, в ноябре 1682 г. отослал письма гетману вместе с привезшим их посланцем, отмечая, что в инструкции Искрицкого содержится «зело много <...> напротив вашей велеможности господина моего милостивого нежелательных статей». И. Самойлович, в свою очередь, переслал письма в Москву.

В. Искрицкий по поручению польского двора интересовался отношениями между Батуриным и Сечью, положением И. Самойловича и отношением к нему казацкой старшины («Вся старшина дружна ль ему или нет»). Спрашивая Д. Апостола о возможности «замешания» в Запорожье, он напрямую призывал его организовать свержение запорожского гетмана: «И не шумят ли по неких делех против старшего своего и не думают ли когда на него взбунтоватца?» Племянника Тетери интересовало, в каком полку Самойловичем более всего недовольны, кто именно из полковников настроен против гетмана. В случае желания полковников избавиться от Самойловича Искрицкий предлагал помощь: «Аще ли боятца, что старший их, их зело стеснил в руках своих и не смеют ничего всчинать, не хотят ли, чтоб что ни есть против ево збоку учинилось безо опасения их». Развивая далее свою мысль, Искрицкий предлагал: «...желают ли чтоб то от поляков зачалося <...>. Ради б видели поляков или чтоб их от старшего уволнили, хотяб и там и не жили», т. е. Речь Посполитая выражала готовность «освободить» казаков от московской власти, не претендуя при этом на казацкие земли. Интересовался королевский агент, «в какой милости» находятся И. Мазепа и Яков Лизогуб. Кроме того, Искрицкий просил Д. Апостола прислать сведения о событиях в Москве, одновременно обращая его внимание на то, что, поскольку Москва «приходит к последней погибели» и больше не сможет «оборонять» казаков, пришло время подумать им о другой, более надежной протекции. В свою очередь, король польский готов удовлетворить все нужды казаков: «Чево употребляют от короля, естли денег и те суть, естли войска и то есть, есть ли зачала и то будет, толко бы мне объявить», — просил Искрицкий своего адресата[51]. И. Самойлович осенью 1683 г. сообщал в Москву, что деятельность В. Искрицкого не ограничилась направлением посланца к Д. Апостолу, что он рассылал подобные письма и другим «знатным малороссийским людем»[52]. Впрочем, с Д. Апостолом Искрицкого связывали весьма тесные отношения. Известно, что в 1689 г. его дочь была женой Апостола[53].

Яков Лизогуб, судьбой которого интересовался Искрицкий, был заслуженным казаком. С 1662 г. он был каневским полковником, с 1665 г. — генеральным есаулом. После смерти гетмана И.М. Брюховецкого Лизогуб — один из самых активных сторонников гетмана П.Д. Дорошенко, занимавший и при нем должность

генерального есаула. Однако в 1674 г. Я. Лизогуб сдал Канев войскам Г.Г. Ромодановского и перешел на Левый берег Днепра. Не получив от И. Самойловича каневского полковничества, на которое рассчитывал, Лизогуб отошел от дел и занялся хозяйством, осваивая пустующие земли под Конотопом. Только при И.С. Мазепе он вернулся к активной деятельности, получив должность черниговского полковника[54].

В Посольский приказ попали также и копии писем, отправленных в Запорожье с Я. Вороной[55], однако переслать в Москву данную ему инструкцию запорожцы отказались, несмотря на настойчивые требования как украинского гетмана, так и московского правительства. И. Самойлович убеждал сечевиков, что главная цель польской политики на Украине заключается в том «же бысмо от царей православных певное своее обороны одервалися и межи собой заколотилися». Тому, кто привезет инструкцию в Батурин, гетман обещал передать находившиеся там 50 поставов сукна царского жалованья для доставки в Сечь[56].

Расчеты польского двора на казацкую старшину — на Я. Лизогуба, И. Мазепу, Григория и Андрея Гамалеев, К. Солонину, Войцу Сербина, Дмитрашку Райчу — не были беспочвенны. Почти все они спустя пять лет, в 1687 г., были среди челобитчиков, подавших В.В. Голицыну донос на гетмана и требовавших его устранения[57], многие имели основания быть недовольными Самойловичем, и большинство из них получили важные должности после прихода к власти И. Мазепы.

В своих планах отторжения Левобережной Украины от России Ян Собеский не забыл и о Крымском ханстве — многолетнем союзнике Речи Посполитой в борьбе с Московским царством. В августе 1682 г. он сделал в письме калге Тохтамыш-Гирею завуалированные предложения о сотрудничестве. Польский король сообщал, что прибывшего за «упоминками» ханского посла Мехмет-шах-бея «z należytem respektem, wygodą i ukontentowaniem przyjąwszy niemieszkanie wyprawiliśmy do skarbu koronnego do Warszawy, aby tam resztę upominków należytych odebrał, póki zupełnego we wszystkich dla stolice Krymskiej na przyszłym da Bóg sejmie, już prędko następującym, nie obmyślimy ukontetnowania. Pewni zatym jesteśmy, że jako My wszelką ku Hanowi Jm i Narodowi Krymskiemu piszemy się przyjaźnią, tak wzajemnie należytej we wszelkich okazjach po was doznawamy życzliwości. Do czego żebyś i sam Przyjacielu Nasz skutecznie i szczerze dopomogł pilno żądamy i na dowód respektu Naszego Pańskiego upominkami łaską królewską ciebie Przyjaciela wiążemy» *[58].

В конце августа польскому резиденту в Крыму ксендзу Костанецкому была направлена инструкция для переговоров от имени гетмана С. Яблоновского с хан-

---

* «с надлежащим почтением, удобством и удовлетворением приняв, немедленно отправили в Варшаву в коронную казну, чтобы там остальную часть положенных „упоминков“ получил, пока совершенного во всем для столицы крымской, на будущем, даст Бог, сейме, уже скоро наступающем, не обмыслим удовольствования. Мы уверены, что как мы всяческой к хану и народу крымскому отличаемся дружбой, так взаимно надлежащую во всяких случаях от вас получаем доброжелательность. Чему чтобы и сам приятель наш действенно и искренне способствовал, очень желаем, и в доказательство уважения нашего государского связываем „упоминки“ тебе, приятелю, с лаской королевской».

ским визирем, а по возможности и с самим ханом, содержавшая уже более конкретные предложения. Внутренние неурядицы в России прямо увязывались в ней с «общим благом» Речи Посполитой и Крыма. Костанецкий должен довести до сведения Бахчисарая польскую версию произошедших в России весной–летом 1682 г. событий. Согласно ей, после отравлении царя Федора и его жены на престол был посажен царь Петр, а его сводного старшего брата Ивана оттеснили от престола под предлогом слабого здоровья (болезни глаз). «Ale przestrzegła się w tym Zophia carówna na boiar zdawna urażona. Dlaczego uczyniła bunt między strzelcami że i Artemona i dumnych boiar winnych śmierci Fedora wyzabijali, także osiemnaście co celniejszych familiej, siedmdziesąt średnich boiar zginęło, a Iwan osiadł na thronie, lecz Piotra życzliwi utrzymali. Który niż ten bunt dojrzał już na Imię jego w prostocie serca przysięgli» *, — сообщалось в инструкции. Как видно, версия событий, излагавшаяся в составленных ранее инструкциях для шпионов, посланных на Украину была значительна скорректирована. Королевский двор уже более точно был информирован о гибели бояр в ходе стрелецкого восстания, отдавал себе отчет о роли Софьи в организации выступлений. Это свидетельствует о том, что в Яворове внимательно следили за событиями в Москве.

Ксендз должен был убеждать хана, что Россия во главе с двумя малолетними царями более не представляет серьезной силы. «Dwóch w jednym domu gospodarzów czeladź sama wadzi» **, — резюмировалось в наставлении для польского резидента. Более того, крымцам следовало внушить, что теперь нельзя быть уверенным в соблюдении Москвой своих международных обязательств, поскольку если старший царь заключит договор, то кто даст гарантию, что младший, достигнув совершеннолетия, будет его соблюдать? В будущем неизбежны также раздоры между потомками обоих царствующих братьев. Ко всему этому следует добавить и то, что соперницей обоих государей выступает царевна Софья, в руках которой сейчас сосредоточена реальная власть, что наиболее способные к государственному управлению бояре перебиты, стрелецкие начальники вырезаны и вообще «поспольство победило». Костанецкий должен был выяснить, что говорят в Крыму по поводу московских событий, собираются ли признать и «терпеть» на троне двух царей и уверены ли, что ежегодная «казна» будет по-прежнему доставляться в Бахчисарай без перебоев.

Польский дипломат должен был детально выяснить, не намеревается ли Крымское ханство воспользоваться моментом для установления своей власти над Астраханью, Казанью, касимовскими татарами, которые живут на Оке, всего в 30 милях от Москвы, и, несмотря на то, что являются вассалами царей, «о давних вольностях не забыли», и другими «ордами», подвластными царям. Не исключено, что

* «Но дозналась о том царевна Софья, давно державшая обиду на бояр, и поэтому организовала стрелецкий бунт, в результате чего и Артамона, и думных бояр, виновных в смерти Федора, поубивали, так, что восемнадцать представителей знатнейших фамилий, семьдесят «средних» бояр погибло, и на трон взошел Иван, хотя и Петра его сторонники удержали, которые еще до бунта по простоте сердца на его имя присягнули».

** «двух хозяев в одном доме даже челядь за нос водит».

Собеский знал об упразднении Касимовского царства в 1681 г. и надеялся, что касимовские служилые татары недовольны этим.

Королевский двор предлагал хану заключить антимосковский союз с давними врагами крымцев — калмыками и башкирами и даже донскими казаками, а ногаям, кочевавшим в районе Белгорода-Днестровского, переселиться «в те поля», т. е., видимо, в низовья Дона или Волги, поскольку «im pod teraźniejsze zamieszanie nie ma kto przeszkadzać, nie ma ich kto spędzać» *. Тем самым польскому резиденту прямо поручалось побудить кочевников к набегам на южные территории России.

Ксендзу следовало указать крымским политикам на выгоды реализации подобных планов — это могло привести к значительному усилению ханства, что должно было заставить Стамбул больше считаться с интересами Бахчисарая и не менять ханов без всякой причины, когда вздумается.

Польский резидент в Крыму не должен был ограничиваться игрой на противоречиях между ханом и султанским двором в Стамбуле. Ян Собеский надеялся извлечь выгоды из активизации османской политики в Причерноморье. Так, Костанецкий должен был выяснить, не намеревается ли Порта, пользуясь ослаблением России, «расшириться» к Волге, захватить Астрахань, установить контроль над русско-персидской торговлей и выйти к Хвалынскому (Каспийскому) морю. Польский резидент должен был заверять крымскую сторону в поддержке и дружбе Речи Посполитой[59]. Хотя инструкция была составлена в форме вопросов для ксендза Костанецкого, которые тот должен выяснить (wyrozumieć) на переговорах с визирем или ханом, нет сомнений, что по сути это были польские предложения Крымскому ханству об усилении крымско-османского натиска на южнорусские рубежи.

Серьезность королевских намерений в отношении Украины подтверждало полученное 14 (4) сентября 1682 г., во время «похода» царского двора в Троице-Сергиев монастырь, сообщение от киевского воеводы П.С. Прозоровского о направленных против России военных приготовлениях в Речи Посполитой. Воевода доносил о прошедшем в Яворове некоем совещании (вероятно, рады сената) с участием гетмана С. Яблоновского, на котором коронный хорунжий И. Любомирский предложил воспользоваться ослаблением России в результате стрелецких «бунтов» и вооруженной рукой возвратить Речи Посполитой Киев и Левобережье. После рады король выехал во Львов, а под Теребовлей и Журавном был объявлен сбор войска, которое к тому времени насчитывало 15 тыс. человек. «А которые де поляки едут в обозы, — писал киевский воевода, — а те говорят, похвалюючись, что будут они войною на Переяславскую сторону по малороссийские городы»[60]. По получении донесения Прозоровского в Москву из-под Троицкого монастыря тотчас была послана грамота И.А. Хованскому, в которой его сыну — курскому воеводе Петру Большому Хованскому была поручена оборона южных границ. 15 (5) сентября в грамоте из Разряда ему предписывалось с войсками Белгородского и Тамбовского разрядов «сбираться наспех» и двигаться из Курска в Лебедин, поддерживая контакт с гетманом Самойловичем. В товарищи П.И. Хованскому

* «им из-за теперешних смут некому помешать, некому отбивать их нападения».

был назначен думный дворянин Л.Р. Неплюев, которому было приказано выступать из Севска в Путивль. 24 (14) сентября курский воевода сообщал, что отправил письма И. Самойловичу и князю И. Белосельскому в Переяславль [61].

В направленном 25 (15) октября 1682 г. наказе черниговскому воеводе, окольничему Ивану Пушкину было предписано с особым вниманием расспрашивать всех приезжающих из Речи Посполитой, выясняя, «где ныне полской король, также и турский салтан и крымской хан и калга и нурадын и полского короля гетманы стоят, и воинские люди с ними в сборе есть ли; и буде есть, в которых местех стоят и сколко и с кем в сборе воинских людей есть, и с турским салтаном и с крымским ханом <...> у полского короля ссылки есть ли <...> и великих государей на украинные городы турского салтана и крымского хана и полских и литовских людей и крымских и нагайских татар <...> прихода не чаять ли; и буде чаять, на которые города и места, и в которое время, и какими умыслы чаять, и много ли с ними в сборе воинских людей, и салтан и хан с польским королем не в соединении ль...». Правительство в Москве всерьез было обеспокоено слухами о возможном объединении турецко-татарских и литовско-польских войск с целью отвоевания у царей Левобережной Украины. Воеводе было наказано «смотреть и беречь того накрепко, чтоб русские люди воровски или какой изменою через Чернигов в шпынском и в чернеческом платье за рубеж в Полскую и в Литовскую сторону и в иные ни в которые государства в Турки и в Крым никаков человек не проехал и не прошел ни прокрался ни какими обычаи» [62].

III. Отдельная шпионская история разыгралась на русско-литовской границе в районе Смоленска, куда был направлен королевский секретарь Станислав Бентковский. В инструкции перед ним были поставлены две основных задачи: выяснить во всех возможных подробностях внутриполитическую ситуацию в Москве и настроения в бывшем Смоленском воеводстве Речи Посполитой. В последнем случае королевский секретарь должен был приложить максимум усилий, чтобы подготовить антироссийское выступление смоленской шляхты. Сохранилась копия инструкции для Бентковского в составе собрания Библиотеки Ординации Замойских [63], ее черновик в Архиве Замойских [64] и русский перевод, сделанный с копии, доставленной в Посольский приказ через А. Константиновича и Н. Краевского в августе 1683 г. [65].

С. Бентковскому предписывалось, не теряя времени, отправляться в расположенное на русско-литовской границе с. Кадино. По дороге он должен был установить контакт с троцким воеводой М. Огинским, витебским — Я.А. Храповицким и виленским — Казимежом Сапегой, к которым ему были даны королевские письма. Однако Бентковский ни в коем случае не должен был объявлять им о целях своей миссии. Он якобы высылался гонцом в Москву, чтобы потребовать от русского правительства официального объявления условий Бахчисарайского договора. В Кадино секретарь должен был ждать окончательных королевских распоряжений перед пересечением русско-литовской границы. Судя по всему, королевский двор не доверял литовским магнатам, и, как вскоре оказалось, вполне обоснованно.

В Кадино, через которое приезжали все посланники и гонцы в Москву и Варшаву как с русской, так и с польской стороны, а также следовала почта, Бентковский должен был обратиться к тамошнему наместнику Августину Константиновичу (в разговорах с ним королевский эмиссар также должен был придерживаться официальной версии своей поездки). Последний, как известно, был не только администратором (урядником) в Кадино и гродским мстиславским писарем, но и агентом Посольского приказа, посредничавшим между московским правительством и «партией» Пацов. Двусмысленность положения Бентковского усугублялась еще и тем, что в инструкции, которую он получил, самым преданным польскому двору шляхтичем на всей Смоленщине объявлялся некий Краевский*. С ним королевский секретарь по прибытии в Кадино должен был встретиться в первую очередь и обсудить план дальнейших действий. Все это заранее обрекало его миссию на провал.

В России прежде всего Станислав Бентковский должен был выяснить, произошла ли присяга царю (или царям) смоленской шляхты. Также королевский двор интересовали обстоятельства смерти царя Федора Алексеевича, осталось ли после него потомство от первого брака, если да, то какого пола и где оно скрывается, от чего умерла царица Агафья (в девичестве — Грушецкая). Интересовали Яна III и позиции Нарышкиных, число их сторонников и т. д. При польском дворе знали, что первоначально на трон был посажен царевич Петр Алексеевич, и теперь хотели подробно выяснить все обстоятельства этого воцарения вплоть до мелочей, а особенно кто поддержал малолетнего Петра, а кто был против него. Также Бентковский должен был узнать, когда приехал и что предпринял по возвращении в Москву опальный боярин А.С. Матвеев. О его гибели Ян Собеский, как это следует из инструкции, тогда, в июле, еще не знал.

Бентковский должен был выяснить все обстоятельства майского восстания в Москве. В Речи Посполитой считали, что в итоге Иван Алексеевич, которому Федор, умирая, хотел вручить скипетр, поскольку видел в нем своего законного наследника, и которого сперва оттеснили от престола, «победил» младшего брата. При этом королевский двор даже не знал точно, жив ли Петр и его мать, сколько царей на троне (двое или один) и каковы отношения между ними.

Теперь Бентковский должен был подробно «доведаться»: какие боярские «фамилии» стояли за Иваном, кто подговорил стрельцов на бунт, какие представители правящей верхушки погибли, а какие уцелели (в частности, королевский двор интересовали судьбы представителей крупнейших боярских родов — Милославских, Одоевских, Хованских, Долгоруких); какие перемены произошли в распределении мест в правительстве (так, до Яворова дошли известия, что канцлером стал Е.И. Украинцев); наконец, окончились ли стрелецкие волнения, кто возглавляет стрельцов, какие они выдвигают требования и на какие уступки пошло им правительство; какова позиция «поспольства», т. е. простых горожан.

---

* В копии инструкции Бентковскому, которую Н.М. Краевский передал в Посольский приказ, упоминание о его преданности королю было предусмотрительно исключено.

До королевского двора дошел слух, что восставшие стрелецкие полки создали укрепленный лагерь на холме возле Новодевичьего монастыря, что их поддержала чернь и холопы. Одним из главных организаторов (primum mobile) майского восстания в Москве в инструкции называлась царевна Софья. Интересовали Собеского и подробности царской генеалогии: сколько у покойного Федора осталось сестер, есть ли еще «какой-нибудь царевич» между Петром и Иваном. Известно было королю, что Иван слаб здоровьем, — Бентковскому было поручено узнать, какой глазной болезнью страдает новый царь, сколько ему лет, какой у него характер, чем он увлекается и т. д.

Другая сфера, в которой королевский шпион должен был собрать подробную информацию, — это положение на окраинах русского государства, прежде всего — в Смоленске. Собеский считал, что город присягнул царю Петру, поскольку его мать происходила оттуда*, и поэтому имеет там преданных сторонников. Бентковский должен был узнать: почему Смоленск повторно присягнул царю Ивану; каковы в нем численность и состояние гарнизона (вовремя ли войска получают плату за службу); кто ныне в городе воеводой и кто начальник над пехотными полками. Король поручал своему эмиссару выяснить, нет ли в городе какого-либо недовольства и сепаратизма: «...mają li też desiderium kiedyżkolwiek wrócić się do wolności» ** [66]. Также королевский секретарь должен был проверить правдивость слухов о якобы начавшихся в пограничных городах волнениях (Киев, Смоленск и др.), убийствах воевод и старшины. В связи с этим необходимо было выведать численность и состояние (в т. ч. из русских или из казаков) киевского гарнизона и кто в этом городе на воеводстве.

Имел Бентковский и задание сбора информации о ситуации на Украине. Королевский двор интересовало, каково положение при царском дворе «Поповича» — гетмана И. Самойловича, как к нему относится смоленская шляхта, каковы настроения среди городового казачества и в Запорожье — не сносятся ли казаки со взбунтовавшимися стрельцами, не собираются ли они на раду, чтобы «скинуть» Самойловича, который, по слухам, заперся в Батурине, кто претендует на гетманство и какому из царей присягнули на Украине.

Интересовались в Яворове и ситуацией на Дону — не начались ли волнения донских казаков. Королевский секретарь должен был проверить и слухи, уже несколько лет ходившие по Речи Посполитой — о переговорах Порты с находившимися в российском подданстве мусульманскими народами, не готовятся ли они совместно с крымцами в набег на Москву.

Королевский двор даже интересовался, почему прекращено строительство костелов в Москве и Смоленске, которые будто бы начали строить по приказу царя Федора. Подытоживая задачи Бентковского относительно выяснения внутриполи-

---

* В Смоленске некогда служил, будучи капитаном, отец царицы — тарусский дворянин Кирилл Полуэктович Нарышкин (*Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 179). Сама же Наталья Кирилловна некоторое время воспитывалась в Смоленском девичьем монастыре.

** «...имеют ли намерение когда-нибудь возвратиться к вольности».

тической ситуации в России, Собеский декларировал намерение воспользоваться ею в своих целях: «Niepodobna aby z familijej bojarów pogubionych nie mieli zostać krewni, synowie, lubo młodzi, przecięsz ktoszkolwiek, narod to zły mściwy, niepodobna, aby vindicare nie chcieli sangvinem kiedyszkolwiek. Zawsze będą dyffidencje divisie animorum allisiones, pod którym płaszczykiem piscari nam należy» *67.

Не менее подробно инструктировался Бентковский и в отношении другой главной цели — организации антимосковских выступлений в бывшем Смоленском воеводстве. Королевский секретарь должен был разъяснять смоленской шляхте, как «непрочно их счастье» под московским правлением. В то время как Бог наслал на Москву наказание за предательство своего союзника — Речи Посполитой, смолянам необходимо задуматься о своей судьбе — время возвратиться к «общей матери» — Речи Посполитой, спасительной католической вере и «исконной свободе». Собеский выражал сочувствие «рыцарскому стану» Смоленска, стонущему под тяжким московским господством, когда шляхте приходится участвовать в далеких и кровавых походах царских войск, оставляя дома жен и детей. Вот и сейчас, предупреждал польский король, ей грозит поход либо против восставших башкир и калмыков, либо против московских стрельцов, либо на Крым. Вместо того, чтобы лить кровь ради «распространения Москвы», Ян III предлагал смоленской шляхте получить вольности и привилегии польско-литовской шляхты.

С. Бентковский должен был оповестить смоленскую шляхту, что король готов, несмотря на оставшиеся годы перемирия с Россией, требовать от нее возвращения Смоленска Речи Посполитой. В случае же начала антимосковского выступления польский король обещался подступить к городу с войском в течение одной–двух недель, тихо, «без всякого шума».

Зная, что жалованье пехотным полкам в Смоленске уже давно не платили, Собеский обещал заплатить им из своей «шкатулы» в случае перехода на сторону Речи Посполитой. Ожидая, что смоленская шляхта может не поддержать его предложения, опасаясь разорения имений в случае новой войны с Россией, польский король поручал Бентковскому убеждать смолян, что русским войскам в Смоленском воеводстве взяться неоткуда, поскольку Москва помимо внутренних беспорядков будет полностью поглощена борьбой с османами, крымскими татарами, калмыками и башкирами. И даже если бы военные действия все-таки пришлось вести, король заверял, что возместит все убытки, которые кто-либо из смоленских обывателей понесет ради «освобождения» города. Всех шляхтичей, кто перейдет на его сторону, Собеский обещал щедро наградить должностями и королевщинами, деньгами из своей казны, а самому активному радетелю его интересов обещал должность смоленского воеводы и «вечную протекцию». Об этом, правда, Бентковскому приказывалось не говорить кому попало, чтобы не вызывать раньше

* «Невозможно, чтобы из уничтоженных боярских родов не остались какие-то родственники, сыновья или хотя бы молодежь; народ это злой, мстительный, не может быть, чтобы они кроваво отомстить когда-нибудь не захотели, отсюда всегда будет [между ними] возрастать недоверие, рознь, и нам следует этим пользоваться и свою выгоду не упустить».

времени зависти и разногласий, а лишь тому, в ком он увидит человека, действительно способного осуществить королевские планы. Смоленским жителям рекомендовалось связаться с донцами и украинскими казаками, не желающими терпеть «ярмо» Самойловича.

По прибытии в Кадино С. Бентковский должен был действовать очень осторожно. Кроме Краевского, королевскому секретарю также указывалось установить контакт с некими братьями Швейковскими (и заодно проверить слухи о том, что они «сменили природу», т. е. приняли православие), из которых старший служил в Смоленске полковником, младший — ротмистром*. Вообще в первую очередь рекомендовалось заводить знакомства с католической шляхтой, а с «русью» поступать очень осторожно. Встречаться с представителями смоленской шляхты предписывалось только наедине, в Кадино, либо «в поле», вдали от лесов и оврагов, имея свиту всегда бóльшую, чем у того, кто прибудет на свидание, для предупреждения предательства, засады и возможности похищения и отправки польского шпиона в Москву. При этом королевскому агенту не следовало сразу оглашать содержание инструкции, а высказывать польские предложения постепенно, в зависимости от того, как собеседник будет себя вести. Инструкцию Бентковскому следовало надежно спрятать, хранить ее от огня и вора и ни в коем случае не брать с собой на переговоры, чтобы она не попала в «подозрительные руки». Врученный же ему королевский универсал к смоленской шляхте разрешалось показывать только «każdemu zosobna dopiero w ten czas kiedy inclinacją którego z nich do intencjej naszych szczerość, affekt i desiderium wolności obaczy»**. В универсале (датирован 26 июля 1682 г.) Ян III выражал сожаление об утрате смоленской шляхтой вольностей, сообщал, что надеется на скорое освобождение ее от царской власти, и просил шляхтичей сообщить все свои требования посланному им Бентковскому[68].

Руководство миссией Бентковского осуществлял приближенный Яна Собеского, также королевский секретарь и подчаший виский Станислав Антоний Щука, с которым посланец поддерживал связь по почте (подпись Щуки стояла также на королевском универсале)[69]. Через С.А. Щуку королевский секретарь пересылал письма подканцлеру Я. Гнинскому, который активно участвовал в составлении инструкции, и самому королю.

23 августа С. Бентковский прибыл в Кадино. На следующий день в письме С.А. Щуке он уже жаловался, что денег ему хватит только на четыре недели, тем более что приближаются холода, а не на что купить даже теплой одежды, и просил прислать хотя бы 2 тыс. злотых[70]. В другом письме от 12 сентября С. Бентковский сообщал, что о событиях в Москве ему еще ничего толком не известно: «...kto

---

* В 1685 г. в Смоленске служил «генерал-поручик и воевода» Денис Иванович Швейковский (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 315). Известно также, что он вел торговлю лесом из дворцовых имений с литовской шляхтой (РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Д. 142. Л. 613 и след.). Его брат — видимо, Владимир Иванович Швейковский, в 1687 г. генерал-майор — командовал полком в Смоленске (ДАИ. Т. 12. С. 316–317).

** «каждому отдельно и только тогда, когда склонность кого-либо к намерениям нашим, и искренность, и желание свободы увидит».

przydzie od Smoleńska a pyta się go, odpowiada: nie znaiu» *. Ожидая «с часу на час» вместе с А. Константиновичем возвращения депутации смоленской шляхты из Москвы, С. Бентковский неплохо проводил время в обществе дяди С.А. Щуки, подсендка мстиславского Ежи Казимежа Нероновича-Шпилёвского и его дочерей Анны и Терезы. Королевский агент сообщал Щуке, что в Москве принято решение о назначении к королю полномочных послов (посольство И.И. Чаадаева и Л.Т. Голосова), а также что башкирские и калмыцкие отряды разоряют окрестности Казани[71].

В соответствии с инструкциями Бентковский выдавал себя за посланника в Россию. 18 (8) сентября Константинович сообщил о его приезде Н.М. Краевскому. «Naroczno pozowu iewo sam die uwidisz y z reczei dogadywaisie sam, y ia die w koniec nie mogu znać dla czawo zywiot, a skazywaietsia poslannikom k Moskwie...», — передавал Краевский латиницей слова писаря гродского в депеше В.В. Голицыну. Кроме того, Константинович твердил смоленскому шляхтичу о раде сената, прошедшей недавно в Яворове. Когда Краевский, по его словам, спросил, о чем была рада, слуга М. Огинского долго молчал, а потом ответил, что о выплате жалованья армии и о будущем сейме, при этом объявлен сбор войска: «...weleno die ratnym sieżdżacsa wsiakomu do znamieni swoiewo». Из недомолвок и «наветок» Константиновича Краевский делал вывод о «намерении королевском в нашу сторону».

Константинович, как и обещал, пригласил Краевского на обед, на котором присутствовал и С. Бентковский. В застольной беседе он сказал Краевскому, что отправлен гонцом в Москву с поздравлениями царям Ивану и Петру со вступлением на престол. Поскольку ко времени его отъезда при королевском дворе еще не было известно о воцарении также и Ивана, то теперь он должен был ждать, когда ему вышлют новую поздравительную грамоту польского короля или приказ вернуться. Сказанное вызвало подозрения бдительного Краевского. Он считал, что, если Бентковский действительно вскоре выедет в Москву, значит, королевский секретарь говорил правду, а если тот получит приказ вернуться, то, значит, он прислан проведывать о событиях в Москве, поскольку именно об этом он «ласковыми словами» расспрашивал Краевского. «I ia iemu odwiet dał, szto Bożeiu milostiu chudaby nikakie niet, a szto było to proszło yzwołem Bożym, ieszcze czołowieka diesiatkiem y pułtora nie upadiot hosudarstwo Moskowskoie...» — писал Краевский В.В. Голицыну. С. Бентковский сделал вид, что не поверил рассказу Краевского о якобы незначительных жертвах во время стрелецкого бунта в Москве, и заставил того повторить свои слова «под клятвою». Далее, уже будучи «в подпитии», королевский секретарь сказал, что при польском дворе говорят о невиданном разорении Москвы чернью, цари будто бы бежали за «белые озера», а «калмыцкие и башкирские татары» воюют русские земли. Краевский возразил, что все это ложь, поскольку депутация от смоленской шляхты только что приехала из Москвы, где дворяне были у царской руки и били государям челом «в своих нуждах». Тогда С. Бентковский, отозвав Краевского к окну, доверительным тоном сообщил ему,

* «...кто придет от Смоленска, его спрашивают, а он в ответ: не знаю».

что у короля недавно был некий «черкашенин» по прозвищу Норова (вероятно Я. Ворона), который сообщил Яну Собескому о смуте в Москве и заявил о намерении части запорожцев принять подданство польского короля, а других — турецкого султана. Собеский дал Вороне письма, поручил «призывать черкас на свое имя» и богато одарил. О себе Бентковский сообщил Краевскому, что был дворянином в посольстве Я. Гнинского и Ц.П. Бжостовского 1678 г. в Москву. В конце своего послания к русскому канцлеру Н.М. Краевский делал вывод, что Бентковский — королевский лазутчик, и, опасаясь польских интриг, предлагал запретить смоленским стрельцам ездить торговать в Кадино [72].

Грамоту Краевского В.В. Голицын получил во время Троицкого похода, 1 октября (21 сентября). Смоленскому воеводе Андрею Васильевичу Толстому был немедленно послан указ «жить в Смоленске с великим бережением и осторожностию и за литовским рубежем о вестях и о замыслах короля полского и о лазутчиках в Смоленску и смоленском уезде из-за литовского рубежа проведывать всякими меры накрепко» [73]. Видимо, отчасти миссией Бентковского было вызвано появление в конце 1682 г. царской жалованной грамоты, подтверждавшей права смоленской, бельской и рославльской шляхты на «маетности», которыми та владела по «дачам» от царя и польского короля [74].

К концу сентября тон писем Бентковского, не получавшего от С.А. Щуки ни писем, ни денег, становился все более тревожным. «A dla Boga zkąd że taka niełaska, że na kilkanaście listów nieodpisuie mi WMPan, a czyż się to godzi tak prętko mnie, sługi swego zapomnieć» *, — с обидой писал Бентковский. Он просил о направлении его в Москву в качестве посланника, а в случае, если таковым уже назначен кто-то более знатный, то хотя бы его секретарем, чтобы опровергнуть подозрения смоленского воеводы, который уже знает, что Бентковский — шпион. Королевский секретарь доносил, что его выдал кто-то из смоленской шляхты, не догадываясь, что «этот кто-то» — Н.М. Краевский. Бентковский панически боялся, что его могут похитить, вывезти за русскую границу, где будут пытать, бить батогами и кнутом, и ему только и останется, что взывать к царю Петру: «...сжалуйся, помилосердствуй надо мной!» К письму от 21 сентября королевский секретарь приложил также «московские новины». Поскольку они были предназначены для Яна Собеского, то в т. н. портфелях Щуки они не сохранились, и содержания их мы не знаем. 28 сентября Бентковский сообщал, что ночью «за границей» у него назначена встреча с «надежным человеком», только что приехавшим из Москвы с точной информацией о происходящих событиях, которую королевский секретарь обещал немедленно выслать через виленскую почту [75].

Отправив королю известия, сообщенные ему Краевским, Бентковский в ответ получил приказ ожидать в Кадино дальнейших распоряжений и «не разбрасываться деньгами». Королевский секретарь пытался наладить контакты со смоленской шляхтой, и прежде всего с Краевским, прося Константиновича «привести» его с

* «Ради Бога, откуда такая неласка, что на несколько десятков писем вы не отвечаете, а разве годится так скоро обо мне, о своем слуге, забывать».

ним «в ближнюю знаёмость». Встреча состоялась «в поле» под видом прогулки верхом. По приглашению Краевского С. Бентковский в товариществе Константиновича 17 (7) октября приезжал к нему «на двор», на чарку вина. Польский лазутчик вновь интересовался подробностями стрелецкого восстания в Москве, спросив, правда ли, что вожакам бунта (т. е. отцу и сыну Хованским) отсекли головы. Краевский поинтересовался, откуда королевскому секретарю известно об этом. Бентковский ответил, что от некоего мещанина из Копыси, который ездил в Москву продавать лошадей. «И мы де лучше вас все ведаем», — хвастал Бентковский. Кроме Краевского, он встречался еще с неким смоленским шляхтичем Казимиром Воронцом.

Константинович и Краевский окончательно убедились, что Бентковский — королевский шпион, что он «прислан наговаривать и накупать к склонности королевскому величеству всяких чинов людей, и денги с собою на то имеет <...> и листы де до шляхты есть от короля, чтоб стрелцом волности королевские розславили». Прибытие Бентковского активизировало часть пропольски настроенной шляхты — кто-то «шепнул» ему, что Краевский и Константинович московские агенты. Кроме того, Краевскому стало известно о присылке в Могилев «огнестрельного мастера» для проверки состояния пушек и «ружья» и починки крепостных сооружений города. Обо всем этом Краевский сообщил В.В. Голицыну в очередной депеше, полученной в Москве (11) 1 ноября 1682 г.[76]. Позднее Н. Краевский высказывал предположение, что о его с Константиновичем связи с Посольским приказом донес Бентковскому его сосед, смоленский шляхтич Александр Романович[77].

Сам же Бентковский в очередном донесении на имя С.А. Щуки сообщал об успешном, по его мнению, выполнении полученного задания. «Stan rycerski smoleński kontent bardzo ex paterna cura ex gratia JKW Pana Miłościwego za którego dostojeństwo krew lać gotowi, ale nie wszyscy o tym wiedzą, osobliwie ci co się moskalami porodzili»*, — писал Бентковский. По собственному признанию, он неоднократно, как гончая, под покровом ночи ездил в Смоленск для встреч со шляхтой, рискуя жизнью, поскольку для московских властей он уже окончательно превратился из посланника в «изменника и шпиона». Последняя почта из Москвы, по сообщению Бентковского, извещала, что волнения в российской столице продолжаются, поэтому, считал он, если бы сейчас под Смоленском показались польские хоругви, то путь был бы чист до самой Москвы[78].

Разоблачение Бентковского стало заслугой не только агентурной деятельности Краевского и Константиновича, но и части литовских магнатов. Тогда как витебский воевода дал С. Бентковскому письмо к своему племяннику Михаилу Храповицкому, смоленскому шляхтичу[79], М. Огинский поступил иначе. Несомненно, что Константинович действовал с ведома троцкого воеводы. В начале декабря 1682 г. Краевский вновь написал В.В. Голицыну (депеша получена в Москве 25 (15) де-

* «Стан рыцарский смоленский очень доволен отцовской заботой и милостью его королевского величества, государя милостивого, за достоинство которого кровь проливать готов, но знают о том не все, особенно те, что уродились москалями».

кабря), пересказывая содержание присланного к нему Константиновичем послания, которое тот получил от М. Огинского (способ, обыкновенно использовавшийся для связи пацовской «партии» с Посольским приказом). Последний поручал своему слуге увидеться с Краевским и поговорить с ним «о пересылке, которую он, воевода, вместе с покойным гетманом Пацом к Москве пересылали». Троцкий воевода сообщал, что был готов продолжать подобные сношения, если бы не стрелецкий бунт 1682 г. Одновременно через посредство Краевского Огинский предупреждал Москву, что Ян Собеский «крепко де жедал нарушить крестное свое целование и мир, постановленной с московскими государи, и денги на рать свои давать хотел потамест, покамест война конец примет, а он, король, от Речи Посполитой хотел записи на некоторые городы закладным обычаем, покамест отдадут казну от Речи Посполитой, и мы, сенатори, того королю не допустили и отказали, что нам с христианы надобен мир, а не ссора и надобно собча Бога молить, чтоб дал Господь Бог союз учинить, и будем де еще им говорить о союзе, и всякими мерами и сами к тому клонитца учнем, а буде же за гневом Божиим союзу не учиним, то в то время откажем им, что мы пропадем и вы пропадете...». Краевский добавлял к этому: «...не по их мысли учинилос, Господь Бог государство московское от смятения сохранил» [80]. Позднее в Посольский приказ попали копии инструкции Бентковского и королевского универсала, которые заблаговременно сделал А. Константинович [81].

«Победная» реляция королевского секретаря опоздала и уже не имела никакого значения. 23 октября, за неделю до ее написания, в королевской канцелярии уже была подготовлена новая инструкция для Бентковского, что означало отказ королевского двора от продолжения задуманной антироссийской политики не только на Смоленщине, но и на Украине. Инструкция предписывала С. Бентковскому немедленно по ее получении объявить о себе смоленскому воеводе как о гонце и потребовать соответствующего дипломатическим правилам приема. Официально Бентковский должен был поздравить царей Ивана и Петра со вступлением на престол и вручить им грамоту Яна Собеского, которая была выслана вместе с инструкцией. По поводу своего долгого пребывания в Кадино он должен был придерживаться старой версии. Как гонец, Бентковский не должен просить об официальных переговорах, но и не отказываться от них, если предложат. При королевском дворе уже знали о поимке шпионов Шумлянского и информированности Москвы о миссии Я. Вороны и ожидали, что Бентковский подвергнется расспросам по этому поводу. Он должен был отвечать, с одной стороны, что ничего не знает ни о каких чернецах львовского епископа, а с другой — утверждать, что если они и были направлены, то без санкции короля и «всего двора». При удобном случае Бентковский также должен был выразить недоумение по поводу ареста «невинных» монахов, путешествовавших по своим церковным делам, что только вредит христианству перед лицом мусульманской экспансии.

По поводу королевских писем в Запорожье Станиславу Бентковскому предписывалось заявить, что ему ничего об этом не известно, кроме того, что к королю прибыло посольство из Сечи — то ли договариваться о поступлении на королев-

скую службу, то ли по другим делам, а кто конкретно, он не знает. Король всегда радушно принимал запорожцев, выполнял их просьбы и щедро одаривал «рыцарских людей», будучи всегда рад их службе, — в этом нет ничего подозрительного, говорилось в инструкции.

Однако более пространная часть инструкции была посвящена совсем другому вопросу, а именно — активизации османской политики в Венгрии. И это также свидетельствовало, что авантюры на Украине и под Смоленском стремительно теряли в глазах польского двора остатки привлекательности перед угрозой большой войны с Османской империей. Гонец должен был обратить внимание российских властей, что Порта, долгое время игнорировавшая просьбы венгерских повстанцев о протекторате, вдруг не только оказала куруцам помощь, но и провозгласила их вождя И. Тёкёли вассальным Стамбулу венгерским королем. Более того, заключив мир с Россией и пользуясь франко-австрийскими противоречиями на Рейне, османы развернули активную подготовку к войне с императором, собрав армию, которую не собирали 5 лет — со времени последнего чигиринского похода. Султан уже выехал зимовать в Адрианополь, а визирь в Белград, чтобы весной начать наступление.

Все это Бентковский должен был представить руководителям русской внешней политики, отметив попутно ненадежность Бахчисарайского перемирия, которое является для османов не более чем тактическим ходом, а также необходимость всем христианским государствам объединяться перед лицом грозящей опасности. Королевский секретарь должен был объявить о будущем в Варшаве сейме и просить, в случае направления на него российских послов, о предоставлении им «искренней полной мочи» на заключение антиосманского союза и даже Вечного мира, но не таких полномочий, как во время последнего посольства на сейм 1681 г., когда русские дипломаты «poprzysiądź i stanowić nic nie mieli mocy» *. Выражали готовность в Варшаве и на проведение пограничной русско-польской комиссии[82].

Хотя Бентковский прибыл в Москву только в феврале 1683 г. и никаких официальных переговоров с ним не велось[83], инструкция ему является важным свидетельством сдвига во внешней политике Речи Посполитой в связи со стремительно надвигавшейся угрозой османского нашествия, что, в свою очередь, обещало возобновление интенсивных русско-польских переговоров о союзе в недалеком будущем.

28 (18) февраля 1683 г. «на двор» к думному дьяку Е.И. Украинцеву приехал «шляхтич полской» из посольской свиты Бентковского — некий Станислав Коменский. Он во всех подробностях поведал русскому дипломату о целях и характере миссии польского «посланника». По словам Коменского, «корол полской зело был тому рад, как было в прошлом году смятение на Москве», выслав к литовско-русской границе Бентковского, чтобы тот «сговаривал шляхту смоленскую, чтоб они великим государям изменили и Смоленск каким ни есть способом и вымыслом королю отдали». Об информированности С. Коменского свидетельствует то,

* «не имели полномочий ничего заключать и скреплять присягой».

что ему было известно о встрече королевского шпиона с Н.М. Краевским и К. Воронцом. После того, как лазутчики короля на Украине были пойманы «и по поимке их лукавство ево королевское и вымысл означилос», было принято решение выслать Бентковского в Москву в качестве официального гонца.

Сведения, сообщенные польским шляхтичем Е.И. Украинцеву, подтверждают правдивость донесений Краевского в Посольский приказ, хотя и не исключено, что последний мог преувеличить свою роль и заслуги в деле разоблачения Бентковского. Однако кроме этого С. Коменский поведал и другие интересные подробности миссии королевского секретаря, который, по его словам, пробовал послать гонцов из смоленской шляхты с королевским универсалом к мятежным стрельцам в Москву, «обещая им платеж немалой жалованья и всякие волности», но желающих пуститься в столь опасное предприятие не нашлось. С. Коменский доносил, что смоленская шляхта сочувственно отнеслась к предложениям Яна Собеского, однако ее представители просили передать ему, что «им замешания в Смоленску учинить не мочно, и города Смоленска отдать невозможно и мочи их столко не будет, а естли де сам королевское величество особою своею под Смоленск с войски придет и войну с царским величеством взочнет, тогда они все к нему пристанут, и поддатца им тогда будет свободней». Кроме того, Коменский поведал Украинцеву, что «к Москве де, к стрелцам в смутное время от гетмана литовского от Сапеги подлинно была подсылка с обнадеживанием всяких волностей и свобод шляхецких, и от стрелцов де подлинно был им таков ответ, что, когда король придет к Смоленску или под Москву с войски, и они ему хотели поддатца». В роли посланцев Сапеги выступили некие «порубежные люди», установившие контакт с «начальными людьми», «которые стрельцам были советны, а стрелцы были им верны». Возможно, речь здесь идет о князе И.А. Хованском, а возможно — о Милославских, спровоцировавших стрелецкие выступления в мае 1682 г. Наконец, польский шляхтич сообщил и о попытках Яна Собеского заручиться поддержкой Крымского ханства в возможной войне с Москвой. За сообщенную информацию С. Коменский получил царское жалованье — пару соболей ценой в 5 рублей. Смоленскому воеводе М.С. Пушкину была послана грамота с указанием по возможности проверить сведения польского шляхтича [84].

Свидетельство попыток правящих кругов Речи Посполитой, притом даже не королевского двора, а литовского гетмана Казимежа Сапеги, установить контакт с предводителями мятежных стрельцов косвенно подтверждается и польскими источниками. В июле 1682 г. К. Сапега уведомил польского короля о своей готовности каждую неделю присылать известия о происходящих в Москве событиях и вскоре сообщил подробности касательно воцарения в Москве Ивана и Петра, которые Собеский посчитал очень важными [85]. Подобную информацию виленский воевода вполне мог получить из рук своих агентов, побывавших в Москве.

Вместе с тем даже в конце 1682 г. при королевском дворе не совсем оставили планы использования внутренних неурядиц Московского государства в своих целях. С Бентковским для сбора информации о ситуации в Москве и для «исполнения некоторых дел» под видом «домовых шляхтичей» были направлены шляхтич

Ян Окраса и стражник и подстолий мстиславский Иосиф (Осип) Лядинский (Ladziński)[86]. Последний незадолго до этого ездил к Яну Собескому для получения секретных инструкций[87]. По сведениям Н.М. Краевского, Лядинский имел в Москве тетку — монахиню Девичьего монастыря[88]. А приехавший в феврале 1683 г. в Москву другой агент Посольского приказа, ротмистр Ф. Крыжевский, сообщил, что И. Лядинский уже приезжал в Москву в составе посольства К. Томицкого и что тетка его в «Новодевичьем монастыре ныне игуменья». Ф. Крыжевский подтвердил также шпионский характер миссии С. Бентковского, факт поездки И. Лядинского к королю за секретными инструкциям и его прибытие в Кадино в начале января 1683 г.[89]. Тесные родственные связи И. Лядинский имел не только в Москве, но и в Смоленске[90].

Основанный в княжение Василия III Новодевичий монастырь до самого начала XVIII в. имел особое значение среди других монастырей Руси — его монахини принадлежали к знатнейшим московским фамилиям, именно в этот монастырь постригались женщины, принадлежавшие к царскому роду, именно этому монастырю предназначались наиболее богатые пожертвования. В последней четверти XVII в. одной из жертвовательниц монастыря, наряду с остальными дочерьми Алексея Михайловича, была царевна Софья. А после прихода в 1682 г. к власти она превратила монастырь в свою резиденцию, отпускала крупные суммы на его строительство[91]. Не случайно впоследствии она была пострижена под именем Сусанны именно в Новодевичьем монастыре, который стал прибежищем и многих ее приближенных — выходцев из Белоруссии и Украины.

Нахождение во главе одного из самых привилегированных монастырей тогдашней России игуменьи белорусского происхождения не было случайностью. После начала русско-польской войны 1657–1667 гг. русские войска заняли ряд белорусских городов. Монахини монастырей, попавших в зону боевых действий, стали обращаться к царю с челобитными о переезде в Центральную Россию. По свидетельству греческого автора Павла Алеппского (посетившего Россию в 60-х гг. XVII в.), подтверждающемуся архивными источниками, в 1654–1655 гг. в Саввинский девичий монастырь, расположенный рядом с Москвой, прибыло значительное число западнорусских монахинь, в т. ч. из Могилева и Орши, многие из которых принадлежали к шляхетским родам. В частности, в 1655 г. в Саввинский монастырь приехали монахини Кутеинского успенского женского монастыря из-под Орши во главе с игуменьей Меланией в сопровождении шляхтянок — вкладчиц монастыря. Для их переезда понадобилось сто подвод. Около 1656–1657 гг. монахини Саввинского монастыря и их светские родственники были переселены в Новодевичий.

Во второй половине XVII в. Новодевичий монастырь превратился в один из наиболее влиятельных центров западнорусской православной культуры, имевший постоянные связи с православными монастырями Великого княжества Литовского, расположенными под Могилевом и Оршей. Во главе обители встала целая плеяда игумений белорусского происхождения. Первой стала бывшая кутеинская игуменья Мелания (1656–1682 гг., затем «на покое»). Ее сменила в январе 1683 г. Анто-

нина (ум. 6 декабря 1689 г.), ранее бывшая наместницей (упоминается уже в 1676 г.)[92]. Именно она-то и была, судя по всему, теткой И. Лядинского.

Видимо, к этой поездке И. Лядинского в Москву была составлена для него при королевском дворе недатированная «Записка для разговора с духовной особой в Москве», за которой он и ездил к королю[93]. Тогда как С. Бентковский был уполномочен вести переговоры только в ситуации, когда он будет к ним приглашен русской стороной, то Лядинский должен был вести их в любом случае. Причем содержание инструкции для мстиславского подстолия свидетельствует, что тот человек, с которым была связана неизвестная «духовная особа», являлся не последней фигурой в правящих кругах Российского царства. Это подтверждает предположение, что вести переговоры Лядинский должен был именно со своей теткой Антониной.

Частично приоткрыть завесу над тайными сношениями польского и московского дворов может другой любопытный источник, обнаруженный в Архиве древних актов в Варшаве польским исследователем З. Вуйчиком и озаглавленный как «Реляция Негребецкого из столицы» (из Москвы). Однако по сути это не реляция Негребецкого, а ее пересказ. В документе сообщается, что некий перемышльский шляхтич Негребецкий выехал в Москву в конце 1670-х гг., крестился, за что был у царей в «большой милости» и получил чин стольника. После стрелецкого бунта царица Наталья, опасаясь за свою жизнь и за жизнь Петра, решила обратиться за помощью к Яну Собескому. Выбор ее пал на Негребецкого. Ему было велено писать польскому королю. В письме от имени Натальи Кирилловны сообщалось о бедственном положении царицы и о ее польском происхождении: «Ja caryca Na[ta]lia Kirilowa. Moj syn car Piotr, wprzod boiarze posadzili go na państwie. Drugi car Iwan, pospolstwo na złość posadzili go. Ten Iwan głupi, ślepy, paralicz ma, nie może panować. Jego siostra Zophia wszystkim sama rządzi. Ja sirota z moim synem, nikt mię w poszanowaniu nie ma dla tego że ja jestem polskiego rodu, nie mam nadziei w żadnym, tylko w tobie królu polski <...> abyś ty królu miał miłosierdzie na mnię i na to dziecię, aby moj syn mógł bydź carem z twoją pomocą królewską» *. На «реляции Негребецкого» стоит дата 5 сентября[94]. Вероятно, она относится к 1682 г., когда после убийств ее родственников Нарышкиных Наталья Кирилловна могла чувствовать реальную угрозу своей безопасности. Косвенным подтверждением того, что Нарышкины действительно могли искать поддержки у польского короля, являются сообщения датского резидента в Москве Х. фон Хорна. По его свидетельству, в июле 1683 г. его посетил один из предводителей нарышкинской «партии» — князь Б.А. Голицын, который попросил, чтобы датский король Кристиан V убедил своих союзников — английского и французского королей, а также бранденбургского

* «Я, царица Наталья Кирилловна, мой сын — царь Петр, сперва бояре его посадили на царство. Второй царь — Иван, чернь из злости посадила его на царство. Этот Иван глупый, слепой, страдает параличом, править не может. Его сестра Софья всем сама заправляет. Я сирота, никто меня с моим сыном не почитает из-за того, что я польского роду, не на кого мне надеяться, только на тебя, король польский <...> чтобы ты, король, имел для меня и для этого дитя милосердие, чтобы мой сын мог стать царем с твоей королевской помощью».

курфюрста — направить в Москву послов для оказания скрытой поддержки царю Петру. Еще ранее, в январе–феврале того же года, Борис Голицын «со слезами», по выражению Хорна, повествовал ему об опасностях, угрожающих Петру Алексеевичу [95].

«Реляция» — это, видимо, даже не пересказ письма царицы. Вряд ли бы кто-то решился написать или везти с собой письмо подобного содержания, тем более через границу. Скорее всего, это запись некоего устного рассказа о бедах Натальи Кирилловны с просьбой к польскому королю о защите и покровительстве. Кто же такой Негребецкий, от которого это устное послание якобы исходило?

Выезд в Россию православного шляхтича Перемышльского повета Павла Данилова сына Негребецкого подтверждается многими русскими источниками, в т. ч. и собственноручной челобитной Негребецкого. В Речи Посполитой он около 1,5 лет служил резиденту В. Тяпкину в качестве переводчика с польского и латинского языков. В июле 1677 г. возвратившийся в Москву русский дипломат представил П.Д. Негребецкого в Посольский приказ. Исследователь русско-украинских церковных связей К.В. Харлампович отмечает, что русское правительство не особенно оценило службу Негребецкого: въезжее жалование ему дали меньшее по сравнению с другими выезжими иноземцами, а поденного корму не дали вовсе. Только после двух челобитных перемышльский шляхтич был записан по списку московских кормовщиков. В феврале 1678 г. ему было назначено жалованье — кормовые деньги (5 алтын в день), а в мае 1679 г. Негребецкий получил поместный оклад (550 четвертей), денежный оклад (30 рублей) да в прибавку к прежним кормовым деньгам 10 денег на день [96]. В дальнейшем он довольно быстро вошел в круг приближенных к царскому двору. В мае 1681 г. П. Негребецкий обвинил в ереси еще одного выходца из Речи Посполитой — Яна Белободского, бывшего кальвинистского проповедника из Слуцка, претендовавшего на место преподавателя Славяно-греко-латинской академии, создание которой планировал царь Федор. По предположению ряда исследователей, истинным автором челобитной на Белободского был Сильвестр Медведев — ученик Симеона Полоцкого, руководитель школы Заиконоспасского монастыря, пользовавшийся покровительством царевны Софьи. Более того, свою челобитную П.Д. Негребецкий отдал боярину Ивану Максимовичу Языкову — ближайшему сподвижнику царя Федора, который передал ее царю в тот же день [97]. Это, несомненно, свидетельствовало о близости Негребецкого ко двору. В феврале 1682 г. ему было поручено (среди прочих) участвовать в составлении родословных книг [98], — еще один довод в пользу доверия ему со стороны властей.

В «Списке кормовщиков московского чину» 7190 (1681/82) г. Негребецкий значится среди стольников, с жалованьем «на день» 6 алтын 4 деньги, как не имеющий поместий. В том же году в Разряде в связи с планировавшимся испомещением московских кормовщиков за счет поместий и вотчин некрестившихся татар из Алатырского и других уездов, «отписанных на царское имя», был подготовлен список кормовщиков, с указанием числа дворов, необходимых каждому из них. Среди них был и Негребецкий, которому предполагалось дать 15 дворов, но план этот реализован не был. Московские кормовщики остались без поместий, кроме

Павла Негребецкого — уже 20 (10) октября 1681 г. он подал в Разряд «скаску» о том, что ему пожаловано 13 дворов. Здесь же на полях дьяк, видимо позднее, поставил многозначительную помету — «пропал» [99]. В списке кормовщиков следующего, 7191 (1682/83) г. имя Негребецкого не встречается [100]. В «Списке кормовщиков» за 7192 (1683/84) г. Негребецкий уже вновь появляется, но с понижением статуса — уже в «дворянах» с тем же жалованьем. Он был обойден поместьями погибших и казненных стрелецких полковников, которые получили многие кормовщики по царскому указу в декабре 1683 г. («...за ним 13 противу указного числа; дворы за ним ислишком», — пометил напротив имени Негребецкого дьяк или подьячий). Правда, Негребецкий получал кормовые деньги полностью, без вычета по рублю в год за каждый находившийся в его владении крестьянский или бобыльский двор, что, согласно царскому указу и боярскому приговору, касалось всех остальных кормовщиков [101]. В дальнейшем упоминание о Негребецком исчезает из документов, связанных с кормовщиками. В списке кормовщиков 7194 (1685/86) г. его имя не значится [102]. Нет Негребецкого и среди тех кормовщиков московского чина, кто был послан в 1686 г. на службу в Изюм, в полк князя Г.А. Козловского [103]. 27 февраля 1691 г. последовал царский указ всех московских кормовщиков «по чинам их, и по выездам, и по породе разобрать». В списках тех, кого «ведал» Приказ Большой казны, его имя также отсутствует [104].

Положение Негребецкого при московском дворе и его «пропажа» из столицы в 1682–1683 гг. свидетельствуют о том, что он мог быть отправлен с секретной миссией в Речь Посполитую. Помета дьяка о его пропаже, дальнейшее понижение в чине, а также последующее бесследное исчезновение из источников явно указывали на немилость со стороны Милославских, которая могла иметь для Негребецкого самые печальные последствия, не сводившиеся только лишь к исключению из списка московских кормовщиков. При этом отсутствие письменных улик его миссии и то, что он ехал в Польшу по поручению матери одного из царей, было причинами, по которым Милославские не посмели придать этому делу официальный характер. В то же время Милославские следили за каждым шагом враждебной группировки, чтобы не допустить развитие контактов «партии» Нарышкиных с польским двором. Подобная бдительность дала свои результаты. В 1683 г. при попытке Негребецкого установить контакт с прибывшими в Москву эмиссарами Яна Собеского в Москву он был схвачен, пытан, и видимо казнен. Эпизод с миссией Негребецкого указывает, что секретные контакты с противной стороной инициировались правящими кругами не только Речи Посполитой, но и России.

Об этом же свидетельствует и запланированная встреча Иосифа Лядинского с его теткой — игуменьей Антониной. Антонина Даниловна была достаточно влиятельной особой. Она имела связи с Литвой, оказывала покровительство выходцам из литовских земель. Так, уже известный нам Ян (Андрей) Белобоцкий посвятил ей первую часть своего перевода книги Фомы Кемпийского «О последовании Христу» [105].

Согласно составленной для Иосифа Лядинского инструкции, в первую очередь он должен был напомнить духовному лицу — своему собеседнику или, ско-

рее, собеседнице — о Божьей каре, обрушившейся на думных бояр и «сенаторов московских», не за что иное, как за нежелание воевать с «погаными» и за клятвопреступление в отношении Речи Посполитой, которой Россия обещала помощь в борьбе против османов и не помогла. Далее предписывалось обратить внимание на агрессивные приготовления Османской империи к войне с «цесарем христианским» — «приятелем» Москвы. Здесь текст «Записки...» повторяет и дополняет инструкцию С. Бентковского. И. Лядинский должен был указать на невыгодность для России Бахчисарайского перемирия, устанавливавшего русско-турецкую границу по Днепру, на претензии османов на Киев, на их стремление подчинить себе «московские орды» (мусульманские народы в подданстве России) и вообще превратить русского царя в своего вассала либо уничтожить Россию, как в свое время православную Византию.

Перед Лядинским ставилась и более широкая задача — зондировать почву для вхождения России в антиосманскую коалицию. «Bojar i naczalnych ludzi wyrozumieć chętnych nam i obiecywać nie tylko teraźnieszych pakt dotrzymanie ale i wieczny kończyć pokój, byle szczerze i sprawiedliwie już nie obietnicami, ale samą rzeczą koniunkcią armorum uczynili i <...> wykonali» *[106]. По-видимому, королевский двор был готов вернуться к условиям, сформулированным в инструкции С. Невестиньскому.

Кроме того, один из пунктов «Записки...» свидетельствует, по нашему мнению, что королевский двор откликнулся на призыв о помощи царицы Натальи Кирилловны. Королевский агент должен был предложить «sposob Polsce (Наталье Кирилловне? — *К. К.*) z synem wyjechać na odpust do Kijowa, tam niedaleko Białocerkiew, tylko mil 12» **[107]. Т. е. Лядинский должен был предложить Наталье Кирилловне под предлогом поездки вместе с Петром на богомолье (возможно, на Пасху) в Киев, для поклонения тамошним святыням, бежать оттуда в Белую Церковь, под защиту польского гарнизона. Если данное предположение верно, то Ян Собеский выражал готовность предоставить Нарышкиной убежище в Речи Посполитой. Наличие в Варшаве законного претендента на царский трон могло кардинально изменить ситуацию в русско-польских отношениях. Поэтому вполне понятно, что королевский двор был готов пойти на такой рискованный шаг.

И. Лядинский, подстолий мстиславский, действительно прибыл вместе с С. Бентковским в январе 1683 г. в Москву[108]. Однако встречался он с игуменьей Антониной Даниловной или нет, неизвестно.

Так или иначе, но гипотетический побег Натальи Кирилловны из России под видом поездки в Киев на богомолье не удался. Другой польский историк — Я. Пер-

---

* «Установить с боярами и начальными людьми, симпатизирующими нам, контакт и обещать не только содержание существующих договоров, но и заключение вечного мира, только бы искренне и справедливо, не обещаниями, а самим делом случение сил учинили и <...> выполнили».

** «возможность польке с сыном выехать на праздник в Киев, а там недалеко Белая Церковь, всего 12 миль».

деня, правда, без соответствующей ссылки, утверждает, что письмо Натальи Кирилловны было перехвачено Милославскими (скорее они только узнали о миссии Негребецкого уже после его отъезда, иначе как бы его «Реляция» оказалась в архиве Потоцких). А из пересказываемого исследователем шифрованного письма Яна Собеского к познанскому воеводе К. Гжимултовскому следует, что некий Поплавский (агент Собеского) и некий стольник (П. Негребецкий?) были казнены как королевские лазутчики, пытавшиеся помочь Нарышкиной. Все это произошло около 1683 г. Сообщая об этом познанскому воеводе в начале 1684 г., король отмечал, что теперь некому узнавать о намерениях матери царя Петра, действуя среди «подозрительного народа» и идя на огромный риск, кроме как Лядинскому (у Я. Пердени имя прочитано неверно, как Zadziński, т. е. «Z» вместо «L») через свою родственницу-монахиню (в виду имеется Антонина Даниловна) [109].

Русские источники содержат информацию о приезде в марте 1683 г. в Москву «королевского слуги» шляхтича Гаврилы Поплавского в сопровождении брата Дмитрия для взыскания долга в 730 рублей с выходца из Речи Посполитой — Максима Янышевича. Королевская грамота, данная им, датирована февралем того же года. Однако должник успел скрыться, и по распоряжению из Посольского приказа успели поймать лишь жену Янышевича — Домну. Она просидела под караулом и «за приставы» до начала мая, но муж так и не объявился. Царское правительство решило отправить Г. Поплавского домой, пообещав отыскать должника. Сохранились черновики проезжей грамоты Поплавскому и «отпуск» данной ему царской грамоты для Яна Собеского. Однако точных данных о том, что шляхтич пересек литовскую границу, в столбцах Посольского приказа не содержится. Дмитрий Поплавский и был шпионом Яна III, схваченным за прием «у Панки Негребецкого в Полшу пересылным писем». Его и Негребецкого допрашивали и пытали по распоряжению Ф. Шакловитого и видимо казнили [110].

«Смута» 1682 г. в Москве вызвала большую заинтересованность польско-литовских кругов и их попытки круто развернуть внешнеполитический курс Речи Посполитой в отношении Москвы. Значительную роль здесь сыграл и политический опыт польского вмешательства во внутренние дела России в годы «Смутного времени» начала XVII в. В 1682 г. польская дипломатия действовала двумя путями, пробуя, с одной стороны — вызвать волнения на западных и южных окраинах русского государства, с другой — поддержать одну из противоборствующих сторон в борьбе за царский престол в расчете на политические выгоды в будущем. Польская дипломатия зондировала почву для союза с Крымом, обещая хану территориальные приобретения за счет Москвы, причем Крымскому ханству и Порте предлагалось нижнее течение Волги, а Речь Посполитая рассчитывала возвратить Левобережную Украину и Смоленщину.

В Москве были вполне осведомлены о масштабах предприятия, организованного польским королем и С. Яблоновским. Провал замысла короля и гетмана свидетельствовал о прочности позиций России на Украине. Некоторые волнения и недовольство смоленской шляхты, отмечаемые в источниках, также не имели большого значения. Получение московским правительством доказательств враждебной

политики польского короля, его реваншистских намерений в отношении территорий, присоединенных по перемирию 1667 г., способствовало, в свою очередь, ужесточению русской позиции по отношению к Речи Посполитой. Если при прежнем правительстве царя Федора Алексеевича в Москве выражали готовность вести переговоры об антиосманском союзе с Речью Посполитой на основе перемирия 1667 г., то с 1683 г. непременным условием антиосманского союза, выдвигаемым Москвой, становится заключение Вечного мира, гарантировавшего неизменность западных границ России и отказ Речи Посполитой от всех территориальных претензий.

Пытаясь поддержать Нарышкиных в борьбе против Милославских, королевский двор использовал родство мстиславского стражника И. Лядинского с игуменьей Новодевичьего монастыря Антониной Даниловной. Ошибка польской дипломатии состояла в том, что игуменья была ближе связана с царевной Софьей, нежели с матерью царя Петра. Именно через игуменью Антонину Софья вела неофициальные переговоры о Вечном мире с литовским канцлером М. Огинским в Москве в 1686 г.[111]. Это и стало, видимо, причиной того, что В.В. Голицын и Софья своевременно узнали о миссии Негребецкого и Поплавского и сумели принять меры. Этим, видимо, объясняется и то, что никаких репрессий ни по отношению к Антонине Даниловне, ни по отношению к Лядинскому не последовало. Попытка польско-литовской дипломатии повлиять на исход борьбы правящих группировок в России провалилась, однако налаженный в этот период канал неофициального дипломатического общения между русским и польским дворами через Новодевичий монастырь продолжал сохранять свое значение и позднее.

Самостоятельную позицию в Речи Посполитой по отношению к Московскому восстанию 1682 г. имели группировки литовских магнатов. М. Огинский, представлявший «партию» Пацов, чье могущество в Литве стремительно катилось к закату, продолжал их традиционную политику, направленную на поддержание мирных отношений с Москвой. Независимо действовали и Сапеги, установившие контакт с восставшими стрельцами и снабжавшие информацией о стрелецком бунте Яна Собеского.

Возможность новой войны с Польшей, чего так опасались в 1682 г. в Москве, была маловероятна, особенно если принять во внимание угрозу турецкого вторжения, объектом которого могли стать Венгрия, Речь Посполитая и Россия. Еще менее вероятно было объединение в войне с Россией Речи Посполитой, Османской империи и Крымского ханства. Вполне возможно, что какая-то военная демонстрация на границе, например под Киевом, первоначально планировалась польским двором или кем-то из магнатов, однако планами и посылкой тайных агентов все и ограничилось.

Существенной причиной неудачи замысла королевского двора по организации антироссийских акций на Украине и Смоленщине было и то, что идеи реванша в отношении уступленных по Андрусовскому перемирию земель не пользовались популярностью у магнатов и шляхты, особенно у литовской. Свидетельством этого являются ответы сенаторов на письма deliberatoria, разосланные Яном Собеским

22 августа и 30 сентября 1682 г. Сами письма четко показывают, как международная обстановка влияла на изменение внешнеполитических ориентиров двора на исходе лета — в начале осени 1682 г.

В документе, датированном 22 августа, королевский двор в первую очередь информировал сенаторов о Московском восстании, констатируя, что борьба боярских группировок и народные волнения не закончились с избранием на престол двух братьев Ивана и Петра, что продолжаются выступления среди мусульманских народов России, и даже на Левобережной Украине есть те, кто готов принять покровительство Речи Посполитой при условии, что она могла бы их защитить от России. В связи с этим король запрашивал сенаторов, принимать ли немедленно едущего к нему русского гонца или подождать очередных новостей из российской столицы. Кроме того, внимание сенаторов обращалось на нападения куруцев на польское пограничье[112]. Экземпляр от 22 августа, адресованный мазовецкому воеводе, попал в Посольский приказ[113], видимо, не без участия М. Огинского и А. Константиновича.

Практически не получив ответов от сенаторов на письма deliberatoria от 22 августа, Собеский 30 сентября выслал новые. В них на первый план уже вышла османо-крымская угроза. Кроме опасности со стороны Венгрии, Ян III указывал на намерение Порты, которая уже почти договорилась о продлении мира с Австрией, усилить натиск на Речь Посполитую, потребовав разграничения Украины, «заглохшего до поры до времени». Об этом, по мнению короля, свидетельствовало официальное объявление со стороны молдавского господаря Г. Дуки, получившего под свое управление принадлежавшие Порте украинские земли, о назначении корсунского и белоцерковского полковников. Ими стали братья Куницкие, Александр и Стефан (последний — бывший немировский подстароста краковского каштеляна А. Потоцкого). Это означало опосредованное предъявление османских претензий на Белую Церковь, которая по польско-османским мирным договорам 1676 и 1678 гг. осталась за Польшей. Напоминалось сенаторам и о «грозных» требованиях Крыма выплатить «упоминки», которые Речь Посполитая «задолжала» за несколько лет. Эти претензии королевский двор пытается, по замечанию Собеского, пока сгладить «ласковым» отношением к присланному из Бахчисарая послу.

Об отношениях же с Россией в новом послании польского короля сенаторам фактически не говорилось. Собеский лишь отмечал, что с получением информации о восстании в Москве он внимательно следил за развитием событий, разослав «во все стороны» «ловких людей», потратив на это деньги из собственного кармана. О характере их миссии не говорилось. Польский король считал, что правление двух царей сразу Речь Посполитая может использовать в отношениях с Москвой с выгодой для себя[114].

В своих ответах королю сенаторы в большинстве своем не уделили большого внимания ситуации в России и русско-польским отношениям[115]. Гораздо более пристальный интерес вызывала ситуация в Венгрии и угроза начала османами новой войны.

«Ktoż wie jeżeli Rpta nie resolwuję się Portę do czasu głaskać, a rzucić się do rekuperowania ablatorum od Moskwy, przy tak dobrej <...> okazji» *, — осторожно предлагал познанский воевода К. Гжимултовский [116]. Направление посольства в Москву, «aby się upomnieć dawnych z przeszłym carem pakt, oddanie ablatorum i pretekst sobie powoli in omnem occasionem nagotować z nimi do wyśliznienia się z szkodliwych lat przymiernych» **, предлагал коронный маршалок Станислав Гераклиуш Любомирский [117]. Что ситуация в России благоприятствует для ревизии условий Андрусовского договора, считали также виленский епископ Стефан Пац [118] и троцкий каштелян Ц.П. Бжостовский [119]. Этими высказываниями и ограничиваются мнения тех сенаторов, которые хотели направить усилия Речи Посполитой на востоке на борьбу с Россией. Остальные сенаторы молчаливо такую перспективу отвергали. Всего же в Архиве Замойских находится 27 копий сенаторских ответов. Это свидетельствует, что в данный момент среди политической элиты Речи Посполитой отсутствовали какие-либо ярко выраженные настроения в пользу возвращения Заднепровья и Смоленщины под власть Речи Посполитой в условиях внутриполитических трудностей в России.

Этому вторили и настроения порубежной, литовской шляхты. Как доносил в феврале 1683 г. Ф. Крыжевский, «все того краю близ будучие к Смоленску зарубежная шляхта желают миру, а о войне никакова опасения не имеют» [120]. А приехавший в то же время в Смоленск для оформления сделки по покупке «лесных товаров», проданных ему в государевых Порецких лесах в 1682 г. («чтоб ему те лесные товары <...> заклеймить своим клеймом»), витебский земский писарь Адам Кисель уверял переводчика смоленской приказной избы Ивана Кулбацкого, что витебская шляхта наказала своим послам на сейм «крепко договариватца» о подтверждении мира с Россией, да и шляхта других поветов и воеводств ВКЛ дала своим депутатам сходные инструкции [121].

В королевской инструкции на сеймик Мстиславского воеводства, копия которой была доставлена в Посольский приказ Н. Краевским в январе 1683 г., отмечалась необходимость проведения предусмотренной предыдущими соглашениями русско-польской комиссии, а шляхте рекомендовалось дать своим послам «мочь» на утверждение договора о сохранении перемирия с царскими послами, прибытие которых ожидается на предстоящий сейм [122]. В инструкции на предсеймовые сеймики, опубликованной Ф. Ключицким, отмечалось, что «гражданская буря» в Москве утихнет еще не скоро и Речи Посполитой необходимо учитывать это обстоятельство в своих дальнейших отношениях с Россией. Однако к этой проблеме двор обращался уже после изложения венгерской и османской «проблем» [123], тогда как августовские deliberatoria, предназначенные сенаторам, начинались с москов-

* «Кто знает, не решится ли Речь Посполитая Порту до времени гладить, а тем временем кинуться на отвоевание захваченных земель у Москвы, используя такую хорошую <...> оказию».

** «чтобы напомнить о давних с прежними царями договорах, о необходимости возвращения захваченных земель, и предлог в любом случае себе потихоньку приготовить, чтобы выскользнуть из такого вредного для нас перемирия».

ских событий. Возможно, что королевские инструкции рассылаемые на сеймики Литвы, отличались от предназначенных для сеймиков Короны и в них русско-польским отношениям уделялось больше внимания. Вместе с тем инструкция, приведенная в издании Ключицкого, свидетельствует, что королевский двор не намеревался окончательно сбрасывать со счетов фактор Московского восстания 1682 г. в своей российской политике.

К концу 1682 г., когда в Варшаве уже не сомневались в скором начале войны с Османской империей, ни о какой войне с Россией не могло быть и речи. Совсем иначе к этому относились в Москве. В условиях стрелецких выступлений, волнений на Юге России и на Дону, в калмыцких улусах и других областях страны русские правящие круги серьезно опасались возможного начала вооруженного конфликта с Речью Посполитой. Об этом свидетельствует обоснование смертного приговора князю И.А. Хованскому, в котором, помимо злодейских замыслов против царской семьи, среди преступлений последнего значилось и то, что он «по многим Великих Государей указам по подлинным вестям в Киев полков не послал же и, вместо поспешения, чинил в том мешкоту» [124]. Характерно, что и созыв дворянского ополчения под Троице-Сергиеву лавру был официально объявлен «по вестовым письмам» из Киева и других малороссийских городов, а также из Смоленска «для береженья от неприятелских воинских людей» [125]. Вряд ли стоит рассматривать эти сентенции как сугубо пропагандистскую акцию или просто повод для сбора войск. Скорее они свидетельствовали о тревожных настроениях московского правительства, постоянно ожидавшего удара с запада. Датский резидент Х. Хорн, сообщал своему правительству в конце 1682 — начале 1683 г., что в беседах с ним русские вельможи высказывали серьезные опасения в возможности нападения Польши на Россию, отмечая, что их страна совершенно не готова к этой войне [126].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 254–289; *Богоявленский С.К.* Хованщина // ИЗ. Т. 10. М., 1941; *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969; *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Российского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 15–47.

[2] «de data z Smoleńska die 19 marca Anno 1683» — AGAD. AR. 2. Rps. 1712. S 1–4.

[3] *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 353–358.

[4] Я. Окраса — Я. Велёпольскому. 27 декабря 1683 г. Могилёв — AGAD. AZ. Dz. 3046. K. 233v.

[5] *Никольский В.К.* Земский собор о Вечном мире с Польшей 1683–1684 гг. // Научные труды индустриально-педагогического института. Серия социально-экономическая. Вып. 2. М., 1928. С. 14.

[6] *Глаголев В.П.* Движение на Дону и на Юге России весной 1682 г. // Ученые записки Московского заочного пединститута. Т. 1. М., 1958. С. 123–193; *Черепнин Л.В.* Классовая борьба 1682 г. на Юге Московского государства // ИЗ. Т. 4. М., 1938. С. 41–44, 63–72.

[7] *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 58–63. См. также: *Енин Г.П.* Социально-экономические аспекты воеводского кормления на засечной черте в последней четверти XVII в. (на примере г. Добрый) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002. С. 283–286.

[8] Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского. Отдел рукописей. Ф. 112. Д. 61. Л. 1–3. См. также: *Гоголева А.А.* Власть острогожского черкасского полковника и воевод в 1680-е гг.: разграничение полномочий // Из истории Воронежского края. Вып. 10. Воронеж, 2002. С. 27–34.

[9] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 290–291; ДАИ. Т. 10. С. 429–433. АИВД. Т. 1. С. 112–122.

[10] *Никольский В.К.* Земский собор... С. 14.

[11] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 117–123; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 141–143.

[12] *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 320–321, 328–332, 337–338.

[13] *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 72–74; *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 247–248, 258, 323–325; *Костомаров Н.И.* Руина. М., 1995. С. 369.

[14] СГГД. Ч. 4. С. 445–450.

[15] Там же. С. 455–459.

[16] Старина и новизна. СПб., 1901. Кн. 4. С. 383–394.

[17] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 176, 251 и др. Примечания 182, 225 и др.

[18] BCz. Rps. 2106. S. 423–448.

[19] BCz. TN. Rps. 179. S. 157–169.

[20] *Шмурло Е.Ф.* Польский источник о воцарении Петра Великого // ЖМНП. Ч. 339. 1902. Январь. С. 435.

[21] Ср.: «Diariusz zaboystwa...» и «De data z Smoleńska die 19 marca Anno 1683» — AGAD. AR. Dz. 2. Rps. 1712. S 1–4. См. также: Дневник Я.А. Храповицкого — MNKr. Rps. 169. S. 40–41.

[22] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 3. Л. 1–130. Высылка судей была вызвана жалобой смоленского воеводы на самовольный отвод земель на границе крестьянами гетмана М.К. Паца, ограбивших попутно и русских лесорубов.

[23] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 355–357; *Костомаров Н.И.* Руина... С. 369.

[24] *Wójcik Z.* Jan Sobieski. 1629–1696. Warszawa, 1983. S. 305–307; *Perdenia J.* Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII–XVIII wieków. Wrocław, 1963. S. 21–22.

[25] *Bendza M.* Inkorporacja metropolii kijowskiej do patriarchatu moskiewskiego // Rocznik Teologiczny. Rok XXVIII. Z. 2. Warszawa, 1986. S. 84–87.

[26] *Станіславський В.В.* Запорозька січ та Річ Посполита. 1686–1699. Київ, 2004. С. 21–22; *Мицик Ю.А.* З джерел до секретної місії Василя Іскрицького 1682 року // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 5. Київ, 2005. С. 558–580.

[27] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 3. Л. 1–2. Сведения эти П.С. Прозоровский получил от киевского жителя Михаила Суслова, ездившего в Острог.

[28] Я. Собеский — М.К. Радзивиллу. 20 марта 1680 г. Варшава — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 15. S. 63.

[29] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 4. Л. 2 об.–3 об.

[30] Там же. Л. 4 об.–5 об.

[31] ДАИ. Т. 11. С. 22.

[32] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 590.

[33] Я. Собеский — Войску Запорожскому. 16 июля 1682 г. Яворов — BN. BOZ. Rps. 1188. S. 585. (Русский перевод письма см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 7. Л. 1–2.) С. Яблоновский — кошевому войска запорожского. 20 июля 1682 г. Львов — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 7. Л. 3. См. также: AGAD. AZ. Rps. 3053. K. 305.

[34] «Instrukcja urodzonemu Bazylemu Iskrzyckiemu, dworzaninowi naszemu do Dymira wyprawionemu, dana z cancellaryej JKMPNM 31 july 1682» — BN. BOZ. Rps. 1188. S. 599–607.

[35] «Supplement do Instrukcjej urodzonego Iskryckiego» — Ibid. S. 614; Ibid. S. 608–613. См. также: AGAD. AZ. 3053. K. 305. Видимо, это черновик королевского письма к Заремба, написанный рукой самого короля.

[36] BPANKr. Rps. 645. S. 37–38.

[37] *Сотниченко В.* Гамалея Григорий Михайлович // РБС. Т. [4]. Гааг–Гербель. СПб., 1914. С. 185–188; Гамалея Андрей Михайлович // Там же. С. 184–185.

[38] *В. Р–в.* Дмитрашко Родион Григорьевич // РБС. Т. [6]. Дабелов–Дядьковский. СПб., 1905. С. 427–428; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 197–199.

[39] Мотыжинский архив. Акты Переяславского полка. Киев, 1890. С. 123–129. О деле П. Рославца см.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 197–199.

[40] AGAD. AZ. Rps. 3036. K. 246–247. См. также: *Мицик Ю.А.* З джерел... С. 576–577.

[41] «Pamięć jaśniewelebnemu JmciX episcopowi lwowskiemu» — BN. BOZ. Rps. 1188. S. 589–593 (Часть листов не нумерована).

[42] BN. BOZ. Rps. 1188. S. 585–592, 599–613.

[43] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 40. Л. 70–71.

[43a] BN. BOZ. Rps. 1188. S. 589–593.

[44] Ibid. S. 613.

[45] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 9. Л. 3–51. Письмо И. Самойловича датировано 18 (8) августа 1682 г. Ср.: *Костомаров Н.И.* Руина... С. 369.

[46] «Copia listu JeoMci Xa Szumlanskiego w sprawie protopopa Białocerkiewskiego do pewnego senatora» (С. Яблоновского?). 9 марта 1683 г. Б. м. — BCz. Rps. 1376. S. 548–549.

[47] *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 8–11.

[48] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 40. Л. 10 об., 78–94.

[49] *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 261–262.

[50] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 511. Указанный драгун в конце 1683 г. содержался под стражей в Батурине.

[51] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 44. Л. 1–7 об. Письмо Д. Апостола датировано 23 (13) ноября 1682 г. Сорочинцы.

[52] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 511.

[53] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 473.

[54] *Модзалевский В.* Лизогуб Яков Кондратьевич // РБС. Т. [10]. Лабзина–Ляшенко. СПб., 1914. С. 432.

[55] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 7. Л. 1–3.

[56] РГАДА. Ф. 124. Оп. 4. Д. 27; *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 8–11. О том, что московские послы, приехавшие на кош в ноябре 1683 г. с царским жалованием, требовали выдачи королевской инструкции для Я. Вороны, свидетельствует польский источник, однако отдали

запорожцы инструкцию или нет, из текста неясно («Relatia kozaków od Jmć pana pułkownika Rappi komendanta białocerkiewskiego do Siczy na Zaporoże posyłanych z doniesieniami o wiktoryi JKMści i żeby zaporożców zachęcić na usługę JKMci <...> i Rpj dnia 22 nowebris w Bialej Cerkwi czyniona...» — BCz. TN. Rps. 179. S. 845–850).

[57] *Яковлева Т.Г.* Донос старшини на І. Самойловича: аналіз першоджерела // Український історичний журнал. 2006. № 4. С. 197.

[58] APANW. MW. Teka 68. K. 133.

[59] «Memorial Xdzu Kostaneckiemu <...> w Krymie zostającemu z Jaworowa 29 augusta 1682» — BN. BOZ. Rps. 1188. S. 627–630.

[60] *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 33–34.

[61] Там же. См. также примечание 70.

[62] ДАИ. Т. 10. С. 137–138.

[63] «Instrukcya Urodzonemu Bętkowskiemu sekreterzowi JoKrMci do Kadzynia wyprawionemu z Jaworowa dnia 20 mca lipca roku pańskiego 1682» — BN. BOZ. Rps. 1188. S. 592–599.

[64] «Do województwa smoleńskiego» — AZ. Rps. 3036. K. 248–249.

[65] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682. Д. 8. Л. 2–17.

[66] «Instrukcya Urodzonemu Bętkowskiemu...» — BN. BOZ. Rps. 1188. S. 592–599.

[67] Ibid. S. 596–597.

[68] Ibid. S. 592–599.

[69] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682. Д. 8. Л. 2.

[70] С. Бентковский — С.А. Щуке. 24 августа. 1682 г. Кадино — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 8. S. 475–476.

[71] Ibid. S. 479–482.

[72] Н.М. Краевский — В.В. Голицыну. Б. м., б. д. [между 18 (8) и 25 (15) сентября 1682 г.] — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 2. Л. 29–30 об.

[73] Там же. Л. 32 об., 42, 48.

[74] ПСЗ. Т. 2. С. 490.

[75] С. Бентковский — С.А. Щуке. 21 сентября 1682 г. Кадино — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 11. S. 745–747; С. Бентковский — С.А. Щуке. 28 сентября 1682 г. Кадино — Ibid. T. 8. S. 1313.

[76] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 2. Л. 64–68.

[77] Там же. 1683 г. Д. 2. Л. 1.

[78] С. Бентковский — С.А. Щуке. 30 октября 1682 г. Кадино — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 8. S. 143–145.

[79] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 2. Л. 65.

[80] Там же. 1682 г. Д. 2. Л. 80–81.

[81] Там же. 1683 г. Д. 2. Л. 81; Там же. 1682 г. Д. 8.

[82] «Instrukcja Stanisławowi Bętkowskiemu, gońcowi na stolicę moskiewską naznaczonemu, z kancelarji JKM PNM dana» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 123–124, 127–128. Еще одну копию см.: РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Д. 142. Л. 16–20. Переписчик ошибочно датировал ее 23 декабря. Об этом свидетельствует копия королевской грамоты царям, помещенная следом под датой 23 октября (л. 21–23).

[83] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 6. Л. 85–93, 117–118, 135 и след. Официальный отпуск и вручение царской грамоты для Яна III Бентковскому состоялось 28 (18) февраля. 21 февраля ст. ст. королевский секретарь обратился к В.В. Голицыну с просьбой о встрече, которая и

состоялась 26 февраля ст. ст. Однако в ходе нее обсуждались только вопросы пограничных судов и торговли.

[84] Там же. Л. 174–183.

[85] Я. Собеский — К. Сапеге. 26 июля 1682 г. Яворов — APANKr. Rps. 363. S. 87; Тот же — тому же. 7 августа 1682 г. Яворов — Ibid. S. 89.

[86] AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 123–124, 127–128.

[87] AGAD. APP. Rps. 163a. T. 8. S. 1313; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 1. Л. 89.

[88] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682. Д. 2. Л. 81–82.

[89] Там же. 1683 г. Д. 6. Л. 170–173.

[90] Там же. Л. 133. В Смоленске проживала тетка жены И. Лядинского, некая Анна Меледовская, бывшая женой смоленского шляхтича Пореги (Пареги), а после его смерти — Лаврина Останкевича. В своей челобитной, поданной в Посольский приказ, Лядинский жаловался, что последний муж ее «прибил до смерти» и не отдает завещанные Анной племяннице «жемчюг» и «запоны».

[91] *Гиляров О.* Московская старина. Новодевичий монастырь. М., 1888. С. 42–45; *Власюк А.И.* Новодевичий монастырь. М., 1957. С. 7, 15; *Чистякова М.В.* Монахини «с Белой Роси» в Новодевичьем монастыре. М., 2000. С. 46 и след. См. также: Труды Государственного Исторического музея. Вып. 99. Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998.

[92] *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 277–280; *Чистякова М.В.* Указ. соч. С. 46–57 и след. См. также: *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877. С. 224; Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., 1885. С. XII.

[93] «[Dla] P. Ladzińskiego, strażnika mścisławskiego, notatka do rozmowy z osobą duchowną w Moskwie». Б. м., б. д. — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 129.

[94] «Relatia Nehrebeckiego ze stolicy» — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 376. З. Вуйчик без достаточных оснований датирует документ 1684 г.

[95] *Bushkovitch P.* Aristocratic Faction And The Opposition To Peter The Great // Forschugen zur osteuropäischen Geschichte. Band 50. Berlin, 1995. P. 84–85.

[96] ДАИ. Т. 9. С. 56–57; РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Приказного стола. Д. 21. Л. 53–54; *Цветаев Д.* Памятники по истории протестантизма в России. М., 1888. С. 196–215; *Харлампович К.В.* Указ. соч. С. 434; *Ковальский Н.П.* Деятельность русской дипломатии в 70–90-х гг. XVII в. по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. Днепропетровск, 1968. С. 164.

[97] [*Субботин Н.И.*] Ян Белободский и Павел Негребецкий. Эпизод из истории религиозных споров в России в конце XVII в. // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе за 1862 год. Ч. 21. М., 1862. С. 569–614; *Цветаев Д.* Указ. соч. С. 196–215; *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 195, 200–203, 255–260; *Горфункель А.Х.* Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 200–201.

[98] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 303. Фамилия в приведенном в книге источнике написана ошибочно: Непребецкий вместо Негребецкий.

[99] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Денежного стола. Д. 139. Л. 34; Там же. Д. 138. Л. 2–23.

[100] Там же. Д. 139. Л. 117 и след.

[101] Там же. Д. 217. Л. 24 об., 80–89; Там же. Д. 138. Л. 24–24 об., 35 об., 231.

[102] Там же. Д. 138. Л. 62–79, 80 и след.

[103] Там же. Л. 146 и след.

[104] Там же. Л. 287 и след.

[105] *Горфункель А.Х.* Указ. соч. С. 193.

[106] AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 129.

[107] Ibid.

[108] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 6. Л. 1–3.

[109] *Perdenia J.* Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII–XVIII w. Wrocław, 1963. S. 31.

[110] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 8. Л. 1–70; Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 155.

[111] Подробней об этом см. в главе 6.

[112] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6: Akta do dziejów króla Jana III. Sprawy roku 1683, a osobliwie wyprawy wiedeńskiej wyjaśniające. Wyd. F. Kluczycki. Kraków, 1883. S. 1–4; BCz. Rps. 827. S. 63–65.

[113] РГАДА. Оп. 1. 1682 г. Д. 12.

[114] BCz. Rps. 827. S. 49–51. О братьях Куницких см.: *Кочегаров К.А.* Участие украинского казачества в кампании 1683 года против Османской империи // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 5. Київ, 2005. С. 623–664.

[115] AGAD. AZ. Dz. 3046. K. 173–227.

[116] Ibid. K. 191.

[117] Ibid. K. 198–199.

[118] Ibid. K. 200.

[119] Ibid. K. 220–221.

[120] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 6. Л. 170–173.

[121] Там же. Д. 1. 20–21.

[122] Там же. Л. 2–7.

[123] Acta historica... S. 5–6.

[124] *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 33–34.

[125] *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 271–272, 279.

[126] *Форстен Г.* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века // ЖМНП. Ч. 356. 1904. Ноябрь. С. 70–71.

Глава 3

Вступление Польско-Литовского государства в войну с Османской империей. Русско-польские отношения в 1683–1685 гг.

I. Еще весной 1682 г. Австрия начала переговоры со Стамбулом, пытаясь продлить существующий мир. Турки сразу выдвинули неприемлемые условия, требуя уничтожения ряда крепостей на венгеро-турецкой границе, передачи Порте прикрывавшей путь на Вену крепости Дьёр, выплаты дани в полмиллиона дукатов в год. В своих усилиях купить мир с османами австрийская дипломатия была готова даже на то, чтобы спровоцировать новую польско-турецкую войну. В одном из донесений посол императора при дворе султана Альбрехт Капрара выражал надежду, что за соответствующее вознаграждение удастся направить османскую агрессию против Речи Посполитой. В Вене расценивали французскую экспансию на Рейне как главную опасность и поэтому готовы были пойти на уступки Стамбулу, за исключением выплаты дани.

Положение на переговорах с Портой осложнялось ситуацией в Венгрии, где вождь повстанцев И. Тёкёли, приняв в мае 1682 г. турецкий протекторат, в июне при поддержке турецких войск начал военные действия, а к сентябрю занял почти всю Верхнюю Венгрию. Попытка Леопольда I в ноябре 1682 г. привлечь его на свою сторону путем признания власти вождя куруцев над Верхней Венгрией окончилась неудачей. Тёкёли не намеревался останавливаться на достигнутом, надеясь при помощи Османской империи получить верховную власть над всей Венгрией.

Способность Австрии эффективно противостоять агрессивным устремлениям Порты в значительной мере зависела от позиции Франции. Людовику XIV была выгодна австро-турецкая война, чтобы отвлечь силы Леопольда I от германских земель на Рейне, ставших еще с 1679 г. объектом французской экспансии (т. н. политика «Присоединительных палат»). Поэтому дипломатия Парижа подталкивала Порту к войне с Габсбургами, всячески препятствуя миссии А. Капрары. К осени 1682 г. стало очевидно, что, хотя австрийский посол и выехал вместе с султанским двором в Адрианополь, проводимые им переговоры оказались безуспешны, а в декабре они были фактически прекращены[1].

К февралю 1683 г. австро-французское соперничество увенчалось созданием двух коалиций — Голландии, Испании, Швеции и императора, с одной стороны, и

Франции, Дании и Бранденбурга — с другой. Леопольд I и Людовик XIV пытались заполучить в союзники также других немецких князей. Еще в январе 1683 г. Вена заключила оборонительные союзы с Баварией и Саксонией, а позднее с Ганновером. Активным союзником Леопольда I стал папа римский Иннокентий XI.

Принимая в расчет угрозу австро-турецкой войны, Святой престол прилагал все усилия, чтобы добиться хотя бы нейтралитета в ней французского короля. Однако французский посол в Вене от имени своего государя соглашался сохранить мир с императором только при условии признания деятельности Присоединительных палат, в то время как французский посол в Стамбуле уверял турецкие власти, что Франция не окажет помощи Леопольду I. Папа обещал предоставить императору субсидии (1 млн гульденов, включая 200 тыс. испанской десятины). Помощь деньгами согласились оказать также Португалия (100 тыс. талеров) и некоторые итальянские князья[2].

В этих условиях особую важность для императора приобрело заключение союза с Речью Посполитой. В Варшаве не переставали опасаться османской агрессии — в апреле 1682 г. Ян III инспектировал пограничные крепости на Украине. В то же время в Польше продолжали выражать обеспокоенность незащищенностью венгеро-турецкой границы и кроющейся в этом опасностью для Вены. Еще в 1680 г. луцкий епископ Станислав Витвицкий прозорливо писал: «...u cesarza Jmci żadna gotowość: dwa tylko regimenty granic Rakuskich pilnują, i gdy by Turek chciał tego roku Wiedeń experiretur sortem Kameńca naszego strzeż Boże»*[3].

В августе–сентябре 1682 г. начались переговоры польского двора с австрийским резидентом Иоганном Жировским об антиосманском союзе. Проект, который он предложил, был встречен польской стороной благожелательно. Это, впрочем, противоречило принятым 11 августа придворным военным советом в Вене решениям добиваться мира с Османской империей. Присланные после этого новые директивы И. Жировскому носили общий характер и не давали полномочий заключать договор. В Варшаве было известно о планах Габсбургов заключить перемирие с И. Тёкёли, что в польской столице верно расценили как свидетельство намерений Вены втянуть Речь Посполитую в войну с Османской империей и избежать собственного участия в ней. В результате переговоры были временно прерваны[4].

Планы вступления Речи Посполитой в антиосманскую коалицию обострили австро-французское соперничество при польском дворе. Французский посол Никола Мари де Витри открыто обвинил Габсбургов в намерении втянуть Речь Посполитую в войну с Османской империей один на один. И. Жировский, в свою очередь, на заседании рады сената 6 октября в Яворове, на которое были приглашены иностранные резиденты, представил перехваченную корреспонденцию де Витри и французского резидента в Трансильвании дю Верне-Боку с Тёкёли, из которой становилась ясной подстрекательская роль Франции. Недовольный Собеский, для которого оказываемая до сих пор помощь венгерским повстанцам означала теперь

* «...у императора никакой готовности: только два отряда охраняют ракузские границы, и если бы турки в этом году хотели захватить Вену подобно нашему Каменцу, не дай Бог».

помощь возможному противнику, потребовал отъезда дю Верне-Боку из Малой Польши, где последний руководил сношениями с куруцами, либо в Варшаву, либо в Трансильванию, где тот был аккредитован. Это вызвало резкий протест де Витри, что еще больше подчеркнуло расхождение интересов французской политики в Речи Посполитой и интересов Яна Собеского[5]. В этой связи обоснованным представляется мнение Я. Виммера, что политика Собеского по отношению к Османской империи определялась не личными интересами, а осознанием реальной опасности турецкой агрессии, хотя точное ее направление было до сих пор не известно. Однако польский король имел все основания сомневаться в прочности мирного договора с султаном[6]. Кроме того, заключив договор с Австрией, Речь Посполитая тем самым обезопасила себя от войны с Портой один на один, без союзников, чего польский король так опасался в 1680–1681 гг.

Неудача переговоров в Стамбуле в конце 1682 г. заставила Габсбургов предпринять конкретные шаги по заключению союза с Варшавой. В ноябре была достигнута принципиальная договоренность обеих сторон. 29 ноября в Вене был назначен посол на варшавский сейм — граф Карл Фердинанд фон Вальдштейн.

Усиление позиций Австрии в Речи Посполитой обеспокоило главу профранцузской «партии» — коронного подскарбия А. Морштына. Осенью 1682 г. он писал об этом Людовику XIV, в частности, о перехваченной корреспонденции де Витри, обвиняя последнего в неспособности противодействовать австрийскому влиянию. Де Витри, напротив, слал в Париж успокоительные реляции, будучи уверенным, что ему удастся предотвратить польско-австрийский союз[7].

С новой силой борьба двора и оппозиции развернулась на проходивших в декабре 1682 г. предсеймовых сеймиках. Оппозиция выпустила памфлет «Trzeba i nie trzeba» («Надо и не надо»), призывавший к бойкоту двора, к неуплате налогов, к недопущению увеличения армии. Авторы памфлета отвергали союз с Австрией. Обвинения Габсбургов в намерении «заслониться» Польшей от турок, чтобы самим развязать войну с Францией, содержались в письме «Considerationes, ob quas colligatio cum Caesare videtur non necessaria, imo damnosa Reipublicae» («Рассуждения о том, почему союз с императором не только не нужен, но и пагубен для Республики»). Если развернутая накануне сейма пропагандистская кампания не принесет успеха и в случае значительной угрозы французским интересам, А. Морштын планировал организовать срыв сейма[8].

Оппозиционные настроения в Литве выразились в памфлете, доставленном в Посольский приказ Н.М. Краевским. Озаглавлен он был как «Пречестного арцыбискупа гнезненского слово» и доставлен в Москву лишь в августе 1683 г., однако составлен был, скорее всего, в преддверии сейма. Оригинала документа не сохранилось, а в конце русской копии дьяком была сделана приписка: «...а написано таково писмо немецким языком, вергерским (так! — *К. К.*) языком, свейским, прусским, московским и простым полским языком и подкинуто», что свидетельствовало о его распространении не только в Польше и Литве, но и в соседних странах. Памфлет был составлен в духе антикоролевской пропаганды партии Пацов, отражавшейся и в ее переписке с Посольским приказом в 1680–1682 гг. Ян Собеский

обвинялся в потворстве французской «партии», срыве совместно с ней сейма 1681 г. В угоду Франции Собеский посылал войска в Венгрию, препятствовал заключению союза с Австрией и Россией, причем «указал написать писмо в канцелярию и к послам замглив и заслонив очи Речи Посполитой отвергнув <...> случения с царским величеством московским, которого случения обоих народов чины охотно желали». Польскому королю предъявлялись обвинения в намеренной отдаче туркам Подолии и Украины, присвоении выделенных на борьбу с Портой папских субсидий. Присутствовали и традиционные для оппозиции обвинения в намерении Яна III попрать вольности Речи Посполитой и посадить своего сына на престол. В связи с последним королю считали не лишним напомнить о судьбе английского короля Карла I[9]. Подобный политический шаг литовской оппозиции в отношении Москвы являлся по сути продолжением той линии, которая осуществлялась М. Пацом и М. Огинским ранее. В основе ее лежало стремление литовских магнатов не допустить полного захвата двором в свои руки инициативы в переговорах с Россией о заключении антиосманского союза. То, что основное содержание памфлета противоречило лозунгам антикоролевской пропаганды, которая велась в Речи Посполитой накануне сейма, позволяет предположить, что он был составлен исключительно для «внешнего использования», в первую очередь для русской дипломатии.

Между тем сам польский король активно готовился к столкновению с оппозицией на сейме. Подкупив секретаря французского посольства, Собескому удалось получить ключ к используемому де Витри шифру. В результате зашифрованные письма, которые де Витри и А. Морштын отправляли в Париж с сентября 1682 г. по февраль 1683 г., регулярно перехватывались королевскими агентами[10]. Благодаря этому сторонники двора смогли умело противодействовать интригам своих противников.

Заседания сейма в Варшаве открылись 27 января 1683 г. В центре дискуссий стал вопрос о войне с Османской империей. Практически все сенаторы высказались за наступательную либо оборонительную войну с турками. Только познанский воевода К. Гжимултовский призвал к сохранению с ними мира и к войне с Россией, утверждая, что армия Речи Посполитой во главе с талантливым полководцем — Яном III сможет не только вернуть утерянные по перемирию 1667 г. земли, но и захватить Москву. 24 февраля в Варшаву торжественно въехал австрийский посол — граф Вальдштейн, а 26 февраля назначенные сеймом депутаты начали с ним переговоры об антитурецком союзе[11].

К этому времени королевская «партия» приурочила главный удар по профранцузской оппозиции. В конце февраля Ян Собеский потребовал от подскарбия Морштына публично ответить на предъявленные ему обвинения в посылке во Францию шифрованных донесений, в разглашении государственной тайны, в переговорах с французским двором о детронизации короля. В сейме на объединенном заседании посольской избы и сената 16 марта было зачитано письмо польского резидента в Стамбуле Самуэля Проского, который сообщал о небывалой подготовке турок к войне и об их намерении выступить против Австрии и Речи Посполитой[12]. Затем

варминский епископ Михал Радзеёвский огласил выдержки из корреспонденции Н.М. де Витри и А. Морштына. Не обошлось без активного участия австрийской дипломатии: Радзеёвский читал также письма австрийского резидента в Париже, адресованные Вальдштейну (и, видимо, предоставленные последним), в которых сообщалось о получении в Париже донесений от Морштына и о его намерении сорвать сейм и не допустить заключения австро-польского союза. Поддерживавшие А. Морштына магнаты — коронный гетман С. Яблоновский и братья Сапеги — подскарбий Бенедикт и великий гетман литовский Казимеж Ян (упоминаемые в оглашенной переписке) публично отреклись от своих связей с опальным подскарбием[13].

Умело организованная двором политическая комбинация привела к полному триумфу короля. Поколебав единство профранцузской «партии» предоставлением в 1682 г. С. Яблоновскому должности великого коронного гетмана, а К. Сапеге гетманства литовского и должности воеводы виленского, что делало того первым среди литовских магнатов, Ян Собеский и его сторонники в момент, когда антиосманские настроения на сейме достигли пика (в результате зачитанных писем Проского), нанесли противникам войны с Портой решающий удар. То, что «козлом отпущения» был сделан А. Морштын, при снисходительности к его соучастникам, только укрепило позиции двора.

Теперь уже ничто не могло помешать заключению польско-австрийского оборонительно-наступательного союза против Османской империи, состоявшемуся 31 марта 1683 г. (заключен 1 апреля, в связи с чем официально датирован днем раньше). Наступательный союз действовал на время войны, оборонительный — «на вечно». Австрия обязалась выставить 60 тыс. войска, считая войска германских князей-вассалов императора (ок. 20 тыс.) и гарнизоны крепостей Венгрии. Речь Посполитая выставляла 40 тыс. человек. Союзники обязались не заключать с турками сепаратный мир. В случае наступления турок в глубь территории одного из союзников — на Вену или Краков, другой должен был идти на выручку со всеми имеющимися у него силами. Стороны призывали присоединиться к союзу и других государей, в особенности Россию, отводя ей одно из ключевых мест в формирующейся антиосманской коалиции. Император предоставлял Польше денежную помощь в 1 млн 200 тыс. злотых, в дальнейшем ей должна была предоставляться также собираемая римским папой в испанских владениях десятина. Посредником в соблюдении договора объявлялся папа Иннокентий XI[14].

В принятом сеймом skrypt ad archiwum Порта обвинялась в нарушении мирного договора 1678 г., а именно в захвате Чарткова и татарских набегах. Сейм утвердил выставление войска в 36 тыс. ставок солдатского жалованья от Короны и 12 тыс. от Литвы. Войско должно было собраться к началу июля 1683 г., оплата для него утверждалась с 1 мая 1683 г. до 1 февраля 1685 г., т. е. до следующего сейма[15].

Еще в январе 1683 г., когда послы и сенаторы собрались на сейм в Варшаве, в Османской империи перед открывавшими путь на Запад «воротами счастья» в Адрианополе были выставлены священные бунчуки, означавшие объявление войны. Турки более не скрывали направление главного удара. В письме, зачитанном на

сейме, С. Проский сообщал, что объектом их нападения будет Австрия (о возможном ударе на Вену Ян Собеский знал уже в феврале). В Белграде турками сосредотачивались огромные запасы амуниции, оружия, стягивались войска. Активно готовился к войне и Леопольд I — укреплялись пограничные крепости в Венгрии и Австрии, увеличивалась численность армии.

II. В конце мая 1683 г. почти 160-тысячная османская армия двинулась к венгерской границе в направлении Секешфехервара. Там 27 июня прошел военный совет, на котором было решено ударить на Вену, и на следующий день армия выступила на Дьёр. Для осады этой важной крепости командующий великий визирь Кара-Мустафа оставил корпус паши Буды Ибрагима, главные силы турецких войск двинулись прямо к столице Австрии. Передовые отряды турок показались под ее стенами 14 июля. 16 июля после непродолжительных стычек с малочисленными отрядами кавалерии герцога Карла Лотарингского, главнокомандующего австрийской армии, Вена была окружена со всех сторон. Началась многодневная осада города.

В Речи Посполитой военные приготовления начались еще до окончания сейма — 10 апреля гетман С. Яблоновский издал универсал о немедленном возвращении всех отсутствующих солдат в свои части, которые к 3 мая должны были сосредоточиться в Подолии, в главном лагере под Теребовлей. Однако марш турецкой армии к австрийской столице, о котором сообщил прибывший 16 июля в Варшаву курьер, потребовал срочной корректировки военных планов. И. Жировский и нунций заявили Яну Собескому о необходимости предусмотренной договором помощи союзнику всеми находящимися в распоряжении силами.

Король спешно выехал в Краков, куда еще раньше было перенесено место сосредоточения войск. Сбор польской армии, однако, затягивался, и гетман С. Яблоновский был вынужден перенести его с 5 на 29 июля. Сказались и финансовые трудности. Установленные сеймом налоги на войско начали поступать только в конце июля. В этих условиях большое значение сыграли субсидии папы и императора. В июне 1683 г. подоспела первая часть австрийских выплат — 450 тыс. злотых, а до конца года — вся обещанная сумма. В течение лета из Рима поступило в общей сложности 1 200 тыс. злотых, от итальянский князей и некоторых католических епископов — еще 550 тыс. злотых.

Польский историк Ян Виммер, детально рассмотревший кампанию 1683 г. и участие в ней Речи Посполитой, пришел к выводу, что Корона смогла выставить 34 250 солдат, в т. ч. в соответствии с утвержденным на сейме компутом в 36 тыс. ставок солдатского жалованья — 27 400 человек. Расходы Короны составили 8 млн злотых, не считая субсидий из-за границы. Великое княжество Литовское выставило около 10 500 солдат, на содержание которых было израсходовано примерно 3 млн злотых. По мнению историка, «Речь Посполитая с лихвой выполнила свои союзнические обязательства». Из всех этих сил в освобождении Вены, по его же оценкам, участвовало 20 950 солдат коронного войска. Литовское войско опоздало к битве под Веной, приняв участие в кампании в Венгрии.

По мнению Я. Виммера, мобилизация в Речи Посполитой в 1683 г. была проведена, по сравнению с предыдущими годами, в неслыханно короткие сроки — за три с половиной месяца. В 1673 г., например, мобилизация проходила с 8 апреля — до конца октября, и то не все войска успели прибыть на место сбора к установленному времени. Тем не менее нельзя забывать, что в июне–июле 1683 г. большую роль в формировании войск играли иностранные субсидии. Сам Ян Собеский признавал в письме к жене, что вывел войско в поле без денег Речи Посполитой[16]. В будущем это грозило превратиться в серьезную проблему — субсидии могли стать инструментом влияния союзников на политику Речи Посполитой, на формирование военных планов республики в нужном для Габсбургов и папства направлении.

В ночь на 30 июля 1683 г. Ян Собеский торжественно въехал в Краков. 11 августа из предместья города в поход выступил корпус польного гетмана М. Сенявского, а через два дня двинулись главные силы под командой коронного гетмана С. Яблоновского. Положение Вены тем временем ухудшалось. Главнокомандующий австрийской армией Карл Лотарингский настаивал на ускорении марша польских войск.

31 августа главные силы польской армии через Силезию и Моравию подошли к городку Микулову на границе Моравии и Нижней Австрии. Там уже находился М. Сенявский, а вскоре сюда прибыл Карл Лотарингский. 3 сентября недалеко от Штоккерау состоялся военный совет с участием всех командующих союзных армий, продлившийся до ночи 4 сентября, на котором был выработан окончательный план снятия осады столицы Австрии. Верховное командование союзными войсками принял Ян Собеский. Войска союзников, насчитывавшие около 65 тыс. человек, сосредоточились под Тулном выше по Дунаю.

9–11 сентября союзные армии прошли через Венский лес, отделявший их от осажденного города, и 12 сентября атаковали турок. Успех стремительной атаки был достигнут благодаря действиям знаменитых польских гусар. В результате упорной и кровопролитной битвы турецкие войска были разгромлены, а Кара-Мустафа бежал, бросив обоз и оставив победителям богатую добычу.

В дальнейшем кампания развивалась удачно для союзников. На зимних квартирах в Словакии (Верхней Венгрии) было решено оставить только небольшую часть польских войск, остальные возвращались на родину[17].

Менее удачно складывались для польских войск действия в Подолии и Молдавии. Командовавший там краковский каштелян Анджей Потоцкий не смог предпринять активных действий, имея в своем распоряжении всего лишь 7 тыс. человек. 28 октября его войска, отбив около 1 тыс. человек ясыря, разбили под Зиньковым возвращавшийся из Венгрии татарский отряд, по пути совершивший набег на Волынь. В начале ноября Потоцкий осадил Язловец, но, получив известия о возвращающихся из Венгрии татарах, был вынужден снять осаду.

Поход в Молдавию предпринял шляхтич Стефан Куницкий, получивший от Яна Собеского в августе 1683 г. звание казацкого гетмана. Собрав довольно значительное казацкое войско, он в октябре–декабре занял Немиров и изгнал оттуда

Драгинича — наместника молдавского господаря Георге Дуки, затем вторгся в Молдавию и Буджак, где, нанеся поражение возвращавшимся из Венгрии отрядам буджацких и белгородских татар, разорил земли Буджацкой орды. В то же время в Яссы при поддержке молдавских и польских отрядов вступил Стефан Петричейку, ранее бывший господарем и нашедший убежище в Польше. Однако в самом конце декабря войско Куницкого было разбито возвращавшимися из Венгри крымскими татарами.

В конце декабря 1683 — начале января 1684 г. А. Потоцкий не смог оказать С. Петричейку достаточной помощи, и в апреле 1684 г. тот вместе с немногочисленными польско-молдавскими отрядами отступил на территорию Речи Посполитой. Татары, преследуя отступавших, вторглись в Подолию, а их «загоны» (мелкие конные отряды, направляемые для захвата добычи и «ясыря») доходили до Теребовли. Кампания в Молдавии окончилась полной неудачей. Борьбу за Подолию нужно было начинать заново [18].

III. Военные усилия Речи Посполитой в кампании 1683 — начала 1684 г. сопровождались активными действиями польской дипломатии, направленными на создание антитурецкой коалиции. Первые шаги Ян Собеский предпринял еще до заключения союза с Австрией. В декабре 1682 г. с этой целью в Рим был послан аббат Ян Казимеж Денгоф [19]. В январе 1683 г. в Варшаве миссия по поиску союзников против Порты была возложена на воеводу черниговского Яна Гнинского (сына подканцлера). Сначала он должен был попытаться сгладить противоречия между польским королем и Францией. 15 февраля Гнинский-младший получил в Париже соответствующую инструкцию и 1 марта (в источнике, видимо, ошибочно — primam February) был принят французским королем. Польский посол заверил Людовика XIV в дружбе своего монарха и предложил посредничество Яна Собеского в урегулировании отношений между французским королем и императором [20]. Затем он объявил о намерении польского короля вступить в союз с Австрией, чтобы защитить свое государство от агрессивных устремлений Османской империи. Людовик XIV ответил, что не сомневается в дружбе польского короля, но от посредничества отказался. Он заявил, что французскому послу в Константинополе приказано объявить султану и его министрам, что в случае нападения османов на Речь Посполитую Франция окажет ей поддержку как своему союзнику (в 1682 г. французский посол в османской столице действительно делал такие заявления великому визирю, основываясь на инструкциях Людовика XIV; а французский посол в Речи Посполитой де Витри уверял в том же самого польского короля [21]), добавив также, что турки не собираются нарушать мир и, следовательно, нет причин Речи Посполитой вступать в эту войну. Заявление Я. Гнинского о татарских набегах, несправедливом разграничении Подолии по трактату 1678 г. и обращении с польским резидентом в Стамбуле как с заложником Людовик посчитал важными, но недостаточными причинами для начала войны. Христианнейший король повторил высказанное ранее де Витри предупреждение, что император хочет втянуть Речь Посполитую в антиосманскую лигу, чтобы свалить на нее все тяготы войны. Для

дальнейших конференций король назначил министров, с которыми Гнинский встречался каждый вторник в Версале. В это время он получил письма Яна Собеского с поручением добиться новой аудиенции у короля, чтобы выразить тому недовольство интригами де Витри в Варшаве. В аудиенции, а также в предоставлении шифра, которым пользовался для своих донесений французскому послу А. Морштын, Гнинскому было отказано.

Переговоры затягивались, результата не было, поэтому польский посол поспешил выехать в Англию. Там Гнинский напомнил королю Карлу II об обещании помощи против турок, данном королем послу Щ. Морштыну, и объявил об уже заключенном союзе с Австрией, предлагая присоединиться к нему. Во время пребывания Гнинского в Лондоне там были уже получены известия о победе под Веной, однако это не повлияло на исход переговоров, итогом которых стали лишь туманные обещания. Из Англии польский посол поехал в Голландию, затем нанес визиты трем немецким имперским князьям, в т. ч. и князю Люнебургскому. Все они, однако, отказали в помощи лиге не только войсками, но и деньгами, под предлогом вторжения в Брабант французских войск. А князь Люнебургский указывал на угрозу Гамбургу со стороны Дании и стоявших неподалеку от города датских войск[22].

Почти годичное турне Яна Гнинского не принесло ни малейших результатов. Польский король, несмотря на сокрушительное поражение профранцузской «партии» в Речи Посполитой, как видно, не желал полного разрыва налаженных отношений с Францией, которые еще больше осложнились в результате отзыва вскоре после сейма французского резидента из Варшавы.

Более удачно закончились переговоры с Бранденбургом. По заключенному киевским епископом Анджеем Залуским 22 июля 1683 г. в Берлине договору курфюрст обязался выставить на войну с турками 1 200 солдат. Следует отметить, что переговоры Вены с Берлином о помощи против османов окончились ничем[23].

После крушения планов «балтийской политики» отношения с Венгрией имели для Яна Собеского особое значение. Речь шла о приобретении для старшего сына польского короля — Якуба Собеского — венгерской короны, чтобы обеспечить сначала его избрание на польский престол после отца, а затем установить наследственное правление Собеских в Польше. Эти устремления польской королевской семьи, пик которых пришелся именно на 1683 г., старался использовать в своих интересах И. Тёкёли. На сейм 1683 г. прибыло его посольство. В результате энергичных протестов нунция и австрийского резидента посольство венгерских повстанцев не получило аудиенции на сейме, ограничившись приватной аудиенцией у короля. Ян Собеский, взявший на себя по просьбе римского папы роль посредника между Леопольдом I и Тёкёли, ответил отказом на предложение посольства заключить союз, но заверил послов, что выступит против куруцев только в случае открытого перехода их на османскую сторону[24]. В сентябре 1683 г. в Варшаве появилось новое посольство И. Тёкёли, уже напрямую в ходе аудиенции у королевы предложившее корону св. Стефана Якубу Собескому. Это обеспокоило нунция О. Паллавичини, видевшего в этом серьезную угрозу польско-австрийскому союзу.

17 сентября посол повстанцев появился в лагере самого короля, а в ноябре через Яна Собеского вождь куруцов передал Леопольду I условия, на которых он готов был отказаться от османского протектората. Одно из них — требование признать его князем Верхней Венгрии — мало отвечало желаниям Яна Собеского, мечтавшего о венгерской короне для старшего сына. Дальнейшие контакты между Тёкёли (на рубеже 1683–1684 гг. он отправил новое посольство в Речь Посполитую) и польским двором не привели к сколько-нибудь значительным результатам.

Политика Яна Собеского в этом вопросе была заранее обречена на неудачу. Причина состояла не только в том, что Тёкёли желал венгерской короны для себя и его предложения были всего лишь тактическим маневром, но и в том, что Габсбурги любой ценой не желали допустить польско-венгерского сближения, поскольку считали Венгрию исключительно сферой своих интересов. Позиция Вены пользовалась активной поддержкой Святого престола, добивавшегося выгодного Австрии курса польской политики в отношении Венгрии. В результате 26 января 1684 г. в Кракове при посредничестве папской дипломатии было заключено австро-польское соглашения о совместных действиях против венгерских повстанцев [25].

Закономерным результатом попыток Яна Собеского усилить польское влияние в Венгрии было охлаждение в польско-австрийских отношениях, наступившее практически сразу после битвы под Веной. Оно усиливалось и личной неприязнью Леопольда I к польскому королю, заслуженно получившему лавры победителя под Веной. Уже 13 сентября комендант Вены граф Рюдигер Штаремберг под разными предлогами пытался не допустить въезда Яна Собеского в спасенный город, имея приказ императора, желавшего первым въехать в свою столицу. В ходе личной встречи монархов 15 сентября император демонстративно не отреагировал на приветствие королевича Якуба, чем сильно оскорбил польского короля. Таким способом Леопольд I не только продемонстрировал свое отношение к претензиям Собеских на Венгрию, но и еще к одному важному начинанию польской королевской семьи, а именно к проекту женитьбы королевича Якуба на дочери императора Марии Антонине. Тайные переговоры об этом велись во время сейма 1683 г. с графом Вальдштейном. Попытки Собеского добиться для своего сына руки дочери курфюрста Баварского также не имели успеха.

Поведение императора отразилось на отношении к польской армии со стороны союзников — ухудшилось снабжение, распространялись преувеличенные слухи о грабеже поляками турецкого обоза, случались и прямые нападения на польских солдат. Это в значительной мере стало причиной, побудившей польского короля после окончания осенней кампании вывести почти всю свою армию на родину. Разногласия между союзниками поставили под сомнение саму возможность ведения в дальнейшем успешной борьбы с турками [26].

Здравый смысл возобладал, однако, над амбициями монархов. Оживленная дипломатическая подготовка создания Священной лиги, начавшись на рубеже 1683–1684 гг., принесла свои плоды. 5 марта в Линце был заключен оборонительно-наступательный антиосманский союз Венеции, императора и Речи Посполитой. Значительная заслуга в этом принадлежала неутомимому врагу турок папе Инно-

кентию XI, выступившему гарантом соглашения. В вовлечении Венеции в Священную лигу сыграла свою роль и дипломатия Яна Собеского. От имени Речи Посполитой переговоры в Линце вел каштелян мендзыжецкий Ян Франчишек Роздражевский, которому помогал И. Любомирский.

Союзники ставили целью отвоевание захваченных у них османами земель и заключение с противником общего мира, причем Речь Посполитая должна была получить обратно Украину и Подолию с Каменцом. Одним из пунктов трактата было приглашение в Лигу других государств, причем, и на это уже неоднократно обращали внимание историки, единственным поименованным и потому наиболее желанным кандидатом была Россия[27]. Это ставило в повестку дня активизацию русско-польских переговоров. Варшава играла, однако, важную роль не только на русском направлении восточной политики Священной лиги, но и на двух других — отношениях с Персией и Крымским ханством. Союзники рассчитывали, что Россия свяжет силы крымского хана, отвлекая их от участия в военных действиях в Венгрии и Дунайских княжествах. По мнению З. Вуйчика, привлечение новых партнеров в Священную лигу позволяло Речи Посполитой обеспечить себе более независимую позицию в ее рядах[28].

В отношениях членов Священной лиги с Россией Речи Посполитой, безусловно, принадлежала решающая роль. Москва, в свою очередь, внимательно следила за развитием политической ситуации в Польско-Литовском государстве и, предвидя грядущие бурные события, направила посольство на сейм 1683 г.[29]. Едва укрепив свое положение внутри страны, правительство царевны Софьи и канцлера В.В. Голицына не спешило с решительными внешнеполитическими акциями, оставаясь пока в роли стороннего наблюдателя. Посольство в Варшаву, согласно 32-й статье Андрусовского договора, было направлено с подтвердительной грамотой малолетних царей на все предыдущие русско-польские договоры для получения присяги Яна III в их соблюдении.

Руководители русской внешней политики отдавали себе отчет, что в существующих условиях польский король на основе союзных статей прошлых договоров будет требовать вступления России в войну с Османской империей. Поэтому послам — Ивану Ивановичу Чаадаеву и Лукьяну Тимофеевичу Голосову — было строго-настрого наказано ни в какие союзные договоры не вступать, требовать королевской присяги и лишь по ее принесении заключить договор о сроке проведения пограничной комиссии. С комиссией в Москве пока решили также не торопиться, предлагая назначить ее на 20 июня 1686 либо 1685 г. и, лишь в крайнем случае, согласиться на 1684 г. При категорическом отказе короля принести присягу послы должны были заявить о согласии вести переговоры о «случении сил», но только с тем польским посольством, которое приедет в Москву. Непременным условием ведения таких переговоров было выставлено вступление в антиосманский союз Франции[30]. Такое требование могло иметь двоякий смысл: либо как заранее неприемлемое, либо как призванное продемонстрировать необходимость единения всего христианского мира против турецкого нашествия. Помимо этого, послы должны были потребовать прекращения «заездов» польских жителей в местечки

(Стайки и Треполье), которые русская сторона считала частью Киевского округа[31], т. е. фактически потребовать его расширения в сравнении с оговоренным в договоре 1667 г.

Опасения русского правительства по поводу ожидавшихся требований Яна Собеского о совместных действиях против турок подтвердил гонец Семен Дядкин, ездивший в Варшаву с объявлением о посольстве. В привезенной им грамоте Яна III говорилось о наделении послов полномочиями для заключения договора касательно неисполненных статей прошлых договоров, т. е. о «случении сил»[32].

С началом сейма 1683 г. информацию о его ходе регулярно получали в Москве. 15 (5) мая Н.М. Краевский прислал в Посольский приказ письмо М. Огинского из Варшавы, в котором тот сообщал об оглашении на сейме переписки подскарбия А. Морштына и французских дипломатов, прилагая к письму статьи, содержавшие краткие выдержки из этой переписки, а также диариуш сейма с 5 по 18 марта. «Зело здесь обесчестились наилучшие домы <...>, — сообщал Огинский. — И хотя явная измена с чего толь великие входят в ту весть, господина Морштина судити не допущают и то сейм замедливают и задерживают». Воевода троцкий ярко характеризует произошедший на сейме окончательный разворот внешнеполитического курса Речи Посполитой: «Таково ныне вспятообратительное объявление вещей, что мы, которые и прежде сего, яко морового поветрия, вымыслу французского остерегалися есмы, когда королевство совершенно остерегшися от оного отступило и союзом с цесарским величеством наисовершеннейшую и наилутчую помощь отчизне приносящую быти видят, ныне приятни есмы двору и добрыми есмы отчизне детьми, которых нас прежде сего нарицали изменниками, а тех верных, что прежде всего нас истесняли, имеют ныне и самим делом познавают за противных». По сообщению Огинского, король в борьбе с оппозицией искал его поддержки, обещая ему большую печать княжества Литовского: «...и за канцлером дело таинственно и опасно, чтоб печать литовскую сдал, которая мне обещана». «Все то <...> после сейму исполниться долженствует», — писал воевода троцкий[33].

Внешне- и внутриполитическая ситуация благоприятствовала сближению М. Огинского с двором. Ян Собеский, строивший планы организации широкой антиосманской коалиции, в 1682 г. заручился поддержкой Австрии, которой угрожало османское вторжение. Возможно, что одним из козырей М. Огинского были тесные связи с Москвой, перешедшие под его контроль после смерти М. Паца, которые Собеский намеревался использовать в своих планах создания союза христианских государей против турок. В ходе сейма Ян Собеский, несмотря на бурные протесты литовской шляхты, пожаловал виленскую каштелянию одному из своих сторонников — литовскому ловчему Эрнесту Денгофу, которого поддержал и М. Огинский, став на сторону двора[34].

Посольство И.И. Чаадаева прибыло в Варшаву 6 апреля (27 марта). Переговоры, едва начавшись, сразу же зашли в тупик — от послов настойчиво требовали присоединения к уже заключенному польско-австрийскому договору. Когда после отказа 14 (4) апреля им было объявлено об «отпуске», русские послы, не желая

срыва переговоров, попросили разрешения «отписать» в Москву с просьбой о дальнейших инструкциях [35]. Вместе русским гонцом польская сторона решила направить и своего посланца — витебского ловчего Яна Зембоцкого, который должен был добиться присылки послам желаемых польскими дипломатами полномочий. В ходе переговоров сенаторы не останавливались и перед угрозами, говоря, что, после того как союзники заключат с османами мир, еще неизвестно, что «на сторону их царского величества вырастет», при том что «перемирных лет» между странами осталось только десять [36].

В ответ на просьбу послов в конце мая из Москвы им была послана соответствующая грамота от 1 июня (22 мая), в которой правительство информировало о приемлемых условиях заключения союза: Вечный мир «с уступкой всего завоеванного», включая Левобережную Украину и Запорожье [36а].

Согласно инструкции, подготовленной для Я. Зембоцкого в малой литовской канцелярии и собственноручно отредактированной Яном Собеским (датирована 22 апреля 1683 г.), витебский ловчий должен был просить в Москве о скорейшей присылке русскому посольству в Варшаву полномочной грамоты, позволявшей вести переговоры о союзе. Речь Посполитая требовала от России на основе русско-польских переговоров 1678–1681 гг. передать под командование Яна III 25-тысячный вспомогательный корпус в составе 5 тыс. конницы и 20 тыс. пехоты с артиллерией. Русские войска должны были блокировать Крым, при этом в помощь им предлагалось дать 6 тыс. польской кавалерии. Кроме того, король желал добиться позволения царского правительства вербовать на войну заднепровских казаков. Собеский рассчитывал собрать 12-тысячное казацкое войско. Его вербовщикам царское правительство должно было выдать специальные «паспорта», а И. Самойловичу — царский указ с запрещением препятствовать вербовке. На время войны России предлагалось заключить наступательный союз, а оборонительный — «навечно». Зембоцкий должен был заявить, что король отказывается принести присягу на подтвердительной грамоте царей, поскольку уже приносил такую присягу перед русским посольством в Гродно, когда вступал на польский престол. Однако первоначально такой вариант не исключался в случае согласия России на вышеизложенные условия союза — пункт об этом был вычеркнут из инструкции, и вместо этого вписано (рукою Яна III), что присягать должны цари, как только что взошедшие на трон. Речь Посполитая выражала готовность на проведение русско-польской пограничной комиссии, более того, чтобы не тратить времени, польская сторона была готова отказаться от своего прежнего требования проводить ее с посредниками.

Зембоцкий должен был рисовать перед московскими дипломатами невиданные военные приготовления Порты, говорить о ее претензиях не только на Венгрию и наследственные владения Габсбургов, не только на Правобережную Украину (которая якобы была отдана по договорам казакам, а теперь в нарушение их — молдавскому господарю) и польские земли, но и на Заднепровье и «московские орды». Обо всем этом уже говорилось в инструкциях С. Бентковскому и И. Лядинскому. Поэтому Россия должна немедленно вступить в союз с императором и

польским королем, считали в Варашаве. Зембоцкому предписывалось напомнить и о недавнем унижении в Адрианополе русского гонца и отказе принять русское посольство. За союз на вышеизложенных условиях Речь Посполитая выражала готовность продлить перемирие или даже вести переговоры о Вечном мире.

Содержались в инструкции и второстепенные задачи: потребовать свободного проезда королевских посланцев в Запорожье, которых туда не пускают по приказу казацкого гетмана, объявления условий Бахчисарайского перемирия и др. Наконец, Зембоцкий должен был выведать, не пишутся ли цари киевскими и смоленскими в грамотах к окрестным правителям. В случае, если это правда, он должен был добиваться прекращения подобной практики, ссылаясь на временность нахождения под царской властью указанных земель[37].

30 (20) мая посланник Ян Зембоцкий в сопровождении шляхтича Яна Окрасы приехал в Москву. В присланных с ними грамотах Ян Собеский подтверждал свой отказ от принесения присяги на подтвердительной грамоте царей, просил о присылке русским послам в Варшаве «полной мочи» на заключение соглашения о «случении сил» с Речью Посполитой и Австрией, выражая готовность заключить Вечный мир с Россией[38].

Польша и Австрия всерьез надеялись привлечь Москву в антиосманскую коалицию и задействовать ее войска уже в кампанию 1683 г. (на все посольство Зембоцкому было отпущено 6 недель)[39]. В Москве Я. Зембоцкий должен был обсудить и согласовать условия договора о военном союзе с руководителями внешней политики России, а русские послы в Варшаве — заключить сам договор с сенаторами и королем на уже готовых условиях[40].

Требования Я. Зембоцкого разорвать мир с турками и присоединиться к польско-австрийскому антиосманскому союзу натолкнулись на неуступчивость В.В. Голицына, лично возглавившего переговоры с посланником. «Посольских дел оберегатель» последовательно настаивал, что: Россия, не отказываясь от переговоров о вступлении в антиосманский союз при заключении Вечного мира или продолжении перемирия, согласна вести их только на комиссии в Москве либо на границе, в которой возможно и участие послов императора. Этим Голицын давал понять польской стороне, что в кампании 1683 г. Россия участвовать не намерена, а ее последующее участие будет обусловлено уступками, на которые согласится Речь Посполитая. Голицын напомнил Я. Зембоцкому, что король принял решение идти войной на турок, «не учинив обсылки» с царями «ни слова»[41].

Я. Зембоцкий не менее твердо отстаивал позицию польской стороны: сначала — «случение сил», потом — договор о Вечном мире, причем король, говорил посол, согласен заключить последний только на условиях возвращения Россией завоеванных земель. Посланник подчеркнул, что, в случае если Яну Собескому «учинится счастье» в войне с турками, России нечего ждать от польской стороны каких-то уступок. Посланник грозил, что Россия останется один на один с Османской империей, после того как союзники заключат с ней мир[42]. Каждый стоял на своем, компромисс так и не был найден. В начале июня, ничего не добившись, Я. Зембоцкий выехал из Москвы[43].

Хотя по главным вопросам стороны ни в Варшаве, ни в Москве не пришли к соглашению, никто не желал обострения отношений. Взаимные угрозы были не более чем дипломатической риторикой. В направленных русским послам в июне новых инструкциях разрешалось согласовать срок проведения комиссии при условии, что польский король включит обещание соблюдать существующий с Россией мир в официальную грамоту для царей, которая будет вручена И.И. Чаадаеву и Л.Т. Голосову. Идя навстречу польским партнерам, русская сторона соглашалась ускорить созыв пограничной комиссии — в ноябре 1683 г. либо в январе или июне 1684 г.[44]. Собеский же согласился написать требуемую грамоту. 19 (9) июля было заключено русско-польское соглашение о комиссии без посредников, назначенной на 18 (8) ноября 1683 г.[45].

Троцкий воевода М. Огинский поддержал в этом короля. В конце уже упоминавшегося письма он сообщал А. Константиновичу о приезде посольства И.И. Чаадаева. М. Огинский считал, что, имея уже заключенный союз с Империей, с русскими дипломатами будет «надежней ныне разговаривать», и выражал надежду, что Москва присоединится к антиосманскому союзу, хотя «в таком их домашнем смятении едва того надеятися». М. Огинский писал о намерении короля и цесаря «крепко добиваться» присоединения России к союзу, «того ради и комиссии хочем хоть и без посредников, на которой если не вечной мир, то союз постановить могли бы»[46].

Как стало известно Чаадаеву и Голосову, в Варшаве были готовы предложить России оборонительный и наступательный союз на время войны с Османской империей со «случением сил» на условиях, обсуждавшихся ранее с посольством И.А. Желябужского. Если же Россия откажется объединять войска и будет настаивать на самостоятельных действиях, то в этом случае в польской столице были готовы заключить союз при условии, что русские войска будут «воевать Крым». Об условиях, на которых Речь Посполитая желала бы заключить Вечный мир, послам разузнать не удалось, «а чаять хотя и не всего, но не без уступки с их стороны», — писал И.И. Чаадаев[47].

IV. После битвы под Веной Ян Собеский немедленно отправил к царям гонца Яна Окрасу с объявлением о победе. 2 декабря (22 ноября) тот прибыл в Москву и получил аудиенцию у царей. На следующий день к посланнику приехал подьячий Иван Волков, которому Я. Окраса объявил, что ему поручено от короля «приватное дело», и попросил встречи с В.В. Голицыным. 5 декабря (25 ноября) канцлер принял его в товариществе ближнего боярина и наместника галицкого Бориса Васильевича Бутурлина, окольничего С.Ф. Толочанова и думного дьяка Е.И. Украинцева. Объявив о победе под Веной, Окраса предложил России от имени Яна Собеского «учинить соединение» с Австрией и Речью Посполитой и «послать на помочь королевскому величеству хотя весною свои <...> рати, потому что в нынешнее де зимнее время <...> ратем идти невозможно», подтвердив в адресованной Яну III царской грамоте намерение России вступить в союз. В ответ польский король обещал прислать в Москву своих послов.

Однако русская дипломатия не торопилась с присоединением к антиосманской коалиции. Посланнику припомнили, что Ян Собеский отказался присягать на царской грамоте, и подтвердили намерение обсуждать все вопросы на будущей Андрусовской комиссии, на которую уже направлены царские послы. Окраса ответил, что польский король хочет договориться о союзе до комиссии, которая, в свою очередь, займется заключением Вечного мира и поэтому, скорее всего, «продлитца на целой год», поскольку «в договоре вечного миру трудности будут немалые». Я. Окраса также вручил В.В. Голицыну письмо от коронного подканцлера Яна Гнинского, в котором тот предлагал русскому коллеге обновить «братцкое приятство»[48].

Расчет Яна Собеского, используя впечатление от победы под Веной, втянуть Россию в войну уже ко времени следующей кампании, потерпел неудачу. Российское правительство проигнорировало королевские предложения, ограничившись посылкой ответных поздравительных грамот от царей — королю и от В.В. Голицына — Я. Гнинскому[49].

В попытках польского короля заключить договор с Россией, направив своих послов в Москву, видно не только стремление как можно скорее заключить союз, но и желание действовать в обход комиссаров, назначенных Речью Посполитой. Ян III всерьез опасался, что те члены комиссии, которые принадлежали к антидворской оппозиции, могут саботировать соглашение и не допустить заключения столь важного для него союза. Многое в данном случае зависело и от русской стороны, и поэтому другой целью миссии Я. Окрасы было попытаться добиться выгодных для польской стороны отдельных переговоров о союзе, оставив для комиссии, не имевшей в данном случае для польского короля большого значения, договор о мире, заключать который на условиях, выдвинутых в 1683 г. в Варшаве И.И. Чаадаевым, он явно не желал.

Андрусовская комиссия 1684 г. из всех русско-польских переговоров в период 1667–1686 гг. наименее исследована. Единственный посвященный ей очерк написан польским историком Яном Перденей. Автор, несмотря на введенный в оборот ценный фактический материал, описывая переговоры в Андрусове 1684 г., во многом попал под влияние оценок познанского воеводы К. Гжимултовского — одного из главных оппозиционеров двору, корреспонденцию и реляцию которого активно использовал. Это привело историка к необоснованному противопоставлению позиций подканцлера Яна Гнинского и короля Яна Собеского. Указанная статья грешит и другими неточностями[50].

Приезд польско-литовских дипломатов на комиссию, назначенную на 18 (8) ноября, по разным причинам задерживался, несмотря на то, что 8 августа 1683 г. рада сената постановила уведомить всех комиссаров письмами о сроке ее начала. Одной из причин было отсутствие денег в казне Речи Посполитой, о чем комиссаров предписывалось «осторожно» уведомить в тех же письмах. В связи с этим сенаторы выражали надежду, что хотя бы часть комиссаров прибудет в Кадино вовремя[51]. Король также направил комиссарам письма[52]. К. Гжимултовский, глава польско-литовской делегации, после получения письменного распоряжения Яна Собеского

ехать в Андрусово немедленно написал коронному канцлеру Яну Велёпольскому, прося прислать ему необходимые для переговоров инструкцию и полномочные грамоты от короля и Речи Посполитой. Но канцлер сообщил воеводе, что у него, кроме разъезжего письма с последних переговоров с посольством И.И. Чаадаева и Л.Т. Голосова, никаких необходимых документов нет. Тогда К. Гжимултовский написал троцкому воеводе М. Огинскому и троцкому каштеляну Ц.П. Бжостовскому, рассчитывая, что нужные документы, выданные из канцелярии Великого княжества Литовского, находятся у них. Однако письма К. Гжимултовского не дошли до адресатов, в чем воевода впоследствии обвинял почтмейстера ВКЛ Рейнгольда Бизинга[53].

20 октября К. Гжимултовский, думая, что инструкция и полномочные грамоты находятся у Огинского и Бжостовского, выехал из Варшавы, и 6 ноября был в Минске. По пути вместе с одним из членов польско-литовского посольства уйским старостой Анджеем Гембицким его нагнала инструкция, незапечатанная и содержавшая множество «дефектов» и неточностей. Из Минска познанский воевода направил обширное письмо одному из предводителей антикоролевской оппозиции в Литве, подскарбию Б. Сапеге, выражая желание поддерживать с ним тесные контакты во время переговоров.

Анализируя ситуацию в России, Гжимултовский считал, что после успокоения стрелецких выступлений московское правительство подумывает об активизации внешней политики, и опасался, что русские войска могут напасть на Литву. В связи с этим он придавал большое значение известиям о военных победах Яна III в Венгрии и с нетерпением ждал подтверждения слухов о победе королевского войска под Парканами 9 октября. К. Гжимултовский жаловался, что подканцлер Я. Гнинский намеренно задерживает присылку полномочных грамот, обращал внимание Б. Сапеги на присвоение малой коронной канцелярией функций, традиционно принадлежащих литовским канцлерам[54].

Пытаясь договориться с Москвой в обход назначенных сеймом комиссаров, Ян Собеский саботировал Андрусовскую комиссию. В письме Гжимултовскому король писал, что инструкцию для комиссаров Я. Гнинский отдал в коронную канцелярию после сорванного сейма 1681 г., на котором она была утверждена, и предлагал воеводе самому позаботиться о ее доставке. В действительности в это время Гжимултовский уже получил инструкцию, но не имел пока полномочных грамот. Более подробную информацию, по словам Яна Собеского, Гжимултовскому должен был сообщить Я. Гнинский, от которого польский король якобы никаких сведений не имел (на самом деле коронный подканцлер сопровождал польского короля в походе под Вену[55]). В то же время в письме Гжимултовскому Ян III не скрывал, что союз с Москвой ему в данной ситуации необходим[56].

Это письмо вызвало резкую реакцию познанского воеводы. В ответном послании королю он выражал недовольство, что Я. Гнинский «wziął w ręce swoje ekspedicie moskiewskie, które kancelariom litewskim ex iure należą» *, возмущался, что Речь

* «взял в свои руки московские дела, которые литовским канцеляриям по закону принадлежат».

Посполитая зависит от прихоти какого-то ксендза, уничижительно именуя так подканцлера. Он вновь обвинял Я. Гнинского, что тот нарочно не выслал послам полномочных грамот. «Pokaże czas da P. Bóg na sejmie, supremus actionum humaniorum censor, kto dobry a kto zły» *, — грозил Гжимултовский, заканчивая письмо [57].

24 ноября познанский воевода получил письмо от царских послов, которые сообщали, что вскоре прибудут для участия в комиссии. Однако, не имея необходимых для переговоров документов, К. Гжимултовский решил не торопиться на съезд с русскими послами, желая «своим отсутствием» задержать в Смоленске русских дипломатов. В письме к познанскому подчашию Мельхиору Гуровскому познанский воевода вновь дал волю своему неприязненному отношению к подканцлеру, своему давнему врагу еще с 1660-х гг. [58]. Он обвинял Гнинского в неконтролируемых тратах казенных средств, идущих якобы на содержание в Стамбуле С. Проского («берут на него сколько хотят») и миссию в европейские столицы сына подканцлера, черниговского воеводы Яна Гнинского-младшего. Все эти дипломатические акции были предприняты по прямому указанию Ян III, который, несомненно, и способствовал усилению позиций одного из его самых доверенных лиц. Все обвинения воеводы в адрес Гнинского-старшего в действительности были направлены против польского короля.

Гжимултовский, однако, считал, что на будущую военную кампанию Речи Посполитой необходимо привлечь в антитурецкую коалицию Москву, с которой турки, как ему было известно, также ведут переговоры. «Ja nie zazdroszczę nikomu, ale jeżeli to dobra polityka, zatrudniać tak potrzebną negocyacyę, którą i Moskwa radziby zwlekli, na nasze dalsze oczekując sukcessy» **, — недоумевал воевода [59].

Царским указом от 6 ноября (27 октября) 1683 г. на комиссию в Андрусово были назначены: ближний боярин, наместник астраханский князь Яков Никитич Одоевский (глава делегации); ближний боярин, наместник суздальский И.В. Бутурлин; боярин, наместник коломенский князь Михаил Григорьевич Ромодановский; ближний окольничий, наместник муромский И.И. Чаадаев; окольничий, наместник курмышский И.А. Желябужский; думный дьяк Иван Саввинович Горохов и дьяк Василий Постников [60]. Эскорт русских послов был довольно внушительным — в Андрусово с ними был направлен стрелецкий полк Ильи Дурова [61].

Русская делегация также не успевала в Андрусово к назначенному сроку. Чтобы не дать польско-литовским комиссарам повода для обвинения России в затягивании переговоров, двое членов русской делегации, И.А. Желябужский и дьяк И.С. Горохов, выехали из Москвы 7 ноября (28 октября), раньше остальных послов. Из Посольского приказа им было дано «обрасцовое писмо», которое они должны были, прибыв в Смоленск, послать польско-литовским комиссарам якобы

---

* «Покажет время на сейме, даст Бог — высший судья деяний человеческих, кто хороший, а кто плохой».

** «Я никому не завидую, но разве это правильная политика препятствовать так необходимым переговорам, которые и Москва рада бы была затянуть, чтобы подождать наших дальнейших успехов».

от себя с просьбой проинформировать их о готовности договариваться о времени съезда. Остальные послы, сообщалось в «обрасцовом писме», «за нынешним осенним наступающим временем так скоро поспешить не возмогли»[62]. Желябужскому и Горохову было приказано ехать «с поспешением» и иметь «о съезде с польскими послы обсылки до назначенного сроку <...> (т. е. 18 (8) ноября. — *К. К.*) чтоб с нашие великих государей стороны и потому договору было исполнено», — констатировалось в царском указе[63]. Однако известия, собираемые Посольским приказом, были успокоительными для Москвы — польско-литовские комиссары также опаздывали. 5 ноября (26 октября) 1683 г. слуга М. Огинского А. Константинович привез в Смоленск письмо (от 7 октября, из Вильно) литовских комиссаров — самого Огинского, Я.К. Кердея, Ц.П. Бжостовского. Они спрашивали о времени прибытия на границу русских дипломатов и просили «на зло не толмачить» свое возможное опоздание. Константинович сообщил, что из Вильно М. Огинский выехал в Минск, Бжостовский — в Шевлевичи, королевскую экономию на Жмуди. При этом литовские комиссары, по словам А. Константиновича, договорились к концу октября съехаться в имение М. Огинского Дубровну[64]. Н.М. Краевский в ноябре 1683 г. писал по этому поводу в Посольский приказ более определенно, что перед Андрусовской комиссией «комиссарам де литовским наперод бить на комисию к князю Огинскому»[65]. Видимо, встреча в Дубровне была необходима литвинам, чтобы без участия коронных дипломатов выработать собственную тактику на будущих переговорах. Однако состоялась эта встреча или нет, неизвестно.

12 (2) ноября русские послы были у царской руки. Однако выезд посольства был отложен, видимо, после получения известий о неготовности к переговорам польско-литовской стороны. Только 7 декабря (27 ноября) послы имели торжественную аудиенцию «вверху» у царей и Софьи и в тот же день выехали в Смоленск. Проводы послов были обставлены очень торжественно, что свидетельствовало об особом значении, придаваемом в Москве грядущим переговорам. «Великие государи их царское величество имея на всех содетеля Господа нашего Исуса Христа и на пречистую его Богоматерь надежду изволили из своих государских хором отпустить с <...> послы образ знамения пресвятые Богородицы и проводили тот пресвятые Богоматери образ <...> до соборные церкви». Здесь патриарх Иоаким «с митрополиты и со архиепископы и со всем освященным собором той пресвятые Богоматери образ кадил благоуханием», после чего цари «изволили <...> к тому образу прикладыватца», а патриарх благословил русских дипломатов. Образ был препровожден на двор Я.Н. Одоевского[66]. Однако 7 декабря (27 ноября) из Москвы выехали только Одоевский и М.Г. Ромодановский, тогда как И.В. Бутурлин и И.И. Чаадаев, как об этом свидетельствуют документы Посольского приказа, задержались в Москве[67]. Скорее всего, оба опытных дипломата остались для участия в составлении наказа[68].

Вряд ли Я.Н. Одоевский, сын знаменитого боярина Никиты Ивановича, и М.Г. Ромодановский, сын прославленного военачальника, были в составе посольства всего лишь декоративными фигурами. В то же время не исключено, что В.В. Голицын хотел ограничить их влияние на подготовку переговоров. Возмож-

но, что Одоевский и Ромодановский вошли в состав русского посольства как представители боярской оппозиции правительству царевны и канцлера.

Желябужский и Горохов, следуя царскому указу, 17 (7) ноября, не доезжая до Смоленска, из села Стрелок выслали польским послам грамоту. 20 (10) ноября они прибыли в Смоленск, а 26 (16) получили ответное письмо (датированное 24 ноября) от польских комиссаров — К. Гжимултовского, А. Гембицкого, каштеляна жарновского Мартина Хоментовского и калишского хорунжия Александра Пшиемского, сообщавших, что те уже в Кадино и что вскоре ожидается и прибытие литовских комиссаров. По словам же привезшего письмо смоленского рейтара, о прибытии литовских комиссаров еще ничего не известно, а к М. Огинскому послан в Минск нарочный, «чтоб ехал скорее»[69]. 1 декабря (21 ноября) Желябужский и Горохов получили второе письмо (от 28 ноября) от польских дипломатов, извещавших, что «на месте, к договором назначенном, еще нет никого, с тоскою дожидаемся, понеже уже неделя проходит, как зде обретаемся». Оба письма русские дипломаты переслали в Москву, где от имени всех членов русского посольства для польских комиссаров был составлен ответ (датированный 12 (2) декабря), который подписали Чаадаев и Бутурлин, все еще находившиеся в столице, после чего эта грамота была выслана Я.Н. Одоевскому. Главе посольства отводилась во всем этом деле самая пассивная роль — он должен был только лишь подписать ее и отправить в Мигновичи — Желябужскому и Горохову, что он и сделал 14 (4) декабря, находясь в Смоленске. В письме задержка русского посольства объяснялась осенней распутицей[70].

Следует отметить, что В.В. Голицын благоволил к И.И. Чаадаеву. По «словесному указу» канцлера 18 (8) декабря в Ямской приказ была отпущена память, согласно которой муромскому наместнику «для многих ево частых посылок и для нынешнего бездорожного пути» было велено дать дополнительно 15 подвод «с санми и с проводники» от Москвы до Мигновичей и обратно, причем отмечалось, что «иным ево братьи то не во образец»[71].

Упреки польских комиссаров в связи с опозданием русских дипломатов были не более чем дипломатической уловкой. К концу ноября в Кадино были только коронные члены польско-литовского посольства — М. Хоментовский (он приехал самым первым), К. Гжимултовский, А. Гембицкий и А. Пшиемский, да и те все еще не получили необходимых полномочных грамот и потому решили не настаивать на скором прибытии русской делегации[72]. Вместе с тем польских дипломатов насторожило полученное А. Константиновичем от задержанного в Смоленске российскими властями Я. Окрасы известие, что в Москве якобы находится турецкий посланник[73]. М. Огинский раздраженно отмечал, что из трех писем, отправленных королю и Я. Гнинскому касательно полномочных грамот, он ни на одно не получил ответа[74]. Тон писем главы польско-литовской делегации становился все более тревожным. К. Гжимултовский считал, что турки ведут важные переговоры о союзе с Москвой. «I już puścili ten głos Moskwa, że im Turcy Czechrin dawają, żeby z nami wojowali» *, — писал он Б. Сапеге. К этому добавлялись дошедшие до воево-

* «А уже пустила Москва слух, что им турки Чигирин дают за то, чтобы с нами воевали».

ды слухи о начале сепаратных переговоров о мире между Веной и Стамбулом. Заключение такого мира, по мнению Гжимултовского, грозило Речи Посполитой катастрофой: турки отомстили бы за поражение под Веной и за потерю Эстергома. Кроме того, воевода познанский опасался разрыва Австрией союзного договора, если Речь Посполитая не откажется от поддержки И. Тёкёли. «Obaczymyż jeżeli tak ochotnie przybiegną Niemcy nam do pomocy, jako król jmc <...> biegł pod Wiedeń» *, — иронизировал воевода. По словам Гжимултовского, еще в июле по его предложению Ян Собеский пытался добиться от Вены присылки посольства для переговоров о союзе в Москву как раз к началу русско-польских переговоров в Андрусово. Опоздание же австрийского посольства даст России повод затягивать переговоры и избежать участия в кампании 1684 г. [75].

Опасения познанского воеводы не были беспочвенными. В январе 1684 г. нунций О. Паллавичини доносил в Рим о полученной двором депеше С. Проского, в которой тот сообщал, что османы очень раздражены участием польских войск в освобождении Вены и визирь намерен дать полякам генеральную битву в ходе будущей кампании [76]. 17 декабря К. Гжимултовский направил с неким секретным поручением к Б. Сапеге А. Гембицкого [77]. Видимо, тесно связанные между собой оппозиционеры (в одном из писем К. Гжимултовский называет Б. Сапегу «приятелем» [78]) планировали какие-то контрмеры в отношении двора в связи со сложившейся ситуацией. Коротая время в Кадино, Гжимултовский занимался не только интригами против королевского двора, но и пытался наметить и предложить свою линию взаимоотношений с Россией. По-прежнему заявляя, что он — сторонник мира с Портой и войны с русскими, которые причинили Речи Посполитой гораздо более вреда чем турки, и являются к тому же более слабым соперником, познанский воевода в тоже время признавал, что его предложение начать войну с восточным соседом, с которым он выступал на недавно прошедшем сейме, утратило свою актуальность в связи с началом польско-австро-турецкой войны и заключением союза Речи Посполитой и Австрии. Теперь, считал К. Гжимултовский, Речи Посполитой следует заключить Вечный мир с Россией, без которого любые союзные соглашения с этой страной останутся мертвой буквой. Он доказывал, что в результате Речь Посполитая получит действенную помощь в виде московской пехоты и казаков, а также спокойствие на восточной границе. Вместе с тем глава польско-литовской делегации полагал, что многие прежние нарушения Москвой польско-литовских договоров и соглашений дают Речи Посполитой полное право отказаться от Вечного мира тогда, когда она сочтет это выгодным, в т. ч. и после победы над турками. Он выражал уверенность, что «домашние заварухи» в Москве утихнут не скоро, и у республики будут еще возможности воспользоваться ими. Поэтому, настаивая на скорейшей присылке необходимых, согласно инструкции, окончательных королевских указаний по заключению договора, воевода предостерегал «от излишнего и упорного торга» на переговорах, который может погубить дело союза. Одновременно Гжимултовский тешил себя надеждой, что при заклю-

* «Посмотрим, так ли охотно придут немцы нам на помощь, как спешил король под Вену».

чении Вечного мира, польско-литовским дипломатам все же удастся «выторговать» у русской стороны часть земель, «добытых кровью предков». Все эти мысли познанский воевода изложил в направленном из Кадино мемориале на имя короля, к которому приложил перечень «неправд», причиненных русскими Речи Посполитой начиная с 1618 г.[78а].

Стоит отметить, что вышеприведенные рассуждения и предложения Кшиштофа Гжимултовского не содержали тех заведомо невыполнимых, спекулятивных деклараций по поводу русско-польских отношений, которые познанский воевода использовал в своей полемике с двором в конце декабря. В целом мемориал отражал ту позицию, которую польско-литовская дипломатия заняла в отношении России в конце 1683 — начале 1684 г.

Очередной толчок развитию событий вокруг предстоящей Андрусовской комиссии дало прибытие из Смоленска Я. Окрасы. 25 и 28 декабря Гжимултовский разразился сразу несколькими письмами, адресованными канцлеру Я. Велёпольскому, М. Огинскому, киевскому епископу Анджею Залускому, Б. Сапеге, великому коронному маршалку Станиславу Гераклиушу Любомирскому[79]. В них, помимо старых нападок на коронного подканцлера, появились новые, более серьезные обвинения. Воевода утверждал, что первоначально все затруднения с получением необходимых документов для ведения переговоров он приписывал тому, что Гнинский норовит, вопреки праву, присвоить себе властные функции, возложенные на самых разных людей, и потому не справляется со всеми взятыми на себя обязанностями. Однако возвращение из Москвы Я. Окрасы «открыло» познанскому воеводе глаза на истинную подоплеку действий подканцлера, который с В.В. Голицыным «o prowincje Rzptej sekretnie przez listy traktuje» *. «Radbym się tego nauczył, — патетический вопрошал Гжимултовский, — qua autoritate jm. convellit sancita Rzptej et fidem nas, tak wielu komisarzów, od Rzptej do traktatów z Moskwą destinowanych vocat in dubium; o tym się pytać nie trzeba, dla czego? Bo się tego snadno każdy domyślić może, ale tylko pytam, qua autoritate?» **. Обвиняя Гинского в подготовке втайне от Республики посольства в Москву, Гжимултовский определенно намекал и на стоящего за его спиной Яна Собеского. Познанский воевода считал, что действия подканцлера дадут возможность России затянуть переговоры с Речью Посполитой и в итоге та останется и без военной помощи на будущую кампанию, и без восточных земель, возвращения которых, и в этом Гжимултовский не сомневался, ему вместе с коллегами удалось бы добиться на переговорах в Андрусово[80].

М. Огинскому воевода познанский сообщал: «Jmp. Okrasa powrócił, doniósł, że miał od jm. ks. podkanclerzego suasorias do Galiczyna, aby ten traktat koniunkciej nie na komisiej, ale przez osobne poselstwo na stolicy mógł być odprawiony, co bardzo,

---

* «о провинциях Речи Посполитой ведет секретные переговоры через письма».

** «Хотел бы я дознаться, чьей властью его милость низвергает законы Речи Посполитой и на нашу честь, стольких комиссаров, назначенных Речью Посполитой на переговоры с Москвой, навлекает сомнение. О том и спрашивать не надо почему? О том каждый легко сам додуматься может, я же только спрашиваю, чьей властью?»

widział p. Okrasa, podobało się Galiczynowi...»* [81]. Переговоры В.В. Голицына и Я. Окрасы якобы прошли с глазу на глаз в особой комнате, куда пригласил польского посланника русский канцлер [82].

Воевода считал поступок Я. Гнинского более преступным по отношению к Речи Посполитой, чем действия подскарбия А. Морштына. Последний, по его словам, всего лишь писал письма «в цифрах» французскому королю, в которых толком неизвестно, что содержится [83], тогда как подканцлер покушается на святая святых — политический строй и законы Речи Посполитой. Познанский воевода намекал на готовящееся установление единовластия «одной головы» — короля [84]. Чтобы разоблачить «преступные» планы Я. Гнинского и того, «чьей властью» он действовал, — т. е. Яна Собеского, Гжимултовский даже собрался приехать на ближайшую конвокацию сената в Кракове и выступить там, призывая коронного канцлера поддержать его позицию. Воевода считал, что теперь он, тщательно изучив как старые русско-польские договоры, так и «свежую» информацию и свидетельства знающих Россию людей, вполне мог бы составить конкуренцию Я. Гнинскому в «московских делах» [85]. Активно противодействовать «преступным» планам Я. Гнинского, «топчущего» честь и достоинство комиссаров, познанский воевода призывал и С.Г. Любомирского. В письме к нему он высказал также опасения, что союзу с Австрией серьезно может навредить ожидавшийся приезд в Речь Посполитую маркиза Франсуа де Бетюна, для которого уже «готовят покои» в краковском замке [86]. Это соображение познанского воеводы отражало общую тенденцию в рядах оппозиции, которая, опасаясь возобновления тесных отношений французского и польского дворов, начинала искать сближения с Австрией.

В письме к Б. Сапеге Гжимултовский обвинял коронного подканцлера в намерении накликать разорительную для Литвы новую войну с Россией, призывал сапежинскую «партию» активнее вмешиваться в «московскую» политику двора. Воевода познанский выражал недовольство, что литовский подканцлер Доминик Радзивилл (сторонник Яна Собеского) позволил своему коронному коллеге захватить в свои руки дела, всегда находившиеся в компетенции литовской канцелярии, и не ответил ни на одно из четырех писем К. Гжимултовского [87].

На известия, привезенные Я. Окрасой из Смоленска, откликнулся и М. Огинский. Если для познанского воеводы покушение коронного подканцлера на компетенции литовских канцлеров в значительной мере было только поводом для нападок на двор, то будущего литовского канцлера это встревожило, несомненно, более серьезно. В письме Б. Сапеге он дал волю недовольству инициативой двора, возмущаясь игнорированием Литвы. «Zastanowiwszy się nad tym uważać w.m. pan możesz jaki przez to zawód Rzeczypospolitej, zmarnowanie czasu, a oraz W.Ks.Lit. ogromna szkoda, gdyby jeden poseł koronny w najważniejszej sprawie i o tylu stratach W.Ks.Lit. miał traktować bez posła W.Ks.Lit. I luboby i ten był przydany, co za

* «Пан Окраса возвратился, сообщил, что передал В.В. Голицыну предложения подканцлера заключить договор о союзе не на комиссии, а через специальное посольство в столицу, это, как заметил пан Окраса, очень понравилось Голицыну».

bezpieczeństwo, kiedy takowy traktat powagą wszystkich stanów ma być stanowiony. Jako to źle!»*. М. Огинский считал категорически недопустимым направлять в Москву не только послов, но и грамоты без санкции литовских канцелярий, что являлось с незапамятных времен их прерогативой. «O nas tu chodzi, dla Boga zabiegać temu trzeba!»**, — заклинал он литовского подскарбия. Тем не менее будущий литовский канцлер допускал возможность посольства как такового, но при обязательном участии литовского посла (это принципиальное расхождение К. Гжимултовского и М. Огинского по вопросу посольства в Москву проявилось и в ходе самих Андрусовских переговоров), и в случае, если двор не переменит своего решения относительно посольства, выражал готовность представлять в его составе интересы Литвы. Троцкий воевода обвинял Корону, что она не учитывает интересов Великого княжества в отношениях с Москвой: «...zawsze ich mm. panowie koronni zwykli kupować z korzyścią onych pokój; którym idzie o Kijów, o Zadnieprze, pewnie ani o Smoleńsk, ani o Starodubowszczyznę dbać nie będą»*** [88].

По мнению троцкого воеводы, вред якобы готовившегося двором посольства состоял не только в том, что его возможный глава должен был представлять только Корону, но и в том, что оно было предложено Москве уже после заключения договора о проведении комиссии в Андрусово, что ставило под удар достигнутые договоренности и наносило сильный ущерб престижу Речи Посполитой в глазах руководителей русской внешней политики. Тем более что сейм все равно не утвердил бы такой договор. По мнению М. Огинского, миссия Я. Окрасы могла спровоцировать только проволочки в переговорах о союзе, что было выгодно для российской стороны. «Inna zaś okoliczność położenia naszego, która wymaga przyspieszenia prędkiego i najpotrzebniejszego przymierza obronnego z Moskwą. *A to pewniej być nie może, jeno na podstawie traktatu wiecznego pokoju, gdy przez przymierze obronne chcą i usiłują wieczny pokój kupić* (курсив мой. — *К. К.*)»****, — писал будущий литовский канцлер [89].

В российских источниках переговоры русских дипломатов с Я. Окрасой не представлены как «секретные», нет оснований не доверять и сообщению об их результатах — отказе России принять королевских послов, поскольку жизненно важ-

---

* «Рассуждая над этим, можешь, ваша милость, понять какой из этого обман Речи Посполитой, потеря времени, а Великому княжеству Литовскому — огромный вред, когда один коронный посол о наиважнейшем деле и о стольких утратах ВКЛ должен был бы вести переговоры без литовского посла. И даже если бы и тот был придан, какая уж тут безопасность, когда такой договор должен быть утвержден всеми властями Речи Посполитой. Как же это плохо!»

** «Речь идет о нас, ради Бога этому необходимо воспрепятствовать!»

*** «...всегда их милости господа коронные привыкли покупать мир с выгодой для себя, их волнует Киев и Заднепровье, ни о Смоленске же, ни о Стародубщине наверняка заботиться они не будут». (Стародубский повет был частью Смоленского воеводства. — *К. К.*)

**** «Совсем иные обстоятельства нашего положения, которые требуют как можно скорейшего [заключения] столь необходимого оборонного союза с Москвой. А произойти это может не иначе как на основе договора о Вечном мире, когда за оборонный союз хотят и пытаются купить Вечный мир».

ный для московского правительства вопрос о «провинциях» Ян Собеский предлагал не рассматривать на переговорах о союзе, а оставить комиссарам для обсуждения в Андрусово. Не высылая комиссарам полномочных грамот, двор препятствовал проведению комиссии, и, возможно, Собеский не прочь был взять «московские дела» целиком в свои руки. Сам Окраса также ничего не писал о согласии В.В. Голицына на переговоры в Москве, излагая лишь общие соображения о желании России присоединиться к союзу и советуя задержать австрийских послов у Яна Собеского до своего возвращения. Впрочем, польский посланник по прибытии к королевскому двору обещал дополнительно учинить устную «реляцию»[90]. К. Гжимултовский несомненно знал о неудаче миссии Окрасы, но намеренно сгустил краски, используя сложившуюся ситуацию для борьбы с попытками польского короля в очередной раз усилить свое влияние на внешнюю политику польско-литовской шляхетской республики и организации широкомасштабной антидворской акции. «Голова», которая «хочет всем управлять», поправ права и законы Речи Посполитой, — это, конечно же, не коронный подканцлер Я. Гнинский, а польский король Ян Собеский.

То, что грядущие переговоры с Россией стали очередным поводом для столкновения двора и оппозиции, было очевидно современникам. Витебский воевода Ян Антоний Храповицкий 31 декабря 1683 г. записал в своем «Дневнике»: «...*ode dworu* (курсив мой. — *К. К.*) X. podkanclerzy kor. pisal do pana Okrasy posłanika do Moskwy — iżby perswadować Galliczynowi aby nie przez kommissyą ale osobliwe poselstwo na stolice to dzieło odprawowało się o czym PP. kommissarze zjechawszy się do Mohilowa mają radzić kogoby wysłać do Jkrmści»*[91]. Съезд этот в Могилеве состоялся, судя по месту отправления писем К. Гжимултовского, в конце декабря. А в начале января 1684 г. польские дипломаты в послании королю достаточно сдержанно заявили о том, что переговоры Я. Окрасы могут воспрепятствовать выполнению их миссии. Они просили официально оповестить В.В. Голицына, что все вопросы касательно Вечного мира между Россией и Речью Посполитой могут быть рассмотрены только на пограничной комиссии, решение о проведении которой утверждено всей Речью Посполитой. Допуская в принципе возможность ведения переговоров о союзе с Россией в Москве, комиссары верно отмечали, что русские никогда на них не пойдут, поскольку увязывают заключение союза с Вечным миром[92].

Двор без промедления отреагировал на интриги К. Гжимултовского. Уже 12 января 1684 г. в Кракове прошла рада сената с участием львовского архиепископа Константина Липского, краковского архиепископа Яна Малаховского, луцкого архиепископа Станислава Витвицкого, киевского архиепископа Анджея Залуского, каменецкого архиепископа Станислава Военьского, львовского каштеляна и генерала артиллерии коронной Мартина Контского, хелмского каштеляна Владислава Лося, литовского маршалка Юзефа Слушки. Сенаторы, среди которых не было

---

* «...от двора кс[ендз], кор[онный] подканцлер писал к посланнику в Москву Яну Окрасе, чтобы он убеждал Голицына не на комиссии, а через специальное посольство в столице то дело проводить; по поводу чего паны комиссары, съехавшись в Могилев, должны решить, кого бы послать к королю».

никого из активных оппозиционеров, рассмотрели итоги миссии Я. Окрасы и обсудили связанные с ней письма Гжимултовского. В королевских пропозициях упор делался на официальный характер поездки Я. Окрасы как составной части кампании, предпринятой сразу после битвы под Веной и заключавшейся в рассылке подканцлером Я. Гнинским «по воле» Яна Собеского писем к европейским правителям и персидскому шаху с объявлением о «великой победе» над «погаными» и призывом к скорейшему присоединению к антиосманскому союзу христианских держав. Аналогичные предложения были адресованы и «северным монархам», от которых, как отмечалось, во многом зависел дальнейший ход войны против Порты, чтобы «поддержать» проведение назначенной с этой целью русско-польской комиссии. Подканцлер якобы даже не знал, кто в Москве «самый могущественный министр», и в своем письме к этому министру только лишь просил пропустить в Персию польского гонца. Никаких задач подготовки переговоров относительно «провинций» Речи Посполитой, удерживаемых Москвой, через специальное посольство в русскую столицу, минуя пограничную комиссию, Я. Окраса якобы не имел, а все подобные обвинения К. Гжимултовского объявлялись надуманными.

В доказательство сенаторам были предъявлены вышеупомянутые письма К. Гжимултовского к разным сенаторам, письмо Я. Гнинского В.В. Голицыну от 20 сентября 1683 г., а также письмо Я. Окрасы Я. Велёпольскому. Собравшиеся сенаторы признали правоту королевских «предложений» и осудили интриги познанского воеводы[93].

Позиция короля и Я. Гнинского лишь отчасти отражала действительное положение вещей. На самом деле Ян III планировал послать в Москву послов без ведома комиссаров, однако, судя по предложениям Я. Окрасы, территориальных вопросов польская сторона в ходе будущих московских переговоров касаться не желала, что и стало причиной отказа России принять посольство.

V. Большое значение для выяснения позиций сторон накануне переговоров имеют инструкции, данные каждой из делегаций. Инструкция для комиссии с Россией была составлена на Гродненском сейме 1678–1679 гг., а сорванный сейм 1681 г. утвердил дополнение к ней или «supplement warszawski», который и получил познанский воевода по пути в Кадино[94]. Согласно Гродненской инструкции Речь Посполитая была готова заключить Вечный мир с Россией, отказавшись от того, «co accessit przez pacta polanowskie jure belli ad Rempublicam» *, т. е. от Северской земли и Смоленщины, присоединение которых к Польско-Литовскому государству было окончательно закреплено «вечным миром» 1634 г. Однако заключение мира на таких условиях было обставлено множеством предварительных требований (освобождение всех еще не освобожденных пленных, в т. ч. крестьян, возврат захваченных на территории Речи Посполитой во время войны колоколов, пушек, актовых книг, религиозных святынь, свобода католического вероисповедания на уступленных России землях, полное соблюдения союзных статей и др.), заведомо невыпол-

* «что Республика получила по праву завоевания на основе поляновского договора».

нимых для русской стороны, что делало нереальным даже само обнародование этих уступок. Утопичность своих запросов понимала и польско-литовская дипломатия — в инструкции отмечалось, что Москва, продлив со шляхетской республикой перемирие в 1678 г. на тринадцать лет, вряд ли будет склонна возвратить какие-то территории. Поэтому все надежды на то, что у русских удастся «выторговать» хотя бы часть «захваченного» связывались с будущими русско-польскими переговорами, когда срок перемирия будет подходить к концу[94а]. Текст «супплемента варшавского» неизвестен. По свидетельству К. Гжимуловского, он содержал 11 пунктов, определявших уступки, на которые комиссары могли соглашаться и которые они могли предлагать русским послам только после получения согласия короля по каждой в отдельности. Познанский воевода резонно замечал, что в случае соблюдения такой инструкции переговоры пришлось бы вести полтора года[95]. В другом письме он отмечал, что последнее слово об условиях договора с Россией оставалось за королем, который должен был давать указания комиссарам: «...w instrukcji królowi jmc. dana bezwzględna moc stanowiska co się będzie zdało» * [96]. В соответствии с этими предписаниями польско-литовские дипломаты и действовали на переговорах.

Официальная реляция К. Гжимултовского содержит более конкретную информацию относительно содержания инструкции 1681 г. Когда витебский воевода Я.А. Храповицкий писал главе польско-литовского посольства, что он против каких-либо территориальных уступок в сторону России, К. Гжимултовский ответил ему, «że się podpisał (Я.А. Храповицкий. — *К. К.*) na instrukcję, która *pozwala avulsionem wszystkich provinciarum, które Moskwa wzięli* (курсив мой. — *К. К.*)» **. На это, по свидетельству Гжимултовского, Храповицкий в очередном послании оправдывался, что если он и поставил свою подпись под документом, то сделал это не зная, о чем в нем конкретно идет речь[97]. В другом месте своей реляции познанский воевода, досадуя на отсутствие королевских указаний относительно уступок в сторону России, отмечал, что без них нельзя было «nie tylko pokoiu *z oddaniem tak wielkich prowincyi zawierać* (курсив мой. — *К. К.*), ale ani do najpierwszego przystąpić gradum» *** [98]. Эти чрезвычайно важные для нас откровения К. Гжимултовского свидетельствуют, что планы заключения Вечного мира с Россией на условиях уступки всех присоединенных ей по Андрусовскому перемирию земель существовали в Речи Посполитой задолго до 1686 г. и даже еще до начала войны с Османской империей. Более того, планы эти были утверждены сеймом 1681 г., несмотря на наличие многочисленных противников такой инструкции среди польско-литовских магнатов и шляхты. Сам воевода познанский жаловался, что его — известного противника мира с Россией вместе с познанским епископом С. Вежбовским депутаты, назначенные сеймом для составления инструкции, «предосте-

* «...в инструкции его милости королю даны полномочия действовать в соответствии с обстоятельствами».

** «что подписал инструкцию, которая позволяет уступить все провинции, которые русские захватили».

*** «не только мира с отданием столь больших провинций заключить, но и к самой первой уступке приступить».

регали» от участия в ее написании. Более того, инструкция даже не была «доложена» королю, а многие сенаторы, подписавшие этот документ, впоследствии протестовали против его содержания[99]. Это подтверждается и январским письмом Яна Собеского польско-литовским дипломатам. Польский король, от которого комиссары Речи Посполитой требовали указаний по ведению переговоров, сообщал, что «ani Grodzieńskiej i ani sejmu zerwanego instructiej nie jesteśmy wiadomi, a nawet nie pamiętamy, jeżeli je nam prezentowano» *. Гродненская инструкция была обнаружена в бумагах канцлера Кшиштофа Паца, умершего в январе 1684 г., а «суплемент варшавский» хранился в малой коронной канцелярии. Оказалось, что обе инструкции значительно различались по содержанию: одна (1679 г.) предусматривала заключение Вечного мира только на условиях возвращения Россией всего завоеванного, другая (1681 г.) — возможность признания за царем всех удерживаемых с 1667 г. территорий, хотя и лишь путем постепенных уступок в ходе переговоров с русскими дипломатами[100].

Можно вполне определенно утверждать, что инструкция, предусматривавшая сохранение за Москвой андрусовских приобретений, была составлена под прямым давлением Пацов и их сторонников на сейме 1681 г. Однако она не отвечала интересам Собеского. Поэтому не исключено, что польский король лукавил, заявляя, что ничего не знает ни об инструкции 1679 г., ни о «супплементе варшавском». Такая позиция позволяла ему, с одной стороны задержать начало нежелательной для него Андрусовской комиссии, с другой — выдвинуть новые требования к России, более соответствовавшие в данный момент интересам Речи Посполитой.

На собравшейся в Кракове 3 января 1684 г. раде сената был поставлен вопрос о содержании инструкции для польско-литовских дипломатов в Андрусово. Причем в senatus consulta отмечалось, что инструкция была составлена комиссией сейма 1681 г.[101]. Ян Собеский же в своем письме комиссарам Речи Посполитой утверждал, что в присутствии сенаторов были прочитаны обе инструкции. «Rozumiemy o tym wziąć medium inter duo extrema» **, — писал Собеский в Кадино[102]. В решении же рады сената констатировалось, что Речь Посполитая находится ныне в более благоприятном положении, поэтому на переговорах комиссарам следует настаивать в первую очередь на заключении антиосманского союза: «Ponieważ pro illo tempore inna była facies rerum, teraz zaś za szczęśliwą manciductią JKM meliore loco posita Respublica, tedy napisać do wiel[możnych] commissarzów, aby wprzod o coniunctiej traktowali, i dopiero po rzetelnem onejże umówieniu, ad gradus, w tejże Instructiej contentos przystąpili quia jednak notitia et assensu JkrMci» *** [103].

---

* «ни о гродненской, ни об инструкции с сорванного сейма мы не осведомлены, и даже не помним, чтобы они были нам представлены».

** «Думаем выбрать середину из двух крайностей».

*** «Поскольку в тех, иных обстоятельствах [такая инструкция] была в порядке вещей, а теперь благодаря счастливому руководству его королевской милости позиции Речи Посполитой улучшились, то написать вельможным комиссарам, чтобы сначала о союзе договаривались и только по достижению о нем надежного соглашения к уступкам, в той же инструкции содержащимся, приступали, известив короля и заручившись его согласием».

Так или иначе, но Речь Посполитая под влиянием успешных военных действий на антиосманском фронте в 1683 г. решила ужесточить свою позицию на переговорах с Россией. Известия о сокрушительных поражениях турок, по расчетам польско-литовских правящих кругов, должны были сделать Москву, пережившую недавно внутриполитический кризис, более уступчивой. Кроме того, после смерти в январе 1684 г. литовского канцлера К. Паца Собеский мог уже не опасаться пацовской «партии», выступавшей за мир с Россией на условиях признания русско-польской границы 1667 г., тем более что продолжателя их линии М. Огинского двор всячески пытался привлечь на свою сторону, в т. ч. и обещая ему отдать освободившуюся большую литовскую печать. Проявляя «твердость» в отношениях с Москвой, Ян III мог рассчитывать на понимание и главы посольства К. Гжимултовского, несмотря на принадлежность того к оппозиционным кругам. Однако характерное замечание Яна Собеского, что он решил выбрать из двух крайностей середину, свидетельствует, что на некоторые уступки Речь Посполитая все же была готова пойти.

Подтвердить эти воззрения польско-литовской политической элиты должны были и сведения о настроениях правящих кругов в Москве, которые мы находим в уже упоминавшемся письме Я. Окрасы Яну Велёпольскому. Правители России, «w tak wielkiej trwodze są, usłyszawszy o tych wiktoriach Króla Jm. nad wojskami tureckimi i fortec wiele odebranych i obawiają się, żeby pokoju Król Jm. nie zawarł z Portą, a do nich wojny nie wprowadził, — сообщал посланник, уведомляя канцлера и о нестабильной ситуации в самой России: — a co większa, że i między sobą codziennego spodziewają się zamieszania, gdyż nietylko strzelcy, ale i pospolstwo na przeciwko bojarom, na to się zanosi gorsze, niż tak roku było krwi rozlanie». Из всего этого Я. Окраса делал вывод о слабости России в настоящий момент: «Mamy ich teraz w ręku i jak zechce, może ich zażyć Król Jm.» *. Собранные посланником сведения давали ему основания думать, что привлечь Россию в союз будет легко [104]. Однако именно в этом польский дипломат ошибся. Оценки Я. Окрасы скорее выдавали желаемое за действительное.

Дипломаты Речи Посполитой, находившиеся в Кадино, вообще выражали уверенность, что победы короля под Веной и в Венгрии спутали московские планы. Узнав о них, Россия будто бы немедленно отвела войска, собранные для нападения на Литву. Более того, комиссары доносили королю, что теперь Россия была готова и «conjunctią bardzo favorabilibus in rem Rzpltej conditionibus uczynić i wieczny pokój cum restitutione wielkich prowincji zawierać» **. Серьезным подтверждением этого

---

* «в такой великой тревоге, услыхавши о тех победах короля на турецкими войсками и о множестве крепостей взятых, и опасаются, чтобы мир король не заключил с Портой и против них войны не начал и более того, между собой ежедневно ожидают беспорядков, когда не только стрельцы, но и простонародье против бояр, все идет к тому, что будет кровопролитие, большее, чем в прошлом году... Теперь они у нас в руках, и как захочет может использовать их король».

** «союз очень выгодный для Речи Посполитой заключить и вечный мир учинить на условиях возвращения столь великих провинций».

намерения были, по их мнению, некие царские указы казацким полкам готовиться к нападению на Крым уже этой зимой. Однако самих указов комиссары Речи Посполитой не видели, получив сведения о них из универсалов сына гетмана И. Самойловича (Якова?), которые последний разослал «обывателям», жившим на русско-польской границе[105]. Скорее всего, это была дезинформация, организованная Самойловичем, чтобы усыпить бдительность пограничной литовской шляхты перед планировавшимся захватом Посожских сел, жертвой которой стали и коронные дипломаты, плохо разбиравшиеся в хитросплетениях политики на русско-литовском пограничье.

Приезд Я. Окрасы еще более утвердил польских комиссаров в их мнении относительно позиции России на будущих переговорах. Окраса сообщил, что В.В. Голицын представил ему своего брата (Б.А. Голицына?), который будет командовать походом на Крым. «Co wszystko kombinowawszy nie mogliśmy, jeno nader dobre negocyacyi naszej ominare successus a za tym szcześliwe dokończenie»*, — резюмировали комиссары в своем донесении королю[106].

Однако замыслам польской дипломатии отнюдь не соответствовали планы русского правительства. Согласно составленному в Посольском приказе наказу, русским послам поручалось заключать мир только на таких условиях, «чтоб во ограничении земель быти вечно против того как обои великие государи имеют государства свои под своею государскую державою ныне»[107]. Большая часть наказа была посвящена, однако, не Вечному миру и не союзу, а обоснованию, почему Речи Посполитой до сих пор не возвращен Киев, который Россия согласно Андрусовскому перемирию должна была возвратить еще в 1669 г.[108]. Вопрос этот неоднократно поднимался как в ходе предыдущих, так и последующих русско-польских переговоров, причем каждый раз аргументация русских дипломатов, которую они черпали из составлявшихся для них в Посольском приказе наказов, была схожей.

Для отстаивания своих прав на Киев русская дипломатия использовала османо-польский Журавненский договор 1676 г. Тогда в ходе переговоров османская сторона предлагала включить в него статьи, предусматривавшие помощь со стороны Порты против всех врагов Речи Посполитой. Хотя в подписанный 17 октября в Журавно трактат такие пункты не вошли (по инициативе турок), турецкие дипломаты устно подтвердили готовность султана их выполнить и обещали, что соответствующие статьи обязательно войдут в окончательный мирный договор, подписание которого намечалось с польским послом в Стамбуле. Очень скоро текст Журавненского договора, как предполагает З. Вуйчик, не без помощи бранденбургской дипломатии, попал в Москву. Царское правительство предполагало, что к договору прилагались некие секретные статьи, могущие иметь и антироссийскую направленность. По мнению того же исследователя, эти подозрения нельзя было назвать совершенно беспочвенными, учитывая устные договоренности сторон[109]. В апреле 1677 г. литовский гетман Михал Пац сообщил русскому резиденту в Речи Поспо-

* «Рассмотрев все это, не могли мы не прийти к выводу, что переговоры наши окончатся успешно».

литой Василию Тяпкину, что в случае начала русско-турецкой войны Порта потребует помощи у Речи Посполитой на основе Журавненского договора[110]. Это должно было развеять у Москвы последние сомнения. Интересно, что в 1682 г. в направленных на Украину мемориалах королевский двор твердил, что османы, начиная в 1677 г. боевые действия против русских войск, подталкивали и Речь Посполитую начать войну за возвращение Киева, обещая помощь, но Ян III как истинный христианский государь отказался воевать с христианским государством — Россией[111].

Инструкция выехавшему в Стамбул в 1677 г. польскому послу Я. Гнинскому предусматривала возможность заключения османо-польского союза, но только через 3 года — по истечении срока перемирия с Россией, при условии, что все средства мирного решения территориальных споров сторон будут исчерпаны. Это лишало польские предложения какого-либо практического значения. Одновременно польская дипломатия должна была настаивать, чтобы интересы Речи Посполитой были учтены в будущем русско-турецком мирном договоре. Однако из этих планов ничего не вышло. На соответствующее предложение польского посла реис-эфенди с неслыханной даже для турецкой дипломатии бесцеремонностью ответил Гнинскому что турки «не будут спрашивать, сражаясь с Россией, какие земли польские, а какие — российские, но все, что добудут саблей, станет их владениями <...> Если хотите отобрать свое, — подытожил руководитель османской внешней политики, — пускай придут ваши войска и покажут, что ваше»[112]. В ходе переговоров подканцлера Я. Гнинского с султанским правительством последнее отказалось отстаивать в своих мирных переговорах с Россией польские интересы. Однако в грамоту (ахднаме), посланную от имени султана Яну Собескому, были включены обязательства Польши не помогать врагам султана и Порты — оказать силами крымских татар помощь Речи Посполитой в случае нападения на нее[113]. Фактически это означало заключение военного союза.

Хотя Журавненский договор не был непосредственно направлен против России, само его заключение противоречило букве русско-польского союзнического соглашения от декабря 1667 г. Вместе с тем для польской стороны с заключением мира с Портой союз с Россией терял свою актуальность. По договору шляхетская республика утратила Подолию и почти все Правобережье. Естественно, что в Речи Посполитой решили не предоставлять подлинного текста Журавненского договора русской стороне, что подкрепляло уверенность царского правительства в антироссийском характере некоторых его положений. Даже спустя 10 лет после заключения мира в Журавно, на переговорах о Вечном мире в Москве в 1686 г., русские дипломаты упрекали польско-литовских партнеров, что Журавненский договор «по се время <...> на свет не показано». Они заявляли, что царским послам на Гродненский сейм в 1678 г. была предъявлена некая «выписка» на арабском языке, с которой сенаторы обещали дать список, но потом не дали. Польские послы утверждали, что они получили лишь текст договора на латыни, а арабскую версию османы забрали себе[114].

Отказ Речи Посполитой ознакомить русских с текстом Журавненского мира те использовали в своих целях, заявляя, что согласно договору 1676 г. Речь Посполи-

тая уступила туркам всю Украину вместе с Киевом. Это давало московским дипломатам основание отвергнуть все польские требования о его возвращении и, в свою очередь, претендовать на Правобережье. Под этим же предлогом Москва отказывалась объявлять Речи Посполитой содержание Бахчисарайского договора 1681 г., одновременно выставляя свои территориальные приобретения у Порты в как можно более выгодном свете, нежели это было в действительности[115]. Точно так же поступали и польско-литовские дипломаты, заявляя, в частности, в том же 1686 г., что по Журавненскому соглашению Киев и Правобережную Украину османам никто не уступал, кроме «немногих украинных городов» — Немирова и еще нескольких второстепенных[116].

На самом деле по договорам 1676 и 1678 гг. между Речью Посполитой и Портой Османская империя присоединяла Подолию, земли которой образовали Подольский эялет, а правобережные украинские земли под властью П.Д. Дорошенко, а затем Ю. Хмельницкого переходили под османский протекторат. Речь Посполитая сохраняла за собой лишь Белую Церковь и Паволочь[117]. Отказ Дорошенко от гетманства в пользу И. Самойловича в 1676 г., что фактически означало отказ от протектората Османской империи и признание верховенства русского царя, давал в руки России еще один аргумент для подкрепления ее претензий на Правобережье. В то же время в Москве опасались, что обнародование польско-литовскими дипломатами текста Журавненского договора лишит Россию важного аргумента в споре за Киев и поставит перед необходимостью предъявить текст Бахчисарайского перемирия. Поэтому в наказе посольству Одоевского предписывалось «говорить о списке з жеравенских договоров лехкими розговоры, потому что хотя полские послы подлинных жеравинских договоров и не объявят и списки с них не дадут, и им <...> послом, крепко при том не стоять»[118].

Проблема Киева была тесно связана с русско-польскими отношениями во время войны Османской империи против Речи Посполитой и России в 1672–1681 гг. Москва и Варшава обвиняли друг друга в невыполнении союзнических обязательств, причем обе стороны стремились доказать, что партнер нарушил договоренность первым. Россия указывала, что польские войска, вопреки статьям декабрьского договора 1667 г. о совместном «успокоении» бунтующих казаков, не пришли на помощь царским воеводам на Украине во время восстания гетмана И.М. Брюховецкого в марте 1668 г., не удержали от вторжения на Левобережье П.Д. Дорошенко (в этом случае о его османском подданстве старались не вспоминать). Кроме того, русская сторона обвиняла польского посланника в Крыму в 1670 г. Яна Карвовского в антироссийских интригах. Главным же обвинением было заключение Журавненского мира с османами без участия русской стороны. Речь Посполитая, в свою очередь, обвиняла Россию, что она не оказала помощи при вторжении турок в Подолию в 1672 г. Каждый при этом, естественно, отвергал обвинения в свой адрес, приводя контраргументы.

В наказе, данном направлявшимся на Андрусовскую комиссию 1684 г. русским послам, таких доводов с обоснованием «вероломной» политики польско-литовской стороны было множество. Предусмотрены они были на случай всех возмож-

ных и невозможных заявлений оппонентов. В качестве компенсации за несоблюдение польской стороной союзнических обязательств московские дипломаты выражали готовность «удовлетвориться» Киевом[119]. И наконец, в случае, если бы польско-литовские комиссары продолжали бы упорствовать, требуя возвращения «матери городов русских», послы должны были обвинять их в оскорблении царского величества, объясняя, что город «задержан» в т. ч. и за «нестерпимые досадительства» чести российских государей, о чем в Посольском приказе тщательно собрали выписки из различных польских печатных книг[120].

О заключении с Речью Посполитой военного союза послы не получили четких инструкций. Они должны были только категорически настаивать, что союз может быть заключен одновременно с Вечным миром, а условия союза должна объявить польская сторона. Объединения русских и польских войск в Москве не особенно желали — на подобные предложения русские дипломаты должны были заявлять, что для этого необходимо привлечь в союз французского короля, отдавая себе отчет, что польско-литовские комиссары будут настаивать на том, «чтоб ему (французскому королю. — *К. К.*) в союзе не быть»[121]. Неясные формулировки наказа о союзе не свидетельствовали, что Россия не желала вести на эту тему переговоры. Просто В.В. Голицын до поры до времени не хотел раскрывать карты, в т. ч. и перед направленными в Андрусово русскими дипломатами. В наказе особо было отмечено, что о предложенных польско-литовской стороной условиях союза послы должны немедленно писать в Москву[122]. Для оперативной связи с послами было решено учредить конную эстафету, расположив «по станом добрых ямских лошадей», а «для тех посылок дать в Посольский приказ четырех человек стадных конюхов, которые были лехкие робята а не пьяницы»[123]. Возможно, В.В. Голицын не хотел афишировать в наказе свою позицию относительно союзного соглашения, потому как знал, что она столкнется с критикой в правительстве.

«По прошению» гетмана И. Самойловича в наказ были включены еще несколько положений: 1) требовать перехода под власть России Запорожья; 2) требовать признания за Россией территорий вокруг Киева с местечками Стайки и Треполье, ссылаясь на их принадлежность царской державе по Бахчисарайскому договору; 3) требовать уступки части земель, которыми «из древних лет» владели гетманы Войска Запорожского, принадлежавших Стародубскому полку «к Гомлю городу по речку Сож»; 4) предъявить польско-литовской стороне обвинения в посылке на Левобережную Украину в 1682 г. чернецов-шпионов и В. Искрицкого с целью антимосковской агитации. При этом в качестве доказательства в Москве были готовы прислать самих чернецов на посольский стан в Мигновичи[124].

Подготовка русской дипломатии к Андрусовской комиссии свидетельствовала, что победы союзников над турками произвели в Москве отнюдь не тот эффект, на который рассчитывал польский король. Несмотря на официальные торжества в российской столице по поводу спасения Вены (в церквах были отслужены благодарственные молебны[125]), царское правительство скорее стало опасаться усиления Речи Посполитой, полагая, что в случае скорого заключения выгодного мира с турками польский король мог бы направить свои победоносные войска против

России (о таких настроениях сообщал Я. Окраса), чтобы возвратить утраченные по перемирию 1667 г. территории. Эти соображения заставляли Россию еще тверже стоять на своем.

VI. Желябужский и Горохов прибыли в Мигновичи 9 декабря (29 ноября) 1683 г., в тот же день послав объявить о себе польским комиссарам. 10 декабря (30 ноября) в Мигновичи приехал один из дворян польско-литовского посольства — Кшиштоф Завиша, чтобы узнать, когда прибудут остальные русские послы. Он заявил, что, кроме комиссаров, находящихся в Кадино, в Могилеве находятся каштелян брестский-куявский Спытек Пстроконьский и серадзкий подкоможий Казимеж Запольский, литовские же депутаты пребывают в своих имениях «ближних к посольскому стану». На следующий день комиссары вновь прислали уже другого посланца, шляхтича Леонтия Боровского, упрекая царских послов в опоздании на комиссию. Русские дипломаты отговорились поздним объявлением состава польско-литовской делегации в королевской грамоте. 19 (9) декабря Желябужский и Горохов получили составленный в Москве ответ польским комиссарам и, подписав его, переслали в Кадино. Через два дня польско-литовские комиссары прислали новое послание. Они просили назначить время первого съезда [126]. Однако на самом деле дипломаты Речи Посполитой не спешили встречаться с русскими коллегами, поскольку не имели ни полномочных грамот, ни королевских инструкций [127].

Наконец 5 января они получили полномочную грамоту от польского короля, но и та содержала множество «дефектов». От станов (властей) Речи Посполитой грамоты прислано не было. К королю направили гонца — некоего пана Реута, шляхтича из свиты К. Гжимултовского, с просьбой как можно скорее прислать необходимые полномочные грамоты (соответствующие принятой дипломатической практике) и гродненскую инструкцию. Реут ехал к Яну Собескому также и за указаниями относительно переговоров, которые король должен был дать комиссарам согласно инструкции, но до сих пор этого не сделал. Пока же в качестве полномочной грамоты от Речи Посполитой комиссары намеревались использовать сеймовую конституцию.

Через пару дней после этого в Мигновичи прибыл Я.Н. Одоевский, и в Кадино было передано предложение провести первый съезд 13 (3) января. Польско-литовские дипломаты опять стали тянуть время. Они предложили перенести первый съезд на 17 (7) января, оправдываясь необходимостью дождаться воеводу витебского Я.А. Храповицкого и писаря литовского М. Друцкого-Соколиньского. По свидетельству познанского воеводы, на этом настоял М. Огинский, не желавший начинать переговоры без отсутствовавших литовских комиссаров. Предложение было принято [128].

Накануне начала переговоров К. Гжимултовский по-прежнему подозревал двор в попытках установить контакты с Москвой помимо комиссаров. Еще одним поводом для подозрений послужили грамоты Яна Собеского, которые тот посылал царям после каждого успеха союзных войск в борьбе с турками (в т. ч. и казацко-молдавских отрядов С. Куницкого). Содержание этих грамот оставалось польско-

литовским комиссарам неизвестно. Познанский воевода опасался, как бы переговоры вместо заключения мира не привели к новой русско-польской войне, поскольку он получил информацию, что у русских послов есть «oczywiste dowody, jako im kozaków wbrew umowam buntowano»*. К. Гжимултовский имел в виду события 1682 г. Кроме того, он отмечал, что М. Огинский накануне переговоров занимал более примирительную позицию, нежели коронные дипломаты: «...j.m. pan wojewoda trocki nie życzy z nimi (московскими дипломатами. — *К. К.*) w żadne diskursa wchodzić, my zaś wszyscy koronni przeciwnie, zdaje nam się pożyteczniej z góry zrozumieć ich zamiary»** [129]. В отличие от познанского воеводы, М. Огинский был настроен более оптимистично, считая, что российская сторона действительно желает, чтобы переговоры завершились успешно. Кроме того, он считал, что больше нет необходимости опасаться каких-либо последствий миссии Я. Окрасы и что двор отказался от намерений выслать в Москву посольство. Возможно, троцкий воевода был осведомлен и о результатах переговоров королевского гонца с В.В. Голицыным [130].

Хотя срок первого съезда был уже назначен, из литовских комиссаров к 14 января в Кадино находился только М. Огинский. Вскоре к нему присоединился литовский ловчий Я.К. Кердей [131]. Только к концу февраля прибыл М. Друцкий-Соколиньский [132]. Ни Я.А. Храповицкий [133], ни Ц.П. Бжостовский [134] на переговоры так и не приехали. Коронных комиссаров, из назначенных сеймом, в итоге прибыло шестеро — К. Гжимултовский, М. Хоментовский, А. Пшиемский, К. Запольский, С. Пстроконьский, Я. Коженевский.

В установленный день послы России и Речи Посполитой встретились в съезжей светлице в селе Андрусово [135]. Польско-литовские комиссары немедленно заявили о готовности заключить договор «о промысле против неприятеля креста христова», однако вся их решимость разбилась о протокольные и прочие формальности, на соблюдении которых настаивали русские дипломаты. Полномочная грамота от короля не соответствовала принятым нормам. В ней было написано, что король «примет» договор, который заключат комиссары, тогда как, согласно прецеденту, должно было содержаться обязательство короля утвердить договор присягой. По признанию самих польско-литовских дипломатов, грамота имела «недостаток» и была «писана на малом листу вся чернилы без золота, и то де учинилось для скорого времяни, потому что королевское величество в то время выбирался на войну». Российская полномочная грамота была составлена по всем правилам и, по признанию польско-литовской стороны, сравнивать ее «z naszą plenipotencią wstyd było, bo nie tylko na półarkuszku szpetnym et currenti calamo pisana i w ścisłym miejscu inszym charakterem znacznie ichm pp. komisarzów nomina zapisano i z różnymi mankamentami napisano»***.

---

* «очевидные свидетельства, что казаков подстрекали на бунт вопреки договорам».

** «...его милость пан воевода троцкий не желает с ними в какие-либо диспуты вступать, мы же коронные наоборот, кажется нам, что полезней сразу выяснить их намерения».

*** «с нашей полномочной грамотой было стыдно, поскольку [наша] не только на безобразной половинке листа и обычным пером написана была, но и имена господ комиссаров были вписаны на узком месте совсем другим почерком и с разными ошибками».

Полномочная грамота от Речи Посполитой вообще отсутствовала. Оправдывая ее отсутствие, комиссары стали утверждать, что предоставленные им полномочия от короля достаточны для ведения переговоров. По их словам, полномочия, полученные от республики для проведения двух предыдущих комиссий 1669–1670 и 1674 гг., были необходимы по причине периодов «безкоролевья» 1668–1669 и 1673–1674 гг. А ныне, говорили польско-литовские комиссары, король «счастливо» правит и особая полная мочь от Речи Посполитой несовместима с королевским достоинством. Однако на русских дипломатов эта уловка не подействовала. Польско-литовская сторона уступила и обещала подать необходимые грамоты позднее, прося начать переговоры, «не испуская времени», однако это встретило категорический отказ русских послов. Они даже отказались назначить дату следующего съезда, которая должна была быть установлена через «обсылки»[136]. Правомочность представленной польскими комиссарами в Андрусово верительной грамоты была поставлена под сомнение автором (или авторами) «Компендиума...», содержащего краткий обзор русско-польских переговоров в Андрусово. В нем польская полномочная грамота характеризовалась как «никчемная», содержавшая множество исправлений и ошибок. В составлении такого документа обвинялся литовский подканцлер Д. Радзивилл[137]. Подобная оценка в очередной раз подтверждает факт противостояния двора и оппозиции по поводу переговоров с Россией.

Чтобы добиться продолжения переговоров, не дожидаясь присылки новых полномочных грамот, польско-литовские комиссары решили прибегнуть к очередной хитрости — заявить, что русская полномочная грамота также не отвечает принятым нормам. Претензии дипломатов Речи Посполитой были достаточно мелкими, их главной целью было поставить русских дипломатов в равное с ними положение, лишить их выгодной позиции. С этой целью в Мигновичи 18 (8) января прибыл мечник Великого княжества Литовского Миколай Огинский. Он заявил, что в русской полномочной грамоте отсутствуют имена польских комиссаров, тогда как в предыдущих полномочных грамотах они присутствовали, что нет упоминания о вечном мире и союзе и др.

Русские дипломаты без труда опровергли эти обвинения, объяснив мечнику М. Огинскому, что имен комиссаров не написано потому, что они не были заранее объявлены в королевской грамоте, а о характере договора писать не обязательно, достаточно общих полномочий на его заключение. При этом Я.Н. Одоевский требования «полной мочи» от Речи Посполитой обосновывал тем, что «королевское величество без Речи Посполитой, яко глава без тела, и Речь Посполитая без королевского величества, яко тело без главы, ничего делать не может». В конце концов стороны пришли к компромиссу, на который, собственно, и рассчитывали польско-литовские дипломаты. Они должны были дать «писмо обнадеживателное за <...> комиссарскими руками и печатями, что та королевская грамота исправлена, а Речи Посполитой полная мочь дана будет». Второй съезд дипломатов был назначен на 21 (11) января[138].

Однако и теперь польско-литовские комиссары стали тянуть время, настаивая, чтобы русские исправили свою полномочную грамоту или, по крайней мере, пре-

доставили о том «обнадеживательное письмо». Они требовали вернуть полномочную грамоту польского короля, угрожая даже разъездом (К. Гжимултовский в реляции отмечал, что идея возможного разъезда выдвигалась обеими сторонами). Русские дипломаты упрекали своих коллег, что те намеренно придираются к русской полномочной грамоте, чтобы таким способом уравновесить недостатки своей[139].

В письме к Б. Сапеге, написанном вечером, сразу же после окончания второго съезда, глава польско-литовской делегации обвинял королевский двор в том, что переговоры затягиваются и заходят в тупик из-за не присланных вовремя полномочных грамот, что только на руку Москве и Стамбулу. К. Гжимултовский преувеличенно оценивал возможность достижения антипольского соглашения между Россией и Османской империей: «...podejrzewamy że coś postanowili z Portą przeciwko nam» *, — писал он[140].

22 (12) января к польско-литовским дипломатам были посланы стольник Селиверст Огибалов, С. Лаврецкий и Н. Алексеев с прежними требованиями, но и они ничего не добились, наоборот, комиссары Речи Посполитой вновь говорили о возможности прекращения переговоров: «...а избави Бог, чего не желаем, хотя б то и не пришло до доброго дела, и мы меж себя о разъезжем писме помыслим, как нам разъехатца в братцкой дружбе и любви». При этом в статейном списке отмечено, что во встрече не участвовали литовские послы, и особенно М. Огинский. На следующий день, возможно, после его вмешательства, положение дел изменилось. Приехавший 23 (13) января в Мигновичи шляхтич Франишек Жимовский обещал, что на следующем съезде комиссары «удоволствование в сторону царского величества <...> учинят безо всяких споров». О том, что здесь не обошлось без М. Огинского, свидетельствует то, что посланец также просил пропустить в Москву «купецкого человека» троцкого воеводы[141]. Польский диариуш андрусовских переговоров также не вносит ясности в этот вопрос[142].

И действительно, на третьем съезде 24 (14) января после недолгих споров польско-литовские комиссары подписали и отдали русской стороне требуемое «обнадеживательное письмо». После этого начался торг собственно о содержании будущего договора — Вечном мире и союзе. Русские дипломаты требовали от противной стороны объявления условий («способов») Вечного мира, а та настаивала на первоочередном обсуждении вопроса о союзе. Комиссары Речи Посполитой предлагали заключить союзное постановление на условиях уже существовавших договоров (прежде всего договора от декабря 1667 г.), а русскую сторону такой вариант, предусматривавший «случение сил», явно не устраивал. Поэтому русские послы заявляли, что предыдущие договоры не имеют силы как нарушенные поляками и потому необходимы новые. Начался долгий спор о соблюдении обеими странами предыдущих союзных постановлений, закончившийся требованием поляков возвратить Киев.

Польская дипломатия особенно опасалась русско-османских и русско-крымских переговоров, которые якобы, как и в 1680–1681 гг., шли параллельно с пере-

* «...мы подозреваем, что заключили соглашение, направленное против нас».

говорами о союзе с Речью Посполитой. Польско-литовские комиссары обвинили Россию в тайных консультациях с Портой, ведущихся П.Б. Возницыным в настоящий момент под предлогом обмена пленными. Кроме того, тревогу у польской стороны вызвали донесения шпионов о военных приготовлениях России на границе с Речью Посполитой. Комиссары заявили русским послам, что им известно о прибытии 19 (9) января в Смоленск двух приказов пехоты, 50 пушек и 50 возов с военным снаряжением, а также о царском указе И. Самойловичу собирать казацкие войска в районе Андрусово. Все это свидетельствовало, по мнению польско-литовской стороны, о неискренности намерений России. По свидетельству польского источника, эти заявления вызвали среди русской делегации замешательство. Отвечавший на них И.И. Чаадаев признал присутствие П.Б. Возницына в Азове, отмечая, что такие «посылки» необходимы из-за частых стычек на русско-турецком пограничье «азовцев» и донских казаков. По поводу усиления смоленского гарнизона он сказал, что послам ничего о том неизвестно, а в Смоленске «пушек и всякого ружья множество», — добавлял дипломат. Согласно польскому источнику, Чадааев заметил: «...a choćby i tak było, czy nie wolno swoj horod carom armatą i amunicją opatrzyć?» *. Известия о концентрации казацких войск на границе были категорически отвергнуты [143]. Слухи о стягивании русских войск к литовской границе циркулировали в Великом княжестве еще в октябре 1683 г. [144]. Наиболее сведущий в российской политике М. Огинский, сообщая Б. Сапеге об усилении смоленского гарнизона, писал: «...ja tak rozumiem, że tem pokazywaniem gotowości wojennej, chcą wystraszyć na nas wieczny pokój» ** [145]. Позднее, вновь касаясь в своей переписке с литовским подскарбием (письмо от 11 февраля) слухов о концентрации русских войск на границе с Литвой, он отмечал, что Россия не располагает значительными военными силами вблизи границ княжества [146].

27 (17) января русские послы сообщили о ходе переговоров в Посольский приказ, требуя дополнительных инструкций: «...и буде полские комисары без союзу о вечном миру договоров чинить не учнут, и о том бы они, великие государи, велели им свой <...> указ учинить». Надеясь дождаться ответа из Москвы, русские дипломаты отказались провести следующий съезд в тот же день [147]. Однако ко дню четвертого съезда — 29 (19) января — инструкции ими так и не были получены. Встреча вновь началась с ожесточенных споров — русские дипломаты требовали объявления польско-литовской стороной условий Вечного мира, а комиссары Речи Посполитой, чтобы «Киев конечно был отдан», а союз заключен на ранее принятых условиях. Русская сторона доказывала, что Речь Посполитая сама уступила Украину османам, царь же «Украину взял ис под ига турского салатана», а Каменец «за несогласием [и] раздвоением Речи Посполитой достался в руки турского салтана, и тую турскую войну навели на сторону царского величества». Польско-

* «...а хоть бы и так было, разве не могут цари свой город снабдить оружием и амуницией?»

** «...я думаю, что подобной демонстрацией военной готовности они хотят добиться от нас вечного мира».

литовские дипломаты заявили в ответ, что Киев они туркам не отдавали, а «Ukrainę Kozakom pozwoliliśmy, która już nam się wróciła kiedy Kozacy Pogaństwo wojują» *. «Раздвоения» же, твердили они, бывают во всех странах («тому дивитца нечему, во многих государствах таковы случаи бывают»), и припомнили русским коллегам восстание С.Т. Разина и московское восстание 1682 г., при этом, добавляли поляки, «таковым случившимся смятением они не посмеивались но паче християнским сердцем о том болезновали». Русские в ответ подметили, что «те смятения, которые чинятца от ниских чинов, к несогласию причитать не годилось, несогласие бывает от головных людей, как меж ними было» [148].

После долгих споров русская сторона, вопреки своей первоначальной позиции, сама объявила условия заключения Вечного мира, переведя переговоры от бесплодных споров в русло возможного достижения реальных договоренностей: «...быти тому вечному миру при таких способах, чтоб во ограничении земель быти вечно, против того как обои великие государи имеют государства под своею государскою державою ныне». Однако польско-литовские комиссары заявили, что «то дело нестаточное, потому что никакова принуждения их в той отдаче ныне ни от кого нет», потребовав возврата к условиям Поляновского мира 1634 г., т. е. возвращения Россией всех присоединенных на основе Андрусовского перемирия земель. Ссылаясь на договоры 1667 и 1678 гг., когда Речь Посполитая получала назад некоторые захваченные Россией земли (в 1667 г. Полоцк и Витебск, в 1678 г. Невель, Себеж и Велиж) и денежные компенсации, они говорили, что и теперь заключить мирный договор без «удоволствования» невозможно [149]. Этим комиссары давали понять, что они готовы заключить Вечный мир при условии возвращения Россией *части* присоединенных земель. Как видно из материалов предыдущих переговоров, польско-литовская сторона прежде всего стремилась вернуть Киев.

После этих важных заявлений сторон окончание съезда было опять посвящено спорам. Одоевский «со товарищи» резонно заметили, что старые союзные соглашения носили оборонительный характер, а теперь, когда Речь Посполитая ведет наступательную войну против Османской империи, необходим и новый наступательный союз. В ответ поляки пригрозили прекращением переговоров [150].

2 февраля (23 января) русские послы получили долгожданную депешу с инструкциями из Москвы. Им предписывалось не заключать союз прежде Вечного мира: «...и вы б им в том отказали впрямь, что прежде постановления вечного миру о союзе договор чинить невозможно». В отправленной днем раньше отписке в Посольский приказ Я.Н. Одоевский «со товарищи» запрашивали указаний на случай, если поляки будут требовать прекращения переговоров и составления разъезжих писем [151]. Ожидая ответа, русские представители настояли на отсрочке очередного съезда под предлогом болезни И.И. Чаадаева и И.А. Желябужского [152]. Ответная депеша из Москвы благодаря установленной конной эстафете была получена уже 9 февраля (30 января). Правительство подтверждало твердую позицию относи-

* «Украину казакам предоставили, которая уже к нам возвратилась, поскольку казаки воюют с погаными».

тельно неприемлемости территориальных уступок, а в случае отказа польско-литовских дипломатов от предложенных условий Вечного мира послы должны были, «укрепясь с ними разъезжими писмами», прекратить переговоры. Срок созыва очередной пограничной комиссии предлагалось назначить на июнь 1691 г. Кроме того, русские дипломаты должны были «остеречь накрепко, чтоб в том разъезжем писме с нашей, великих государей, стороны на сторону салтана турского и хана крымского к союзу никакой причины не имяновать»[153].

Польско-литовские комиссары, столкнувшись с упорством русской делегации, 1 февраля также направили к Яну Собескому регента коронной канцелярии Яна Коженевского с донесением о ходе переговоров и с новой просьбой об «окончательной резолюции» относительно территориальных уступок России. Именно от нее зависел дальнейший ход переговоров, поскольку, не имея четких указаний на этот счет, послы, как признавался в реляции К. Гжимултовский, не могли вести переговоры о Вечном мире. До получения инструкций от Яна Собеского комиссары решили тянуть время под предлогом обострения подагры у К. Гжимултовского, а также ввиду отъезда М. Огинского для консультаций с «приятелями», видимо, по поводу позиции Литвы на дальнейших переговорах. Они стремились проводить съезды с русским коллегами как можно реже. М. Огинский был не особенно доволен ходом комиссии. В письме к Б. Сапеге он отмечал, что опасно иметь от «этой стены ненадежный мир», когда весной ожидается большое наступление османских войск[154]. Видимо, польско-литовская сторона рассчитывала, что Россия после венского триумфа польского короля не будет столь непреклонна в вопросе о территориальных уступках. Интересно, что в Москве о миссии Коженевского узнали без помощи Я.Н. Одоевского и его коллег, не исключено, что и от М. Огинского. Позднее, 24 (14) февраля, послы получили депешу (от 21 (11) февраля), уведомлявшую их, что Я. Коженевский послан к королю «для совершенного себе указу как им с вами будучи на комиссии о вечном миру и о союзе договор учинить». Послы должны были «проведывать», хотя бы с помощью подкупа, о результатах его поездки: получат польско-литовские дипломаты указание Яна III заключать Вечный мир или — перемирие и на каких условиях[155].

Пятая официальная встреча, состоявшаяся 12 (2) февраля, прошла в бесконечных спорах. Польско-литовская сторона категорически отказывалась заключить мир на предложенных условиях. Русские среди прочего обвиняли М.К. Радзивилла (посла в Австрию в 1680 г.) в интригах, которые помешали тогда заключить русско-австрийский антиосманский союз. На этой встрече русские дипломаты обнародовали также перечень «прописок» в титулах и других оскорблений царского достоинства, совершенных польско-литовской стороной, загодя составленный в Посольском приказе. Польские источники — реляция Гжимултовского, диариуш переговоров от 12 февраля, корреспонденция польско-литовских дипломатов — рисуют пятую встречу в более мрачных тонах, нежели статейный список русских послов. Согласно польским свидетельствам, съезд был особенно острым, русские послы якобы без обиняков объявляли войну Речи Посполитой, а И.И. Чаадаев даже заявил, что мир уже разорван и держится лишь «под шапкой». Русские дипло-

маты требовали составления разъезжего письма, тогда как глава польско-литовской делегации ожидал, что они смягчат свою позицию. Когда М. Огинский пытался апеллировать к существующим русско-польским соглашениям, скрепленным присягой, русская сторона вновь заявила, что их можно считать разорванными. Воевода познанский отмечал, что ранее умеренный М.Г. Ромодановский держался на этот раз наиболее неуступчиво. Под впечатлением прошедшего съезда К. Гжимултовский уже в который раз выражал опасение, что Москва договорилась со Стамбулом и что весной необходимо ждать нападения русских войск на Речь Посполитую. Ссылаясь на заявление русских послов, воевода познанский утверждал, что султан в грамотах будто бы называет царей «братьями».

Польско-литовские послы намеревались отложить следующую встречу, чтобы дождаться инструкций от короля, и одновременно делали вид, что собираются прервать переговоры и уехать из Кадино (похожей тактики польско-литовское посольство придерживалось и на переговорах в Москве в 1686 г.)[156]. Однако уклониться от продолжения переговоров им удалось только на пять дней[157].

На шестом съезде 18 (8) февраля стороны сосредоточились на проблеме Украины. Царские послы заявили, что право России на Киев подтверждено Бахчисарайским договором 1681 г. с Османской империей. К. Гжимултовский заявлял, что Киев никогда к Украине не относился. Московские дипломаты настойчиво проповедовали идею единства русского и украинского народов: «...а малороссийской народ казаки, которой всегда при Киеве держитца, и во время против неприятеля воины *купно с великороссийским народом стояли крепко и опор давали мужественно* (курсив мой. — *К. К.*)». Польские комиссары возражали и убеждали оппонентов, что, если бы Речи Посполитой вернули Киев, «а при Киеве и казаков бы уступили, и те б казаки никогда от королевского величества не отошли к турку». Говоря об украинском народе, польско-литовские комиссары высказались в том смысле, что обладание Украиной не принесет выгод России: «...тот де украинский народ кому держать, так, как бы камень в пазухе, не бес тягости...» Ответ русских послов звучал как декларация в защиту и обоснования добровольного вхождения Украины в состав России: «Царское величество тот народ держит без всякой тягости под своею государскою обороною, и они пребывают под державою царского величества без всякого прекословия и препоны, и ни х кому не приклоняются и в службе своей верно стоят, а кому тот народ тягостен, и ево домогатца не для чего. А вы братья наши, — говорили русские дипломаты, — когда ево к себе ни присваивали, бес кровопролития с ними не разделывалися...» Польско-литовским комиссарам было указано на попытки Речи Посполитой в 1682 г. спровоцировать волнения на Украине, чтобы отторгнуть Левобережье от России, отправив туда шпионов. Тут же русские дипломаты потребовали от польско-литовской стороны новых территориальных уступок: передать Запорожье из совместного русско-польского владения исключительно под царскую власть, поскольку направляемые туда королевские посланники «на сей стороне Днепра чинят многие ссоры», а также «для ближайшего тех запорожцев к государствам царского величества пребывания». Комиссары Речи Посполитой в очередной раз отклонили эти требова-

ния как неприемлемые. После этого участники переговоров стали обсуждать их завершение. Так закончилась шестая встреча. В ходе ее польско-литовская делегация оказалась в сложном положении, будучи вынуждена обсуждать территориальные уступки, так и не получив инструкций от Яна Собеского [158].

По мере того, как переговоры все больше заходили в тупик, отношения между главой миссии К. Гжимултовским и М. Огинским ухудшались. На обеде у одного из комиссаров, М. Хоментовского, воевода троцкий демонстративно отказался сидеть рядом с теми, «którzy się na zarzuty pod czas sejmu nie wywodzili» *, имея в виду К. Гжимултовского. Кроме того, сообщал познанский воевода Б. Сапеге, М. Огинский начал чересчур заигрывать с Москвой: «widzę, j.m. skrupulizować chce około traktatu w czem nietrzeba, a w tem nie, gdzie trzeba» **. Познанский воевода выражал сожаление, что М. Друцкий-Соколиньский до сих пор не прибыл на переговоры [159]. В одном из писем к Я. Велёпольскому Гжимултовский отмечал, что в польско-литовской делегации нет единого мнения по вопросу отношений с Россией, подразумевая, скорее всего, троцкого воеводу [160]. М. Огинский же, в свою очередь, еще накануне переговоров в одном из писем к Б. Сапеге выражал опасения, что в их ход «тайными путями» вмешается французская дипломатия [161], намекая, несомненно, на К. Гжимултовского, одного из главных сторонников Франции.

Между шестым и седьмым съездами возвратился направленный послами к королю пан Реут. Он привез новый вариант королевской полномочной грамоты и долгожданные инструкции от Яна Собеского относительно территориальных уступок, которые, вопреки ожиданиям Гжимултовского, вовсе не были «категоричными» [162]. Сопоставляя «статьи», посланные комиссарами с Реутом Яну III, с уже известным нам письмом польского короля (сохранившимся в копии), можно прийти к выводу, что это письмо и было его ответом (либо одним из ответов, т. к. в письме отмечалось, что это второе послание короля комиссарам с указаниями, как вести переговоры) на «статьи Реута» и, видимо, основывалось на решениях сената от 3 января, о которых говорилось выше. Король, несомненно, лукавил, выражая недоумение, кто мог бы «намеренно и сознательно» (sciens volens) препятствовать миссии, и заверяя, что и не думал вести переговоры с Россией, минуя комиссаров Речи Посполитой. Характерно, однако, замечание Яна III, что потребности в посольстве в Москву нет, поскольку сами цари в своих грамотах настаивают на решении всех вопросов исключительно на комиссии. Тем самым польский король признавал неудачу миссии Я. Окрасы.

Сообщая, что после обсуждения в сенате обеих подготовленных для комиссаров инструкций было решено взять за основу некий усредненный вариант, Ян III подробно обосновывал такую позицию внешнеполитическим положением Речи Посполитой. По его мнению, позиции Польско-Литовского государства улучшились после того, как о присоединении к Священной лиге заявила Венеция, и появилась

---

* «кто не ответил на обвинения, предъявленные во время сейма».

** «Кажется мне, что его милость прилагает старания в отношении трактата там, где не следует, и, наоборот, не прилагает там, где надо».

вероятность, что Франция и Испания заключат перемирие «на пользу общего христианского дела». В этих условиях, рассуждал король, Москва должна проявить «склонность» к антиосманской коалиции, поэтому комиссарам предписывалось, даже не показывая вида, что они намерены обсуждать территориальные вопросы, договариваться о союзе и только по согласовании его условий начать переговоры о Вечном мире. «Primum bowiem et principale obiectum jest coniunctia i onę sobie wysoce ważemy, bo ją mając już byśmy się bezpiecznie mogli otrząsnąć <...> w granicach i państwach naszych hosti»*, — резюмировал свои указания Ян Собеский. Более подробные наставления комиссары должны были почерпнуть из посланных вместе с письмом дополнений, однако их содержания мы не знаем. Кроме того, польский король сообщал своим дипломатам, что новые полномочные грамоты уже высланы к ним с нарочным гонцом [163].

25 (15) февраля состоялся седьмой съезд полномочных делегаций. Несмотря на то, что переговоры вроде бы близились к концу, эта встреча была одной из самых конструктивных с начала переговоров. Получив указания от Яна III, дипломаты Речи Посполитой наконец-то могли перейти к делу. Перед началом встречи они под предлогом необходимости сохранения ее содержания в тайне от османов, предложили удалить из светлицы дворян, сопровождавших послов обеих сторон. Предложение это, предвещавшее серьезный разговор, русской стороной было принято. После этого дипломаты Речи Посполитой выразили готовность «говорить о учинении вечного миру и о союзе *вместе* (курсив мой. — *К. К.*)», что не совсем согласовывалось с королевскими указаниями. Они предложили заключить Вечный мир при условии частичного отказа России от присоединенных в 1667 г. земель, прося, чтобы русские послы «объявили перед прежним их предложением с уступкою, а они (польско-литовские комиссары. — *К. К.*) <...> имеют мочь учинить по пристоинству на вечной покой и с уступкою», но первой «уступить» должна была русская сторона. Однако русские дипломаты упорно держались прежних условий, и в конце концов польско-литовская сторона первой снизила свои территориальные требования. Поляки предложили, чтобы Россия и Речь Посполитая «учинили б с обоих сторон тех казаков свободных как волохи и мултяне живут у турского салтана, так же бы и тех казаков учинить свободными на службу обоих великих государей» [164]. Предложение это, встретившее с русской стороны вполне понятный отказ, свидетельствует о важной перемене в концепции польской политики по отношению к украинским землям.

В турецкой версии Журавненского договора 1676 г., которую получили польские дипломаты, отмечалось, что Польша ни под каким предлогом не имеет права «вступаться» в Украину, кроме районов Паволочи и Белой Церкви, которые оставались за шляхетской республикой. Несмотря на все настояния польской делегации, османы не включили в договор слова о передаче Украины казакам. Кроме

* «Первым, следовательно, и главным предметом является союз, и его мы для себя ставим выше всего, поскольку, имея его, мы могли бы без опасений дать отпор врагам от наших государств и границ».

того, в него вошло обязательство Речи Посполитой провести с Портой разграничение не только Подольского воеводства, но и украинских земель. Сами же казаки перечислялись среди вассалов султана наряду с татарами и венграми (трансильванцами)[165]. В польский вариант договора дипломатам Речи Посполитой удалось вставить вожделенные слова: «Ukraina relinquetur Cosacis, iuxta antiquos limites, exeptis Białocerkiew et Pawołocz...» *[166], однако сути дела это не меняло. В ахднамэ, которое было вручено в Константинополе Я. Гнинскому в 1678 г., от имени султана прямо заявлялось о том, что украинские земли (т. е. Брацлавское и правобережная часть Киевского воеводств, исключая Паволочь и Белую Церковь) отданы казакам, «подвластным моему возвышенному государству». Кроме того, подтверждалось обязательство сторон размежевать как украинские земли, так и Подолию[167].

Столкнувшись с такой позицией Порты, польские политики во главе с Яном Собеским стали искать новые, обходные пути для утверждения своего влияния на украинских землях. Пользуясь формулировкой о передаче Украины казакам, польский король активно пропагандировал, что якобы добился фактической независимости Украины (что не соответствовало действительности). Провозглашая тезис о принадлежности Украины казакам, Ян Собеский одновременно считал, что они могут находиться под протекторатом той державы, которой они сами отдадут предпочтение (при этом подразумевалось, что этой державой должна быть Речь Посполитая), и тем самым отказ от османской протекции не являлся бы нарушением польско-османских договоров 1676 и 1678 гг.[168].

Таким образом, не имея возможности изменить условия Журавненского договора с Османской империей военной силой, польский король пытался сделать это с помощью дипломатических средств. Теперь та же тактика была применена польской дипломатией в отношении России. Лишенная возможности отторгнуть Левобережную Украину силой, Речь Посполитая предлагала создать на украинских землях автономное образование, подобное Молдавии или Валахии, связанное вассальными отношениями и с Россией, и с Польско-Литовским государством. Это позволило бы лишить Россию не только практически всех плодов тяжелой тринадцатилетней войны, но и создать надежный буфер на пути к границам Речи Посполитой в виде государственного образования на украинских землях.

Невыгодность подобного предложения вполне осознавалась русскими, считавшими, кроме того, что его реализация дестабилизирует и без того неспокойную обстановку в регионе. «Буде тот народ (казаков. — *К. К.*) уволнить под общее послушание, и каков тяжек хан крымской обоим государством, — толковали русские дипломаты польско-литовским коллегам, — не лехче тово будет от того общего послушенства обоим государством, а ныне царские величества держат их (казаков. — *К. К.*) под своею царских величеств высокодержавною рукою, однако же то держание идет на оборону обоих государств, и шатости в них никакие нет». Нежелание русской дипломатии идти на уступки вновь вернуло переговоры к обсужде-

* «Украина оставляется казакам согласно ее старым границам за исключением Белой Церкви и Паволочи...» (*лат.*).

нию разъезжих писем. Стороны договорились к будущему съезду подготовить свои варианты соглашения о прекращении переговоров [169].

Восьмой съезд 28 февраля (в польских источниках; 19 февраля — в русских) был коротким. После недолгих споров по второстепенным вопросам стороны обменялись текстами разъезжих писем. К. Гжимултовский в реляции отмечал, что русский вариант письма ясно свидетельствовал о нежелании России соблюдать перемирие. Одновременно он отмечал, что польские послы уже в который раз решили тянуть время, ожидая более конкретного послания от короля с позволением на новые уступки России в вопросе Вечного мира [170].

Девятая встреча 3 марта (22 февраля) ознаменовалась вручением польско-литовской стороной русским послам «правильных» полномочных грамот (с коронными печатями) от короля и Речи Посполитой, полученных днем раньше. Однако ожидаемых новых инструкций от Яна III комиссары Речи Посполитой так и не получили и поэтому вновь упорно отказывались пойти на территориальные уступки. На встрече с русскими дипломатами они все же заявили, что условия Вечного мира, предлагаемые Россией, отвергнуты королем. Поэтому переговоры прошли в спорах о содержании разъезжих писем. Русская сторона высказалась против включения туда пункта о привлечении посредников на будущую комиссию, польская — пугала разъездом без составления писем вообще. В ходе встречи поляки также пригрозили, чтобы русские дипломаты «не надеялися, что здесь не зделано будет, и то, возможно, либо будет чрез посолство <...> к Москве зделать и совершить», поскольку посольство посылается обычно от короля, и потому заключенный договор о мире не будет иметь силы без санкции всей Речи Посполитой. Таким образом, говорили польские комиссары, можно будет заключить только союзное соглашение. Здесь видно их стремление не допустить повторения миссии, подобной поездке Я. Окрасы. В этом заявлении Гжимултовского, Огинского и их товарищей нашла отражение и общая позиция польско-литовской магнатерии, направленная на ограничение прерогатив королевской власти, в частности в области внешней политики. В итоге стороны решили, что официальные съезды проводить более незачем, а текст разъезжих писем можно согласовать и «через обсылки». К. Гжимултовский считал, что, даже если Вечный мир будет заключен, Россия все равно не окажет помощи антиосманской коалиции [171].

6 марта (25 февраля) польские посланники И. Лядинский и С. Рожицкий привезли русским послам образец польского разъезжего письма «для справки». При этом они сообщили о готовности польско-литовских комиссаров провести с русскими дипломатами «тайную» встречу «и, съехався б, говорить им обоим великим и полномочным послом и комиссаром между собою безсорно, не как на прошлом съезде». На следующий день для обсуждения этого предложения на польский посольский стан направились подьячий Никита Алексеев и переводчик Семен Лаврецкий. Однако польско-литовская сторона выставила условием подобной встречи заявление русских дипломатов о готовности отступить от прежних территориальных требований, отказавшись от слов, сказанных И. Лядинскому и С. Рожицкому. Причем в ходе обсуждения этого вопроса С. Лаврецкий, в прошлом католический

монах, принявший православие, перешедший на царскую службу и знавший польский язык, — услышал, как польские дипломаты «меж себя тихо говорили, лутче им своих корунных, а не литовских посылать» на готовящуюся тайную встречу, если она все-таки состоится[172]. Это также свидетельствует, что литовские представители (главным образом М. Огинский) были более склонны к соглашению и готовы пойти на большие уступки, чем их коллеги из Короны. Вообще, стоит отметить активные неофициальные контакты троцкого воеводы с русскими представителями. Так, на пир с фейерверком и пушечным салютом (пушки для этой цели канцлер специально распорядился привезти из Могилева), устроенный им в честь побед гетмана С. Куницкого, были приглашены и царские дворяне. Особенно часто, по свидетельству самого Огинского, у него бывали с визитами сыновья русских послов — И.В. Бутурлина, М.Г. Ромодановского, И.С. Горохова[173]. Русские дипломаты использовали возможность, чтобы ближе познакомить своих отпрысков с популярной при московском дворе польской культурой, а троцкий воевода охотно этому способствовал.

Официальная реляция К. Гжимултовского (запись об этом находится между 2 и 3 марта) сообщает об открытом конфликте во время переговоров в Андрусово в среде литовской знати по поводу заключения мира с Россией. Одна группа литвинов, отмечал познанский воевода, выступала против любых территориальных уступок России. К ней относился, по свидетельству познанского воеводы, Я.А. Храповицкий, пославший К. Гжимултовскому несколько писем, в которых «protestował się przeciwko najmniejszej od W-o X-wa Litt-go avulsyi» *, а также М. Друцкий-Соколинский и каштелян троцкий Ц.П. Бжостовский. «Drudzy zaś Jchmci proceres W-o X-wa Litt-go koniecznie życzyli pokoiu, etiam cum totali avulsione na wieczność tych prowincyi, ktore Moskwa trzyma» **, — писал познанский воевода в своей реляции. Когда он сказал, что ни за что не подпишет подобный договор, кроме как по решению короля и сената, поскольку это противоречит инструкции, то услышал в ответ, что в таком случае «będą mieli Moskwa Litwę bez wojny. Wielcy ludzie piszą że będziemy witać Moskwę z chlebem y solą. Pytałem kto to pisze, niechciano powiedzieć...» ***. Познанский воевода не называет имен, но нетрудно догадаться, что сторонниками мира с Москвой за любую цену были М. Огинский и Я.К. Кердей. Сложно, однако, определить, кто те «большие люди», которые за ними стояли. М. Пац к тому времени уже умер, к концу своего жизненного пути близился и канцлер К. Пац. Возможно, имелись в виду Сапеги, но источников, более ясно раскрывающих их позицию касательно отношений с Россией, нет. Известно лишь, что гетман К. Сапега подписал «супплемент варшавский», а подскарбий Бенедикт — нет [174].

---

* «протестовал против хоть самой малой потери Великим княжеством Литовским своих земель».

** «Другие же их милости знать Великого княжества Литовского безусловно желали мира, даже ценой уступки на вечные времена всех провинций, что Москва удерживает».

*** «будет иметь Москва Литву без войны. Большие люди пишут, что будем хлебом и солью встречать Москву. Я спрашивал, кто это, но ответить мне не захотели».

Между 7 и 9 марта в Кадино приехал еще один «слуга» К. Гжимултовского — пан Гавловский, высланный к королю в конце января, незадолго до Коженевского. Он привез долгожданную «окончательную резолюцию» (finaliter rezolucja) относительно уступок в пользу России — письмо Яна Собеского от 20 февраля 1684 г. (в источнике ошибочно 1685 г.). Гжимултовский отмечал, что теперь даже возвращение Коженевского не играло никакой роли — польско-литовские дипломаты должны были строго держаться полученных указаний, тем более что русские упорно настаивали на завершении переговоров. Это означало, что позволенные комиссарам Речи Посполитой уступки были последними, на которые в данный момент королевский двор готов был пойти[175].

Письмо польского короля, видимо, основывалось на решениях рады сената 16 февраля в Кракове. Сенаторы обсуждали послание польско-литовских комиссаров, поставивших следующие вопросы: 1) что делать в случае того, если Россия не захочет отдать Киев; 2) что делать в случае того, если русские послы откажутся от «случения сил» и будут угрожать разъездом в случае отказа польско-литовской стороны подтвердить перемирие; 3) как долго вести переговоры в Кадино.

Кроме того, Ян Собеский, обращая внимание сенаторов на то, что комиссары не уверены в «счастливом» и «результативном» окончании переговоров, внес предложение дать указания добиваться им прежде всего, чтобы Россия не препятствовала запорожским казакам, «якобы своевольным», атаковать турецкие замки в устье Днепра. Польский король также подчеркивал, что вряд ли можно рассчитывать, что переговоры в Андрусово окончатся результативно.

Сенат принял решение отложить обсуждение территориального вопроса до окончания срока перемирия, но продолжать переговоры о союзе. В то же время за союз допускалось согласиться на продление перемирия. Если Россия согласится на заключение союза, то перемирие могло быть продлено, если последует отказ, то польским послам поручалось добиваться разрешения на участие в «священной войне» казаков, которых русское правительство должно было снабдить борошном (продовольствием), деревом для постройки чаек и побудить к набегам на османские замки в устье Днепра. Вместе с тем комиссары Речи Посполитой должны были не допустить срыва переговоров и тем более расторжения соглашения о перемирии. Решение о продолжительности пребывания в Кадино польские комиссары должны были принять сами, смотря по обстоятельствам[176].

27 февраля, вскоре после рады сената, бранденбургский резидент, находившийся в Кракове, сообщал в Берлин содержание инструкций, которые были высланы польско-литовским комиссарам в Кадино. Согласно его реляции, затронутый в них круг вопросов был значительно шире, нежели определенный постановлением сенатского совета. Видимо, предложения сенаторов были дополнены королем. Так, комиссары должны были обвинять русских дипломатов в несоблюдении перемирия и союзных постановлений, в препятствовании участию казачества в войне с турками. Вечный мир Речь Посполитая была готова заключить только на условиях возвращения Киева и Смоленска. Если же Москва согласится на вступление в союз без заключения Вечного мира, то Ян Собеский был готов продлить действую-

щее соглашение еще на 6 лет. Кроме того, у русского правительства планировалось потребовать предоставления денежных субсидий на войну с турками, осуществления «диверсии» против Крыма не только казацкими отрядами, но и собственно русскими силами, с участием калмыков. В ответ на некие предъявленные scrypta injuriosa («противозаконные письма», видимо — «прелестные листы», рассылавшиеся польскими властями по Левобережной Украине в 1682 г.) комиссары Речи Посполитой должны были обвинять Москву в антипольских интригах в Стамбуле. Им рекомендовалось активно использовать риторику общехристианской солидарности[177].

Как видно, оба источника в целом сходно очерчивают те инструкции, которые, как можно предположить, были направлены послам 20 февраля. Территориальная проблема в них присутствует явно на втором плане, более того, можно отметить, что позиция Речи Посполитой в этом вопросе ужесточилась даже по сравнению с январем 1684 г., вернувшись к условиям инструкции 1679 г.

Между тем дальнейшие переговоры показали, что польско-литовские дипломаты все же готовы были на частичные территориальные уступки. Возможно, они руководствовались предыдущими указаниями Собеского, а возможно, что вопрос уступок оговаривался каким-то дополнительным и секретным письмом польского короля, которое нам неизвестно.

Находившиеся в Кадино польско-литовские дипломаты пригрозили присланному 8 марта (27 февраля) к ним переводчику Посольского приказа Ивану Тяжкогорскому возможностью заключения мира между Речью Посполитой и Османской империей и, более того, заявили о готовности Речи Посполитой дать отпор любым попыткам Москвы нарушить мир. А глава делегации К. Гжимултовский вновь вернулся к «украинской» теме: «...я и с ыными сенатори приговорю королевскому величеству, — обещал познанский воевода, — чтоб он по заприсяженным договором послал свои королевские грамоты явно х казаком, а не в осях[178], и учинить бы их волными дав им милион денег и несколко сот поставов сукна и объявить им в тех грамотах, что царские величества волю им дать не хотят». Комиссары дружно заявили, что «московскому государству великая помешка будет, когда казаки учинятся волными».

Визит И. Тяжкогорского на польско-литовский посольский стан в Кадино вновь выявил различия в подходе к переговорам с Россией литовской и польской частей посольства Речи Посполитой. М. Огинский заявил переводчику Посольского приказа, что переговоры могут быть продолжены, даже если состоится подписание разъезжих писем, тогда как К. Гжимултовский отнесся к такому замыслу крайне негативно[179]. Напоследок с русским посланцем встретился императорский гонец Гевель, задержавшийся в Кадино на своем обратном пути из Москвы. Он выразил желание, чтобы стороны заключили на этих переговорах союз и Вечный мир[180].

Обсуждение содержания разъезжих писем продолжилось 10 марта (28 февраля), когда в Кадино вновь приехали Алексеев, Лаврецкий и Тяжкогорский. Особенно резко польская сторона протестовала против упоминания в письмах об «обсылках» между Россией и Речью Посполитой через посольства с целью заключения

Вечного мира. Польско-литовское посольство в Москву, если бы оно и состоялось, могло бы вести переговоры только о союзе, считали комиссары Речи Посполитой (то же они заявляли русским посланцам и 6 марта (25 февраля)). Однако в данном случае эта позиция отражала мнение только коронной части посольства. В спор с К. Гжимултовским вновь вступил троцкий воевода: «...а про обсылку по исхождении перемирных лет чрез послов воевода познанской оспорил было, и воевода троцкой сказал, [что] про обсылку чрез послов по исходе лет перемирных, что обослатца послами, написано в андрусовских договорех» [181].

Десятый съезд 11 (1) марта, хотя он и стал предпоследним, можно назвать самым результативным. Именно на нем состоялось обсуждение проекта союзного договора, который позже лег в основу соглашения о Вечном мире и союзе 1686 г. Толчком к этому с польско-литовской стороны, несомненно, послужило письмо Яна III. Материалы этой встречи были настолько секретными, что первоначально не вошли полностью даже в статейный список русских послов. По возвращении посольства в Москву они были заслушаны «в комнате» в присутствии царей, Софьи и ближних бояр, после чего по приказу В.В. Голицына вписаны в статейный список «для ведома».

В ходе съезда 11 (1) марта русские послы предложили обсудить условия антиосманского союза. При этом они отвергли прежние союзные постановления как утратившие силу и имевшие мало возможностей осуществления (в первую очередь это касалось так отстаиваемого польской стороной «случения сил») ввиду дальних расстояний, трудности в добывании провианта для объединенной русско-польской армии и т. д. Исходя из этого, союз предлагалось «постановлять иным образом». Польско-литовские комиссары восприняли это заявление как признак действительной готовности России вступить в антиосманскую коалицию. По их предложению дворяне с обеих сторон вновь были удалены из съезжей светлицы, а комиссары Речи Посполитой, посовещавшись «меж себя тайно», объявили свои условия союза. Он должен был иметь одновременно и оборонительный (взаимная помощь «всеми войски» в случае наступления турок и татар на одно из государств), и наступательный характер. В последнем случае русская армия должна была блокировать и атаковать Крым и уничтожить турецкие городки в устье Днепра, «чтоб волной проход запорожцом чайками был на море, как и преже сего». Эти задачи, считали поляки, были вполне по силам русской армии, их реализация позволила бы польскому королю ударить на Молдавию и Каменец, «не опасаясь уж никакова нахождения и помешки от силы крымской». Для улучшения координации действий союзных войск польская сторона предложила обменяться специальными резидентами, которые должны были находиться при обеих армиях (ими предлагалось быть людям, «искусным воинского чину»).

Польско-литовские комиссары заявили, что за такой союз Речь Посполитая «уступит царским величествам на вечной мир городов Смоленска з городами, а город де Киев королевское величество и Речь Посполитая, оставя в сторону царского величества в продолжителные лета, покамест та союзная война конец свой воспримет, а в тех де летех, естли увидят королевское величество посилки с сто-

роны царских величеств прямые в деле, а не на писме чаять де того, что города Киева вечно уступят в сторону царских величеств». Уступить в данный момент России «на вечно» Киев польско-литовские дипломаты отказывались, ссылаясь на инструкцию: «...на сейме о уступке Киева не положено». При этом они по-прежнему считали возможным «Украину с черкасы учинить волными на услугу обеих государств». Эти декларации были последним шагом, который готова была сделать навстречу русским партнерам польско-литовская сторона. Однако и эти предложения приняты не были. Русские послы упорно требовали за заключение союза «уступку всего завоеванного» [182].

В отличие от статейного списка русских послов, реляция К. Гжимултовского достаточно сдержанно освещает переговоры 11 марта. По его свидетельству, М. Огинский в начале встречи неофициально предложил (в соответствии с последними королевским указаниями) И.В. Бутурлину, чтобы Северская земля (Стародубский повет) и Заднепровье (Левобережная Украина) с Киевом осталась во владении России на условиях перемирия. Одновременно польско-литовская сторона все же считала возможным, чтобы казаки находились под властью «обоих государей». По поводу Смоленска М. Огинский туманно пообещал, что стороны договорятся об этом. Однако официальных деклараций на этот счет так и не прозвучало, потому что русских дипломатов предложения троцкого воеводы не устроили [183]. Видимо, познанский воевода, опасаясь недовольства шляхты, и прежде всего т. н. выгнанцев, не решился в публичной реляции, оглашенной на сейме, открыто объявить о тех уступках, на которые польско-литовское посольство было готово пойти. Вариант, что русские дипломаты намеренно придали заявлениям польских дипломатов официальный и более конкретный характер, менее правдоподобен в силу того, что статейный список Я.Н. Одоевского «со товарищи» предназначался исключительно для внутреннего пользования руководства Посольского приказа. Тем более, согласно диариушу переговоров прибывшего в Москву в 1685 г. Яна Зембоцкого с В.В. Голицыным, последний заявлял, что польско-литовские комиссары были готовы уступить России Смоленск [184].

В итоге Андрусовская комиссия закончилась безрезультатно. 13 (3) марта произошло подписание разъезжих писем. Стороны обещали не нарушать перемирие и вести дальнейшие переговоры. Очередная комиссия без посредников назначалась на 1691 г. Напоследок польско-литовские дипломаты предложили России возобновить дипломатические отношения с папским престолом. Иннокентий XI, обещали комиссары, напишет царский титул «по достоинству» [185].

VII. 15 (5) марта русские послы направили грамоту в Москву, информируя правительство об окончании переговоров, а уже на следующий день выехали из Мигнович. Отписка послов вызвала явное недовольство В.В. Голицына и царевны Софьи. 20 (10) марта по указу царей и царевны было велено послать навстречу послам стольника Матвея Алексеевича Головнина для протокольного вопрошания послов о здоровье, но грамоты с царским «милостивым словом» послам было велено не посылать «и против отписки их службу не похвалять». М.А. Головнин

встретил послов 23 (13) марта в селе Кубинском, под Москвой. А уже 24 (14) марта (по другим данным 23 (13) марта) они были в столице[186]. Сравнивая время, которое посольство потратило на путь до Мигнович в ноябре–декабре 1683 г. (около месяца), со временем, потраченным на обратный путь (9, и даже 8 дней!), видно, что посольство спешило с возвращением в Москву. Более того, в посольской книге, посвященной Андрусовской комиссии 1684 г., сохранилась красноречивая запись, свидетельствующая, что послы вообще покинули Мигновичи без царского указа: «...а великим и полномочным послом боярину князю Якову Никитичу Одоевскому с товарыщи в наказе написано, что у них на съездех с полскими комиссары учнет делатца, и о том велено писать к великим государем со всякого съезду с нарочными гонцы, *а того слова, чтоб с полскими комиссары разъехався, ехать к великим государям, к Москве, не написано,* а в указной великих государей последней грамоте к ним послом по их отписке писано <...> [о разъезжем письме], *а что ехать им послом к Москве, того великих государей в грамоте к ним не писано, да и они, послы, в отписках своих о том, о указе к великим государем не писывали* (курсив мой. — *К. К.*)»[187]. Быстрый отъезд русских послов из Мигнович после подписания разъезжих писем озадачил, видимо, и польско-литовскую сторону. Нунций О. Паллавичини сообщал в Рим, что, по словам поляков, переговоры в Андрусово были прерваны именно русскими дипломатами, не желавшими долее оставаться на границе[188].

Несомненно, что и польско-литовская сторона (вспомним заявление троцкого воеводы М. Огинского), и руководство русской внешней политики в Москве не связывали подписание разъезжих писем с обязательным окончанием переговоров. Знал об этом и глава русской делегации Я.Н. Одоевский и поэтому, воспользовавшись официальным предлогом, поспешил выехать в Москву, не дожидаясь царского указа о продолжении встреч с польско-литовскими дипломатами на неофициальном уровне. Такое поведение членов русского посольства наводит на мысль, что по крайней мере часть их не сочувствовала планам правительства В.В. Голицына и царевны Софьи заключения с Речью Посполитой союза и Вечного мира. Если принять во внимание, что при подготовке переговоров самая пассивная роль была отведена В.В. Голицыным Я.Н. Одоевскому и М.Г. Ромодановскому, то можно предположить, что именно они были основными инициаторами прекращения переговоров, вопреки желанию Москвы (тем более что Одоевский был официальным главой посольства). Это лишний раз свидетельствует о наличии в правительстве России противников внешнеполитического курса канцлера и царевны на сближение с Польско-Литовским государством.

Важной представляется еще одна деталь. Обе стороны прекрасно осознавали, что подписание разъезжих писем не означает прекращения переговоров как таковых. Это необходимо иметь в виду, рассматривая московские переговоры в феврале–мае 1686 г., закончившиеся заключением договора о Вечном мире.

VIII. Дипломатическая активность Речи Посполитой на Западе и на Юге не могла развиваться совершенно независимо от отношений республики с восточным сосе-

дом. К тому же и союзники по антиосманской коалиции время от времени напоминали Варшаве о необходимости привлечения России к совместным действиям против турок. Хотя сама польско-русская Андрусовская комиссия 1684 г. могла быть расценена как позитивный знак в отношениях между двумя странами, однако и после ее окончания эти отношения продолжали оставаться сложными. В 1684 — начале 1685 г. между Москвой и Варшавой постоянно курсировали гонцы со взаимными обвинениями в несоблюдении перемирия, в пограничных инцидентах и других интригах [189].

Значительное недовольство в Москве вызвали попытки польского короля наладить связи с донскими казаками и калмыками, считавшимися царскими подданными. В конце мая 1683 г. в Яворове при активном личном участии Я. Собеского было подготовлено посольство в Запорожскую Сечь. Послы — ротмистры и королевские дворяне Станислав Порадовский и Станислав Монкольский (в некоторых русских источниках ошибочно — Мондреновский) — должны были не только призвать к участию в Священной войне против турок и татар запорожских казаков, но и сделать аналогичные предложения донским казакам и калмыцким тайшам. Запорожцам предписывалось объявить о вступлении в войну на стороне союзников Венеции, которая будет воевать с турками на море, в связи с чем сечевикам предлагалось организовать ряд морских походов (не только из Днепра, но и по Южному Бугу или даже по Днестру), чтобы «обще общего воевать неприятеля». Собеский со своей стороны обязался всячески помогать казакам. Послы везли 1000 червонных злотых для запорожцев и столько же для калмыков. Посольство к донцам и калмыкам должны были снарядить сами запорожцы, а те — прислать своих представителей в Сечь и там заключить договоры с королевскими послами. Монкольский и Порадовский должны были говорить в Сечи, что Россия также вот-вот вступит в антиосманский союз [190]. Это лишало бы запорожцев возможности отказаться от участия в военных действиях, ссылаясь на царский запрет.

Королевские послы уже в начале июня прибыли в Сечь, и вскоре пятеро запорожцев выехало на Дон в Черкасский городок с письмами Яна Собеского к калмыкам. Донские казаки решили переслать послания польского короля по назначению, оставив одно из них у себя. На призыв польского короля откликнулось 40 добровольцев, которые ушли в Сечь. Войско Донское решило дождаться возвращения посланцев из калмыцких улусов, намереваясь осенью разорвать мир с «азовцами».

Однако в Москве уже в июне получили известия, что «короля полского из Запорогов от запорожских черкас посланцы пошли степью через Дон» к калмыкам. Из Приказа Казанского дворца немедленно были посланы грамоты в Самару, Саратов, Царицын и Черный Яр с приказом «имать» посланных, расставив на всех возможных путях их движения конные заставы, а в случае если они уже проехали мимо указанных городов, то снарядить за казаками погоню, когда они будут возвращаться. Однако посланцам удалось, минуя заставы, проехать за Яик и прибыть в ставку калмыцкого тайши Аюки в верховьях реки Илек. Посланцы вручили Аюке три письма Яна Собеского, два их которых были написаны по-польски, а одно — «белорусским письмом». Однако послания польского короля оказалось не-

кому прочесть, никто из калмыков не знал ни польского языка, ни «белорусского письма». Два письма Аюка даже не распечатал. Находившийся среди посланцев запорожский казак Тимофей Иванов устно передал ему приглашение Яна Собеского поучаствовать в войне против турок и татар. Аюка заявил, что не может послать войско без царского указа, тем более что с польскими королями калмыцкие тайши ранее не сносились. Поэтому вместе с выехавшими в обратный путь казаками был направлен «рядовой» калмык Аюшенко Мамаев в сопровождении еще четырех человек с ответными письмами к Яну Собескому, который должен был «уверитца миром» с польским королем и просить его прислать «подьячего», который бы мог прочесть калмыкам польские письма. Однако Аюка не особенно стремился к установлению отношений с Яном III — в случае если бы донские казаки не дали калмыкам провожатых до Сечи, им было приказано вернуться[191]. В своих посланиях Собескому он заявлял, что не поверил приехавшему с письмами запорожцу, назвавшемуся посланцем, и просил прислать «надежного человека»[192]. О военной помощи в них не было ни слова, хотя глава казацкого посольства к калмыкам Василий Волошенинов утверждал, что Аюка готов был послать свои отряды на Крым, в случае если к ним присоединятся донские казаки.

Именно на обратном пути заставы, посланные царицынским воеводой, стольником и полковником Борисом Головиным, 22 (12) августа арестовали трех донских казаков во главе с В. Волошениновым, запорожского казака Тимофея Иванова и пятерых калмыков, двигавшихся на Дон из-за Яика. Письма тайши Аюки Яну Собескому были отосланы в Москву. Против самих посланцев никаких репрессий предпринято не было, донцев и калмыков было приказано отпустить, запорожца отправить к гетману И. Самойловичу[193].

Тем временем в Астрахани, получив 5 августа (26 июля) из Царицына от Б. Головнина информацию о казаках, едущих «в калмыцкие улусы», воевода Андрей Иванович Голицын направил к Аюке «астраханца» Василия Блинова с требованием, чтобы он посланцев выдал, ратных людей к польскому кролю не посылал «и тем бы шерти своей и верности великих государей за повелением не нарушил», а также запретил калмыкам под страхом смертной казни присоединяться к польскому войску. Аюка заверил В. Блинова, что без царского указа никакой помощи полякам оказывать не будет, отдал ему одно из полученных от Яна Собеского писем, а два других прислал в Астрахань со своим «посыльщиком» Унютеем, прося перевести письма и сообщить тому содержащуюся в них информацию. Унютей заявил, что Аюка дал знать в Царицын о бывших у него казаках. Письма Яна Собеского были переведены в астраханской приказной палате на калмыцкий, однако Унютею были даны лишь выписки с тех «листов», «что пристойно, не все против подлиннику». Сами же письма были отосланы в Москву[194].

В Посольском приказе поручили провести экспертизу доставленных писем переводчикам С. Лаврецкому и С. Чижинскому (между прочим, выходцам из Речи Посполитой), сравнив их дату и место написания с королевской грамотой, выданной примерно в то же время польскому послу в Персию К. Згурскому. Оба «эксперта» пришли к выводу, что письма подлинные. Их было велено «держать в бе-

реженье за печатью» как доказательство нарушения Собеским русско-польских договоров и соглашений[195].

В своих грамотах к калмыкам Ян Собеский красочно описывал победы польско-немецких войск под Веной и Парканами, взятие Эстергома. Он отмечал, что калмыцкий народ «за мужество» крымские татары «многократно боятца». Польский король не только предлагал калмыцким воинам — «людям рыцерским», присоединиться к его войскам, но и весь калмыцкий народ приглашал на «вечное» поселение между Днепром и Южным Бугом. За службу Ян Собеский обещал калмыкам награду «сукнами и материями». Польский король предлагал калмыкам поскорее прислать своих представителей в Сечь[196].

25 (15) октября королевские грамоты были заслушаны на заседании Боярской думы. Было решено послать гонца к польскому королю с претензиями в нарушении договоров Речи Посполитой и России приглашением царских подданных — казаков и калмыков — на службу к польскому королю (а калмыков — даже на «вечное кочевье») и обвинениями польского короля в «умалении» царской чести. Гонец должен был заявить Яну Собескому, что грамоты с информацией о его «неправдах» будут посланы императору и окрестным монархам. В конце октября с царской грамотой в Речь Посполитую выехал подьячий Михаил Савин[197]. В ответной грамоте от 11 января 1685 г., которую гонец привез в Москву в феврале, Ян Собеский отрицал факт официального призывания калмыков и донских казаков на службу и даже на «вечное кочевье» между Днепром и Бугом, признавая лишь, что нанимал калмыков и донцов, которые небольшими ватагами свободно кочуют в поисках службы, объединяясь то с запорожскими казаками, то с татарами. Одновременно польский король просил русское правительство разрешить ему беспрепятственно нанимать всех российских подданных, желающих поучаствовать в святой войне, подобно крестоносцам эпохи Крестовых походов[198].

По получении в Москве известий о польско-донских контактах на Дон немедленно был послан стольник Михаил Самарин с требованием никаких походов в помощь полякам не предпринимать, перемирие с Крымом мне нарушать, всяческие сношения с польским королем прекратить, к калмыкам никаких польских грамот не пересылать. Донские казаки в ответном послании на царское имя утверждали, что В. Волошенинов поехал к калмыкам для «подлинные ведомости: по присылке к тайшам турского салтана, пойдут ли они к нему на помочь против поляков?». Для переговоров об этом же якобы и посланец Аюки приезжал на Дон. К полякам же на помощь никто не собирался, уверяли донцы, лишь 7 человек поехало в Киев молиться.

Однако в ноябре в Москву пришли «подлинные» известия от курского воеводы А.С. Шеина и гетмана И. Самойловича, что небольшие отряды калмыков и донцов (соответственно 200 и 70 человека), а также запорожцев, побывав «на службе» Яна Собеского, возвратились в Сечь. Обо всем этом было заявлено прибывшему в конце того же месяца донскому посольству во главе с атаманом Павлом Никифоровым. На Дон была послана очередная грамота. «А наперед сего предки ваши, и деды и отцы так никогда не чинили и ни к кому без нашего государского указа не

хаживали», — напоминалось в ней донцам. В ответ те заверяли, что больше «на помощь» к Собескому без царского указа не пойдут [199].

Немногочисленные ватаги запорожцев, донских казаков и калмыков, которые часто ходили вместе с донцами в самовольные набеги на крымские улусы, только в сентябре прибыли с С. Порадовским в Немиров, откуда тот написал Яну Собескому [200]. Малочисленность калмыцкого отряда отмечал в своей очередной грамоте, направленной Аюке, польский король. Он надеялся, что в кампанию 1685 г. к польской армии присоединятся более значительные калмыцкие отряды. Собеский призывал калмыков «с первой травой» соединяться с казаками правобережного гетмана Андрея Могилы [201]. Об участии небольшого числа калмыков в боевых действиях на Днестре осенью 1684 г. сообщает в своей реляции и каменецкий епископ Стефан Военьский [202].

В начале апреля 1685 г. курский воевода Михаил Андреевич Голицын, дабы предупредить очередной проезд польских посланцев к калмыкам и донским казакам, по приказу из Москвы разослал распоряжения в «Белгородцкого разряду в городы, которые по черте и за чертою по Дону и по Северскому Донцу и по Сосне и по Осколу», а также сумскому, ахтырскому и харьковскому полковникам высматривать и арестовывать всех беглых и подозрительных, регулярно высылая в степь разъезды.

Весной в Сечь действительно прибыл посланный Могилой казак. Однако его предложения присоединиться к войску Яна Собеского были отвергнуты кошевым атаманом Григорием Сагайдачным под предлогом царского запрета. Письма А. Могилы он переслал гетману Ивану Самойловичу. Как и в прошлом году, в Речь Посполитую отправилось несколько десятков добровольцев, многие из которых возвратились из-за конской бескормицы и слухов о неудачах польских войск.

В начале июня 1685 г. Самойлович сообщил М.А. Голицыну, что гонцы Андрея Могилы направились к донским казакам и далее на Яик, чтобы «призывать на королевскую службу» калмыцких тайшей. Гетман отдал приказ «украинным полковникам <...> тех посланных постерегать» и просил Голицына дать соответствующие указания воеводам Белгородского разряда, чьи городки расположены по Донцу и Дону, чтобы «переимать» посланных хотя бы и на обратном пути. Воевода повторил данные еще весной приказы об усилении бдительности на черте. В столице русского государства, узнав об этом, в июне направили грамоты в Самару, Царицын, Саратов, Черный Яр и другие «понизовые городы», а М.А. Голицыну — указ стеречь людей Могилы «по всем дорогам и переправам, которые от Днепра к Дону належат»; воеводам же и приказным людям пограничных городов писать «что б они в тех городех сами смотрели и на заставах и на сторожах заставным головам и служилым людем» велели смотреть в оба, особенно «около застав по лесам и по займищам в ближних и дальних местех, по дорогом и по причинным местам», посылая туда «нарочно ратных людей» [203].

На этот раз принятые меры не дали результата. Бывшие на польской службе донской казак и татарин беспрепятственно проехали на Дон с грамотами от Яна Собеского Войску Донскому и калмыцким тайшам. Однако донцы отказалось идти

на службу к польскому королю, отправив ему письмо, что «де ныне идти неколи». Вместо этого казаки разорвали перемирие с крымскими татарами, совершив против Крыма несколько экспедиций, как по морю, так и по суше. За все это из Москвы на Дон в октябре 1685 г. были посланы царские грамоты с выговором за самовольные военные действия против Крымского ханства, строжайшим запретом вести их впредь и требованием прислать в Посольский приказ королевские грамоты и письма запорожских казаков, «не отговариваясь ничем».

Получив царскую грамоту, донские казаки в ответном послании обещали с Яном Собеским впредь не сноситься и набеги на крымские владения прекратить и снарядили посольство в Москву, однако посланцев Могилы выдать отказались, ограничившись присылкой «листа» от Яна III, а также его грамоты к калмыцким тайшам (доставлена по адресу она так и не была). Свои набеги на крымские владения они объясняли многими обидами от «азовских» людей. Ездивший на Дон с царской грамотой толмач Иван Никитин по возвращении в Москву сообщал, что рядовые казаки против заключения мира с Крымом и не желают слушать увещевания донского атамана Фрола Минаева[204].

Подводя итог, можно заключить, что усилия Яна Собеского по привлечению к участию в операциях польско-литовской армии калмыков и донских казаков не увенчались сколько-нибудь значительным успехом. В 1684 г. на службу к польскому королю пошли очень незначительные отряды, в 1685 г. донские казаки предпочли действовать самостоятельно, а до Аюки королевские предложения и вовсе не дошли. Вместе с тем попытки Собеского вести сепаратные сношения с донцами и калмыками, считавшимися царскими подданными, не могли не вызвать недовольства в Москве, лишь усиливая взаимное недоверие в русско-польских отношениях.

IX. Напряженность в пограничных отношениях двух стран подогревалась политикой гетмана И. Самойловича, обратившего свое внимание на застарелый «посожский конфликт». Еще в ходе русско-польской войны в 1654 г. отряды казацкого полковника Василия Золотаренко заняли часть земель Великого княжества Литовского, включая города Гомель, Чичерск и др. с окрестностями, т. е. территории в верховьях Днепра до р. Сож (т. н. Посожские села или Засожье)[205]. По Андрусовскому перемирию земли эти были возвращены Речи Посполитой, однако это не заставило запорожских гетманов отказаться от своих претензий.

Новое обострение русско-польских отношений из-за Посожских сел дало о себе знать уже вскоре после 1667 г. В 1669–1671 гг. казаки гетмана Д. Многогрешного заняли земли Мстиславского воеводства, в т. ч. Речицкого и Мозырского поветов. Местная шляхта оказалась изгнана из своих имений. Это вызвало недовольство польской стороны. Польско-литовские дипломаты, прибывшие в 1672 г. в Москву, настаивали на возвращении захваченного. Накануне вмешательства Порты в борьбу за Украину в Москве предпочли уступить и, воспользовавшись тем, что казацкая старшина организовала свержение Многогрешного, выставили его главным виновником нарушения Андрусовского перемирия со стороны России, возвратив Речи Посполитой Засожье. Польским послам во главе с Яном Гнинским было за-

явлено, что «заезд тот изменник Демка учинил на ссору»[206]. Начавшаяся русско-польско-турецкая война видоизменила вопрос урегулирования территориальных противоречий между Россией и Речью Посполитой. Теперь Москва и Батурин стремились утвердить свое влияние на Правобережной Украине, находившейся под властью турецкого вассала — гетмана П.Д. Дорошенко. Однако закрепиться на Правобережье России не удалось. Бахчисарайское перемирие устанавливало в качестве границы между владениями двух государств реку Днепр. За царем признавался на Правобережье только Киев с прилегающими землями.

В этой ситуации в Батурине вновь вспомнили о «несправедливо» захваченных поляками и литовцами Посожских селах. В 1680-х гг. посожский конфликт вновь сыграл значительную роль в развитии русско-польских отношений. С одной стороны, он стал одним из важнейших козырей русской дипломатии в борьбе с Речью Посполитой за признание Андрусовских приобретений, с другой — своеобразным индикатором истинного отношения казацкой старшины к наметившемуся русско-польскому сближению.

Продвижение казаков на земли Великого княжества Литовского началось в первые месяцы 1683 г. (а возможно и раньше). Направленный в Москву в мае этого года польский посланник Ян Зембоцкий среди прочего должен был потребовать и возвращения Россией «заеханных» казаками Ивана Самойловича земель Речицкого повета и Гомельского староства в Мстиславском воеводстве (на первом месте стояли владения «благородных Щук», т. е. имения королевского секретаря С.А. Щуки или его родственников)[207]. Претензии, выдвинутые по просьбе украинского гетмана русскими дипломатами на Посожские села в ходе Андрусовской комиссии 1684 г., натолкнулись на заявление польско-литовской стороны, что часть спорных земель, а именно в Речицком повете, и так уже захвачена казаками[208].

После завершения переговоров в Андрусово русское правительство не оставило попыток добиться удовлетворения хотя бы части претензий И. Самойловича к Речи Посполитой. С этой целью в июне 1684 г. к польскому королю был направлен подьячий Савва Сандырев. В данной ему грамоте содержались жалобы на «заезды» польских подданных в места, принадлежащие к Киеву, — Треполье, Стайки, пустующее местечко Белогородок, о захвате в тех районах лесов и «сеножатей», а также о присвоении братом львовского епископа И. Шумлянского «маетностей» Киевской соборной церкви и Печерского монастыря. Как видно, в Москве вновь выдвигали претензии расширения округа вокруг Киева. Русское правительство напоминало, что ещё со времен Б. Хмельницкого земли до р. Случь были под властью запорожского гетмана и Речи Посполитой не принадлежали, и требовало приказать коменданту Белой Церкви пресекать все подобные нарушения мирных постановлений. Постоянно возникавшие взаимные пограничные претензии только внешне носили частный характер. В существе они отражали весьма глубокое, постоянно тлевшее и обострявшееся время от времени противоречие в отношениях Речи Посполитой и России, когда каждая из сторон претендовала на обладание всей Украиной.

11 (1) августа подьячий Сандырев прибыл в Варшаву, а 3 сентября (24 августа) был принят Яном III в военном лагере под Жванцем. В ответной грамоте, по-

сланной с ним, король, в свою очередь, напомнил Москве о временном нахождении Киева в составе России, а следовательно, о беспочвенности изложенных претензий по поводу «заездов». В то же время Ян Собеский выражал надежду на ближайшее заключение военного союза и обещал наказать виновных в «заездах» и грабежах, если таковые отыщутся. Однако, как свидетельствуют источники по русско-польским отношениям 1680-х гг., такие «виновные» ни с русской, ни с польской стороны, как правило, не находились.

По сообщениям Сандырева в Посольский приказ, в Польше, как в коронной, так и в литовской армиях, были сильны настроения в пользу прекращения войны и заключения мира с Портой. Материалы миссии С. Сандырева лишний раз подчеркивают приоритеты России и Речи Посполитой в отношениях друг с другом. Для России главным являлось урегулирование территориальных противоречий, для Польши — заключение военного союза. С приездом Сандырева по Варшаве пошли слухи, вероятно, специально распускаемые польским правительством, что он прислан с полномочиями заключить с Речью Посполитой договор об антиосманском союзе, что цари уже выслали на помощь польско-литовской армии 20-тысячный корпус русских войск и три казацких полка и даже собираются вернуть Польше Киев. Эта информация, хотя и предназначалась по большей части для ушей турецких агентов, тем не менее обеспокоила гетмана И. Самойловича. В своем письме на имя царей он хотя и объявлял ее «польским лукавством», целью которого было выторговать у турок и татар выгодные условия мира, но вместе с тем просил русское правительство дать со своей стороны разъяснения по этому вопросу, посвятив его во все подробности миссии С. Сандырева[209].

Дальнейшее обострение Посожского конфликта отчасти спровоцировал сам Ян Собеский, назначивший в феврале 1684 г., после смерти киево-печерского архимандрита Иннокентия Гизеля, новым архимандритом львовского епископа Иосифа Шумлянского[210]. Таким образом польский король хотел заявить, что Речь Посполитая по-прежнему имеет права на Киев. «Назначение» Шумлянского вызвало резкое недовольство гетмана Ивана Самойловича, воспользовавшегося этим для полного захвата Посожских сел.

После безрезультатного завершения Андрусовской комиссии и неудачной миссии С. Сандырева казаки летом — в начале осени 1684 г. полностью заняли Посожские села, разместив там отряд в 700 человек. На занятых территориях вводилось казацкое устройство: «...chłopów tamecznych <...> zbuntowali, do siebie przygarnęli i sporządzili setników i atamanów wedle swego zwyczaju»*, — так характеризовал действия казачества в своем «Дневнике» витебский воевода Ян Антоний Храповицкий[211]. Другой, анонимный источник сообщает, что с захваченных земель была прекращена выплата податей и доходов шляхте, а в казаки обращались не только крестьяне, но и мелкая шляхта, в первую очередь православная[212]. Занятый по приказу И. Самойловича район представлял собой значительную часть Мстислав-

* «...тамошних мужиков взбунтовали <...> взяв под свою власть, назначили сотников и атаманов по своему обычаю».

ского воеводства Великого княжества Литовского. Мстиславскую шляхту, еще не забывшую разорения и ужасы московско-казацкого нашествия 1650-х гг., охватили панические настроения. В адрес литовского канцлера М. Огинского шли письма с призывами о помощи[213]. Я.А. Храповицкий отмечал, что казаки грозились занять земли аж до р. Березины*[214]. Собравшийся чрезвычайный сеймик Мстиславского воеводства постановил направить в Москву своих представителей — шляхтичей Кошанского и Венцлавского, не дожидаясь реакции Варшавы, а пока что выслал А. Константиновича для переговоров с Н. Краевским. В октябре 1684 г. они встретились в деревне последнего под Смоленском. Константинович больше всего интересовался, действительно ли казаки действовали в соответствии с царским повелением, как о том написано в универсале стародубского полковника, текст которого земский писарь имел при себе. М. Огинскому было о чем беспокоиться — действия казаков по прямому указанию Москвы означали бы явное обострение русско-польских отношений вплоть до возможности начала новой войны. И наоборот, самоуправство гетмана давало возможность мирного разрешения проблемы. «И я ему в том ответ дал, — писал Краевский Голицыну, — что слепой о письменных делех молвить не может, потому что их не видит. Тож и я, в думе с бояры не сижу и ни о чем не ведаю <...> а чаю, то чинится от прихотей черкасских, а великие государи о том не ведают».

Августин Константинович припомнил своему собеседнику, что на бывшей недавно Андрусовской комиссии М. Огинский, признавая беззащитность Литвы перед возможным московским нашествием, откровенно заявил боярину Я.Н. Одоевскому, «что де нынешняго времени мочно взять и Вильню по-прежнему». В связи с этим Константинович также напомнил и об обязательстве не нарушать перемирие, зафиксированном в разъезжих письмах, скрепленных обоюдной клятвой. Краевский всячески заверял собеседника, что Россия не собирается воевать с Речью Посполитой[215]. В конце разговора Константинович сделал примечательное заявление, свидетельствующее, что о его тесных отношениях с Краевским было хорошо известно в Мстиславском воеводстве: «Меня послали к тебе всем городом, прося о том ведомости, и говорили <...>, что де ты в близком соседстве с Краевским дружно живешь. И я по-прежнему сказал, что впервые о тебе слышу»[216]. Однако в оправдания писаря гродского мало кто верил. Мстиславский подсендек Е.К. Неронович-Шпилёвский открыто называл Константиновича «москалем», заявляя о его тесных связях с Россией[217].

По утверждению Я.А. Храповицкого, А. Константинович имел ранг официального королевского посланника, действовавшего с ведома Яна III[218]. Следовательно, польский двор знал о тесных связях М. Огинского с Посольским приказом и, привлекая троцкого воеводу на свою сторону, стремился использовать эти контакты в своих интересах.

26 (16) октября 1684 г. в Смоленск приехали посланники Мстиславского воеводства — мечник полоцкий Александр Венцлавский и шляхтич Михал Кошан-

* Речь идет о р. Березине — притоке Днепра, в отличие от Березины — притока Немана.

ский. Они вручили воеводе Б.В. Бутурлину послание от хорунжия мстиславского Яна Игнатия Пожарицкого и «инструкцию» — постановление сеймика. В ней отмечалось, что казаки, захватившие посожские земли, заявили направленным к ним представителям мстиславской шляхты, что «заезд» совершен по воле царей и украинского гетмана. Поэтому главной задачей, стоявшей перед А. Венцлавским и М. Кошанским, было выяснить правдивость этого утверждения. В случае, если бы официальные представители власти в России опровергли его, то мстиславские шляхтичи должны были потребовать освобождения Посожских сел и возмещения убытков; казакам требовалось направить указ о немедленном съезде с этой целью с литовскими представителями. Я. Пожарицкий настаивал, что «северские казаки» нарушили Андрусовское перемирие, которое Мстиславское воеводство неукоснительно соблюдало, и просил донести о захвате Засожья царям[219].

Обо всем этом Б.В. Бутурлин сообщил в Москву. 2 ноября (23 октября) 1684 г. на заседании Боярской думы было решено приказать смоленскому воеводе заявить посланцам, что в Москве ничего не знают о случившемся, а потому цари указали направить грамоту к И. Самойловичу с приказом «разыскать» и обо всем сообщить в Москву. По результатам розыска Яну Собескому будет направлена царская грамота. Пока же послов было велено отпустить и на все последующие жалобы отвечать таким же образом. Соответствующая грамота была выслана Б.В. Бутурлину в тот же день[220]. В действительности официальное уведомление о «заезде» Посожских сел в Москве получили тогда же, 2 ноября (23 октября). Причем гетман И. Самойлович не решился писать об этом на имя царей, прислав письмо В.В. Голицыну. Он заявлял, что приказал «заехать» Засожье в отместку за «захват» львовским епископом И. Шумлянским владений киевских монастырей на Правом берегу Днепра. Гетман раскрывал и другую, более существенную причину произошедшего — нехватку земли для расселения малороссиян («край наш зело тесен»). «Велел есмь сыну моему стародубскому полковнику своих нарочно послать посланных над рекою Сожем, приказывая вышереченных сел и деревень жителем посполитым, дабы шляхты, которые ими владели, не слушали <...>. И шляхта оттуду из сел за Сож уступила, а тамошние жители посполитые люди <...> тому заезду зело были ради», — писал гетман В.В. Голицыну[221].

И в Батурине, и в Москве прекрасно понимали, что захват Засожья является прямым нарушением Андрусовского и последующих русско-польских соглашений и будет расценен в Речи Посполитой и в окрестных государствах как враждебный шаг России в отношении шляхетской республики. Чтобы подстраховаться, правительство решило выезжавшего в Польшу гонца М. Савина снабдить еще одной грамотой к Яну Собескому, с призывом немедленно провести размежевание границ и решить пограничные споры. Тем самым русская дипломатия оставляла себе возможность на все будущие обвинения польско-литовской стороны в нарушении перемирия отвечать встречными упреками, представляя все произошедшее как пограничный инцидент, который возник из-за нежелания Речи Посполитой размежевать границы с Россией и решать пограничные конфликты. В то же время думному дьяку Е.И. Украинцеву, который готовился к поездке в Батурин, было пору-

чено требовать от гетмана «на письмах <...> подлинные свидетелства, что села и деревни належат к Войску Запорожскому <...> и чем в том впред королю полскому ответ чинить, что те села и деревни заеханы».

Прибыв в Батурин в ноябре, Емельян Украинцев потребовал от И. Самойловича объяснений по поводу захвата Посожских сел. Гетман повторил то, о чем уже писал к В.В. Голицыну. Однако дьяк отверг эти объяснения, заявив, что обвинять поляков в «захвате» И. Шумлянским имений, которые находятся на территории, принадлежащей по договору 1667 г. Речи Посполитой, просто «стыдно», и их несостоятельность — очевидна. Украинцев разъяснил гетману и позицию Москвы по данному вопросу в отношениях с Речью Посполитой — делать вид, что ничего не произошло, требовать от короля проведения размежевания и решения пограничных споров, а все обвинения списывать на нежелание польско-литовской стороны выслать пограничных судей. Гетман выразил удовлетворение такой позиций русской дипломатии. Он просил не возвращать полякам указанных земель до следующей пограничной комиссии и обещал предоставить документы, подтверждающие права Войска Запорожского на Посожские села[222].

В королевском лагере под Жванцем, получив осенью 1684 г. известия о захвате Засожья, посчитали, что это результат русско-османских договоренностей[223]. В Речи Посполитой известия о захвате Посожских сел вызвали серьезный переполох. Представители польско-литовской политической элиты видели в этом угрозу новой войны с Россией, по стране ходили упорные слухи, что русские войска вторглись в Литву. Не только при дворе Яна Собеского, но и при других европейских дворах не сомневались, что захват Засожья был произведен по прямому указанию из Москвы[224]. Нунций О. Паллавичини сообщал в Рим, что русское правительство решило занять Посожские села в отместку за то, что Ян Собеский передал владения киевских монастырей и киевской митрополии львовскому епископу И. Шумлянскому[225]. Именно такую причину захвата Засожья, среди прочих, приводил руководству Посольского приказа гетман И. Самойлович. Видимо, отзвуки гетманской пропаганды дошли и до Львова, где в тот момент находился папский нунций. Впрочем, земли эти в окрестностях Киева Москва уже давно требовала признать владением России и добилась этого от османской стороны по Бахчисарайскому перемирию.

С жалобами на казаков и требованием вернуть захваченные земли в Москву в декабре 1684 г. приехал польский посланник Томаш Адам Вилковский. Не желая обострения отношений с Россией, королевский двор не выдвигал обвинений непосредственно в отношении российских монархов, выражая надежду, что произошедший «заезд» — дело рук «самовольных» казаков[226]. Однако в Москве решили по-прежнему придерживаться выбранной позиции. В ответной грамоте королю подробно перечислялись все случаи безрезультатных выездов русских пограничных судей для разрешения пограничных споров и уточнения границ начиная с 1670-х гг., включая и последнее предложение, сделанное русской стороной через М. Савина. Отказ Речи Посполитой выслать судей со своей стороны и подавался как главная причина «заезда» Посожских сел, представленного как заурядная по-

граничная «ссора». От царского имени Яну Собескому сообщалось, что в Москве якобы ничего не знали о захвате казаками Засожья, но теперь проведут расследование всех обстоятельств дела, о результатах которого сообщат королю позднее [227].

Дипломатическая переписка между польским и московским дворами по поводу Засожья продолжилась сначала через возвратившегося в феврале 1685 г. в Москву подьячего М. Савина, а затем через почту. Польско-литовская сторона в ответ на требование высылки межевых судей настаивала, что межевые судьи призваны решать мелкие пограничные обиды, в т. ч. и споры касательно конкретных владений тех, чьи межи совпадают с границами двух государств, но никак не заниматься межеванием всей границы. Русское правительство утверждало, что вопрос о Засожье как раз и есть такой случай, и вновь требовало высылки судей. В марте 1685 г. к гетману И. Самойловичу отправился на переговоры севский воевода Л.Р. Неплюев с одним вопросом: «держати <...> или уступить» Посожские села полякам? Но гетман твердо стоял на своем. Наконец в апреле Ян Собеский в своей грамоте сообщил о готовности выслать порубежных судей, но только для решения споров пограничных жителей, а не для межевания границы. В Москве же решили покамест «обождать» и не писать больше грамот ни к королю, ни к гетману [228]. Зато гетман не переставал слать в Москву информацию, призванную усилить недоверие в отношении Речи Посполитой. В мае он прислал «распросные речи» бывшего в Варшаве во время сейма казака Переяславского полка, в которых сообщалось об обсуждении на сейме возможности заключить мир с турками, чтобы начать войну с Россией под предлогом отказа Москвы оказать помощь соседу в борьбе с османами и запрета продавать на польскую сторону хлеб.

В русской столице серьезно отнеслись к этой информации — 16 (6) мая Боярская дума приговорила послать в Разряд память о направлении грамот в пограничные с Польшей и Литвой города о «готовности» ратных людей и починке городовых укреплений [229].

Переговоры о Засожье пытался продолжить и А. Константинович — в феврале 1685 г. он вновь писал об этом Н.М. Краевскому, однако безрезультатно [230].

Сеймом 1685 г. в российскую столицу был направлен очередной гонец — Ян Зембоцкий. О его скором приезде в Посольский приказ загодя сообщил Краевский [231]. Переговоры с прибывшим в Москву в июле польским дипломатом возглавил В.В. Голицын. В Посожском конфликте русская сторона, как уже говорилось, исходила из того, что поскольку граница до сих пор не размежевана, то претензии польской стороны на ее нарушение беспочвенны — необходимо сначала размежевать пограничные земли или на худой конец созвать съезд пограничных судей, которые размежуют хотя бы спорные территории. Для польско-литовской дипломатии, всячески затягивавшей межевание земель в надежде пересмотреть условия Андрусовского перемирия, такое решение было явно невыгодным. Зембоцкий в ходе переговоров с Голицыным всячески протестовал против сведения проблемы Засожья к обычному пограничному спору — «малому делу», как его именовали в Посольском приказе. Он утверждал, что захвачено аж более 2 тыс. сел и деревень. В Москве немедленно направили гонца к гетману, требуя «своей» росписи Посожским

селам. Присланный Самойловичем документ содержал гораздо более скромные цифры (178 сел и деревень), что, видимо, больше отвечало действительности*.

В обширных статьях, присланных в Посольский приказ сразу после приезда Зембоцкого, Самойлович доказывал необходимость присоединения Засожья к России. Причем он не только настаивал на «исконных» правах Войска Запорожского на эти земли, но и приводил более конкретные аргументы, доказывая, в частности, стратегическую важность этого района, который в случае новой войны с Речью Посполитой мог бы послужить полякам идеальным плацдармом для нанесения удара по Черниговскому и Стародубскому полкам, поэтому река Сож — как естественная, географическая граница владений России и Речи Посполитой — должна стать и границей политической («по Сож межа может быть крепка», — писал гетман). Развивая мысль о стратегическом значении Засожья, Самойлович предлагал поверстать местных крестьян в стрельцы или казаки. Гетман приводил свидетельства о нежелании тамошнего населения терпеть господство шляхты и гонения на православие, о его готовности «показачиться» и перейти под царскую власть.

Посредническую роль в Посожском конфликте пытался взять на себя даже император Леопольд I. В грамоте царям он призывал Россию не обострять отношения с западным соседом и высказывал явную заинтересованность в установлении на русско-польской границе прочного мира, поскольку натиск России «на литовских рубежах» может заставить Речь Посполитую заключить мир с Османской империей. В Москве, утвердившись к 1685 г. в необходимости вступления в Священную лигу, направили И. Самойловичу грамоту с указанием немедленно очистить Посожские села и «казаков своих вывесть». Однако гетман не спешил выполнить царский указ. В ответ он направил в Москву очередное «покорственное челобитье», прося царей не торопиться с возвращением полякам спорных территорий. Царское правительство вняло его просьбе, приняв половинчатое решение: с Зембоцким был подписан договор о проведении съезда пограничных судей, а Самойловичу послана грамота с предупреждением, что если он не найдет «подлинные свидетельства» того, что Засожье принадлежало казакам до 1648 г., и «старожилов», которые готовы будут это подтвердить, то села придется вернуть Речи Посполитой. Зембоцкий категорически настаивал на том, чтобы представители гетмана в пограничном съезде не участвовали. В Москве сначала показали готовность согласиться с этим, однако по просьбе гетмана вновь ужесточили свою позицию, повелев И. Самойловичу прислать на съезд трех «знатных» своих представителей, которые должны были участвовать в переговорах наравне с русскими дипломатами[232].

Во время пребывания Я. Зембоцкого в Москве он несколько раз «приватно» встречался с В.В. Голицыным. Речь на этих встречах шла о делах не менее важ-

---

* По другим сведениям, там находилось 600 сел, принадлежавших различным представителям шляхетских родов, в т. ч. и кричевское староство, которым владела княгиня Радзивилл, супруга литовского подканцлера («Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 370). Папский нунций сообщал в Рим, что на территории Засожья находится около 100 деревень (BPANKr. Rps. 8435. TRz. T. 95. S. 100).

ных, нежели на официальных переговорах, — о заключении Вечного мира и союза. В российских архивах сохранились очень скупые сведения об этом. Известно, что 22 (12) июля Я. Зембоцкий был «на дворе» у «посольских дел оберегателя» с жалобами на переяславского полковника Л. Полуботка, «перезывавшего» казаков с Правобережья на Левый берег Днепра[233]. Кроме того, Н. Краевский в очередном донесении в Посольский приказ пересказал письмо Я. Зембоцкого к А. Константиновичу, в котором витебский ловчий сообщал о «особом разговоре наедине» с Голицыным «о вечном миру», в ходе которого тот заявил о стремлении России к его заключению[234].

Донесения самого Я. Зембоцкого о его неофициальных встречах с В.В. Голицыным сохранились в составе Публичного архива Потоцких в Варшаве[235]. Они не датированы и носят анонимный характер, и только анализ содержания позволяет установить примерное время составления этих документов (июль — начало августа 1685 г.) и их авторство.

На основе имеющихся сведений можно заключить, что Я. Зембоцкий неофициально встречался с В.В. Голицыным по меньшей мере три раза, причем даты двух последних встреч можно определить точно, это 22 и 28 июля. На одном из первых свиданий польский дипломат заявил о намерении Речи Посполитой направить в Москву посольство для заключения Вечного мира и союза. Русский канцлер в ответ выразил сожаление, что не участвовал в русско-польской комиссии 1684 г., а также напомнил витебскому ловчему, что польско-литовская сторона была готова уступить на ней России Смоленск. О Левобережной Украине и Киеве Голицын не вспоминал, и это дало возможность Зембоцкому предположить, что Россия может пойти на уступки в ходе будущих переговоров. Руководитель русской внешней политики заверял польского дипломата, что даже в случае неудачи переговоров о мире и союзе и даже после окончания «перемирных лет» цари и не думают решать свои проблемы в отношениях с Речью Посполитой военными средствам. Зембоцкому удалось узнать, что после его второй встречи с Голицыным «наедине» вопрос о мире и союзе с Речью Посполитой обсуждался на заседании Боярской думы. В ходе него «посольских дел оберегатель», которого витебский ловчий называл «главным двигателем» русско-польского союза, активно убеждал противников в необходимости его заключения. Голицын заявлял, что готов лично возглавить поход на Крымское ханство и тем самым «учинить память на века». Впрочем, и после заседания Думы дебаты в русском правительстве на этот счет не закончились, продлившись на целую неделю, во время «похода» царского двора в Коломенское. После возвращения оттуда В.В. Голицын вновь принял витебского ловчего. Он заявил, что Россия желает заключения Вечного мира и союза и послы короля и Речи Посполитой будут приняты должным образом. Однако попытки Я. Зембоцкого поднять вопрос о возможных территориальных уступках со стороны России встретили решительный отказ со стороны главы Посольского приказа, заявившего, что позиция России уже была обнародована на переговорах в январе–марте 1684 г., подтверждена на переговорах с австрийскими послами в мае–июне того же года и изменена не будет. Зембоцкий пробовал переубедить Голицына,

говоря, что если бы русская сторона смягчила свои позиции в ходе Андрусовской комиссии, то Вечный мир и союз был бы давно заключен. Витебский ловчий доказывал «посольских дел оберегателю», что Вечный мир и союз с Речью Посполитой избавит Россию от выплаты ежегодной «казны» крымским татарам и турецкой опасности, а кроме того, вступление русского государства в антиосманскую коалицию со многими христианскими государями принесет «успокоение» не только от внешних, но и от «внутренних» врагов. В последнем случае Зембоцкий, неплохо знавший внутреннюю обстановку в России и осведомленный о борьбе боярских группировок, намекал на возможность усиления «партии» В.В. Голицына и Софьи в случае успешной внешней политики. Не добившись от русского канцлера обещаний о будущих уступках, Зембоцкий сменил тон. Он пригрозил, что хотя сейчас время работает на Россию, тем не менее в будущем, после побед короля Яна III и его союзников над турками, Речь Посполитая может заговорить с Москвой «по-другому». Однако и эти слова не возымели действия. Витебскому ловчему не удалось даже убедить Голицына договариваться сначала о союзе, а потом о мире. Он ответил, что одно «дело» не может быть отделено от другого. На этом неофициальная встреча завершилась [236]. Именно о ней Я. Зембоцкий, видимо, сообщил в письме А. Константиновичу.

При польском королевском дворе подписанный Я. Зембоцким договор встретили негативно, расценив его как превышение посланником данных ему полномочий. Собеский считал, что, согласившись на разграничение земель в соответствии с Андрусовским перемирием, витебский ловчий тем самым от имени Речи Посполитой признал постоянный характер русско-польской границы и фактически «już oddał wszystkie avulsa Moskwie» * [237].

Пограничный съезд для размежевания спорных земель не состоялся, поскольку Россия упорно настаивала, чтобы судьи начали решать спорные дела, двигаясь вдоль границы с севера на юг, и в этом случае Засожье предстояло межевать в последнюю очередь. Польско-литовские представители в лице И. Лядинского и оршанского судьи Иеронима Комара отказались следовать достигнутым договоренностям, ища предлога для разрыва межевания. Они упорно настаивали на участии в съезде представителей Мстиславского воеводства (А. Константиновича и Я. Пожарицкого), выражали недовольство полномочной грамотой русской стороны. В итоге русские судьи — стольник Андрей Самарин и дьяк Федор Струков — уехали с литовской границы ни с чем. Характерно, что полоцкая шляхта, ссылаясь на конституцию сейма 1685 г., выбрала своих представителей (Юрий Щит Забельский, полоцкий конюший, и Данило Казимир Гласко, стражник инфлянский) для межевания на реляцийном сеймике, не дожидаясь особых указаний от центральной власти. Они направили послание псковскому воеводе М.Г. Ромодановскому, а затем великолукскому — князю Ефиму Мещерскому с просьбой выслать судей с русской стороны для решения межевых споров на участке границы России и Полоцкого воеводства ВКЛ. Таким образом литовская шляхта уже в который раз проде-

* «уже отдал все отторгнутое Москве».

монстрировала свое желание иметь на границе с Россией прочный мир. Однако на этот раз уже в Москве отказались от проведения пограничного съезда под предлогом неудачи межевой комиссии с И. Комаром и И. Лядинским [238].

Гетман же и не думал ослаблять натиск на границы Великого княжества Литовского. В конце октября — начале ноября 1685 г. А. Константинович переслал Н. Краевскому письмо кричевского бурмистра Казимира Бочкевича, пронизанное прямо-таки паническими настроениями. «Ведомо учинилось нам из Заречья, — писал бурмистр, — что к нам идет казаков со сто человек, а иные говорят болши, идут походом по волостям, избивают стрелцов неведомо для чего, велик всполох у нас, не ведаем, что делать». Жители Кричева, бывшие в Киеве, сообщали, что украинские казаки собираются вторгнуться и далее за Сож, захватить территории до самого Днепра и дойти аж до Могилева. А. Константинович, прося Краевского вновь прояснить позицию Москвы по этому вопросу, снабдил письмо многозначительным комментарием: «...дьявол верит народу тому, противу нас ярому. Чтоб мы не пропали от руки каиновой и как ни есть здоровье наше изберегли, потому, естли бы, избави Бог, востало козацтво на нас, то нам не надобно иного неприятеля, толко самих наших мужиков доволно на нас будет» [239]. По Мстиславскому воеводству ходили слухи, что по приказу И. Самойловича 7-тысячный казацкий отряд под командованием войскового судьи Петра Забелы (сомнительно, чтобы он командовал им по причине глубокой старости) «на добрых лошадях с лехким ружьем бес пушек» направлен на «Ерловицкой перевоз ниже Лоева, в дватцати верстах, а пошли где Березина впадает в Днепр а отдуду (так! — *К. К.*) около Березины хотят ставить залоги до самого Смоленска» [240].

К. Гжимултовский видел во всем этом угрозу войны с Россией. Выступая на сейме 1685 г. с официальной реляцией об Андрусовской комиссии, он заявил, что московские дипломаты еще тогда, в 1684 г., прямо заявляли о нежелании России соблюдать мирные договоренности, и якобы категорически отказались присягать на тексте разъезжего письма, и не приняли предложение о принесении такой присяги монархами России и Речи Посполитой [241]. Гжимултовский отказался подписать инструкцию для направленного в Москву Я. Зембоцкого, что стало причиной его конфликта с канцлером М. Огинским, не желавшим обострения русско-польских отношений и стремившимся поскорее урегулировать Посожский конфликт. По признанию самого Гжимултовского, литовский канцлер навлек на него негодование Яна Собеского [242]. Это осложнило попытки сближения позанского воеводы с двором.

Оценки Гжимултовским русской политики в отношении Речи Посполитой, как и год назад, были далеки от реальности и больше способствовали нагнетанию обстановки. Однако у обеспокоенной действиями И. Самойловича шляхты (особенно литовской) эти декларации находили живой отклик. Такая атмосфера не способствовала вынесению двором на обсуждение сейма решения о направлении посольства в Россию.

На основе доступных диариушей и реляций сейма 1685 г. мы можем заключить, что вопрос о посольстве в Москву не был предметом обсуждения собрав-

шейся шляхты и сенаторов[243]. Единственный касавшийся отношений с Россией вопрос, поднятый на сейме, заключался в назначении депутации для составления ответа на присланные царские грамоты[244].

Переговоры России и Речи Посполитой в Андрусово в 1684 г. показали, что после победы под Веной достижение компромисса оказалось невозможным. Более того, отношения Варшавы и Москвы вплоть до конца 1685 г. оставались достаточно напряженными. Каковы же были причины, побудившие Яна Собеского направить для заключения Вечного мира и союза новое посольство в Россию? Ответ на этот вопрос надо искать во внутренней ситуации и международном положении Речи Посполитой в 1684–1685 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Wimmer J.* Wedeń 1683. Dzieje kampanii i bitwy. Warszawa, 1983. S. 125–128; *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловацкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 243–246; *Konarski K.* Polska przed odsieczą wiedeńską r. 1683. Warszawa, 1914. S. 113–114.

[2] *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 247; *Wimmer J.* Op. cit. S. 145–147.

[3] С. Витвицкий — неизвестному. 2 августа 1680 г. Варшава — AGAD. AR. Dz. 5. Rps. 17574. S. 4.

[4] *Wimmer J.* Op. cit. S. 128–130; *Konarski K.* Op. cit. S. 125–127.

[5] *Wimmer J.* Op. cit. S. 130–131; *Deiches E.* Koniec Morstina. Studium historyczne z czasów Jana Sobieskiego. Kraków, 1894. S. 56–57; *Kamieński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku. Dzieje polityczne. Poznań, 2002. S. 225; *Konarski K.* Op. cit. S. 133.

[6] *Wimmer J.* Op. cit. S. 132. Так же считает М. Вагнер: *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski (1634–1720). Polityk i dowódca. T. 1. Siedlce, 1997. S. 179.

[7] *Wimmer J.* Op. cit. S. 133–135; *Konarski K.* Op. cit. S. 128–135.

[8] *Wimmer J.* Op. cit. S. 133–134; *Deiches E.* Op. cit. S. 57–60; *Kamieński A.* Op. cit. S. 227–229; *Wójcik Z.* Jan Sobeski. 1629–1696. Warszawa, 1983. S. 311–312; *Konarski K.* Op. cit. S. 136–144.

[9] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. Л. 30–71.

[10] *Deiches E.* Op. cit. S. 60, 65–66. Попытки французского резидента и подскарбия пользоваться услугами бранденбургской почты окончились тем же результатом. *Kamieński A.* Op. cit. S. 234–235.

[11] *Wimmer J.* Op. cit. S. 135–137; *Konarski K.* Op. cit. S. 165–168; Źródła dziejowe. T. 1. Warszawa, 1876. S. 108, 109, 111.

[12] Подробнее см.: *Wimmer J.* Op. cit. S. 149–150.

[13] *Deiches E.* Koniec Morstina... S. 64–79; *Konarski K.* Op. cit. S. 170–175; *Kamieński A.* Op. cit. S. 235–236; Диариуш сейма 1683 г. — AGAD. APP. Rps. 324. S. 46–48. Отметим, что зачитаны были не письма, а лишь тезисы, передававшие их содержание. См: «Excerpta z listow Jmci Morsztyna podskarbiego koronnego czytane w senacie na sejmie 1683» — BCz. TN. Rps. 179. S. 985–986; «Excerpta z listów posła francuskiego w senacie czytane na sejmie 1683» — Ibid. S. 1119–1120.

[14] *Wimmer J.* Op. cit. S. 140–142; *Konarski K.* Op. cit. S. 175–187. Наиболее свежая публикация: *Wójcik Z.* Traktaty polsko–austriackie.Warszawa, 1985. S. 104–113.

[15] *Wimmer J.* Op. cit. S. 143–144; *Konarski K.* Op. cit. S. 200–201.

[16] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6: Akta do dziejów króla Jana III. Sprawy roku 1683, a osobliwie wyprawy wiedeńskiej wyjaśniające. Wyd. F. Kluczycki. Kraków, 1883. S. 511.

[17] Военные приготовления Речи Посполитой и марш войск Собеского под Вену описаны на основе исследования Я. Виммера. См.: *Wimmer J.* Op. cit. S. 144–145, 149–168, 200–239, 279–302, 360–384, 389–401. См. также: *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 317–338; *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 252–259.

[18] *Wimmer J.* Op. cit. S. 401–416. См. также: *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski... S. 195–196; *Kołodziejczyk D.* Ejalet Kamieniecki. Podole pod panowaniem tureckim. 1672–1699. Warszawa, 1994. S. 106–108; *Власова Л.В.* Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в. Кишинев, 1980. С. 26–31; *Кочегаров К.А.* Участие украинского казачества в кампании 1683 года против Османской империи // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 5. Київ, 2005. С. 623–664.

[19] «Instrukctio <...> Joanni Casimirio Dönhoff ad Sedem Apostolicam S.R.M. ablegato» — BCz. Rps. 1865. S. 220–223; *Piwarski K.* Denhoff Jan Kazimierz // PSB. T. 5. Kraków, 1939–1946. S. 112.

[20] Идея посредничества польского короля между Людовиком XIV и императором выдвигалась и ранее, еще до заключения Нимвегенского мира 1678–1679 гг. См.: *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 267.

[21] *Konarski K.* Op. cit. S. 113, 118, 124. Заявления о готовности оказать Речи Посполитой помощь в случае нападения османов французская дипломатия делала и в 1680 г. (Ян Собеский — М.К. Радзивиллу. 24 июля 1680 г. Пиляшковицы — AGAD. AR. Dz. 3. Rps. 16. S. 7–9).

[22] «Instrukctio <...> Ioanni Gniński <...> ablegato ad S.R.M. Gallicarum». 8 января 1683 г. — BCz. Rps. 1865. S. 224–225; Relatia legatiej do Króla Jmci Francuskiego — BCz. Rps. 428. S. 123–131; AGAD. AZ. Rps. 3053. K. 342b и след.; Acta historica... T. 6... S. 290. Краткое упоминание о миссии воеводы черниговского см.: *Wójcik Z.* Jan Sobeski... S. 410 (автор коснулся только переговоров с Францией); *Przyboś A. Woliński J.* Gniński Jan // PSB. T. 8. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1959–1960. S. 59–60; *Konarski K.* Op. cit. S. 128–129; *Pukianiec L.* Sobieski a Stolica Apostolska na tle wojny z Turcją (1683–1684). Wilno, 1937. S. 28–30; *Mierzwa E.A.* Anglia a Polska w epoce Jana III Sobieskiego. Łódź, 1988. S. 222 (автор пишет о визите Гнинского в Англию без упоминания его имени).

[23] *Kamieński A.* Op. cit. S. 241–242.

[24] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 361–362; *Konarski K.* Op. cit. S. 197–198; *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 248–249. См. также: *Pukianiec L.* Op. cit. S. 32. Автор утверждает, что посредничество было предложено от имени самого императора его резидентом И. Жировским.

[25] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 362–366. См. также: *Wimmer J.* Op. cit. S. 353; *Pukianiec L.* Op. cit. S. 32–64.

[26] *Wimmer J.* Op. cit. S. 352–355; *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 339–341, 351; *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 259–260; *Pukianiec L.* Op. cit. S. 65–79.

[27] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 354–355; *Wimmer J.* Op. cit. S. 418–419; *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 261–262; «Instructio Ioanni Rozdrażewski castellano Międzyrzycensi <...> ad Sacram Cesarem Majestatem Leopoldum ablegato» — BCz. Rps. 1865. S. 217–218; *Wagner M.* Wenecja i Polska a wojna turecka w latach 1683–1685 // *Tegoż.* W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696). Siedlce, 2002. S. 132–133; *Pukianiec L.* Op. cit. S. 11–19, 87–95.

[28] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 369.

[29] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 11. Л. 4. Царский указ об отправлении посольства датирован 20 (10) августа 1682 г.

[30] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 11а. Л. 73–141.

[31] Там же. Л. 142–153. Требуя признания принадлежащими России территорий вокруг Киева, послы должны были опираться на потерю Украины Речью Посполитой по Журавненскому миру 1676 г., в то же время ссылаясь на Бахчисарайский договор, признававший право царей на указанные территории (при необходимости послы должны пообещать предъявить его текст на комиссии).

[32] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 10. Л. 23–26. Датирована 3 декабря 1682 г. Львов. Польскую копию см.: BN. BOZ. Rps. 1188. S. 534–536.

[33] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 2. Л. 26–30.

[34] Диариуш сейма 1683 г. — AGAD. APP. Rps. 324. S. 38–41.

[35] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 208. Л. 27 об.–90; MNKr. Rps. 169. S. 43–50.

[36] Там же. Л. 91–105.

[36а] Там же. 1683 г. Д. 5. Л. 28–29.

[37] РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Д. 581. Л. 674а–677а.

[38] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 10. Л. 15, 26, 53–64. Оригиналы грамот см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 236 (грамота Яна III к царям), 237 (полномочная Я. Зембоцкому для ведения переговоров). Обе датированы 21 апреля 1683 г. Варшава.

[39] Там же. Л. 92.

[40] Там же. Л. 82.

[41] Там же. Л. 104–155.

[42] Там же. Л. 157–163.

[43] Там же. Л. 259.

[44] Там же. Д. 5. Л. 69–87. (Нумерация листов не совпадает с их действительным порядком.)

[45] Согласно статейному списку, договор заключен 10 (20) июля. РГАДА Ф. 79. Оп. 1. Д. 208. Л. 161 об.–180 об.; Там же. 1683 г. Д. 5. Л. 92–94. Оригинал королевской грамоты к царям см.: Там же. Оп. 2. Д. 239. 19 июля 1683 г. Варшава. Копию договора см.: Там же. Оп. 3. Д. 134. 19 июля 1683 г. Более подробно о посольстве И.И. Чаадаева и Л.Т. Голосова см.: Kočegarov K. Początek wojny polsko-tureckiej a stosunki polsko-rosyjskie w pierwszej połowie roku 1683 // KH. Rocznik CXII. 2005. № 1. S. 53–76.

[46] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 2. Л. 28–30.

[47] Там же. Д. 5. Л. 49–53.

[48] *Королюк В.Д., Рогов А.И.* Битва под Веной в 1683 г. и русско-польские отношения // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 183–200; Королевскую грамоту от 13 сентября 1683 г. см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 240. Ян Собеский в письмах царям подробно оповещал их обо всех своих последующих победах. См.: Ян Собеский — царям. 27 октября 1683 г. Эстергом; Ян Собеский — царям. [ноябрь 1683 г.]. Сечень — BCz. 1865. S. 248–249, 257–258. Грамота царей Яну Собескому. 19 (9) декабря 1683 г. — BCz. TN. 179. S. 861–864. (Транскрипция русского текста латиницей.); APANW. MW. Teka 69. S. 151. (Копия с перевода на польский язык.).

[49] *Королюк В.Д., Рогов А.И.* Указ. соч.; ДАИ. Т. 10. С. 450–452. Подлинник грамоты В.В. Голицына — Я. Гнинскому см.: BCz. Rps. 827. S. 105–107; польскую копию, ошибочно датированную 1682 г. см.: BCz. Rps. 179. TN. S. 139–142.

[50] *Perdenia J.* Rokowania polsko-rosyjskie w Kadzyniu w 1684 r. // Rocznik Naukowo-Dydaktyczny Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie. Prace historyczne. IV. Z. 32. 1968. S. 55–84. Так, Я. Перденя почему-то считает, что переговоры проходили в Кадино, тогда как там всего лишь находился польский посольский стан; неосновательно приписывает участие в переговорах В.В. Голицыну; наконец, утверждает, что переговоры продлились аж до конца 1684 г. См.: Ibid. S. 55, 72, 84.

[51] AGAD. AZ. Rps. 3046. K. 228. Копию см.: APANW. MW. Teka 69. K. 74–74 об.

[52] Известно письмо Собеского (от 15 августа 1683 г. из Кракова) кому-то одному из комиссаров. В нем польский король также отмечал отсутствие казенных средств на посольство. См.: BCz. Rps. 1865. S. 232–233.

[53] «Relacya kommissyi Kadzyńskiej r-u 1683-o zaczętej a r-u 1684-o skończonej na sejmie warszawskim r-u 1685-o przy obecności stanów Rzpltej uczyniona y do Metryki W-o X-wa Litt-go podana przez J.W-o Jm Pana Krzysztofa Grzymułtowskiego woiewodę poznańskiego» — TN. Rps. 181. S. 331–333.

[54] К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 6 ноября 1683 г. Минск // Listy z czasów Jana III i Augusta II, wydane przez G.B.U. i Władysława Skrzydyłkę. Kraków, 1870. S. 3–5; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 334. См. также: К. Гжимултовский — Б. Сапеге (?). 8 ноября 1683 г. «W Smolenicach» — AGAD. APP. Rps. 162. Cz. 1. S. 63–65.

[55] *Przyboś A.* Gniński Jan // PSB. T. 8. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1959–1960. S. 151.

[56] Я. Собеский — К. Гжимултовскому. 30 октября 1683 г. «над Дунаем напротив Эстергома» — BCz. TN. Rps. 179. S. 775. См. также: Listy z czasów... S. 3 (пересказ); *Załuski A.* Epistolae historicum-familiarium. T. 1. P. 2. Braunsberg, 1711. S. 822 (латинский перевод).

[57] К. Гжимултовский — Я. Собескому. 16 ноября 1683 г. Могилев — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 133.

[58] *Jabłonowski A.* Krzysztof Grzymułtowski, wojewoda poznański. Żywot // Źródła dziejowe. T. 1. Warszawa, 1876. S. XIII.

[59] К. Гжимултовский — М. Гуровскому. 21 ноября (постскриптум от 24 ноября) 1683 г. Горки — BCz. TN. Rps. 179. S. 831–834. См. также: Listy z czasów... S. 6–7 (пересказ); *Załuski A.* Op. cit. S. 823 (латинский перевод).

[60] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 1–1 об.

[61] Там же. Л. 12 об.

[62] Там же. Д. 213. Л. 145 об.–149.

[63] Там же. Л. 156 об.–157.

[64] Там же. Л. 157 об.–160. В конце октября смоленский воевода М.С. Пушкин направил «за литовский рубеж» служилого шляхтича ротмистра Михаила Храповицкого, племянника витебского воеводы Я.А. Храповицкого, «проведывать» о польско-литовских послах. Вскоре тот сообщил, что о них еще ничего не слышно. См.: Там же. Л. 195–197.

[65] Там же. 1682 г. Д. 2. Л. 73.

[66] Там же. Д. 214. Л. 13–14 об.

[67] Я.Н. Одоевский прибыл в Смоленск 24 (14) декабря, а Чаадаев и Бутурлин — 27 (17) декабря 1683 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 25 об., 26 об.)

[68] Наказ и полномочную грамоту князь Ю.Ф. Щербатов привез в Смоленск 28 (18) декабря, на следующий день после приезда туда Чаадаева и Бутурлина (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 27).

[69] Там же. Д. 213. Л. 252 об.–256.

[70] Там же. Л. 272–278; Там же. Д. 214. Л. 15 об.–19 об.

[71] Там же. Д. 213. Л. 293–294. Память свидетельствует, что в это время Чаадаев все еще находился в Москве.

[72] «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 334–335.

[73] «Z listu JmP. Konstantynowicza». 17 ноября 1683 г. Б.м. — BCz. TN. Rps. 179. S. 776.

[74] «Z listu JmP. woiewody Trockiego». Б. м., б. д. — Ibid. Отрывок из письма М. Огинского находится рядом с отрывком из письма А. Константиновича, а на предыдущей странице расположен отрывок из письма Яна Собеского К. Гжимултовскому от 30 октября 1683 г. Видимо, все эти документы попали в «портфели» Нарушевича из одного источника. Скорее всего, адресатом письма М. Огинского (к которому была приложена копия письма А. Константиновича) был также воевода познанский, позднее переславший все три вышеуказанных документа кому-то из своих единомышленников (Б. Сапеге?).

[75] К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 23 декабря 1683 г. Кадино // Listy z czasów... S. 8. См. также: К. Гжимултовский — М. Гуровскому. 14 декабря 1683 г. Кадино — BCz. TN. Rps. 179. S. 873–874.

[76] BPANKr. Rps. 8435. TRz. T. 95. S. 5.

[77] К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 17 декабря 1683 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 354.

[78] Тот же — тому же. 23 декабря 1683 г. Кадино // Listy z czasów... S. 8.

[78a] «Considerationes o tractatch moskiewskich j.m.p. wojewody poznańskiego k.j.m. sub trutinam posłane z Kadzynia». [декабрь] 1683 г. — Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego. Gabinet rękopisów. Rps. 71. S. 334–338.

[79] К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 25 декабря 1683 г. Кадино. Постскриптум от 27 декабря 1683 г. Могилев — AGAD. AZ. Rps. 3046. K. 231v–232v. (См. также: BCz. TN. Rps. 179. S. 885–887, датировано 28 декабря, без поскриптума; BPANKr. Rps. 1855. S. 471–473, без поскиптума; Listy z czasów... S. 13–15.); К. Гжимултовский — «некому сенатору» (А. Залускому?). 25 декабря 1683 г. Кадино. Постскриптум от 27 декабря 1683 г. Могилев — Ibid. K. 232v–233; К. Гжимултовский — М. Огинскому. 25 декабря 1683 г. Кадино — Ibid. K. 233. К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 25 декабря 1683 г. Кадино // Listy z czasów... S. 9–10; К. Гжимултовский — С. Г. Любомирскому. 25 декабря 1683 г. Кадино // Listy z czasów... S. 12. (См. также: BCz. TN. Rps. 179. S. 881–882, датировано 28 декабря; BPANKr. Rps. 1855. S. 471; *Załuski A.* Op. cit. S. 823, латинский перевод.); К. Гжимултовский — А. Залускому. 28 декабря 1683 г. Могилев — BCz. TN. Rps. 179. S. 879–880 (См. Также: BRANKr. Rps. 1855. S. 473; *Załuski A.* Op. cit. S. 826, латинский перевод; текст этого письма повторяет текст письма «некому сенатору» от 25 декабря, но без посткриптума); К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 28 декабря 1683 г. Могилев — BCz. TN. Rps. 179. S. 883–884. (См. также: *Załuski A.* Op. cit. S. 823–824, латинский перевод.) Возможно, К. Гжимултовский выслал письма только 28 декабря из Могилева, куда выехал из Кадино «навстречу почте», отсюда двойная датировка некоторых копий его писем.

[80] К. Гжимултовский — «некому сенатору». 25 декабря 1683 г. Кадино — AGAD. AZ. Rps. 3046. K. 232v–233.

[81] К. Гжимултовский — М. Огинскому. 25 декабря... — Ibid. K. 233.

[82] К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 25 декабря... — Ibid. K. 231v.

[83] К. Гжимултовский — М. Огинскому. 25 декабря... — Ibid. K. 233.

[84] К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 25 декабря... — Ibid. K. 232.

[85] Тот же — тому же. Постскриптум от 27 декабря 1683 г. Могилев — Ibid. K. 232v.

[86] К. Гжимултовский — С.Г. Любомирскому... // Listy z czasów... S. 12.

[87] К. Гжимутовский — Б. Сапеге. 25 декабря... // Ibid. S. 9–10.

[88] М. Огинский — Б. Сапеге. 27 декабря 1683 г. Дубровна // ŹDP. T. 2. S. 372–373.

[89] Тот же — А. Залускому. [Конец декабря 1683 г.] // Б. м., б. д. Listy z czasów... S. 30–31.

[90] Я. Окраса — Я. Велёпольскому. 27 декабря 1683 г. Могилев — AGAD. AZ. Rps. 3046. K. 233v.

[91] MNKr. Rps. 169. S. 128–129. Информацию эту витебский воевода почерпнул из письма троцкого воеводы М. Огинского.

[92] «Punkta do doniesienia królowi Jmci przez Jmć P[an]a Reuta od kommisarzów do traktatu z Moskwą o koniunkcją i wieczny pokoj a Replca naznaczonych» — BCz. TN. Rps. 179. S. 926–928. (Еще одну копию см.: BPANKr. Rps. 1855. S. 469–471.)

[93] AGAD. AZ. Dz. 3046. K. 231. См также: Ibid. K. 231v–234.

[94] «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 333–334; «Punkta do doniesienia...» — BCz. TN. Rps. 179. S. 928.

[94a] AGAD. APP. Rps. 45. S. 395–403.

[95] К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 6 ноября 1683 г. Минск // Listy z czasów... S. 5.

[96] Тот же — тому же. 11 января 1684 г. Кадино // Listy z czasów... S. 18. См. также: «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 354–355.

[97] «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 372–373. Кстати, познанский воевода не сомневался, что московитам, сумевшим, как он утверждал, в свое время выкрасть из шкатулки короля Владислава IV некое «письмо на московское царство», известно содержание инструкции.

[98] Ibid. S. 354.

[99] Ibid. S. 355–356.

[100] «Copia listu JoKmci do komissarzów na stolicę moskiewską (? — *K. K.*)». Январь 1684 г. Краков — BO. Rps. 248/II. S. 179–180.

[101] BCz. Rps. 844. S. 108 (оригинал с подписями сенаторов); BCz. Rps. 1696. S. 22.

[102] «Copia listu JoKmci...» — BO. Rps. 248/II. S. 179–180.

[103] BCz. Rps. 844. S. 108; BCz. Rps. 1696. S. 22.

[104] Я. Окраса — Я. Велёпольскому. 27 декабря 1683 г. Могилев — AGAD. AZ. Rps. 3046. K. 233v.

[105] «Punkta do doniesienia...» — BCz. TN. Rps. 179. S. 925–926.

[106] Ibid. S. 926.

[107] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 311–312 об.

[108] Там же. Л. 316–358.

[109] *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976. S. 72–85.

[110] Ibid. S. 117–120. См. также: *Ковальский Н.П.* Деятельность русской дипломатии в 70–90-х гг. XVII в. по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. Днепропетровск, 1968. С. 165.

[111] BN. BOZ. Rps. 1188. S. 589–590.

[112] *Wójcik Z.* Rzeczpospolita... S. 131.

[113] Ibid. S. 111–112, 131–132; *Tegoż.* Jan Sobieski.... S. 273; *Kołodziejczyk D.* Ottoman — Polish Diplomatic Relations (15th–18th century). An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents. Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 539–545.

[114] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 299–301 об.

[115] Там же. Д. 213. Л. 316–353, 392 об., 421–425 об.

[116] Там же. Д. 224. Л. 300–301 об.

[117] *Kołodziejczyk D.* The Ottoman Survey Register of Podolia (ca. 1681). Part One. Kyiv; Cambridge (Massachusets), 2004. P. 7; *Idem.* Ottoman-Polish... P. 494–545.

[118] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 404–405.

[119] Там же. Л. 349–405.

[120] Там же. Л. 322 об.–348. Особенно задевали Москву стихи, напечатанные в Кракове в некой книге «Лирика», посвященной королевичу Якубу Собескому. Дьяки Посольского приказа сделали даже их собственный стихотворный перевод:

Песнь первая или победа над Шереметевым

Слава Богу маскаль жидоголовый
Тяжкими брязгает на ногах оковы,
А что недавно Полше путами грозили,
Самиж себя в неволю тяжку посадили,
Слили кровью своею чюдновское поле,
Многие в вечной плачют побранны в неволе,
А москвитин с стороны смотря негодует,
Победа явна и счастье нам было,
Как не хотящих все поле окрыло
Людми на пять верст, толко ныне знатны
Как груба Москва с калмыки с саадачны
Черемисы, дикие лопане, казанцы,
И северных стран крепкие питомцы,
С воеводою в руки впали Шереметом,
Которому Чюднов стался щастя матом,
О той победе всяк сказати должен,
Хотя сстичь вероломну Русь,
О радосте, Боже войск им страшный,
Благодарится за чюда ужасный
Яко сокрушил еси змею ядовиту
Смерти и крови людския несыту.

(РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 347 об.–348 об.)

[121] Там же. Л. 415–418.

[122] Там же. Л. 418.

[123] Там же. Л. 597; Там же. Д. 214. Л. 28 об.–29.

[124] Там же. Д. 213. Л. 418 об.–428, 579 об.–580, 620. См. также: ДАИ. Т. 11. С. 14–21.

[125] *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Российского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 119. Документы Посольского приказа опровергают утверждение автора о посылке царского гонца с поздравлениями к Яну Собескому в связи с венской победой, основывающееся на донесениях нидерландского резидента в Москве. Гонец подьячий Никифор Венюков выехал в Речь Посполитую 20 (10) сентября с объявлением об отправлении на намеченную комиссию русских послов. Ср.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Столбцы 1683 г.

[126] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 592 об.–595, 601 об.–602, 620.

[127] «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 336.

[128] «Punkta do doniesienia...» — BCz. TN. Rps. 179. S. 925–928; «Kopia listu do króla Jmci od kommisarzów do Moskwy z Kadzynia...» 5 января 1684 г. Кадино — BCz. TN. Rps. 180.

S. 23. (Еще одну копию см.: BPANKr. Rps. 1855. S. 469.); К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 5 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 355; К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 11 января 1684 г. Кадино // Listy z czasów... S. 18; М. Огинский — Б. Сапеге. 14 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 374–375; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 336–337; Дневник Я.А. Храповицкого — MNKr. Rps. 169. S. 133; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 33 об.–43 об.

[129] К. Гжимултовский — Б. Сапеге. Постскриптум к письму от 14 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 361–362.

[130] М. Огинский — Б. Сапеге. 14 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 374–375.

[131] «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 336.

[132] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 293–298 об.

[133] Дневник Я.А. Храповицкого — MNKr. Rps. 169. S. 126–154.

[134] М. Огинский — Б. Сапеге. 14 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 374. Ц.П. Бжостовский жаловался М. Огинскому на Б. Сапегу, который отказал литовскому референдарю в выплате денег из скарба, полагавшихся ему как комиссару (что, впрочем, было обычным делом). Троцкий воевода просил литовского подскарбия выдать Бжостовскому деньги, доказывая, что его присутствие в Кадино необходимо, однако, видимо, безрезультатно (Ibid). Один из коронных дипломатов, Спытек Пстроконьский, также отмечал, что литовские дипломаты, отлично знающие московские дела и неоднократно участвовавшие в переговорах с Россией (имелись в виду Бжостовский и Храповицкий), оправдывали свое отсутствие невыдачей им денег Б. Сапегой (С. Пстроконьский — Б. Сапеге. 3 февраля 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 380). М. Огинский в связи с этим твердил, что он один тащит на себе груз за всю Литву (М. Огинский — Б. Сапеге. 28 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 377).

[135] Подробное и красочное описание церемонии встречи русского и польско-литовского посольств, в т. ч. и описание избы, где проходили переговоры, см.: «Zjazd pierwszy ichmpp. komisarzów w Andruszowie d. 17 januarii a° 1684 odprawiony» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 136–137.

[136] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 55 об.–63 об.; «Congressus primus w Andruszowie a° 1684 d. 17 januarii» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 134–135. Описания съездов в польских и русских источниках разнятся лишь в незначительных деталях. См. также: К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 18 января. 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 356; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 337–342.

[137] «Compendium negotiationis komisji z Moskwą» [2 февраля 1684 г.] — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 143.

[138] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 68 об.–79; «Memorial do ichmpp. komisarzów CW. welm. jmp. miecznikowi WKsL. dany w Kadzynie 13 (дата ошибочна, должно быть 18 января. — *К. К.*) januarii a° 1684» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 135; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 342–344.

[139] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 80–92; «Congressus secundus die 21 januarii a. 1684 z ichmpp. moskiewskimi» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 138–139; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 345–347.

[140] К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 21 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 357.

[141] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 93 об.–102 об.

[142] «Continuatio diarii commissionis et congressus tertius» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 140.

[143] «Continuatio diari...» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 140–141; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 102 об.–124 об.; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 347–349; «Compendium negotiationis...» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 143. Этот источник переносит, видимо ошибочно, споры об усилении смоленского гарнизона на 29 января, день четвертой встречи.

[144] «Doniesienia z Białej z pod samego Smoleńska de datta 1683 roku miesiąca oktobra 12 dnia» — BCz. TN. Rps. 179. S. 729; Дневник Я.А. Храповицкого — MNKr. Rps. 169. S. 110.

[145] М. Огинский — Б. Сапеге. 28 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 375.

[146] Listy z czasów... S. 36.

[147] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 127–130. По словам К. Гжимултовского съезд был назначен на 28 января, но был перенесен по просьбе русской стороны («Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 349–350).

[148] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 138 об.–148 об.; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 350–351; «Compendium negotiationis...» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 143.

[149] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 148 об.–151 об.; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 351–353; «Compendium negotiationis...» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 143.

[150] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 151 об.–157; «Compendium negotiationis...» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 143–144.

[151] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 158 об.–162.

[152] М. Огинский — Б. Сапеге. 11 февраля 1684 г. Кадино // Listy z czasów... S. 35.

[153] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 172–176 об.

[154] М. Огинский — Б. Сапеге. 3 февраля 1684 г. Кадино // Listy z czasów... S. 33; К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 10 февраля 1684 г. Кадино // Ibid. S. 22; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 163–166; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 353–357; «Compendium negotiationis...» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 144.

[155] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 242 об.–245 об.

[156] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 177–199 об.; «Relacya rozgoworu z Moskwą <...> 12 februar. 1684 dla informacyi króla Jmci na ręce Jm. Pana kanclerza W-o kor. posłana» — BCz. TN. Rps. 180. S. 55–70. (Ее латинский перевод: *Theiner A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelovits, Fédor III, et Pierre le Grand czars de Russie extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. S. 275–277.); К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 13 февраля 1684 г. Кадино — BCz. TN. Rps. 180. S. 107–108. Данная копия ошибочно датирована 16 февраля. (См. также: *Załuski A.* Op. cit. S. 869–870, латинский перевод; Listy z czasów... S. 23–24, пересказ.); «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 357–364. См. также: М. Огинский — Б. Сапеге. 14 февраля 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 378–379. Троцкий воевода был недоволен результатами пятого съезда. Правдивость польских источников касательно остроты дебатов 12 (2) февраля русский статейный список подтверждает лишь косвенно: приехавшему на польско-литовский посольский стан 8 марта (27 февраля) переводчику И. Тяжкогорскому дипломаты Речи Посполитой напомнили, как И.И. Чаадаев говорил, «что покой толко под шапкою и роскреплен...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 325). Вполне возможно, что стороны просто не до конца поняли друг друга — русские дипломаты неоднократно объявляли прежние союзные постановления нарушенными со стороны Речи Посполитой, что их польско-литовские коллеги восприняли как заявление о «роскрешении» русско-польского перемирия. Стоит отметить также, что Гжимултовский в своей реляции и письме особенно упирает на несговорчивость и воинственность русских.

[157] К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 17 февраля 1684 г. Кадино // Listy z czasów... S. 24–25.

[158] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 201–214 об.; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 364–365. О русских требованиях уступки Запорожья К. Гжимултовский ничего не сообщает.

[159] К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 22 июля [ошибочно, должен быть февраль] 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 359–360. Ранее, 14 января, познанский воевода также выражал обеспо-

коенность отсутствием на переговорах М. Друцкого-Соколиньского и даже написал ему послание с просьбой поторопиться (ŹDP. T. 2. S. 362).

160 К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 9 мая [неверно, должен быть март] 1684 г. — BN. BOZ. Rps. 933. K. 134.

161 М. Огинский — Б. Сапеге. 28 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 375–376. Опасения, что французская «партия» Речи Посполитой может воспрепятствовать русско-австрийским переговорам, высказывает автор «Компендиума» («Compendium negotiationis...» — AGAD. AZ. Rps. 3031. K. 144).

162 «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 355; К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 23 февраля 1684 г. Кадино // Listy z czasów... S. 25; Дневник Я.А. Храповицкого — MNKr. Rps. 169. S. 144. Привезенную Реутом полномочную грамоту польско-литовские комиссары подали русским послам на съезде 25 (15) февраля. Принята она не была — русские дипломаты выразили недовольство, что в ней не написано о «додержании» польской стороной договоров, которые могут быть заключены на этой комиссии, недостатком было и то, что грамота имела только малую литовскую печать. Это, в свою очередь, вызвало недовольство литовских депутатов (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 247–248 об.).

163 «Copia listu JoKmci...» — BO. Rps. 248/II. S. 179–180.

164 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 247–253; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 365–367.

165 *Kołodziejczyk D.* Ottoman-Polish... P. 520–527.

166 Ibid. P. 515–517.

167 Ibid. P. 539–544.

168 *Wójcik Z.* Rzeczpospolita... S. 72–74; *Tegoż.* Jan Sobieski... S. 304. *Чухліб Т.В.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах в 1648–1714 рр. Київ, 2005. С. 324–340; Ян Собеский — С. Невестиньскому. 14 октября 1681. Яворов — AGAD. AZ. Rps. 3053. K. 297.

169 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 253 об.–257; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 368. На следующем съезде, в ответ на повторные предложения польско-литовских дипломатов касательно Украины, русские послы заявили: «...тем казакам свобода (так! — *К. К.*) дать непристойно <...> под общим послушанием им быть обоим государством только на большую смуту, а наипаче королю полскому» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 264 об.).

170 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 258 об.–267 об.; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 368–371; К. Запольский — С.А. Щуке. 2 марта 1684 г. Кадино — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 10. S. 291.

171 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 300–307 об.; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 335, 371, 373–374; К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 9 мая [неверно, должен быть март] 1684 г. — BN. BOZ. Rps. 933. K. 132–132 v.

172 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 316–321 об.

173 М. Огинский — Б. Сапеге. 28 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 376; Źródła dziejowe. T. 1. Warszawa, 1876. S. 131. Известна копия письма Яна Собеского комиссарам с сообщениями о победах С. Куницкого, написанная в конце декабря 1683 г. См.: BO. Rps. 248/II. S. 173–174.

174 «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 372–373; Listy z czasów... S. 18.

175 Ibid. S. 352–353, 377; К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 9 мая [неверно, должен быть март] 1684 г. — BN. BOZ. Rps. 933. K. 132.

[176] BCz. Rps. 844. S. 111–112 (оригинал с подписями сенаторов); BCz. Rps. 1696. S. 22–23; AGAD. APP. Rps. 48. S. 15–16; Ibid. Rps. 47. T. 1. S. 192.

[177] BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 4.

[178] В ось телеги была запрятана одна из грамот И. Шумлянского, посланная на Левобережную Украину в 1682 г. Правда польский источник при практически дословном повторении той же фразы упоминания о посылке грамот в осях не содержит (см.: «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 379). Вполне возможно, что оно было вставлено по распоряжению русских дипломатов. Упоминание же об этом факте содержится совершенно в другом контексте в реляции К. Гжимултовского. На предпоследнем «разговоре» И.И. Чаадаев обвинил в этом польско-литовскую сторону. Познанский воевода ответил, что в настоящий момент Яну Собескому не нужно посылать в осях универсалы, потому что он «имеет право» на казаков (т. е. на часть Украины) на основе русско-польских договоров («Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 382).

[179] В официальной реляции К. Гжимултовского прецедент продолжения переговоров (которые в итоге привели к заключению соглашения) после подписания разъезжих писем все же упомянут («Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 368).

[180] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 324–328; К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 9 мая [неверно, должен быть март] 1684 г. — BN. BOZ. Rps. 933. K. 133v.–134. В реляции познанский воевода датирует приезд Тяжкогорского 10 марта. Причем сам Тяжкогорский в обоих случаях поименован Ясногорским. Познанский воевода сообщал, что ранее он был приходским священником в Минске. Приглашенный главой польско-литовского посольства на обед Тяжкогорский удивил К. Гжимултовского своими обширными познаниями в географии Речи Посполитой («Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 378–379).

[181] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 338 об.–341 об. К. Гжимултовский в своей реляции вообще не отразил переговоры с русскими гонцами в этот день. Однако инцидент на эту тему произошел, по его свидетельству, во время официальной десятой встречи. На включении пункта об обмене посольствами настаивали якобы И.В. Бутурлин и И.И. Чаадаев. Это вызвало резкий протест польской стороны («Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 382).

[182] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 344–351 об., 372–377 об.

[183] «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 379–382.

[184] AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 370.

[185] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 352–366; «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 382–383. Согласно реляции К. Гжимултовского, польско-литовские дипломаты предложили русским коллегам возобновить отношения с Римом на предыдущей встрече 11 марта (Ibid. S. 382).

[186] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 366–368; Там же. Д. 213. Л. 792 об., 798.

[187] Там же. Д. 213. Л. 808 об.

[188] BPANKr. Rps. 8435. TR. T. 95. S. 31.

[189] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1684 г. Д. 8, 9; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России по 1800 год. Ч. 3. М., 1897. С. 155.

[190] AGAD. AZ. Rps. 3036. S. 271–272, 275–276; «Instrukcja pp. Stanisławowi Poradowskiemu i Stanisławowi Mąkolskiemu, rotmistrzom i dworzanom JKM., a posłom do wojska JKM niżowego...». 31 мая 1684 г. Яворов — Ibid. S. 267–270.

[191] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 219. Л. 16–22; ДАИ. Т. 11. С. 175–177, 257.

[192] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 219. Л. 22 об.

193 Там же. Л. 16–22.

194 Там же. Л. 32–35 об.

195 Там же. Л. 35 об.–37.

196 Там же. Л. 23–25. Грамоты датированы 16 января 1684 г. Краков.

197 Там же. Л. 26–29 об.; ДАИ. Т. 10. С. 453–454. Царская грамота датирована 9 ноября (30 октября) 1684 г.

198 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 220. Л. 72–74.

199 ДАИ. Т. 11. С. 256–257, 265; АИВД. Т. 1. С. 129.

200 ДАИ. Т. 11. С. 100.

201 ДАИ. Т. 12. С. 288–289.

202 Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 443.

203 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 1–13 об.; *Станіславський В.* Нові дані з історії діяльності правобережного гетьмана Андрія Могили // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 2. Київ, 2003. С. 373–377.

204 ДАИ. Т. 12. С. 285–291. Грамота Яна Собеского датирована 20 марта 1685 г. Варшава; АИВД. Т. 1. С. 131–135.

205 *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 9. Ч. 2. Київ, 1997. С. 929–933.

206 *Wójcik Z.* Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 281, 298, 301; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213 Л. 698 об.–706; 711–718 об.

207 РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Д. 581. Л. 674а–677а.

208 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 214. Л. 212 об.

209 ДАИ. Т. 11. С. 141–154; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 219. Л. 60–68.

210 Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 4. Киев, 1871. С. 72–73.

211 *Perdenia J.* Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII–XVIII wieku. Wrocław, 1963. S. 30; Дневник Я.А. Храповицкого — MNKr. Rps. 169. S. 186–187; BCz. TN. Rps. 180. S. 461–462; ДАИ. Т. 11. С. 228.

212 AGAD. APP. Rps. 47. T. 2. S. 287. Документ не датирован, но ошибочно отнесен к 1690 г.

213 BCz. TN. Rps. 180. S. 411–412, 445–446.

214 Дневник Я.А. Храповицкого — MNKr. Rps. 169. S. 186.

215 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1684 г. Д. 2. Л. 57–59; ДАИ. Т. 11. С. 228–229; AGAD. APP. Rps. 47. T. 2. S. 287. О широте, с которой гетман использовал ссылку на царский указ, предписывавший казакам захватить Засожье, свидетельствует, в частности, и сообщение «Летописи Самовидца»: «...за відомом їх царских величеств гетман запорожский <...> росказал по самий Сож ріку усі села отехати» (Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 140).

216 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1684 г. Д. 2. Л. 59; ДАИ. Т. 11. С. 229.

217 Е.К. Неронович-Шпилёвский — С.А. Щуке. 12 декабря 1686 г. Могилев — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 775–777.

218 Дневник Я.А. Храповицкого — MNKr. Rps. 169. S. 189–190.

219 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1684 г. Д. 1. Л. 20, 21, 22–31, 58–61. Письмо Я. Пожарицкого датировано 22 октября 1684 г.

220 Там же. Л. 20 об., 21 об., 32–33.

221 Там же. Д. 219. Л. 68–70 об.

[222] Там же. 37–41 об., 75–76 и след.; ДАИ. Т. 10. С. 452–453.

[223] Relacye nuncyuszów... T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 444.

[224] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 375; BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 58.

[225] BPANKr. Rps. 8435. TRz. T. 95. S. 100.

[226] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–41; М. Огинский — В.В. Голицыну. 28 декабря 1684 г. Вильна // ДАИ. Т. 11. С. 240–241.

[227] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 220. Л. 41 об.–55.

[228] Там же. Л. 72–169 об.

[229] Там же. Л. 172–180.

[230] Там же. 1685 г. Д. 2. Л. 59.

[231] Там же. Л. 96, 194–195.

[232] Там же. Д. 221. Л. 47–587; Там же. 1685 г. Д. 2. Л. 135–143, 194–195; ПДС. Т. 6. Стб. 966–970 (грамота императора Леопольда I от 18 июня 1685 г.). Рапорт о переговорах Я. Зембоцкий выслал королю, а копия его попала через Н.М. Краевского в Посольский приказ. За это Краевскому была послана царская грамота с «милостивым словом», в которой сам он был поименован с «вичем» — Назарий Михайлович, в знак особого царского расположения (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 154–155). См. также: Я. Зембоцкий — И. Комару. 11 июля 1685 г. Москва — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 11. S. 355–356; Ibid. Rps. 47. S. 288–291 (материалы переговоров Я. Зембоцкого в Посольском приказе от 14 августа 1685 г.). См. также: *Французова Е.Б.* Из истории русско-польских отношений в последней трети XVII в. (по материалам межевых комиссий) // ИЗ. Т. 105. М., 1980. С. 285–286.

[233] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 222–225.

[234] Там же. 1685 г. Д. 2. Л. 143.

[235] AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 316–317, 370–371.

[236] Ibid.

[237] К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 18 января 1686 г. Горки — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 12. S. 785.

[238] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 587–655.

[239] Там же. Д. 223. Л. 45–45 об.

[240] Константин Епатович, мстиславский протопоп — Я.И. Пожарицкому. 25 октября (ст. ст.) 1685 г. «Из Черекова» — Там же. Л. 75 об.–76 об.

[241] «Relacya kommissyi Kadzyńskiej...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 383–384.

[242] К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 18 января 1686 г. Горки — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 12. S. 785.

[243] Из двух диариушей, обозначенных В. Конопчиньским в книге «Chronologia sejmów polskich», одного в указанной рукописи не оказалось (BPANKr. Rps. 1082), микрофильм рукописи другого (BN. BOZ. Rps. 1196) оказался трудночитаемым. В итоге я воспользовался его рукописной копией, обнаруженной в папках профессора Я. Волиньского (APANW. MW. Teka 69). Диариуш этот охватывает только события с 9 апреля по 19 мая. См. также диариуш сейма 1685 г. в «портфелях» Лукаса (BO. TŁ. Rps 3001/I).

[244] «Relacja sejmu warszawskiego Anno 1685 die 16 februari zaczętego, die 30 maja skończonego» — BCz. TN. Rps. 181. S. 97.

Глава 4

Внешняя политика Речи Посполитой в 1684–1685 гг.

I. Во второй половине XVII в. отношения Речи Посполитой с Крымским ханством приобрели особое значение. Шляхетская республика искала дружбы с Бахчисараем в расчете обрести противовес усиливавшимся позициям России на Украине.

Характер политики Яна Собеского по отношению к Крымскому ханству отчетливо проявился сразу после сейма 1683 г. Король отказал в аудиенции турецкому чаушу, приехавшему просить о пропуске османских войск через польские земли в венгерские владения Габсбургов, под предлогом, что тот прислан от каменецкого паши, а не от султана. В ходе аудиенции у коронного гетмана С. Яблоновского чауш получил отказ на свою просьбу, а затем и вовсе был взят под стражу как заложник за находящегося в Стамбуле польского резидента[1]. С крымским же послом, несмотря на то, что орда под предводительством хана была уже на пути в Венгрию, обошлись в Варшаве совершенно иначе. Ему, правда, не были выплачены «упоминки», ради которых он прибыл, однако Ян Собеский в письме к Мурад-Гирею обвинил в этом бывшего подскарбия А. Морштына и заверил хана, что «упоминки» будут сразу выплачены, как только казна республики будет приведена в порядок. «Temu się jednak wydziwić nie możemy, — продолжал польский король, — ze lubo Rzeczpospolita czyni dosyć Wam Bratu naszemu i na upominki, acz na wojnach żadnej usługi teraz nie czynicie zbiera się, a przecież żadnego ukontentowania u najiaśniejszej Porty na wszystkie swoie propozycje przez powagę Was Brata Naszego promowania nieodnosi i nieodbiera, a nawet responsu na listy Nasze od Porty w sprawie Czartkowa doczekać się nie możemy. Lubośmy interpozycyjej Waszej Brata Naszego zażyli i tak rozumiemy żeście tam szczerze mieli poprzeć interesse Nasze»*. Далее Ян

---

* «Тому, однако, надивиться не можем, что хотя Речь Посполитая платит достаточные вам, брату нашему, „упоминки“, но на войнах никакой услуги теперь не чините; а ведь никакого удовлетворения у наияснейшей Порты на все свои предложения, через достоинство вас, брата нашего, представленные, не получаем и не достигаем и даже ответа на письма наши в деле Чарткова от Порты дождаться не можем. Хотя мы посредничество ваше, брата нашего, использовали и так понимаем, что вы там искренне должны были поддержать наши интересы».

Собеский упрекал Мурад-Гирея в захвате ясыря около Чернобыля и сетовал, что, несмотря на существующие договоры, возвращена была только половина захваченных пленных. В конце он все же выражал надежду на сохранение дружественных отношений[2]. Как видно, польский король не только не стремился обострять отношения с Крымом, даже вступая в войну с его сюзереном — Портой, но, более того, старался привлечь хана на свою сторону и вбить клин между Бахчисараем и Стамбулом. Одновременно, напоминая Мурад-Гирею о «Чартковском деле», польский король намекал на возможность переговоров и с самой Портой.

Победа союзников под Веной придала новый импульс крымской дипломатии Собеского. Поддавшись на его уговоры или руководствуясь собственными соображениями, крымские татары действительно не отличались активностью в кампании 1683 г. Отряды хана Мурада-Гирея, сражавшиеся в битве под Веной на правом крыле османской армии и предназначенные для удара в тыл противнику, не выполнили приказ. Хан первый подал пример к отступлению. И хотя Мурад-Гирей поплатился за это троном, его преемник Хаджи-Гирей повел себя точно так же — в битве под Парканами на поле боя появилось лишь около четырехсот татар. Сразу после битвы Ян Собеский через отпущенного из плена татарина поблагодарил хана, по его собственным словам, за то, «że tak na nas dyskretny i przyjaźni z nami łamać nie chce»*[3]. Взятый в середине октября под Каменцом казаками в плен турок свидетельствовал, что османы «tatarom w niczym nie chcą wierzyć, że lubo odmienili hana, przecie jednak zdrajcami się pokazali»**[4]. До какого-то реального сближения было, однако, далеко — как уже говорилось выше, в ходе боевых действий в конце 1683 — начале 1684 г. казаки Куницкого уничтожили ряд поселений буджацких и белгородских татар, а татары, в свою очередь, на обратном пути в Крым прошлись загонами по Украине.

В самом Крымском ханстве на рубеже 1683–1684 гг. явно обозначился политический кризис. Ослабление зависимости Буджацкой орды от Бахчисарая сопровождалось борьбой между сторонниками Хаджи-Гирея и свергнутого Мурад-Гирея. Весной 1684 г. в Крыму произошли беспорядки. Восставшие захватили ханский дворец в Бахчисарае. Хаджи-Гирей бежал, укрывшись в Манкупе. Для усмирения восстания Порта направила на полуостров дополнительные отряды янычар[5].

Польский король знал о событиях в Крыму и о недовольстве Портой нового хана — Хаджи-Гирея. На раде сената в январе 1684 г. обсуждались способы привлечения Крыма на сторону союзников или хотя бы обеспечения его нейтралитета и прекращения набегов татар на Речь Посполитую. На военной раде в апреле Ян Собеский предложил и способ воздействия на ханство — захват Молдавии польско-литовскими войсками должен был сильно осложнить для Османской империи возможность оказывать военную поддержку Бахчисараю и заставить Хаджи-Гирея пойти на соглашение с Речью Посполитой на условиях нейтралитета ханства. При

---

* «что так с нами деликатен и дружбы нарушать не хочет».

** «татарам ни в чем не хотят верить, хотя и сменили хана, все равно оказались предателями».

этом Крым должен был предоставить заложников, а польский король был готов сохранить для татар те выплаты в виде «подарков», которые Польша платила им ранее. По оценкам нунция О. Паллавичини, эта сумма составляла 200 тыс. флоринов ежегодно. Ян III предлагал Риму даже увеличить ее за счет папских субсидий[6]. В первой половине 1684 г. Хаджи-Гирей прислал к королю своих послов с объявлением о восшествии на ханский престол и напоминанием о необходимости уплаты «упоминков». Во врученном послам мемориале польский король указывал на произвол Порты, смещавшей одного хана и сажавшей на престол другого, чья судьба теперь зависит даже не от султана, а от визиря. Хаджи-Гирей не ответил на эти декларации Яна Собеского, а может быть, просто не успел ответить, т. к. в июне был свергнут и заменен Селим-Гиреем, уже побывшим на престоле в 1670-е гг. Порта обвиняла Хаджи-Гирея в позднем выступлении орды в Венгрию и в сепаратных сношениях с польским королем.

Ян Собеский на этот раз отправил к Селим-Гирею освобожденного им из плена знатного татарина Алиш-агу с новым мемориалом, в котором уже ясно была выражена основная идея политики Яна III по отношению к Крыму — независимость ханства от Османской империи под покровительством Речи Посполитой. Польский король скрупулезно перечислял все «обиды», нанесенные Портой ханам, и предлагал свою дружбу, прося прислать послов для дальнейших переговоров. Хан откликнулся на предложения короля. В конце лета 1684 г. в польское войско, выступившее в Молдавию, приехали два ханских посланца. Для переговоров с ними Ян III назначил королевских дворян Солтыка и Карчевского. Переговоры не привели к какому-то результату, единственное, что было решено, — продолжать контакты далее. Следующий посланник хана прибыл в Жолкву в ноябре. На данной ему аудиенции польский король явно услышал не то, что ожидал: во врученных посланником письмах Селим-Гирей предлагал свое посредничество в заключении мира с Османской империей. Ян Собеский отверг эти предложения[7]. Содержание ноябрьских переговоров в Жолкве не представляло тайны, известия о них распространялись в рукописных газетах. В январе 1685 г. эту информацию, полученную через львовскую почту, переслал в Москву Н. Краевский. Согласно ей, Собеский вновь предлагал содействие союзников по Священной лиге в освобождении Крымского ханства от османского «ига». Наибольшую же заинтересованность хана вызывали обещанные польским двором поминки[8].

Польско-крымские и турецко-татарские отношения имеют принципиальное значение для понимания русско-польских отношений рассматриваемого периода. В 1682 г. польское взаимодействие с Бахчисараем носило ярко выраженный антироссийский характер. Начавшаяся война с Портой способствовала активизации польско-крымских контактов. Успех на этом направлении позволил бы польскому королю достичь сразу двух целей — ослабить Османскую империю, одновременно укрепив влияние Речи Посполитой в Молдавии и на Правобережной Украине, и усилить польские позиции в отношениях с Москвой. От развития польско-крымских отношений в ближайшие годы непосредственным образом зависело развитие ситуации на линии Москва — Варшава.

После венского триумфа союзники обратили внимание на возможность вовлечения в антиосманскую коалицию такого непримиримого врага Порты, как персидский шах. Гонца к нему с оповещением о назревающих событиях Ян Собеский отправил вскоре после заключения союза с Австрией, а после битвы под Веной направил следующего, уже прямо призывая Персию вступить в войну против Османской империи. Примеру польского короля последовали и папа с императором. В феврале 1684 г. в Персию выехал польский резидент Богдан Гурдзецкий (Гурджицкий), во второй половине года — посланник Теодор Миранович и, наконец, вслед за ним был направлен полномочный посол Константин Згурский, представлявший Речь Посполитую и Венецию. Послы должны были добиться вступления персидского шаха в войну с турками, указывая ему на возможность возвращения Месопотамии. В дальнейшем дипломатические усилия не привели к положительным результатам. Хотя в 1685 г. Персия начала собирать войска на турецкой границе (об этом сообщил прибывший в январе 1686 г. из Персии Т. Миранович), в итоге ответ шаха на предложения европейских противников Порты был отрицательным. Отчасти он был связан и с тем, что османы пошли Персии на некоторые уступки, сумев предотвратить ее присоединение к антиосманской коалиции. На аудиенции 20 марта 1686 г. послам христианских держав было объявлено, что общая вера не позволяет шаху выступить против Османской империи. Переговоры с Персией осложнялись разногласиями между австрийским и польским дипломатами. Прибывший в Исфахан в июле 1685 г. К. Згурский отказался признать старшинство императорского посла архиепископа Себастьяна Кнаба[9].

II. В ходе планирования новой кампании против Османской империи трения между союзниками продолжились. В январе 1684 г. в Кракове прошли переговоры австрийского генерала Шефенберга с королем и сенаторами, посвященные будущей военной кампании. Австрийское командование, считая, что главную роль будет играть венгерский театр военных действий, настаивало на посылке в Венгрию вспомогательного польского корпуса. Ян Собеский, однако, отказался это сделать, настаивая, что каждый из союзников имеет право вести самостоятельные военные действия. Не дали результата и дальнейшие польско-австрийские переговоры по этому вопросу, проводившиеся в Линце параллельно с переговорами о заключении договора Священной лиги[10]. Польский король, поняв, что оказание помощи Габсбургам в борьбе за Венгрию не дает ему возможности рассчитывать на укрепление там своего влияния, решил самостоятельно попытать счастья в борьбе за Молдавию и Валахию.

Активные действия Габсбургов в Венгрии по-прежнему сдерживались необходимостью оглядываться на Запад. В ноябре 1683 г. началась франко-испанская война. Людовик XIV двинул войска во владения испанских Габсбургов в Бельгии. В апреле 1684 г. французская армия осадила Люксембург, управлявшийся испанскими властями, но при этом входивший в состав Священной Римской империи, поэтому император должен был вступить в войну с Францией и по условиям союзного договора с курфюрстом баварским Максом Эммануилом направить часть войск

к Рейну. 15 мая 1684 г. Франция объявила войну Генуэзской республике за то, что та построила для испанского флота четыре галеры. Французский флот подверг Геную разрушительной бомбардировке. Попытки дипломатов Англии и Голландии воспрепятствовать захватническим планам французского короля окончились неудачей. После капитуляции Люксембурга Бавария 28 июня заключила с Францией перемирие. Леопольду I ничего не оставалось, как только подтвердить его.

Тем не менее, несмотря на войну с Францией, в Вене сочли целесообразным продолжить войну на Востоке. Под впечатлением от осенних побед 1683 г. Придворный военный совет недооценил противника. И его председатель Герман Баденский, и главнокомандующий Карл Лотарингский считали возможным взятие Буды и освобождение всей Венгрии от турок уже в этом году. В мае имперская армия начала военные действия, в июне, нанеся поражение османским войскам у Ваца, она заняла Пешт. В середине июня началась осада Буды[11]. Чтобы связать турецкие силы за пределами Венгрии, Вена настаивала на активизации военных действий Речи Посполитой.

План кампании 1684 г. войск Речи Посполитой был выработан достаточно поздно — только в середине апреля 1684 г. в Яворове прошла соответствующая военная рада. Ян Собеский намеревался предпринять поход в Молдавию для овладения устьем Дуная. Таким образом он рассчитывал добиться двух целей — отрезать от снабжения Каменец, чем принудить его к капитуляции, и изолировать Крымское ханство (здесь Ян III рассчитывал действовать также и дипломатическими средствами, о чем уже говорилось выше). Поход в Молдавию был связан с династическими планами короля и королевы, желавшими передать молдавский престол сыну Якубу[12]. Нунций О. Паллавичини сообщал в Рим, что главная цель Яна III — выбить турок с правого берега Дуная, установив свой протекторат над Дунайскими княжествами и одновременно изолировать Крымское ханство[13].

Выступление польско-литовской армии затягивалось также и из-за разногласий среди военного руководства. Коронный гетман С. Яблоновский выступил против планов короля, настаивая на взятии Каменца в кампанию 1684 г. Только на июльской раде сената в Жолкве польский король добился от гетманов согласия на поход в Молдавию. С. Яблоновский, тем не менее, достаточно пассивно руководил подготовкой кампании. Не помогли даже обращения Собеского к папе с просьбой воздействовать на коронных и литовских гетманов, побуждая их к деятельному участию в ведении дальнейшей борьбы с турками и татарами. Неудачны оказались попытки польского командования воспрепятствовать доставке подкреплений и обоза с продовольствием в Каменец в мае–июне 1684 г.[14].

Не оправдались надежды Яна Собеского и на вербовку украинских казаков в польскую армию. В апреле некоторые из них перешли на сторону турок. Остальное казацкое войско в июне взбунтовалось, часть его под предводительством Семена Палия ушла из Немирова на Сечь, часть — до Богуславля, намереваясь перейти на Левый берег Днепра. В результате в кампании 1684 г. приняли участие не более 2 тыс. казаков, вместо 20 тыс., которых рассчитывал навербовать коронный гетман С. Яблоновский[15].

Помощь поступила от бранденбургского курфюрста. Направленный в Берлин познанский каштелян Войчех Бреза 16 марта заключил договор, по которому Фридих-Вильгельм выставил в кампанию 1684 г. в войско польского короля 2-тысячный корпус с обязательством содержать его первые три месяца[16].

Сбор коронных войск закончился только в конце июля. Немалую роль в подготовке кампании сыграли папские субсидии. Выступившая в поход польско-литовская армия насчитывала 18–20 тыс. чел. Кампания началась удачно для польского короля: 24 августа был взят Язловец — самый отдаленный турецкий форпост в Подолии. В конце августа передовые отряды Яна Собеского овладели переправами на Днестре, обеспечивавшими безопасное вступление королевских войск в Молдавию. 1 сентября армия подошла к Жванцу, где находилась одна из переправ. 3 сентября состоялся военный совет. Здесь вновь возникли разногласия вокруг плана военных действий. Ян Собеский выступал за намеченный ранее поход в Молдавию, а коронный гетман С. Яблоновский высказался за осаду Каменца. В итоге, под влиянием известия об отступлении в Венгрии из-под Буды к Цецоре войск Сулеймана-паши, было принято решение идти в Молдавию.

4 сентября начались работы по сооружению моста через Днестр, осложнявшиеся дождями и сильным ветром, а также стычками с татарами. В течение месяца буря дважды уничтожала уже почти законченную переправу. С. Яблоновский и его сторонники вновь стали настаивать на осаде Каменца. Для дезориентации противника польско-литовская армия 1 октября двинулась вспять к Каменцу, и одновременно выше по Днестру к Гродку были высланы отряды для подготовки новой переправы. Задержавшие продвижение армии новые стычки с татарами заставили Яна Собеского принять решение об отступлении[17].

Таким образом, кампания 1684 г. закончилась неудачей. Польско-литовская армия не смогла даже перейти Днестр. «Swiątobliwe imprezy i intencje nasze do porządnego nie przyszły skutku» *, — констатировал Ян Собеский в своем письме Яну Владиславу Бжостовскому, референдарю Великого княжества Литовского. По мнению короля, причинами этого стали медленный сбор войск, плохие погодные условия, стремительное распространение в армии болезней, отсутствие корму для коней и т. п.[18].

Военные неудачи перечеркнули дипломатический успех Речи Посполитой в отношении Молдавии — часть молдавских бояр под впечатлением победы под Веной постановили принять протекцию короля и Речи Посполитой, прислав в июле 1684 г. своих представителей в Жолкву. По объявленным ими условиям Речь Посполитая должна была требовать присоединения к себе Молдавии в случае мирных переговоров с Османской империей, защищать ее от татар и турок, гарантировать свободу православия и одновременно получение боярством шляхетских привилегий[19].

Помимо причин чисто военного характера, на исход кампании повлияло соперничество коронного гетмана и короля. Оно было вызвано главным образом двумя факторами. Ян Собеский — полководец, сам бывший до избрания на коро-

* «Священные предприятия и намерения наши не пришли к достойному результату».

левский трон гетманом, пользовался популярностью в войсках и стремился сохранить свое влияние в армии, что способствовало бы упрочению его позиций в стране. С. Яблоновский препятствовал этому, поскольку усиление власти короля в армии могло произойти только за счет ослабления власти и влияния гетмана в войсках. К тому же, сам будучи коронным гетманом, Собеский почти открыто выражал неповиновение королю Михалу Корибуту. Другой причиной конфликта было то, что оппозиция двору, в т. ч. и Яблоновский, справедливо усматривала в стремлении Яна III захватить Молдавию его намерение укрепить свою власть путем превращения ее в наследственное владение рода Собеских.

Еще одна из причин неудачи молдавского похода 1684 г. заключалась в позиции шляхты, которая не видела для себя ощутимых выгод от завоеваний за Днестром. Перспективы экспансии шляхетского землевладения в Молдавии становились эфемерными после признания за молдавским боярством прав польского благородного сословия. С другой стороны, задача возвращения Каменца, на чем настаивал С. Яблоновский, была с военной точки зрения более реалистичной и достижимой, чем сомнительный замысел покорения Дунайских княжеств. Да и шляхте она была ближе, поскольку ее осуществление позволило бы лучше защитить юго-восточные воеводства от татарских набегов.

Союзники польского короля также не могли похвастаться военными успехами. Осада Буды закончилась неудачно — в ноябре императорские войска отступили из-под ее стен, понеся в ходе осады крупные потери. Успешные действия на море вступившей в войну Венеции не могли оказать заметного влияния на положение дел на сухопутном фронте войны с Османской империей.

Военные действия 1684 г. сопровождались очередными дипломатическими маневрами. После того, как в Вене убедились в невозможности войны на два фронта, 15 августа в Регенсбурге при посредничестве Голландии было подписано перемирие на 20 лет между Францией и Империей. Франко-генуэзский мир был заключен в следующем году, несмотря на то, что военные действия уже не велись. Хотя по Регенсбургскому договору Леопольд I вынужден был признать все захваты Франции до 1 августа 1681 г., перемирие с Людовиком XIV давало возможность Габсбургам и их союзникам в будущем году активизировать действия в Венгрии, а Речи Посполитой — за Днестром [20].

Османская дипломатия уже в первой половине 1684 г. попыталась начать мирные переговоры с Речью Посполитой. О желании Порты заключить мир сообщил в мае находившийся при турецкой армии польский резидент С. Проский [21]. В июне до Рима дошли слухи, что польский король тайно направил в Стамбул посланника для ведения мирных переговоров с Портой. В октябре Святому престолу стало известно, что османы якобы готовы уступить Польше не только Каменец, но и Молдавию с Валахией и даже выплатить некую сумму денег в случае заключения сепаратного мира. Папская дипломатия не особенно поверила в это, однако нунцию О. Паллавичини поручалось быть начеку [22]. Утверждения В. Конопчиньского, что Порта была действительно готова возвратить Речи Посполитой Подолию с Каменцом сразу после победы под Веной [23], вызывают серьезные сомнения.

С началом 1685 г. османы также предприняли попытки выяснить намерения Австрии относительно заключения мира, что нашло отклик при венском дворе [24]. Тем не менее все эти контакты не привели к началу мирных переговоров ни в начале 1685, ни в течение всего года.

Информация о польско-турецких контактах с целью заключения мира дошла и до Посольского приказа. В феврале 1685 г. в Смоленск «тайно» приехал витебский шляхтич Николай Подвинский. Он заявил, что целовал крест еще Алексею Михайловичу после захвата русскими войсками Витебска и неоднократно «езживал <...> к Москве со всякими вестьми тайно» во времена А.Л. Ордина-Нащокина и А.С. Матвеева, за что был жалован сукнами. Н. Подвинский сообщил, что во время Жванецкой кампании 1684 г. (витебский шляхтич участвовал в ней) в польский лагерь приезжал «о духове дне» турецкий посланец с мирными предложениями Яну Собескому. Однако тогда стороны не пришли к соглашению, и в сентябре к польскому королю, под Каменец-Подольский, приехал другой посланец. Хотя Ян III и заявил ему, что «о перемирье откладывает до сейму», однако при дворе стали строить планы собственного посольства в Стамбул. Н. Подвинский даже назвал имена предполагаемых послов, но сомневался, что посольство действительно состоится [25].

III. Вступив в союз с Габсбургами, Ян Собеский в то же время желал сохранить нормальные отношения с Людовиком XIV. Сразу после битвы под Веной он официальным письмом известил французского короля о победе. Тот, недовольный обхождением с Н.М. де Витри и А. Морштыном, а еще более, видимо, успехами союзников, письма не принял. Связь Варшавы с французским двором в это время поддерживалась неофициально — в переписке королевы Марии Казимиры с французскими дипломатами: с Ф. де Бетюном, который был в свойстве с королевой, и епископом Т. де Форбин-Янсоном. Дружественным жестом со стороны Яна III была и помощь в пересылке писем французского резидента при И. Тёкёли во Францию.

Взаимопонимания с Францией польский король старался достигнуть и при посредничестве Рима. После венской победы в «вечный город» был послан королевский секретарь ксендз Томаш Таленти, чтобы принести к Престолу св. Петра захваченный в битве турецкий штандарт. В доме кардинала-протектора Польши Карло Барберини польский эмиссар встретился с французским послом в Риме кардиналом д'Эстре, чтобы выяснить, настроен ли Париж восстановить официальные отношения с Речью Посполитой. Этому активно содействовал Иннокентий XI, весьма заинтересованный в тот момент в прекращении вспыхнувшей войны Бурбонов с Габсбургами.

По отъезде Т. Таленти переговоры о восстановлении польско-французских отношений продолжил польский резидент в Риме аббат Я.К. Денгоф, заявивший д'Эстре, что Ян Собеский готов к возобновлению дружественных отношений с Людовиком XIV. Папа поручил своему нунцию во Франции Рануцци оказывать в этом содействие польской дипломатии. В направленном Рануцци письме польский король выражал согласие дать удовлетворение французскому королю (видимо, в

форме соответствующего письма) за инцидент с де Витри*. Об этом намерении польского короля, равно как и о его готовности направить во Францию посольство с официальными извинениями, Ануцци сообщил весной 1684 г. французскому государственному секретарю Шарлю Кольберу Круасси. К. Пиварский считает, что инициатива посольства исходила не от самого Яна III, а от киевского епископа Анджея Залуского, которому Ян Собеский по возвращении из венского похода поручил корреспонденцию с французским двором. Круасси заявил Ануцци, что французский король примет посольство как достаточное основание для возобновления официальных дипломатических отношений с Речью Посполитой.

Посредничество папы оказалось недолговечным. В направленном в январе 1684 г. письме кардиналу Барберини Ян Собеский поддержал обращенное к Святому престолу и отвергнутое в Риме ходатайство Людовика XIV о возведении в сан кардинала епископа Т. Форбин-Янсона. Тот пользовался при папском дворе дурной репутацией как один из подстрекателей повстанческого движения в Венгрии, о чем Барберини направил в июне польскому королю соответствующее письмо. Заключение договора о Священной лиге, по мнению К. Пиварского, окончательно сняло с повестки дня участие папства в польско-французских переговорах, т. к., с точки зрения Рима, сближение Польши и Франции не могло теперь принести какую-либо пользу борьбе с Османской империей.

Попытки возобновить официальные отношения с Францией провалились в т. ч. и благодаря позиции, занятой польским резидентом при Святом престоле Я.К. Денгофом, который вместо того, чтобы точно выполнять указания Варшавы (что, собственно, являлось его основной задачей), т. е. поддерживать кандидатуру Т. Форбин-Янсона, занял ярко выраженную антифранцузскую позицию, одновременно добиваясь кардинальского сана для себя. Этим он, правда, добился симпатий Иннокентия XI, но зато совершенно расстроил всякие попытки урегулирования польско-французских отношений при помощи Святого престола. Недовольный его поведением д'Эстре потребовал отзыва польского «аббата-интригана» из Рима.

Франция также не была заинтересована в восстановлении тесного сотрудничества с польским двором. При дворе Людовика XIV считали, что связанная борьбой с Османской империей Речь Посполитая не в силах способствовать обеспечению французских интересов на Балтике, которые, по мнению французской дипломатии, в тот момент были гарантированы дружественными отношениями с

---

* «Инцидент» заключался в том, что во время сейма 1683 г. конная шляхта во главе с литовским кравчим Владиславом Тышкевичем обстреляла резиденцию французского посла. Произошло это будто бы по наущению королевы (см.: «Relatia legatiej do Króla Jmci Francuskiego» — BCz. Rps. 428. S. 126; «Kopie pewnego listu pod tytułem od jmci pana krakowskiego do księdza jmci arcybiskupa gnieźnieńskiego» [политический памфлет]. 10 июня 1684 г. — BCz. TN. Rps. 180. S. 241–242; Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6: Akta do dziejów króla Jana III. Sprawy roku 1683, a osobliwie wyprawy wiedeńskiej wyjaśniające. Wyd. F. Kluczycki. Kraków, 1883. S. 290; *Konarski K.* Polska przed odsieczą wiedeńską r. 1683. Warszawa, 1914. S. 193).

Берлином. Это не значило, что Людовик XIV был готов упустить возможность подпортить и без того не безоблачные отношения между союзниками по антитурецкой коалиции. На рубеже 1683–1684 гг. в Версале было принято решение направить в Речь Посполитую якобы для урегулирования семейных дел маркиза Франсуа де Бетюна.

Прибытие французского эмиссара в Варшаву в июле 1684 г. встревожило папского нунция в Речи Посполитой О. Паллавичини и австрийского резидента И. Жировского, видевших в этом угрозу для Священной лиги. В ходе начавшихся переговоров с де Бетюном Ян Собеский настаивал в первую очередь на поддержке Францией своих династических планов как на главном условии сближения с Версалем. Однако переговоры не пошли дальше процедуры возобновления отношений. Вызывают также сомнения полномочия де Бетюна как «частного лица» на достижение каких-либо договоренностей, от которых в Версале, если бы сочли нужным, могли в любой момент отказаться.

В результате польский король отправил через маркиза письма с извинениями для Людовика XIV. А в августе Ш.К. Круасси известил де Бетюна о недостаточности таких писем, напомнив об обещании направить посольство. Это поставило маркиза в неудобное положение, т. к. польский двор к этому времени еще ничего не знал о договоренностях нунция Рануцци с Круасси во Франции, где была согласована идея польского посольства ко двору французского короля (по предположению К. Пиварского, соответствующие письма Рануцци были перехвачены К. Барберини либо О. Паллавичини, враждебно настроенными по отношению к Франции). Соглашение о направлении во Францию коронного канцлера Яна Велёпольского окончательно было достигнуто только в октябре[26].

1684 год оказался неудачным для Речи Посполитой не только в чисто военном плане, но и вообще во внешнеполитическом отношении. Попытки укрепиться в Молдавии, не поддержанные военными успехами, провалились, сближение с Францией явно буксовало, не дав Яну Собескому ощутимых выгод, а только ухудшив его отношения с Римом и Веной. Не принесли пользы королю и дипломатические контакты с Османской империей.

IV. Неудачи в борьбе с Турцией и Крымом и затруднения во внешней политике Речи Посполитой в 1684 г. были тесным образом связаны с ее внутриполитическим положением. После кратковременного единения польско-литовского шляхетского общества перед лицом османской агрессии, в начале 1684 г. вновь активизировалась магнатская оппозиция, опасавшаяся усиления королевской «партии» и тем более королевской власти: по выражению З. Вуйчика, «венский триумф мобилизовал всех врагов короля в Польше». Центрами оппозиции были Великая Польша и Литва.

Главными противниками политики Яна Собеского в Великой Польше были познанский воевода Кшиштоф Гжимултовский, воевода калишский Рафал Лещиньский (зять С. Яблоновского), братья Опалиньские — хелмский епископ Казимеж Ян и воевода ленчицкий Петр, воевода серадзкий Ян Пенёнжек, каштелян познан-

ский Войчех Бреза, епископы познанский Стефан Вежбовский и куявский Бонавентура Мадалинский. К ним следует добавить и такого магната из Малой Польши, как великий коронный маршалок Станислав Гераклиуш Любомирский. Особую позицию в борьбе магнатских группировок занимали гетман С. Яблоновский и его многочисленные сторонники[27].

О ширящемся недовольстве в Короне политикой Яна Собеского и активизации оппозиционеров с тревогой сообщал в январе 1684 г. литовскому подскарбию Б. Сапеге М. Огинский. Троцкий воевода опасался, что назревающая очередная «домашняя смута» пагубно отразится на политике Речи Посполитой — и в первую очередь обернется потерей Молдавии, захваченной казацко-молдавскими отрядами С. Куницкого и С. Петричейку[28]. В мае 1684 г. К. Гжимултовский, С. Любомирский, Б. Сапега, Р. Лещиньский и др., встревоженные скорым прибытием в Речь Посполитую де Бетюна, составили в Варшаве заговор «для защиты республики». Они пытались сорвать попытки Яна Собеского наладить отношения с Францией, направив с этой целью туда специальный мемориал. С просьбой о поддержке заговорщики обратились к бранденбургскому резиденту Иоахиму Скултеусу[29].

Стремление Яна Собеского сблизиться с Францией вызвало соответствующие перемены политической ориентации его противников, которые теперь искали поддержки в Австрии. Этому способствовали и возникшие в результате Регенсбургского перемирия тенденции к улучшению бранденбургско-австрийских отношений и охлаждение таковых между Парижем и Берлином. К концу 1684 г. интересы бранденбургского курфюрста в Речи Посполитой все более сближались с интересами Габсбургов и папства. Едва ли не главным объектом атак польской оппозиции стал, как ей казалось, вновь замаячивший при варшавском дворе призрак absolutum dominium — введения при французской поддержке наследственного правления династии Собеских после смерти Яна III, либо проведение элекции vivente rege. Борьба двора и его противников все более нарастала по мере приближения сейма, назначенного на февраль 1685 г.[30]. И Польша, и Литва накануне сейма были просто переполнены антикоролевскими пасквилями.

На предсеймовых сеймиках в Литве и в Великой Польше оппозиция добивалась включения в инструкции послам на сейм требования удаления из Речи Посполитой резидентов тех стран, которые не являются союзниками республики и членами Лиги. Оппозиционеры требовали запретить сенату отправлять послов, а министрам — выезжать за границу. По мнению З. Вуйчика, эти требования были направлены против внешнеполитических усилий Яна Собеского — переговоров с де Бетюном и планировавшейся посылки во Францию канцлера Я. Велёпольского. Первую скрипку в нападках на политику двора играл воевода К. Гжимултовский, на прошлом сейме агитировавший против союза с Австрией. Теперь же, выступая на сеймике Познанского и Калишского воеводств в Щроде (Środa), будущий глава великого посольства в Россию поменял мнение на противоположное и выступил решительным сторонником союза с Веной. Он считал, что раз союз уж заключен, то должен обязательно соблюдаться, подверг сомнению целесообразность военных действий в Молдавии[31]. На том же сеймике К. Гжимултовскому вторил дру-

гой королевский недруг — П. Опалиньский. Главной темой его votum была необходимость продолжения войны. Воевода ленчицкий агитировал за совместную кампанию с императорскими войсками в Венгрии, считая, что польская кавалерия сможет удачно взаимодействовать с немецкой пехотой. Поддержал П. Опалинський переговоры с Крымом для заключения союзного договора на условиях выплаты ежегодной «пенсии» хану и крымской знати и обмена заложниками[32].

В инструкциях на предсеймовые сеймики в Великом княжестве Литовском констатировалось, что одна из важных задач внешней политики — заключение союза с Россией — до сих пор не решена. Последняя не только намеренно затягивает решение этого вопроса, но и поощряет «северских» казаков к захвату литовских земель[33].

Сейм открылся в середине февраля в Варшаве. Начало дебатов, однако, задерживалось, т. к. литовские депутаты, протестовавшие против проведения сейма в Варшаве (каждый третий сейм должен был проводиться в Гродно), не спешили приезжать. Только к середине марта был выбран маршал и сейм заработал. Нападки оппозиции на политику двора продолжились: познанский воевода потребовал ограничения прав сената во внешней политике[34], на выполнении обязательств перед союзниками вновь настаивал воевода ленчицкий[35].

Своеобразным индикатором намерений и двора, и оппозиции стало получившее на этом сейме продолжение дело бывшего коронного подскарбия А. Морштына, который по решению прошлого сейма был лишен должности и исключен из сената. По постановлению рады сената он подлежал суду маршала, однако осенью 1683 г., продав частично свое имущество в Речи Посполитой, выехал во Францию[36]. Теперь представители оппозиции требовали привлечь Морштына к суду, что осложнило бы отношения республики с Францией, а двор, чтобы не раздражать французов, стремился замять дело, не доводя его до суда[37].

Главной целью агитации оппозиции против сближения с Францией и за ведение совместно с имперскими войсками кампании в Венгрии было не допустить усиления королевской власти. В создавшейся ситуации Я. Собеский и его сторонники не вынесли на обсуждение сейма уже запланированное посольство во Францию, в противном случае, по мнению К. Пиварского, сейм был бы немедленно сорван[38].

Сейм, закончившийся 30 мая, ратифицировал трактат Священной лиги и утвердил налоги на войско, компут которого составил 30 852 ставки[39]. Избежав в весьма сложной политической ситуации срыва сейма, Ян Собеский продемонстрировал, что, несмотря на атаки противников, он удерживает ситуацию под контролем[40].

По общему мнению польских историков, Ян Собеский, делая в 1684–1685 гг. некоторые шаги навстречу Франции, в то же время вовсе не собирался порывать со Священной лигой. Цель его была иная — сделать положение Речи Посполитой в ее рядах более прочным и независимым, что дало бы возможность Польско-Литовскому государству блюсти свои интересы в европейской политике, а не идти только в русле интересов союзников. «Сближение с Францией должно было дать

ему (Собескому. — *К. К.*) всего лишь желанную возможность ведения самостоятельной политики по отношению к Вене и поддержку династических планов. Оно не могло, по убеждению Собеского, означать прекращение дальнейшей войны с Турцией», — писал более чем семьдесят лет назад исследователь внешней политики Яна Собеского К. Пиварский[41]. Ему вторит и современный исследователь А. Каменьский[42]. Утвержденный на сейме компут польско-литовских войск, по сравнению с решением сейма 1683 г., был сокращен почти на 7 тыс. ставок, что снижало боеспособность Речи Посполитой и, соответственно, уменьшало ее значение в Священной лиге. Противодействие оппозиции королю, требовавшей соблюдать все договоренности с Веной, срыв обсуждения вопроса о посольстве во Францию — все это свидетельствовало, что итоги сейма 1685 г. были неблагоприятны для Собеского. Отчасти это продемонстрировал сам король, выразивший, по свидетельству нунция О. Паллавичини, на посеймовой раде сената недовольство тем, что Речь Посполитая (т. е. сейм) присваивает себе все больше компетенций, ранее принадлежавших сенату[43].

V. Для М. Огинского после окончания переговоров в Андрусово главным вопросом стало получение обещанной ему королем канцлерской печати, освободившейся после смерти К. Паца. В этом троцкий воевода стремился заручиться и поддержкой Сапег[44]. Друзья М. Огинского при королевском дворе подтверждали доброе расположение к нему Яна Собеского и готовность короля отдать ему большую литовскую печать[45]. При этом при дворе обсуждалась и возможность получения воеводской должности Миколаем Огинским, мечником литовским[46]. В апреле 1684 г. некий Качановский, клиент Б. Сапеги, находившийся в Яворове при дворе, сообщал патрону, что, по слухам, М. Огинский получит не только большую печать, но и булаву польного гетмана литовского. Прежний польный гетман — Ян Огинский — умер в феврале 1684 г., и, видимо, троцкий воевода хотел, чтобы эта должность по-прежнему принадлежала его роду. В связи с этим, по словам Качановского, Ян III с нетерпением ожидает приезда литовского магната ко двору[47]. Однако прибывший в начале мая в Яворов М. Огинский колебался с одновременным принятием двух таких значимых должностей, опасаясь негативной реакции сапежинской «партии». Через Качановского воевода троцкий запрашивал Сапег, как ему быть: «...„jeżeli ja buławy nie przyjmę, to ją dadzą temu, o którym nie była nadzieja i przypuszczenie, to jest p. Chodkiewiczowi* albo p. Wołłowiczowi**“», — передавал клиент Сапег слова воеводы троцкого. — Dodał, aby rozważyli ichmościowie co liepej, czy żebym ja ją wziął, czy żeby komu dano, jako miecz szalonemu» *** [48].

---

* Возможно, в виду имеется Ежи Кароль Ходкевич (1646–1691), литовский обозный.

** Возможно, в виду имеется Ян Казимеж Воллович (ум. 1708), староста хвейданский.

*** «...„если я не приму булаву, то ее отдадут другому, тому, о ком даже и предположить и понадеяться было нельзя, то есть пану Ходкевичу или пану Воловичу“. Он добавил, чтобы рассудили их милости, что лучше или чтобы я ее взял, или чтобы кому-то другому ее отдали, словно меч одержимому».

О своих перипетиях вокруг получения булавы и печати М. Огинский через А. Константиновича сообщил в Москву (в Посольском приказе письмо троцкого воеводы к земскому писарю получили 6 июля (26 июня) 1684 г.). Воевода троцкий сообщал: «Здесь живучи, медлю для печати, которую мне король на разговоре обещал, и о булаве говорят, кому ее вручити, понеже все, которые хотят ее, имеют свои в себе злобные причины. И на разговорех в обоих государствах достойнейши меня к булаве не обретают. Толко что право возбраняет, но и то оставить рады б мне вручити и булаву вместе с печатью, толко б я сам того желал». М. Огинский отмечал особую благосклонность к нему королевы, попутно сетуя, что для получения указанных должностей ему необходимо «подарить» многих сенаторов, а в первую очередь — Марию Казимиру, а также короля, «дабы меня соблюдал от толико великих завистей». Королеве М. Огинский уже обещал тысячу червоных, а о сумме для короля ему еще предстояло договариваться. Будущий канцер, информируя о своей приватной аудиенции у короля, писал, что Ян III «слезно на <...> господ Сапег жалуется, и что тот огонь домашний через них от Литвы объявляется. Но, рече король, ведал бы, что с тем чинити, аще б не война турская тому препятствия не чинила...». По словам Огинского, король, намереваясь дать ему печать и булаву, рассчитывал создать сильный противовес власти Сапег в Литве. «Король зело надеется на доброту мою <...> те два чина другого короля содевают...», — писал воевода троцкий[49].

Сапеги, скорее всего, выступили против получения М. Огинским двух таких высоких должностей. В итоге булава польного гетмана досталась в апреле 1685 г. Юзефу Богуславу Слушке. Сам троцкий воевода в письме к Константиновичу отмечал, что обещания вручить ему одновременно печать и булаву «приятелей и верных починили в неприятелей <...> но советовали мне что аще б о одном чине дело было <...>, а что два чина хощешь улучити, надобно б меру знать»[50].

6 июня 1684 г. на раде сената подканцлер Я. Гнинский от имени наследников покойного канцлера литовского передал Яну III большую литовскую печать и король публично объявил о намерении вручить ее троцкому воеводе. 15 июня М. Огинский стал литовским канцлером. Это вызвало недовольство Радзивиллов, поскольку Д. Радзивилл, занимавший должность литовского подканцлера, рассчитывал сам получить канцлерскую печать или булаву. Он был готов выложить за каждую из этих должностей по 100 тыс. злотых. М. Огинский замечал по этому поводу, что «больше те чины прибыли могут учинити». По сообщению Качановского, Д. Радзивилл написал Я. Гнинскому, «grożąc, że poruszę stany Rzeczypospolitej i nemal (tak powiadają) na rokosz wołając, i że orzeł radziwiłowski nie zwykł, ani ma jeszcze piór podskubionych, aby tak nisko latał... póki mnie i przyjacioł moich stanie, nie będzie się z tego cieszył pan wojewoda trocki»*[51]. На будущем сейме 1685 г. М. Огинского ожидали немалые трудности.

---

* «грозя, что поднимет станы Речи Посполитой и почти (так говорят) к рокошу призывая, [и заявляя], что орлу Радзивиллов еще не настолько подрезали крылья, чтобы он привык так низко летать <...> доколе хватит сил у меня и у моих друзей — не будет радоваться троцкий воевода».

Предоставив М. Огинскому канцлерскую печать, Ян Собеский предпринимал и дальнейшие попытки упрочения позиций троцкого воеводы в рядах дворской «партии». В начале марта 1685 г., подчас сейма, канцлер женился на дочери одного из сторонников польского короля — канцлера Яна Велёпольского (женатого на сестре королевы), Катажине Велёпольской[52]. А 11 марта М. Огинский принимал у себя королевича Якуба и королеву Марию Казимиру вместе с сенаторами, для которых был устроен роскошный обед. На нем присутствовала и королевна — принцесса Тереза Кунегунда Собеская, для которой это событие оказалось первым выходом в большой свет. Мария Казимира заявила, что «королевне по се время не поволила нигде бывать, ныне впервые то учинила по особой милости и желанию к нему канцлеру», — сообщил в Посольский приказ Н. Краевский[53].

На сейме 1685 г. М. Огинский и Сапеги вновь оказались по разные стороны баррикад. Поводом для столкновения послужил выбор маршалка на сейме 1685 г. Ян Собеский хотел видеть маршалком литовского мечника Миколая Огинского — племянника и сподвижника литовского канцлера. Против его избрания выступила оппозиция во главе с Сапегами. Чтобы уладить спор, двор прибег к посредничеству нунция Опцио Паллавичини. По его свидетельству, Б. Сапега потребовал, чтобы Миколай Огинский был исключен из числа кандидатов на трость маршалка. Королю пришлось уступить, и маршалком сейма в итоге был избран один из сторонников Сапег — литовский писарь Анджей Гелгуд[54].

Однако на этом злоключения канцлера М. Огинского не закончились. Против него выступил литовский подканцлер Доминик Миколай Радзивилл. Он был известен как человек амбициозный, умевший объединить вокруг себя многочисленных сторонников. Радзивилл угрожал сорвать сейм, если назначение Огинского канцлером не будет отменено. 29 марта часть литовских послов, только что прибывших из Гродна, «гораздо нелюбо з господином канцлером разговаривали, а то делалось для печати», — отмечалось в диариуше сейма, составленном кем-то из клиентов М. Огинского и пересланном через Н. Краевского в Посольский приказ[55]. В апреле на одном из заседаний сената Д. Радзивилл не дал выступать М. Огинскому, настаивая, что его обладание печатью незаконно, поскольку троцкий воевода не принес присяги перед сеймом. Присягу, принесенную им на раде сената непосредственно после получения печати, Радзивилл считал недействительной. Этот конфликт также был улажен при посредничестве О. Паллавичини. Ян Собеский заверил литовского подканцлера, что тот не будет обделен должностями в будущем, кроме того, М. Огинский вынужден был «поделиться» с Радзивиллом судебными функциями, которые литовский канцлер осуществлял на сейме[56]. М. Огинский выражал готовность принести присягу повторно, при условии, что, все принятые им после получения большой литовской печати судебные решения останутся в силе, а кроме того, что присягу принесут и другие литовские «урядники». Однако в итоге и от этих требований канцлеру пришлось отступить, и 20 апреля он принес присягу на условиях оппозиции: «...а которые дела делали до канцлерства и те силы никакой не имеют»[57]. В присланных в Посольский приказ Н.М. Краевским «новинах» из Варшавы от 16 мая 1685 г. отмечалось, что «разно-

гласия великие между господ[ами] Сапегами з господином гетманом польным да с маршалком надворным (обе эти должности в Литве принадлежали Ю.Б. Слушке. — *К. К.*) и канцлером литовским»[58].

VI. Позднее окончание сейма замедлило начало очередной военной кампании. Задерживалось и поступление денег от союзников. Римский папа требовал от Речи Посполитой «энергичных действий» на турецком фронте. Беспокойство римской курии в связи с появившимися во внешней политике Яна Собеского профранцузскими тенденциями выразилось в ужесточении позиции папского нунция. Он соглашался выделить деньги только при условии письменного обязательства гетманов двинуть войска на территорию противника и там зазимовать, а также если вотированные сеймом налоги будут собраны хотя бы на сумму, равную папским субсидиям[59]. О. Паллавичини, вопреки планам Собеского предпринять поход в Молдавию, указывал гетманам на необходимость блокады Каменца, т. е. поддержал прошлогодний план С. Яблоновского, одновременно высказывая недовольство неподготовленностью оперативного плана кампании 1685 г. В итоге в июне деньги из Рима все же поступили.

Сбор войск продолжался до конца июля. 1 августа польская армия двинулась к Днестру. 10 сентября войска под командованием С. Яблоновского (сам король участия в кампании 1685 г. не принимал) стали под Устьем и начали наводить переправу. Однако даже к этому времени назначенные в поход войска собрались не полностью, совсем не прибыли литовские отряды. Не было получено и королевских распоряжений. А. Потоцкий сообщал регенту коронной канцелярии С. Щуке, что гетман намеренно не торопится со строительством переправы. Только 5 сентября была созвана военная рада для обсуждения плана военных действий. Получив сведения о концентрации противника под Цецорой и готовящемся приходе турецкого транспорта с продовольствием и амуницией (т. н. захара) в Каменец, С. Яблоновский настоял на необходимости марша в направлении Ясс и Цецоры. Против этого плана, считая его слишком опасным из-за отсутствия точных данных о противнике, выступил польный гетман А. Потоцкий. Однако его скорый отъезд (якобы по болезни) в Снятын предоставил С. Яблоновскому свободу действий. 20 сентября польское войско выступило к р. Прут, через который переправилось в районе Снятына, 29 вечером подойдя к деревне Боян.

Здесь 1 октября произошло сражение польско-литовских войск (вместе с казаками 17–18 тыс. человек) с превосходящими турецко-татарскими силами (30 тыс. татар и 12-тысячный турецкий корпус Сулеймана-паши). Хотя его исход не принес победы ни одной из сторон, 2 октября на военном совете было принято решение об отступлении, которое продолжалось 10 дней при практически непрерывных ударах турецко-татарских войск. Польская армия Яблоновского отбила все атаки и к 12 октября вышла из буковинских лесов к р. Прут. Так закончился неудачный поход в Молдавию «прутским путем». Исследователи похода отмечали, что за все время кампании коронный гетман так и не получил никаких указаний по плану боевых действий ни от короля, ни от сената[60].

В сравнении с походом Яблоновского действия императорских войск в Венгрии выглядели успешными. В августе они взяли важную крепость Эршекуйвар, а осенью разбили османские войска, осаждавшие Эстергом. Успех в боях против «куруцев» сопутствовал австрийским генералам в Верхней Венгрии, где в кампанию 1685 г. было взято несколько крупных крепостей и городов — Эперьеш (совр. Прешов в Словакии), Токай, Серенч и др. Эти победы стали возможны благодаря противоречиям в османском лагере между турками и венгерскими повстанцами. В середине октября И. Тёкёли по обвинению в измене был посажен в тюрьму по приказу варадского паши Ахмеда. Этим паша напрасно надеялся задобрить Вену и склонить ее к мирным переговорам. Узнав об аресте предводителя, венгерские повстанцы стали сдавать крепости немецким войскам одну за другой. Запоздалое осознание в Стамбуле совершенной ошибки и освобождение вождя куруцев в январе 1686 г. уже не смогло спасти само движение, утратившее с этого момента массовую поддержку среди венгров. Оценивая результаты военных действий в Венгрии 1683–1685 гг., Т.П. Гусарова отмечала, что они «подготовили успех кампании 1686 г., ставшей апогеем войны с османами, а именно, возвращение Буды»[61]. Удачными были и действия Венеции в Средиземноморье[62].

В 1684 г. И. Тёкёли еще надеялся извлечь какую-то пользу из отношений с Речью Посполитой, отправив летом очередное посольство к Яну Собескому. Стараясь помешать польско-венгерскому сближению, император Леопольд I в начале 1685 г. ввел запрет на торговлю Венгрии с Речью Посполитой. Одновременно к осени в Вене без посредничества польского короля установили контакт с И. Тёкёли. Духовник императора и дипломат Марко д'Авиано, через которого велись переговоры, предложил вождю куруцев возвращение наследственных владений, пенсию и некий титул взамен за отказ от власти в Венгрии. Таким образом, османы имели основания подозревать вожака куруцев в измене. По мнению З. Вуйчика, в 1685 г. польский король окончательно утратил инициативу в венгерских делах[63].

VII. Начиная с 1684 г. папская дипломатия последовательно добивалась от польского королевского двора заключения мира и антиосманского союза с Россией. Главная заслуга в этом принадлежала папскому нунцию О. Паллавичини. Вместе с тем содержание инструкций, которые направлялись Паллавичини из Рима, свидетельствует, что Святой престол мало учитывал интересы Речи Посполитой в отношениях с Россией. Главной задачей папской дипломатии в Польше было сохранение австро-польского союза, стабильности Священной лиги и привлечение в нее новых членов, а также ведение польскими войсками активных военных действий против Порты[64].

Начало войны с османами и образование Священной лиги в Риме посчитали удачным моментом для налаживания дипломатических отношений с Россией, отсутствовавших с 1672 г. — со времени поездки в «вечный город» русского посла П. Менезия. Учитывая это, папская дипломатия решила опереться на опыт посредничества еще между Стефаном Баторием и Иваном Грозным и способствовать урегулированию русско-польских отношений. Такой подход позволял Риму, во-

первых, привлечь Россию в антиосманскую коалицию, не идя на уступки Москве в вопросах взаимного титулования царя и папы; во-вторых, создать предпосылки для установления с русским государством прямых дипломатических отношений в будущем. Эта стратегия получила отражение в мемориале, составленном, видимо, польским нунцием или кем-то из его окружения для польского двора. В нем подчеркивалась важная роль Речи Посполитой в деле вовлечения России в лигу, которое необходимо для всего христианства[65].

Неудачи Рима хоть как-то улучшить собственные отношения с Россией, предпринимаемые неофициально через посредство австрийской дипломатии, на протяжении 1684–1685 гг.[66] обуславливали возрастание заинтересованности Святого престола в урегулировании русско-польских отношений.

Во второй половине 1684 г., после неудачного завершения Андрусовской комиссии, нунций, следуя инструкциям из Рима, стал добиваться от королевского двора согласия на отказ от Киева в пользу России взамен за вступление последней в Священную лигу. Ян Собеский неприязненно отнесся к подобному предложению, не желая его обсуждать под предлогом, что решение об уступке Киева не может быть принято без согласия сейма. Однако нунций и в дальнейшем не оставлял попыток склонить короля к заключению Вечного мира. В сентябре 1684 г. О. Паллавичини направил доверенного человека прямо в лагерь польских войск под Жванцем. Тот убеждал короля в выгодах Вечного мира и союза с Россией, доказывая, что, в случае если русские войска захватят или блокируют Крымское ханство, Речь Посполитая избавится от разорительных татарских набегов, получит контроль над Правобережной Украиной, которая в данный момент фактически является ничейной землей, наконец, установит протекторат над Молдавией и Валахией. Ян III остался глух к этим предложениям, однако нунций не терял надежды убедить Собеского заключить с Москвой мир и союз, если последняя пойдет на увеличение денежной компенсации за утраченные шляхетской республикой территории[67].

Впрочем, союзники Варшавы по Священной лиге — Рим и Вена — давно уже считали закрепление за Россией Андрусовских приобретений свершившимся фактом. Когда Ян Собеский получил копию папского послания (breve), предназначенного для царей Ивана и Петра, то с удивлением обнаружил, что Святой престол титулует их «киевскими» и «смоленскими». В ответ на возмущение короля О. Паллавичини развел руками — образец титула был получен из императорской канцелярии. Последний факт нунций, впрочем, скрыл от Собеского, открыто заявлявшего, что Россия просто хочет воспользоваться участием Польши в войне с османами, чтобы добиться утверждения за собой Киева. О. Паллавичини даже выразил готовность уступить королевскому двору в этом вопросе и просил римскую курию переделать грамоту, использовав в ней титул по образцу польских грамот царям — в краткой форме, без употребления в нем названий отдельных областей, как Россия и Речь Посполитая договорились это делать на основании Андрусовского перемирия 1667 г.[68]. Однако, судя по материалам Посольского приказа, сделано это так и не было.

Уже в ноябре 1684 г. нунций сообщал, что под влиянием очередного разорительного татарского набега на земли Речи Посполитой Ян Собеский стал более сговорчивым. Он уже выражал согласие признать за Россией границы Андрусовского перемирия, но только после того, как та выполнит свои союзнические обязательства. Нунций предложил включить в будущий русско-польский договор условие, что в случае, если русские войска не захватят «для Польши» Крым, то мир с Россией будет аннулирован. О. Паллавичини, однако, сомневался, что русское правительство примет подобные условия и намеревался добиваться дальнейшего смягчения позиции Собеского[69]. В апреле 1685 г. в очередной депеше в Рим он выразил уверенность, что Москва заключит союз только на условиях Вечного мира[70]. В итоге, не без усилий нунция, посеймовая рада сената, состоявшаяся 31 мая — 1 июня 1685 г., приняла решение направить посольство в Москву. Главой посольства предлагалось назначить познанского воеводу Кшиштофа Гжимултовского, который, как отмечал в своей депеше в Рим Паллавичини, вновь сблизился с двором в последние дни сейма[71]. Таким образом, познанский воевода стал компромиссной фигурой, которая устраивала и двор, и антикоролевскую оппозицию. Решение о посольстве в Москву сенаторы намеревались пока сохранить в тайне. Возможно, это было связано с тем, что послы на сейм еще не успели разъехаться из Варшавы и двор и сенат опасались возможных обвинений в принятии внешнеполитических решений без согласия всей Речи Посполитой, а также противодействия оппозиционно настроенной шляхты и магнатов. Сенаторы постановили, что посольство в Москву должно быть представительным и включать двух депутатов от сената и трех от шляхетского сословия, по одному от трех земель («народов»). Формальными причинами этого были важность предприятия и прецедент, когда в Гродно в 1679 г. прибыло якобы пятеро русских послов[72].

Вместе с тем в польской историографии принято утверждать, что посольство было отправлено по решению сейма 1685 г.[73]; то же, впрочем, утверждали и сами польско-литовские послы, и Ян Собеский, объявляя о посольстве в официальной грамоте царям[74]. Однако отсутствие среди постановлений сейма каких-либо касающихся внешней политики конституций, кроме конституции верности союзникам и готовности продолжать войну с османами[75], позволяет заключить, что сейм такого решения все же не принимал. Не были даже официально назначены депутаты для составления инструкции посольства, хотя известно, что они собирались для ее утверждения[76]. Гжимултовский утверждал впоследствии, что депутация эта собиралась втайне от сейма и участвовавшие в ней сенаторы присягали хранить в секрете все произошедшее[77].

Дополнительные подробности относительно принятия решения о направлении посольства в Москву могут дать документы Посольского приказа, связанные с деятельностью Н. Краевского и А. Константиновича. В ноябре 1685 г., когда в Москве стали выражать недовольство слишком большим количеством «заявленных» послов («для чего ныне королевское величество послов шлет не по прежнему обыкновению <...> чего никогда не бывало»), Константинович сообщил, что решение о посылке в Россию посольства приняла тайная рада сената, собиравшаяся во время

сейма «по желанию цесаря и иных союзников». При этом было постановлено «к обыкновенным трем особам прибавить с кождой земли от народу по человеку» от Великой Польши, Малой Польши и Великого княжества Литовского, чтобы ввиду формального отсутствия конституции сейма о посольстве придать ему законный характер, подчеркнуть, что послы высланы не только от двух станов Речи Посполитой — сенаторов и короля, но и от третьего стана — шляхты [78]. «Идут господа великие послы наши, не токмо одне от королевского величества и всей Речи Посполитой, но и от народов, се есть из Великой Полши один, из Малой Полши другой, из Литвы третий <...>» — писал А. Константинович Н. Краевскому в другом письме [79]. М. Огинский в письме В.В. Голицыну утверждал, что сделано это «для лутчей крепости и чести» [80]. Важность этого факта для польско-литовской стороны подчеркивается и тем, что включение в состав посольства депутатов от шляхетского стана позднее было отражено и в преамбуле договора о Вечном мире [81].

Видимо, посеймовую раду сената и имели в виду литвины под «тайной» радой, о которой А. Константинович сообщал в Посольский приказ. О ее «секретном» характере косвенно свидетельствует и то, что решение о посольстве в Москву было утверждено сенаторами еще раз спустя месяц после окончания сейма.

В королевских предложениях, внесенных на раду сената 30 июня в Вилянове констатировалось, что сейм прошел с опозданием и «prędko sanctiorum exequcitia sperari nie może (речь прежде всего шла о сборе денег на войско. — *К. К.*), a periculus od tak potężnego nieprzyjaciela inquientibus occurrere należy. Co się w domu bydź nie może dla opóźnienia łatwo każdy osądzi i przyzna, że do innych ratowania się sposobów necessario obrócić się i skłonić należy» *. В связи с этим на обсуждение сенаторов выносилось предложение о посылке сразу четырех посольств — во Францию, Венецию, Австрию и Россию. Сенат постановил направить посольство Яна Велёпольского — во Францию, маршалка коронного надворного Иеронима Любомирского выслать на переговоры в Вену, а в Москву — посланника с объявлением о будущем вскоре посольстве [82]. По сообщению нунция, литовский гетман К. Сапега поддержал указанное решение только при условии, что посольства не будут действовать во вред Священной лиге и, в частности, Я. Велёпольский во Франции будет вести переговоры только о денежных субсидиях [83]. В итоге общей задачей, определенной сенатом для всех посольств, было получение дополнительной помощи против Османской империи. Послы получили также специальные инструкции.

Инструкция послу во Францию — канцлеру Я. Велёпольскому — была составлена уже к 26 июня. Он должен был дать разъяснение по поводу событий, произошедших в ходе сейма 1683 г., в частности по делу Морштына, а также о причинах вступления Речи Посполитой в войну с Османской империей. Ему поручалось заверить французский двор в дружественных намерениях Речи Посполитой

* «и ожидать быстрого выполнения его решений нельзя, а опасности, [исходящей] от такого сильного неприятеля необходимо неустанно противодействовать. Легко каждый рассудит и признает, что у себя дома из-за омедления сделать это невозможно, и надо поневоле обратиться и склониться к другим средствам спасения».

и попросить помощи в войне против турок. В своей миссии польский дипломат должен был опираться на помощь Рануцци[84]. Бранденбургский посол в Речи Посполитой Левин Иоахим фон Шуленбург в депеше от 28 мая сообщал, что в Варшаве принято решение отправить в Рим гонца, чтобы заручиться посредничеством папы на будущих польско-французских переговорах[85].

Как видно из инструкции, в задачи Я. Велёпольского не входило (по крайней мере, официально) получение во Франции поддержки династических планов Яна Собеского. По своим задачам миссия Я. Велёпольского не намного отличалась от предыдущей миссии Я. Гнинского-младшего. Отправляя посла во Францию, варшавский двор старался всячески успокоить союзников. Перед выездом из Варшавы Велёпольский посетил австрийского резидента И. Жировского и заверил его, что посольство никоим образом не направлено против интересов Священной лиги, и передал соответствующее письмо для императора. Свою инструкцию канцлер показал К. Гжимултовскому и другим оппозиционерам. Но все это не успокоило ни Вену, ни Рим, а также связанные с ними магнатские круги в Польше и Литве, видевшие в посольстве угрозу ослабления связей Речи Посполитой с государствами лиги. Больше всего оппозиционеры опасались династических планов Яна III[86].

Отсутствие в инструкции пунктов, касавшихся женитьбы королевича Якуба, не означало все же, что двор отказался от своих замыслов. Если бы подобное поручение было дано послу республики даже в специальной секретной инструкции, то, несомненно, о нем стало бы известно и оппозиции, и резидентам Вены и Рима. В этом деле Ян Собеский принужден был действовать с величайшей осторожностью. Неофициальное предложение о женитьбе Якуба на дочери португальского короля Изабелле Марии Людвике сделал польскому королю португальский посол, находившийся в Вилянове в июле 1685 г. Эти замыслы португальцев при активном содействии маркиза де Бетюна нашли положительный отклик в Версале. Серьезно отнесся к ним и сам Ян III, поручив находившимся в Париже племянникам Каролю и Ежи Радзивиллам выехать под видом ознакомительной поездки в Лиссабон. Собственно переговоры о женитьбе должен был вести сопровождавший их гувернер. По предположению К. Пиварского, коронный канцлер также имел устные инструкции добиваться поддержки французской дипломатией династических планов Собеских[87].

В октябре 1685 г. Я. Велёпольский прибыл в Париж. Результаты прошедших переговоров трудно назвать успешными для Польши. Главной цели — получения помощи от Франции в войне против Османской империи — польский посол не добился. Людовик XIV решительно отказал как в предоставлении войск, так и в субсидиях. Единственное, что удалось получить Я. Велёпольскому, это заверение о восстановлении дружбы и взаимопонимания, а также обещание содействовать женитьбе королевича Якуба на португальской инфанте. В конце 1685 — начале 1686 г. Людовик XIV действительно направил послу в Лиссабоне соответствующие инструкции. В декабре первые результаты переговоров коронного канцлера стали известны в Варшаве, а в конце месяца канцлер выехал в обратный путь. Вокруг посольства во Франции не обошлось и без интриг оппозиции. Приехавший в Па-

риж во время переговоров Я. Велёпольского посланец гетмана С. Яблоновского пытался настроить версальский двор против политики польского короля[88].

Перед отправленным в Вену И. Любомирским стояла задача добиться получения военной помощи императора на будущую кампанию. Перед этим сам Ян III настойчиво убеждал союзников, особенно императора, в важности совместных действий польских и австрийских войск против турок в Дунайских княжествах. Поддержка союзнических войск была необходима, по мнению короля, также и потому, что польские войска были не в состоянии самостоятельно взять Каменец, не обладая необходимой выучкой, достаточным количеством пехоты, осадными орудиями. Свои соображения Ян Собеский изложил в направленном в начале 1685 г. в Вену, Рим, Венецию и даже в Париж мемориале «Considerationes super imminente campania» («Рассуждения о будущей кампании»). Обсуждение предложений польского короля продолжалось при союзных дворах до конца года. С самого начала Габсбурги отнеслись к ним отрицательно не столько по военным, сколько по политическим соображениям. Леопольд I не желал способствовать усилению польского влияния на Дунае и в Венгрии. Ян Собеский дважды вносил изменения в свой план, стараясь сделать его более приемлемым. Тем не менее и третий вариант стратегической концепции польского короля, посланный осенью И. Любомирскому, был отклонен императором[89].

В этих условиях военная помощь Франции либо Бранденбурга приобретала для Варшавы еще большее значение. В начале декабря Собеский вновь пытается добиться от Версаля оказания помощи в войне с Османской империей. На данной де Бетюну аудиенции польский король указал на невыгодность для Франции подчинения Габсбургами Венгрии и Трансильвании, установления их влияния в Молдавии и Валахии. Речь Посполитая в таком случае, будучи окружена с запада и востока владениями императора, по словам короля, была бы совершенно бесполезна с точки зрения французских интересов в регионе. Чтобы избежать этого, считал Ян III, Людовик XIV мог бы оказать Речи Посполитой военную помощь в овладении Дунайскими княжествами. Польский король настаивал на присылке хотя бы символических подкреплений — трех батальонов пехоты, снабженных артиллерией, обязуясь содержать их за свой счет. Даже такая помощь, объявление о которой было бы сделано, как предлагал Ян Собеский, официальным послом Людовика, значительно подняла бы престиж Речи Посполитой не только среди членов Священной лиги, но и вообще в Европе.

Уступая доводам Собеского, Ф. де Бетюн 4 декабря отправил Ш.К. Круасси депешу, в которой изложил аргументы польского короля. В конце месяца Ян Собеский направил гонца к французскому королю с подарками из захваченных под Веной трофеев и письмом, в котором, уже в который раз, настойчиво просил о военной помощи. Как и предыдущие усилия Яна III, эта миссия окончилась безрезультатно. К февралю 1686 г. надежды на какую-либо военную поддержку Франции были окончательно похоронены. Французский король также воздержался от направления в Варшаву официального посла, удовлетворившись присутствием там резидента де Бетюна[90].

Еще во время сейма 1685 г., 9 мая, Ян Собеский направил в Берлин плоцкого подкоморжия Миколая Нажимского с просьбой о военной помощи в предстоящей кампании. Курфюрст сначала пообещал ее, но несколькими днями позже внезапно ответил отказом. В ноябре польский король отправил письмо Фридриху-Вильгельму, прося на этот раз помощи на следующий, 1686 г., однако тот отказал вновь, объяснив, что посылает войска в Венгрию на помощь своему сюзерену-императору. К этому времени бранденбургский курфюрст в который уже раз сменил союзников, перебежав из французского лагеря в габсбургский. В сентябре 1685 г. он заключил трактат с Голландией, в феврале 1686 г. — со Швецией и главное — с Леопольдом I. В декабре 1685 г. было подписано соглашение о посылке на будущую кампанию в Венгрию 7-тысячного бранденбургского вспомогательного корпуса. В третий раз Ян Собеский попросил помощи в Берлине в феврале 1686 г., когда туда по пути из Парижа на родину заехал по поручению короля Я. Велёпольский. На переговорах бранденбургский министр Пауль фон Фукс подтвердил польскому послу, что в этом году войска будут посланы в Венгрию. Уже после отъезда Велёпольского из Берлина 22 марта 1686 г. был подписан австро-бранденбургский союзный договор, направленный против Франции. В нем было также оговорено взаимное обязательство Габсбургов и Гогенцоллернов сохранять существующую политическую систему в Речи Посполитой (аналогичный пункт содержался и в договоре курфюрста со Швецией)[91].

Дипломатические неудачи Яна Собеского при дворах великих держав свидетельствовали о падении значения Речи Посполитой в рядах Священной лиги, негативно сказались они и на престиже польского короля, на его личных династических планах. Свидетельством этому стало крушение в начале 1686 г. надежд Собеских на брак Якуба с португальской инфантой. Французское содействие, учитывая, что французское влияние при португальском дворе было нейтрализовано усилиями испанской и английской дипломатии, ничем не помогло миссии Радзивиллов. Братья даже не получили аудиенции у короля Петра II, несмотря на адресованные ему и влиятельному португальскому министру князю Кадавала письма Яна Собеского. В Лиссабоне в это время уже строили планы брака инфанты и князя нейбургского[92].

В 1685 г. Ян Собеский еще не терял надежды переманить на свою сторону Крымское ханство. Когда прибывший на сейм 1685 г. в Варшаву татарский посол уезжал после окончания сейма на родину, вместе с ним в Крым был направлен королевский посланник Томаш Голчевский. Миссия последнего была окутана глубокой тайной, официально он ехал по «приватным» делам к находившемуся в Крыме ксендзу Костанецкому.

Т. Голчевский был снабжен секретным письмом Яна III к хану Селим-Гирею и секретной инструкцией. Посланник должен был предложить хану помощь польского короля для освобождения от власти Порты. Перед Голчевским не ставилась задача добиться военного союза с Крымом, ему поручалось лишь уговорить хана соблюдать нейтралитет в войне и не нарушать мира с Речью Посполитой. В случае согласия Селим-Гирея посланник должен был пообещать ему вдвое большие «упо-

минки» против тех, которые выплачивались ранее, и «подарить» от имени Яна Собеского 1000 червонных. Хан сначала с любезностью отнесся к сделанным предложениям, и Т. Голчевский вместе с помогавшим ему Костанецким выплатили часть суммы — 600 червонных.

Однако внезапно положение в польско-крымских переговорах изменилось. С письмами Селим-Гирея, в которых говорилось о готовности сохранить дружбу с польским королем (конкретных ответов на предложения Я. Собеского хан все же не дал), в сопровождении ханского пристава Голчевский уже выехал из Бахчисарая. По дороге польский посланник был остановлен и возвращен в ханскую столицу, где его под разными предлогами удерживали все лето. А в это время крымские татары приняли активное участие в кампании против войск С. Яблоновского. Только в начале ноября 1685 г. Т. Голчевский приехал в Жолкву, где находился король с письмом от хана, предлагавшего заключить мир с Портой[93].

Разносторонние и весьма тесные связи Крымского ханства с Портой изначально обуславливали бесполезность всех попыток оторвать ханство от Османской империи до тех пор, пока она сохраняла свое влияние в Причерноморье. Русские гонцы Иван Кизылбашенин и Петр Хивинец, побывавшие в Крыму во второй половине 1685 г., сообщали, что в текущем году из-за сильной засухи там случился «великой голод», сильно выросли цены на хлеб и «конской корм». Угроза голодной смерти была одним из наиболее убедительных аргументов для крымских татар в пользу активного участия в кампании 1685 г. на венгерском и польском театрах военных действий. Из похода на польские и украинские земли войско во главе с ханом и калгой привело «множество полоняников поляков мужеска полу и женска». Однако из-за дороговизны на продукты питания, сообщал П. Хивинец, «невольников полских людей <...> покупают <...> в Крыму дешевою ценою, а иных для хлебного недороду продают на каторги». Даже после окончания кампании крымцы, «собрався ватагами по двесте и по триста человек, ходят для добычи и полону под польские городы», — доносил русский дипломат. Сам он, уже возвращаясь из Крыма в начале 1686 г., встретил у Перекопа очередной татарский отряд, возвращавшийся из набега, причем каждый татарин вел с собой двух-трех пленных[94].

Насущная необходимость обеспечения пропитания заставляла крымские загоны пускаться в набеги даже зимой. Поэтому татары заявляли П. Хивинцу, что они «с поляки миру не хотят, для того и гонцов своих х королю не посылают и от короля не принимают, а хотят на будущее лето охотно поляков воевать и до основания разорять». Как известно, сюзерен ханства — Османская империя — была главным покупателем захваченных татарами невольников. Это, в частности, обеспечивало и прочность политических связей между ними. Османский чауш, прибывший в Бахчисарай в конце 1685 г., похвалил хана за боевые действия против польских войск и вручил Селим-Гирею кафтан, саблю, двух лошадей с роскошной упряжью. Саблю и кафтан получил также калга, а знатные мурзы — по 40 золотых[95].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Отписка» русских послов И.И. Чаадаева и Л.Т. Голосова в Москву. 26 (16) апреля 1683 г. Варшава — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 5. Л. 33; *Wimmer J.* Wedeń 1683. Dzieje kampanii i bitwy. Warszawa, 1983. S. 150; *Konarski K.* Polska przed odsieczą wiedeńską r. 1683. Warszawa, 1914. S. 199–200.

[2] Ян Собеский — Мурад-Гирею. Б. м., б. д. [апрель–май 1683 г. Варшава] — BCz. Rps. 1865. S. 229. См. также: «W Warszawie». 19 мая 1683 г. — AGAD. APP. Rps. 162. Cz. 1. S. 49.

[3] *Chowaniec Cz.* Sobieski wobec tatarszczyzny. 1683–85 // KH. Rocznik XLII. 1928. S. 54; *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. СПб., 1887. С. 593–594; «Doniesienia z obozu z pod Strygonią». 10 октября 1683 г. — BCz. TN. Rps. 179. S. 724.

[4] «Uwiadomienia z Kamieńca». 17 октября 1683 г. — BCz. TN. Rps. 179. S. 748.

[5] *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 608–611; *Wagner M.* Tatarskie elity władzy w latach 1684–1689 // *Tegoż.* W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696). Siedlce, 2002. S. 98–99.

[6] *Chowaniec Cz.* Sobieski... S. 55; BPANKr. Rps. 8428. TRz. T. 88. S. 29.

[7] *Chowaniec Cz.* Sobieski... S. 55–58; *Wagner M.* Tatarskie elity... S. 99.

[8] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 13.

[9] *Chowaniec Cz.* Z dziejów polityki Jana III na Bliskim Wshodzie. 1683–1686 // KH. Rocznik XL. Z. 2. 1926. S. 151–160; *Зедгинидзе Г.Э.* Из истории польско-русских дипломатических отношений с Ираном (Деятельность Богдана Гурджицкого). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тбилиси, 1971. С. 20–21; *Pukianiec L.* Sobieski a Stolica Apostolska na tle wojny z Turcją (1683–1684). Wilno, 1937. S. 19–25.

[10] *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski (1634–1720). Polityk i dowódca. T. 1. Siedlce, 1997. S. 190; *Pukianiec L.* Op. cit. S. 60–61, 83–85.

[11] *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловацкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 264–265; *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 163–164.

[12] *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski... S. 194.

[13] BPANKr. Rps. 8428. TRz. T. 88. S. 40.

[14] *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski... S. 194–197; *Tegoż.* Zachara turecka w latach 1684–1696 // W cieniu szukamy... S. 93; *Pukianiec L.* Op. cit. S. 82.

[15] *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski... S. 197.

[16] *Kamieński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku. Dzieje polityczne. Poznań, 2002. S. 246.

[17] *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski... S. 197–203; *Pukianiec L.* Op. cit. S. 83, 85–86.

[18] Я. Собеский — Я.В. Бжостовскому. 25 октября 1684 г. Б. м. — BCz. Rps. 2109. S. 101–102.

[19] *Власова Л.В.* Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в. Кишинев, 1980. С. 31–38; *Wójcik Z.* Jan Sobeski. 1629–1696. Warszawa, 1983. S. 367–368; *Czamańska I.* Oswobodziciel czy najeźdźca? Polityka Jana III Sobieskiego wobec hospodarstw Mołdawii i Wołoszczyzny // Roczniki Historyczne. Rocznik LV–LVI za lata 1989–1990. Warszawa; Poznań, 1990. S. 165–166. Отметим, что параллельно в 1684 г. валашский господарь Шербан Кантакузино вел тайные переговоры с эмиссаром Габсбургов о принятии

протектората на условиях обеспечения его династии наследственной власти в Молдавии и Валахии, а молдавский господарь Стефан Петричейку в начале 1684 г. выслал посольство в Москву, которое имело устное поручение вести переговоры о принятии Молдавии в подданство России (*Семенова Л.Е.* Молдавия и Валахия в антиосманских планах стран региона в конце XVII в. // Османская империя... С. 343–345; *Власова Л.В.* Указ. соч. С. 27–28).

[20] *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 264–266; *Wagner M.* Wenecja i Polska... S. 134; *Борисов Ю.В.* Указ. соч. С. 164.

[21] С. Проский — Яну Собескому. «Obóz pod Isakczą». 24 мая 1684 г. — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 198–201; AZ. Rps. 3037. K. 359.

[22] BPANKr. Rps. 8426. TRz. T. 86. S. 211, 213–214. Подобные слухи имели хождение в Европе и в 1685 г. Не исключено, что они специально распространялись польским королевским двором с целью придания большего веса Речи Посполитой в глазах союзников по Священной лиге (*Mierzwa E.A.* Anglia a Polska w epoce Jana III Sobieskiego. Łódź, 1988. S. 245).

[23] *Konopczyński W.* Polska a Turcja. 1683–1792. Warszawa, 1936. S. 18, 23.

[24] *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 266.

[25] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 25–28.

[26] *Piwarski K.* Polska a Francja po roku 1683. Kraków, 1933 (odbitka z «Przeglądu powszechnego»). S. 5–13. См. также: *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 410–412; *Pukianiec L.* Op. cit. S. 3–12, 26–30.

[27] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 416–417. Великая Польша был традиционным центром антикоролевской оппозиции еще со времен Яна Казимира, а также и позднее — в начале XVIII в. См.: *Staszewski J.* August II Mocny. Wrocław, 1998. S. 222–223.

[28] М. Огинский — Б. Сапеге. 28 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 375–376.

[29] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 418–419; *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski... S. 192–194, *Piwarski K.* Op. cit. S. 18–19; *Kamieński A.* Op. cit. S. 247–248; *Górna R.* Antykrólewska propaganda opozycji (od bitwy wiedeńskiej do sejmu 1685 r.) // Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka». Rocznik LI. 1996. S. 145–149.

[30] *Piwarski K.* Op. cit. S. 22–25; *Kamieński A.* Op. cit. S. 249–251; *Górna R.* Op. cit. S. 150–152.

[31] *Wójcik Z.* Jan Sobeski... S. 421–422; *Kamieński A.* Op. cit. S. 251–252; Źródła dziejowe. T. 1. Warszawa, 1876. S. 123.

[32] «Votum Piotra Opalińskiego woejwody lęczyckiego generała wielikopolskiego na sejmiku średzkim». 5 января 1685 г. — BPANKr. Rps. 1082. S. 397–400.

[33] AGAD. AR. Dz. 2. Rps. 1724. S. 2, 5–6.

[34] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 422.

[35] «Votum P. Opalińskiego na sejmie 1685 r.». 19 марта 1685 г. — BPANKr. Rps. 1082. S. 401–407.

[36] *Wimmer J.* Op. cit. S. 139, 206.

[37] *Wójcik Z.* Jan Sobeski... S. 422–423.

[38] *Piwarski K.* Op. cit. S. 24–25; *Kamieński A.* Op. cit. S. 253.

[39] «Scrypt ad archiwum na sejmie walnym warszawskim roku pańskiego 1685» — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 289–291.

[40] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 423.

[41] *Piwarski K.* Op. cit. S. 24; его мнение разделяет и З. Вуйчик, см.: *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 409–410.

[42] *Kamieński A.* Op. cit. S. 254.

[43] BPANKr. Rps. 8436. TR. T. 96. S. 55.

[44] М. Огинский — Б. Сапеге. 3 февраля 1684 г. Кадино // Listy z czasów... S. 34.

[45] Тот же — тому же. 11 февраля 1684 г. Кадино // Ibid. S. 36.

[46] К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 17 февраля 1684 г. Кадино // Ibid. S. 25.

[47] Ibid. S. 60. В новинах «из Яворова» сообщались слухи, что М. Огинский, заручившись обещанием короля отдать ему большую печать ВКЛ, стал «промышлять» и о булаве. «И так мнится, что одержит, понеже имеет милость», — добавлялось в конце (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1684 г. Д. 2. Л. 12).

[48] Ibid. S. 62.

[49] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1684. Д. 2. Л. 13–17.

[50] Там же.

[51] Качановский — Б. Сапеге. 7 июня 1684 г. Яворов // Listy z czasów... S. 68–73; Тот же — тому же. 15 июня 1684 г. Яворов // Ibid; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1684 г. Д. 2. Л. 17.

[52] РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Д. 141. Л. 129–129 об., 131; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 70, 194–195.

[53] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 83.

[54] BPANKr. Rps. 8436. TRz. T. 96. S. 14–15; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 80–85.

[55] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 80.

[56] BPANKr. Rps. 8436. TRz. T. 96. S. 29–30. См. также: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 77–78. По сообщению диариуша М. Огинского, 4 апреля начался суд по делу А. Морштына, в ходе которого сенаторы высказывали свои мнения. Когда настал черед литовского канцлера, «закричали все на него послы, а особенно князь подканцлерий [Доминик Радзивилл] и подскарбей великой литовской [Б. Сапега] причину приводя, что не может говорить речь, для того, что праву доволство не учинил». Протестующие требовали, чтобы М. Огинский «сызнова присягу учинил на сейме, и от того уряд свой зачинал; был великой шум и спор...». Поддержку М. Огинский получил главным образом от коронных депутатов и короля, просившего оставить этот вопрос на его усмотрение (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 97).

[57] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 98–102; Я.А. Храповицкий отмечал в своем «Дневнике», что М. Огинский принес повторную присягу 21 марта (MNKr. Rps. 169. S. 212).

[58] Там же. Л. 110.

[59] BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 53; BPANKr. Rps. 8426. TRz. T. 86. S. 217; Ibid. Rps. 8436. TRz. T. 96. S. 40.

[60] *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski... S. 210–226; *Власова Л.В.* Указ. соч. С. 40–42. См. также монографию, посвященную буковинскому походу С. Яблоновского: *Wasilewski W.* Wyprawa bukowińska Stanisława Jabłonowskiego w 1685 roku. Warszawa, 2002.

[61] *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 267–268.

[62] *Wagner M.* Wenecja i Polska... S. 136–137.

[63] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 366–367.

[64] BPANKr. Rps. 8426. TRz. T. 86.

[65] «Informatio ad promorendum commercium między Ojcem Sw. A Carem jm. Moskiewskim» — APANW. MW. Teka 69. K. 250–251.

[66] См. об этом в главе 5.

[67] BPANKr. Rps. 8435. TRz. T. 95. S. 81, 82, 84.

[68] Ibid. S. 87.

[69] Ibid. S. 100.

[70] Ibid. Rps. 8436. TRz. T. 96. S. 30.

[71] Ibid. S. 55.

[72] Ян Собеский — К. Гжимултовскому. 23 января 1686 г. Жолква — APANW. MW. Teka 70. K. 11.

[73] См., напр.: *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 375; *Idem.* Rokowania polsko-rosyjskie o «pokój wieczysty» w Moskwie w roku 1686 // Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Warszawa, 1994. S. 39.

[74] М. Огинский — В.В. Голицыну. 13 ноября 1685 г. Гродно — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 143–143 об. (Оригинал, русский перевод см.: Там же. Д. 223. Л. 172 об.–175 об.); РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 168 об.–172.

[75] VL. T. 5. S. 344–345.

[76] См. об этом в главе 6, с. 302–304.

[77] «Mowa jmp wojewody poznańskiego in senatus consilio...» 19 декабря 1686 г. Львов — BN. BOZ. Rps. 1176. K. 85–87.

[78] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 56–57 об.; 80 об.–84 об., 106–113.

[79] А. Константинович — Н.М. Краевскому. 4 ноября 1685 г. Б. м. — Там же. Л. 42–43.

[80] Там же. Л. 172 об.–175 об.

[81] ПЗС. Т. 2. С. 770–771.

[82] BCz. Rps. 844. S. 115–116. (Оригинал с подписями сенаторов.); BCz. Rps. 1696. S. 24–25. Было ли принято решения о высылке посольства в Венецию, неизвестно. См. также: *Kamieński A.* Op. cit. S. 254; *Piwarski K.* Op. cit. S. 26; BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 53.

[83] BPANKr. Rps. 8436. TRz. T. 96. S. 60.

[84] *Piwarski K.* Op. cit. S. 27; *Kamieński A.* Op. cit. S. 254.

[85] BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 69.

[86] *Piwarski K.* Op. cit. S. 28; *Kamieński A.* Op. cit. S. 254.

[87] *Piwarski K.* Op. cit. S. 30–31; *Kamieński A.* Op. cit. S. 260.

[88] *Piwarski K.* Op. cit. S. 29–33, 35; *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 412–414; *Kamieński A.* Op. cit. S. 259–262. М. Вагнер ставит под сомнение факт деятельности посланника коронного гетмана во вред миссии Я. Велёпольского, см.: *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski... S. 226–227.

[89] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 379–381; «Puncta a sacra Regia Mte Poloniarum ad Proponendum Sacrae Ces. Ae Regiae...» 16 сентября 1685 г. Пиляшковицы — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 304–309; BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 79 (сообщение бранденбургского резидента Кристофа фон Вихерта от 12 января 1686 г. из Варшавы); *Wimmer J.* Lubomirski Hieronim // PSB. T. 18. Kraków, 1973. S. 12.

[90] *Piwarski K.* Op. cit. S. 34–36; *Kamieński A.* Op. cit. S. 261.

[91] *Kamieński A.* Op. cit. S. 254–257; *Piwarski K.* Op. cit. S. 37.

[92] *Piwarski K.* Op. cit. S. 36–37; *Kamieński A.* Op. cit. S. 261–262.

[93] *Chowaniec Cz.* Sobieski wobec tatarszczyzny... S. 58–65; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 216–218 об. Оригинал инструкции см.: AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 252–263.

[94] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 27–33 об.

[95] Там же.

Глава 5

Внешняя политика России в 1682–1685 гг.

I. Хотя после событий 1682 г. сторонники Милославских стали преобладать в Боярской думе и занимали важнейшие государственные посты, их борьба со сторонниками Петра продолжалась. Нарышкины, сосланные в мае по требованию стрельцов, уже осенью 1682 г. возвратились в Москву. Кроме родственников матери, в окружение Петра входили князья Черкасские, Урусовы и члены других боярских родов. К сторонникам Нарышкиных примкнул князь Борис Алексеевич Голицын, получивший в декабре 1683 г. должность начальника Приказа Казанского дворца. Рассчитывая ослабить позиции «нарышкинской» партии, правительство царевны Софьи разослало в 1683 г. многих приверженцев Петра на отдаленные воеводства.

В 1684–1685 гг. «партия» Милославских продолжала укреплять свои позиции. Видную роль при дворе царя Ивана играл и его воспитатель боярин князь Петр Иванович Прозоровский. В январе 1684 г. царь Иван Алексеевич был обвенчан с Прасковьей Салтыковой, что, по замыслу Софьи, позволило бы привлечь на свою сторону знатный и многочисленный, но обедневший род Салтыковых. Отец царской невесты енисейский воевода Федор-Александр Петрович Салтыков был вызван в Москву и пожалован в боярство. Получили назначения в Думу и некоторые другие ставленники Милославских [1].

Расправа с Хованскими не означала прекращения борьбы внутри победившей придворной группировки. В декабре 1682 г. ставленника В.В. Голицына во главе Стрелецкого приказа окольничего В.А. Змеева сменил более близкий к Софье и И.М. Милославскому Ф.Л. Шакловитый [2]. С. Бентковский, побывавший в Москве в феврале 1683 г., сообщал, что власть в столице принадлежит четырем боярам — И.М. Милославскому, Я.Н. Одоевскому (в этой связи понятно его назначение главой русской делегации на Андрусовскую комиссию 1684 г.), В.В. Голицыну и Михаилу Алегуковичу Черкасскому (по свидетельству С.М. Соловьева, одному из главных врагов В.В. Голицына [3]) — «z tych jeden bez drugiego nie czynią dumy, ale we wszem dokładają carewny <...> Zofii i co rozkaże, tak być musze» * [4]. В течение

---

* «из тех один без другого думы не чинят, а обо всем докладывают царевне <...> Софье, и как она прикажет, так и будет».

1683 г. В.В. Голицын оттеснил от власти И.М. Милославского, а в январе 1684 г. конфликт между ними еще более обострился из-за женитьбы царя Ивана, на чем настаивал Милославский и против чего выступал Голицын[5].

Позиции правящей «партии» оставались уязвимыми вследствие слабости царя Ивана Алексеевича, слывшего человеком болезненным и слабоумным, что отличало его в общественном мнении от энергичного и способного младшего брата. «Слабость» царя Ивана подчеркивалась случаями «нетства» бояр — отсутствием некоторых придворных на официальных церемониях. Так, А.С. Лавров отмечает, что начиная с 1684 г. во время выездов царя Ивана на богомолье в «нетях» оказывались влиятельные представители боярско-княжеских родов, и в частности И.В. Бутурлин[6].

События 1682 г. и развернувшаяся борьба при дворе не обошли стороной Посольский приказ — учреждение, в котором сосредоточилось управление внешней политикой России. В ходе стрелецких беспорядков и дворцового переворота были убиты глава Посольского приказа думный дьяк Ларион Иванов и боярин А.С. Матвеев, руководивший внешней политикой России в последние годы царствования Алексея Михайловича. С его именем был связан курс России в первой половине 1670-х гг. на полное присоединение Украины, приведший к обострению русско-польских отношений. Матвеев считался вождем группировки Нарышкиных. Незадолго до своей гибели он был возвращен из ссылки и претендовал на руководство русской внешней политикой.

26 (16) мая 1682 г., в самый разгар стрелецких волнений, В.В. Голицын был назначен первым судьей Посольского приказа[7], а 29 (19) октября он получил титул «царственного большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя»[8], которого до него удостаивался только А.Л. Ордин-Нащокин. В декабре 1682 г. Голицын возглавил также Иноземский, Рейтарский и Пушкарский приказы, получив в свои руки руководство не только иностранными делами, но и войсками «нового строя» — наиболее боеспособной частью русских войск.

Ставленник Голицына и Софьи думный дьяк В.Г. Семенов, выбранный «не из знатных», возглавлял Разрядный приказ. К концу 1682 г. Голицын полностью сосредоточил у себя контроль над внешней политикой и армией[9]. Деятельно включилась в решение внешнеполитических вопросов и царевна Софья, о чем свидетельствует, например, посольская книга, посвященная миссии И.А. Прончищева в Швецию[10].

При Голицыне вторым человеком в Посольском приказе стал Е.И. Украинцев[11]. С.М. Соловьев называл его одним из «самых бойких дельцов московских»[12], Н.И. Костомаров — «лучшим из тогдашних дипломатов»[13]. Е.И. Украинцев знал несколько иностранных языков, вел делопроизводство Посольского приказа, руководил посольским церемониалом и т. д. Службу он начал подьячим в 1665 г. в приказе Новой чети, а в 1672 г. перешел в Посольский приказ, где и сделал карьеру. В 1672–1673 гг. Украинцев входил в состав русских посольств в Данию, Швецию и Голландию. В 1675 г., уже в должности дьяка, он направляется в Австрию. В октябре 1679 г. Украинцев вел в Батурине переговоры с гетманом И. Самойло-

вичем, в 1680 г. ездил послом вместе с И.А. Прончищевым в Речь Посполитую. В начале 1682 г., еще при жизни царя Федора Алексеевича, он стал думным дьяком. С. Бентковский, будучи в Москве, был приглашен на пир во дворец В.В. Голицына, на котором присутствовал и Е.И. Украинцев в товариществе других приближенных русского канцлера — В.А. Змеева и некоего Федора Прокоповича[14].

Среди «боярских» кадров Посольского приказа выделялись И.И. Чаадаев — опытный государственный деятель, которого можно, бесспорно, считать прекрасным знатоком польского вопроса, а также боярин Иван Васильевич Бутурлин.

С 1658 г. И.И. Чаадаев в чине стольника вместе с князем Ю.Н. Барятинским и боярином В.Б. Шереметевым был на воеводстве в Киеве. В 1660 г., после пленения войска Шереметева под Чудновым, Барятинский и Чаадаев отказались выполнить унизительные для России условия Чудновского договора и вывести из города гарнизон. В 1661 г. Чаадаев был назначен воеводой в Переяславль и уже в октябре вместе с наказным гетманом Левобережной Украины Я.С. Самко оборонял его от татар и войск Ю. Хмельницкого. В 1662 г. Чаадаев был пожалован в думные дворяне.

С 1663 г. он вновь, уже единолично, был на воеводстве в Киеве, сумев, по выражению С.М. Соловьева, приобрести «всеобщую любовь». В 1662 г. Чаадаев, чтобы выплатить жалованье ратным людям, занял у Самко 4 тыс. рублей. Понимая всю важность Киева для укрепления царской власти на Украине, воевода в 1665 г. поддержал горожан в конфликте с гетманом Левобережной Украины И.М. Брюховецким, желавшим отобрать у города привилегии, дарованные польскими королями и подтвержденные царем. Он воспротивился затеянной гетманом переписи богатых мещан и купцов для обложения их подводной податью, не пустив в город присланного гетманом прилуцкого полковника Лазаря Горленко.

И.И. Чаадаев ездил в Речь Посполитую в составе посольства окольничего В.С. Волынского в 1671 г. В следующем году он вновь направляется в Польшу для размена ратификационными грамотами («обещаниями») на заключенный в Москве посольством Яна Гнинского второй Московский договор. Участвовал Чаадаев в посольском съезде на границе 1674 г. и в заключении третьего Андрусовского договора. В чине окольничего он входил в состав посольств в Речь Посполитую Я.Н. Одоевского в 1678 г. и И.В. Бутурлина в 1679 г., направленного в Варшаву для размена ратификационными грамотами третьего Московского договора (1678 г.)[15]. В 1681 г. Чаадаев возглавлял переговоры с польским посланником С. Невестиньским. В дальнейшем Чаадаев принимал участие в Андрусовской комиссии 1684 г., а также в переговорах о Вечном мире и в посольстве, выехавшем в Речь Посполитую для ратификации договора.

Иван Васильевич Бутурлин неоднократно выполнял посольские миссии в Швеции и Дании. В 1678 г. он стал боярином, а в 1679 г. вместе с И.И. Чаадевым ездил с посольством в Речь Посполитую и в Австрию, чтобы склонить императора к разрыву с Османской империей. В январе 1682 г. И.В. Бутурлин был назначен воеводой в Новгород[16], где пробыл до середины 1683 г. Он был членом русской делегации на переговорах в Андрусово в 1684 г. и на переговорах о Вечном мире.

Вскоре после заключения договора он получил ответственное назначение на должность киевского воеводы.

Из не раз описанной исследователями биографии канцлера В.В. Голицына [17] отметим лишь участие будущего «посольских дел оберегателя» в войне с турками 1672–1681 гг., а также его роль в отмене местничества. В историографии часто подчеркивается полонофильство нового главы Посольского приказа. Полонофилом назвал Голицына В.А. Артамонов [18]. «Поляколюбом» называл шефа «посольских дел» исследователь истории Земского собора 1683–1684 гг. В.К. Никольский. «Поляколюб Голицын, — по его словам, — не прочь был сменить временное перемирие с Польшей на вечный мир. Возможно, что его пленяла мысль о новом крестовом походе, о «священной лиге» всех христиан против неверных» [19].

Это высказывание, относящееся, правда, еще к 1920-м гг., заключает в себе не только характеристику политических симпатий Голицына, но и оценку внешнеполитического курса 1682–1689 гг. Отмеченная здесь взаимосвязь вызывает сомнение. «Полонофильство», выражавшееся в распространении среди русской знати польского языка, «латинской учености», польской моды и т. д., было явлением нередким. В следовании польской моде В.В. Голицын не представлял исключения [20]. Однако это вряд ли оказывало какое-то влияние на внешнюю политику России, подобно тому, как позднее война со Швецией не мешала Петру I перенимать у нее многие образцы государственного и военного устройства [21].

Если говорить о каких-то личных пристрастиях В.В. Голицына, отразившихся на внешней политике России, то здесь речь может скорее идти о Франции и о ее короле-солнце Людовике XIV, которого русский канцлер почитал как политика. Французского иезуита Филиппа Авриля, ехавшего через Россию в Китай, В.В. Голицын уверял, что он большой почитатель Людовика XIV, в знак чего его сын Алексей носит на груди портрет французского короля в форме мальтийского креста. Голицын считал это для себя большой честью [22]. Этот факт находит подтверждение в свидетельстве познанского воеводы К. Гжимултовского, отметившего в своей реляции о переговорах в Москве 1686 г., что отец и сын Голицыны носили на левой стороне кунтушей портреты короля Франции, украшенные алмазами, отец больший, сын — меньший, «skąd i z wielu inszych rzeczy znać że króla j.m. francuskiego wielkie jest u tamtego narodu mianowicie u pierwszych ministrow uszanowanie» * [23].

В инструкции русским послам в Варшаву в 1683 г. одним из условий присоединения к антитурецкой коалиции выдвигалось совершенно нереальное по меркам тогдашней политической ситуации в Европе вступление в нее и короля Франции. С равной вероятностью можно предположить, что это требование было включено из-за нежелания Москвы заключать в данный момент такой союз. Польские дипломаты, например Я. Зембоцкий, потакая профранцузским симпатиям В.В. Голицына, постоянно пытались представить польско-французские отношения и пози-

* «откуда и с множества других вещей ясно, что французский король в великом у того народа, а именно у первых министров, почитании».

цию Франции по отношению к антиосманской коалиции в более привлекательном виде, чем было на самом деле. Бранденбургские дипломаты считали, что Россия следует французской политике. Весной 1685 г. посол Фридриха-Вильгельма в Варшаве Левин Иоахим фон дер Шуленбург, сообщая в Берлин о захвате Засожья казаками И. Самойловича, усматривал в этом следствие французской интриги, якобы осуществленной при участии Дании. Он писал, что бежавший во Францию А. Морштын составил инструкцию для двух французских послов, направленных в Россию. Согласно планам Парижа, изложенным бранденбургским дипломатом, Россия должна была, во-первых, способствовать отказу Литвы поддерживать Корону в борьбе с Османской империей и, во-вторых, содействовать борьбе литовских магнатов с абсолютистскими устремлениями Яна Собеского[24]. Возможно, что переданные берлинским дипломатом сведения не были совершенно беспочвенны. В пользу утверждения об имевшихся контактах между Голицыным и французскими эмиссарами свидетельствуют драгоценные портреты Людовика XIV, которыми украсили себя «оберегатель посольских дел» и его сын. Вряд ли их можно было приобрести иначе, как лишь получив в награду или в качестве особой милости коронованной особы. Правда, происхождение портретов и как они попали к Голицыным остается неизвестным.

Планы Парижа использовать Россию в интересах французской политики, если они и имели место, остались неосуществленными. Однако ходившие о них слухи вполне согласуются с «франкофильством» главы Посольского приказа. Разумеется, оно не выходило за рамки восприятия внешней политики Людовика XIV как образца для подражания и вовсе не свидетельствует о желании В.В. Голицына подчинить русскую внешнюю политику целям французского короля.

А.С. Лавров, детально проанализировавший борьбу боярских группировок в 1682–1689 гг., отмечает, что Е.И. Украинцев и И.И. Чаадаев были приближенными В.В. Голицына. К ним он относит также окольничего (с января 1683 г.) Леонтия Романовича Неплюева, Григория Ивановича Косагова (окольничий с 1688 г.), Семена Федоровича Толочанова (окольничий с 1683 г.). Со всеми тремя Голицын сблизился в 1670-х гг., в ходе службы на южных окраинах России[25]. Л.Р. Неплюев занимал ответственный пост севского воеводы, через которого осуществлялись контакты с крымским ханом и запорожским гетманом И. Самойловичем. Г. Косагов был опытным военачальником, ветераном войн с Речью Посполитой и Османской империей, он неоднократно действовал в Запорожье и командовал смешанными московско-казацкими отрядами. С.Ф. Толочанов с титулом наместника можайского входил в состав русской делегации на переговорах летом 1683 г. с Я. Зембоцким[26], осенью 1683 г. с Яном Окрасой[27] и на переговорах со шведскими послами в 1684 г. Из перечисленных лиц после переворота 1689 г. Неплюев был в сентябре сослан в Пустозерск, Толочанов 22 (12) сентября назначен на воеводство в Переяславль-Южный, остальные сохранили свое положение и при новом правительстве[28].

Стремясь руководить русской внешней политикой, опираясь на собственных сторонников и опытные дипломатические кадры, «посольских дел оберегатель» не мог полностью ограничить влияние на нее княжеско-боярской аристократии. Де-

легацию на Андрусовских переговорах возглавлял представитель влиятельного рода Одоевских боярин Яков Никитич, в переговорах со Швецией участвовал боярин князь Иван Борисович Троекуров, в 1682 г. возглавивший Поместный приказ. А.С. Лавров относит его к сторонникам царя Петра. С 1684 г. Троекуров, однако, не проявлял своих симпатий и, выжидая, появлялся попеременно при дворе то одного царя, то другого[29]. Нельзя определенно отнести к сторонникам Милославских и И.В. Бутурлина.

Важно, что никто из Милославских, Салтыковых или Прозоровских, входивших в ближайшее окружение царя Ивана, не принимал активного участия в переговорах с иностранными послами. Саксонский дипломат Лаурент Ринхубер в 1684 г. отмечал, что «первый министр, добрый господин Голицын, находится в большой опасности: он должен держаться партий обоих господ царей»[30]. По свидетельству датского резидента Х. Хорна, Василий Голицын в 1683 г. ответил отказом на просьбу своего кузена Бориса Голицына оставить на усмотрение Боярской думы вопрос о том, с кем России заключать союз — с Данией или Швецией, предпочитая единолично руководить всеми переговорами со шведскими и датскими дипломатами[31].

В 1684 г. В.В. Голицын царским указом был пожалован за участие в русско-турецкой войне 1672–1681 гг., а также за службу царям в «смутное время» 1682 г. Преувеличенно заявлялось, что действия войск В.В. Голицына стали чуть ли не главной причиной победы русских войск под Чигириным в 1677 г. За все это «оберегатель посольских дел» жаловался увеличением денежного оклада и переводом с. Лежнева под Суздалем из поместья в вотчину. Указ свидетельствовал об укреплении позиций Голицына в правительстве. Вместе с ним было пожаловано еще несколько человек, как думается — сторонников русского канцлера или людей, оказывавших ему поддержку в тех или иных вопросах. Среди них — бояре И.В. Бутурлин и Г.А. Козловский, окольничие Петр Скуратов, Андрей Толстой, Венедикт Змеев[32]. Примечательно, что П.Д. Скуратов, будучи приближенным царя Петра[33], впоследствии вошел в состав делегации для переговоров с послами Речи Посполитой о Вечном мире, что, видимо, свидетельствует, что одновременно он поддерживал внешнеполитическую линию В.В. Голицына.

Оттеснение Милославских и их ближайших сторонников от управления международными делами России свидетельствует, что внешнеполитические планы В.В. Голицына не находили у них поддержки. Это вынуждало русского канцлера лавировать и искать единомышленников в обоих лагерях, невзирая на то, к приверженцам какого царя те относились. Нельзя, однако, считать, что противники В.В. Голицына полностью были лишены рычагов влияния на выработку внешнеполитического курса. «Оберегатель» не мог не учитывать мнения и «приговора» Боярской думы, а также позиции гетмана Войска Запорожского И. Самойловича.

Поддержка дворянского ополчения, оказанная правительству В.В. Голицына и царевны Софьи в борьбе с Хованскими и стрелецким войском, показала, что от позиции дворянства в решающей степени зависит как преодоление кризиса 1682–1683 гг. внутри страны и удержание власти в руках правящей группировки, так и определение курса внешней политики.

Поэтому именно с началом русско-польских андрусовских переговоров царевна Софья и ее сторонники, в первую очередь В.В. Голицын, решили вновь заручиться поддержкой дворянства путем созыва Собора служилых людей по вопросу Вечного мира и союза с Речью Посполитой. Царским указом от 28 (18) декабря 1683 г. повелевалось «изо всех городов, в которых помещики и вотчинники дворяне и дети боярские, взять к Москве из служилых и из отставных дворян и детей боярских ис первой статьи и по два человека из города, и из Великаго Новагорода, по два ж человека из пятины, добрых и разумных и пожиточных людей для постановления вечнаго миру и о союзе, о котором между ими, великими государи и польским королем и их обоими государствы чинят договор великие и полномочные послы ныне на съездех при границе в Смоленском уезде». Выборные должны были приехать в Москву к 15 (5) января 1684 г. 29 (19) октября 1683 г. были посланы памяти в Разряд и Казанский приказ для составления зазывных грамот в города. Здесь царский указ был «подкорректирован» и в состав выборных были включены и рейтары[34].

Изучавший Собор 1683–1684 гг. В.К. Никольский отметил, что указ был дан из Посольского приказа без боярского приговора. В.В. Голицын, видимо, опасался, что в Боярской думе противники сближения с Речью Посполитой могут не допустить его принятия. На Собор приглашались исключительно представители дворянства[35]. Это подтверждает предположение, что оппозиция внешнеполитическому курсу В.В. Голицына существовала именно в рядах боярской «партии» Милославских, занимавшей в Думе сильные позиции.

В итоге в Соборе приняло участие 70 служилых людей московских чинов и 173 человека из городовых дворян и детей боярских, представлявших 102 города. О решениях Собора ничего не известно. 18 (8) марта 1684 г. он был распущен. При этом дворянам и детям боярским было прямо заявлено, что они распускаются из-за того, что переговоры о Вечном мире прекращены, а в случае если бы он был заключен, служилым людям было бы сообщено о его условиях[36].

То, какое значения для В.В. Голицына имел вопрос о Вечном мире и союзе с Речью Посполитой в январе 1684 г., когда в Андрусово велись русско-польские переговоры, свидетельствует тот факт, что руководитель русской внешней политики решил обсудить его со служилым иноземцем Патриком Гордоном. «Оберегатель посольских дел» надеялся встретить у опытного вояки поддержку своим планам вступления в антиосманскую коалицию, однако дипломатичный шотландец в представленных Голицыну по его просьбе «статьях» привел доводы как «за», так и «против» разрыва перемирия с Портой и Крымом[37].

Таким образом, после стрелецкого бунта выработка внешнеполитического курса нового правительства происходила в сложных условиях соперничества не только «партий» Милославских и Нарышкиных, но и борьбы двух внешнеполитических программ, сторонники и противники которых присутствовали в обеих группировках.

В.В. Голицыну достались в наследство три традиционных внешнеполитических задачи, стоявшие и перед его предшественниками: борьба с Османской импе-

рией, борьба за Балтику и проблема отношений с Речью Посполитой, тесно связанная с украинской проблемой. Эти задачи предстояло решать в условиях подготовки Османской империи к очередному наступлению в Восточной Европе и борьбы Бурбонов и Габсбургов за европейскую гегемонию.

После заключения в 1681 г. долгожданного перемирия с Портой и Крымом интерес России к ведению переговоров о вступлении в антиосманскую коалицию снизился. Корреспонденция датского посланника (1681 г.) и резидента в Москве в 1682–1684 гг. Хильдебранта Хорна свидетельствует, что в 1681 г. руководство Посольского приказа склонялось к идее заключения антишведского союза с Данией, выступавшей с подобными предложениями всю вторую половину 1670-х гг., что означало бы также сближение с Францией и Бранденбургом. Осенью 1682 г. Х. Хорн прибыл в Москву с целью добиться именно этого [38]. Об усилении напряженности в русско-шведских отношениях в 1681 г. свидетельствуют шведские источники [39]. В 1682 г. скорого начала русско-шведской войны ожидали и в Речи Посполитой [40].

Кризис 1682 г. временно заслонил вопросы внешней политики, однако внутренние неурядицы могли подтолкнуть соседей России — прежде всего Порту, Речь Посполитую и Швецию — к тому, чтобы воспользоваться ситуацией, что и продемонстрировала Речь Посполитая. Наоборот, ни турки, готовившиеся к походу на Вену, ни шведы, имевшие достаточно хлопот с претензиями подстрекаемых французской дипломатией Дании и Бранденбурга, не предприняли ничего против России. Первые шаги нового русского правительства на внешнеполитическом поприще были направлены на «подтверждение существующих перемирных договоров» с Варшавой, Стамбулом и Стокгольмом, что свидетельствует о стремлении России сохранить некий статус-кво в отношениях с соседями.

В.В. Голицын не мог не осознавать значения польско-австро-турецкой войны и битвы под Веной 1683 г. для судеб России в европейской политике, а также значения своей страны для Австрии и Речи Посполитой как желанного союзника по антитурецкой коалиции.

В случае вступления России в союз с Австрией и Речью Посполитой, к чему склонялись Голицын и царевна Софья, и победы коалиции в войне с Турцией Россия смогла бы не только закрепиться в устье Дона и Днепра и снизить опасность татарских набегов, препятствовавших освоению земель Дикого поля, но и принять полноправное участие в заключении мирного договора с Османской империей. Это способствовало бы укреплению позиций России на европейской арене, что в перспективе с опорой на союзнические отношения с Речью Посполитой открывало бы путь к разрешению насущного для страны балтийского вопроса.

Однако вступление в союз против Порты должно было идти рука об руку с закреплением позиций России на Украине и урегулированием отношений с Варшавой. Именно здесь внешнеполитические планы Голицына и Софьи сталкивались с другой внешнеполитической программой, поддерживаемой, видимо, с одной стороны, некоторыми влиятельными боярами в окружении царя Ивана, а с другой — предводителем лагеря Нарышкиных и ее инициатором А.С. Матвеевым — убитым во время стрелецкого бунта в Москве. Программа эта состояла в продолжении

проводившейся еще в 1670-е гг. политики укрепления российского влияния на Правобережной Украине. Польско-турецкая война казалась удобным случаем для ее возобновления.

Какой бы курс ни выбрали в Москве, каждый из них таил в себе негативные последствия. Союз России с Речью Посполитой грозил недовольством украинской элиты, подобно тому как заключение русско-польского союзного договора в декабре 1667 г. стало одной из причин восстания на Левобережье весной 1668 г. Несомненно, что сближение с Варшавой в рамках международной коалиции значительно осложнило бы для России дальнейшую экспансию на земли Речи Посполитой, а на ближайшие годы сделало бы ее очень маловероятной.

Однако, если бы Россия после 1683 г. возобновила борьбу с Речью Посполитой, это поставило бы ее в несравненно более сложное положение. Возможная победа в этом случае главного врага России на юге — Турции — и поражение потенциальных союзников — Австрии и Польши — грозило Москве в недалеком будущем войной один на один с полчищами османов, страх перед которыми сохранялся в русских правящих кругах еще долгое время. В Москве должны были также принимать в расчет, что антипольская политика вызовет недовольство Австрии, Рима и других союзников Габсбургов. Сомнительная же поддержка далекой Франции или «переменчивого» бранденбургского курфюрста была бы в данном случае слабым утешением.

II. Немаловажное значение для России имели отношения со Швецией. Русско-шведская война 1656–1658 гг. не решила для России проблему выхода к Балтийскому морю. По Кардисскому миру 1661 г. Россия возвращала Швеции территории, занятые в Ливонии. Мир этот, по выражению С.М. Соловьева, «условиями своими вполне выражал бесплодность войны»[41]. В 1666 г. на р. Плюсе был заключен новый русско-шведский договор, регулировавший вопросы возвращения пленных и торговли. Трехсторонняя (с участием Речи Посполитой) Курляндская комиссия, для проведения которой столько сил приложил А.Л. Ордин-Нащокин, намеченная на 1668 г., вообще не состоялась[42].

В 1672 г. началась война между Францией и Голландией, вскоре охватившая и другие страны Европы. На стороне Людовика XIV выступили Англия, Швеция и Речь Посполитая, к Голландии присоединились Дания, Бранденбург, Испания, император и большинство имперских князей. Бранденбургские войска нанесли ряд поражений шведам. В 1676 г. Россия решила воспользоваться этим и оказать на Швецию давление с целью пересмотра границ, установленных Кардисским миром. На русско-шведской границе были сосредоточены войска под командованием князя И.Б. Троекурова (ок. 15 тыс. человек), а русские дипломаты в ходе пограничного посольского съезда обвиняли шведов в нарушении мира «и говорили как неприятели и просили земель и городов и грозили войною», угрожая даже самих послов задержать на «съезжем месте». За многочисленные оскорбления царского имени русские дипломаты требовали от шведов Ингерманландию и Карелию (с городами Ивангород, Кексгольм, Нотебург, Ям, Копорье и др.). Однако те отвергли ульти-

мативные требования русской стороны, прервали переговоры и выехали в Стокгольм. Ожидавшегося в Стокгольме объявления войны со стороны русских не последовало. Этому помешали начавшиеся в 1677 г. упорные бои с турками за Чигирин[43].

Касаясь положения Швеции в канун османского похода на Вену, русские послы в Варшаве И.И. Чаадаев и Л.Т. Голосов отмечали, что Речи Посполитой и Австрии от Швеции не стоит ждать действенной помощи, т. к. ей самой угрожают Дания и Бранденбург. В Лифляндии на случай войны с Бранденбургом сосредоточены шведские войска[44]. В Москве понимали, что эти силы угрожают также и России. В Вене попытались развеять эти опасения русского правительства относительно намерений своего шведского союзника. К находившимся в Польше русским послам приезжал императорский резидент в Варшаве И. Жировский, убеждавший их, что шведские войска собраны исключительно против курфюрста. Речи резидента, однако, не убедили Чаадаева, высказавшего в реляции Голицыну мнение, что как бы после примирения с Бранденбургом король Швеции свои войска «на иной какой вымысл не обратил»[45].

12 октября 1682 г.* вышел царский указ, повелевавший для подтверждения Кардисского мира «и иных дел» послать в Стокгольм послов — окольничего Ивана Афанасьевича Прончищева, его сына стольника Петра и дьяка Василия Бобинина. С оповещением о посольстве в Швецию выехал гонец — подьячий Кондрат Никитин (царская грамота, посланная с ним, датирована 12 ноября)[46]. Он прибыл в столицу Швеции в январе 1683 г., но из-за болезни короля аудиенцию получил позднее. Ответная королевская грамота датирована 16 апреля. Подьячий не оправдал оказанного ему доверия: в Швеции пьянствовал, дебоширил и в драке был даже «поколот» шпагой. В итоге его под конвоем препроводили в Россию. Возвратившись в Москву 10 июня 1683 г., Никитин доставил грамоту Карла XI, в которой король сообщал о намерении соблюдать мир и о готовности принять царских послов[47].

Главной задачей послов, согласно наказу, было получение королевской присяги на подтвердительной грамоте царей, содержавшей тексты Кардисского и Плюсского договоров, и королевской «докончальной грамоты» с собственной подписью и печатью. Если вдруг, говорилось в наказе, шведская сторона откажется подтверждать договор, потребовав сперва «успокоения поврежденных с обоих сторон спорных статей <...>, для того что Кардиского договору статьи по се время с обоих сторон чрез посолские съезды не успокоены и к совершенству не приведены», или будет настаивать на заключении договора о сроке и месте съезда пограничных судей, то послы должны были предложить обсуждение этих вопросов отложить «до иного времени или до присылки к великим государям <...> своих королевского величества великих послов» с ответным визитом для подтверждения русско-шведских договоров. Такой обмен посольствами в случае смерти кого-либо из мо-

* В связи с тем, что в протестантской Швеции, как и в России, в описываемое время использовался юлианский календарь, все даты во II разделе 5 главы даны по старому стилю.

нархов России или Швеции и воцарения его наследника был предусмотрен соответствующими статьями Кардисского мира. В случае упорства шведской стороны И.А. Прончищев и его товарищи должны были дать «письмо за своими руками» с обязательством, что цари подтвердят договоры перед прибывшим шведским посольством до начала переговоров по спорным вопросам. Послам было наказано «стоять при том накрепко» и в противном случае уехать без подтверждения[48].

16 июня послы выехали из Москвы, 6 июля были в Новгороде. Далее в Стокгольм они двинулись водным путем. 18 августа посольский корабль был остановлен у Ваксехолма, где послам объявили, что их въезд в Стокгольм отложен «до королевского указу». Русские дипломаты заявили протест. Только 25 августа они прибыли в столицу Швеции[49]. Прием послов, однако, был задержан из-за отсутствия шведского короля в столице. По сообщениям русских послов, Карл XI находился в Кальмаре «близ Шконской границы» для осмотра пограничных крепостей, «карабелного своего каравана (эскадры. — *К. К.*) и ратных своих людей <...>, которые в тамошних местех стоят во всякой воинской готовности, потому что де французского и датцкого королей воинские корабли пришли в Шконскую землю и стоят в Зунте <...>, и хотя де и войны нет, однако ж, де <...> [Карлу XI] опасения ради приходу тех воинских кораблей, ис Калмара уступить опасно». Прибывшему в Швецию датскому посланнику, который заявил, что эскадры предназначены для нападения на «вольный город» Любек, было объявлено, что король будет защищать Любек, связанный с ним союзническими отношениями[50].

В то время, когда русские послы еще находились на пути в Новгород, комендант Ругодива Юран Шперлинг прислал новгородскому воеводе И.В. Бутурлину адресованное царям письмо Карла XI. Комендант сообщал воеводе, что его монарх, «видя в страховании, в котором цесарь римский ныне пребывает против турского оружия <...>, и недавно *учинил с королевским величеством полским крепкой союз* (курсив мой. — *К. К.*), и того ради, нашего королевского величества дан указ, чтоб часть войску финскому и лифляндскому королевского величества [польского] с войски совокупитися против турской силы». В пересылаемой им грамоте, по словам коменданта, король заверяет, что «в том намерении нынешнему войску с полскими войски иного б совокупления не было»[51].

В самом письме (от 25 мая 1683 г.) Карл XI подчеркивал важность соблюдения мира между Россией и Швецией, особенно во время натиска османов на Европу, которые используют распри между христианскими государями (намек на борьбу Франции и Австрии). Более того, шведский король заявлял, что он «в союзе с цесарским величеством и на помочь ему послать войска склонны есмы, так же король полской невдавне с цесарским величеством в союз вступил же и силную помоч против турской силы и наступления обнадежил к нему послати». Карл XI сообщал царям, что часть его войск, расположенных в Финляндии и Лифляндии, вскоре «с полским войском совокупятся и сопча пойдут к цесарскому величеству на помочь», что в антиосманский союз вошла, помимо Речи Посполитой, и Австрии, также и Голландия, что может подтвердить и голландский резидент в Москве. В конце Карл XI призвал царей, чтобы они «учинили помочь» Речи Посполитой

против Османской империи, «а ныне не токмо болшая нужда к тому ведет, но самое благополучное время к тому гонить <...>, и инако не чаем, что ваше царское величество сами разсудите, ради своего ж благополучия и купно ж с цесарским величеством римским и с королевским величеством полским такого всего христианства неприятеля одержать искати будете».

18 июля королевское письмо было заслушано в Боярской думе. Было решено послать копию с перевода письма И.А. Прончищеву «со товарищи» вкупе с дополнительными инструкциями (грамота послам от 30 июля). Те должны были заявить по этому поводу, что царские величества «неотменно» желают союза против турок, но император и польский король заключили союз, «не обослався» с ними. Послам также поручалось известить шведов о ведущихся в Варшаве русско-польских переговорах. Кроме этого, они должны были тщательно проверить сообщенную королем информацию и выяснить, «подлинно ль в союзе» шведский король с Яном III и Леопольдом I, на каких условиях и на какой срок заключен союз, а также послал ли «королевское величество свейской ратных своих людей в помочь против турского салтана <...>, и сколко человек, и с которых мест» [52].

Идея втягивания России в активную борьбу с Турцией с целью отвлечения ее внимания от Балтийского вопроса была не нова в практике шведской дипломатии. Подобные попытки предпринимались Стокгольмом и накануне шведской войны 1656–1658 гг., и позднее, в 1673 г., когда шведское посольство, направленное в Россию, получило инструкции предложить царю заключить антиосманский союз без конкретных военных обязательств сторон [53], который был выгоден Швеции в силу ее отдаленности от турецких владений. Вместе с тем русская дипломатия не верила, что шведские войска в Финляндии и Лифляндии не направлены против России. Слухи об этом усиленно распускали в Москве датские дипломаты. Не желавшая на тот момент обострения русско-шведских отношений Голландия поручила своему резиденту, Иоганну фан Келлеру, поручиться от имени Республики Соединенных Провинций, что шведские войска будут направлены против турок и татар [54].

Получив 27 августа царскую грамоту, послы потребовали от приставов сообщить условия якобы заключенного шведско-австрийского антиосманского союза и дату прибытия короля в Стокгольм. Те уклонились от подробного ответа, сказав, что об условиях царям «чрез грамоту королевского величества известно», и добавили, что Карл XI обещал послать на помощь императору 8-тысячный корпус, «и те войска ныне стоят в Лифлянской и в Финской землях в готовности» (т. е. на границе с Россией). По плану они должны будут соединиться с войсками польского короля и вместе идти в Венгрию (отметим, что в это время польская армия была уже под Веной). Все это русские дипломаты сообщили в своей отписке в Москву в сентябре 1683 г. [55].

Наконец, 29 сентября пристав сообщил послам, что накануне король прибыл в Стокгольм. 4 октября Карл XI дал послам во главе с И.А. Пронщищевым торжественную аудиенцию, а 6 октября они были «в ответе» у канцлера графа Бенгта Оксеншерны. Согласно данным инструкциям, они потребовали королевской присяги

на подтвердительной грамоте царей. При этом, пока канцлер ходил докладывать о требованиях послов королю, один из членов шведской делегации, граф Иоган Эренцкрец, напомнил русским, что в ходе последнего русско-шведского пограничного съезда на реке Меузице (1675–1676 гг.) спорные вопросы решены не были и поэтому теперь шведские дипломаты «чают <...> что те дела совершатца вскоре». Такие заявления свидетельствовали о намерении шведской стороны, пользуясь внутренними трудностями в России, вернуться к обсуждению больных вопросов русско-шведских отношений в удобный для себя момент, что отнюдь не обрадовало русских послов. В ходе следующих встреч (9 и 11 октября) шведские дипломаты заявили, что король принесет присягу только после «успокоения» «прежних противностей и заходящих трудностей и споров», которые «зело возрасли и распространились до великих ссор» из-за того, что последний посольский съезд на р. Меузице завершился безрезультатно. Послы отказались вести такие переговоры. Ни одна из сторон не хотела уступать, и атмосфера накалилась. Шведы угрожали даже разрывом мира. «И ссоры, которые по се время успокоения не восприяли, разумеются <...> его королевским величеством немалые ж, которые уже дошли было до разрушения вечного мира», — говорили шведские дипломаты, сообщая также о недовольстве Карла XI упорством русских послов. Русские заверяли лишь в том, что цари обязательно принесут присягу перед ответным шведским посольством, которое может обсудить и спорные вопросы. Стороны не пришли к соглашению, а вскоре послам сообщили, что 14 октября Карл XI выехал в Упсаль (Упсалу) «для осмотра ратных своих людей». Послы заявили, что слышать им это «вельми скорбно», и отказались от предложенных переговоров со шведской делегацией о мелких порубежных обидах, заявив, что вести переговоры об этом они согласны только тогда, когда «для <...> великого дела будут в ответе». Они потребовали «списки» со шведской подтвердительной грамоты и речи, которую король скажет на церемонии присяги[56].

15 октября шведские приставы звали русских послов «в ответ», но те категорически отказались. Тогда шведская сторона прислала требуемые «списки», которые вместе с переводчиком привез президент королевской канцелярии Иоган Бергенгельм. Он успокоил послов, заявив, что «чает он, что то великое дело совершит Бог и отпуск им великим и полномочным послом будет вскоре». Это свидетельствовало о том, что затягивание переговоров и попытка навязать русской делегации обсуждение «спорных дел» носили тактический характер, шведский двор не собирался обострять отношения и тем более нарушать мир с Россией. 18–19 октября была проведена «справка» «докончальной грамоты», однако очередной «ответ», под предлогом болезни двух шведских дипломатов и отсутствия в Стокгольме Карла XI, был отложен. Состоялся он 22 октября. Шведская делегация вновь начала встречу с требований разрешить спорные вопросы. Однако русские послы по-прежнему настаивали на «главном деле». Подчеркивая, что Россия не боится шведских угроз, они заявили, что «ныне <...> великие государи <...> по милости <...> всемогущаго Бога и за помощию пресвятые Богородицы пребывают в покое и ни с которыми государи не токмо с христианскими, но и з бусурманскими войны

никакой не имеют». Этим русская сторона завуалированно намекала и на сложные отношения Швеции сразу с несколькими европейскими державами — Данией, Францией и Бранденбургом. Сознавая это, шведы заявили русским послам, что Карл XI подтвердит Кардисский мир без всяких условий.

На этой же встрече шведский канцлер в ответ на вопрос русских дипломатов подтвердил заключение польско-шведского антиосманского союза, в соответствии с которым Карл XI направит для военных действий против Оманской империи войска, расположенные в Финляндии и Лифляндии. В этом же году шведские войска не успели на помощь союзникам из-за угрозы столкновения с франко-датским флотом. Подталкивая Россию ко вступлению в антиосманскую коалицию, канцлер заявил, что в результате победы под Веной пришло время «всякому государю с своей стороны у турка своево отыскивать». Русские послы парировали, что султан «в прощедшую войну [с Россией] никаких себе прибылей не получил, и царского величества ратным людем у турского салтана ныне отыскивать нечего».

В ходе встречи канцлер Оксеншерна поинтересовался у послов о правдивости слухов, что донские и запорожские казаки организовали поход на Крым. Послы заметили по этому поводу, что, хотя донцы ходят походами на Крым и Азов, «только де болши ходят на Крым войною запорожские казаки, и от крымских людей имеют теми запорожскими казаками царского величества украинные малороссийские городы великую оборону и защиту»[57].

Дальнейшие споры между русской и шведской делегациями касались церемонии королевской присяги и текста «докончальной грамоты». Причем в ходе длительных дискуссий русским дипломатам удалось добиться от шведов уступок в этих вопросах[58]. Наконец 30 октября шведский король присягнул перед Евангелием на царской подтвердительной грамоте, а затем вручил послам свою «докончальную» грамоту. 3 ноября русские послы выехали из Стокгольма и 10 декабря были в Новгороде[59]. 2 декабря известие о подтверждении Карлом XI мира с Россией привез в Москву стольник Афанасий Прончищев.

Уладить отношения с Москвой шведов побуждала ситуация в балтийских проливах, где стояла объединенная эскадра французских и датских кораблей, закрывавшая вход в Балтийское море и грозившая сразиться со шведским флотом. Еще 30 августа приставы сообщили русским дипломатам, что король ввиду грозящей Швеции опасности выехал из столицы для проведения смотра эскадры и войск. Исход возможной баталии трудно было предвидеть, что вызывало нервозность в Стокгольме. Однако, как стало известно 20 сентября русским послам, на помощь шведам «подступила» эскадра из 40 голландских кораблей «с ратными людьми». Это вынудило французско-датский флот отказаться от блокады Зунда. «И в то время отступили дацкие корабли и французские из Зунта под Капнагоф (в Копенгаген? — *К. К.*)»[60]. Стоит отметить, что в Речи Посполитой считали, что франко-датский флот угрожает также и Гданьску[61].

В Москве миссию И.А. Прончищева сочли удавшейся. Получив 2 декабря известие о присяге Карла XI, Боярская дума решила послать послам царскую грамоту с «милостивым словом», 3 декабря — выслать в Торжок стольника встретить

послов и спросить их «о здоровье»[62]. 4 января 1684 г. посольство И.А. Прончищева возвратилось в Москву, а 6 января послы имели торжественную аудиенцию у царей и царевны[63].

В доставленной русскими послами грамоте (от 30 октября) Карл XI сообщал, что вскоре направит своих послов в Москву для ответной царской присяги и решения спорных вопросов[64]. Уже 14 января 1684 г. шведский посланник Гергарт Прёбстинг приехал в Москву с объявлением о скором прибытии шведских великих и полномочных послов, теперь уже с подтвердительной грамотой Карла XI. В ответной грамоте обещалось милостиво принять шведское посольство[65].

7 марта для переговоров с послами были назначены: В.В. Голицын, И.Б. Троекуров, С.Ф. Толочанов и Е.И. Украинцев. Специально к переговорам был подготовлен перечень нарушений Кардисского договора, выражавшихся в «прописках» в титулах, издании бесчестящих царей книг, сочинении «лживых курантов» о восстании С.Т. Разина, нарушении посольского церемониала и т. д.[66].

Помимо этого, для переговоров были составлены «статьи в запас», содержащие как предполагаемые вопросы и претензии шведских послов, так и ответы на них русской делегации. Они касались прежде всего ожидаемых в Посольском приказе упреков в открытой враждебности русских по отношению к Швеции в 1676 г. Теперь русские дипломаты должны были заверять шведов, что тогда войска собрались в Пскове якобы для присяги взошедшему на престол царю Федору, а также для смотра и разбора и вскоре они были посланы на начавшуюся войну с Османской империей. Что же касалось обвинений в нарушении Кардисского мира, высказанных русской стороной во время переговоров на р. Меузице, то и ныне Москва не собиралась отказываться как от них, так и от территориальных претензий. Шведам следовало заявить, что действительно и царю Алексею, и его сыну Федору со стороны Швеции были «учинены прописками досадительства и бесчестья нарочным умыслом». Поэтому цари Иван и Петр указали за честь отца и брата своего «просить у <...> королевского величества удоволства против прежняго, как о том царского величества великие послы, будучи на меузицких съездех <...> предлагали».

На нынешних переговорах В.В. Голицын «со товарищи» должны были потребовать заключения договора об уступке «за прописки и за бесчестье, и за злые укоризны прежде бывших российского государства земель и городов, как о том пространно говорено». Остальные пункты наказа касались возврата пленных, торговли, размежевания границ (еще не проведенного с 1661 г.) и других второстепенных вопросов[67].

Швеция была настроена миролюбиво, стремясь сохранить границы с Россией и не допустить обострения отношений. Главной задачей шведского посольства было добиться «полного восстановления» Кардисского мира. Послы должны были затронуть вопрос о возвращении в русскую столицу шведского резидента и повторить прежние шведские предложения заключить союз против Турции[68].

28 апреля шведские послы Карстен Гюлленшерна, Ионас Клинкстедт и Отто Штакельберг торжественно въехали в Москву. Едучи в карете на посольский двор, послы поинтересовались у приставов, когда ожидается приезд в Москву австрий-

ских послов. Приставы сказали, что известно только лишь, что они высланы в Россию. 2 мая 1684 г. шведским послам была дана торжественная аудиенция[69].

6 мая состоялась первая встреча русских и шведских дипломатов в Ответной палате. В.В. Голицын настаивал на объявлении послами «иных дел», кроме подтверждения мира, о которых написано в поданной ими королевской грамоте. Послы после недолгих споров согласились. Они предложили учредить институт резидентов в обеих странах, заключить договор о проведении межевого съезда для делимитации границы, писать в царских грамотах имя шведского короля «Каролюс», а не «Карлус», как было ранее.

По требованию В.В. Голицына на второй встрече 10 мая послы объявили и остальные порученные им дела. Шведские дипломаты заявили, что Карл XI «в нынешнее <...> небезопасное время против всех христиан неприятеля салтана турского изволил вступить с цесарским величеством римским и королевским величеством полским, и з галанскими статы в союз. И вспоможение им чинить ратными людьми против того неприятеля будет», причем шведский король желает, чтобы и цари «изволили <...> на того силнаго неприятеля свои государские оружия поднять, и войною наступить, и за целость всего християнства оборонною рукою стоять». Остальные предложения шведских дипломатов касались взаимного снабжения посольств и торговли.

В.В. Голицын выразил готовность к проведению межевого съезда, но в обмене резидентами отказал. Он спросил послов об условиях заключенного антиосманского союза, участвовали ли шведские отряды в кампании против турок в прошлом году и будут ли участвовать в кампании этого года. Послы ответили, что в 1683 г. Карл XI «чрез Финскую и Курляндскую землю» послал союзникам на помощь людей, «было сколко возможно. И те де ратные люди, не дошед, возвратились назад» по причине наступившей осени, плохих дорог и недостатка в продовольствии на пути следования войск по польским землям. «А впред де, если наступит турок на цесаря или короля полского, чают они, что королевское величество войска своего на помочь к ним пошлет, а сколко числом, того не ведают».

В.В. Голицын поблагодарил шведских дипломатов, подтвердив намерение царей участвовать в общехристианской борьбе против турок, но отметил, что от императора пока что не было «о помочи против турка <...> присылки и прошения», а с какими предложениями едут в Москву австрийский послы, еще не известно. Что же касается прошедших русско-польских переговоров, то здесь, сообщил «посольских дел оберегатель», «то дело (т. е. антитурецкий союз. — *К. К.*) совершения своего не возмогло восприять». В конце канцлер объявил послам, что цари согласны подтвердить русско-шведские договоры[70].

14 мая в царскую столицу торжественно въезжали австрийские послы. Шведам было разрешено при этом присутствовать. Они наблюдали за церемонией въезда, стоя «за тверскими вороты в земляном городе на съезжей стрелецкой избе, которая на Большой улице»[71].

22 мая между делегациями состоялся размен «договорными письмами» и вручение шведскими послами подтвердительной грамоты. В договорных письмах ре-

гулировались вопросы титулования, юрисдикции властей в отношении подданных, пребывающих за границей, — соответственно в России и в Швеции. Шведская сторона обязалась «не утеснять» православной церкви в Колывани, стороны договаривались о проведении межевого съезда в апреле 1685 г. 28 мая состоялась торжественная церемония присяги русских царей Ивана и Петра на подтвердительной грамоте Карла XI и «отпуск» послов. После «отпуска» шведские дипломаты имели аудиенцию у царевны Софьи, на которой присутствовали также В.В. Голицын и И.М. Милославский. Шведские послы считали свою миссию удавшейся[72]. Однако русско-шведский съезд на границе с целью ее делимитации окончился безрезультатно, вызвав в следующем, 1686 г. некоторое охлаждение в отношениях двух стран[73].

Переговоры со Швецией и подтверждение Кардисского мира свидетельствовали, что к началу 1684 г. в России временно отказались от планов его ревизии, вынашивавшихся в начале 1680-х гг., когда Москва вела переговоры о заключении антишведского союза с Данией, и датский резидент в 1683 г. сообщал в Копенгаген, что В.В. Голицын на встрече с ним строил планы создания четверного альянса Дании, России, Франции и Бранденбурга и даже предлагал похлопотать о прибытии в Москву французского и бранденбургского послов[74]. Не исключено, что Голицын делал такие предложения в расчете на то, что шведы, узнав о них, проявят большую уступчивость на переговорах с посольством И.А. Прончищева и в дальнейшем.

Взаимное подтверждение Москвой и Стокгольмом статус-кво в отношениях между двумя странами отодвигало балтийский вопрос на второй план русской внешней политики. На первый план же выступили отношения с Речью Посполитой, с одной стороны, и с Османской империей и Крымским ханством — с другой. Важную роль в выборе московским правительством главного внешнеполитического направления предстояло сыграть дипломатии других стран, в частности Австрии.

III. На развитие русско-польских отношений сильное влияние оказывало желание императорского двора и Святого престола видеть Россию в рядах антиосманской коалиции. Почти сразу после победы под Веной, одновременно с переговорами по созданию Священной лиги в Москву было направлено австрийское посольство, чтобы добиться вступления России в войну с Османской империей и Крымским ханством и для этого по возможности способствовать заключению договора о мире между Россией и Речью Посполитой.

На посылке австрийского посольства в Москву начиная с осени 1683 г. несколько месяцев настаивал Я.Ф. Роздражевский, посол Речи Посполитой в Линце. Однако Вена почему-то медлила с его организацией. Когда же в конце января польско-литовские дипломаты, которые вели с русской делегацией переговоры в Кадино, узнали, что австрийское посольство наконец-то направлено в Россию, это вызвало их недовольство. По мнению главы польско-литовской миссии К. Гжимултовского, его позднее прибытие в Москву давало последней повод и дальше

оттягивать с окончательным решением о присоединении к антиосманской коалиции[75]. «Cesarz jmć <...> nic nie czynił w tak małej rzeczy dla nas. Jeżeli cokolwiek przez to ucierpi Rzeczpospolita szkody, słuszną będzie miała przeciwko cesarzowi jmć urazę» *, — писал раздраженный К. Гжимултовский Б. Сапеге[76]. Другой причиной того, что цесарские послы больше навредят русско-польским переговорам нежели помогут, по его мнению, стала убежденность Вены в претензиях Речи Посполитой на Венгрию: «...to cale u nich w głowie, że koronę węgierską postanowiliśmy im wydrzeć i nikt im tego nie wybije z głowy, choćby najlepszemi słowy» ** [77].

Прибытию австрийских послов в Москву предшествовало появление там в конце декабре 1683 г. архиепископа Наксиванского (archiepiscopus Naxivanensis) Себастьяна Кнаба — посла императора в Персию. Он привез царям письмо Леопольда I, в котором объявлялось о направленном в Россию австрийском посольстве. Имел С. Кнаб и поручения от папского двора. В ходе переговоров с В.В. Голицыным и Е.А. Украинцевым, состоявшихся 19 февраля (ст. ст.) 1684 г., он заявил, что Иннокентий XI «ищет и желает» сношений с царскими величествами и готов «их государскую титлу сполна по достоинству воздавать», при условии что и они бы титуловали папу в своих грамотах надлежащим образом[78].

Споры о титулах между Москвой и Римом велись уже давно. В 1673 г. русский посол Павел Менезий, прибывший в Рим просить у Святого престола помощи в начавшейся войне с Османской империей, не принял ответную грамоту папы Климента X, поскольку тот отказался признать Алексея Михайловича царем. Тогда папа пообещал Менезию послать нарочного в Москву для продолжения переговоров о титуле, но так этого и не сделал. Отношения католического папы и православного государя были прерваны на десять лет[79]. Теперь же Себастьян Кнаб сообщал, что папа готов написать титулы царей согласно их требованию. Он попросил выдать ему из Посольского приказа образец царского титула для отправки в Рим. Архиепископу было выдано «образцовое письмо» с «большим» царским титулом. Кроме того, от Рима требовалось прислать в Москву обещанного еще Климентом X гонца, который должен был привезти папскую грамоту с полным написанием царского титула. При этом копию грамоты папская канцелярия должна была прислать в Москву заблаговременно по почте. Только при этих условиях Россия выражала готовность направить в Рим ответное посольство с царской грамотой. Однако титул папы русская сторона соглашалась написать так же, как и в грамоте, посланной ранее с П. Менезием. Это вызвало решительный протест Кнаба. Он прислал «образцовое письмо» назад, требуя, чтобы папе дан был титул «святейшого великого господина и отца» (так папскую титулатуру перевели в Посольском приказе). «Тех слов папе никогда воздано не будет», — заявили ему рус-

---

* «Цесарь, его милость, ничего не делал, даже самого малого для нас. Если это [посольство] создаст Речи Посполитой какие-нибудь трудности, то ее обида на цесаря будет полностью оправданна».

** «...они совершенно уверены, что мы намерены забрать у них венгерскую корону, и никто их в этом не разубедит, невзирая на все красноречие».

ские дипломаты. В поданном в Посольский приказ 16 (6) февраля письме Кнаб сослался на прецеденты, когда Иван IV Грозный титуловал папу Григория XIII «светлейшим во Христе отцом и господином», «высочайшим папой достойнейшим», а византийские императоры в разное время называли римских пап «духовным отцом», «святейшим во Христе», «достойнейшим». Архиепископ намекал и на готовность Святого престола посодействовать заключению Вечного мира с Речью Посполитой. Однако на руководство Посольского приказа это не произвело никакого впечатления. Так ничего и не добившись, С. Кнаб в марте 1684 г. выехал в Персию[80].

7 февраля (28 января) 1684 г. в Москву прибыл гонец императора Леопольда I Иоганн Эбергарт Гевель. Он подал императорскую грамоту, в которой сообщалось о направленном в русскую столицу полномочном посольстве Себастьяна Блюмберга и Иоганна Жировского и о готовности послов задержаться на границе для выполнения посреднической миссии на проходивших в Андрусово русско-польских переговорах. Задача Гевеля состояла не только в том, чтобы официально объявить о направляющемся в Россию посольстве, но и подготовить почву для успешных переговоров великих австрийских послов. Сразу по прибытии австрийский дипломат подал в Посольский приказ обширное письмо, обосновывавшее необходимость единения всех христианских государей в борьбе с Османской империей. Предвидя упреки русской стороны в отказе Вены заключить союзный договор против османов с посольством И.В. Бутурлина в 1679 г., австрийская дипломатия оправдывалась свирепствовавшим в то время в Чехии и Венгрии «моровым поветрием», воспрепятствовавшим отправке цесарских послов в Москву, а также отсутствием у самих русских послов достаточных полномочий. Кроме того, заключению русско-австрийского союза в 1679 г. якобы препятствовал натиск Франции на западные границы империи. Об этом говорилось уже в письме, предназначенном специально для В.В. Голицына. В ходе личной встречи с австрийским дипломатом последний отклонил посредничество цесарских послов в русско-польских переговорах на том основании, что, согласно заключенному в июле 1683 г. соглашению с Речью Посполитой, статус Андрусовской комиссии был специально оговорен как «комиссии без посредников». Русский канцлер выразил надежду на «счастливое» окончание русско-польских переговоров в Андрусово и заявил, что заключение русско-австрийского соглашения в 1679 г. не состоялось именно из-за нежелания Вены[81].

По сообщению К. Гжимултовского, встречавшегося с Г.Я. Гевелем на его обратном пути из России, тот встретил не самое приветливое обращение московских властей — ему было запрещено видеться с немцами из Немецкой слободы, на литовской границе задержали почту, присланную австрийскому посланнику из Линца, где шли переговоры о создании Священной лиги. Специально на глазах австрийца торжественная аудиенция была дана датскому посланнику, чей король был союзником Франции. Познанский воевода вообще сомневался, заинтересована ли Москва в переговорах с Австрией, предполагая что Копенгаген «переиграл» Вену и Линц[82]. В апреле 1684 г., когда австрийские послы уже подъезжали к Москве,

К. Гжимултовский высказывал предположение, что их переговоры не будут успешными из-за противодействия французской дипломатии[83]. Австрийское посольство прибыло в Москву в мае, когда уже оканчивались переговоры со шведами.

Во врученной австрийскими послами грамоте Леопольда I России по-прежнему настойчиво предлагалось посредничество в заключении Вечного мира с Речью Посполитой, дававшего христианским странам возможность бросить «все силы против страшного турского народа». О том же говорили и сами послы во время торжественной аудиенции у царей, показав свою осведомленность и об исходе русско-шведских переговоров. Однако позднее выяснилось, что австрийские дипломаты не получили даже официального согласия Речи Посполитой на посредничество в заключении Вечного мира. Все эти заявления сводились лишь к стремлению втянуть в Россию в Священную лигу как можно скорее, к выгоде императора.

29 (19) мая на первом «разговоре» с назначенными для переговоров боярами и дьяками Посольского приказа во главе с В.В. Голицыным послы сообщили, что им известно о неудаче русско-польских переговоров, но что они, тем не менее, не оставляют надежды на присоединение Москвы к Священной лиге. России предлагалось действовать в направлении Черного моря, организовав поход на Азов. В.В. Голицын сразу заявил о принципиальной важности для России в этой связи позиции также участвующего в коалиции польского короля Яна III Собеского. Он потребовал у послов «объявления» тех полномочий, которые они имеют от Речи Посполитой. Послы сказали, что официальной «полной мочи» они не имеют, однако при свидании с королем польским они получили его устное обещание «благодарно принять» заключенный ими союз и от своего имени. Под конец разговора послы подали грамоту, которая подтверждала их полномочия на заключение антиосманского союза от лица цесаря и польского короля. Дополнительно Блюмберг и Жировский 30 (20) мая подали в Посольский приказ письмо, в котором они, в частности, вновь указывали на «крепость» перемирия России с Речью Посполитой и мира со Швецией[84]. Вовлечение России в союз без заключения Вечного мира было, несомненно, на руку и польскому королю.

Во время второго съезда 31 (21) мая русская делегация сформулировала свое отношение к вступлению в Священную лигу. В Москве считали, что этому непременно должно предшествовать заключение Вечного мира, поскольку истекавшее через 9 лет перемирие недостаточно надежно и Польша может начать с Россией войну после того, как «государи <...> рати утрудят» в войне с турками. Послы напомнили о заявленной в 1679–1681 гг. готовности Москвы заключить с Речью Посполитой союз и на условиях перемирия. Голицын ответил на это, что тогда Ян III «того <...> учинить не восхотел».

Австрийские дипломаты уверяли Голицына, что участие России в Священной лиги не будет обременительным, позднее предлагали даже сохранение возможности на сепаратный мир с противником. Никакого «случения сил» они не требовали, предлагая России послать на Крым «черкас» в сопровождении нескольких «пеших полков». Тем самым султан будет лишен своей «правой руки» — Крымского ханства, а Россия без особых затрат получит Азов и выход к Черному морю.

Однако Голицын считал, что походы на Крым потребуют значительных людских и материальных ресурсов.

Говоря о неудаче недавних русско-польских переговоров в Андрусово, бояре всю вину за нее сваливали на польскую сторону, которой способ к заключению мира предлагали «самой пристойной». Ныне же, настаивал Голицын, когда существует австро-польский союз, Габсбургам надо бы всеми силами склонять польского короля к Вечному миру. Все последующие попытки послов добиться хоть каких-нибудь уступок наталкивались на отказ российской стороны присоединиться к коалиции, членом которой была Речь Посполитая, до урегулирования с ней территориальных противоречий. Впрочем, и сами австрийские дипломаты признали, что на пути к заключению Вечного мира стоят «многие трудности», которые не могут быть преодолены в ближайшее время[85]. Однажды они, после долгих дискуссий, даже сказали, что цесарь «желает от царского величества союза и помочи <...>, а до поляков цесарскому величеству и дела нет»[86]. Примечательное и отнюдь не случайное заявление австрийских дипломатов свидетельствовало, что в Вене принимали в расчет и заключение отдельного от Священной лиги союза с Россией, чтобы затем, требуя выполнения обязательств от обоих союзников (т. е. России и Польши), играть на противоречиях между ними. Однако русские представители не поддались на уловку. На третьем «разговоре» 7 июня (27 мая) Голицын хотя и выразил согласие на заключение союза с императором, но выдвинул заведомо неприемлемое условие — послы дадут письмо «имянем цесарского величества, на себя и заклад, чтоб король польской, все трудности оставя», заключил Вечный мир. Единственное, что могли пообещать в этой ситуации Блюмберг и Жировский, — это всячески «радеть» заключению договора. Это же цари предлагали императору и в направленной ему с послами грамоте[87].

Русская делегация объявила послам условия, на которых возможно заключение Вечного мира: переход в вечное владение России принадлежавших ей по Андрусовскому перемирию 1667 г. территорий, включая Киев и Запорожье. При этом В.В. Голицын подчеркнул, что султан признал за Россией украинские земли, в т. ч. Киев и Запорожье (последнее, как известно, в Стамбуле российским владением признать отказались)[88].

На четвертом «разговоре» были определены контуры возможных русско-польских переговоров. Когда австрийская сторона предложила послать для заключения мира русское посольство в Варшаву, Голицын напомнил о сложности ведения переговоров в польской столице. Российский канцлер отметил, что «от сенаторей <...> за вольными их гласы становить [Вечный мир] не мочно и самодержавства такого, каково великие государи <...> имеют, король полской не имеет», и выдвинул предложение приезда для этого польского посольства в Москву, куда приглашались и послы цесаря. Безрезультатными оказались и просьбы австрийских дипломатов направить указ гетману И. Самойловичу «чинить войски своими неболшими нашествия на порубежныя улусы крымского хана», или провести смотр своих войск недалеко от крымских границ, или на худой конец — разрешить Яну Собескому вербовать запорожских и городовых левобережных казаков. Уже как

бы от собственного имени С. Блюмберг и И. Жировский предложили установить русско-польскую границу по Днепру, при этом Киев должен был остаться за Россией. Они поинтересовались, какой союз согласна заключить Москва в обмен на Вечный мир. Однако В.В. Голицын не стал обсуждать этого с послами, заявив, что все уже обговаривалось на недавних Андрусовских переговорах[89]. Отказывая Австрии в посредничестве между Польшей и Россией, В.В. Голицын не оставлял австрийской дипломатии иного выбора, кроме как убеждать Яна Собеского принять условия Москвы. Так и не добившись от русской стороны согласия на вступление в антиосманскую коалицию, австрийское посольство в июне 1684 г. покинуло русскую столицу.

Перед отъездом послы пробовали еще раз навязать свое посредничество в переговорах с Речью Посполитой, предложив устно (через переводчика Посольского приказа Леонтия Гросса) русскому правительству направить курьера к Яну Собескому, чтобы уведомить короля о позиции России. Они выражали готовность остаться в России до получения ответа. Однако русская сторона настояла на выезде послов из Москвы. Однако и на этом дипломатические маневры С. Блюмберга и И. Жировского не закончились. Уже на пути в Смоленск они просили у В.В. Голицына позволения И. Жировскому вернуться в русскую столицу для продолжения переговоров, сообщая, что якобы получили новую грамоту императора. В ходе встречи австрийских дипломатов с посланным к ним П.Б. Возницыным в Дорогобуже выяснилось, что никакой грамоты они не получали, «а писали де к ним ближние их приятели, побуждая к тому делу и по тем де писмам <...> они тое посылку к Москве и учинили». В Посольском приказе тем более ответили отказом, заявив, что дело, за которое берется австрийский резидент в Польше, касается только шляхетской республики. Не помогли даже просьбы Жировского остаться в Москве как частное лицо. Напоследок он заверил дьяка, что «цесарское величество зело горячо в том деле ходит, как бы начатое дело привесть к совершению, и конечно учнет того домогатся, как бы <...> учинить в Полше сейм и полского короля к желанию великих государей принудить». Кроме того, Жировский предложил Возницыну, чтобы Россия и Австрия были «в таком союзе и обязательстве, *дабы и поляки как на великих государей и на Московское государство, так и на цесарское величество замыслов своих не возносили* (курсив мой. — *К. К.*)»[90]. «Выразумею аз, что Полша при нынешних случениях принуждена будет Москве чрез вечной мир, по ее прошении, совершенное удоволство воздати, чего ради прилежнее радети надобно», — подводил итог московским переговорам С. Блюмберг[91].

Переговоры с австрийским посольством в Москве показали, что договор с Польшей был важнее для России, чем согласие с Австрией. При этом следует принять во внимание, что сами условия союза, предлагаемые австрийской стороной, гораздо больше отвечали желаниям русского правительства, нежели польские союзные предложения. Однако русская сторона следовала принятой еще в 1683 г. тактике, вынуждая Габсбургов оказывать дипломатическое давление на Речь Посполитую и способствовать заключению Вечного мира. Отказывая австрийским

послам в непосредственном участии в русско-польских переговорах, Москва, тем не менее, добивалась более выгодной для нее опосредованной поддержки своей политики в отношении Речи Посполитой. Можно также предположить, что в Вене умышленно решили «опоздать» на Андрусовскую комиссию, чтобы не вмешиваться в переговоры о Вечном мире и тем самым избежать открытого выступления на стороне Польши либо России. Австрийская дипломатия рассчитывала заключить с Москвой отдельный союз и потом играть на русско-польских противоречиях, оставляя для себя роль верховного арбитра.

Попытались императорские послы и уладить вопрос о сношениях России с Римом. Они заверяли Голицына в готовности папы возобновить дипломатические отношениях при условии, что цари будут титуловать его «по обычаю прежних цареградских государей». Столкнувшись с упорством русского канцлера, они просили назвать в царской грамоте папу если не «отцом», то хотя бы «верховнейшим папой», говоря, что «титло царь, с протчими иными титлами, которыми в последних и прежних грамотах их царских величеств предки доволствовались, верховнейший папа даст», даже предлагали свои услуги по пересылке царской грамоты в Рим. Однако Посольский приказ остался глух и к этим предложениям[92].

В начале 1685 г. у В.В. Голицына появился собственный дипломатический агент в Вене — некий Юрий Готфрид Кох, «цесарский секретарь». Он сообщал в Москву новости европейской и австрийской политики и придворной жизни. Австрийскую дипломатию встревожило начавшееся сближение Речи Посполитой и Франции, и в частности приезд в Польшу маркиза Ф. де Бетюна, который привез с собой много денег, чтобы возродить профранцузскую «партию» на будущем сейме. В Вене ожидали также, что французский эмиссар в Речи Посполитой приложит усилия для активизации деятельности венгерских повстанцев[93]. В Посольском приказе понимали, что в этих условиях Вена и Рим будут оказывать дальнейший нажим на Варшаву в деле заключения Вечного мира и союза с Россией, чтобы тем самым закрепить положение Речи Посполитой в рядах антиосманской коалиции.

Неудача миссии С. Кнаба и посольства С. Блюмберга и И. Жировского не смутили папский и императорский дворы. В сентябре 1684 г. папский нунций в Польше О. Паллавичини сообщил И. Жировскому, что получил адресованное царям breve Иннокентия XI, в котором папа воздал царям требуемые ими титулы. Нунций просил И. Жировского провести переговоры с В.В. Голицыным об ответном послании из Москвы в Рим и выслал ему копию папской грамоты[94].

Эта миссия была поручена И. Жировским гонцу Иоганну Игнатию Курцу, прибывшему в Москву в апреле 1685 г. с грамотой от императора. Леопольд I сообщал царям, что надеется на скорое решение спорных вопросов между Речью Посполитой и Россией и на вступление последней в антитурецкую коалицию. Цесарь выражал готовность оказать содействие заключению Вечного мира[95]. Это означало, что австрийский резидент и папский нунций в Речи Посполитой будут всячески поддерживать заключение Вечного мира на условиях Москвы.

Тактика В.В. Голицына принесла свои результаты. В цесарской грамоте, поданной в Посольский приказ польским гонцом Яном Зембоцким 12 (2) августа

1685 г., Леопольд I обнадежил русское правительство тем, что Речь Посполитая «ко учинению *пристойными статьями* <...> (курсив мой. — *К. К.*) покоя склоняется»[96]. Об этом же свидетельствовало письмо уже возвратившегося в Вену И.И. Курца к голландскому резиденту в Москве барону И. Келлеру, переданное последним в Посольский приказ[97].

Сразу вслед за Курцем в Москву приехал католический священник Альберт де Бойе, выдавший себя за духовника австрийского гонца, якобы из-за болезни задержавшегося в Варшаве[98]. На самом деле он был каноником в Оломуце (Чехия), а затем вступил в орден иезуитов. Перед отъездом нунций вручил де Бойе адресованное царям папское breve и дал инструкции по ведению переговоров, главной целью которых было установление дипломатических отношений между Россией и Святым престолом и присоединение Москвы к Священной лиге[99].

Однако все эти распоряжения вместе с грамотой Иннокентия XI де Бойе передал И. Курцу, который уже в Москве продолжил переговоры о царском и папском титулах. После официального «отпуска» гонец дважды — 24 (14) мая и 1 июня (22 мая) — встретился с В.В. Голицыным. Он заявил, что папа прислал грамоту, в которой именовал царей в соответствии с их требованиями, однако официально вручить ее Курц готов было только при условии, что цари взаимно будут титуловать папу согласно его желанию. По требованию Голицына австрийский дипломат передал ему копию грамоты на латыни (датирована 5 августа 1684 г.). В ней Иннокентий XI сообщал о заключении Священной лиги и предлагал русскому правительству «без мешкоты» вступать в борьбу с османами. Однако русский канцлер упорно настаивал, что никакого иного титула, кроме как данного папе в грамоте 1673 г., русское правительство дать не может. Он указал Курцу на многие неточности в написании царского титула, содержащиеся в поданной им копии папской грамоты. По поводу ссылки на грамоту Ивана Грозного было замечено, что она составлялась во времена, когда в России еще не существовало патриаршества. Теперь же именование папы «отцом», «верховнейшим и наивысшим пастырем» невозможно — это прямое умаление «архиерейства» московского патриарха.

После долгих споров Курц заверил Голицына, что отныне папа будет именовать царей в своих грамотах полным титулом, по примеру императора, а тот обещал, что цари готовы написать в своей грамоте «сверх» того, что писалось ранее, а именно: «...честнейшему и избраннейшему господину Иннокентию <...> папе Римскому и пастырю Римского костела достойнейшему». Австрийский дипломат вполне удовлетворился этим и даже обещал, что папа будет и Яна Собеского «приводити <...> к тому, что б он с великими государи, с их царским величеством, в примирение вошед, их царского величества во исполнении титл всякое доволство чинил». В подтверждение сказанного Курц прислал в Посольский приказ подписанное им «обнадеживательное писмо», а Голицын заверил, что австрийскому дипломату дадут ответную царскую грамоту для папы. 20 (10) июня Курц официально вручил царям папскую грамоту, однако в Посольском приказе отказались выполнить обещанное под предлогом того, что поданная гонцом грамота Иннокентия XI была «несходна» с переданной ранее в Посольский приказ латинской

копией и содержала еще больше ошибок в написании царского титула. Вместо этого австрийскому дипломату дали «обнадеживательное письмо» с объявлением о согласии России возобновить официальные отношения со Святым престолом при условии, что в официальной папской грамоте титул царей будет написан как они «сами себя описуют», а ее вручение предварено присылкой точной копии. В ответ цари были готовы титуловать папу так, как об этом заявлял Голицын. 20 (10) июля Курц принял «письмо» «безо всякого спору» и вскоре выехал из Москвы.

Для ведения дальнейших переговоров от имени папы в Москве остался уже упомянутый А. де Бойе, имевший верительное письмо от польского нунция О. Паллавичини. Однако никаких переговоров с ним не велось, он занимался в русской столице своим прямым делом — правил службу для католиков Немецкой слободы[100]. В октябре 1685 г. австрийский резидент в Речи Посполитой И. Жировский сообщал В.В. Голицыну, что папа римский согласен принять грамоту с титулом «Иннокентию <...> архерею крайнему», царям же папа в своей грамоте воздал такие достойные титулы, какие только возможно. Святой престол признавал, таким образом, право православной России и ее государей титуловать римского первосвященника так же, как и другие христианские монархи (католические прежде всего)[101].

В итоге попытки Рима сблизиться с Москвой оказались безуспешны. Русское правительство понимало, что в настоящий момент Иннокентий XI более всего заинтересован в участии России в Священной лиге. Поэтому, проявляя неуступчивость в вопросе об установлении дипломатических отношений, Москва тем самым толкала папскую дипломатию на иной, более легкий для Рима и выгодный для России путь — путь активного воздействия на польский королевский двор с целью заключения Вечного мира на условиях России.

IV. Особое место в русско-польских отношениях в конце 1670-х — первой половине 1680-х гг. принадлежало Украине, а гетман И. Самойлович и казацкая старшина играли существенную роль в формировании русской политики в отношении Речи Посполитой.

Осенью 1679 г. для переговоров по поводу заключения мира с Османской империей и союза с Речью Посполитой в Батурин к гетману был направлен Е.И. Украинцев. Гетман сказал московскому дьяку, что «мир с бусурманом прибыльнее будет союза» и что если и заключать союз, то на условиях, чтобы русские войска вели наступление на Крым, а польские — в направлении Молдавии и Валахии. «Да и такой бы союз, — продолжал гетман, — заключить не даром, а потребовать, чтоб король польский заключил за то с великим государем вечный мир, без вечного мира верить ему нельзя, потому что он великому государю недоброхот»[102].

В связи с начатыми в 1683 г. новыми переговорами о мире и союзе активизировались консультации по этому поводу между Москвой и Батуриным. В мае 1683 г. к И. Самойловичу был отправлен стольник С.Е. Алмазов. В июне он привез в Москву «статьи» с предложениями гетмана[103]. Содержание их изложено у С.М. Соловьева. И. Самойлович вновь назвал непременным условием союза заключение

Вечного мира с отказом Речи Посполитой «от Киева и от всей Малороссии, от Войска Запорожского, городового и низового». Он выступал, как и прежде, против «случения сил» с поляками, предлагая свести военный союз к действиям русских войск против крымских татар. И. Самойлович предостерегал Москву, что вступление в союз не гарантирует участия России в мирных переговорах союзников с Османской империей. Гетман выражал опасение, что вступление России в войну может быть использовано Австрией и Речью Посполитой для давления на Стамбул с целью заключения сепаратного мира и в этом случае «вся тяжесть войны обрушится на российское царствие». Союзные отношения, считал он, будут осложняться не только «неустранимыми» на данный момент русско-польскими, но и австро-французскими противоречиями[104].

В ноябре 1684 г. Е.И. Украинцев вторично приехал к И. Самойловичу. Речь, помимо вопроса о переходе киевской митрополии под власть московского патриарха, вновь шла о Вечном мире и антиосманском союзе с Речью Посполитой. И на этот раз гетман, по выражению С.М. Соловьева, «сильнее прежнего был против союза с поляками». Аргументы гетмана сводились к следующему: 1) Бахчисарайское перемирие заключено в результате войны, которую Россия вела без союзников, причем и Австрия, и Речь Посполитая отказали в какой-либо помощи, соответственно и Россия ныне не обязана оказывать им помощь. Тем более в 1683 г. ни Австрия, ни Речь Посполитая не пригласили царей к заключению общего договора. 2) Как и ранее, гетман указывал на невозможность направления русских войск на венгерский и молдавский театры военных действий и их объединения с войсками императора либо польского короля. Единственный, по его мнению, реальный вариант военного сотрудничества — удар России на Крым. Но и здесь русско-казацкую армию ждут серьезные трудности. Захват турецких городков в устье Днепра потребует значительных людских и материальных ресурсов, удержать их будет трудно, поскольку земли на Правобережье и вблизи Крыма практически пустые, что не сулило и выгодных территориальных приобретений. 3) На перспективу завоевания и, самое главное удержания под своей властью Крымского ханства И. Самойлович смотрел пессимистически: «Крыма никакими мерами не завоюешь и не удержишь», — говорил он Е.И. Украинцеву. Реальным же, по его мнению, был вариант заключения русско-крымского соглашения, направленного против Речи Посполитой. Не имеет значения при этом, что татары «басурмане». «Зазору и стыда в этом ни от кого не будет, — считал он, — всякому своей целости и прибыли вольно остерегать; больше зазору и стыда иметь мир да потерять его даром, без причины <...>. Если они (поляки. — *К. К.*) теперь помирятся с турками и встанут на нас, то можно против них татар приговорить; если великим государям угодно, то я непременно сделаю, что татары всегда будут при нас», — обещал он. Гетман припомнил, что король христианской страны — Речи Посполитой — заключал в свое время союз с Крымом против Москвы. «Татары подобны мечу острому или городу крепкому; христиане носят же при себе меч для победы над неприятелем и обороны. Кто ни есть, только б мне был друг и в нужде помощник», — резюмировал И. Самойлович. В связи с этим уместно напомнить, какие усилия прикладывал

Ян Собеский для заключения союза с Крымским ханством в первой половине 1680-х гг. 4) Гетмана не смущали и лозунги борьбы с «неприятелем всего христианства» и освобождения греческой церкви, активно использовавшиеся дипломатиями европейских стран. Он напомнил Е.И. Украинцеву о существующей враждебности католичества и православия, считал возможным «разрешение от присяги» польского короля и императора папой римским в случае появления у них желания заключить сепаратный мир с Османской империей без России. Для России, по словам Самойловича, главный фронт в борьбе за православие находится в Речи Посполитой: «...тут, вблизи великих государей церковь Божию король польский гонит, все православие в Польше и Литве разорил, несмотря на договоры с великими государями». 5) Свои доводы гетман подкреплял напоминаниями о «извечном вероломстве» поляков: «И в мысли держать нельзя не только нам, но и детям нашим, что поляки когда-нибудь перестанут к нам враждовать». Он припомнил царскому посланцу все недавние подлинные и мнимые польские «интриги» в Малороссии. Его слова подтверждал и прибывший недавно из Речи Посполитой кандидат на киевскую митрополию луцкий епископ Гедеон (князь Святополк-Четвертинский).

Доводы Е.И. Украинцева, выражавшего в данном случае позицию царевны Софьи и В.В. Голицына, сводились в основном к тому, что России будет невыгодным поражение коалиции христианских стран в войне с Османской империей. В случае, если война окончится для турок успешным миром, они разорвут Бахчисарайский договор и начнут новое наступление против России, не исключено, что при поддержке польского короля и его союзников. «Цесарю римскому и королю польскому отказать непристойно, потому что многие государи христианские помогают им в этой войне», — морализировал думный дьяк. Другим его доводом было «многолюдство» среди служилых людей и особенно казаков, которым для собственного «прокорма» необходимы военные действия и возможность захвата добычи (служилым людям — новые земли), поскольку царского жалования на всех не хватает, что в конечном итоге чревато волнениями и бунтами. «Думному дьяку не удалось переспорить гетмана, который стоял на одном, что не следует менять золотой мир на железную войну», — подводил итог батуринским беседам С.М. Соловьев. Свои доводы И. Самойлович вновь послал в Москву с Украинцевым в виде «статей». В них он выдвинул новые условия присоединения к союзу: уступка России земель по реки Случь и Днестр и гарантия неприсоединения к унии освобожденных от османов православных областей.

В январе 1685 г. в Москву приехал старший канцелярист Василий Кочубей с новыми предложениями от гетмана — закрепить за Россией Засожье, установить царскую власть над Запорожьем. Другое пожелание гетмана касалось в целом курса русской внешней политики в Восточной Европе. «А поневаж вся того бочная Днепра сторона: Подолье, Волынь, Подгорье, Подляшье, и вся Червоная Русь <...> всегда до монархии росийской от початку бытия здешних народов належали <...> безгрешно б было преславного царства росийской стороне свое искони вечное хочь по троху одійсковати <...> углядаючи способного времяни», — здесь И. Са-

мойлович показал себя сторонником дальнейшей борьбы за подчинение России всех восточнославянских земель, находящихся под властью Польской короны. Кроме того, Самойлович указывал, что Войску Запорожскому принадлежали белорусские земли — Быхов, Чаусы, Гомель, Пропойск и др. В Москве отнеслись к предложениям гетмана сдержанно, сославшись на невозможность враждебных действий против Речи Посполитой до истечения срока перемирия [105].

Занятие казаками И. Самойловича Посожских сел и отказ уйти с захваченных территорий, несмотря на требования Москвы в 1685 г. (см. об этом в главе 3), яснее всяких «инструкций» и «статей» демонстрировали позицию Батурина по вопросу о Вечном мире с Речью Посполитой. Поддерживать его заключение гетман и казацкая старшина были готовы только при условии расширения границ России за счет украинских и белорусских земель, еще находившихся в составе Польско-Литовской республики. Разумеется, в этом случае Самойлович имел в виду прежде всего расширение границ подвластных ему территорий.

Идеи гетмана И. Самойловича о дальнейшем натиске на Речь Посполитую разделяла и часть русской политической элиты. Причем сторонники «военной партии» были среди обеих группировок — Нарышкиных и Милославских. Их круг можно определить в т. ч. и на основе списков бояр, которые участвовали в обсуждениях итогов посольства Е.И. Украинцева и миссии В. Кочубея. 5 декабря (25 ноября) 1684 г. статейный список Украинцева «слушали» комнатные бояре Н.И. Одоевский, князь Алексей Андреевич Голицын, князь Иван Борисович Репнин, князь Михаил Алегукович Черкасский, князь Василий Федорович Одоевский и И.М. Милославский. «Чол» список Ф.Л. Шакловитый [106]. При этом на обсуждении не было В.В. Голицына, что является пока что единственным примером неучастия «посольских дел оберегателя» в обсуждении правительством вопросов внешней политики за период 1682–1686 гг. Возможно, это было результатом целенаправленных интриг его противников. 2 февраля (23 января) 1685 г. статьи, присланные И. Самойловичем с В. Кочубеем, — амбициозную внешнеполитическую программу по подчинению власти русских царей и украинского гетмана всех земель Древней Руси — «слушали» уже, помимо царей Ивана и Петра и царевны Софьи, патриарх Иоаким, Н.И. Одоевский, А.А. Голицын, М.А. Черкасский, И.М. Милославский, а также князь П.И. Прозоровский и Ф.П. Салтыков. На этот раз докладчиком был сам В.В. Голицын, и, кроме царевны, на заседании не было никого, кто бы мог быть причислен к сторонникам руководителя Посольского приказа [107].

М.А. Черкасский был одним из самых упорных противников В.В. Голицына, а А.А. Голицын отцом другого лидера нарышкинской партии — Б.А. Голицына. П.И. Прозоровский и Ф.П. Салтыков в 1686 г. зарекомендовали себя как ярые сторонники войны с Речью Посполитой, а патриарх — противником Вечного мира и войны с османами и татарами. Одоевские хотя и склонялись в 1681 г. к идее союза с Речью Посполитой, тем не менее «старейшина» этого боярского клана — князь Никита Иванович — в 1660-е гг. активно выступал против мира с Польшей [108]. И.М. Милославский уже в 1683 г. конфликтовал с В.В. Голицыным, что могло выражаться и в недовольстве внешнеполитической программой канцера. Наконец,

все указанные лица в поддержке И. Самойловича могли видеть одно из средств ослабления влияния «посольских дел оберегателя» при дворе.

V. Отношения России с Османской империей и Крымским ханством были далеко не так безоблачны, как это пытались изобразить московские дипломаты на переговорах с представителями иностранных держав. Россия имела все основания для недовольства не только условиями Бахчисарайского договора, но и их выполнением. При утверждении в 1682 г. договора в Стамбуле посольству П.Б. Возницына в резкой форме было отказано в ратификации султаном статьи договора, касающейся признания власти царей над Запорожьем. Практически сразу после заключения соглашения турки начали заселять земли Правобережной Украины, что вызывало резкое недовольство И. Самойловича[109]. Не доставляло в Москве радости и обязательство возобновить выплату «казны» крымскому хану «против старых росписей», да при этом выплатить ее и за три прошедших года[110].

Направленный 1 августа 1682 г. к султану русский гонец Михаил Тарасов с официальным объявлением о восшествии на престол царей Петра и Ивана должен был также уведомить визиря и реис-эфенди о совершенных в нарушение перемирия турецких и татарских наездах и требовать его соблюдения[111]. М. Тарасов не только не добился успеха, но, хуже того, согласно рапорту С. Проского, даже не был допущен в Стамбул. На аудиенции у великого визиря в Адрианополе гонца подвергли разным унижениям[112]. Когда об этой поездке стало известно Яну III, он не преминул упрекнуть русских послов в Варшаве И.И. Чаадаева и Л.Т. Голосова, обвиняя Россию в направленных против антиосманской коалиции интригах при султанском дворе в Стамбуле[113].

В начале 1683 г. в Москве шли приготовления к отправке в Османскую империю посла — окольничего Кирилла Хлопова, который, как и его предшественник, должен был обратить внимание османской стороны на нарушение перемирия[114]. Однако посольство это не состоялось из-за оскорбительного обхождения в Адрианополе с М. Тарасовым и отказе Порты принять русского посла[115].

Направленным в июле 1682 г. в Крым очередным «годовым посланникам» — стольнику Никите Тараканову и подьячему Петру Бурцову — было наказано всячески убеждать хана в намерении России нерушимо сохранять дружбу. В знак доброй воли цари «изволили подарить» нураддина «головной» собольей шубой, ранее в число поминок, отвозившихся в Крым строго по росписи, не входившей. Одновременно русские дипломаты должны были попытаться добиться отказа Порты и Крыма от заселения Правобережья, отмены пошлин с украинских казаков, ходивших на промыслы в низовья Днепра, и освобождения захваченного в плен воеводы М.Г. Мезенцева. Все слухи о волнениях среди российских подданных — татар и башкир — предписывалось решительно опровергать.

Однако крымские татары встретили посланников крайне недружелюбно. Еще на «разменном месте», под Переволочной, в присутствии проводившего размен полоняниками с русской стороны воеводы П.Д. Скуратова разменный бей пообещал Н.К. Тараканову и П. Бурцову, что если они не привезли всю казну и поминки

сполна, то их будут «мучить и за ноги вешать». И действительно, по приезде в Крым, после двух с лишним месяцев угроз и обещаний «доправить» на послах недостающую, по мнению татар, часть поминков, в ночь с 30 на 31 декабря ст. ст. Никиту Тараканов и Петра Бурцова разбудили приехавшие на посольский «стан» приближенные нураддина Саадет-Гирея. Русских дипломатов отволокли на конюшню, где били обухами, а Тараканова еще и «к великому огню и к плахе приводили». После решительного отказа посланников увеличить «дачу» Бурцова «посадили на деревяную острою кобылу и привезали к обеим ногам по великому камню и по рукам его обухами били и мучили на той кобыле многое время», пока аж «замертва с кобылы скинули, а каменья у него с ног отвезать не успели, обрезали, чаяли, что умер и водою лили». Подобную процедуру обещали устроить и Тараканову, требуя дать кабалу на «запросные дачи». Однако русские, зная, что в случае согласия дома их ждут царский гнев и опала, по-прежнему отказывались. Их отпустили на посольский стан (Бурцова привезли «еле жива»), но на следующий день все имущество дипломатов было разграблено.

После возвращения Н.К. Тараканова и П. Бурцова в Россию в сентябре 1683 г. русское правительство уведомило хана, что за учиненные издевательства над русскими посланниками они больше не будут направляться в Крым, а все русско-крымские переговоры будут проходить отныне на границе, под Переволочной[116]. Не исключено, что такое грубое обращение с русскими дипломатами стало результатом интриг польского представителя в Бахчисарае ксендза Костанецкого, получившего от Яна Собеского инструкции всячески поощрять агрессивные шаги Крымского ханства в отношении России, во всех подробностях информируя ханский двор о Московском восстании 1682 г. К сожалению, в статейном списке Н.К. Тараканова и П. Бурцова не содержится даже упоминания о Костанецком и его деятельности в Крыму.

Турки продолжали активно заселять Правобережье. В 1683 г. в Чигирин прибыли переселенцы-валахи во главе с полковником Петром Уманцом. Он направил на Левый берег четырех посланцев с приказанием призвать переселенцев на Правобережье, а чтобы активизировать переселение, поджигать дома жителей Левобережья в Ахтырке, Лохвице, Харькове, но они были схвачены[117].

Напряженность в отношениях России с Крымом и Османской империей продолжала сохраняться и после Бахчисарайского перемирия в силу невозможности с обеих сторон воспрепятствовать совершенному прекращению пограничных конфликтов. Для царских подданных — донских казаков и калмыков — и подданных султана — крымских татар и «азовских» людей — этот договор означал лишь временное затишье в той перманентной «малой» войне, которая велась на степных пространствах Северного Причерноморья, расположенных между Доном и Днепром. Уже в апреле 1682 г. в Москву поступили жалобы донских казаков о набегах азовцев под «украинные города» Тор, Изюм и Маяцкий. В марте 1682 г. в плен был захвачен ехавший на воеводство в Тор Михаил Григорьев сын Мезенцев и бывшие с ним 50 человек русских и черкас. Всего татары увели в полон 174 человека. Узнав об этом, а также о намерении крымских татар разорить основанный в

прошлом году Изюм, донские казаки стали готовиться к ответным нападениям. Калмыки по-прежнему слали к донцам своих посланцев с предложением «идти на Крым». Вскоре казацко-калмыцкий отряд под предводительством атамана Малая совершил набег на ханство, «побив» сорок татар и захватив восемь пленных [118].

Московское правительство, хотя и действительно регулярно посылало на Дон грамоты с требованиями под угрозой смерти прекратить набеги на Крым, понимало, что унять донскую вольницу не смогут никакие запреты. Донская старшина также оказывалась тут бессильна [119]. Русская дипломатия не делала большого секрета из нарушений перемирия с Крымом и Турцией со стороны царских подданных. В ходе переговоров с Я. Зембоцким летом 1683 г. тот, еще до проведения пограничной комиссии, попросил В.В. Голицына оказать помощь Речи Посполитой — послать на Крым для «промысла» казаков под видом «своевольных людей». Русский канцлер ответил, что запорожские и донские казаки и так ходят на Крым «почасту» без всякого царского повеления, а указ им может быть послан только после заключения договора о союзе [120]. В 1684 г. В.В. Голицын заявил австрийским послам, что запорожские казаки готовятся в набег на Крым, а калмыки и донские казаки уже «учинили Крымскому юрту разорение» [121]. При этом в царских грамотах крымскому хану неизменно утверждалось, что донским казакам и калмыкам посланы указы «под жестоким запрещением, чтоб они жили (с крымцами. — *К. К.*) в миру и задоров никаких не чинили и взятых людей буде есть отдали» [122].

Крымский хан Селим-Гирей, в свою очередь, жаловался в одной из своих грамот царям, что в 1684 г., когда он «ехал на ханство в Крым», для его торжественной встречи был выслан некий Абди-ага «да чалмурзин сын со товарищи». Однако встреча новоназначенного хана с его почетным эскортом не состоялась — по пути Абди-ага и остальные татары попали в руки ватаги донских казаков, которые увезли пленников на Дон в Черкасский городок, где держали их «в мученье». В том же году калмыки совершили набег на «нагайских» и «кумыцких» татар, отогнав у них скот, а затем донские казаки «выходили на море под Темрюк и наших людей рыболов взяли сорок человек», — сообщал Селим-Гирей. Неоднократные требования Крыма освободить Абди-агу и остальных пленных татар «без окупа» результата не возымели [123]. Запорожцы, со своей стороны, ограбили и захватили в степи ханского гонца [124]. Весной и летом 1685 г. отряды донских казаков численностью от 1 до 1,5 тыс. человек. совершили походы в устье Дона и на Черное море, ограбив два турецких судна и разорив азовское побережье [125].

Крымцы и азовцы также в долгу не оставались. В конце 1683 г. крупный отряд ногайцев, крымцев и азовских людей разорил окрестности Тора, взяв в плен 500 человек, а затем совершил набег под Полтаву и на реки Самару и Орель, также набрав множество ясыря. В 1684–1685 гг. татарские отряды вновь нападали на русское и украинское пограничье, жгли села и уводили пленных, нападали на донцов, ходивших на рыбный промысел в низовья Дона [126]. Пленный калмык, житель Черкасского городка на Дону, привезенный крымскими гонцами в Москву в 1686 г., сообщал, что «от азовских татар им обиды разорения чинятся великие», а

царское правительство обвиняло крымского хана в том, что «азовские и крымские и нагайские татары под <...> украинные великороссийские и малороссийские городы приходят непрестанно войною, и наших царского величества, людей побивают и в полон емлют и разорение чинят великое» [127].

В январе 1686 г., незадолго до начала русско-польских переговоров о мире и союзе, донские казаки (66 человек) вместе с калмыками (90 человек) под предводительством некоего атамана Степана совершили дерзкий разбойничий набег под Перекоп, угнав табун в 700 лошадей и захватив в плен пастухов. Отбившийся от отряда и схваченный погоней во главе с калгой и нураддином калмык Бага сын Мамаев был привезен крымскими гонцами в марте 1686 г. в Москву «для улики» с требованием наказания виновных [128].

Мирные отношения России с Османской империей и Крымским ханством осложнялись не без «помощи» Речи Посполитой. Своими универсалами Ян III приглашал к себе «на службу» воинов Запорожской Сечи, а также и калмыков и донских казаков.

Гетман И. Самойлович старался не допустить переход казаков на польскую службу, усиливая охрану границы с Правобережьем и постоянно напоминая в универсалах о «лядских шкодах» украинскому народу [129] и о судьбе казаков, перешедших на службу к гетману С. Куницкому, войско которого было разбито татарами [130]. Имущество убежавших казаков конфисковывалось, полковникам предписывалось представить гетману списки бежавших, которых при поимке ждала смертная казнь [131]. Особое беспокойство гетмана вызвал очередной универсал польского короля от 20 июня 1684 г., в котором Ян III вновь призывал запорожское казачество присоединиться к полякам в войне с Османской империей и Крымом [132].

Польский король использовал в своих интересах вражду между Сечью и Батурином. В письме в Москву из Глухова от 30 (20) июня 1684 г. Самойлович жаловался, что кошевой атаман запорожского войска «ляцким духом надут» и выступает за переход в подданство к польскому королю не только Запорожья, но и всей Малороссии, а потому всячески очерняет гетмана перед царским правительством, постоянно «ссылается» с поляками и рассылает их «прелестные листы» по городовым полкам, к калмыкам и донским казакам [133].

Несмотря на бесцеремонное обращение с русскими дипломатами в Бахчисарае и Стамбуле, московские политики понимали, какие выгоды для них несет начало польско-австро-турецкой войны. Это открывало возможность получения московской патриархией власти над киевским митрополитом. Тем более что и Османская империя, после ряда военных неудач, стала искать улучшения отношений с Россией. В 1683 г. в Турцию выехал подьячий Алексей Васильев с теми же требованиями, что и ранее М. Тарасов. В грамоте султана Мехмеда IV, привезенной в Москву Васильевым в августе 1684 г., смена хана в Крыму представлялась как дружественный шаг по отношению к России. Порта заявляла, что сместила с престола Хаджи-Гирея якобы из-за несоблюдения крымскими татарами условий Бахчисарайского перемирия и уверяла в своем намерении нерушимо соблюдать мир, выражала надежду, что между обоими государствами будет «множиться» «дружба и

любовь». В просьбе Москвы отменить пошлины для промышляющих в низовьях Днепра запорожцев было, впрочем, отказано[134].

Однако царское правительство не замедлило воспользоваться желанием османов сохранить мир с Россией в своих целях. 23 (13) декабря 1684 г. из Москвы выехал грек-купец Захарий Иванов (Софир), держа путь на Константинополь, с заданием добиться от константинопольского патриарха и османских властей перехода киевской митрополии под власть московского патриарха. Из-за разных задержек он прибыл в столицу Османской империи только в июне 1685 г. (на Петров пост) и вскоре «тайно ночью» увиделся с патриархом Иаковом, вручив ему царскую грамоту. Патриарх прочел вложенный в послание «список» с грамоты, написанный по-гречески, а саму грамоту, запечатав вместе со своим письмом, вернул Захарию, направив того в Адрианополь к переводчику Порты, Александру Шкарлату (Маврокордато). В Адрианополе грек ждал еще месяц, после чего переводчик заявил ему, что «того дела святейшему патриарху за междоусобием промеж турки совершить ныне опасно, а мочно учинить то дело в иное благополучное время». После того как Захарий «тайно» отдал патриарху сорок соболей, обещанных в царской грамоте, Иаков стал более покладистым, пообещав, что, «естли промеж турки смятения не будет, тогда он то дело совершит». Захарий остался ждать в Константинополе, однако внутренняя ситуация в Османской империи не улучшилась, а даже наоборот: в середине августа в Адрианополе восстали сипахи — воины, служившие за земельный надел в кавалерии. Они требовали смерти визиря Ибрагима-паши, потерпевшего поражение под Будой, и не желали воевать под его началом, считая, что он поведет их «на погибель». Несмотря на то, что восстание вскоре было подавлено, миссия Захария Иванова закончилась ничем — патриарх заявил, что даже ответную грамоту к царям «за смутным временем послать не смеет». По поручению греческого иерарха письмо написал его приближенный грек — Юрий Мецевит. Перед самым отъездом З. Иванова из Константинополя он вручил ему письмо от патриарха к В.В. Голицыну. Также русскому канцлеру было передано письмо и от иерусалимского патриарха.

Тем не менее Захарию удалось собрать в столице Порты сведения, что османское правительство надеется на дальнейшее поддержание мирных отношений с Россией. На обратном пути, в Казыкермене, он встретился с направленным в Константинополь русским посланником Никитой Алексеевым, которому сказал, что «чает <...> что ево Никиту примут с великою честию, потому что салтан с стороны царского величества посланных зело желает»[135]. Юрий Мецевит в своем письме (от 30 (20) октября) просил, чтобы царское правительство послало грамоту визирю с просьбой разрешить патриарху сношения с Москвой. Он сообщал о слабости Османской империи, о нехватке войск и денег, а также о слухах, что османы собираются заключить перемирие с Веной. По мнению приближенного патриарха, Австрия ведет такие переговоры, потому что не знает, насколько Турция истощена войной[136].

В Стамбуле слишком поздно осознали опасность присоединения к антиосманской коалиции России. Московские же политики, хотя уже и взяли курс на присоединение к Священной лиге, тем не менее не отказывались получить выгоды, играя

на желании Порты не допустить увеличения числа своих противников. В конце 1685 г. в Турцию выехал подьячий Никита Алексеев. В Батурине к нему присоединился «дельный и радетельный человек» И. Самойловича — Иван Лисица. 22 (12) декабря они отбыли из Батурина. Официальной целью их миссии было получить согласие константинопольского патриарха на переход киевской митрополии под власть московского патриарха. Визирь, приняв Н. Алексеева в Адрианополе, не только поддержал просьбу русских посланников у патриарха Дионисия, но также заверил, что султан запретит «перезывать» жителей с Левого берега на Правый, как и вообще заселять его. Визирь разрешил восстановить сгоревшую церковь Иоанна Предтечи в Стамбуле, посланникам также были возвращены русские пленники[137].

В то же время и крымская дипломатия всячески уверяла Москву в намерении соблюдать «дружбу и любовь» «паче прежняго», русских гонцов встречало в Бахчисарае непривычно «честное» обращение и «нескудной корм». В январе 1686 г. крымский хан Селим-Гирей заявил присланному к нему русскому гонцу Петру Хивинцу, что «в дружбе и любви с великим государи они быть желают и жити б так, что волк с овцою одну воду станут пить»[138]. В Москве прекрасно знали цену таким обещаниям, которые даже в нынешнее время не гарантировали русские границы от набегов мелких татарских отрядов и не отменяли необходимости ежегодной выплаты в Бахчисарай царских поминков, в Речи Посполитой презрительно именовавшихся «харадж», т. е. дань[139]. Поэтому во второй половине 1680-х гг. русское правительство продолжало укреплять и расширять сооруженную в 1679–1680 гг. Изюмскую черту[140].

VI. Отношения России с Францией в последней четверти XVII в. нельзя назвать тесными. Французский король Людовик XIV время от времени проявлял заинтересованность в сохранении мира на русско-польской границе, чтобы иметь возможность активнее вовлекать Речь Посполитую в реализацию своих внешнеполитических планов в Европе.

В 1681 г. в Париж прибыло посольство Петра Потемкина с объявлением о восшествии на престол царя Федора Алексеевича, предложением заключить торговый договор и просьбой о помощи в борьбе с османами. В итоге стороны договорились лишь о том, что русско-французское соглашение о торговле будет заключено во время ответного визита французского посла в Москву. В 1683 г. при французском дворе под влиянием датской дипломатии стали строить планы использования русского государства в создании антигабсбургской коалиции, втянув ее в войну против Швеции в союзе с Данией и Бранденбургом. Был назначен посол в Россию, которому предписывалось действовать в русской столице совместно с датским резидентом и бранденбургским посланником. Однако миссия эта не состоялась — Людовик XIV вовсе не был уверен в том, что ему удастся использовать Россию в своих планах[141].

6 января 1685 г. (27 декабря 1684 г.) в Москве было решено послать русское посольство — стольника Семена Ерофеевича Алмазова и дьяка Семена Ипполитова — к Людовику XIV[142].

Наказ посольству свидетельствует о его сугубо представительском характере. С. Алмазов и С. Ипполитов должны были сообщить Людовику XIV о воцарении Ивана и Петра, напомнить французскому правительству о данном ранее обещании прислать в Россию посольство. Основной задачей послов было пространное информирование французского двора об отношениях России со Священной лигой. Они должны были поведать о стремлении и польского короля, и императора видеть Россию в рядах участников антиосманской коалиции, о русско-польских переговорах в Андрусово и русско-австрийских переговорах в Москве, которые были предприняты по инициативе союзников по Священной лиге. Сославшись на будто бы имевшее место заявление австрийских дипломатов С. Блюмберга и И. Жировского, что французский король не против принять участие в общехристианской борьбе с турками, Алмазов и Ипполитов должны были поинтересоваться в Париже, действительно ли Людовик XIV желает присоединиться к противникам турок «и помочь им своими ратными людьми <...> чинить». В наказе была предусмотрена и реакция русских дипломатов в случае положительного ответа, очень, впрочем, маловероятного, заключавшаяся в выяснении конкретных деталей переговоров между Францией и Священной лигой, если бы таковые велись. Наконец, Алмазов и Ипполитов должны были объявить, что русские цари «склонны поступить» в союз против турок «по согласию з братом своим, с великим государем» Людовиком XIV. Однако, если бы французские «думные люди», назначенные вести переговоры с посольством, объявив условия, на которых Франция присоединяется к Священной лиге, потребовали заключить русско-французский антиосманский союзный договор, Алмазову и Ипполитову предписывалось ответить отказом, ограничившись предложением французскому королю обменяться с царями декларациями о намерениях заключить антиосманский союз. Каких-либо письменных гарантий намерений России послам давать запрещалось. Единственные полномочия, которые они имели, — это заключение русско-французского договора о торговле через Архангельск. Стоит также отметить, что в грамоте к Людовику XIV цари впервые в русской дипломатической практике были поименованы «пресветлейшими и велеможнейшими» и по этому поводу ожидались возражения французской стороны. Кроме того, Алмазов и Ипполитов должны были добиваться признания французской стороной за царями титула «великие государи», который отсутствовал в грамоте, данной послу Потемкину [143]. Более определенно цели посольства С.Е. Алмазова были сформулированы в царской грамоте И. Самойловичу (подготовленной в 1686 г., но не отправленной): «...в нынешнее настоящее у цесарского величества римского и у королевского величества полского с неприятели их, с турским салтаном и с крымским ханом военное время *взять у него короля французского, подлинную ведомость о его, французского короля, с ним, с цесарем римским и королем полским, ныне имеющем между собою пребывателстве* (курсив мой. — *К. К.*), и против того вышеупомянутого неприятеля о пересылках их о союзе и о помочах, и о истинном ево королевском к тому намерении для преди будущего у нас великих государей <...> полского посолства» [144]. В стандартных статьях наказа, предписывавших послам вести тщательный сбор информации о международных отношени-

ях в Европе, особо обращалось внимание на важность для Посольского приказа любых сведений о состоянии польско-французских отношений[145].

27 (17) января 1685 г. посланники выехали из Москвы. Путь их лежал через Новгород, Ригу, Кролевец (Кёнигсберг), Гданьск, Берлин, Гамбург, затем на «полукарабелье» вниз по Эльбе и далее морем во Францию[146]. Папский нунций в Речи Посполитой О. Паллавичини, сообщая в Рим о приезде в Кролевец С.Е. Алмазова и С. Ипполитова, отмечал, что в Польше это посольство было воспринято подозрительно. В нем видели свидетельство, что Франция вместо «тайных» сношений с Россией, осуществлявшихся ранее через посредство датского посла, желает теперь иметь «явные»[147].

4 мая (24 апреля) русские послы сошли на берег в Кале (Калис), где известили коменданта о прибытии во Францию. 16 (6) мая 1685 г. после более чем трехмесячного путешествия С. Алмазов и С. Ипполитов были в Париже[148].

21 (11) мая послы были приняты Людовиком XIV, вручили королю царскую грамоту и объявили о восшествии на престол царей Ивана и Петра. В тот же день, а также 1 июня (22 мая) состоялись переговоры русских дипломатов с государственным секретарем Франции Шарлем Кольбером Круасси. Посланники, в соответствии с наказом, рассказали о проходивших в 1684 г. русско-польских и русско-австрийских переговорах о заключении Вечного мира (с Речью Посполитой) и антиосманского союза. Причем они сообщили Круасси о сказанном в Москве австрийскими послами, что якобы французский король «также и окрестные государи к тому намерению (т. е. к вступлению в союз против Османской империи. — *К. К.*) склонны будут». В связи с этим русское правительство хотело бы знать, намеревается ли Людовик XIV «в союзе быть против турского салтана и крымского хана» с Австрией и Речью Посполитой «и помочь им своими ратными людми <...> чинить». Цари, по словам послов, «склонны поступить в тот союз по согласию с братом своим с великим государем» — французским королем, несмотря на то, что со стороны Османской империи и Крыма Бахчисарайскому перемирию «нарушения никакова нет».

В ответ министр Людовика XIV сказал, что Франция готова была оказать помощь против турок, когда для переговоров об этом Ян Собеский присылал своего посла А. Морштына. Однако впоследствии польский король заключил союз с императором, не сообщив об этом французскому королю, и австрийские дипломаты французского резидента «от двора королевского величества полского начали теснить». В результате королю пришлось резидента отозвать, «а после того послов и посланников с обоих сторон не бывало». В настоящее время, по словам министра, помощь Франции антиосманской коалиции заключается в том, что Людовик «изволил» заключить Регенсбургское перемирие (15 августа 1684 г.), чтобы Австрия, Венеция, Речь Посполитая, «и иные государства, государства римского (Священной римской империи. — *К. К.*) взяв меж собою в союз, совокупя всеми силами, отпор чинили турскому салтану, а отпор де возможно <...> учинить без посилков ратных людей» со стороны Франции. Русские послы передавали слова Круасси о сочувствии Людовика XIV борьбе христиан с Османской империей, «толко всчать

войны с турским салтаном никоими меры невозможно, для того что имеет с турским салтаном перемирие и с стороны турского салтана перемирному договору нарушения никакова нет», а также потому, продолжал министр, что французские «торговые люди имеют многие торговые промыслы турского салтана с подданными торговыми людьми», отчего обоим государствам «чиниться прибыль».

Кольбер Круасси подчеркивал значение Регенсбургского перемирия, развязавшего руки Австрии для борьбы с Портой, в противном случае Людовик XIV, «что хотел [бы], над цесарским величеством, то учинил, и от него, что возмог, то отобрал». Министр заверил русских дипломатов, что со стороны Франции войне антиосманской коалиции с турками «помешки никакой не будет», а ее король не имеет ничего против вступления царей в антиосманскую коалицию. Госсекретарь высказал довольно туманные обещания оказать коалиции помощь в случае, если «у христианских монархов против турскаго салтана упадок будет, и <...> христианские монархи просить о помочи будут». Людовику же с царями «в союзе быть никоими меры невозможно», — подытожил госсекретарь[149]. Не удалось посланникам заключить с Францией и торгового договора: Кольбер Круасси отказал под предлогом отсутствия у послов необходимой полномочной грамоты. Единственное, чего удалось добиться С. Алмазову и С. Ипполитову — включения в царский титул, написанный в королевской грамоте, именования «великие государи».

3 июня (24 мая) послы были на «отпуске», а 11 (1) июня выехали из Парижа, направляясь домой через Дюнкерк и далее морским путем через Роттердам и Амстердам в Архангельск, куда они прибыли 2 сентября (23 августа). 8 ноября (29 октября) 1685 г. С. Алмазов и С. Ипполитов возвратились в Москву[150].

Миссия русских дипломатов во Францию не была богата практическими результатами, тем не менее она имеет большое значение для понимания внешней политики России в 1683–1684 гг. В Москве, безусловно, представляли себе всю важность для международных отношений в Европе борьбы Австрии и Франции и, соответственно, для борьбы коалиции христианских держав с Османской империей. Главной целью миссии С. Алмазова и С. Иполлитова было выяснить позицию Франции относительно Священной лиги, т. к. всякое обострение франко-австрийских отношений должно было усложнить положение всех членов коалиции. Решение самим выяснить позицию французского короля, не полагаясь на посредников, свидетельствует, что в 1684 г. в Москве уже серьезно подумывали о присоединении к Лиге.

Важным, но не решающим представляется и еще один мотив направления русского посольства в Париж. По мнению В.В. Голицына, придававшего французской политике в Европе особое значение, посольство к французскому королю должно было повысить престиж России в международных делах, и особенно в глазах предполагаемых союзников по антиосманской борьбе. Едва ли «посольских дел оберегатель» не знал об истинном отношении Людовика XIV к Священной лиге. Поэтому, отправляя посольство ко двору «христианнейшего» короля, Голицын конечно же принимал в расчет, что такой шаг с подозрением будет встречен в Варшаве, Вене и Риме, и не ошибся, о чем свидетельствуют донесения нунция в

Речи Посполитой О. Паллавичини. Это должно было дополнительно подвигнуть державы Священной лиги на привлечение России в свои ряды. Для венского двора и Святого престола это было тем легче, что тяжесть уступок за присоединение Москвы к антиосманской коалиции ложилась на Речь Посполитую. Таким образом, возможности дипломатического маневрирования для Варшавы сужались, вынуждая ее пойти на заключение русско-польского союза в обмен на Вечный мир с сохранением с за Россией территорий, присоединенных в 1667 г.

* * *

В 1682–1685 гг., в период, предшествовавший началу русско-польских переговоров о Вечном мире, внутриполитическая ситуация в России и Речи Посполитой имела некоторые общие черты. В эти годы в России наступила последняя в истории страны эпоха боярского правления. Усилилось влияние на внешнюю и внутреннюю политику боярских группировок. Активную роль играло дворянство, поддержавшее правительство в борьбе с Хованским. В 1684 г. был созван Собор служилых людей, в историографии нередко считающийся последним в истории России Земским собором. Да и в целом «бунташный» XVII век не характеризовался стабильностью — городские и стрелецкие восстания чередовались с выступлениями казаков, а также калмыков и башкир на окраинах государства.

Отмеченные явления могут быть представлены как некоторая аналогия политическим порядкам шляхетской республики с ее посполитым рушением, магнатскими «партиями» и всевластием собравшегося на сейм дворянства. Историк В.К. Никольский, писавший о задуманной боярами в 1681 г. и несостоявшейся реформе по учреждению в России наместничеств, предполагал, что прототипом для нее послужил институт каштелянов и воевод Речи Посполитой[151].

Однако природа внешне схожих явлений в обоих государствах была совершенно различной. В России упомянутое ослабление центральной власти в рамках общего усиления абсолютистских тенденций носило временный характер и было обусловлено придворной конъюнктурой. При этом попытки установления боярского правления не находили поддержки в подавляющей массе дворянства, что и предопределило их неудачу. Внутреннее ослабление Речи Посполитой было итогом длительного и сложного процесса, в основе которого лежало безраздельное господство в Польско-Литовском государстве магнатско-шляхетского сословия.

В первой половине 1680-х гг. перед русским правительством стоял вопрос о выборе главного направления внешней политики. Попытка сблизиться с Данией для борьбы со Швецией оказалась несостоятельной. Не имея надежных союзников, Москва пошла на подтверждение Кардисского мира 1661 г. Русско-польский антагонизм, несмотря на некоторые попытки его обострения (сторонники возобновления противоборства имелись и в правящих кругах России, и в Речи Посполитой), постепенно шел на убыль, чему способствовало и участие Польско-Литовского государства в антиосманской лиге европейских государств. Участие в борьбе с Османской империей открывало перед Россией возможность продвижения к бе-

регам Черного моря, которую, однако, невозможно было реализовать без союзного соглашения с Речью Посполитой.

В то же время внешняя политика России в 1682–1685 гг. характеризуется осторожностью, выжидательной позицией, сочетанием стремления закрепить существующее положение дел с осторожными внешнеполитическими инициативами. Это стремление и отмеченная осторожность предпринимаемых шагов в отношении Священной лиги были обусловлены также продолжавшейся борьбой в русских правящих кругах сторонников сближения и конфронтации с Польско-Литовским государством. Это также исключало возможность вступления в союз без заключения Вечного мира на условиях признания польской стороной границы Андрусовского договора 1667 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Российского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 81–91. О П.И. Прозоровском см. также: *Богословский М.М.* Петр Великий. Материалы для биографии. М., 2005. С. 77.

[2] *Лавров А.С.* Регентство... С. 51.

[3] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 380.

[4] AGAD. AR. Dz. 2. Rps. 1712. S. 4.

[5] *Лавров А.С.* Регентство... С. 86–88; *Возгрин В.Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям XVI–XVIII вв. // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР. Археографический сборник. Л., 1982. С. 155; ***Bushkovitch P.*** Aristocratic Faction And The Opposition To Peter The Great // Forschugen zur osteuropäischen Geschichte. Band 50. Berlin, 1995. P. 86.

[6] *Лавров А.С.* Регентство... С. 89–90.

[7] *Никольский В.К.* Земский собор о Вечном мире с Польшей 1683–1684 гг. // Научные труды индустриально-педагогического института. Серия социально-экономическая. Вып. 2. М., 1928. С. 12.

[8] «...ближнему боярину и наместнику новгородскому князю Василью Васильевичу Голицыну, будучи в ответех окрестных государей с послы и посланники и в ответных письмах и в пересыльных листах войска Запорожского обеих сторон Днепра с гетманом Иваном Самойловичем писаться: царственные большия печати и государственных великих посольских дел оберегателем» (СГГД. Ч. 4. С. 464).

[9] *Лавров А.С.* Регентство... С. 83–84.

[10] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 111. Л. 15–15 об., 65 об., 77–81 об. Царевна участвовала в заседаниях Боярской думы 25 октября (происходило еще в Троице-Сергиевом монастыре), 9 ноября, 1, 16 и 29 декабря, посвященных соответственно обсуждению вопросов о жалованье послам, титулах послов, «поминках» для шведского короля и тексте подтвердительной грамоты (все даты по старому стилю).

[11] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 319.

[12] Там же. С. 368.

[13] *Костомаров Н.И.* Руина. М., 1995. С. 374.

[14] AGAD. AR. Dz. 2. Rps. 1712. S. 2.

[15] *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 101, 102; *Новохатко О.В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2001. С. 142–143, 243; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. М., 1991. С. 87, 89–90, 100–101, 105, 110, 114, 133, 137, 389; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 11. Л. 1–3, 9–11, 269, 317.

[16] Бутурлины // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 321; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 224, 301.

[17] *Буганов В.И.* Канцлер предпетровской поры // ВИ. 1971. № 10; *Богданов А.П.* Василий Васильевич Голицын // Око всей Великой России. М., 1989; *Его же.* Канцлер и генералиссимус В. Голицын // Перекрестки эпох. Социокультурное время. Вып. 1. М., 1997. С. 257–288; *Лавров А.С.* В.В. Голицын // ВИ. 1998. № 5.

[18] *Артамонов В.А.* Позиции гетманской власти и России на Украине в конце XVII — начале XVIII в. // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 89.

[19] *Никольский В.К.* Земский собор... С. 13.

[20] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 174–177, 418–424; *Панченко А.М.* Русская культура в канун Петровских реформ // *Его же.* Русская история и культура. Работы разных лет. СПб., 1999. С. 223. *Никольский В.К.* «Боярская попытка» 1681 г. // Исторические известия. 1917. № 2. С. 74–77.

[21] *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997.

[22] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 422; *Лавров А.С.* В.В. Голицын... С. 69.

[23] «Zdanie sprawy przed królem Janem III z poselstwa do Moskwy, zaczętego w roku 1685, a skończonego dnia trzeciego maja 1686 prez Krzysztofa Grzymułtowskiego, wojewodę poznańskiego» // ŹDP. T. 2. S. 7; *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie o «pokoj wieczysty» w Moskwie w roku 1686 // Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Warszawa, 1994. S. 41.

[24] BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 58.

[25] *Лавров А.С.* Регентство... С. 84, 95, 99; *Его же.* В.В. Голицын... С. 62.

[26] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 10. Л. 77.

[27] *Королюк В.Д., Рогов А.И.* Битва под Веной в 1683 г. и русско-польские отношения // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 192.

[28] *Лавров А.С.* Регентство... С. 181–182.

[29] Там же. С. 85.

[30] Цит. по: *Никольский В.К.* Земский собор... С. 14.

[31] *Bushkovitch P.* Op. cit. P. 85.

[32] СГГД. Ч. 4. С. 482–484.

[33] *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 89.

[34] Там же. С. 121.

[35] *Никольский В.К.* Земский собор... С. 17–19.

[36] *Лавров А.С.* Регентство... С. 130, 137; ПСЗ. Т. 2. С. 578.

[37] Записки Петра Ивановича Гордона // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 98–102.

[38] *Возгрин В.Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям... С. 152–153; *Форстен Г.[В.]* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в. // ЖМНП. Ч. 356. 1904. Ноябрь. С. 67; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Швецией и Данией в

царствование Федора Алексеевича. Б. м., б. д. [Оттиск из журнала «Русский вестник».]. С. 28–36.

[39] *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции во второй половине XVII в. (1648–1700) // ЖМНП. Ч. 322. 1899. Июнь. С. 333–338.

[40] Я. Гнинский — С. Проскому. 20 января [1682 г.]. «z Grodka» — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 103–112.

[41] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. С. 75.

[42] Там же. С. 377–378; *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции... // ЖМНП. Ч. 322. 1899. Июнь. С. 280–284.

[43] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 116. Л. 217–222 об.; *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции... // ЖМНП. Ч. 322. 1899. Июнь. С. 312–321; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Швецией и Данией... С. 3–19; *Белов М.Н.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 64.

[44] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 5. Л. 61–64.

[45] Там же. Л. 64–65.

[46] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 111. Л. 6 об.–7.

[47] Там же. Л. 148 об.–151 об., 207 об.–211, 215–219.

[48] Там же. Л. 300–306, 310 об.–316, 322 об.

[49] Там же. Л. 189, 342, 358–358 об.; Там же. Д. 112. Л. 10 об.–11, 71–76 об.

[50] Там же. Д. 111. Л. 363–367 об.

[51] Там же. Л. 189 об.–191.

[52] Там же. Л. 191 об.–203; Там же. Д. 112. Л. 87 об.–92.

[53] *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции... // ЖМНП. Ч. 322. 1899. Июнь. С. 289–290, 300–305.

[54] *Белов М.Н.* Россия и Голландия... С. 79–80.

[55] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 111. Л. 363–367 об.; Там же. Д. 112. Л. 87 об.–92, 100 об.–102 об.

[56] Послы — царям. 16 октября 1683 г. Стокгольм — Там же. Д. 111. Л. 368–381 об.; Там же. Д. 112. Л. 117, 138–138 об., 148–162 об., 166–186 об., 192 об.–217 об., 221–222 об.

[57] Там же. Д. 112. Л. 223–226 об., 239 об.–309.

[58] Там же. Л. 310 об.–314 об., 316 об., 319–338 об., 340–368.

[59] Послы — царям. 18 ноября 1683 г. Колывань — Там же. Д. 111. Л. 396; Там же. Д. 112. Л. 368–386 об.

[60] Там же. Д. 111. Л. 397, 400; Там же. Д. 112. Л. 100 об.–102 об., 113–114 об.

[61] М. Огинский — Б. Сапеге. 28 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 375–376.

[62] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 111. Л. 397, 402.

[63] Там же. Л. 413 об.

[64] Там же. Л. 414 об.–418.

[65] Там же. Д. 116. Л. 37, 40–44.

[66] Там же. Л. 146 об.–147, 186–198 об.

[67] Там же. Л. 194–227.

[68] *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции... // ЖМНП. Ч. 325. 1899. Сентябрь. С. 50–51.

[69] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 116. Л. 314, 330–330 об., 369–381 об.

[70] Там же. Л. 400 об.–440; *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции... // ЖМНП. Ч. 325. 1899. Сентябрь. С. 51–53; *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 118–121.

[71] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 116. Л. 466–466 об.

[72] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 116. Л. 538–556 об., 572 об.–591; *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции... // ЖМНП. Ч. 325. 1899. Сентябрь. С. 53–54; *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. С. 121–124. Об экономических аспектах русско-шведских переговоров 1684 г. см.: Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М., 1960. С. 443–447; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. М.; Стокгольм, 1978. С. 154–159.

[73] *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции... // ЖМНП. Ч. 325. 1899. Сентябрь. С. 63–65.

[74] *Форстен Г.[В.]* Датские дипломаты... С. 71–83. См. также: *Лавров А.С.* В.В. Голицын... С. 67.

[75] К. Гжимултовский — Б. Сапеге. 11 января 1684 г. Постскриптум от 13 января. Кадино // Listy z czasów... S. 19.

[76] Тот же — тому же. 17 февраля 1684 г. Кадино // Ibid. S. 25.

[77] Тот же — тому же. Постскриптум к письму от 14 января 1684 г. Кадино // ŹDP. T. 2. S. 361.

[78] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 217. Л. 123 об. и след.; ПДС. Т. 6. Стб. 929–930.

[79] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. С. 525–527; *Чарыков О.В.* Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. 1637–1694. СПб., 1906; *Шмурло Е.* К истории сношений московских государей с римскими папами. Целование папской туфли // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909.

[80] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 217. Л. 161 об.–195; ПДС. Т. 6. Стб. 930–933.

[81] ПДС. Т. 6. Стб. 266–290.

[82] К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 9 мая [неверно, должен быть март] 1684 г. — BN. BOZ. Rps. 933. K. 132v.–133.

[83] Предположения эти познанский воевода высказал в письме к Яну Собескому от 14 апреля. См..: BO. Rps. 3001/I. TŁ. S. 12.

[84] ПДС. Т. 6. Стб. 486–539, 566–567.

[85] Там же. Стб. 550–570, 603.

[86] Там же. Стб. 615.

[87] Там же. Стб. 591–616, 627, 681.

[88] Там же. Стб. 595.

[89] Там же. Стб. 619–634.

[90] Там же. Стб. 665–677, 755–764, 786–798.

[91] С. Блюмберг — фон Граму, служилому иноземцу. 19 (9) июля 1684 г. Вязьма // Там же. С. 773–774.

[92] Там же. Стб. 933–937.

[93] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 19–37; ПДС. Т. 6. Стб. 865–867.

[94] BPANKr. Rps. 8435. TRz. T. 95. S. 82.

[95] ПДС. Т. 6. Стб. 893–907.

[96] Там же. Стб. 966–970.

[97] Там же. Стб. 973.

[98] Там же. Стб. 919–920.

[99] BPANKr. Rps. 8436. TRz. T. 96. S. 30.

[100] ПДС. Т. 6. Стб. 922–959, 986–990. Грамоту царей папе, изготовленную, но не отправленную, см.: РГАДА. Ф. 78. Оп. 2. Д. 6.

[101] И. Жировский — В.В. Голицыну. 2 октября 1685 г. Львов // ПДС. Т. 6. Стб. 974–976.

[102] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 216–217.

[103] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1683 г. Д. 7, 11.

[104] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 364.

[105] *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 15–25; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 368–373; См. также: *Костомаров Н.И.* Руина... С. 374–376. Историк датирует приезд Е.И. Украинцева концом октября.

[106] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 219. Л. 202 об., 245.

[107] Там же. Л. 324.

[108] *Кобзарева Е.А.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 87.

[109] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1946. С. 166–167; *Костомаров Н.И.* Руина... С. 366–368; С. Проский, польский резидент в Стамбуле, сообщал (письмо от 12 апреля 1681 г.), что «tam gdzie przed dwiema laty Turcy zamki nad Dnieprem budowali sieła nader Turków osadza się» (AGAD. AR. Dz. 2. Rps. 1702. S. 2).

[110] Список с статейного списка великаго государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова <...> // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850. С. 619, 621.

[111] *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 168.

[112] BCz. TN. Rps. 179. S. 346–347.

[113] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 5. Л. 67.

[114] *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 168–169.

[115] *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // ИЗ. Т. 33. М., 1950. С. 160.

[116] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 70. Л. 2–189; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 379. Ср.: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. СПб., 1887. С. 601.

[117] *Бабушкина Г.К.* Указ. соч. С. 159; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 378; *Костомаров Н.И.* Руина... С. 369.

[118] *Глаголев В.П.* Движение на Дону и Юге России весной 1682 года // Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института. Т. 1. М., 1958. С. 123–126; *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 214–216; СГГД. Ч. 4. С. 471.

[119] *Глаголев В.П.* Указ. соч. С. 121, 141.

[120] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Д. 10. Л. 175–176.

[121] ПДС. Т. 6. Стб. 610.

[122] См., напр.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 26–27.

[123] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 26–27, 50–57 об.; АИВД. Т. 1. С. 127, 138–139. См. также: *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 605.

[124] *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 14.

[125] ДАИ. Т. 12. С. 290–291; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 258 об.–260.

[126] АИВД. Т. 1. С. 143; ДАИ. Т. 11. С. 253–256.

[127] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 71 об.–73 об., 79–81.

[128] Там же. Л. 19 об.–26, 27–33 об.

[129] АЗР. Т. 5. С. 166–168, 172–173, 179–180, 182–184, 185.

[130] Там же. С. 174–175, 177.

[131] Там же. С. 166–168.

[132] Там же. С. 178–179. О борьбе гетмана с переселением на Правый берег см.: *Костомаров Н.И.* Руина... С. 371–372.

[133] ДАИ. Т. 11. С. 164.

[134] Там же. С. 212–213. См. также: *Бабушкина Г.К.* Указ. соч. С. 160.

[135] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 61–79. См. также: *Соловьев С.М.* Кн. 7. С. 376.

[136] Там же. Л. 79–81.

[137] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 376–378; Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышом-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. 1. М., 1858. С. 285–287. См. также: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 1–8.

[138] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 27–33 об.

[139] По этому поводу см.: *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. М., 2001. С. 238–239.

[140] *Загоровский В.П.* Указ. соч. С. 218–223.

[141] *Безобразов П.В.* О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 24–29; *Грачев В.Ф.* Франко-русские отношения во второй половине XVII в. // Ученые записки Шуйского государственного педагогического института. Вып. 8. Шуя, 1959. С. 168–171.

[142] РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

[143] Там же. Д. 10. Л. 85–125 об.

[144] Там же. Ф. 124. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2.

[145] Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 10. Л. 134–135.

[146] Там же. Д. 11. Л. 1–8 об.

[147] BPANKr. Rps. 8436. TRz. T. 96. S. 20.

[148] РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 11. Л. 8 об.–18.

[149] Там же. Л. 21–42.

[150] Там же. Л. 42 об.–53 об.

[151] *Никольский В.К.* «Боярская попытка» 1681 г. ...

Глава 6

Русско-польские переговоры в Москве. Заключение Вечного мира 1686 г.

I. 24 августа 1685 г. на раде сената был официально утвержден состав посольства Речи Посполитой в Россию. В него должны были войти 2 делегата от сената и 3 — от «рыцарского стана» (по одному — от Великой и Малой Польши и от Литвы). Послам полагалось на расходы: сенаторам — по 40 тыс. злотых, остальным — по 20 тыс., секретарю посольства — 12 тыс. злотых. Персонально членов посольства предстояло назначить королю[1]. К сентябрю посольство, видимо, было в основном сформировано. От сената были назначены познанский воевода К. Гжимултовский и канцер литовский М. Огинский, представлявшие Корону и Литву. От «кола рыцарского» — коронный подстолий Александр Пшиемский, конюший литовский Франчишек Сапега, а также один из подольских выгнанцев — Александр Ян Потоцкий, каштелянич каменецкий, который, как отмечал Ян Собеский, происходит «z domu Sołtykow na tamtym dworze szczyczącego się»*. Польский король был осведомлен о свойстве Потоцкого с царем Иваном Алексеевичем, женившимся в 1684 г. на Прасковье Салтыковой. Александр Ян Потоцкий был вторым сыном Павла Потоцкого (ум. ок. 1675 г.) — каштеляна каменецкого (1674 г.), во время русско-польской войны попавшего в плен и в 1661 г. женившегося вторым браком на Элеоноре (Елене?) Салтыковой (ум. 1691 г.)[2]. Первоначально, видимо, планировалось участие в посольстве также Станислава Антония Щуки — регента коронной канцелярии, одного из ближайших сподвижников Яна Собеского[3]. Личная заинтересованность шефа королевской канцелярии в поездке в Москву объяснялась также желанием получить от России деньги за утраченные поместья в Смоленском воеводстве и надеждой на возвращение Рыловицкого имения в Речицком повете, захваченном украинскими казаками. Однако назначение это не состоялось по неизвестным причинам. Стоит отметить, что все члены польско-литовского посольства наперебой уверяли регента в готовности отстаивать его интересы в Москве. Это лишний раз подтверждает важную роль Щуки при королевском дворе, особенно что касалось раздачи вакантных должностей и крулевщин[4]. Секретарем

---

* «из дома Салтыковых, при том дворе знатного».

посольства должен был стать Миколай Огинский, литовский мечник[5], однако в итоге посольство отправилось в путь без секретаря. Не был «случайным» человеком в посольстве и А. Пшиемский. Коронный подстолий был женат на Софье Корвиновне Госевской, дочери литовского польного гетмана Вицентия Корвина Госевского, павшего от рук своих собственных солдат в 1662 г. Другая дочь польного гетмана — Тереза, была женой Юзефа Богуслава Слушки, ставшего польным гетманом ВКЛ в 1685 г.[6]. Тереза и Софья были наследницами имений В.К. Госевского в Литве, в т. ч. и земель, расположенных на территории бывшего Смоленского воеводства, доставшихся тому, в свою очередь, от отца, известного своим участием в русской Смуте, — Александра Госевского, смоленского воеводы. Сам Пшиемский, остро нуждавшийся в деньгах*, рассчитывал на часть компенсационных выплат, которые польско-литовское посольство надеялось добиться от России. После заключения Вечного мира А. Пшиемский в одном из писем С.А. Щуке сожалел об утрате «больших владений» своей жены[7].

В Москве не без основания полагали, что после завершившегося в мае 1685 г. сейма польско-литовское посольство для переговоров о Вечном мире и антиосманском союзе будет направлено в Россию, и готовились к его приезду. В начале августа 1685 г. царским указом Н.М. Краевскому велено было «проведывать всякими мерами подлинно о послех королевского величества», назначены ли они, с какими полномочиями и т. д. Уже в начале сентября А. Константинович сообщил о составе посольства[8]. По его расчетам, послы должны были прибыть на русско-литовскую границу к середине октября (н. ст.)[9].

После уведомления Я. Зембоцким о готовности России принять послов Речи Посполитой Ян Собеский где-то в начале сентября сообщил об этом послам, требуя скорейшего выезда. К. Гжимултовский, получив 28 сентября королевское письмо, 18 октября отправился из дома и к концу месяца уже находился в Варшаве. Решив не тратить время на бесполезное ожидание выделения денег на посольство из казны Речи Посполитой, он тронулся дальше, держа путь в Жолкву, где в то время находился король, а обозы направив в Литву. Получив от Собеского лично «очень важные предостережения» и деньги на миссию из собственных средств короля, 17 ноября познанский воевода выехал к российской границе[10].

Отправка посольства в целом, однако, задерживалась из-за коронного подскарбия Мартина Замойского, не выдававшего послам денег, которых якобы не было в казне. Более двух месяцев, с сентября по ноябрь, польский король добивал-

---

* В 1680 г. он заложил литовскому мечнику Шимону Каролю Огинскому за 3 тыс. злотых (currenti monetae) деревню Лоси Порецкого имения, полученную им в качестве приданого за женой и возвращенную во владение Пшиемских в результате урегулирования русско-польского пограничного спора (РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Д. 141. Л. 83–83 об.). Накануне выезда в Москву А. Пшиемский, не получив полагавшихся ему как послу денег, не имел даже на что нанять свиту. Занять необходимые на это 2 тыс. злотых в Варшаве ему не удалось даже у купцов, в связи с чем коронный подстолий просил С.А. Щуку посодействовать в получении денег у Яна Собеского (А.Пшиемский — С.А. Щуке. 8 ноября 1685 г. Варшава — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 11. S. 537–538).

ся от подскарбия выделения средств на посольство. Ян Собеский понимал необходимость скорейшего отъезда послов в Россию. «Wiesz dobrze <...>, — писал король подскарбию в письме от 1 ноября, — jakie momenta rerum zawisły nietylko naszej ojczyzny, ale całego chrześciaństwa na prędkiej legacji do stolice moskiewskiej, która że dotąd jeszcze przytrzymuje się dla ociętości w skarbie»* [11]. Если послы могли выехать в Россию и без получения казенных средств, используя личные, королевские либо взятые в долг деньги (что в итоге и произошло), то без официальных даров царям от короля, королевы и королевича Якуба посольство тронуться в путь не могло. Однако даже к началу ноября М. Огинский, которому Ян III поручил принять дары у подскарбия, уже закупленные тем на 17 тыс. талеров, так ничего и не получил, несмотря на неоднократные просьбы его и короля к М. Замойскому прислать их литовскому канцлеру как можно скорее [12].

Прибытию польско-литовского посольства в Москву предшествовали интенсивные консультации Посольского приказа с канцлером М. Огинским через А. Константиновича, Н. Краевского и других доверенных лиц. 23 (13) ноября в Кадино приезжал переводчик смоленской приказной избы Иван Кулбацкий «проведывать» о времени прибытия послов Речи Посполитой на границу. В ходе встречи с ним Константинович раскрыл Кулбацкому цели и задачи посольства. «Королевское величество и Речь Посполитая, — сообщал смоленский воевода Б.В. Бутурлин в Москву, — на сейме тайным обычаем постановили чрез сих великих послов *учинить с вами, великими государи, вечной мир на том, что ныне есть завоеванного под вашею великих государей высокою рукою* (курсив мой. — *К. К.*) и прошать (так! — *К. К.*) у вас великих государей милости и помочи на неприятеля». Сообщил Константинович и причины такой уступчивости: «...ныне де зело войско корунное и литовское обнуждало и поистомилось», и поэтому Речи Посполитой необходима военная помощь [13]. Получив информацию о готовности польско-литовской стороны признать за Россией требуемые ею земли и о ее военной слабости, в Москве не намеревались идти на какие-нибудь уступки в ходе переговоров. «Wszystkie contenta instrukcyi wprzod, niżeliśmy do Andruszowa i niż na stolice przyjechali, mieli Moskwa i palam nam powiadali, że instrukcję waszą mamy» **, — возмущался по этому поводу Гжимултовский, выступая на раде сената в декабре 1686 г. [14].

Таким образом, в Посольском приказе стало известно содержание польской инструкции уже к началу ноября, когда польско-литовские послы собирались в путь. Текст ее, к сожалению, пока не обнаружен в архивах. Польские послы К. Гжимултовский и А. Пшиемский отмечали, что «новая» инструкция «слово в слово» совпадала с той, которая использовалась на Андрусовских переговорах 1684 г. Согласно ей, на все уступки России каких-то территорий послы должны были обяза-

---

* «Знаешь хорошо, вельможность ваша, какое значение имеет не только для нашего отечества, но и для всего христианства быстрое [отправление] посольства в московскую столицу, которое до сих пор еще задерживается из-за скудости казны».

** «Обо все пунктах нашей инструкции знали русские еще до нашего приезда и потом открыто заявляли, что инструкция ваша нам известна».

тельно получить санкцию короля. Гжимултовский сетовал, что необходимость дожидаться указаний Собеского сильно замедлит переговоры, и выражал опасение, что они окончатся с тем же результатом, что и Андрусовская комиссия 1684 г. Он просил Собеского, чтобы Щука переслал польско-литовским дипломатам соответствующее королевское послание, предупреждая, что в противном случае завершить переговоры в марте, как этого требовал королевский двор, не удастся[15]. Еще готовясь к отъезду из Варшавы в Жолкву, где пребывал двор, Гжимултовский через регента коронной канцелярии просил короля собрать к его приезду сенат, который мог бы утвердить позицию Речи Посполитой по территориальному вопросу, что предписывалось и инструкцией[16]. Однако сделано этого не было. Понимал необходимость четкой позиции двора по этому поводу и М. Огинский, который на пути в Москву, из Вязьмы, просил короля о как можно скорейшем направлении послам «окончательных» указаний[17].

Инструкция для переговоров в Москве была утверждена депутацией сейма 1685 г., которая лишь «переутвердила» текст инструкции 1681 г. Многие магнаты — К. Гжимултовский, подканцлер М.К. Радзеевский, коронный маршал С.Г. Любомирский и др., — как и в 1681 г., уклонились от ее подписания и участия в подготовке документа. Были и магнаты, что подписали инструкцию[18], однако из всех депутатов, участвовавших в ее составлении и поставивших на ней свои подписи, можно назвать только С.А. Щуку[19]. «Trzy instrukcie pisano, jedną w Grodnie, którą ja podpisałem, bo nie była Rzptej praeiudiciosa, drugą do Andruszowa, która oddać Moskwie wszystko rozkazała, trzecia teraz do Moskwy, takaż jako i wtora, których obudwu nie podpisałem» *, — подводил позднее итог Гжимултовский. В последней инструкции, по его словам, декларировалось, что поскольку возможность заключения выгодного мира с Портой зависит целиком и полностью от союза с московскими царями, а последний не может быть без Вечного мира, то необходимо заключить оный, признав за русскими земли, которыми они обладают по Андрусовскому перемирию. Делать это следовало в ходе переговоров не сразу, а постепенно. Впрочем, и больше послы уступать не могли — Запорожье предписывалось сохранить под совместной русско-польской властью[20].

На основе многих, хотя и отрывочных свидетельств польских документов складывается впечатление, что никто — ни магнаты, ни королевский двор — не хотели брать на себя ответственность за непопулярное решение — отказ «на вечно» от уступленных России в 1667 г. земель. Собеский медлил и всячески избегал давать послам указания по этому вопросу, ограничиваясь общими фразами о необходимости союза «любой ценой», последние же настойчиво требовали от короля ясных и очевидных инструкций. Впрочем, в действиях двора был и более конкретный политический расчет. Король хотел оставить себе пространство для маневра, возможность отказаться соблюдать договор в будущем. Уже после его заключения

* «Три инструкции было написано, одна в Гродно, которую я подписал, поскольку она не несла Речи Посполитой ущерба, вторая — для Андрусова, которая предписывала все отдать Москве, и третья — теперь — в Москву, такая же как и вторая, которые обе я не подписал».

Собеский не скрывал недовольства условиями Вечного мира и выражал готовность пересмотреть их, демонстрируя тем самым шляхте и магнатам, что договор не отвечает его пожеланиям. Однако М. Огинский и К. Гжимултовский — главные творцы договора с польско-литовской стороны — настаивали, что Вечный мир заключен в полном соответствии с данными им указаниями [21].

Еще одним пунктом инструкции, который вызвал множество разногласий у магнатов, причастных к ведению переговоров с Россией, был пункт о русских денежных компенсациях за утраченные шляхтой имения. Гжимултовский — наверное, единственный из всех послов, в этом лично не заинтересованный, — во время переутверждения инструкции требовал, чтобы в нее сразу были вписаны претенденты на русские деньги, оправдываясь необходимостью сразу очертить их круг и тем самым исключить претензии не попавших в «перечень» выгнанцев, которых, как считал он, объявилось бы немало. Однако другие члены делегации сейма 1685 г. по составлению инструкции, претендовавшие на компенсации, в частности С.А. Щука и М. Огинский, воспротивились этому, понимая, что их упоминание в ее тексте может повлечь за собой обвинения со стороны обделенных деньгами и просто политических противников в использовании Республики для решения своих «приватных» дел. На их сторону встал и король. В итоге в инструкции было оставлено пустое «окошко» для претендентов на денежные компенсации. Не была вписана и сама сумма, на которую претендовала Речь Посполитая, что, по свидетельству Гжимултовского, было единственным отличием инструкции 1685 г. от инструкции 1681 г. Познанский воевода отказался подписать такую инструкцию, однако впоследствии пошел на компромисс, согласившись отстаивать интересы С.А. Щуки, М. Огинского, «наследников» гетмана В.К. Госевского (т. е. А. Пшиемского и Ю.Б. Слушки) и католической церкви Киевского воеводства (киевским епископом был в то время А. Залуский). Большинство из перечисленных выше лиц считались сторонниками двора [22]. В инструкции констатировалось, что после того, как в ходе переговоров польско-литовские послы уже пойдут на все предусмотренные ей территориальные уступки, им следует упорно «выторговывать» такую «значительную» сумму, какую только удастся. Дипломаты Речи Посполитой должны были обратить внимание своих русских коллег, что если шляхта-выгнанцы не получат достаточных компенсаций за утраченные имения, то они не позволят ратифицировать договор на сейме и даже вообще сорвут его [23].

Хотя К. Гжимултовский и считался официальным главой посольства, однако, выезжая к русской границе, новой инструкции при себе не имел. Это лишний раз свидетельствует, что двор не вполне доверял познанскому воеводе, делая ставку на литовского канцлера, которому Собеский поручил принять подарки от королевской семьи, предназначенные для царей, и ему, а не Гжимултовскому — главе посольства, выслав необходимые instrumentum legationis, т. е. полномочные грамоты и инструкцию [24].

Через Краевского и Константиновича русская и литовская стороны пытались согласовать еще два вопроса — количество послов и их размещение в Москве. Посольский приказ требовал, чтобы послов было не более трех (именно такое коли-

чество было оговорено Андрусовским договором 1667 г.). Константинович настаивал, что количество послов изменить невозможно — оно утверждено на секретной раде сената, да и «переделыват де того посолства неколи». Но была и еще одна причина такого многочисленного посольства. Делалось это, как отмечалось в донесении в Москву Н. Краевского, «смотря де за канцлером Огинским, *потому что де он преж сего был во благочестивой вере, и к вашей, великих государей, стороне склонен* (курсив мой. — *К. К.*)». С количеством послов в Москве в конце концов согласились. Под предлогом такой большой численности посольства Огинский через Константиновича добивался от царского правительства размещения в Москве коронной и литовской частей посольств по отдельности. Литовский канцлер доказывал, что шести послам на одном дворе не разместиться[25]. С этой целью он даже лично написал В.В. Голицыну в ноябре 1685 г.[26].

В сентябре 1685 г. из Жолквы с официальным объявлением о посольстве в Москву выехал королевский гонец Томаш Адам Вилковский. 12 (2) декабря он прибыл в Смоленск, а 2 января (23 декабря) имел аудиенцию у царей в Москве[27]. В привезенной Вилковским грамоте основное внимание уделялось Посожскому конфликту, о посольстве заявлялось в заключительной части документа. Собеский считал, что захватом Засожья Россия нарушила условия Андрусовского перемирия, заявлял о недопустимости отнесения этой проблемы к компетенции межевых судей, считая, что это дело великих и полномочных послов. Особенное недовольство польского монарха вызвало то, что цари «людей северских несколко человек к судьям порубежным придать указали». Он категорически настаивал, чтобы и в будущем «северские люди» не участвовали в решении пограничных дел[28]. Грамота Яна Собеского указывала на значение для русско-польских отношений Посожского конфликта, который в известной мере повлиял на окончательное решение польского двора направить посольство в Москву.

В ответной грамоте, врученной Т. Вилковскому 7 января (28 декабря), цари выражали недоумение по поводу протеста польского двора в отношении участия украинских представителей в межевом съезде: «...а то нам великим государем <...> зело удивительно, что ваше королевское величество бытие наших царского величества подданных малороссийских жителей при разводе на рубеже ставите тягостно». Царское правительство заявляло, что украинцы будут «и впред с нашими <...> межевыми судьи и комиссары съезжатись, и заходящие порубежные трудности успокоивать <...> для того, что тех <...> малороссийских жителей как городы, так и местечка граничат вашего королевского величества государств с землями и городами». При этом отмечалось, что в Андрусовском и других последующих договорах нет статей, запрещающих малороссиянам участвовать в пограничном межевании. В остальном Москва придерживалась в Посожском конфликте линии, выработанной в ходе переговоров с Яном Зембоцким летом 1685 г. В царской грамоте заявлялось о готовности принять великих послов[29].

Местом сбора послов было определено пограничное с. Кадино, откуда они должны были выехать в Смоленск. Еще до Рождества К. Гжимултовский приехал в расположенное неподалеку от города на литовской стороне с. Горки, вскоре туда

же прибыл А. Пшиемский. А. Потоцкий был задержан послом от Литвы Ф. Сапегой, который в последний момент отказался от участия в посольстве, объясняя это необходимостью своего присутствия в войске в связи с будущей военной кампанией[30]. М. Огинский также опаздывал, оправдываясь ссылками то на свадьбу племянника, то на необходимость дождаться назначения нового члена посольства от Литвы[31], то на отсутствие сукна для обмундирования сопровождавших его рейтар и покоевых, которое якобы не привезли из Риги. Только 23 января 1686 г. М. Огинский прибыл в Кадино[32].

Познанский воевода упрекал литовского канцлера, что, задерживая посольство, тот из пустого тщеславия, не достойного обладателя канцлерской печати, был готов принести в жертву успех переговоров[33]. Он настаивал, что отказ Ф. Сапеги не может являться препятствием к выезду в Москву, так же как неприбытие многих польских и литовских комиссаров в Андрусово не помешало ведению переговоров с Россией в 1684 г.[34]. Однако М. Огинский думал иначе. 1 февраля (22 января) русское правительство заслушало письмо Н. Краевского, подробно сообщавшего обо всех передвижениях послов. Он писал, что М. Огинский 19 (9) января находился еще в Могилеве, хотя планировал к этому дню быть уже в Кадино, остальные послы ожидают его прибытия в Горках, «а ис Кадина к Смоленску в дорогу подниматца хотели спустя неделю, когда придет к ним ведомость от короля, тем ли быть людем или ожидать присланного вместо Сапеги, а Сапега дважды отказывал королю, что ему не ехать для своих прихотей. Да и канцлер також опинается и писал х королю о том, что по приговору сеймовому сполна все послы были, чтоб после посолства не на нем на одном медведя кололи»[35].

А. Пшиемский прямо заявлял, что по вине литвинов Порта успеет договориться с Москвой раньше Варшавы: «Zpóźniony naszej negocyacjej czas przez Ichmciów Panów Litewskich, żeby nie dać okazjej Turkom do uprzedzenia nas obawiać się trzeba, a ztąd in publicum wielka szkoda, a nam wielka krzywda, że ichmscie bliżsi granic moskiewskich i swoje tu majętności do wygody mając późniejsi zawsze do uslugi Rzeczypospolitej»*[36]. К. Гжимултовского приводило в раздражение, что русская сторона, в частности смоленский воевода, была информирована о передвижениях канцлера лучше, нежели он сам. Лейтмотивом написанных в январе писем воеводы познанского было утверждение, что опоздание посольства вызовет вполне понятный отказ Москвы от организации в текущем году военной кампании, к которой в России просто не успеют подготовиться, и даст ей время на переговоры с турками. Поэтому Гжимултовский рекомендовал Собескому «не лишать» турок надежды на заключение мира. Он также напоминал королю, что, по информации, полученной от крымского хана, некто из христианских государей (возможно, в виду имелся французский либо датский король), недружественный Речи Поспо-

* «Опоздания миссии нашей из-за господ литовских, что может дать возможность туркам опередить нас, опасаться нужно, а отсюда для общества большой вред, а нам большая обида, поскольку господа, [живущие] ближе всех у московских границ, последние всегда для услуг Речи Посполитой».

литой, намерен привлечь Россию на свою сторону и тем самым сорвать заключение русско-польского союза[37]. Опасения Гжимултовского касательно позднего прибытия посольства в Москву впоследствии полностью оправдались.

Тем не менее русские источники свидетельствуют, что в Посольском приказе начали готовиться к приему польско-литовской делегации уже с конца октября, после получения информации от Краевского и Константиновича[38], что исключает наличие какого-то сговора между М. Огинским и Посольским приказом с целью задержать отправку посольства. Сам факт опоздания посольства более чем на три месяца впоследствии сыграл важную роль в русско-польских дипломатических спорах. И польский король, и глава миссии К. Гжимултовский отдавали себе отчет, что чем раньше будет заключен договор, тем больше шансов, что Россия примет участие в кампании 1686 г. Не могли не понимать этого и противники двора, которые намеренно могли задержать отъезд посольства. В пользу такого предположения говорит и переход после 1686 г. в стан оппозиции коронного подскарбия М. Замойского[39]. Согласованно с ним действовали и Сапеги, когда назначенный послом Франчишек Сапега до последнего момента оттягивал свой выезд, а затем заявил, что никуда не едет. Только в конце ноября он и подскарбий Бенедикт Сапега выслали письма с соответствующими заявлениями Яну Собескому. Узнав об этом уже в разгар декабря, король немедленно направил Ф. Сапеге послание с призывом не отказываться от участия в посольстве и не оправдываться необходимостью вовремя явиться в войско для участия в военной кампании 1686 г. Ответом было молчание — до 23 января Собеский не получил от Сапег никакого ответа, лишь литовский канцлер сообщил королю, что отказ Франчишка Сапеги ехать в Москву — окончательный[40].

Уже прибыв в Смоленск, М. Огинский заявил через пристава Б.В. Бутурлина, что Сапега «назначен и послан в послы с ними и в дороге де им будучим дважды манил, первое сказал, что с ними в посолство поедет, а х королевскому величеству послал, что не имеет себе времени ехать, а после де того им отказал, что де он в посолство с ними не поедет»[41]. Двор пытался милостями склонить строптивого магната к участию в миссии. По сообщению Н. Краевского, Ян Собеский, чтобы побудить литовского конюшего выехать в Москву, выслал ему «привилей» на витебское воеводство, ставшее вакантным после смерти Я.А. Храповицкого[42], но и это ни к чему не привело. Литовский канцлер не мог не считаться в своих действиях с «хозяевами» Литвы и, видимо, согласовывал с ними назначение нового члена посольства взамен Ф. Сапеги. Однако все же он был настроен гораздо оптимистичней познанского воеводы. «Nie spodziewamy się długo w stolicy bawić, kiedy nam prędko obiecują expedycją» *, — писал он С.А. Щуке из Вязьмы 11 февраля[43].

А. Константинович, находясь в Кадино, поддерживал постоянный контакт с Н. Краевским, сообщая о делах посольства[44]. В вестовых письмах, присланных последним в Посольский приказ, сообщалось о распрях между папским нунцием

* «Надеемся недолго в столице находиться, поскольку обещают нам быстрое совершение [дел]».

О. Паллавичини и Яном III. Нунций долго не хотел выделить обещанные на деньги кавалерии и выделил их только после того, как польский король «обещатися понудился листом в королевском слове, что войско в середину государства (Речи Посполитой? — *К. К.*) не пойдет и что самою весною станет в обозе, ибо никоими мерами (нунций. — *К. К.*) удоволствоватися не хотел». Также в письмах сообщалось о концентрации турецких войск в Яссах, о появлении татарских «загонов» в Подолии и о намерении каменецкого паши направить новые, более многочисленные татарские отряды для разорения окрестностей Каменца (что должно было затруднить ведение полякам будущей военной кампании), об очередном обострении французско-австрийских отношений[45]. Полученная Посольским приказом информация (письма «чтены» царям, царевне и боярам 25 (15) января[46]) о политических и военных трудностях польского короля должна была укрепить русских дипломатов в намерении более твердо отстаивать свои позиции.

Только 25 января М. Огинский согласился выехать в Россию[47], на чем все время упорно настаивал К. Гжимултовский, грозя, что, если решение об отъезде в Москву не будет принято до 1 февраля, он возвратится в Польшу[48]. Кроме того, в ночь с 25 на 26 января послы по почте получили распоряжение короля, не откладывая, ехать в Россию, при условии что член посольства от Литвы будет вскоре им назначен[49]. Тем самым наиболее весомый предлог, который М. Огинский использовал, чтобы отложить выезд, был устранен. 29 (19) января на границу для сопровождения посольства смоленский воевода Б.В. Бутурлин выслал стольника и полковника Никифора Мельгунова, который 1 февраля (22 января) встретил послов в деревне Гришино[50] и должен был сопровождать их до Москвы. Однако, как доносил Б.В. Бутурлин, канцлер и в Смоленск ехал «мешкотно <...> для того, что жена ево при нем была, и везде по станом стоял <...>, да и ожидал де Леона Сапегу*»[51]. В свите М. Огинского находился и уже известный нам И. Лядинский, к тому времени — подстолий оршанский[52]. Ему предстояло сыграть заметную роль в ходе переговоров в Москве.

5 февраля (26 января) польские послы выехали из Смоленска в Москву, а М. Огинский задержался в городе якобы для прощания с женой, сопровождавшей его до Смоленска. В действительности целью канцлера была встреча с Н. Краевским, который по приказу Голицына должен был провести с Огинским секретные переговоры. Предлогом для их встречи стал вызов Краевского на канцлерский суд по обвинению «дубровенского» мещанина Семена Пилата[53]. Обвинение это, видимо, не было надуманным — «Сенка Андреев сын Пилат» происходил из той половины Дубровны, которую М. Огинский передал литовскому гетману К. Сапеге. Пилат обвинял Н. Краевского в грабеже его имущества[54].

Согласно донесению Краевского в Посольский приказ, М. Огинский в разговоре с ним сразу заявил, что К. Гжимултовский «по французскому коварству и по

* В данном донесении Б.В. Бутурлин либо перепутал конюшего ВКЛ Франчишка Сапегу с его младшим братом Леоном Базилем Сапегой, генералом литовской артиллерии и подскарбием надворным, либо предполагалось, что Леон примет участие в посольстве вместо своего брата. Впрочем, именно Леон Сапега фигурирует в других донесениях смоленского воеводы как несостоявшийся посол в Россию (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 124 об.–127 об., 210–211).

другой статье, которой мне не объявил, зело миру, с которым мы едем, не желает и клонит мириться с бусурманы». Эти слова литовского канцлера, очевидно, не находили подтверждения в поведении главы посольства, стремившегося ускорить выполнение своей миссии. К тому же ранее сам Гжимултовский упрекал Огинского в медлительности, усматривая в этом намерение амбициозного канцлера воспрепятствовать переговорам. «А королевское намерение, — толковал Огинский Краевскому, — по союзу и по упрошению государей христианских, цесаря и папы римского, и всех союзников, чтоб мир вечной и союз учинить с великими государи, а после з бусурманы учиним мир таков, каков надобен нам и всем христианом». Далее канцлер, по словам Н. Краевского, «учал мне говорить и обязывал совестью христианскою о намерении великих государей наших о склонности к миру вечному и о союзе на бусурман». Смоленский шляхтич ответил совершенно определенно: «Буде у вас есть намерение о уступке всего того, чем великие государи наши владеют, чаял бы я Божией милости». Канцлер заметил, что польско-литовская сторона надеялась на некоторые уступки, но теперь, по его словам, вопрос об урегулировании территориальных противоречий осложнился захватом казаками Посожских сел.

На это Н. Краевский сделал важное заявление, другими источниками никак не подтверждаемое, сказав, что «черкасы имеют на письме свидетелство от короля, что им належит потамест владеть, как они заезжают». Поразительно, но М. Огинский не стал отрицать наличия таких писем, настаивая, что «письма королевские без сейму и без приговору Речи Посполитой не имеют силы, а хотя бы призывал их к себе и посулил бы, что они заехали, да они учинили тово, что[бы] быть под рукою королевскою, для того не належало им заезжать <...>. Чаять, черкасы не желают вечного миру и союзу потому, что им жаль крепко татарской дружбы, — продолжал канцлер, — понеже они татар держат себе за приятелей, и буде бы черкасом учинилося что не по мысли, то они тотчас на помочь татар призывают и что хотят, то делают».

Охарактеризовав таким образом политику гетмана И. Самойловича, М. Огинский перешел к изложению условий союза. Россия должна была взять на себя борьбу с Крымом, причем канцлер заверял, что Речь Посполитая даст царям «конницы, гусаров, казаков» взамен за предоставление польской стороне русской пехоты. Не исключал он и привлечения московскими дипломатами Крымского ханства на сторону христианской коалиции посредством переговоров. Чтобы подтолкнуть Россию к вступлению в союз, М. Огинский заявил, что османская дипломатия якобы предлагает Польше сепаратное перемирие на условиях возвращения Каменца, передачи польскому королю Валахии, Молдавии и даже «сербов» и возмещения Речи Посполитой военных издержек. Идея мира с Османской империей поддерживалась, по словам канцлера, магнатами и шляхтой Короны, а сам мир мог привести к обострению отношений с Россией. «Король отказал коронным, <...> и лутчи нам покой учинить с християны, нежели с бусурманы», — говорил канцлер, выражая и готовность со стороны Речи Посполитой пойти на «уступки» России за антиосманский союз при условии получения территориальных приобретений за счет

Порты. Приукрашивая успехи Священной лиги в войне с Османской империей, канцлер одновременно сообщил о неудаче польско-крымских переговоров.

Подводя итог встречи, канцлер сказал: «...буде ныне по грехам нашим не учиним миру, то уже долго миру не видать, разве де гараздо кровью сполоскався в ту пору учинится мир». Записи переговоров Н. Краевский тотчас выслал в Москву, 13 (3) февраля они были «чтены» царям, Софье и «бояром <...> комнатным». По предварительному договору между литовским канцлером и Н. Краевским последний должен был приехать для встречи с ним в Кадино, а в ходе переговоров в Смоленске М. Огинский настойчиво добивался, чтобы Н. Краевский ехал в Москву на время русско-польских переговоров для «пересылки» с ним[55]. Последние «вестовые письма» от Н. Краевского за 1686 г. были получены в Москве 5 марта (23 февраля)[56]. Видимо, в соответствии с пожеланиями Огинского он отправился в Москву для присутствия в столице во время переговоров.

Консультации литовского канцлера с Краевским в Смоленске свидетельствуют о стремлении литовских верхов занять самостоятельную позицию на предстоящих переговорах в Москве, представить себя подлинными сторонниками союза с Россией, а также о тесных контактах самого Огинского с Посольским приказом. Эта линия литовского канцлера нашла выражение и в дальнейшем. Как отмечал автор «Диариуша дороги...», до Москвы литовская и польская части посольства часто ехали отдельно. При этом он указывал на «громадную» свиту М. Огинского[57]. Канцлер особенно заботился, чтобы литовская часть посольства на церемониях выглядела пышнее, нежели коронная, и не жалел на это денег[58]. Сопровождавший посольство пристав Василий Айтемирьев отмечал в своих донесениях, что М. Огинский выглядел наиболее представительно среди всех послов: «...толко де из них (послов. — *К. К.*) высится один канцлер Огинский»[59].

Желание Огинского подчеркнуть самостоятельную роль Литвы нашло выражение и в вопросе о резиденции послов Речи Посполитой в Москве. Назначенному сопровождать польское посольство в российскую столицу Н. Мельгунову в Посольском приказе была составлена «память», в которой от пристава требовалось выяснить «и как [послы] на станах становятся, и вместе ль едят или порозонь, и всегда ль меж себя съезжаются, и к которому послу приезжают, и советно ль между их»[60]. С аналогичными инструкциями навстречу послам из Москвы был направлен подьячий Василий Айтемирьев. Он должен был также убедить послов разместиться всем вместе на одном посольском дворе. В. Айтемирьев встретил послов под Можайском 13 (3) февраля. В Можайске он беседовал с К. Гжимултовским и получил его согласие всем посольством стоять на одном дворе. Там же глава посольства заявил московскому приставу, что Ф. Сапега остался дома «за болезнью»[61].

Однако М. Огинский в письмах В.В. Голицыну настаивал, чтобы литовские послы стояли отдельно от коронных[62]. В.В. Голицын уступил и ответил М. Огинскому, что тому будет предоставлен особый двор близ Посольского двора[63]. По свидетельству автора «Диариуша дороги...», 16 февраля приехал гонец из Москвы «с комплиментами» от Голицына для литовского канцлера и обещанием удовлетворить все его просьбы по размещению литовских дипломатов в русской столи-

це[64]. В итоге литовские послы расположились в Китай-городе, рядом с Большим посольским двором, М. Огинский — на подворье новгородского митрополита, а его племянник Миколай — на находившемся рядом подворье Троице-Сергиева монастыря[65]. Позанский воевода раздраженно отмечал по этому поводу, что литовский канцлер «выторговал» у Москвы пять дворов, на которых стоит со своим племянником и громадной свитой, тогда как все коронные послы расположились на Посольском дворе. Гжимултовский был недоволен, что русские видят разницу в численности и представительности литовской и коронной частей посольства, которая была явно не в пользу последней[66].

Еще до начала переговоров разногласия между польской и литовской частями посольства были довольно значительными. М. Огинский обвинял Гжимултовского в нежелании заключать Вечный мир и союз, при этом сам задерживал прибытие посольства в Москву, играя тем самым на руку русской дипломатии. Встреча М. Огинского и Н. Краевского показала, что стороны еще до начала переговоров в сущности верно представляли себе позиции друг друга. Русские дипломаты знали, заключение какого союза необходимо Речи Посполитой. Польско-литовские послы были готовы за тот союз уступить России «на вечно» земли, присоединенные по Андрусовскому перемирию, рассчитывая при этом возвратить Засожье. М. Огинский намеренно искажал положение Османской империи в худшую сторону, чтобы заставить Россию поторопиться с присоединением к союзу, пытался реанимировать идею «случения сил», чтобы получить так желанные польским королем отряды пехоты. Это, а также предложения канцлера касательно мер по отношению к Крыму совпадали с программой Яна Собеского, однако с реализацией их Огинский явно не торопился.

Позиция короля, главной целью которого было получение эффективной помощи против Крыма, переплеталась с интересами литовских магнатов, заинтересованных в мире на восточной границе Речи Посполитой и поддерживавших русско-польский антиосманский союз. К. Гжимултовский, остававшийся последовательным противником усиления королевской власти и тесно связанный с оппозицией, по тактическим соображениям искал сближения с двором. Несмотря на обвинения литовского канцлера в приверженности профранцузской «партии», познанский воевода на последнем сейме занял прогабсбургскую позицию. Он прикладывал все усилия для успешного выполнения своей миссии в Москве, не в последнюю очередь рассчитывая на «королевские милости» в виде должностей или королевщин.

Польские и, в данном случае, особенно литовские магнаты руководствовались необходимостью борьбы с реальным или мнимым усилением королевской власти. В зависимости от этого они выбирали внешнеполитическую ориентацию. И Сапеги, отказавшиеся от участия в посольстве, и даже Огинский, в котором двор видел своего сторонника в Литве, так или иначе стремились подчеркнуть независимый от двора характер своих отношений с Россией, даже в том случае, если их интересы совпадали. Расстановка сил в польско-литовском посольстве со всей определенностью подтверждает тезис, что наличие в Речи Посполитой нескольких субъектов внешней политики в лице коронных и литовских магнатов, двора и оп-

позиции обуславливало отсутствие четкого и единого ее вектора, облегчая дипломатиям других стран достижение своих целей.

II. В преддверии русско-польских переговоров в Москве решили провести новый раунд консультаций с гетманом И. Самойловичем. Для этого из Севска в январе выехал в Батурин воевода Л.Р. Неплюев. Он должен был сообщить гетману о приближении к границе России польско-литовского посольства, которому, как было известно в Москве, «наказано» уступить России по договору о Вечном мире земли, присоединенные по Андрусовскому перемирию 1667 г., при условии заключения антиосманского союза. Позиция, сформулированная в царской грамоте Л.Р. Неплюеву, сводилась к готовности Москвы заключить союз с Речью Посполитой при уступке навечно всех отошедших к России в 1667 г. земель, включая Киев и Запорожье. И. Самойлович должен был высказать свои соображения по поводу заключения союза — на условиях «случения сил», отдельного «промысла» русских войск против Крыма или выплаты польской стороне субсидий на ведение войны.

Царское правительство напоминало гетману, что, несмотря на существующий мир с Портой, крымские татары постоянно совершают набеги на русские земли, а деньги, которые ежегодно выплачиваются Крыму по условиям Бахчисарайского договора, лучше потратить на войско. В случае заключения мира членами Священной лиги с Портой России грозила война с ней без союзников, тем более что московским дипломатам было известно об османских мирных предложениях (в т. ч. и через крымского хана) Габсбургам и Речи Посполитой. Более того, в Москве не исключали в таком случае возможности заключения польско-османского союза, направленного против России, и даже пугали гетмана созданием широкой антироссийской коалиции Австрии, Речи Посполитой, Османской империи и Венеции. Свои предложения гетман должен был изложить в специальных статьях[67].

Однако гетман упредил московское правительство, направив в январе 1686 г. в Москву своего сына Григория и генерального есаула (будущего гетмана) И.С. Мазепу с предложениями по заключению мира и союза с поляками. В инструкции, с ними присланной, Самойлович сообщал о намерении Речи Посполитой послать в Россию полномочное посольство для заключения мира и союза в войне с османами. По сведениям украинского гетмана, польским послам было велено добиваться поставленной задачи даже путем уступки отданных Москве по перемирию 1667 г. территорий, в т. ч. и Киева. Сообщенные Самойловичем сведения должны были укрепить решимость русской делегации отстаивать сохранение завоеванного и обосновать позицию гетмана, исключавшего какие-либо территориальные уступки за счет Украины.

Не возражая против заключения договора, И. Самойлович, тем не менее, выдвинул ряд необходимых, по его мнению, для этого условий, напомнил по традиции о вероломстве поляков, частом несоблюдении ими заключаемых договоров. Гетман выступил против объединения союзных войск и тем более против посылки казацких либо царских отрядов в распоряжение полководцев Речи Посполитой. Говоря о необходимости войны против Крымского ханства, он предупреждал о

трудностях такой кампании, особенно если в ходе ее поляки пойдут на сепаратные переговоры с Портой. Оптимальным соглашением И. Самойлович считал, «с поляками мир вечный учинивши, отговориться от посылания им вспомогательных войск и от берненья (направления. — *К. К.*) своих сил на Крым, а дати тылко на затяги войск грошовое по желанию их вспоможение». Настаивал гетман и на приведения Запорожья только под царскую власть, на непринуждение к унии православных Речи Посполитой. Соглашаясь с необходимостью Вечного мира, он, тем не менее, не считал, что покупать его надо ценой каких-либо уступок, говоря, что поляки «поступают то, чего в руках своих не мають, и что без нынешних договоров сторона их царского величества держит крепко, и при Божией помощи держати и впредь может» [68].

В «Статьях», присланных в Москву с Л.Р. Неплюевым, И. Самойлович уже более открыто выступил за сохранение мира с Османской империей, приводя в пример единоверного членам Священной лиги французского короля, сообщил о нестабильном внутриполитическом положении в Речи Посполитой, что делает ее ненадежным союзником. Говоря о готовности поляков уступить Левобережье, он напомнил о добровольном вхождении Украины в подданство царей, поэтому «пристойно и в деньгах полякам отказать». Тут же гетман предлагал вообще отложить заключение договора, а на случай возможной новой русско-польской войны приводил в пример неудачную для Речи Посполитой войну 1654–1667 гг., притом что тогда полякам помогали и татары, и полки «изменника» Тетери [69].

Позднее, 18 (8) и 26 (16) февраля, в подтверждение своего мнения И. Самойлович прислал в Посольский приказ расспросные речи «торгового греченина» Юрия Раджея и бежавшего из турецкой неволи Андрея Калистратова. Ю. Раджей сообщал о ходивших в Речи Посполитой слухах о намерении короля после заключения Вечного мира усилить гонения на православных подданных Речи Посполитой с целью принятия ими унии. Даже в случае заключения Вечного мира, сообщал купец, поляки уже сейчас готовы его нарушить, а папа обещал «разрешить» их от присяги, данной «схизматикам». А. Калистратов рассказал, что, будучи на приеме у Яна III, слышал его разговор с итальянским посланником о том, что по заключении Вечного мира и после вступления Московского государства в войну Речь Посполитая тотчас заключит с Османской империей сепаратный мир, «обратив войну на царство Московское». То же самое якобы говорил А. Калистратову и львовский епископ И. Шумлянский [70]. Эти достаточно сомнительные сведения должны были, по замыслу гетмана, в очередной раз насторожить Москву, всегда относившуюся с недоверием к своим европейским соседям, а к Речи Посполитой в особенности.

Как видно, еще до начала переговоров цели и намерения польско-литовской стороны не были тайной не только для Москвы, но и для Батурина. В консультациях с И. Самойловичем, для которых был направлен один из ближайших сподвижников царевны Софьи и В.В. Голицына — Л.Р. Неплюев, руководитель внешней политики В.В. Голицын ясно определил позицию русской дипломатии накануне переговоров: правительство было готово заключить антиосманский союз

при условии признания Речью Посполитой за Россией «всего завоеванного», включая Киев и Запорожье.

И. Самойлович был не одинок в обличении «польского коварства» накануне переговоров о Вечном мире и союзе. 4 февраля (25 января), царям и Софье, но без участия Думы и даже комнатных бояр, были зачитаны документы, свидетельствовавшие о гонениях униатского архиепископа и «митрополита всеа Русиі» Киприана Жоховского на Марковский православный монастырь (недалеко от Витебска), о разорениях и нужде монастыря в результате пожара. В своих письмах марковским монахам Киприан запрещал им окормлять паству в Витебске и его окрестностях, ссылаясь на приговор Речи Посполитой, обвинял их в покушении на свою жизнь. Марковским монахам вообще запрещалось показываться в окрестностях Витебска и в самом городе под страхом смерти: «...а я не буду виноват, если противно вам что учинится, подлинно не будет мученик Христов ни един от вас, хотя которой по приговору Речи Посполитой и убит будет». В жалобе, внесенной еще 25 сентября 1684 г. в градские книги Витебского воеводства, униатский митрополит обвинял марковских монахов, что они, «построив себе тот монастырь зде под Витебском на искоренение веры, в унии святой обретающейся, бунтуя овцы пастырства моего как в город ездя так и пеши ходя, також де по разным селам во всем воеводстве витебском к благочестию приводят и от святой унии отводят, что им ничего не належить, и исповедают людей, безбожие к себе прикланяют, *по украински меж чернью чинят бунты* (курсив мой. — *К. К.*) в городе Витепску и по иным местечкам и селам» [71].

Взаимные претензии православного монастыря и униатского митрополита не рассматривались бы здесь столь подробно, если бы не отметка дьяка на обороте одного из прочитанных царям документов: «...и великие государи и великая государыня [Софья] указали подлинные польские листы отдать боярину князю Петру Семеновичу Прозоровскому *, потому что те листы доносил великим государям он боярин <...> и те листы ему боярину отданы» [72]. П.С. Прозоровский, дядя князя П.И. Прозоровского, влиятельного боярина при дворе царя Ивана, в 1682 г. доносил в Москву о готовящемся польском вторжении на Украину. Характерно, что московское правительство, обычно столь щепетильное в вопросах защиты православия, не дало «листам» П.С. Прозоровского хода — на них отсутствуют указания о царском указе или боярском приговоре (боярам они даже не были зачитаны). Попытка П.С. Прозоровского привлечь внимание правительства к притеснениям православия на землях Великого княжества Литовского именно накануне переговоров косвенно свидетельствует, что часть политической элиты русского государства выступала против заключения мира и союза с Речью Посполитой. Царевна Софья и В.В. Голицын всерьез опасались возможных действий своих оппонентов и потому не допустили обсуждения писем на заседании Боярской думы. Разногласия

* Согласно сведениям Русского биографического словаря, князь П.С. Прозоровский только 29 (19) января 1686 г. был отпущен с тобольского воеводства в Москву (РБС. Т. [15]. Притвиц–Рейс. СПб., 1913. С. 25). Скорее всего, дьяк спутал П.С. Прозоровского с его племянником П.И. Прозоровским.

в правящих кругах России по вопросу о Вечном мире обострились уже в ходе переговоров.

III. Для переговоров русской делегации с польско-литовской в Посольском приказе был подготовлен наказ[73]. По содержанию он во многом схож с наказом посольству Я.Н. Одоевского на Адрусовскую комиссию 1684 г. (и даже содержал прямые ссылки на эти переговоры). Большая часть его опять была посвящена обоснованию сохранения за Россией Киева вопреки Андрусовскому договору 1667 г. и оправданию действий Москвы во время польско-русско-турецкой войны 1672–1681 гг. «Способ о Вечном миру» предусматривал заключение мира с Речью Посполитой на условиях, «чтоб царского величества в сторону во ограничении завоеванным всем городам и землям быти вечно, и, как ныне обои великие государи наши имеют государства свои под своею государскою державою, так бы впредь на вечные времена быть». Каких-либо территориальных уступок Речи Посполитой в наказе не предусматривалось. Более того, на основе Бахчисарайского перемирия выдвигались претензии на расширение киевского округа, включая местечки Стайки, Треполье, Белгородку и Вышгород, а также на Запорожье. Последнее требовалось и под предлогом, что запорожцы в прошедшую войну с турками не оказывали христианским государям помощи, и «только пребывают в волностях своих», а «принудить к послушанию» их может только один монарх — царь, поскольку Сечь расположена ближе к России, нежели к Польше. В случае, если бы польско-литовские послы подняли вопросы возврата захваченных во время войны (главным образом в Литве) мещан и «пашенных людей», русская сторона должны была отказать в этом, оправдываясь убытками, причиненными России от несоблюдения польской стороной союзных договоров, и набегами союзника польского короля — крымского хана в 1654–1667 гг.

Что касается союза, то в наказе излагались только условия польско-литовской стороны, выдвинутые на переговорах 1678–1681 гг., никаких русских предложений он не содержал. Видимо, В.В. Голицын, как и в 1684 г., не хотел раскрывать свои намерения, зная, что они столкнутся с противодействием части правящих кругов России. С другой стороны, в вопросе о союзе русская дипломатия собиралась основываться более на польско-литовских предложениях, нежели выдвигать собственные.

Много места посвящал наказ и положению православных в Речи Посполитой. Предполагалось требовать от польско-литовской делегации включения в договор пункта о подтверждении всех прав православных жителей Короны и Литвы, сохранения церковных и монастырских владений православной церкви. Русская сторона желала оговорить в договоре, что Ян III «мира и тишины междо розньствующими в вере християнской стрещи будет, защищати и никоим же обычаем или правом или делом <...> никого же удручати и утесняти веры ради не попустит»[74].

Таким образом, наказ свидетельствует о постоянстве программы заключения Вечного мира и союза, выдвигаемой Россией начиная 1683 г. Никаких других требований территориального характера в нем не содержалось и, видимо, изначально

не предусматривалось. Забегая вперед, отметим, что в ходе официальной части русско-польских переговоров в Москве делегация под руководством В.В. Голицына действовала практически полностью в соответствии с описанными выше положениями. Отступления от наказа начались только в ходе неофициальных переговоров, и можно с большой долей вероятности предполагать, что новые требования к Речи Посполитой возникли тогда же.

IV. Перед официальным прибытием в российскую столицу польское посольство 18 (8) февраля 1686 г. остановилось в пригороде на «подхожем стане» на Ходынке, в селе Всехсвятском[75]. На следующий день послы торжественно въехали в Москву[76]. Официальная парадная аудиенции послов у царей состоялась 21 (11) февраля. Во время шествия послов в Грановитую палату среди встречавших посольство был и сын гетмана Самойловича Григорий со старшиною. При выходе государей «из палат» он был пожалован «к <...> государской грамоте»[77]. Этот символический жест должен был продемонстрировать намерение Москвы учитывать мнение гетмана в будущих переговорах.

Послы подали грамоту Яна III, в которой польский король сожалел, что прошлые переговоры (Андрусовская комиссия 1684 г.) не привели к заключению Вечного мира, что, говорилось в грамоте, вызывает «немалое подивление» не только у самого короля, но и «у окрестных монархов», и выражал надежду, что Вечный мир и союз будут заключены с прибывшим посольством. В грамоте король сообщал о данных послам полномочиях «к договариванию» о Вечном мире и «о случении сил, так же и о недополненных по се время статьях в договорах андрусовских пространнее изображенных»[78]. На аудиенции послы вручили подарки[79].

А. Потоцкий отмечал, что во время торжественной аудиенции у царей он видел одного из своих родственников — Салтыковых, а именно дядю, восседавшего среди бояр. Однако поговорить с ним ему не удалось. Вскоре после этого каменецкий каштелянич послал к нему слуг с просьбой о встрече. Однако дядя отказался делать этого без царского указа. Потоцкий в письме Щуке сообщал, что не терял надежду на будущую встречу и решение тех дел, которые, по его свидетельству, он имел в Москве и в которых рассчитывал на помощь русских родственников[80]. М. Огинский, отмечая небывалую помпезность и размах торжеств по поводу прибытия в Москву польско-литовского посольства, считал это добрым предзнаменованием. При этом литовский канцлер вполне отдавал себе отчет, что без Вечного мира антитурецкий союз с Россией невозможен[81].

Русскую делегацию на переговорах возглавил В.В. Голицын, в товарищи ему были назначены бояре Борис Петрович Шереметев и И.В. Бутурлин, окольничие И.И. Чаадаев и Петр Дмитриевич Скуратов; по царскому указу от 23 (13) февраля всех их, бояр и окольничих, было велено писать ближними. Тогда же Шереметева было указано именовать наместником вятским, Бутурлина — суздальским, Скуратова — шацким, Чаадаева — муромским[82].

В составе делегации не было ни одного приближенного царя Ивана. П.Д. Скуратов входил в окружение царя Петра[83]. Неизвестно, к кому из двух царей был

ближе в тот момент Б.П. Шереметев, однако уже со времени Азовских походов он — один из ближайших сподвижников царя-реформатора. Впрочем, ранее ни Скуратов ни Шереметев, как отмечалось в столбцах Посольского приказа, «на съездех и в ответах с послы не бывали», поэтому главную роль в переговорах предстояло играть опытным дипломатам И.И. Чаадаеву, И.В. Бутурлину, Е.И. Украинцеву, а в первую очередь — самому канцлеру В.В. Голицыну.

23 (13) февраля послы вновь были «на дворе» у царей и «в первом ответе» у русской делегации. Русская делегация пришла в Ответную палату, где уже находились польские послы. Церемония открылась взаимным приветствием, затем делегации заняли места на двух скамьях друг против друга. «Бояре сели в скамье с приходу в Ответную палату лицом ко встретению, среди скамьи сидел» Голицын, справа от него — Б.П. Шереметев, П.Д. Скуратов, Е.И. Украинцев и др., слева — И.В. Бутурлин и И.И. Чаадаев. «Польские послы сидели в скамьях против бояр остретения», первый посол — К. Гжимултовский напротив Голицына, справа от него — М. Огинский, слева — А. Пшиемский с А. Потоцким[84]. Один из членов польско-литовского посольства, оставивший анонимный диариуш, описывая Ответную палату, сообщает, что в ее стене были проделаны отверстия, закрытые раскрашенным полотном, чтобы за ходом переговоров могла следить царевна Софья[85]. Софья, видимо, неоднократно поступала таким образом при переговорах с иностранными послами и посланниками, поскольку еще в 1682 г. датский резидент в Москве Х. Хорн сообщал, что на переговорах с ним присутствовала царевна, скрытая от посторонних глаз за черной занавесью[86].

Польские послы, сославшись на предыдущие переговоры о заключении Вечного мира и антиосманского союза, и особенно на постановление последней комиссии в Андрусово 1684 г., которые не привели к желаемому результату, но на которых было декларировано продолжать дальнейшие переговоры и «пересылки», объявили, что на варшавском сейме 1685 г., «не отлагая того Богу и всему христианству потребного дела в даль», решено послать в Москву с этой целью полномочное посольство. Также послы заявили о «заезде» казаками Самойловича Посожских сел, которые «по многим его королевского величества присылкам великие государи их царское величество и по се время уступить не указали», однако король считает, что казаки сделали это без ведома царских величеств. Задержку посольства послы объяснили болезнью пятого посла Миколая Огинского, который теперь «омогся» и вскоре приедет в Москву. Затем послы подали полномочную грамоту «за королевской рукой и печатью маестатовою, да лист полной мочи Речи Посполитой за руками и печатями»[87].

В Москве, впрочем, были хорошо осведомлены о причинах действительной задержки посольства. Кандидатура Миколая Франчишка Огинского (ум. 1715 г.), мечника литовского, была выдвинута М. Огинским, которому мечник приходился племянником. Канцлер своим решением включил его в состав посольства и добился от Яна Собеского официального утверждения его в качестве посла[88]. Еще в Смоленске через Н. Мельгунова М. Огинский сообщил об этом воеводе Б.В. Бутурлину, прося пропустить племянника в Москву[89]. М. Огинский прибыл в Моск-

ву ко второму ответу польско-литовской делегации, в котором принял участие 4 марта (22 февраля)[90].

После заявления польской делегации первая сессия переговоров («первый ответ») продолжилась. Русская делегация приняла грамоту, которая была зачитана переводчиком Семеном Лаврецким, после чего польские послы потребовали «полную мочь на письме» от российской стороны[91]. Голицын отказал послам, сославшись на отсутствие прецедента, и вновь попросил «объявить о делах»[92].

Польские послы заявили о главном условии, необходимом, по их мнению, для заключения соглашения, — об одновременном заключении Вечного мира и военного союза, т. к. одного без другого «быти не может» и «надобно де обязатись в том христианскими душами и единомысленными сердцами и взятись друг з другом за руки неразорванно»[93].

На вопрос В.В. Голицына, какие государства уже вступили в антиосманский союз и на основе каких договоров, послы ответили, что к антиосманскому союзу присоединились папа римский, император, курфюрст бранденбургский, Венеция, «все князи немецкие», испанский и шведский короли, «а швайцары и малтейского острова кавалеры помочь чинят, и от тех всех союзников и к <...> их царскому величеству просительные в тот же союз грамоты будут». Послы также сообщили о направленном после во Францию — канцлере Яне Велёпольском. К. Гжимултовский сказал, что у него есть письмо Я. Велёпольского, которое он представит российской стороне. Из этого письма якобы следует, что французский король обещает «союзником королевскому величеству быть» и прислать к Яну III посла, а к царям московским — грамоту с призывом вступить в союз[94]. Согласно польским источникам, Гжимултовский сообщил Голицыну, что находящемуся уже на пути в Варшаву Я. Велёпольскому было дано письмо от французского короля к царям с пожеланием их присоединения к Священной лиге и что письмо это может быть вскоре получено[95]. Письмо это было действительно доставлено в Москву вместе с корреспонденцией в адрес польского посольства 5 марта[96].

Далее на первой сессии переговоров Голицын попытался добиться от польских послов объявления условий, на которых они готовы заключить Вечный мир и союз, но те отказались обсуждать этот вопрос, выдвинув на первый план проблему Посожских сел. «И какая бы де в том была дружба, что с одного краю вечного покою ищем, а з другого краю земли и места отбирают и в даль к самому сердцу поступают», — говорили послы[97]. В то же время они подчеркнули, что хотят заключить трактат как можно быстрее, т. к. король с первой весенней травой уже будет в войсках и результаты переговоров должны быть известны ему как можно раньше для планирования военной кампании[98]. Польско-литовские послы сразу дали понять российской стороне, что возвращение Посожских сел — необходимое условие для ведения переговоров о мире и союзе. Российская делегация настаивала, чтобы «послы приступили к самому делу без многих слов — к договариванию о Вечном мире и объявили способы», т. к. «надобно преж постановить [дело] великое», а Посожские села — «и то дело малое» можно бы решить во вторую очередь[99]. Вопрос о Посожских селах, приобретший такое важное значение на этих

переговорах, отразил в себе главное нерешенное противоречие русско-польских отношений, долгие годы делавшее невозможным сближение двух стран, — проблему встречной территориальной экспансии.

26 (16) февраля послы прислали в Посольский приказ письмо «арцуха виницийского» Мариуса Антониуса Юстиниано, датированное 22 сентября 1685 г. В нем он сообщал о военных успехах Венеции в войне против турок, а также предлагал царям присоединиться к союзу, раскрывая перед ними перспективы территориальных приобретений за счет Порты[100]. Результаты первой сессии переговоров были обсуждены в Боярской думе с участием Софьи 28 (18) февраля[101].

V. 4 марта (22 февраля) послы приехали на вторую встречу. В.В. Голицын вновь потребовал объявить условия Вечного мира и союза, пообещав после этого «взаимно со своей стороны способы им» объявить. Послы отказались, желая, чтобы условия сперва были объявлены российской стороной, добавив к тому же, чтобы перед переговорами о Вечном мире указали бы цари «на знак своей царского величества стороны о желательстве вечного миру и <...> союзу» уступить Речи посполитой Посожские села и что цари «тою уступкою ко вхождению в разговор вечного миру отворят двери». К. Гжимултовский и другие послы стояли на своем, заявив, что, согласно данной им инструкции, «первой способ» для заключения договора — это возвращение Засожья. Российская сторона, не желая того, оказалась втянутой в длительные дебаты. Русские дипломаты, возражая польским, доказывали, что «заезд» случился из-за несоблюдения Речью Посполитой постановлений предыдущих русско-польских договоров, касающихся размежевания границ посредством съезда порубежных судей (статья 13 Андрусовского договора 1667 г. и др.). Голицын и его товарищи считали, что вопрос о границе, точно не определенной в договорах, может быть решен только на порубежных съездах, польским послам были зачитаны соответствующие статьи предыдущих соглашений. Послам напомнили, что присланный в Москву в 1685 г. королевский посланник Ян Зембоцкий заключил-таки с московским правительством договор о проведении пограничной комиссии, согласно которому межевые судьи с российской стороны — Андрей Самарин «со товарищи» — съезжались с польскими комиссарами И. Комаром и И. Лядинским. Однако тогда все ограничилось разменом полномочными грамотами, т. к. королевские посланцы «в то дело не вступили <...> и не похотели по правде земель разводить».

В свою очередь, польские послы настаивали, что дело о селах носит экстраординарный характер и не может быть рассмотрено на пограничной комиссии. По их словам, порубежные судьи предназначены исключительно для «успокоения трудностей и порубежных росправных малых дел и обид, и убойств, а не для розмежевания таких заеханных вновь многих земель». В подтверждение они ссылались на 3-ю статью Андрусовского договора 1667 г., устанавливавшую границу между Россией и Речью Посполитой. Польско-литовские дипломаты обещали представить список «заеханных» сел «на письме», упорно настаивали, чтобы села были уступлены царским указом, «не откладывая до межевых судей». Договор же

Я. Зембоцкого они объявляли недействительным, подписанным при отсутствии у него соответствующих полномочий. Сам «заезд» поляки считали произведенным специально, «чтоб удобнее с ними учинить за тем заездом вечной мир» [102].

На возражение В.В. Голицына, что казаки захватили Засожье без ведома царей, послы ответили, что если это произошло без царского ведома, то пусть с царского ведома будет возвращено [103]. В.В. Голицын, упрекая послов, что «оставя главное дело, взялись они за малое», зачитал им их собственную полномочную грамоту, напомнив, что в случае неудачи переговоры могут быть прерваны и отложены, в то же время «обнадеживая» послов, что вопрос будет решен после заключения Вечного мира. Те несколько смягчили тон, говоря, что они попросту «пришли <...> просить своего».

О военном союзе послы сказали, что новый союз должен быть не таким, как прежний, который, как они считали, существовал только на бумаге и не соблюдался Россией [104]. Голицын заметил, что сейчас не время вспоминать старые обиды, о которых уже достаточно на прошлых съездах говорено. «Оберегатель посольских дел» вновь потребовал объявить польские условия, попутно заметив, что царям союз в данный момент не нужен, т. к. с Османской империей и Крымским ханством у России мир [105]. Поляки ответили на это, что российский мир с турками и татарами ненадежен, и указали на опасность его нарушения, поскольку султан и хан соблюдают договоры, только когда им выгодно, и могут нарушить их в любой момент. «И та птица (турецкий султан. — *К. К.*) славно поет, — говорили послы, — не для того, чтоб увеселить, но тем бы другую, к себе привлещи, и поимать». Гжимултовский с товарищами заявляли, что союзники не хотят заключать мир с Османской империей, хотя Порта и ищет его после ряда поражений. В то же время они не без скрытой угрозы напомнили, что в случае, если мирный договор с османами будет заключен, России грозит война с Портой один на один [106]. На это Голицын ответил послам, что когда Россия, ведя войну с османами, в 1678–1681 гг. предлагала Польше заключить союз, то «королевское величество и Речь Посполитая не стыдились своим турским миром» и говорили, что «союз им не нужен, и объявили к несходству того союзу неслучные и тягостные царского величества на сторону способы».

Ни одна из сторон не хотела первой раскрывать карты и объявлять приемлемые для нее условия соглашения. После долгих споров компромисс был все же найден: на следующем съезде послы должны были объявить условия союза, русская делегация — Вечного мира. Под конец «разговора» послы благодарили русских за «обнадеживание» в «посожском вопросе», сказав, что уведомят об этом короля, и в то же время подтвердив свое намерение добиваться возврата сел прежде заключения договора. Следующую встречу они, ввиду приближения военной поры, попросили, не откладывая, назначить на ближайшие дни [107].

Несколько иначе изображены переговоры 4 марта (22 февраля) в польских источниках [108]. Согласно реляции К. Гжимултовского, вопрос об очередности объявления условий договора был поднят в самом начале встречи, сразу после объявления русской стороной согласия царей заключить с Речью Посполитой Вечный мир

и союз, к чему, по словам главы польской делегации, русских якобы не удавалось побудить в Андрусово. Это объявление обрадовало польскую делегацию[109]. Долгая дискуссия об очередности объявления условий была разрешена не Голицыным, а Гжимултовским, который предложил вышеоговоренный способ решения проблемы. Затем разгорелась дискуссия по поводу Засожья, в которой Гжимултовский обвиняет российскую сторону: «Tu chcieli wypadać na morze dyskursów, przypominając różne minione rzeczy, bezcześci, przejęte listy, pojmanych na buntach czernców» *, — глава польской делегации, по его словам, предложил прекратить эти бесконечные споры. Согласно отчету познанского воеводы, позиция польских послов была в деле Засожья более жесткой, а Голицына «со товарищи», соответственно, более мягкой, — в конце встречи Голицын, «pojrzewszy tedy na wszystkich, rzekł — nu, nu, doniesiemy to do carów, rozumiem, *że to nie zatrudni* (курсив мой. — *К. К.*)» ** [110].

Эти расхождения в изложении развернувшейся дискуссии, на первый взгляд достаточно незначительные показывают, что каждая из сторон пыталась представить переговоры в более выгодном для себя свете. Очевидно, что и польская, и русская делегации придерживались обычной в таких случаях дипломатической тактики, больше стараясь обсуждать и ограничивать предложения партнеров, чем выдвигать собственные. В начале особое значение для польско-литовских послов имел вопрос о Посожских селах, ибо он позволял, в случае согласия Голицына на их возвращение, достичь хотя бы небольшого успеха и выяснить, насколько партнеры готовы к уступкам.

5 марта послы получили три письма от Яна III и обещанное письмо царям от французского короля. В отдельном зашифрованном послании (от 5 февраля из Жолквы) король, по свидетельству Гжимултовского, во всех подробностях сообщал о положении дел в стране, предписывая послам заключать договор, руководствуясь этой информацией. Тем самым Собеский вновь уклонялся от конкретных указаний послам по территориальному вопросу. Он дал понять польско-литовским дипломатам, что они могут надеяться на «резолюцию» от него только в том случае, если положение Речи Посполитой серьезно изменится к лучшему в результате каких-то неординарных событий[111]. Такая возможность была крайне маловероятна, и понимавший это Собеский стремился переложить на послов груз ответственности за территориальные уступки в пользу России, выражая готовность дать им указания только в том случае, если обстоятельства позволят добиться безусловно выгодного соглашения.

VI. Третья встреча делегаций 6 марта (24 февраля) вновь началась с дискуссии о Посожских селах. Русские представители по-прежнему настаивали, что этот вопрос относится к компетенции пограничных комиссий, вновь ссылаясь на подпи-

---

* «Тут хотели [русские] втянуть нас в море дискуссий, припоминая разные прошлые дела, бесчестия, перехваченные письма, пойманных чернецов, подстрекавших к бунтам».

** «посмотрев тогда на всех, сказал: ну, ну, донесем об этом царям, я думаю, что затруднения с этим не будет».

санный Я. Зембоцким договор, который и был зачитан послам. Они утверждали, что в противном случае Яну III необходимо было просить об этом «не по договорам посольским, но приватне через свою грамоту по любви братцкой». Наконец, российская сторона предложила выслать порубежных судей немедленно[112]. Польские послы, напротив, отказывались признавать правомочность договора Я. Зембоцкого. К. Гжимултовский даже слукавил, сказав, что присутствовал на аудиенции Зембоцкого у короля, где тот докладывал о своей миссии в Москве, но, по словам познанского воеводы, Зембоцкий на аудиенции договора «не объявил». Поляки настаивали, что дело о Посожских селах не принадлежит к обычным пограничным спорам. Занятие украинскими казаками Посожья послы трактовали как территориальный захват, совершенный, вопреки всяким соглашениям, спустя почти 20 лет после заключения русско-польского перемирия и как прямое его нарушение. Поэтому, считали послы, «посожский вопрос» не принадлежит к компетенции обычной пограничной комиссии, а должен рассматриваться только на специальной комиссии с участием «великих комиссаров» — «честных и разумных людей». Это свидетельствовало о желании польских послов включить его в перечень предварительных условий договора с Россией и получить обратно Засожье прежде обсуждения самого Вечного мира и союза. Они настаивали на безоговорочном возвращении Речи Посполитой Посожских сел без пограничных съездов, непосредственно по царскому указу, чтобы цари «по братской дружбе и любви указали те села уступить королевскому величеству»[113]. После споров Голицын все-таки «deklarowal stanowczo: będzie w tem dosyć uczyniono, byleście do szczerego przystąpili traktatu» *, что удовлетворило послов[114].

На этой же встрече послы вручили российской делегации письмо от французского короля к царям, выразив «чаяние», что в нем содержится призыв «о помочи против всех христиан неприятеля»[115]. В самом же письме говорилось только об одобрении Людовиком XIV русско-польского союза[116], поэтому российские дипломаты поинтересовались результатами посольства Я. Велёпольского, спросив, в частности, вошел ли французский король в антиосманский союз. Поляки говорили, что посольство канцлера окончено и Велёпольского ожидают в Варшаве на второй или третьей неделе поста, хотя, как известно, он из-за болезни «в некоторых немецких городах остановился». О результатах же переговоров, уклончиво отвечали послы, он-де посредством писем «для тайности» не сообщил. Как видно, Гжимултовский и его товарищи не только стремились создать у русской стороны впечатление, что в Священную лигу входят почти все великие державы Европы, но и стремились скрыть информацию о далеко не безоблачных польско-французских отношениях.

Наконец настал момент, когда польские послы перешли к так желаемому российской стороной обсуждению вопроса о союзе, однако русские услышали явно не то, что ожидали. К. Гжимултовский и его коллеги заявили, что о союзе «много говорить не для чего», предложив за основу не раз уже обсужденные ранее условия

* «заявил решительно, [что] будете вы в том удовлетворены, только бы искренне приступили к [заключению] договора».

(в частности, в 1679 г. в Гродно и в 1681 г. в Варшаве). Они предусматривали «случение сил» и выплату Речи Посполитой денежной компенсации при сохранении перемирия. Послы предлагали их «вновь иными какими случаи постановить и обновить, прибавить или убавить», не выдвигая в то же время конкретного плана действий союзных войск.

Если во время Чигиринской войны с Турцией такие предложения и могли быть приемлемы, то начиная с 1683 г. они уже никоим образом не соответствовали позиции, занимаемой Россией в переговорах с Речью Посполитой, и были с порога отвергнуты В.В. Голицыным. Глава русской делегации без обиняков дал понять, что Россия не намерена заключать союз на тех условиях, на которых она была готова его заключить, ведя войну с Османской империей. Россию не устраивало, в частности, выдвигавшееся Речью Посполитой с конца 1660-х гг. требование предоставления под верховное командование польского короля русской пехоты, необходимой для успешной осады крепостей.

Несмотря на упорство русской делегации, польские послы продолжали отстаивать проекты прежних соглашений, приемлемых для Речи Посполитой и при Вечном мире. Во-первых, чтобы цари «Крым изволили взять отвращением на себя» и обязались не допустить прохождения татарских отрядов на земли шляхетской республики и на помощь туркам против Австрии. Во-вторых, чтобы Россия направила свои войска на помощь армии Речи Посполитой, подчинив их польскому командованию, как то предусматривалось планом «случения сил», обсуждавшимся на переговорах с И.А. Желябужским в 1681 г. в Варшаве.

Русская делегация вновь отвергла эти условия. Кроме того, польским послам было заявлено, что Россия согласится взять на себя тяготы войны с Османской империей «разве для того, что великим государям <...> государь их (Ян III. — *К. К.*) и все союзники нагородят городами и землями и на войски денежною казною, как королевское величество, хотя союзники ему, с цесаря и с папы многие деньги на войско берет <...>, и с чего б без великой нагороды ту тяжкую войну царским величествам на свои войска взять»[117]. Польские послы, сделав вид, что не поняли, куда клонят российские дипломаты, патетически заявили, что награда царским величествам и всему христианству будет дана от Бога, а именно: расширение государства царей и его безопасность от «бусурман», поскольку в случае победного мира над османами «всяк к своей стране, что ближе, у турка возьмет». Польские дипломаты вновь напомнили, как Османская империя воевала поочередно то с Речью Посполитой, то с Россией, пользуясь тем, что они не могли договориться. Поляки указывали, что в 1683 г. Ян III тоже имел мирный договор с султаном. Однако польский король, сознавая, что с падением Вены «дверь бы отворена во все христианство была», оказал императору помощь. Поражение в войне Речи Посполитой, утверждали послы, не принесет пользы России[118]. В.В. Голицын ответил, что Россия вовсе не желает поражения Речи Посполитой, однако и в союз вступать не будет без соответствующей компенсации[119].

Польско-литовские послы продолжали настаивать на союзе со «случением сил». О пожелании русской делегации получить от участников лиги субсидии на

ведение войны поляки сказали, что не видят аналогии с помощью, предоставленной союзниками Яну Собескому. Деньги императора, объясняли они, даны Республике за посланные на помощь Австрии воинские контингенты, папа же присылает деньги на выдачу жалованья войску. «Случение сил», которое предлагали послы, сводилось к тому, чтобы часть казаков вместе с московскими войсками послать «прямою дорогою» на Крым, а отряды русской пехоты «с запасы» послать под Каменец для объединения с королевскими войсками. «А тот де путь от Киева к Каменцу, — утверждали поляки, — свободен». Голицын ответил, что «случение сил» для России неприемлемо «за многими причины, как за кормами, и в пути за пустотой, и за несносным непроходимым путем, так и для ссор», возможных между московскими воеводами и польскими гетманами[120]. «В нагороду» за участие в войне с Турцией и Крымом российская делегация потребовала от шляхетской республики уступки Полоцка, Витебска, Динабурга, Велижа, Себежа (последние два города вместе с Невелем были возвращены Польше по договору 1678 г.) и других городов, захваченных Россией в ходе войны 1654–1667 гг. и по Андрусовскому договору возвращенных Речи Посполитой. Голицын утверждал, что названные города были якобы оставлены за Речью Посполитой лишь на время, до заключения Вечного мира. «Оберегатель посольских дел» требовал в итоге установить границу между двумя странами, «как в древние времена», по р. Березину[121].

Высказанные Голицыным претензии России отражали многолетние (еще со времен Ивана IV) стремления Московского царства установить свою власть над землями по течению Западной Двины в Ливонии и в областях Великого княжества Литовского, что позволило бы усилить русские позиции на Балтике. Именно эти территории столетие спустя вошли в состав Российской империи по первому разделу Речи Посполитой 1772 г. Кроме того, подобные заявления позволяли «посольских дел оберегателю» в дальнейшем, когда речь зайдет о реальных территориальных уступках, представить свои требования как вполне умеренные.

Слова Голицына обескуражили послов, они замолчали «и междо собою поразмыслили», после чего выступил Гжимултовский. «То дело нечаемое, избыти не может», — заявил глава посольства. Вышеупомянутые земли, по его словам, как раз были уступлены Россией ради перемирия с Речью Посполитой, а ради Вечного мира необходимо уступить и остальные[122]. Послы объявили, что если на этих переговорах Вечный мир и союз заключены не будут, то Яну Собескому придется «к тому думать, как бы с турским салтаном миритись», чего Порта желает «с великим радением». Об этом свидетельствовали турецкие предложения, сделанные через крымского хана и польского резидента в Стамбуле Самуэля Проского. В доказательство послы предъявили «подлинные листы» от хана и резидента. Они также добавили, что Ян III направлял в Крым гонца с предложением хану «от послушания» султану «отстать и придаться к его королевскому величеству», что того гонца хан держал у себя около года, отпустив обратно только со своим посланником[123].

Из письма крымского хана следовало, что Селим-Гирей, отказываясь заключать союз с польским королем, предлагал ему свое посредничество в мирном соглашении с султаном[124]. С. Проский сообщал о переговорах с сераскиром в Сапче,

о его обещаниях: уступить Речи Посполитой Чартков; лишить власти над Украиной молдавского господаря; возвратить католикам гроб Господень в Иерусалиме при условии заключения «постоянного покоя» между двумя странами. Турки, однако, отказывали полякам в возвращении Каменца. Сераскир, писал Проский, «до последних сил обещает за него стоять, хотя бы салтан и всю свою казну имел на него испроторить». Сераскир также пытался вбить клин в польско-австрийский союз, говоря резиденту, что удивляется ему, «понеже они (немцы. — *К. К.*) издалече толко смотрели на наши <...> дымы», не оказывая никакой помощи Речи Посполитой в борьбе за Подолию и Украину в 1670-е гг. Сераскир требовал от польского резидента присылки от короля полномочий для переговоров о мире [125].

Оглашение на московских переговорах польскими послами письма С. Проского вызывает недоумение, поскольку его содержание противоречило предыдущим заявлениям польско-литовской дипломатии, в частности М. Огинского, о готовности Порты в случае сепаратного мира уступить Речи Посполитой Каменец. Несогласованность действий членов посольства затрудняла им успешное ведение переговоров и не могла способствовать смягчению позиции российской стороны. Решение Гжимултовского было продиктовано желанием представить российским партнерам убедительные доказательства предложений Стамбула.

В.В. Голицын поблагодарил за представленные письма, а затем предложил полякам объявить «сносные и нетягостные» условия союза, и тогда русская делегация предложит, в свою очередь, к Вечному миру «иные же способы, уступя в ногороде за союз из городов». Канцлер заявил польским послам, что хан присылал в Москву послов договариваться о союзе против Речи Посполитой, от чего царское правительство отказалось [126].

Наконец польские послы объявили свои условия Вечного мира — возвращение земель, удерживаемых Россией по Андрусовскому перемирию [127], а в ходе дальнейших дебатов выдвинули и новые условия союза, по образцу, как они сами признали, польско-австрийского союза: Россия ведет наступление на Крым, король «учнет воевать с своей стороны турка», в случае же если «которой стороне от неприятеля будет тягостно, тогда б помогать той стороне против неприятеля всеми силами» [128].

Голицын, как об этом свидетельствует запись в посольской книге, потребовал за такой союз признание за Россией присоединенных по Андрусовскому перемирию земель, одновременно говоря о «тяжкости» войны с Крымом. Польские источники этого заявления российского канцлера не зафиксировали. Послы, однако, пойти на эту уступку отказались, прося времени о других условиях Вечного мира дать «им меж собою помыслить до иного ответу» [129]. На этом сессия закончилась.

Реляция Гжимултовского не содержит информации о начавшемся на сессии обсуждении условий Вечного мира и очень поверхностно касается обсуждения условий союза, которые, безусловно, не отвечали желанию польской делегации [130]. Прошло это и мимо анонимного автора диариуша русско-польских переговоров, хотя он и отмечал в своих записках, видимо, наиболее значительные их события [131]. Достаточно обстоятельно была описана третья встреча также в письме не-

известного члена польско-литовского посольства от 8 марта. Его содержание в целом подтверждает информацию других источников. Между прочим, автор письма, сообщая о вручении польскими послами письма от Людовика XIV, отмечал особое впечатление, произведенное письмом французского короля на русских дипломатов: «...list ma mieć osobliwy respect i wagę w tym dziele tractowania, bo się tego najczęściej Panowie Moskiewscy domawiali jeżeli król francuski nie jest przeciwny lidze tej, jeżeli chce abyśmy z Polską ligę zawarli...» * [132].

Нельзя, однако, сказать, что, будучи одной из самых продолжительных, эта сессия переговоров была полностью бесплодной [133]. В ее ходе наконец-то прозвучала основа будущего соглашения — союз на условиях наступления России на Крым и при необходимости помощи «всеми силами» друг другу, Вечный мир с признанием за Россией границ 1667 г. Польские послы знали, что именно на этих условиях Москва готова заключить с ними договор.

7 марта (25 февраля) Голицын согласился снабдить польского гонца в Персию подводами и дать провожатых [134], в чем послам ранее было отказано [135]. Польские послы расценили этот жест, а также прошедшие за неделю аж три встречи как признаки удачного хода переговоров. 11 (1) марта они получили письмо короля от 21 февраля, в котором Ян III торопил дипломатов Речи Посполитой с заключением Вечного мира и союза. Как отмечал в реляции Гжимултовский, и в этом, и в последующих письмах польский король выражал «około traktata troskliwość» **, причем в последнем письме Ян III особенно настаивал на скорейшем заключении договора [136].

VII. Выдвинутые В.В. Голицыным условия заключения союза на основе признания границы 1667 г. встретили возражения польских дипломатов. В начале следующей сессии 12 (2) марта [137] воевода познанский выступил с обширной речью, с самого начала заявив, что он и сам желает заключения Вечного мира и союза «для естества породы своей <...>, для слабого здоровья и существа». Гжимултовский говорил, что несмотря на мирные предложения «бусурман», Ян III не хочет с ними мириться и если Вечный мир и союз с Россией не будет заключен, «тогда бусурманин с напущеной своей гордости, паче б на них разъярился и обратил все свои поганские силы на государство королевского величества, не имея на себя никакова царского величества со стороны опасения». Король же, учитывая, что срок русско-польского перемирия подходит к концу, «чего лучшего со стороны царского величества чаял», нежели захвата Засожья. «И тогда по великой нужде учнет [польский король] искать способу с ним (султаном. — *К. К.*) к миру, чего отнюдь ныне не желает, а ныне с последней почтой из Вены весть пришла, что гордый бусурманин на весну к будущему походу готовится великими силами» на Речь Посполитую. И

---

* «...письмо это должно иметь особое почтение и вес в том деле ведения переговоров, поскольку о том московские господа чаще всего говорили, что если французский король не против той лиги, если хочет, чтобы мы с Польшей союз заключили...».

** «заботу о договоре».

король вынужден будет заключить с османами мир, тем более что Сулейман-паша, сделанный недавно визирем, всем союзникам «w jednej ręcę szablę, a w drugiej gałązkę oliwną pokazować będzie» *. Это лишит надежды всех христиан, жаждущих освобождения из-под мусульманского ига. И виноват в этом будет тот, кто не присоединился к антитурецкому союзу, т. е. Россия. Воевода просил «обнадежить» послов, готово ли царское правительство разорвать мир с Портой и заключить с Речью Посполитой союз, и просил российскую делегацию о «скором» ответе, вновь вспоминая о приближении военной поры. Голицын, не смутившись патетическим выступлением главы польской делегации, ответил не менее красноречиво. Он подтвердил свои прежние намерения, попутно заметив вновь, что России не страшен турецко-польский мир, т. к. в бывшую русско-турецкую войну царские рати туркам «отпор <...> чинили без посилков». Канцлер припомнил послам, что Россия, добиваясь присоединения Речи Посполитой к союзу, уступила ей некоторые территории по договору 1678 г. [138].

В дальнейшем поляки, чтобы сделать российскую сторону более уступчивой, говорили о якобы существующих тайных договорах казанских и астраханских татар, калмыков с Крымским ханством, направленных против России. Русская делегация, в свою очередь, вспоминала старые обиды, касавшиеся приглашения донских казаков и калмыков на королевскую службу. В доказательство польским послам показывали подлинные письма Яна Собеского. Поляки упрекали Россию за направленное П.Д. Дорошенко предложение принять русское подданство. В спорах обстановка накалилась, Голицын в очередной раз пригрозил польским дипломатам разъездом [139].

Польская делегация смягчила тон, попросив еще раз «обнадежить» их в намерении заключить с Речью Посполитой наступательный и оборонительный союз против Порты. Примечательно, что эта формула союза прозвучала впервые и была предложена польской стороной. Однако польские послы не затронули вопроса о возможных территориальных приобретениях союзников за счет Порты, а как необходимое условие союза выдвинули урегулирование русско-польских территориальных противоречий — «а наипаче то отдать, — говорили они, — что по договорам уступлено и по се время задержано», имея в виду Киев [140].

Это предложение Голицын решительно отклонил, объявив послам, что «Киев задержан правдою» и впредь никогда возвращен не будет. И вообще из завоеванных земель, сказал «оберегатель посольских дел», «никогда королевского величества в сторону ничего уступлено не будет», и указал полякам, чтобы «то б они из мысли своей выложили и впредь о том не упоминали». Одновременно русская сторона еще раз намекнула польским коллегам, что готова пересмотреть выдвинутые ранее территориальные претензии. Споры о Киеве продолжались вплоть до самого конца сессии. Российские дипломаты и слышать не хотели о его возвращении, т. к. в противном случае он якобы достанется туркам. Они говорили, что польская делегация требует того, «чего в руках своих не имеют», и вновь грозили

* «в одной руке саблю, а в другой оливковую ветвь показывать будет».

прекращением переговоров[141]. Польские послы опять попросили время на размышление[142]. Согласно реляции Гжимултовского, встреча закончилась несколько иначе: именно российские дипломаты после предъявления польских претензий касательно Киева попросили прервать переговоры для консультаций[143].

Состоявшаяся на следующий день, 13 (3) марта[144], очередная сессия началась с заявления польских послов о намерении пойти на территориальные уступки в отношении России. Затем, поговорив «меж собою тайно», послы предложили «Смоленска каменное строение с того места снесть вовсе. И то место оставить пусто, таким подобием, будто б ево на том месте и не бывало, а земли и места и поселения, которые к нему належат, разделить пополам, что х которой стороне ближе и податнее, а королевское величество с своей стороны ис тех земель царского величества в сторону уступает, с одну сторону от Красного и Досугова и Мигновичь к Смоленску по реку Есеневку, а з другую сторону от Поречья к Смоленску по Касплю». Еще до русско-польской войны 1654–1667 гг. здесь, говорили польско-литовские дипломаты, «был исстари по те урочища рубеж воеводства Витебского». Уничтожить Смоленский кремль и срыть укрепления города, считали польские дипломаты, необходимо потому, что из-за этого города в «древние времена» было множество «ссор»; он «состроен и стоит в том месте ко всякой недружбе» и будет угрожать границам Речи Посполитой даже и после заключения Вечного мира. К. Гжимултовский назвал город камнем, «we krwi chrzejcijańskiej zatopionym z okazji monarchów»*[145]. Это заявление вызвало бурную реакцию российских дипломатов. Согласно свидетельству неизвестного нам дворянина польско-литовского посольства, Голицын закричал на послов «громким голосом», хватаясь за голову. Русские ответили, что такое предложение «человеческому разуму противное, а наипаче стыдное и зазорное и неслыханное на свете».

Смоленск, утверждали русские дипломаты, — «древняя отчина» московских царей, город, построенный их предками, «о чем могут они (послы. — *К. К.*) изразумети из древних писаней». Речью Посполитой он был завоеван «до пределения Божия на время <...>, и никогда ни для каких причин уступлен и снесен не будет». «Ссоры» же, по их словам, исходят не от каменных стен, которые бездушны, «а происходит добро и зло от мысли человеческой». Русская делегация заявила, что подобные польские предложения свидетельствуют о нежелании Речи Посполитой заключать Вечный мир и союз с Россией[146].

В ответ А. Пшиемский упрекнул российских представителей, что большей «неправдой» является требование ими Полоцка, Витебска, Мстиславля, Орши и земель вплоть до Березины при невозвращенном до сих пор Киеве[147]. Разгорелись долгие споры. Голицын уже в который раз грозил прекращением переговоров («время с ними послы говорить о том, как бы с ними разъехатись»). Он повторил, что Россией не будет возвращено «не токмо городов, но и самого малого места». Польские послы вновь смягчили тон, говоря, что Ян III «для великой братцкой дружбы и любви» согласен уступить тот город царям, продолжая, однако, настаи-

* «утопленным в крови христианской по воле монархов».

вать на возвращении Речи Посполитой земель по реки Касплю и Есеневку, принадлежавших, по их мнению, к Витебскому воеводству. И на это предложение польских послов последовал отказ[148].

Потерпев неудачу в вопросе о Смоленске, послы вновь заговорили о Киеве. В новых спорах царские представители, как и во время Андрусовской комиссии 1684 г., доказывали Гжимултовскому и его товарищам, что Правобережье, включая и Киев, перешло в подданство царю из-под турецкой власти, т. к. Собеский уступил его по Журавненскому миру 1676 г. султану, который, в свою очередь, начал из-за этого войну с Россией. Бахчисарайский мир 1681 г. зафиксировал переход Киева (с принадлежащими к нему «городами и месты») и Запорожья к России. Польские послы возражали и говорили, что польский король уступил Порте «немногие украинные городы» — Немиров и др., а о Киеве и правобережных казаках в том договоре «не помянуто», т. к. если бы Польша Киев османам уступила, то со всем Браславским поветом и с Белой Церковью[149].

В дебатах польские и русские представители не пренебрегали и такими аргументами, что за союз против Польши султан якобы предлагал царям Каменец, а против России — помощь полякам в отвоевании всей Украины. Дальнейшие дискуссии были бесплодны. Польские послы, однако, под конец поведали, что могут предложить и другие «способы» к заключению договора, но об этом им опять необходимо поразмыслить. На этом встреча закончилась[150].

Согласно донесениям Гжимултовского, трудности на переговорах с московскими дипломатами усугублялись разногласиями между ним и литовским канцлером. «Rozpisuie Jmc Pan Kanclerz listy po Litwie magnificując swoią assistencią, a naszą koronną extenuando»*, — писал С.А. Щуке раздосадованный К. Гжимултовский. Он в который раз выразил недовольство по поводу подчеркнутой пышности литовской делегации, что, по его словам, бросается в глаза русским, поскольку коронная и литовская части посольств стоят отдельно.

Вместе с тем познанский воевода выразил уверенность в скором и успешном завершении переговоров[151]. Оптимизм польского посла не был безосновательным. Он находил подтверждение в уже известной позиции В.В. Голицына, сформулированной в январе 1686 г. в грамоте И. Самойловичу, что Россия согласна заключить антиосманский союз при условии уступки «навечно» всех земель, отошедших к Московскому царству по договору 1667 г.[152]. Затягивание переговоров было невыгодно русскому канцлеру, т. к. могло активизировать его противников в правительстве и Боярской думе.

Следующая встреча 14 (4) марта вновь началась со спора о разграничении между бывшим Смоленским и Витебским воеводствами. Голицын настаивал на древности этого рубежа, который был признан в ходе переговоров по заключению Андрусовского перемирия 1667 г., а затем внезапно предложил послам уступить взамен требуемых ими земель Посожские села. Послы, «меж собою смеявся, говорили,

* «Рассылает тут господин канцлер письма по Литве, преувеличивая [численность] своей свиты, а нашу, коронную, умаляя».

что то дело нестаточное», вновь добиваясь возвращения части смоленских земель, показывая боярам «о рубежах на чертежах». Русские дипломаты убеждали польских послов «приватными разговоры», что Россия готова разорвать мир с Османской империей и взять на себя борьбу с Крымским ханством, требуя взамен уступить присоединенные ей по перемирию 1667 г. земли и Киев с окрестностями. Уверение поляков, что война, в случае вступления в нее России и завоевания последней Крыма, продлится самое большее два года, были встречены русскими представителями скептически. Они пригрозили разрывом переговоров и даже заявили, что подобное «несходство» позиций сторон может привести к новой русско-польской войне. Под конец очередного раунда переговоров Голицын выдвинул новое требование — переход под царскую власть Запорожья[153].

В ходе переговоров Гжимултовский спросил Голицына, есть ли у них такой обычай, как у других народов, когда ближайшие советники царя ведут с послами неофициальные переговоры. Уязвленный Голицын ответил, что им цари того не запрещают. Гжимултовский обещал показать канцлеру некоторые «приватные листы» Яна III, которые свидетельствуют о желании короля заключить Вечный мир. Голицын обещал воеводе, что пригласит его к себе и сам наведается на посольский двор[154]. Встреча закончилась обещанием послов еще вернуться к обсуждению вопросов о Киеве и Запорожье: «...а примолвил [канцлер] Огинской, что они о тех запорожцах так же и о Киеве» будут еще говорить впредь «и естли даст господь Бог <...> доброе окончение и они послы о том с ними ближними бояры згодяться». Реляция Гжимултовского достаточно обще описывает переговоры 14 (4) марта, не упоминая, в частности, о поставленом русскими дипломатами вопросе о Запорожье[155].

На следующий день Голицын прислал к послам пристава, пригласив их на завтра, 16 марта, в имение Богородское (do wsi Bohorodicy), расположенное в 2-х милях от столицы и в полумиле от царского дворца. Послы не мешкая воспользовались предложением, поехав до усадьбы князя на санях. «O przyjemności tego miejsca, o apparencji jego, o bankiecie byłoby wiele ciekawych rzeczy do doniesienia» *, — пишет воевода Гжимултовский. По словам воеводы, на невиданный выезд иностранных послов на неофициальные переговоры к боярину собралась посмотреть вся Москва.

После приватной встречи, о содержании которой познанский воевода не сообщает, наступил перерыв в переговорах на несколько дней, однако Голицын продолжал сноситься с послами через переводчика Семена Лаврецкого. В это же время им стало известно, что на границу приехали татарские гонцы, которых было приказано вежливо принять и препроводить до Москвы. Как предполагал Гжимултовский, информация эта была специально доведена до сведения послов, чтобы сделать их более уступчивыми[156]. Здесь надо отметить хорошую информированность польско-литовских дипломатов.

15 марта М. Огинский отправил письмо канцлеру Я. Велёпольскому, где излагал ход переговоров и дальнейшие планы послов: «Po długich deliberatoriach effec-

* «О привлекательности того места, о банкете много чего интересного можно было бы рассказать».

tum że się resolwowali na wojnę z Turczynem i na colligatią offensivam et defensivem pretium tego wieczny pokój sine restitutione ablatorum o co mocno disputujemy. Już Smoleńska ustąpiliśmy, a pono i Kijowa przydzie. Circa limites versamur, chcąc pomknąć ku Smoleńskowi od Witepska i Kadzina kraj, Zasosze już wracają, ale nagrody jeżeli przydzie Kijowa odstąpić potrzebujemy i niewątpiemy że co wytargujemy na wojsko. Wojsk swoich z naszemi łączyć nie chcą, ale Krym zatrzymać cale na się biorą» *. Как видно, уступка и Смоленска, и Киева за столь необходимый союз была предусмотрена польско-литовскими дипломатами и вовсе не была вызвана каким-то беспрецедентным натиском Москвы. М. Огинский оптимистически оценивал ход переговоров, выражал уверенность в возврате Засожья и скором заключении трактата. Сообщая о выплате командному составу русских войск полного жалованья, издании указов о приготовлении армии к войне и введении с этой целью налога по 5 «злотых» с «дома», литовский канцлер делал вывод об искреннем намерении России вступить в войну с Османской империей. Он также сообщал о ряде планировавшихся «приватных» встреч послов с В.В. Голицыным, первая из которых должна была состояться 16 марта, как собщалось и в реляции К. Гжимултовского [157]. В написанном тогда же, 15 марта, еще одном письме — к С.А. Щуке — М. Огинский прямо заявил, что Речицкий повет, захваченный казаками И. Самойловича, можно считать, что «есть уже весь при нас» [158]. Думается, что подобные заявления литовский канцлер делал в результате данного ему частным образом обещания В.В. Голицына.

По свидетельству А. Потоцкого, что хотя переговоры сначала протекали не очень хорошо и русские даже грозили послам Речи Посполитой разъездным письмом, однако на последней встрече московские дипломаты «do dobrego poczęli przystępować dzieła. Sperandimus tedy że za pomocą Bożą ta negotiatia dobrego przyjdzie końca», — делал вывод каменецкий каштелянич ** [159].

На седьмой сессии 20 (10) марта Голицын констатировал, что уже множество «разговоров» прошло без какого-либо конкретного результата, потому что польские послы до сих пор не объявили об уступке «всего завоеванного». Послы заявили в ответ, что уступают княжество Смоленское, чем уже «сердце их вынято». Однако российская сторона в очередной раз продемонстрировала, что не удовлетворена этим. Тогда польские послы, поспорив еще немного для виду, согласились уступить России еще и «Киева со всем тамошним малороссийским народом как описано в договорах», не отказавшись, однако, от претензий на часть земель вое-

* «После долгих рассуждений наконец решились на войну с турками и на союз наступательный и оборонительный ценой Вечного мира без возвращения захваченного, о чем сильно спорим. Уже Смоленск уступили, а видимо, и Киев придется [уступить]. Границу хотим в сторону Смоленска передвинуть от Витебска и Кадино, Засожье уже возвращают, но награды, если придется уступить Киев, требуем и не сомневаемся, что что-нибудь выторгуем на войско. Войск своих с нашими объединять не хотят, но Крым целиком взять на себя обещают».

** «к доброму делу начали приступать. Надеемся теперь, что с Божьей помощью эти переговоры придут к доброму концу».

водства Смоленского. Согласно реляции Гжимултовского, послы согласились на указанные уступки при условии что территориальные потери Речи Посполитой будут возмещены за счет Османской империи, в т. ч. и при помощи России[160].

Соглашение практически было достигнуто, и Голицын объявил послам, что вчера, 19 (9) марта, на заседании правительства было решено начать войну с Османской империей и Крымом. «Было по их государскому указу сидение и дума у святейшего патриарха со всеми митрополиты и с их государским синклитом, и разсуждение, и размышление имели о такой тяжкой войне многое, только положили то на волю Божию и крымской промысел взять». В возвращении же смоленских земель российский канцлер отказал[161]. Послы настаивали, говоря, что тех земель просят они «не для какого пожитку», а ради престижа и что все, позволенное им инструкцией, они уже уступили. Для подтверждения сказанного польские послы даже выражали готовность показать инструкцию российским партнерам. Они читали боярам письмо киевского епископа А. Залуского воеводе познанскому от 21 февраля. В нем говорилось, что Венеция и Империя «отбитися не могут от посланников и присылок турских» с предложениями мира, что османы «уступают многово, хотя уж им многожды в том отказано», что Собескому они предлагают мир через посредничество валашского и молдавского господарей. Однако король, сказали польские послы, не будет вести мирные переговоры с турками, пока не получит «подлинные ведомости» о результатах переговоров в Москве, чего ему советовали и послы в своих письмах. Послы грозили, что на следующих переговорах они того, что предлагают сейчас, не только на Вечный мир, но и на перемирие не уступят[162]. Согласно их доводам, Ян Собеский стоял перед выбором: заключить ли мир с турками, или продолжать войну в союзе с Россией. В действительности, как известно, польский король настаивал на заключении союзного договора.

Атмосфера переговоров вновь стала напряженной. Российские дипломаты заметили послам, что утраченные Речью Посполитой по Андрусовскому перемирию земли возвращать придется «трудом и кровью» и, кто в этой новой войне победит, «знать еще не почем». Они обвиняли послов в намерении сорвать переговоры. Польско-литовские дипломаты упорствовали, потребовав за уступку Черниговского и части Киевского воеводств направить в распоряжение короля отряды русской пехоты либо дать денег на наем войск, заявив, что и они готовы прекратить переговоры в случае невыполнения их последних требований. Голицын ответил, что для России тяжела даже оборонительная война с Крымским ханством, когда хан «украинные города воюет», тем более будет тяжела наступательная, поэтому именно Речь Посполитая должна дать денег России на войско.

Канцлер заявил также, что согласен на составление «разъезжих писем», в которых бы стороны зафиксировали расхождение позиций, что означало признание неудачи переговоров и их прекращение. Дальнейшие дискуссии ничего не дали. Стороны вспоминали старые обиды, упрекали друг друга в неуступчивости, повторяли уже неоднократно звучавшие аргументы[163]. Послы, говоря о разъезжих письмах, требовали записать в них неразрешенные вопросы — возвращение Киева и Засожья, а также взаимные претензии, связанные с захваченными и вывезенны-

ми колоколами, пушками и т. п. Голицын выразил согласие, одновременно сделав шаг к компромиссу и заявив, что цари были готовы уступить Речи Посполитой Посожские села «без розыску и без межевых судей, хотя было и не довелось». Теперь же необходимо для решения этой проблемы выслать межевых судей. Старая песня о «посожском вопросе» зазвучала с новой силой[164].

При разъезде делегаций Гжимултовский вручил Голицыну письмо Собеского от 12 декабря 1685 г. В этом письме, присланном вместе с письмами, ранее уже поданными польскими дипломатами, приводились уже известные аргументы о готовности турок вести сепаратные переговоры[165]. По сообщению воеводы, в ходе встречи Голицын твердо настаивал на своих требованиях. Нарочитую неуступчивость «оберегателя посольских дел» Гжимултовский связывал с приездом в Москву татарских гонцов, поэтому, отмечал он, «bardzo Moskwa zhardziała i srożyć się poczęła» *[166]. В письме С.А. Щуке он отмечал, что Россия, пользуясь «опозданием посольства», хочет избежать участия в военной кампании этого года, оправдывая все неутешительные прогнозы познанского воеводы[167].

То, что поход русских войск в Крым в этом году не состоится, сообщил приехавший на посольский двор с неофициальным визитом С. Лаврецкий. О беседе с ним послы донесли Яну Собескому в депеше от 22 марта 1686 г.[168]. Лаврецкий заявил, что наступление на Крым в текущем году уже невозможно, поскольку Россия не успеет подготовить войска, но обещал, что пути татарских набегов на польские земли будут перекрыты стоящими на реке Самара русскими войсками. «Odpowiedzieliśmy, — писали польские послы королю, — na to że taki sojusz nie był by nam potrzebny, ani pożyteczny ale byłaby taka ostentatia armorum, jaka i naowczas kiedy z wojskiem stali nad Dnieprem (имеется в виду польско-турецкая война 1672–1676 гг. — *К. К.*) otiosi spectatores naszych z Turkami experymentów, my takiego sojusza prowincjami opłacać nie możemy i nie myślemy» **. С. Лаврецкий поднял с послами тему союза, о которой, по их свидетельству, на бывшей встрече русские дипломаты умолчали, «tylko <...> declarovali że nie ustąpią z tych gruntów, których są in possessione i summ żadnych nie dadzą ponieważ molem belli biorą na się z Tatarami, na co wielkich potrzeba kosztów» ***. Польско-литовские дипломаты сообщали, что из-за упорства российской стороны на переговорах они вынуждены были потребовать составления разъезжих писем. По их мнению, на Голицына и его коллег произвело сильное впечатление предъявленное им письмо крымского хана с мирными предложениями Яну Собескому. Однако это свидетельство польских послов не может быть воспринято буквально и нуждается в критической оценке, поскольку в

---

* «очень сильно Москва возгордилась и свирепствовать начала».

** «Мы ответили на это, что такой союз не был бы нам полезен и потому — не нужен, поскольку это была бы такая же демонстрация силы, как тогда, когда русские стали с войском на Днепре, будучи праздными созерцателями нашей с турками борьбы; мы такого союза оплачивать провинциями не хотим и не мыслим».

*** «только <...> декларировали, что тех земель, которыми обладают, не уступят, и денег никаких не дадут, поскольку берут на себя тяготы войны с татарами, что требует огромных средств».

Посольском приказе ранее уже были осведомлены о провале польско-крымских переговоров. В заключение послы писали, что уверены в продолжении переговоров, несмотря на начавшееся составление разъезжих писем: «Jeszcze nie jesteśmy extra spem bo temu narodowi nie nowina etiam pisma rozjezdne umowiwszy de nowo reasumować traktat» * [169].

Нам практически неизвестны реакция короля на ход переговоров и его инструкции польскому посольству, кроме общих указаний о необходимости скорейшего заключения договора. Однако именно на это приведенное выше послание от 22 марта король ответил польско-литовским послам из Жолквы 15 апреля 1686 г. Ян III писал, что получил в Вербную субботу, 6 апреля, во Львове письмо от послов, извещавшее, что они «приготовлялись к благополучному докончению» трактата. Такая не вполне обоснованная оценка польским королем донесения своих послов объяснялась присутствием в военном лагере в Жолкве папского нунция, австрийского и французского резидентов, венецианского посланника, на которых должно было оказать воздействие известие о скором заключении русско-польского союза — «и то тотчас во всю Европу розгласилось».

Однако в той части ответа, где Ян III давал послам конкретные наставления, от его самоуверенности не оставалось и следа. Король высказался против предлагаемого русской стороной проекта союза. По его словам, «Самара есть там, на той стороне Днепра, на пути моравском (на муравском шляхе. — *К. К.*), то есть на прямой дороги из Крыму к Москве, и то есть застава Заднепрю и государствам московским, не нашей сей стороне Украйне, но ни Подолью, ни руским странам (Русскому воеводству. — *К. К.*)». Ян Собеский указывал, таким образом, что предназначенные, по словам Лаврецкого, якобы для защиты Речи Посполитой от татарских набегов и размещенные на реке Самара русские войска в действительности, по замыслу московских воевод, будут прикрывать только Слободскую и Левобережную Украину и не смогут оказать помощи республике.

Недоволен был польский король и отказом Москвы от выплаты субсидий Речи Посполитой. «В том непристойность великая, — писал он, — понеже господа московские часть только меньшую татар на себя емлют», тогда как польско-литовская армия — турок, белгородских татар, ногайцев и т. д. Ян Собеский вновь писал о готовности Порты заключить с Речью Посполитой мир «доброй и учтивой», однако конкретных условий мирных османских предложений не изложил. В целом письмо польского короля ясно показывает, что его главной целью по-прежнему оставалось заключение военного союза с Россией [170].

VIII. Появление в Москве посланцев крымского хана не зря так обеспокоило К. Гжимултовского. Отношения Москвы и Варшавы с Крымом и Турцией играли ключевую роль в вопросе о мире и союзе Речи Посполитой и России. Однако в ходе русско-польских переговоров немаловажное значение принадлежало также

---

* «Мы еще не потеряли надежды, поскольку этому народу не в новинку, даже подписав разъезжие письма, вновь продолжить переговоры».

коллизиям, развернувшимся между Портой и ее своевольным вассалом — Крымским ханством. Заметный отзвук они получили и в Москве, после того как 19 (9) марта в Севск вместе с возвращавшимися из Крыма гонцами Петром Хивинцем и Иваном Кизылбашенином приехали татарские гонцы: от хана — Маметша-мурза, от калги — Муртаза-бей, от нураддина — Абдул-баги-бей. 27 (17) марта все они прибыли в Москву. 1 апреля (22 марта) татарские гонцы подали в Посольский приказ письма от хана, калги и нураддина[171]. Хан Селим-Гирей, сообщая о получении «в целости» на съезжем месте положенной ему по договору 1681 г. «казны», тем не менее, сетовал, что «толко шубы прислали скудны и рыбей зуб — не против прежняго, да в недосылке шесть птиц <...> и то учинено не против обычая и договоров и шерти нашей, и казна на розмене бею отдана без посланников и без арбачеев, а телеги были даны худые, а кладь была тяжелая, и <...> розменной наш бей до Крыму довез [ее] с великою нуждою». Хан также жаловался на набеги калмыков и донских казаков, выражал недовольство, что с П. Хивинцем и И. Кизылбашенином не прислано «лехких упоминков» и т. п. В конце Селим-Гирей уведомлял царей, что готов к проведению очередной «розмены» в августе месяце[172].

Однако среди затронутых тем, обычных в переписке Бахчисарая с Москвой, в письме хана содержалось и важное пожелание возобновления миссии «годовых» посланников России в Крыму, которая ранее была прекращена по решению русского правительства в ответ на оскорбления в Крыму посланников Н. Тараканова и П. Бурцова в 1682 г.[173]. Этим предложением хан не только давал понять, что желал бы улучшения отношений с Москвой, но и демонстрировал заинтересованность в более интенсивных дипломатических контактах с Россией, не требующих столько времени и не привлекающих каждый раз внимание других дворов, таких как отправка посольств и гонцов. Очевидно, что инициатива Бахчисарая не могла быть изолирована от положения дел в войне Священной лиги с Портой.

В день подачи писем состоялся «разговор» татарских гонцов в Посольском приказе с В.В. Голицыным. Послы предложили выкупить привезенных ими полоняников и пожаловались на «обиды» от подданных царских величеств, в частности на последний набег калмыков и донских казаков во главе с атаманом Степаном на крымские владения, потребовали допроса привезенного ими калмыка, захваченного в плен во время набега. 22 (12) апреля крымские гонцы прислали пленного в Посольский приказ. Допрошенный калмык Багасан Мамаев (Бага сын Мамаев) подтвердил факт набега, совершенного, по его показаниям, самовольно, без повеления донского атамана Фрола Минаева[174].

2 апреля (23 марта) в Боярской думе было принято решение писать Селим-Гирею грамоту с заверениями в «мире и дружбе» и готовности послать окольничего с казной на «розмену» к указанному сроку[175]. Только 25 (15) апреля гонцам была дана официальная аудиенция у царей[176], а отпуск их и вовсе был отложен до июня.

Прибытие не имевших посольского ранга татарских гонцов с письмами от хана, калги и нураддина не выходило за рамки обычной практики русско-крымских взаимоотношений. Каких-то переговоров о союзе, тем более направленном против

Речи Посполитой, с гонцами не велось. Наиболее важное предложение хана о возобновлении миссии российских представителей в Крыму было оставлено без ответа, а официальная аудиенция гонцов у царей и отъезд татарских посланников на родину были отложены до окончания переговоров с польским посольством. Все это свидетельствовало о серьезном намерении русского правительства прийти к соглашению с Речью Посполитой.

IX. Восьмая сессия русско-польских переговоров 23 (13) марта[177] открылась, как и в конце предыдущей, взаимными обвинениями и сожалениями по поводу неудачи завершающихся переговоров. Престарелый воевода познанский сказал в сердцах: «Лутче б я принял смерть здесь, нежели, вступя и радея так много о таком достойном бессмертныя славы деле, разъехатца без дела»[178]. Вскоре, однако, стороны перешли к обсуждению условий союза, о которых ранее заявил С. Лаврецкий, — польские послы спросили, готово ли будет царское правительство в случае заключения союза направить войска на Крым уже в нынешнем году. При этом поляки попросили дать к «помянутым малым землям», которых они просили, на наем войску и на «удовольствование выгнанной шляхты казны денежной», по свидетельству анонимного автора диариуша, 8 млн злотых. К этим двум требованиям они добавили еще одно — уступить земли «от Чернигова около посожских земель к речицкому и мозырскому повету [Минского воеводства] належащи»[179].

Полностью оправдывая опасения К. Гжимултовского, В.В. Голицын сразу дал понять послам, что в этом году Речь Посполитая не дождется большого похода русских войск на Крым. Вину за это канцлер возложил на самих польских дипломатов, которые прибыли в Москву только в феврале 1686 г., «спустя все воинское приготовление, и тем своим приездом сами тот промысл отпустили». В уступке требуемых земель и в предоставлении субсидий в очередной раз было отказано, т. к. деньги, по словам русских представителей, в случае заключения договора будут потребны правительству для «удовольствования» собственных «ратных людей».

На нынешний год российская сторона предлагала следующий план военных действий: находящийся в боевой готовности 50-тысячный Белгородский полк, запорожские и донские казаки, а также другие служилые люди будут направлены в «самые ближние от Крыма места» — на реки Орель и Самара, в Запорожье, а также на «перелазы татарские». Воинского контингента в 20 тыс. человек, считали в Москве, будет более чем достаточно, так что «нижадная нога татарская вытти и перелесть нигде не посмеет».

Послы не согласились с предложенным планом. Направление российских войск на расположенные вдали от границ Речи Посполитой с Крымом выше Запорожья левые притоки Днепра реки Самару и Орель не станет помехой крымским набегам на польские земли: «те места защита землям царского величества», — указывали они. Польские послы доказывали, что русские войска нужно расположить «у самой Перекопи и около Очакова и Казыкерменя». Это позволило бы блокировать в Крыму ханскую орду, а также действовать против опорной базы турецкой армии в устье Днепра.

Однако русские дипломаты продолжали отстаивать свой план. Бояре показывали послам на «чертежах», «как стоит Крым и где Самара и Арель, и как Казыкермень, и Очаков, и сеча, где кош Войска Запорожского, и где переходят крымцы, и где будут стоять царского величества войска, и говорили, что если в тех местах они стоять будут, то крымцев не пропустят, и сами крымцы из Крыму, боясь того, не выйдут». Послы не соглашались с их доводами, настаивая на том, чтобы «о удержании Крыма» было написано в договоре. Российские дипломаты ответили, что «им <...> обнадеживать их <...> так, что совершенно удержать и похвалится невозможно». Послам было обещано, что посланные русские войска будут не просто стоять, а «поиск чинить», донские казаки будут направлены на Черное море «чинить промысл над Крымом», большой поход же будет организован в следующем году. Эта программа удовлетворила послов, резонно заметивших, что от казаков будет много пользы на море, а в случае, если их направить с царскими войсками в поход на Крым, то от них «помочь будет малая». Таким образом, русским дипломатам удалось отстоять пассивный характер ведения кампании в текущем году, сведя ее главным образом к перекрытию переправ крымским татарам.

В итоге согласованный план кампании 1686 г. предполагал, во-первых, сосредоточение русских войск с обозами в Запорожской Сечи, где они должны были стеречь переправы и действовать отдельными отрядами там, где «воинский случай употреблен будет». Во-вторых, царские войска собирались на р. Самара для охраны российских рубежей на случай, если татары, не прорвавшись в Речь Посполитую, обратят свои загоны на российские территории. В-третьих, донские казаки направлялись в поход на Черное море[180]. Этот план был составлен русским командованием не только независимо от польских предложений, но и практически вопреки им. В его основу была положена традиционная для русской армии оборонительная тактика боевых действий против Крыма, при полной самостоятельности русских войск на изолированном театре военных действий. Русский план не предусматривал взаимодействия с польскими войсками и непосредственной военной помощи Речи Посполитой.

Польские послы, однако, не отступили от своих прежних требований, и Голицын предложил разменяться разъезжими письмами. После прочтения образца российского разъезжего письма поляки предложили добавить в него упоминание об отложенном до следующего этапа переговоров обсуждении неисполненных статей русско-польских договоров. Образец польского разъезжего письма, в котором было упомянуто о необходимости возвращения Россией Киева, Посожских сел, пленных, колоколов, пушек и т. д., вызвал возмущение русских дипломатов, заявивших, что это не разъезжее письмо, а договорное. От послов потребовали исключить эти статьи, напомнив им, что «отдачи» вышеперечисленного никогда не будет, «разве быть крови» («aż do krwi i głów położenia na placu nie ustąpimy», — согласно анонимному диариушу[181]). Послы согласились удалить все встретившие возражение пункты, кроме положения об отдаче Посожских сел.

Правда, неожиданно В.В. Голицын заявил, что писать о Засожье не надо, потому что цари указали без съезда межевых судей уступить те села «в надежду веч-

ного мира», добавив, что послам будет прислан список с соответствующего царского указа и дано «обнадеживающее письмо». К. Гжимултовский и его коллеги быстро справились со своим изумлением, попросив возместить подати с тех земель за два года. Бояре ответили, что никто никаких поборов с жителей тех земель не брал и решить этот вопрос можно только на пограничной комиссии. Послы, «усмехнувся, замолчали и говорить о том престали». Далее произошел размен письмами, содержание которых было решено окончательно согласовать через «обсылки».

В конце сессии состоялось тайное совещание сторон, о котором посольская книга сообщает достаточно туманно: «...а разменясь [письмами], ближние бояре с послы из мест своих встали и говорили, стоя между собою тайно; а потом послы от бояр отошли на иное место особо и говорили меж собою тайно ж», а затем еще «говорили приватно» с боярами, «выводя разными приклады о союзе ж и о вечном покое, как писано выше сего, а о уступке мест в королевскую сторону не упоминали, так же и поступки им (боярам. — *К. К.*) в сторону царского величества не объявили, а припоминали о даче денежной казны» в помощь Речи Посполитой на ведение военных действий. В вопросе о субсидиях стороны, однако, не пришли к соглашению[182]. По сообщению познанского воеводы, Голицын предложил выплатить денежную компенсацию в таком же размере, как Польша получила по договору 1683 г. от императора[183]. По свидетельству же анонимного члена польского посольства, московские представители о денежной сумме ответа не дали[184]. Под конец встречи послы пожаловались на гетмана И. Самойловича, к которому воевода русский С. Яблоновский направил посланца с просьбой разобраться в деле Засожья. И того гонца гетман якобы приказал убить. Голицын обещал провести расследование и о результатах сообщить воеводе русскому[185].

Оценивая сложившуюся к этому времени ситуацию на переговорах, З. Вуйчик полагал, что они могли бы в лучшем случае завершиться продлением перемирия[186]. Однако в своем суждении польский историк упустил из виду ряд существенных обстоятельств. Согласование текста разъезжих писем носило скорее демонстративный характер и не означало еще завершения переговоров. К такой тактике и русская, и польская дипломатия неоднократно прибегали и ранее. Тогда же, на восьмой встрече, были приняты и конструктивные решения: произошло согласование условий военного союза, дано согласие русской стороны на возвращение Посожских сел. Наконец, надежду на положительный результат переговоров давали и заключительные кулуарные беседы польских и русских дипломатов.

Итоги сессии были обсуждены в Кремле на заседании правительства 25 (15) марта[187]. В тот же день Гжимултовский составил для своих коллег по посольству меморандум о дальнейших действиях. Подчеркивая, что лично он является сторонником мира с Османской империей и войны с Россией, воевода, тем не менее, отнюдь не считал свою миссию в Москве завершенной и настаивал на заключении договора с Россией. Необходимость такого шага он обосновывал продолжающейся войной с Портой, невозможностью сепаратного мира с турками, а также слабостью войска и расстроенными финансами Речи Посполитой. В то же время, нахо-

дясь в России, К. Гжимултовский убедился, как ему казалось, в военной слабости русского государства. Он считал, что если бы не нынешняя война с турками, то польско-литовская армия могла бы воспользоваться благоприятным моментом и разгромить Россию, взяв реванш за поражения 1650-х гг.: «Moskwa jest tak snadna Polakom do zwojowania jako nic snadniejszego. Co gdybym był tak doskonale wiedział, jako teraz widzę, nigdybym był na conjunktią z Cesarzem Jmcią nie pozwolił» *.

Выгоды мира с Османской империей Гжимултовский видел в том, что тогда бы крымские татары «albo by Zadnieprskich Kozaków znieśli, albo by ich ad obsequium króla Jmci przymusili, bez których dopierosz by Moskwa nie była formidabilis i za nic u nas była by» **. По его мнению, срыв переговоров был чреват не только невозвращением Засожья, но и новой русско-польской войной. «Czego gdy postrzegąm na pograniczu ludzie, wszyscy pod Moskwę zbięgną i uczyni się Arabia deserta z tego wszystkiego traktu, który ieszcze trzymamy między Dnieprem a granicą moskiewską, bo się tu niezmiernie boi populus wojny moskiewskiej, a podobo tosz by było i dalej od Szkłowa i Mohilowa począwszy» ***, — добавлял далее познанский воевода [188].

К. Гжимултовский подчеркивал искренность Москвы в намерении заключить военный союз [189] и страх обывателей Речи Посполитой перед новой войной с Россией. В последнем познанский воевода имел возможность в очередной раз убедиться в Могилеве. По его словам, «PP. Mieszczanie tuteczni bardzo się Moskwy boją, którym dużo byli przeszłej wojny zadarli za skórę» **** [190].

XI. Весь девятый «разговор» 27 (17) марта [191] был посвящен проблеме русских субсидий Речи Посполитой. В начале сессии польские послы объявили о полученных по почте известиях о разгроме австрийскими войсками отрядов Имре Тёкёли, причем «сам Текелий ушел и пропал безвестно» [192]. После этого, по словам Гжимултовского, Голицын «bez żadnej wzmianki o pismie rozjezdnem» ***** потребовал от польской делегации объявить новые условия Вечного мира и союза. Послы пожаловались, что уже уступили российской стороне во многих вопросах сверх того, что было предусмотрено в их инструкции, в доказательство подтвердив готовность «объявить» инструкцию.

После этого российская делегация предложила обсудить вопрос о субсидиях и просила назвать требуемую сумму. Послы ответили, что они уже объявляли ее че-

---

* «Москву полякам завоевать — нет ничего легче. Если бы знал это, как сейчас вижу, ни за что не допустил бы заключения союза с цесарем».

** «или бы казаков заднепровских уничтожили, или бы их к послушанию королю принудили, без которых не была бы Москва так ужасна и ничем для нас была бы».

*** «В этом случае, думаю, люди пограничные все убегут в Россию и превратится в Арабскую пустыню тракт, который мы еще удерживаем между Днепром и русской границей, поскольку здешний народ неимоверно боится войны с русскими, а видимо, то же случилось бы и далее, начиная от Могилева и Шклова».

**** «Здешние мещане очень боятся русских, которые им как следует ободрали шкуру во время прошлой войны».

***** «без какого-либо упоминания о разъезжем письме».

рез переводчика С. Лаврецкого — 4 млн злотых (800 тыс. рублей). Они подчеркнули, что субсидии не должны рассматриваться как плата за уступленные России «провинции». Главное — заключение «искреннего союза», на этом же, по словам послов, настаивает в своих письмах к ним и Ян Собеский (эти письма были ранее показаны Лаврецкому). Российские дипломаты заявили в ответ, что цари готовы выплатить Речи Посполитой 30 тыс. рублей, «а они, послы, просят денежной казны многово числа неслучно». Русские готовы были пойти навстречу полякам, при условии, если те первыми снизят свои запросы. Бояре выразили готовность прибавить «к прежнему», «что доведется».

Польская делегация продолжала утверждать, что предлагаемая Россией сумма очень мала и достаточна лишь для какого-нибудь отдельного человека, но не для ведущей войну страны. Они назвали такое предложение «издевкой» (в реляции Гжимултовского — «шуткой»). Сам познанский воевода заявил, что за одно старостство получил 40 тыс. рублей (в своей реляции Гжимултовский писал о 400 тыс. злотых). Для сравнения польские дипломаты приводили пример посольства М. Чарторыского 1678 г., которое достигло соглашения с Россией о выплате Речи Посполитой 200 тыс. рублей и о передаче трех городов. Наконец, Гжимултовский с товарищами остановились на сумме в 600 тыс. рублей (3 млн злотых), заявив, что больше не уступят. Послы ссылались даже на французского короля, который якобы обещал Речи Посполитой «казну» в 5 млн злотых, хотя поляки уже получили финансовую помощь от папы, императора, Швеции и Бранденбурга.

Бояре, отвергая претензии послов, говорили, что договор Чарторыского 1678 г. заключался в условиях русско-турецкой войны, а «ныне хан прислал гонцов своих и отзывается с миром». Заявление Гжимултовского о стоимости пожалованных ему королем староств было названо «неприличным» и к делу отношения не имеющим, хоть бы Ян III дал тому и полкоролевства[193]. Согласно реляции воеводы познанского, послы вновь настаивали, что Россия должна помочь им отвоевать земли у турок[194]. Анонимный автор диариуша также сообщал, что Голицын, среди прочего, даже заявил, что «ziemię waszę od Turków odebrać pomożemy»*[195]. В ходе дальнейших споров российская сторона повысила сумму субсидий до 200 тыс. ефимков[196], или 200 тыс. «talarów bitych»[197]. Польские послы согласились уступить дополнительно 100 тыс. рублей, добавив, что решение о принятии «казны» без соответствующих инструкций и консультаций со своим правительством «перенимают они, послы, на себя, не хотя отъехать без дела». Сверх этого они потребовали еще «жалованье» (вознаграждение) для себя и С.А. Щуки. Переговоры о величине субсидий завершились безрезультатно. В итоге бояре объявили послам, что королю будут посланы царские подарки, а им, послам, — дано царское жалованье[198].

Несколько иначе девятая сессия переговоров отображена в реляции Гжимултовского. Послы настаивали на субсидиях в 2 млн злотых (400 тыс. рублей), не соглашаясь на дальнейшие уступки, а кроме того, требовали отдельных финансо-

* «земли ваши у турок отобрать поможем».

вых компенсаций для С.А. Щуки, наследников В.К. Госевского (т. е. А. Пшиемского и Ю.Б. Слушки), М. Огинского [199].

Не договорившись о субсидиях, стороны стали согласовывать содержание разъезжих писем. Послы просили бояр дать письмо «за руками» о возвращении Засожья и послать гонца с соответствующим распоряжением к украинскому гетману. Российская сторона взамен потребовала письмо «за руками» польских послов с обязательствами не требовать возмещения убытков и воспротивилась включению пункта о Засожье в разъезжие письма. Наконец письма были сверены и делегации обменялись ими, договорившись «приложить к ним руки» на «отпуске» [200].

Когда Гжимултовский уже взял перо, чтобы подписать разъезжие письма, Голицын, по свидетельству самого познанского воеводы, подтвержденному анонимным автором диариуша посольства, взявши главу польского посольства под руку, сказал, что письма без затруднений можно будет подписать и на прощальной аудиенции, что пробудило у послов новые надежды. «Uczyniła się z tego nadzieja i niemała, że przyszła sessja miała być szczęśliwa», — писал Гжимултовский* [201]. Под конец встречи послы попросили отпустить на Правобережье жену правобережного гетмана А. Могилы, живущую на Левом берегу, и освободить удерживаемых в России пленных шляхтичей, реестр которых обещали вскоре прислать. Также послы попросили, поскольку договор заключен не был, возвратить им полномочную грамоту. Если первые две просьбы вполне соответствовали дипломатическому обычаю и российская сторона выразила готовность удовлетворить их, то предложение возвратить грамоту не имело аналогий в практике. Вероятно, выступая с подобным демаршем, польские послы попытались выяснить отношение московских дипломатов как к предмету переговоров, так и к достигнутым на них результатам. Поэтому ответ бояр был ими встречен скорее положительно, хотя те и отказали вернуть грамоту, правда, дипломатично сославшись на отсутствие прецедента [202].

XII. О том, что в российской столице не торопились с завершением переговоров, свидетельствуют неофициальные консультации С. Лаврецкого с К. Гжимултовским, М. Огинским и другими послами 28 и 29 марта. На них русский представитель вновь поднял вопрос о субсидиях и говорил литовскому канцлеру о 1,5 млн злотых (300 тыс. рублях). Впоследствии, уже на официальных переговорах, Огинский напомнил Лаврецкому об этом предложении, но тогда, на десятой сессии переговоров, Лаврецкий отрицал, что речь шла якобы о 1,5 млн злотых. Гжимултовского же Лаврецкий убеждал, чтобы послы согласились на 200 тыс. рублей субсидий, включая в эту сумму и компенсации для вышеупомянутых частных владельцев. Познанский воевода готов был удовлетвориться этим, в чем его поддержали и члены посольства от Короны, сознавая, по словам воеводы, необходимость заключения договора. В связи с этим среди членов посольства от Короны и Литвы возникли очередные разногласия.

---

* «Появилась тогда надежда, и немалая, что будущая сессия будет счастливой».

В консультациях с Лаврецким был поднят также вопрос о Киевском «округе». Согласно реляции Гжимултовского, российский представитель добивался согласия послов на присоединение к землям, отходившим к России вместе с Киевом, ряда местечек. Однако послы отказались пойти на передачу России прилежащих к Киеву Ржищева, Стаек и Василькова[203].

Прощальная аудиенция была назначена на 30 (20) марта[204]. Перед ней состоялась последняя, десятая официальная встреча для подписания разъезжих писем. Она началась с жалоб польских послов, недовольных присланным к ним в предыдущий день, 29 (19) марта, образцом грамоты к украинскому гетману И. Самойловичу, в которой, по их мнению, следовало бы написать запрет новых «заездов», а также указание Посожские села «уступить со всяким удовольством, ничего из них не выбирая». При этом послы говорили, что казаки оттуда забирают скот «и доходы всякие выбирают». К письму об отдаче сел послы еще попросили приложить печати.

Согласно записи переговоров в посольской книге, Голицын отверг утверждения польских послов о казацких грабежах в Засожье и вновь потребовал дать письмо об отказе от претензий по возмещению убытков. Послы обещали сделать это, тут же припомнив о каких-то «заеханных землях» за Смоленском и потребовав их уступки. Однако этот вопрос российская сторона отнесла к ведению пограничной комиссии[205].

В изложении хода заключительной сессии реляция Гжимултовского гораздо богаче описанием разного рода кулуарных подробностей. По свидетельству познанского воеводы, Голицын в самом начале сказал, что цари искренне хотят Вечного мира и союза, предлагая польским послам пойти на уступки, обещая со своей стороны уступить, намекая на предложения, сделанные ранее через Лаврецкого. Однако Гжимултовский ответил молчанием, опасаясь, по его собственным словам, обвинений в чрезмерной уступчивости. В то же время, видя «бедность» своей страны, он желал выторговать для Речи Посполитой наибольшую сумму, установленную на «приватных» переговорах (1,5 млн злотых). Чтобы облегчить достижение соглашения с Москвой, он поручил А. Пшиемскому и А. Потоцкому убедить «коллег» из Литвы не выдвигать далее денежных претензий. Пшиемский сразу отказался от этой роли, а Потоцкий попытался уговорить литвинов, но безрезультатно. Как не без иронии отмечал Гжимултовский, литовские послы, побуждаемые «похвальной заботой об общем благе», считали, что если не удастся выторговать 2 млн злотых, то лучше уехать с разъезжим письмом[206]. Позднее познанский воевода отмечал, что чрезмерное выпячивание Огинским своего канцлерского достоинства создавало в ходе переговоров много трудностей[207]. Столкнувшись с такой неуступчивостью, московские дипломаты, в свою очередь, видимо, отказались подтвердить сделанное ранее неофициальное предложения о выплате 1,5 млн злотых. Это только обострило разногласия между польской и литовской частями посольства. Гжимултовский подозревал, что Огинский ведет какую-то собственную игру[208].

Затем состоялись подписание, приложение печатей и обмен разъезжими письмами[209], датированными 27 (17) марта 1686 г.[210]. В них говорилось об отложенном

«за многими трудностями» заключении договора о Вечном мире до комиссии в июне 1691 г. До этого времени предполагалось «чинить обсылки и посольства» и перемирие не нарушать. Если в будущем, на переговорах 1691 г., договор заключен не будет, то в последующие два года предполагалось вести переговоры о продлении перемирия. Для этого предусматривалось направление посольств, при этом ни за какие «разрушающие порубежные поступки войны не всчинать»[211]. Под конец прощальной аудиенции («ответа») состоялся обычный обмен упреками в протокольных нарушениях и в «неоказании чести». Польские послы были недовольны, что церемония «первой встречи» была в сенных дверях Грановитой палаты, тогда как в Речи Посполитой царских послов первый раз встречают у кареты; что цари спрашивали о «здоровье» польского короля, не снимая шапок («kołpakow»), тогда как Ян III всегда в таком случае обнажает голову. Российские дипломаты ответили, что, наоборот, нынешнему посольству «во всем посольском поведении чинена честь великая», какой ранее польским послам не бывало. Шапки же, которые были на царях, «зовутся манамаховы, и никогда они с них, великих государей, чрез все действо, для которого действа изволят они, великие государи, на себя их возложить, не сымаютца», даже когда цари присутствуют на службе в церкви и присягают, «потому что то древнее обыкновение и переменить его отнюдь невозможно» и «чин тот государской высокий» послам приравнивать «к равенству иных шапок не годится»[212].

После подписания разъезжих писем члены российской делегации удалились к царям, а послы остались с приставами[213]. В это время к А. Пшиемскому и К. Гжимултовскому несколько раз подходил С. Лаврецкий вместе с одним из приставов, о котором познанский воевода писал как о «знатном в том народе, ближнем стольнике и полковнике стременного полка» (первого среди стрелецких полков)*. Гжимултовский полагал, что Лаврецкий обратился к нему и Пшиемскому как к наиболее последовательным сторонникам заключения договора. Лаврецкий убеждал их послать кого-нибудь к В.В. Голицыну с согласием уступить часть денежной суммы, и тогда, по словам Лаврецкого, российская сторона, в свою очередь, что-нибудь уступит. Потоцкий вновь попытался убедить членов посольства от Великого княжества, но безуспешно. После полуторачасового напрасного ожидания русскими решения польско-литовских послов их наконец позвали к царской руке[214].

После выхода царей в Грановитую палату послов пригласил туда дьяк Прокофий Возницын. Великие государи были «в диадеме», со скипетром и державой, рядом с «государским местом» стоял В.В. Голицын; бояре, окольничие и думные люди были в золотых кафтанах. Послов «явил» царям Е.И. Украинцев. После его речи цари спросили послов о «здоровье» и велели им сесть. Затем Украинцев сказал «отпускную» речь, после чего цари вручили воеводе познанскому адресованную польскому королю царскую грамоту «в камке», послы были пожалованы к царской руке и им было объявлено царское жалованье[215].

---

* Речь идет, видимо, об Иване Цыклере — одном из сподвижников Ф.Л. Шакловитого (Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 215).

В грамоте говорилось, что при согласии польских послов уступить на вечные времена в царскую сторону территории, отошедшие к России по Андрусовскому перемирию 1667 г., они «приложили великие денежной казны запросы, чего учинить было невозможно», не захотев «учинить» Вечный мир «за самым малым делом». Заключение договора объявлялось отложенным до очередной комиссии[216].

В реляции К. Гжимултовский признавался, что совершил большую ошибку, не потребовав письма об отдаче Посожских сел прежде подписания разъезжего письма, в котором о Засожье не упоминалось. «Tu wyznać muszę wielki mój błąd, — пишет он, — żem pismo rozjezdne podpisał, nieodebrawszy pisma na Soż <...> ale to tem się stało, żem był bardzo pomieszany zerwaniem tak potrzebnego, jak mi się zdało traktatu, a do tego mniejszą miałem reflexją na interesa Księstwa Litewskiego, luboć powinienem był mieć zarówną, gdyż to jest jedno Rzeczypospolitej z Koroną ciało i to między innemi było powodem, że na nas tak siła wytargowano, że zawsze gdyśmy im czego pozwolić niechcieli, przy czem się zasadzili, tem grozili: i pisma na oddanie Zasoża nie damy, i z Turkami na was straktujemy» * [217].

После церемонии, согласно реляции воеводы, приставы пригласили послов на завтрашний день на пир. Польские дипломаты под разными предлогами отказывались, но потом, по их словам, опомнившись, что не получили договор о Засожье, приняли приглашение. По сообщению анонима, польская делегация поставила условием, чтобы цари присутствовали на пиру. 31 (21) марта, однако, послам был дан обед на посольском дворе (такой же невкусный, как пишет неизвестный автор диариуша, что и предыдущий). Под пиром в польских донесениях, однако, имелся в виду «царский стол», который послам 30 (20) марта не послали, т. к. те сказали, что у них постный день. Такой предлог зафиксирован в Посольской книге. Иной мотив отказа послов от обеда был бы оскорбителен «для государской чести». На следующий день к ним «с рыбными яствами» был послан князь Я.Ф. Долгорукий[218].

Официальные переговоры завершились. Вероятно, послы Речи Посполитой могли думать, что соглашение не состоялось из-за спора о субсидиях. Это дало польским представителям ощущение, что они находились в шаге от успешного их окончания. Об этом свидетельствовал и оказанный послам благожелательный прием. Однако вскоре дело приняло совсем иной оборот.

XIII. Когда по окончании аудиенции послы поехали к себе на посольский двор, их нагнал посланник В.В. Голицына и именем царевны Софьи убеждал М. Огинского заключить договор, обещая союз на 10 лет и 1 млн злотых на литовское войско, а

---

* «Тут я должен признать, что совершил большую ошибку, когда подписал разъезжее письмо, не получив письма на возвращение Засожья <...> но произошло это из-за того, что я был очень расстроен срывом заключения так необходимого, как мне казалось, договора и поэтому меньше уделял внимания интересам Великого княжества Литовского, хотя должен был уделять его не менее, так как это единое вместе с Короной тело Речи Посполитой; и это, между прочим, было поводом, что у нас [русские] так много выторговали, потому что, как только мы на что-либо не хотели согласиться, они сразу начинали грозить: договор о Засожье не дадим и с турками против вас сговоримся».

также просил не гневаться, что цари отказались присутствовать на обеде. Обрадованный литовский канцлер дал посланцу 500 червонных[219].

С этими предложениями перекликается польский документ, озаглавленный «[Spo]sob na szto pozwalaiut» («[Спо]соб на что позволяют»)[220] и являющийся, видимо, записью предложенных требований. В нем содержится три пункта: 1) Россия обязуется выплатить 1 млн «денег» (злотых польских?) или 100 тыс. рублей на войско Речи Посполитой. Причем средства должны быть использованы исключительно на оговоренные цели. 2) Россия выставляет 50-тысячную армию «на задержание Крыма». 3) Заключение договора о Вечном мире предлагается отложить на «иное время», вплоть до «счастливой победы над неприятелем креста святого», ограничившись продлением перемирия. Внизу документа приписка рукой М. Огинского: «Na to może być zgoda, byle sami tego dotrzymali, i wiedziec trzeba jako do tego traktatu przyjść po Pożegnaniu. A stoł do jutra życzyłbym odłozyć jeżeli można...»*. Последнее замечание литовского канцлера, касающееся отказа послов от царского «стола» (который действительно был перенесен на следующий день), позволяет соотнести этот документ с сообщением ему предложений Софьи и Голицына, произошедшим сразу после окончания аудиенции[221].

21 (31) марта послы направили Яну Собескому донесение об окончании переговоров. В нем они высказали мнение, что срыв переговоров может оказаться полезен Речи Посполитой, т. к. откроет путь к заключению мира с Османской империей[222]. 1 апреля К. Гжимултовский отправил обширное послание подканцлеру коронному, епископу варминьскому Михалу Казимежу Радзеёвскому (письмо датировано 31 марта, постскриптум — 1 апреля). В нем воевода вновь повторял, что позднее прибытие посольства стало одной из причин неудачного для Речи Посполитой исхода переговоров, и представлял подробный доклад об их завершении.

В изложении Гжимултовского, приехавшие к послам после «отпуска» приставы сообщили о недовольстве Голицына срывом переговоров, и пригрозили, что послам не будет дано обещанное письмо об отдаче Посожских сел. Это встревожило послов, направивших к В.В. Голицыну Казимежа Рачиньского. Русский канцлер выразил недовольство отказом послов от царского стола, обвинив их в срыве переговоров. Рачиньский, по словам К. Гжимултовского, ответил, что «nie przy JchMciach Panach Poslach wina, czynieli co mogli dla dobra chrześciaństwa już więcej uczynić nie mogą, zwłaszcza kiedy pożegnali Carów Jchmościów»**. В ответ Голицын заявил посланцу, что все еще можно будет исправить и возобновить переговоры. «Ale się na to nie śmiemy koronni odwarzyć»***, — писал воевода, обвиняя литовского канцлера, что-де из-за его упорства переговоры были сорваны. К. Гжимултовский выражал удовлетворение подготовленным договором о союзе, одновременно гадая, что при-

* «На то может быть наше согласие, только бы сами они то выполнили; и знать надо, как к тому трактату снова вернуться после прощальной аудиенции. А стол до завтра желал бы отложить, если возможно...».

** «не на господах послах вина, они делали, что могли, для добра христианства и уже больше сделать не могут, особенно когда получили прощальную аудиенцию у царей».

*** «Но на это не смеем мы, коронные, отважиться».

несет завтрашний день. «Albo we wtorek ztąd wyiedziemy rano, albo tesz reassumetur tractat z doskonałym ugruntowaniem soiuszu, za ktorym, — писал познанский воевода, — in instanti wychodziełyby ukazy do Dońców aby poszli Krym znosić z jednej strony a do Dnieprskich Kozaków, aby z drugiej Krym i cerkiesy infestowali do czego już są wszystkie paramenta gotowe i to było conclusus zni[o]sszy Tatarów cara Mierytyńskiego (имеретинского; имеретинский царь Арчил, изгнанный турками в конце 1670-х гг., нашел убежище в России вместе с двумя сыновьями. — *К. К.*) tam osadzić» *.

В постскриптуме от 1 апреля воевода сообщал об аудиенции в Посольском приказе ханского гонца, подавшего В.В. Голицыну три письма. В тот же день гонец должен был «видеть царские очи»[223]. В действительности гонцов было три, а аудиенции у царей в этот день не было.

Как видно из донесения К. Гжимултовского, глава посольства считал вполне приемлемыми условия союза, согласованные на переговорах, он допускал, что договор все же будет заключен. Воевода не касался вопроса об удерживаемых Россией с 1667 г. землях, что свидетельствует о готовности польско-литовских послов принять русские требования. Ян Собеский, в свою очередь, в письмах послам от 21 марта и 3 апреля продолжал настаивать на важности для Речи Посполитой заключения Вечного мира и союза с Россией[224].

2 апреля (23 марта) послам была дана копия с царской грамоты королю и царского указа гетману И. Самойловичу об отдаче Посожских сел[225]. В тот же день посланец польского короля к персидскому шаху — шляхтич Теодор Миранович, остановившийся в Москве, передал В.В. Голицыну письма от французского резидента в Польше Франсуа де Бетюна, адресованные самому канцлеру, его сыну Алексею (что должно было особенно польстить франкофилу — «оберегателю посольских дел») и Е.И. Украинцеву. В письме канцлеру резидент писал, что Людовик XIV желает заключения Вечного мира между Россией и Речью Посполитой как дела, полезного для всего христианства[226]. 5 апреля (26 марта) Т. Мирановичу было разрешено выехать из Москвы и продолжить путь в Персию[227]. Все эти события, происшедшие после обмена разъезжими письмами, свидетельствуют, что не только польская, но и русская сторона не желала окончательного срыва переговоров. В Москве, однако, затягивали выдачу грамоты о возвращении Засожья, чтобы склонить польских послов к продолжению переговоров.

Между тем получение в конце марта Посольским приказом вестовых писем об успешных действиях польской кавалерии против татарских загонов и масштабных приготовлениях австрийской армии к будущей военной кампании[228] вкупе с заявлениями польско-литовских дипломатов о готовности Османской империи начать мирные переговоры с членами Священной лиги подталкивали московское правительство к заключению договора, хотя русские дипломаты при любом удобном

* «Или во вторник с утра выедем отсюда, или заключим договор, с обговоренными как следует условиями союза; после чего сразу были бы направлены указы донским казакам, чтобы атаковали Крым и черкесов с одной стороны, а днепровским казакам, чтобы — с другой были туда направлены; для чего все уже готово, и решено, Крым уничтожив, посадить там имеретинского царя».

случае заявляли, что в России не заинтересованы в присоединении к антиосманской коалиции. В.В. Голицын должен был принимать в расчет, что, если шанс будет упущен, это, во-первых, может впоследствии привести к войне России против Османской империи без поддержки других стран, а во-вторых, лишит ее возможности (в случае победы коалиции) получить какие-либо османские земли, что, в свою очередь, повлечет за собой изменение в соотношении сил в пользу Речи Посполитой в Молдавии и на Правобережной Украине.

Вскоре после «пира» на посольском дворе послам были присланы подарки, по выражению К. Гжимултовского, «какие попало». Послы уже считали, что переговоры действительно окончились, и, несмотря на распутицу, не теряя времени, начали собираться в дорогу и даже приказали выкатить возы, считая для себя недостойным находиться в Москве «на глазах» татарских гонцов, по выражению Гжимултовского. Вместе с тем подготовка польских послов к отъезду из Москвы была предпринята не без нарочитости. Это понимали дьяки Посольского приказа и не торопились удовлетворить их просьбу о присылке подвод. 1–2 апреля послы так и не дождались ни ответа, ни подвод. Более того, пристав сказал им «как бы от себя», что «не по-людски» отпускать их из столицы по таким плохим дорогам, в самую распутицу [229]. О том, что это было инициативой не пристава, а Посольского приказа, свидетельствует посольская книга, содержащая царский указ от 30 (20) марта о выдаче польско-литовским послам поденного корма на 600 рублей, воды и дров со 2 по 9 апреля (с 23 по 30 марта) «для того, что они за распутием пути и за великою водою с Москвы не отпущены» [230].

Наконец 4 апреля приехавший к послам дьяк С. Лаврецкий объявил им, что союз может быть заключен только при их согласии уступить земли вдоль Днепра от Киева до Черного моря на ширину расстояния между Чигирином и Днепром (всего 20 городов). Послы сразу же объявили, что это невозможно. Их положение затрудняло отсутствие писем от Яна Собеского. Причину ужесточения позиции русской стороны послы видели в приезде татарского гонца (точнее, гонцов): «Wszystka ta apparentia, którą nam pokazywali życząc soiuszu wstecz poszła za przybyciem posła tatarskiego <...> nami onego, a nas im straszą» *, — писали послы королю 5 апреля [231].

Напротив, русские источники сообщают, что инициаторами возобновления переговоров были именно польские дипломаты. 7 апреля (28 марта) послы «с Москвы не поехали», прислав своих дворян с сообщением, «что не хотят потребного всему христианству дела упустить», что отказываются от прежнего требования субсидий в 200 тыс. рублей (от суммы в 400 тыс. они видимо отказались ранее, но после официального «отпуска»), уступая 50 тыс. и соглашаясь, таким образом, на 150 тыс. рублей. Посланные просили о новом съезде в Ответной палате [232].

Из двух версий большего доверия заслуживает изложенная в польских источниках. В данном случае неважно, кто первым выступил с инициативой возобновления переговоров. После получения официального «отпуска» послы могли оставаться

* «Вся эта приязнь, которую они демонстрировали, желая союза, исчезла с прибытием татарского посла <...> нами его, а нас им пугают».

в Москве только с одобрения, хотя и молчаливого, руководства Посольского приказа. Главное же — это решение царского правительства отказать послам в новых съездах («боярам с послы не видетись»), пока договор «совершенно на мере не станет» и записан не будет, а до тех пор вести переговоры только через «обсылки».

Вслед за решением о возобновлении переговоров от польских послов потребовали новое «образцовое письмо» со статьями договора[233]. «W tem był podstęp ich, bo tymczasem u tatarskiego posła macali pulsów; jako im udać się mógłby traktat, powiadając: że lubo posłowie polscy pożegnali carów, przecię z nami traktują i siła obecują za sojusz przeciwko wam» *, — писал в реляции воевода познанский.

Несмотря на строгую охрану, выставленную возле посольского двора, и старания российского правительства изолировать польских дипломатов от всех нежелательных контактов, польским послам удалось вступить в сношения с татарскими гонцами. Под предлогом покупки бурок, луков и стрел к ним были посланы некие пан Подольский и слуга старосты уйского (А. Гембицкого?), «урожденный турчин», человек разумный, по выражению Гжимултовского. Самому воеводе также удалось встретиться с представителями крымского посольства: «Bardzo przed nimi łżył naród moskiewski, com ja wszystko potem, upatrzywszy porę onym powiadał, aby wiedzieli z jakimi to swymi traktują przyjaciółу» **, — писал он в реляции.

На переговорах с крымским гонцом, как тот сообщил пану Подольскому, российские дипломаты якобы объявили, что польский король вместе со своим государством собирается отдаться в подданство царям, как когда-то казаки вместе с гетманом, «potem śmiejąc się z tego dołożył: źle nam król polski oddaje nasze przyjaźni, które uznał pod Chocimem i pod Wiedniem» *** [234].

Можно только гадать, были ли переданные Подольским слова татарина действительно сказанны или выдуманы поляком. Вместе с тем нельзя полностью исключать, что В.В. Голицын не делал никаких неофициальных (не зафиксированных в Посольской книге) заявлений во время встречи с татарскими гонцами в Посольском приказе, заявлений, которые были затем искажены и превратно интерпретированы. Учитывая, какой строгий надзор устанавливался за иностранными дипломатами в Москве, следует заключить, что Посольский приказ был осведомлен о встрече польских представителей с татарами и мог использовать ее в своих целях.

XIV. 8 апреля (29 марта) польские послы прислали требуемое «письмо»[235] с новыми предложениями условий Вечного мира и союза. Всего в документе было 17 пунктов[236]. Содержание их было таковым:

---

* «В том была хитрость их, так как тем временем и у татарского посла щупали пульс, пытаясь заключить с ним договор, говоря ему, что, хотя польские послы получили прощальную аудиенцию у царей, все же с нами ведут переговоры и много обещают за союз против вас».

** «Много лгал им московский народ, о чем я, улучив момент, потом обо всем им поведал, чтобы знали с какими друзьями они ведут переговоры».

*** «потом, смеясь, добавил, плохо нам польский король воздал за нашу дружбу, которую показали мы ему под Хотином и Веной».

1) Цари разрывают Бахчисарайский мир и заключают наступательный и оборонительный союз с Речью Посполитой; цари так же обещают начать переговоры с другими союзниками польского короля и особенно с папой римским.

2) Речь Посполитая признает границу с Россией, установленную Андрусовским перемирием, которую обещает размежевать как можно скорее; отдельно оговаривался переход к России Киева (с округом), согласно условиям перемирия, с тем, что Россия не будет требовать остальной части Киевского воеводства, т. е. земель овруцкого и житомирского поветов.

3) Россия возвращает Речи Посполитой Посожские села.

4) Россия обещает вернуть вывезенные в ходе войны гродские и земские книги, пушки, колокола, «утвари и серебра костельные», а также освободить еще не отпущенных пленных.

5) На присоединенных к России территориях католики не будут принуждаемы к православию, католичество не должно быть им препятствием во владении имениями, и «в милости царской им это вредить не должно»; на Смоленском и Киевском посадах царь должен выделить им «место для богомолия».

6) Россия выплачивает Речи Посполитой субсидии 150 тыс. рублей, из которых 100 тыс. рублей — немедленно.

7) Стороны заключают наступательный союз против Османской империи и Крыма, с запрещением заключения сепаратного мира, оборонительный союз между двумя странами заключается навечно.

8) Россия должна осуществить оговоренный план кампании на 1686 г., к которому добавлялась осада Белгородским полком турецких «вверх Днепра и при Днепре» «древних и новых городов», а также обязательство использовать против крымских татар «калмыцкие орды». В следующем, 1687 г. русская армия должна была наступать на Крым «всеми силами».

9) Освобождение всех еще не освобожденных пленных, предусмотренное предыдущими договорами.

Остальные статьи повторяли положения предыдущих русско-польских договоров (борьба со своевольными людьми, пункты о купцах и порубежных судьях).

Российский проект договора («Писмо обрасцовой записи Вечного миру и союзу») был передан послам С. Лаврецким и подьячим Кузьмой Нефимоновым 9 апреля (31 марта)[237]. Помимо условий, ранее выдвинутых русской делегацией на переговорах, в проект были добавлены новые статьи, которые на переговорах не затрагивались. Суть их сводилась к следующему:

1) Дополнительно к территориям, присоединенным по Андрусовскому перемирию, к России должны были отойти земли на Правобережье шириной 20 верст, расположенные вниз по Днепру от Киева, земли вокруг Киева и Запорожская Сечь. «Особно же городу Киеву со всеми приналежащими к нему местечками и городами, по Днепру вниз стоящими, Треполью, Стайками, Ржищеву, Трехтемиреву, Каневу, Мошне, Соколне, Черкасом, Боровице, Бужину, Воронкову, Крылову, Чигирину, Кодаку и Сече с околними в том ограничении ближними монастырями, селами и деревнями, и уездами, и с пашнями, и с приналежностьми оных, которые

в тех местех живущие люди имели даже вниз Днепра, идучи рубежем по реку Рось от реки Днепра по четыре мили, и рекою Росью вверх до устья речки Олшанки, и чрез ту речку на вершине речки Ирденя (совр. Ирдынь. — *К. К.*). И Ирденем к реке Тясме (совр. Тясмин. — *К. К.*), и чрез Тясму полем к вершинам речки Игульца, где делить Черной лес с Чигириным, и тою речкою Ингульцом до Днепра. А выше Киева вверх по Днепру по речку Ирпень, которая вверху Киева в трех милях в Днепр впадающая, и от Ирпени к Василкову, а от Белой Церкви до Кадачка и Мотовиловки всем тем местечкам приналежащим землям и полям, и лесам, и сенным покосам быти во владении и державе великих государей наших, их царского величества, вечно, и удоволствование в землях и в лесах в тех вышепомянутых городех и местех жителем имет, как изстари к ним належало». Запорожье должно было перейти под русскую власть, «в каких они там оборонах островах и поселениях своих живут, <...> со всеми при них будучими стародавними вольностями и местами, где они запорожцы добычи себе получали». Речи Посполитой запрещались сношения с Запорожьем и включение названий упомянутых земель в королевский титул.

Итак, помимо постоянно выдвигавшихся, начиная с 1683 г., русской дипломатией требований признания за Россией земель вокруг Киева, включая Стайки, Треполье и Васильков, и Запорожья, ныне Россия требовала значительную часть правобережных земель. Особенно важно, что подобные требования не выдвигались в ходе русско-польских переговоров в Андрусове и, более того, не предусматривались наказом для переговоров 1686 г. Из этого следует только одно — что претензии на эти земли первоначально выдвигать не планировалось и возникли они, может быть, под давлением оппозиционных В.В. Голицыну боярских кругов. Вероятно, что на этом настаивал и сын гетмана И. Самойловича Григорий, прибывший накануне переговоров о Вечном мире в Москву. Однако документальных подтверждений этому пока нет.

2) О непринуждении к унии православных, о рукоположении православных епископов киевским митрополитом со внесением этой статьи в сеймовую конституцию.

3) В статье о союзе оговаривалось, что Россия вступает в войну с Крымом и Турцией по просьбе не только польского короля и Речи Посполитой, но также Австрии, Венеции и Франции. Это свидетельствовало о намерении России утвердить свой статус полноправной европейской державы и равноправного участника Священной лиги. Только после подтверждения договора Яном Собеским русское правительство принимало на себя обязательство направить войска «в Запороги» для перекрытия татарам путей на Речь Посполитую, а также послать указ донским казакам об организации похода на Крым. Предусматривалось и наступление на Крым царских войск, однако срок его не оговаривался. Король был обязан вести военные действия против Турции и Белгородской орды с целью не допустить их нападения на Россию.

4) Предусматривалась выплата Речи Посполитой денежной компенсации, но сумма не указывалась.

5) По заключении Вечного мира и союза цари и польский король должны были направить грамоты с объявлением о договоре хану и султану, с предложением заключения мирного договора. Заключить мир предусматривалось при условии возвращения Речи Посполитой земель, утраченных ею по Журавненскому миру 1676 г. (в т. ч. и Каменца). Союзники не должны были заключать сепаратный мир. Отдельно оговаривались гарантии участия России в мирных переговорах между Священной лигой и Портой, поручителем которых выступала Речь Посполитая[238].

Если сравнивать представленный русскими проект договора, оформленный в «Письме обрасцовой записи Вечному миру...» с рассмотренным выше польским проектом, а также с позицией русской дипломатии в ходе официальной части переговоров, то нетрудно заметить, что позиция российской дипломатии ужесточилась.

Недовольные этим польские послы 10 (1) апреля прислали своих дворян во главе с Казимежом Рачиньским в Посольский приказ с объявлением, что русские статьи договора составлены «противны разговором» и на таких условиях они заключать договор не согласны. Они отказывались уступать правобережные города, кроме Киева с округом в 1 милю, как было написано в Андрусовском перемирии, выражали недовольство статьей о союзе.

Однако В.В. Голицын объявил присланным «и чрез нарочных своих посыльщиков к ним, послам, приказывал многажды, чтоб Вечному миру и союзу записи <...> быть так, как в том образцовом письме написано», что уступок более не будет. 13 (3) апреля к послам вновь были посланы Нефимонов и Лаврецкий, сказавшие тем, что если они не согласны заключить мир на предложенных условиях, то цари «указали им с Москвы ехать тотчас, и подводы им готовы». Послы отклонили ультиматум и объявили, что готовы к отъезду. «И того ж числа преведены были к послом на посольской двор подводы, и велено им убиратись тогож числа».

Отъезд, тем не менее, не состоялся. 17 (7) апреля послы объявили «последнее намерение», согласившись уступить территории вокруг Киева. Эти земли, лежащие между реками Ирпенем и Стугной, образовывали как бы «треугольник». Западная граница киевского округа начиналась от Ирпени (вверх по реке 4 мили от устья) и шла «полем» до местечка Васильков, а от располагавшегося в устье Стугны Треполья (совр. Триполье) в 10 верстах вниз по Днепру находились Стайки. Что касалось земель от Стаек до р. Тясмы, то этот вопрос послы предлагали «взять на доношение» Яну Собескому, чтобы потом заключить об этом новый договор, оговорив эту процедуру сейчас в договоре о Вечном мире. Если же в новом договоре (в ходе очередного русского посольства в Варшаву) этот вопрос останется неразрешенным, предлагалось отложить его до «иного времени», а до этого указанные земли между Тясмой и Стайками оставить пустыми.

Послы признавали Запорожье, включая и Кодак, владением России. Границы Запорожья должны были идти «от Тясьмы под Черной лес, которой близ Крыма, а от лесу быть рубежу по иным урочищам, по какие места бывали изстари вольности и промыслы и добычи Запорожские». Согласившись обсудить новые русские требования, польско-литовское посольство одновременно подтвердило готовность ехать из Москвы[239].

Однако переговоры через «обсылки» были продолжены — такое решение приняла Боярская дума, цари и сестра их Софья Алексеевна. Согласно ему представители официальной русской делегации не должны были видеться с польскими дипломатами. Для «пересылок» с ними были назначены подьячие И. Волков, К. Нефимонов, С. Лаврецкий, дьяк П.Б. Возницын, которые должны были докладывать непосредственно Голицыну [240]. Русской стороной была подготовлена «образцовая запись» — очередная редакция договора, состоявшая из 31 статьи. Она повторяла предыдущий вариант, однако некоторые пункты были дополнены. В титул царей, который теперь, в отличие от Андрусовского перемирия, писался полностью, были включены именования «пресветлейшие» и «державнейшие», устанавливался размер субсидий, выплачиваемых Россией — 140 тысяч рублей [241].

Для обсуждения этого проекта дьяки и подьячие в тот же день встретились с послами на дворе воеводы познанского. Споры вспыхнули с новой силой. Новое написание царского титула вызвало нарекания польской делегации, настаивавшей на написании его так же, как в тексте Андрусовского перемирия [242]. Соглашаясь на расширение киевского округа по местечки Стайки, Треполье и Васильков включительно, польские дипломаты настаивали, чтобы «земли б и уезды к тем местечкам не имяновать», говоря, что в таком случае «Белая Церковь и иные уезды многие х Киеву отойдут» [243]. В статьях 4 и 5 говорилось о взаимных обязательствах не принимать в подданство жителей, царем — Правобережной Украины (Немирова, Белой Церкви и Паволочи), королем — уступленных в царскую сторону земель; бороться со «своевольством» в обеих частях Украины; не рассылать «прелестных писем» и не принимать перебежчиков [244] Послы согласились с этими статьями, предложив несколько сократить их [245]. Дипломаты Речи Посполитой выразили недовольство предложенной им суммой выплат — 140 тыс. рублей (100 тыс. сразу после заключения договора, 40 тыс. — в 1687 г.), требуя ее повышения до 150 тыс. рублей, «и стояли на том неотступно» [246].

Главная проблема и жаркие дискуссии возникли вокруг правобережных городов. Послы говорили, что не имеют полномочий об их уступке. К. Гжимултовский и его коллеги, несмотря на предыдущее заявление, настаивали, чтобы написать в договоре только то, что они готовы взять эту статью «до донесения» королю. Если же Ян Собеский не согласиться отдать указанные земли царям, то они должны остаться за Речью Посополитой. «И при том, — свидетельствует запись в столбцах Посольского приказа, — послы стояли накрепко», неоднократно тайно совещались между собой. Наконец, они согласились с тем, что договор об этом будет заключен в ходе следующего русского посольства в Польшу. В случае, если же этого не произойдет, то решение о времени и порядке дальнейших переговоров по этому вопросу может быть принято королем и Речью Посполитой [247].

9-я статья «образцового письма» касалась обязательств Речи Посполитой не притеснять и не принуждать к унии православных подданных. Она давала право киевскому митрополиту рукополагать православных епископов. Эта статья должна была быть внесена в сеймовую конституцию. Россия в свою очередь обязалась не притеснять католиков, разрешая им отправлять религиозные обряды «в домах» и

«за рубеж в ближние костелы без затруднения ездить». В черновой редакции «образцового письма» содержалось даже позволение соорудить католикам в Москве и Смоленске нечто вроде молельного дома, позднее вычеркнутое: «А которые люди римские веры похотят купить на Москве в Немецкой слободе и под Смоленском на посаде место, где построить для богомолья своего хоромы, и то имеет им быти волно, однакож костелов им на тех местех не строить» [248].

Включение в проект «образцовой записи» упоминания о молельных домах было результатом договоренностей В.В. Голицына и М. Огинского. Последний сообщал нунцию О. Паллавичини, что уже добился включения в договор разрешения построить в Киеве и Смоленске «дома для католических богослужений» (domus ad exercitium romano-catholicae religionis), но патриарх московский — один из наиболее влиятельных людей в московском правительстве, помешал этому «хитрейшими» интригами. Голицын, тем не менее, обещал выхлопотать литовскому канцлеру «царскую привилегию» на постройку молельного дома в Смоленске в частном порядке, которой тот, в письме к нунцию, обещал незамедлительно воспользоваться. «Посольских дел оберегатель» также намекнул Огинскому, что после ратификации Вечного мира королем Яном Собеским подобное же разрешение может быть выдано и в отношении Киева [249].

Послы без особых споров согласились на 9-ю статью, продолжая официально настаивать на включении в нее пункта о выделении католикам мест под строительство костелов на посадах Москвы, Смоленска и Киева [250], но безуспешно.

Статью о союзе послы «всю спорили», говоря, что «в ней писано толко церемонии, а не прямое дело». Согласно ей, роль России в союзе сводилась к «вспоможению» Речи Посполитой против Крымского ханства. Цари обязались «наступательное <...> на Крым учинить вспоможение», «промышляя над самым крымским юртом», в 1687 г., а также и в последующие годы, вплоть до заключения мира между христианской коалицией и Портой. При этом польский король должен был вести военные действия против Белгородской орды и турок, чтоб они не ударили на царские войска, объединясь с крымцами. В 1686 г. Россия обязалась послать войска в Запорожье и казаков на Черное море, чтобы воспрепятствовать приходу крымских орд на польские земли. Послы потребовали включить в статью о союзе обязательство России объявить войну Крымскому ханству и Османской империи и не допустить нападения крымцев на Речь Посполитую в 1686 г., предложив в конце концов, что статьи о союзе напишут они сами, т. к. «то дело надобно им» [251].

Статья 12 содержала обязательства короля и царей по заключении Вечного мира и союза писать к крымскому хану и турецкому султану с предложениями заключения общего мира, между прочим на условии возвращения Речи Посполитой Каменца [252]. Послы выступили против такой формулировки, говоря, что королю о мире к хану и султану писать «не для чего», польский король хочет «привести его (султана. — *К. К.*) к миру оружием в неволю», цари же по своему желанию могут послать послов с мирными предложениями. Стороны согласовали пункт о незаключении с ханством и Османской империей сепаратного мира [253].

Согласно 13-й статье, польский король должен был гарантировать, что его союзники — Габсбурги и Венеция — «по обязательству с его королевским величеством по учиненному и заприсяженному договору против тех бусурман в такой же силе и мочи быти, в какове они с его королевским величеством ныне есть договорами обязаны, и, не обослався с ними (царями и королем. — *К. К.*), цесарю и Венеции с султаном не мирится и наипаче с своих сторон воевать и отпор наступательной и оборонительной чинити всеми силами. И цесарю и папе вечной мир и союз во свидетельство и в крепость за его королевское величество и за Речь Посполитую грамотами своими за руками ствердить и обнадежить», прислав те грамоты царям и королю [254].

Не желая непосредственно вступать в союз с Австрией и Венецией, Россия в то же время желала обеспечить свои интересы в Священной лиге посредством договора с Речью Посполитой. Послы согласились с этой статьей, потребовав, однако, убрать из нее обязательство подтверждения договора папой и императором — «а то де стало порука по них, и естли де по них поруку имать то де надобно и за царское величество кому ручатись» [255].

Послы согласились со статьей о «призывании» в союз французского короля, предложив добавить туда пункты о приглашении в коалицию английского и датского королей, приняв также и все остальные статьи [256].

Таким образом, в ходе дальнейшего обсуждения проектов русско-польского договора Россия продолжала отстаивать требования, выдвинутые ею после срыва официальных переговоров. Они сводились к стремлению сделать как можно менее обременительным свое военное участие в коалиции, к принятию сторонами обязательства обратиться к Порте и Крыму с мирными предложениями, из чего вытекала возможность заключения с ними мира без участия других союзников, и одновременно к закреплению за Россией статуса полноправного участника христианской коалиции.

Русские представители донесли В.В. Голицыну о спорных статьях. После этого подьячие были 18 (8) апреля вновь посланы к польским дипломатам и затем съезжались с ними «по дважды и по трижды на день, и о спорных статьях и речах, которых полские послы против образцовой записи не принимали, <...> говорили и на мере ставили», согласовывая с Голицыным все изменения в договоре [257].

Совсем иначе события 17 (7) апреля изображены в реляции воеводы познанского. По его словам, в наступившую православную предпасхальную великую неделю москвичи проводили все время на церковных службах. Под этим предлогом все переговоры были отложены [258]. В это время Гжимултовский получил от коронного канцлера письмо курфюрста бранденбургского Фридриха Вильгельма к московским царям [259]. В письме (датировано 22 февраля 1686 г.), полном антиосманской риторики, курфюрст призывал царей к вступлению в Священную лигу и к заключению договора с польским посольством, обещая оказать коалиции «искреннюю» помощь, доказательством чего служила его готовность послать в Венгрию отборные отряды. Впоследствии Гжимултовский благодарил Фридриха-Вильгель-

ма за посредничество[260]. В русской посольской книге отмечено, что письмо было подано послами 15 (5) апреля[261].

Воевода сразу же отослал письмо князю Голицыну и, воспользовавшись оказией, приказал передать, что послы желали бы поговорить с ним в каком-нибудь нейтральном месте. Руководитель Посольского приказа принял письмо «с очень веселым лицом», выразив готовность вновь обсудить условия договора и подумать о «нейтральном» месте для конференции. В праздничный вторник, 16 апреля, на двор к воеводе съехались члены посольства, а также приставы. После окончания трапезы к воротам двора боярина Шеина (видимо, А.С. Шеина), который находился напротив двора, где размещался воевода познанский, приехал Голицын с несколькими боярами. Гжимултовский послал к нему одного из приставов, приглашая к себе. Князь вежливо отказался под предлогом, что не может нанести визит без царского позволения, назначив, однако, обещанную «неофициальную» встречу на завтра и попросив послов под видом прогулки верхом выехать после полудня «в поле» с небольшой свитой. Послы ответили согласием.

17 апреля послы в сопровождении пристава приехали за город, на оговоренное место. В течение длившегося несколько часов обсуждения все пункты трактата были согласованы, причем послы согласились на передачу России Киева вместе с требуемыми территориями. По словам Гжимултовского, о передаче России Василькова Голицын просил особенно, поскольку там находились владения Киево-Печерского монастыря. По свидетельству воеводы, встреча прошла с нехарактерной для предыдущих «разговоров» теплотой: «...daliśmy sobie ręcy: że nic do umowionych punktów tak my, jako i oni dodawać ani ujmować nie mieliśmy. Tak mile to zakończenie przyjęli, że na tem miejscu cerkiew postawić obiecowali. Nastąpiły braterskie uściśnienia flasz kilka wypiwszy wina, które z sobą mieliśmy»*. Российская сторона пообещала прислать на следующий день на посольский двор участвовавшего во встрече Е.И. Украинцева для сверки в присутствии послов окончательного варианта договора. Напоследок краткое изложение составленного договора было зачитано вслух, после чего обе делегации разъехались. Далее Гжимултовский сообщал, что накануне вечером началось совещание правительства, окончившееся аж утром следующего дня, после чего перед полуднем послам было сообщено об отложении дальнейших переговоров до субботы, 20 апреля, с уверениями, что все постановленное на последней встрече остается в силе[262].

На следующий день, 18 апреля, М. Огинский в письме М.К. Радзеёвскому кратко изложил ход переговоров (что, в общем, совпадает с реляцией воеводы) и согласованные условия договора: признание за Россией территорий, присоединенных по Андрусовскому перемирию, включая Киев с требуемым округом: «Za ustąpienie Kijowa <...> na wojsko pułtora milliona dają <...> z naszej strony Dniepru wymusili na nas pomknienie granicy po Stawki (Стайки. — *К. К.*), a od Porozow (по-

* «...дали мы себе руки: что никто ничего до согласованных пунктов [договора] — ни мы, ни они, ни добавлять, ни убавлять не должны. [Московские дипломаты] так мило приняли окончание [переговоров], что на том месте церковь обещали поставить. Наступили братские объятия, причем было выпито несколько фляг бывшего при нас вина».

рогов. — *К. К.*) po uście Tesminu rzeki w Dniepr recta linea w górę po Ciemny las, że Czehryn in nostram cedit partem»*. Решение о требуемых русскими дипломатами правобережных землях должно было быть принято королем и Речью Посполитой в ходе переговоров с российским посольством в Польше, отказ передачи этих земель России не должен был стать поводом к расторжению Вечного мира. До этого указанные территории должны были оставаться пустыми. Россия обязалась направить войска в Запорожье и против турецких крепостей на Днепре, перекрыть пути татарским набегам на Речь Посполитую, организовать диверсии против Крымского ханства силами запорожских и донских казаков, а в 1687 г. — большой поход всеми силами на Крым, а также выплатить Речи Посполитой 1,5 млн злотых (300 тыс. рублей). Также в изложенных Огинским условиях договора предусматривалось сохранение свободы религии в обеих странах, оговаривалась взаимная присяга царей и короля, привлечение в союз Франции, Дании и Голландии, незаключение сторонами сепаратного мира.

Изложенный М. Огинским вариант договора практически совпадает с тем, который представлен в российских источниках как обсуждавшийся на посольском дворе. По словам канцлера, российская сторона хотела еще выторговать 100 тыс. рублей с обещанной суммы. М. Огинский отмечал также довольно доверительные отношения между членами польского посольства и русскими дипломатами, часто приглашавшими друг друга на пирушки, и считал, что переговоры не продлятся более недели[263].

О результатах встречи 17 апреля М. Огинский также проинформировал канцлера Я. Велёпольского. В письме литовский канцлер предлагал уже третью по счету версию возобновления официальных переговоров, жаловался на разногласия с Гжимултовским. Получив письма от Я. Велёпольского вместе с посланием Фридриха Вильгельма, М. Огинский сразу же переслал последнее В.В. Голицыну, что послужило предлогом для возобновления переговоров. Здесь же литовский канцлер подчеркивал необходимость заключения Вечного мира и союза, особенно учитывая неудачные переговоры его коронного коллеги в Берлине, и отмечал, что Ян Собеский также настаивает на заключении договора: «Czego (договора с Россией. — *К. К.*) polunąć nie zdało nam się, mając reflexią na wszystkie koniunktury, o których occultiori charaktere od króla Jmci mieliśmy przestrogi oraz i na successum WMM Pana w Berlinie gdzie że ablegacje pra[e]judicarunt dużo Bydgoskimi traktatami»**[264]. 19 апреля послы отправили донесение королю о согласовании текста договора[265].

В тот же день, что и донесение посольства, К. Гжимултовским было отправлено письмо королю. Познанский воевода оценивал ситуацию более пессимисти-

---

* «За уступку Киева <...> на войско полтора миллиона дают <...>, вынудили нас передвинуть границу до Стаек, а от Порогов [граница должна идти] по устье Тясмины, в Днепр [впадающей], прямой линией вверх до Черного леса, так что Чигирин останется в нашей стороне».

** «Чего провалить не следовало бы, принимая во внимание все обстоятельства, о которых секретным способом получили мы предостережения от короля, и ваши результаты в Берлине, где [исход] миссии был в значительной мере предрешен Быдгощскими трактатами».

чески, нежели канцлер. Он обоснованно считал, что Россия хочет заключить Вечный мир, уклонившись при этом от ведения войны. Воевода высказывался против заключения договора, поскольку не был уверен в его соблюдении Россией, и сомневался, начнет ли она войну с турками и татарами[266].

20 апреля послам было сообщено о переносе переговоров сначала на 22, а затем на 24 апреля. Обеспокоенные послы потребовали подвод для отъезда из столицы и попросили выдать им договор о возвращении Засожья[267]. Перерыв в переговорах, по нашему мнению, был вызван разногласиями, существовавшими по поводу заключения Вечного мира в правящих верхах Московского государства, и борьбой придворных боярских группировок[268]. Одним из наиболее последовательных противников заключения договора, предусматривавшего войну с Крымским ханством и Османской империей, был патриарх Иоаким[269]. Против заключения Вечного мира и за войну с Речью Посполитой выступила группировка во главе с П.И. Прозоровским и Ф.П. Салтыковым. Об этом свидетельствовал Б.И. Куракин: «И в 7194 годех для подтверждения мира с поляки был держен совет в Палате, что с поляки или мир подтверждать и аллиянс противу татар учинить или войну с поляки начать, а мир с татары учинить. И о том было в Палате двух мнений противных, а именно, царевна Софья и князь Голицын [с] своею партиею были той опинии, чтоб мир с поляки подтвердить и войну против Крыму начать, но другая партия бояр, как князь Петр [Иванович] Прозоровский, Федор Петров сын Салтыков и другие были того мнения, чтоб войну против поляков начать. И за несогласием тем продолжалося 6 месяцев. И, наконец, согласилися мир с поляки подтвердить и аллиянс с ними против Крыму учинить»[270].

Отмеченный Б.И. Куракиным срок «несогласий» — полгода, свидетельствует, что противоборство дух боярских группировок по вопросу заключения Вечного мира было достаточно серьезным и упорным. Противники В.В. Голицына распространяли о канцлере самые фантастические слухи. Так, боярин И.А. Желябужский в своих записках сообщал, что царскую казну, которую Россия обязалась на основе заключенного Вечного мира выплатить Речи Посполитой, В.В. Голицын «с польскими послы разделил по полам»[271].

Против заключения договора решительно выступал гетман И. Самойлович, к чьему мнению в Москве прислушивались и которого в этом вопросе многие бояре — противники В.В. Голицына открыто поддерживали. В этой ситуации «посольских дел оберегатель» вынужден был считаться с мнением противников Вечного мира, настаивая в переговорах с поляками на самых выгодных для России условиях, что, в свою очередь, служило аргументом в защиту позиции руководителя русской внешней политики.

В непрочном положении канцлера среди правящей элиты отдавала себе отчет и польская дипломатия. После заключения договора К. Гжимултовский так характеризовал ситуацию в русских правящих кругах: «Kniaź Galiczyn życzy sobie tego honoru hetmanić na tę wojnę, czego mi się zwierzył in confidentia przy pożegnaniu, ale widzę vacillat jego potentia kiedy nie mógł dopiąć syna swego tu posłem, i ten jego ambitus pophnie samego cara Piotra na wojnę bo emuli Galliczyna nie będą chcieli dać

mu wojska w ręce, których on tam ma magnos. Między inszemi stryjecznego rodzonego brata swego marszalka carów (Б.А. Голицына. — *К. К.*), ale Odojewscy, Cyrkascy, Dołhorukowie ci do gardła nie dadzą mu wojska pod governo» *[272]. Видимо, не только желание польских послов, но и противодействие оппозиции заставило Голицына пойти на встречу в «нейтральном» месте (вдали от кремлевских палат и Посольского приказа) для согласования всех пунктов договора. Тем не менее принятый в результате проект договора был подвергнут противниками Вечного мира острой критике на заседании правительства. О разгоревшихся страстях свидетельствует то, что дебаты шли всю ночь и закончились рано утром. Отсрочка переговоров говорит, что проект, который отстаивал Голицын, принят тогда не был.

Однако сторонники договора с Речью Посполитой не сдавались. На следующий день после «ночной» думы, 18 апреля (дату возможно установить на основе реляции Гжимултовского), царевна Софья предприняла чрезвычайную, в сравнении с кремлевскими обычаями, попытку договориться с польскими послами «через головы» противников договора. Об этом свидетельствует сохранившийся в польском Главном архиве древних актов в Варшаве любопытный документ — донесение о контактах с царевной одного из членов польского посольства от Великого княжества. Мы можем установить и имя этого дипломата — Иосиф Лядинский.

Согласно его «отчету», сразу после окончания ночного заседания правительства, на котором обсуждались условия русско-польского договора, Софья, приехав в Новодевичий монастырь, пожаловалась игуменье Антонине Даниловне на бояр, которые-де «из-за упорства своего» устойчивого мира с поляками и союза «на святую войну с погаными учинить не хотят», не принимая во внимание молодость царей и возможность образования, в случае заключения мира между Османской империей и Речью Посполитой, польско-турецкой лиги, направленной против Москвы. Царевна приказала игуменье начать через своего племянника И. Лядинского переговоры о союзе с канцером Огинским. Софья предлагала следующие условия: 1) Россия обязуется выплачивать Речи Посполитой до окончания войны 1 млн злотых в год на войско. По мнению Софьи, это обошлось бы русской казне дешевле выставления собственного войска под командой своих военачальников, «których sposobnych nie mamy a dobry pobici» **. Имелись в виду убийства бояр в результате стрелецких выступлений в 1682 г. 2) Россия направляет 50 тыс. войска (20 тыс. пехоты и 30 тыс. казаков) под непосредственную команду короля, остальные же казаки «niech swego państwa bronią» ***, т. е., видимо, должны были бороться с набегами крымских татар на Украине и нападать на полуостров Крым. Это, по мне-

* «Князь Голицын хочет для себя этой чести — командовать в этой войне, о чем конфиденциально сказал мне при расставании, но я вижу, что впустую его могущество, если не мог добиться назначения своего сына сюда послом, и те его амбиции толкнут самого царя Петра на войну, поскольку соперники, которых у Голицына множество, не захотят дать ему войско в руки. Между прочими двоюродный брат (Б.А. Голицын. — *К. К.*), маршалок царей; но Одоевские, Черкасские, Долгорукие ни за что не дадут ему войско под команду».

** «которых способных у нас нет, а все хорошие — перебиты».

*** «пускай свое государство защищают».

нию царевны, было бы выгоднее, чем использовать в войне с Османской империей и Крымом все российские вооруженные силы. 3) Заключение Вечного мира предлагалось отложить лет на пятнадцать, до тех пор, когда оба монарха, «pobidiwszy Pogan, na krepko w miłości wieczny [мир] zawrą» *. С заключением союза царевна связывала и планы недопущения бунтов на Украине: «A co i większa i bunty ukraińskie Kozackie uspokoją, którzy nam gorzko doiedli, iak dziurawych worów nie napchamy denkami, podarkami i chlebnymi zapasami, a oni jak wilcy pochwałki czynią i buntować chcą» **. Антонина Даниловна встретилась с И. Лядинским, который, записав «пункты», в свою очередь, ознакомил с ними литовского канцлера. М. Огинский принял предложения Софьи, однако об этих контактах стало известно Голицыну, который якобы, желая сам идти на войну и заключить Вечный мир, дезавуировал предложения царевны, сняв их с повестки дня дальнейших переговоров [273].

Реляция Лядинского позволяет судить о позиции царевны Софьи относительно заключения Вечного мира и, шире — относительно внешней политики России. Первое, что бросается в глаза, — это желание сократить до минимума военное участие России в коалиции, сведя его к 20-тысячному отряду пехоты, переданному под команду польского короля, к денежным субсидиями и к понуждению украинских казаков к активному участию в военной кампании. В этой инициативе царевны видится аналогия с дипломатической практикой двух наиболее искушенных в этом ремесле и двух наиболее могущественных держав Европы — Франции и Австрии. Дипломатия этих двух государств отличалась желанием и умением в первую очередь действовать золотом: создавать и разрушать коалиции при помощи щедрых денежных субсидий, загребать жар руками оплаченных войск союзников и вассалов.

Все это, однако, требовало, сосредоточения в распоряжении сильной центральной власти значительных денежных средств, а потому Речи Посполитой, с ее слабой королевской властью, оставался иной удел — оплачивать свое участие в международных конфликтах в первую очередь кровью собственных солдат, причем часто навербованных на деньги других государств.

Невыгодность подобной политики (как материальную, так и политическую) понимала царевна Софья, что видно из ее собственных рассуждений, зафиксированных литовским представителем. Ее предложения были тем ценней, что отвечали стремлениям польской стороны, уже несколько лет безуспешно добивавшейся от России «случения сил» и денежных субсидий на ведение войны, в которых Речь Посполитая хронически нуждалась, а также более активного участия казаков в военных действиях, в основном против Крыма, в чем личную заинтересованность проявлял сам польский король и чего он с самого начала войны пытался добиться как официальным путем, так и с помощью интриг.

---

* «победивши поганых, в любви крепкий вечный [мир] заключат».

** «И даже более, бунты украинские казацкие успокоят, которые нам горько досаждают; как дырявые мешки, не можем наполнить [казаков] деньгами, подарками и хлебными запасами, а они, как волки, угрозы чинят и бунтовать хотят».

Во-вторых, обращает на себя внимание антиукраинская аргументация царевны. Не говоря о риторике, укажем, что по плану Софьи основную тяжесть военных действий предполагалось переложить именно на казачество: помимо выставления большего воинского контингента, оно должно было взять на себя и оборону пограничья, причем последнее условие могло толковаться достаточно широко — вплоть до диверсий против Крымского ханства. Понимая, что подобные решения вызовут недовольство казацкой старшины, и в первую очередь самого гетмана Самойловича, царевна выразила готовность сотрудничать с Речью Посполитой в подавлении возможных «бунтов» на Украине. В этом предложении царевны есть и еще один характерный момент. Готовность Софьи отложить переговоры о заключении Вечного мира свидетельствовала о понимании ею, что де-факто эти территории уже являются неотъемлемой частью Российского государства и что изменение внешнеполитической конъюнктуры, способное привести к отторжению этих земель от России при условии ее равноправного членства в международной коалиции, вряд ли возможно. В этом случае с признанием юридической принадлежности этих земель московскому государству можно было не спешить.

Реляция И. Лядинского непосредственно связана с другим документом, который содержал предложения, переданные М. Огинскому сразу после аудиенции не столько, как теперь видно, от имени царевны и канцлера, сколько от имени самой Софьи Алексеевны (схож и сам язык обоих документов). Это позволяет проследить наличие определенной стратегической линии, представленной царевной и ее сторонниками. Сутью и целью ее было вхождение России в международную коалицию европейских держав, при минимально возможном собственном военном участии, что предполагалось компенсировать отсрочкой заключения Вечного мира и денежными субсидиями. Сторонником такой программы, безусловно, был и В.В. Голицын, однако в данный момент его конкретные действия в ходе переговоров заключались в лавировании между противоборствующими боярскими группировками.

Не получив известий о дальнейшем продолжении переговоров, 23 апреля познанский воевода составил новый мемориал для своих коллег по посольству, в котором развивал взгляды, высказанные им в письме королю от 19 апреля. Он утверждал, что, принимая во внимание упущенное в нынешнем году русскими войсками время для начала военной кампании, не стоит заключать союз ценой утраты значительных провинций за Днепром, ценой того, что «na drugą stronę Dniepru tak szeroko przeskakiwają Moskwa i Zaporoże odbierają, i koło Kijowa tak wielkie latifundium»*. Союз будет только препятствием для необходимых, по мнению Гжимултовского, мирных переговоров с турками, а окончательная утрата «таких значительных провинций» нанесет невосполнимый ущерб международному престижу Речи Посполитой[274].

В ходе неофициальной стадии русско-польских переговоров отношения между воеводой познанским и М. Огинским значительно ухудшились. Одной из при-

* «на другую сторону Днепра так сильно перескакивает Москва, и Запорожье отбирает, и около Киева такие большие владения».

чин, видимо, была перемена позиции К. Гжимултовского по вопросу о мире с Россией. Воевода подозревал, что М. Огинский имел какие-то сепаратные контакты с Посольским приказом. В одном из писем он писал, что «Pan Kanclerz wypisuje wszystkie arkana, których ia listowi, a ile przez moskiewską pocztę powierzyć nie powarzyłbym <...>. Imé Pan kanclerz <...> bardzo Moskwie ufa, ja zaś cale nie»*. По наблюдениям Гжимултовского, отношения М. Огинского и В.В. Голицына, однако, не были безоблачными. «Kanclerz ufa Xciu Galiczynowi, że mu miał dać scrypt na oddanie [Засожья] do soiusza a hucusque go nie ma»**[275]. В очередном послании королю Гжимултовский сетовал, что, когда посланцы Посольского приказа не явились на посольский двор в назначенную субботу, он предложил коллегам заявить русскому правительству о немедленном выезде из Москвы. Против этого, по словам познанского воеводы, выступили некоторые «господа», «хорошо знакомые с греческой религией». Глава польско-литовского посольства намекал, несомненно, на Огинских, и в первую очередь на литовского канцлера, бывшего до 1670 г. православным. Тот объяснял задержку в переговорах проходившими в Москве пасхальными торжествами и богослужениями. Гжимултовский считал, что все подобные объяснения — не более чем уловки русских дипломатов и что литовский канцлер прекрасно отдавал себе в этом отчет[276].

Наконец приехавшие 24 апреля к польским послам подьячие Посольского приказа и дьяк П.Б. Возницын привезли образец договора, «wprost przeciwne tym, któreśmy umowili; włożyli te wszystkie zabory, których przedtem pretendowali, a w polu ich ustąpili»***. На заявление послов, что они договорились с князем Голицыным о других условиях, приказные ответили, «co w polu stanęło, nie wiemy; ale tak stanęło w radzie przy carach, inaczej nie będzie»****. Разгневанный воевода ответил, что, если бы даже султан турецкий уже стоял с войсками между Люблином и Варшавой, они бы не согласились на такой трактат.

Согласно реляции Гжимултовского, именно в этом варианте договора в титуле царей появились эпитеты «пресветлейшие и державнейшие», тогда как польский король был назван всего лишь «наияснейшим», что, правда, по словам русских дипломатов, было более почетно. Послы требовали именовать короля «наимогущественнейшим». После долгих споров российская сторона согласилась на добавление эпитета «державнейший» наравне с царем и к титулу Яна III[277]. Царской грамотой от 24 (14) апреля о ходе переговоров был извещен гетман И. Самойлович[278].

Утром 25 апреля русские дипломаты вновь приехали в резиденцию послов. В ходе разгоревшихся споров они пригрозили, что, если договор не будет заключен,

---

* «Господин канцлер расписывает все секреты, которые я письму не доверил бы, тем более посланному через московскую почту <...>. Канцлер очень Москве верит, я же совсем нет».

** «канцлер верит князю Голицыну, который ему обещал договор о возвращении [Засожья] перед [заключением] союза, но до сих пор его не имеет».

*** «совершенно противоречащий тому, который согласовали; вставили туда все захваты, на которые до этого претендовали, а потом в поле уступили».

**** «о чем в поле договорились, не знаем; но так решено на совете у царей, и иначе не будет».

цари «будут искать иной дружбы», имея в виду султана и крымского хана, а затем заявили, что переговоры окончены. Примечательно, что, покинув палаты Гжимултовского, приказные, спускаясь по лестнице, встретили прибывшего по зову познанского воеводы канцлера М. Огинского (он жил на отдельном от коронных послов дворе), после чего показали готовность вернуться за стол переговоров. В то же время поляки были намеренно поставлены в известность о произошедшей в этот же день аудиенции татарских гонцов у царей. Русские приехали к послам и вечером, представив им новые требования. К. Гжимултовский в донесении польскому королю изложил их так: «1mo. Żebyśmy pro libitu et ex scripto ich powinni byli traktować z cesarzem tureckim *nie dokładając się kolligatów* (курсив мой. — *К. К.*). 2do. Żeby cesarz Jmć i ociec sw. ręczył za nas względem dotrzymania traktatów. 3tio. Aby króla Jmci francuskiego obadwa monarchowie prosili do tego soiuszu»*[279]. Послы ответили, что польско-австрийский союз сам по себе уже является гарантией соблюдения Вечного мира и союза. Остальные предложения они категорически отвергали, указав на неприемлемость для свободного народа Речи Посполитой и ее короля ведения переговоров под чьей бы то ни было иностранной опекой. Приказные ответили, что Россия не хочет входить в какие-либо отношения с Австрией и Венецией, продолжали настаивать на принятии польской стороной обязательств ведения сепаратных переговоров с турками, выставляя теперь это главным условием заключения договора. После того, как поляки заявили, что не хотят менять «прочный» союз с Венецией и Веной на «ненадежный» договор с Россией, переговоры были в который раз объявлены завершенными; на прощанье русские представители пообещали, что послам будут выданы подводы для отъезда. На следующий день русские дипломаты вновь приехали к послам, настаивая на вчерашних требованиях, но опять получили отказ.

Сообщая все это в письме к королю, познанский воевода недоумевал, почему русская дипломатия, отвергая союз с Австрией и Венецией, требует заключения такового с французским королем. Гжимултовский также отмечал, что теперь, по сути, Россия вместо военного союза против османов предлагает свое посредничество в заключении мира с султаном. Наконец, считая, что Москва ведет переговоры о союзе с татарами, что для нее главное «ухватить» Вечный мир без союза, глава польско-литовского посольства утверждал, что их миссия в такой ситуации вообще теряет смысл. Он советовал поддерживать в Крыму надежду на возможность заключения мира с Речью Посполитой[280].

Впрочем, если отбросить драматические подробности, объясняющиеся тактическими маневрами русской дипломатии с целью добиться как можно более выгодных для себя условий, то суть изложенного познанским воеводой не многим отличается от того, что содержалось в проекте договора, который, согласно доку-

---

* «1-е. Чтобы мы по желанию и инструкциям их начали переговоры с турецким султаном, не ставя в известность союзников. 2-е. Чтобы император и святой отец поручились за нас в соблюдении договора. 3-е. Чтобы оба монарха пригласили в союз французского короля».

ментам Посольского приказа, дьяки и польские послы обсуждали 17 (7) апреля якобы на посольском дворе.

Продолжавшиеся, согласно реляции воеводы, до 3 мая переговоры были сосредоточены вокруг 3-х основных проблем: землях на Правобережье Днепра, царского и королевского титулов и антиосманского союза[281].

В письмах польским послам король продолжал настаивать на необходимости для Речи Посполитой заключения договора, выражая опасения по поводу начавшихся русско-турецких переговоров в Стамбуле (польский король ошибался — русские посланники Н. Алексеев и И. Лисица к этому времени уже возвращались домой). Более конкретно непременное требование польского двора заключить договор выразил С.А. Щука. Он писал одному из послов, скорей всего — К. Гжимултовскому, что, даже если посольство уже выехало из Москвы, кому-то из них необходимо вернуться и продолжить переговоры, добиваясь заключения союза даже ценой уступок всех земель, которые Россия удерживает с 1667 г. По мнению регента коронной канцелярии, необходимость этого диктовалась нынешним сложным положением Речи Посполитой. Он считал, что в будущем, при более успешной внешней политике шляхетской республики, будет нетрудно найти предлог для разрыва договора «с таким несправедливым народом». Щука напоминал, что Речь Посполитая дала свое согласие на признание за Россией андрусовских приобретений и хотя затем было решено «держаться середины» в переговорах с Москвой, т. е. пойти на территориальные уступки лишь частично, тем не менее в данный момент необходимо вернуться к первоначальной позиции. Регент коронной канцелярии выражал надежду, что потеря земель на востоке будет компенсирована при активной помощи России приобретениями в войне с Турцией[282]. В своих рассуждениях Щука имел в виду инструкцию 1681 г., санкционировавшую заключение антиосманского союза и Вечного мира на условиях признания за Россией земель, удерживаемых по Андрусовскому перемирию, а также решения рады сената января 1684 г., предусматривавшие ограниченную реализацию данной программы[283]. Это лишний довод в пользу того, что в ходе сейма 1685 г. старая инструкция была просто переутверждена.

Согласно русским источникам, 1 мая (21 апреля) «с полскими великими полномочными послы дьяки и переводчик, и подьячей запись каковой быть о вечном миру и о союзе с обоих сторон на мере поставили». 2 мая (22 апреля) послы прислали свою «запись» договора в Посольский приказ, где ее сверяли с российским образцом переводчик польского посольства Самуил Рожицкий и секретарь посольства вместе с Лаврецким и Нефимоновым «и, в которых статьях польских послов в записи была недописка и написано несправчиво, все выправили и з ближних бояр с записью поставили на мере слово в слово <...>. И приговори[ли] по тем выправленным письмам писать те записи с обоих сторон набело».

4 мая (24 апреля) цари и Софья «слушали» и обсуждали образец договора с ближними комнатными боярами и патриархом Иоакимом, и государи указали, и патриарх и бояре приговорили «такове записи о вечном миру и о союзе быти». 6 мая (26 апреля) в ходе торжественной аудиенции послов у царей состоялась це-

ремония подписания и обмена экземплярами договора, а затем — «отпуск» польско-литовских дипломатов. Делегации разменялись также и письмами о возвращении Речи Посполитой Посожских сел, русская сторона вручила польской царскую грамоту польскому королю уже с новой формой царского титула[284]. Гжимултовский в своей реляции так же описывает эту аудиенцию.

Таким образом, если расхождения между польскими и русскими источниками, освещающими официальную часть переговоров, достаточно незначительны, то различия, касающиеся их неофициальной стадии, несомненно, более заметны. Документация Посольского приказа, хорошо фиксировавшая содержание и процедуру официальных переговоров, практически не сохранила упоминаний о кулуарных контактах либо намеренно их исказила для придания им полуофициального характера. Так, свидание делегаций за городом было изображено как совещание подьячих с послами на посольском дворе, что позволило В.В. Голицыну замаскировать ее подлинное значение и скрыть содержание принятых там решений. Вероятно, такие действия канцлера объяснялись наличием в русских правящих кругах влиятельных противников проводимого им и царевной Софьей внешнеполитического курса.

В ходе переговоров возникло несколько редакций договора: 1) Русская и польская, составленные сторонами параллельно после окончания официальной части переговоров. 2) Русская 2-я, подготовленная к встрече с польскими послами и доработанная в ходе дебатов 17 апреля. 3) Русская 3-я, представленная польским послам 24 апреля. Текст самого договора был, таким образом, пятым вариантом. Как видно, с конца марта инициатива в переговорах полностью принадлежала русской стороне. Польские дипломаты не вносили своих предложений, будучи вынуждены реагировать на шаги своих русских партнеров.

7 мая (27 апреля) по царскому указу «были у их великих государей приватным обычаем без чинов в вечерни полские <...> послы». При встрече послов «на крыльце и на рундуку перед переднею стоял генерал Григорей Иванович Косагов и полковники стрелецкие с протазаны в бархатных кафтанах». К. Гжимултовский и его коллеги были у царей «в хоромех каменных в комнате». Когда послы вошли в Крестовую палату, их встретил ближний стольник Алексей Васильевич Голицын, сын «посольских дел оберегателя», и Ф.Л. Шакловитый. Когда послы вошли в комнату, их «у комнатных дверей» встретил Е.И. Украинцев и спросил по велению государей о здоровье. Потом цари «изволили [послов] принять и кубки пить про королевское здоровье при послех», жаловали послов и присутствовавших на неофициальной аудиенции бояр «из своих рук кубками с питьем», которые те опорожняли за царское здоровье. После того как польские дипломаты побывали у царской руки, цари вышли из комнаты, и аудиенция прошла еще раз, но уже с участием Софьи. На этот раз при дверях поляков и литвинов встречал сам В.В. Голицын. На месте царей — «в креслах в шубе соболеосиновой да в треухе» восседала Софья. Церемония повторилась. При этом царевна «изволила говорить, что они, великие государи, постановленной вечной мир изволят содержать без нарушения», и выразила желание, чтобы и Ян Собеский соблюдал договор и подтвердил его перед русским посольством, которое будет направлено в Речь Посполитую[285]. Ца-

ревна Софья (по словам познанского воеводы — «мудрая девушка») в своей речи говорила о важности заключенного договора, выражала надежду, что союз будет длительным и прочным. Провозглашая здравицу польскому королю, она просила послов сообщить Яну III о ее намерении заботиться о соблюдении Вечного мира[286]. Посольская книга отмечает участие в этой неформальной встрече ближайшего окружения Софьи и В.В. Голицына — сторонников заключения Вечного мира и союза. Свою лояльность взятым на себя обязательствам указанная группировка хотела в полной мере продемонстрировать польско-литовским дипломатам. Обмен «дипломатическими» любезностями продолжился и далее.

Какое значение для литовского канцлера Марциана Огинского имел заключенный договор, свидетельствует и то, что 8 мая (28 апреля) он преподнес в дар царевне Софье парадную карету, запряженную шестеркой буланых лошадей. В Посольском приказе дар оценили в 1000 рублей. Для сравнения — стоимость всех даров, официально поднесенных польско-литовскими послами царям 21 (11) февраля, составляла 1670 рублей, из них на 797 рублей от К. Гжимултовского и на 220 рублей — от М. Огинского. Литовский канцлер, правда, не остался внакладе — из Посольского приказа ему было указано выдать соболей на соответствовавшую цене кареты сумму, плюс к тому же разных товаров (главным образом персидских тканей) на 700 рублей[287]. То, что роскошный подарок был преподнесен литовским канцлером именно царевне Софье, не оставляет сомнения, кто с российской стороны был одним из главных творцов договора. В заключение торжеств 9 мая (29 апреля) и 12 (2) мая В.В. Голицын вместе с «ответными» боярами обедал у послов, а 13 (3) и 15 (5) мая послы обедали у В.В. Голицына[288].

* * *

По условиям заключенного договора Россия закрепляла за собой земли, присоединенные по Андрусовскому перемирию, — Смоленскую землю, Левобережную Украину, Киев с землями между реками Ирпенем и Стугной с городками Васильков, Стайки, Треполье. Отменялось совместное владение Запорожьем, власть над которым теперь безраздельно принадлежала России. Стороны обязались не заселять полосу земель, располагавшуюся вниз по правому берегу Днепра. Вопрос об их принадлежности должен был быть решен в ходе переговоров с русским посольством, которое должно было прибыть в Речь Посполитую для принятия присяги короля. В случае, если стороны не пришли бы к соглашению, вопрос должен был быть отложен до следующих переговоров. Россия отказывалась от претензий на остальную часть Правобережной Украины и белорусские земли (Витебск, Полоцк и др.), выплачивала Речи Посполитой 146 тыс. рублей субсидий для ведения войны с Портой и Крымом. Договором предусматривалось, что православные епископы Речи Посполитой подчинялись киевскому митрополиту, гарантировалась свобода православия в Речи Посполитой и свободное отправление религиозных обрядов католиками (в своих домах) в России, причем подчеркивалась необходимость ратификации этой статьи сеймом. Стороны заключали наступательный союз

против Крымского ханства и Османской империи на время войны, оборонительный союз — «навечно». Цари обязались написать грамоты к хану и султану с предложениями мира при условии возвращения Речи Посполитой украинских земель вместе с Каменцом. Мирные переговоры стороны обязались проводить только вместе с союзниками польского короля по Священной лиге. Россия в 1686 г. обязалась перекрыть пути набегов татар на польские земли и направить против ханства донских казаков, в 1687 г. организовать всеми силами поход на Крым. Ян III должен был вести боевые действия против турок и Белгородской орды. Стороны договаривались «призывать в союз» французского короля, Англию, Голландию и Данию. В окончательном варианте договора Ян III был поименован «наияснейшим и державнейшим», цари — «пресветлейшими и державнейшими» [289].

Во время продолжавшихся в Москве русско-польских переговоров о Вечном мире и союзе в российской столице прозвучал еще один существенный вопрос русско-польских отношений, сохранивший свое значение в течение всего последующего столетия, однако в договоре 1686 г. так и не получивший отражения. Зная о прибытии в Москву польско-литовского посольства и о ведущихся переговорах, дворяне ряда пограничных с Литвой уездов — Пусторжевского, Новгородского, Псковского, Торопецкого и др. — представили в Посольский приказ челобитную, сетуя, что после 1678 г. от них «збежало за рубеж людей их крестьян многие тысячи дворов, и поместья и вотчины запустели». При этом они вынуждены платить подати за убежавших крестьян. Дворяне просили включить в будущий с Речью Посполитой договор статью, «что перебещиков по обе стороны выдавать». Однако правительство не вняло просьбе дворянства. В апреле появился царский указ с боярским приговором об отказе в данном челобитье — «о перебещиках писать неприлично». Мотивировалось это тем, что ранее подобные статьи не включались в русско-польские договоры, а если сейчас подобную статью ввести, то «тем договором путь *шляхте и иных чинов* (курсив мой. — *К. К.*) людем, которые выезжают ис Полши на имя их царского величества в вечное холопство (в русское подданство. — *К. К.*) будет заборонен» [290]. В данном случае московские власти узкосословным интересам дворянства пограничных районов предпочли сохранение возможности принимать у себя переселенцев из-за литовского рубежа, имея также в виду поддержание тесных связей с белорусской шляхтой, а также — с духовенством и мещанами. В дальнейшем с введением в России в начале XVIII в. подушной подати и рекрутской повинности бегство крепостных в Польшу действительно приобрело массовый характер, что заставило русское правительство задуматься как над пресечением побегов, так и над возвращением помещикам сбежавших от них и нашедших убежище за границей крепостных крестьян.

* * *

Завершившиеся Вечным миром драматические двухмесячные переговоры отразили всю сложность и противоречивость отношений России и Речи Посполитой в XVII в., еще недавно открытых противников, вынужденных перед лицом осман-

ской экспансии искать сближения. Задачи польско-литовского посольства заключались в том, чтобы добиться от России блокады Крымского ханства русскими войсками, получить максимально возможные денежные выплаты и возвратить Посожские села. Впрочем, польско-литовские дипломаты надеялись «выторговать» и часть Смоленского воеводства, что должно было, хотя бы частично, спасти престиж Яна III в глазах союзников по Священной лиге и польско-литовской шляхты.

В ходе переговоров можно выделить три этапа: первый — предварительный: переговоры Н. Краевского и М. Огинского в Смоленске; второй — официальный, закончившийся подписанием разъезжих писем; и третий — неофициальный, через «обсылки» и кулуарные встречи, в ходе которого и был в конце концов заключен договор.

Уже перед официальными переговорами стороны были осведомлены о позициях друг друга. И московские дипломаты, и И. Самойлович знали о готовности польско-литовского посольства в обмен на союз уступить требуемые Россией земли. Вызывают сомнения предположения некоторых современных исследователей, что Москва в этих условиях могла бы пойти на уступки. Более того, Посольский приказ был детально осведомлен обо всех перипетиях посольства Речи Посполитой благодаря тесному взаимодействию М. Огинского и Н. Краевского. Из их переговоров в Смоленске, а также из поведения М. Огинского вообще видно, что он был заинтересован в первую очередь в заключении мира и возвращении Засожья. Стремясь придать себе больший вес в грядущих переговорах и вызвать недоверие русской стороны к Гжимултовскому, М. Огинский стремился изобразить себя сторонником Вечного мира и союза, а главу посольства — его противником. Канцлер пытался также всячески дискредитировать гетмана И. Самойловича в глазах Москвы, обвиняя его в сепаратных отношениях с Крымским ханством и польским королем, имевших и антироссийский характер. Высказывание М. Огинского о требовании Короны заключить мир с османами, несомненно, имело долю истины, отражая желания уставшего от войны шляхетского общества. А уверенность канцлера в благополучном исходе переговоров, несмотря на опоздание посольства, позволяет нам заключить, что он имел какие-то предварительные договоренности с В.В. Голицыным.

В целом в позиции литовской делегации перед переговорами и в ходе их мы можем видеть отражение старой привилегии Великого княжества Литовского иметь особые, более тесные отношения с Россией.

На втором этапе переговоры, по оценкам дипломатов Речи Посполитой, причем как польских, так литовских, проходили довольно успешно. Вспыхнувшие первоначально споры о Посожских селах, захват которых польско-литовская сторона считала провокацией, осуществленной с целью давления на нее для заключения Вечного мира и союза на русских условиях, а также острые споры о Киеве и Смоленске свидетельствуют о сохранявшихся в отношениях двух стран территориальных противоречиях, в основе которых была встречная экспансия.

В.В. Голицын довольно скоро обнародовал позицию России, которая была изложена в грамотах к И. Самойловичу, и польские послы, пользуясь этим, не остав-

ляли надежды выторговать у русской стороны хоть какие-то территории. При сравнении тона писем послов из Москвы и реляции познанского воеводы можно заметить, что К. Гжимултовский, составляя ее уже после окончания посольства, несколько сгустил краски, рисуя драматизм ситуации, в которой якобы оказались послы по приезде в Москву. Ошибочно, как нам кажется, утверждение З. Вуйчика, что российские требования были полной неожиданностью для польско-литовского посольства, а уступки дипломатов Речи Посполитой сделанными под беспрецедентным натиском русских. Польско-литовских послов не пугала угроза подписания разъезжих писем, они считали это обычным дипломатическим приемом противоположной стороны. В то же время воевода К. Гжимултовский сам точно предсказал поведение русских дипломатов: оправдываясь опозданием посольства, виной которому были литвины, В.В. Голицын отказался организовать в текущем году полномасштабный поход на Крым.

Материалы русско-крымских отношений опровергают тезис польской историографии, что Россия одновременно вела переговоры о союзе с представителями крымского хана. В данном случае именно крымская сторона предлагала сделать взаимоотношения двух стран более тесными, восстановив институт «годовых посланников» в Крыму. Эти предложения не встретили поддержки в Москве. Однако не исключено, что русские дипломаты использовали пребывание в столице татарских гонцов для оказания давления на польско-литовскую делегацию. О том, что этот маневр удался блестяще, свидетельствуют не только материалы посольства (реляция и письма К. Гжимултовского), но и труды польских историков, основывавшихся на отечественной источниковой базе, в частности З. Вуйчика.

Несмотря на то, что и польско-литовские послы, и сам Ян III постоянно подчеркивали, что Османская империя предлагает Речи Посполитой выгодный мир, в Москве были прекрасно осведомлены об истинном положении дел — а именно, что Порта ни за что не соглашается уступить Речи Посполитой Каменец, а это было главным условием мира для Яна Собеского. И узнали об этом в Посольском приказе не без помощи самих польских дипломатов. Думается, В.В. Голицын опасался не столько начала сепаратных польско-турецких переговоров, сколько переговоров всех членов Священной лиги с Портой. Желанием русской стороны застраховаться от переговоров союзников с Портой без участия России вызваны, на наш взгляд, требования русской делегации поручительства за польского короля папы и цесаря, проведения совместной дипломатической акции русского и польского дворов в Бахчисарае и Стамбуле с призывом к миру на условиях возвращения Речи Посполитой Каменца. При этом брать обязательства в отношении других членов Священной лиги — Венеции и Австрии — Россия явно не хотела.

Несомненно, что использование З. Вуйчиком источников, отражающих позицию даже не польско-литовского посольства в целом, а лишь его коронной части во главе с К. Гжимултовским (реляция воеводы познанского и составлявшийся, несомненно, под его руководством диариуш посольства), сказалось на результатах его исследования. Привлечение материалов Посольского приказа, а также некоторых польских источников (главным образом фонда С.А. Щуки) позволяют рас-

крыть исследуемую проблему более полно, выявить позиции не только русской дипломатии, но и особые интересы Литвы.

К. Гжимултовский, которого канцлер в самом начале обвинял в нежелании заключать договор с Россией, тем не менее сделал все от него зависящее, чтобы переговоры начались как можно раньше, как того и хотел Ян III. Но в дальнейшем, видя нежелании России принимать активное участие в войне против турок, он выступил против заключения договора, пойдя на него лишь под давлением обстоятельств.

Завершающий, неофициальный этап переговоров характеризовался углублением противоречий не только между польской и литовской частями великого посольства, но и среди правящей верхушки русского государства. Существовавшие разногласия между боярскими группировками по поводу курса русской внешней политики обострились по мере приближения русско-польских переговоров о Вечном мире и союзе. Царевна Софья и В.В. Голицын, поддерживаемые некоторыми сторонниками царя Петра Алексеевича, выступали за заключение союза с Речью Посполитой и Вечного мира на условиях признания за Россией границы Андрусовского перемирия, включая Киев с расширенным округом и Запорожье. Им противостояла консервативная группировка, объединявшая патриарха и приближенных царя Ивана — бояр Прозоровских и Салтыковых, а возможно, и Одоевских. Эту «партию» поддерживал и гетман И. Самойлович. Она выступала против заключения договора, настаивая на ужесточении территориальных претензий к польско-литовской стороне.

Секретные переговоры Софьи с М. Огинским свидетельствуют, что усилия литовского канцлера по налаживанию доверительных контактов с московским двором не пропали даром. В.В. Голицын и царевна использовали желание Литвы играть более значительную и самостоятельную роль в сношениях Речи Посполитой с Россией.

В ходе обсуждения вопроса о союзе российская сторона пыталась взять на себя как можно меньше обязательств касательно войны с Крымом. Польским послам так и не удалось добиться «случения сил», обязательств полной нейтрализации Крыма в 1686 г. и нападения российских войск на турецкие крепости Очаков и Казыкермен. Даже дата обещанного полякам похода на Крым не была включена в первый предварительный проект договора, составленный русскими дипломатами, что при желании позволяло оттягивать поход сколь угодно долго.

Польско-литовская сторона планировала активные наступательные действия в Молдавии и хотела побудить к подобной же тактике русское правительство. Именно по ее предложению было внесено определение союза как «наступательный и оборонительный». Итогом споров был своеобразный компромисс: В.В. Голицын отказался вести наступление на Крым и турецкие крепости на Днепре в 1686 г., как того требовали польско-литовские дипломаты, но дал согласие уже в следующем, 1687 г. организовать на ханство полномасштабный поход.

М. Огинского не очень заботило заключение эффективного военного союза с Россией, в конце концов его вполне устраивал Вечный мир сам по себе, гаранти-

ровавший восточную границу Великого княжества, причем Литва получила обратно Засожье. Обстановка интриг и разногласий между послами Речи Посполитой затрудняла успешное ведение переговоров и облегчала задачу русских дипломатов. Трудно согласиться с предположением К. Гжимултовского, а вслед за ним и З. Вуйчика, что русская дипломатия была прекрасно осведомлена обо всем этом, а также о внешне- и внутриполитическом положении Речи Посполитой в целом, благодаря тому, что тайно перлюстрировала корреспонденцию польско-литовских послов [291]. Хотя теоретически подобное и могло быть возможно, практически же в этом не было нужды, поскольку Посольский приказ был достаточно подробно информирован обо всех перипетиях польской дипломатии как на русском, так и на других направлениях через А. Константиновича и канцлера М. Огинского.

Заключение договора 6 мая (26 апреля) 1686 г. не стало, тем не менее, окончательной точкой в истории почти двадцатилетней дипломатической борьбы. Окончательно судьба Вечного мира должна была решиться с ратификацией соглашения польским королем перед российскими послами, которые уже в этом году должны были прибыть в Речь Посполитую.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] AGAD. APP. Rps. 48. S. 17–18; BCz. Rps. 1696. S. 25.

[2] Genealogia. Tablice. Oprac. W. Dworżaczek. Warszawa, 1959. S. 152. Сам Александр Ян Потоцкий (ум. 1714 г.) — впоследствии подкоморий галицкий (1692 г.), каштелян каменецкий (1702 г.), воевода смоленский (1712 г.).

[3] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 49–50.

[4] См. письма К. Гжимултовского, М. Огинского, А. Пшиемского и А. Потоцкого, адресованные С.А. Щуке в «портфелях» Щуки в: AGAD. APP. Rps. 163a. T. 11 (S. 5), 13 (S. 95–96, 403–404, 507–598, 631–632, 907, 973–974, 987–990).

[5] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 49–50, 113.

[6] РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Д. 141. Л. 83–83 об.

[7] А. Пшиемский — С.А. Щуке. 8 августа 1686 г. «z Kozmina» — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 597.

[8] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2 Л. 133–134, 167–168.

[9] А. Константинович — Н. Краевскому. 19 сентября 1685 г. Кадино — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 23 об.–24.

[10] «Zdanie sprawy przed królem Janem III z poselstwa do Moskwy, zaczętego w roku 1685, a skończonego dnia trzeciego maja 1686 przez Krzysztofa Grzymułtowskiego, wojewodę poznańskiego» // ŹDP. T. 2. S. 3–4; К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 30 октября 1685 г. Варшава. — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 11. S. 383–386; Тот же — Я. Велёпольскому. 18 января 1686 г. Горки. — Ibid. T. 12. S. 785–786.

[11] Я. Собеский — М. Замойскому. 10 сентября 1685 г. Жолква. — APANW. MW. Teka 69. K. 402; Тот же — тому же. 1 ноября 1685 г. Яворов — Ibid. K. 411; Тот же — тому же. 7 ноября 1685 г. Жолква — Ibid. K. 413.

[12] М. Огинский — М. Замойскому. 6 ноября 1685 г. Гродно — AGAD. AZ. Rps. 491. S. 121–122.

[13] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 58 об.–60. См. также: Там же. Д. 221. Л. 633–637 об.

[14] «Mowa jmp wojewody poznańskiego in senatus consilio...» 19 декабря 1686 г. Львов — BN. BOZ. Rps. 1176. K. 85–87.

[15] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. Постскриптум от 26 января 1686 г. Кадино — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 107; А. Пшиемский — С.А. Щуке. 29 января 1686 г. Кадино — Ibid. S. 991.

[16] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 30 октября 1685 г. Варшава — Ibid. T. 11. S. 383–386.

[17] Ibid. T. 13. S. 245–246.

[18] Ibid. T. 11. S. 383–386; BN. BOZ. Rps. 1176. K. 85–87.

[19] AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 383.

[20] «Mowa jmp wojewody poznańskiego in senatus consilio...» 19 декабря 1686 г. Львов — BN. BOZ. Rps. 1176. K. 85–87.

[21] См. с. 439–457 настоящей книги.

[22] А. Пшиемский — С.А. Щуке. 29 января 1686 г. Кадино — Ibid. T. 13. S. 991–992; Тот же — тому же. 25 января 1686 г. Кадино — Ibid. S. 95–96; Тот же — тому же. 8 августа 1686 г. «z Kozmina» — Ibid. S. 597; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 24; BN. BOZ. Rps. 1176. K. 85–87.

[23] «Mowa jmp wojewody poznańskiego in senatus consilio...» 19 декабря 1686 г. Львов — BN. BOZ. Rps. 1176. K. 86–87.

[24] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 30 октября 1685 г. Варшава — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 11. S. 383–386; М. Огинский — М. Замойскому. 6 ноября 1685 г. Гродно. — AGAD. AZ. Rps. 491. S. 121–122; BN. BOZ. Rps. 1176. K. 85–87.

[25] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 42–43, 66 об.–72 об., 80–84 об., 106–113.

[26] Там же. Л. 172 об.–175 об.

[27] Там же. Л. 121–123 об., 163 об.

[28] Там же. Л. 168 об.–172.

[29] Там же. Л. 180 об.–185 об.

[30] А. Пшиемский — С.А. Щуке. 2 декабря 1685 г. Острынь (Ostryń) — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 11. S. 5; А. Потоцкий — С.А. Щуке. 15 января 1686 г. Могилев — Ibid. Rps. 47. T. 3. S. 595–596; Я. Собеский — К. Гжимултовскому. 23 января 1686 г. Жолква — APANW. MW. Teka 70. K. 10–12.

[31] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 13 января 1686 г. Горки — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 12. S. 141–144; А. Пшиемский — С.А. Щуке. 5 января 1686 г. Горки — Ibid. S. 207–208.

[32] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 25 января 1686 г. Горки — Ibid. T. 13. S. 105–107.

[33] Тот же — тому же. 18 января 1686 г. Горки — Ibid. S. 123–125. Познанский воевода отмечал, что тщеславный канцлер не торопится в Кадино, объезжая «королевские» города в Литве и заставляя местные цеховые организации устраивать себе торжественные встречи. Гжимултовский жаловался, что М. Огинский, организовав в Литве на время посольства т. н. экстраординарную почту, даже не предоставил ему возможность воспользоваться ей.

[34] К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 18 января 1686 г. Горки — Ibid. T. 12. S. 785–786; К. Гжимултовский — Я. Собескому. 19 января 1686 г. Горки — Ibid. Rps. 47. T. 1. S. 357.

[35] Н. Краевский — В.В. Голицыну. 21 (11) января 1686 г. Б. м. — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 8–10.

[36] А. Пшиемский — С.А. Щуке. 5 января 1686 г. Горки — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 12. S. 207–208.

[37] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 11 января 1686 г. Горки — Ibid. S. 149–151; Тот же — тому же. 13 января 1686 г. Горки — Ibid. S. 141–144; К. Гжимултовский — А. Потоцкому. 13 января 1686 г. Горки — Ibid. S. 145; К. Гжимултовский — С.А.Щуке. 18 января 1686 г. Горки — Ibid. T. 13. S. 123–126; К. Гжимултовский — Я. Собескому. 19 января 1686 г. Горки — Ibid. Rps. 47. T. 1. S. 356–357.

[38] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 20 об.–21 об., 35 и след.

[39] *Wójcik Z.* Jan Sobieski. 1629–1696. Warszawa, 1983. S. 417.

[40] Я. Собеский — К. Гжимултовскому. 23 января 1686 г. Жолква. — APANW. MW. Teka 70. K. 10.

[41] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 256–257.

[42] Там же. Л. 106–113.

[43] AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 245–246.

[44] А. Константинович — Н. Краевскому. 3 января 1686 г. Кадино — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 4. Л. 8–9; «Мой господин еще к нам в Кадин не бывал», — писал А. Константинович 15 января 1686 г. — Там же. Д. 2. Л. 3.

[45] Вестовые письма из Жолквы от 20 и 26 декабря. — Там же. Д. 2. Л. 4–7.

[46] Там же. Л. 1 об.

[47] А. Пшиемский — С.А. Щуке. 25 января 1686 г. Кадино — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 95–96.

[48] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 13 января 1686 г. Горки — Ibid. T. 12. S. 141–144; А. Потоцкий — С.А. Щуке. 21 января 1686 г. Горки — Ibid. T. 13. S. 117–118; К. Гжимултовский — Я. Велёпольскому. 18 января 1686 г. Горки — Ibid. T. 12. S. 786.

[49] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. Постскриптум от 26 января 1686 г. Горки — Ibid. T. 13. S. 106.

[50] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 4. Л. 42–43; «Diariusz drogi z granic W[ielkiego] Ks[ięstwa] L[itewskiego] do stolicy moskiewskiej a[nn]o 1686 ichmpp. posłów» — APANW. MW. Teka 70. K. 1.

[51] РГАДА Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 4. Л. 82–83; Там же. Д. 223. Л. 256–257.

[52] Там же. Д. 223. Л. 334–334 об.

[53] Там же. 1686 г. Д. 2. Л. 23, 25.

[54] Там же. Д. 223. Л. 760–764.

[55] Там же. 1686 г. Д. 2. Л. 23–32.

[56] Там же. Л. 41 об.

[57] «Diariusz drogi...» — APANW. MW. Teka 70. K. 2–3.

[58] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 13 марта 1686 г. Москва — AGAD. Rps. 163a. T. 13. S. 983–986; «Diariusz drogi...» — APANW. MW. Teka 70. K. 3–4.

[59] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 374–374 об.

[60] Там же. 1686 г. Д. 4. Л. 55.

[61] Там же. Л. 234–245.

[62] М. Огинский — В.В. Голицыну. 16 (6) февраля 1686 г. Б. м. — Там же. Л. 269.

[63] В.В. Голицын — М. Огинскому. 17 (7) февраля 1686 г. Москва — Там же. Л. 274.

[64] «Diariusz drogi...» — APANW. MW. Teka 70. K. 2–3.

[65] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 422, 428, 504, 523 об., 524.

[66] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 13 марта 1686 г. Москва — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 985–986.

[67] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 4. Л. 15–18, 20–32; *Станіславський В.* Статті гетьмана Самойловича щодо «вічного миру» // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2000. Вип. 1. С. 357–364.

[68] Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышом-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. 1. М., 1858. С. 289–296.

[69] *Станіславський В.* Статті гетьмана Самойловича... С. 366–381.

[70] Там же. С. 381–385.

[71] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 14–22.

[72] Там же. Л. 14 об.

[73] Там же. Д. 3. Л. 1–137. См. также: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858. С. 156–161.

[74] Там же.

[75] Там же. Д. 4. Л. 276.

[76] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 5.

[77] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 5. Л. 1, 2 об.; Там же. Д. 223. Л. 465–465 об.

[78] Там же. 1686 г. Д. 5. Л. 37–44; Там же. Д. 224. Л. 127–130 об.; перевод с королевской грамоты, датированной 20 мая 1685 г. «Великим государям известно и боярам чтено» 24 (14) февраля (Там же. Д. 224. Л. 130–130 об.).

[79] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 6.; «Wjazd jaśnie wielmożnych: Krzysztofa Grzmułtowskiego, wojewody poźnańskiego, marszałka królowej j.m. starosty kościańskiego; Marcjana Aleksandra z Kozielska Ogińskiego kanclerza w. ks. lit. hrabi na Dubrownie, mścibowskiego, radoszkowskiego, dorsuńskiego, niemonojskiego starosty; Aleksandra Przyjemskiego, podstolego koronnego, starosty ostryńskiego; Jana na Potoku Potockiego kasztelana kamieneckiego, pułkownika j. kr. m., posłów pełnomocnych do Moskwy do Jana Aleksiejewicza i Piotra Aleksiejewicza braci rodzonych, carów rossyjskich, roku 1686, d. 19 lutego» // Ibid. S. 44; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 830.

[80] А. Потоцкий — С.А. Щуке. 25 февраля 1686 г. Москва — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 403–404.

[81] М. Огинский — О. Паллавичини. 22 февраля 1686 г. Москва // *Theiner A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelovits, Fédor III, et Pierre le Grand czars de Russie extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. S. 303–304.

[82] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 5. Л. 61–62; «Diariusz drogi...» — APANW. MW. Teka 70. K. 6.

[83] *Лавров А.С.* Регенство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Российского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 89.

[84] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 224. Л. 131 об.–134 об.; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 6.

[85] «Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 50.

[86] *Форстен Г.* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в. // ЖМНП. Ч. 356. 1904. Ноябрь. С. 68–69.

[87] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 135–137 об. Ср.: «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 6.

[88] М. Огинский — С.А. Щуке. 11 февраля 1686 г. Вязьма — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 245–246; Я. Собеский — К. Гжимултовскому. 23 января 1686 г. Жолква — APANW. MW. Teka 70. K. 10–12.

[89] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 4. Л. 82–84.

[90] Там же. Д. 224. Л. 152.

[91] Там же. Л. 137 об.–145. Ср.: «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 6–7.

[92] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 146–146 об.; *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie o «pokój wieczysty» w Moskwie w roku 1686 // Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Warszawa, 1994. S. 42.

[93] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 147; Ср.: «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 7–8; *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 42.

[94] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 147–148.

[95] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 7. Согласно Гжимултовскому, в союз вошли папа римский со всеми кардиналами, император, польский, испанский, шведский короли, Венеция, мальтийские рыцари, итальянские князья — как видно, этот состав несколько отличается от представленного послами согласно российским источникам. См. также: *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 42.

[96] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 10; *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 44.

[97] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 148–159 об. Послы жаловались, что казаки выгнали из тех сел шляхту, хотя границы Речицкого повета и Мстиславского воеводства, к которым относились села, определены «от северских казаков старинными за несколько сот лет признаки а хотя ныне в тех селах залог воинских нет, однакож слушать мужикам шляхты ни в чем не велят».

[98] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 7–8.

[99] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 149 об.–151. Как следует из документов Посольского приказа послы не обвиняли в захвате Посожских сел непосредственно московские власти, а исключительно «северских казаков». Ср.: *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 42.

[100] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 109.

[101] Там же. Л. 151. Государям и Софье «чтено и боярам известно, и государи указали, а бояре приговорили быть послом» во втором ответе 4 марта (22 февраля).

[102] Там же. Л. 153–170.

[103] *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 43. В российских источниках об этом не говорится.

[104] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 169–169 об., 170 об.–172.

[105] Там же. Л. 172–173 об. Ср.: *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 43. По словам автора, Голицын «niespodziewane i brutalnie oświadczył, że Moskwie sojusz taki jest niepotrzebny». В источниках, доступных З. Вуйчику, оказались не отражены многие достаточно важные вопросы, рассматривавшиеся на сессии 4 марта (22 февраля).

[106] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 173 об.–175. Ср.: *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 43. Согласно ему, возражения Гжимултовского сводились к антиосманской риторике и угрозе заключения польско-турецкого мира.

[107] Там же. Л. 175–178.

[108] *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 43–44. Согласно автору, в ходе переговоров было поднято только два вопроса — вопрос антиосманского союза и возвращения Засожья.

[109] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 8.

[110] Ibid. S. 9. Ср.: «Wjazd jaśnie wielmożnych...» // Ibid. S. 50–51. Согласно автору диариуша (переговоры освещены в нем очень кратко), сначала послы подняли вопрос о Посожских селах, а потом перешли уже к обсуждению договора; автор, несомненно, был менее заинтересован в подтасовке фактов.

[111] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 10; *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 44.

[112] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 187 об.–189, 195–196 об.; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 10.

[113] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 192 об.–198; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 10.

[114] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 10. В российских источниках об этом не говорится. Споры о Засожье кратко отражены также в диариуше анонимного автора («Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 50–51).

[115] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 199–199 об. Грамоту привез польский посол, направлявшийся в Персию, т. к. нарочный гонец ехавшего в Польшу французского посла заболел и воротился с дороги в Москву назад. «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 10.

[116] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 199 об.–201; РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Письмо от 20 декабря 1685 г. Версаль.

[117] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 201 об.–206 об.; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 10–11. Польские послы вновь упрекнули российскую сторону за одновременные переговоры о мире в Крыму и о союзе в Варшаве. Ср.: *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 44.

[118] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 206 об.–209 об. Послы говорили, что если «великие государи Крым снесут, а королевскому величеству помочь особливую войском дадут, тогда государство их распространится как в древние времена при предке их <...> Иване Васильевиче». См.: *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 44.

[119] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 209 об.–210. Голицын заметил также, что польский король нынешнюю войну «не с принуждения какого зачал, но самохотне».

[120] Там же. Л. 210 об.–212.

[121] Там же. Л. 212 об.–213; «Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 51. Автор упоминает среди потребованных русскими городов также Оршу и Мстиславль. См.: *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 44.

[122] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 213 об.–215. На замечание Голицына, что, когда союз был необходим царскому правительству, Ян III не стыдился торговаться и требовать городов и «многой казны» и «закладу», Гжимултовский и его коллеги ответили, что «они слыша о таких запросах не сумневаются, потому что в обычаях посольских всегда в запросех бывает много, и которые не случно доносятся, те и оставливаются».

[123] Там же. Д. 224. Л. 215–216; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 11; *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 44.

[124] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 216 об.–218 об. Письмо хана датировано 22 мая 1685 г. Бахчисарай.

[125] Там же. Л. 218 об.–221 об. «Дан в Сапче над Дунаем» 29 августа 1685 г.

[126] Там же. Л. 222–224 об. Голицын также сказал, что приезжавшие в Москву австрийские послы в 1684 г. обещали содействовать заключению Вечного мира и союза, и российская сторона в надежде на скорое его заключение «обыкновенной по договором казны» за два года Крыму не заплатила, при этом Москва всячески удерживала хана от войны против короля. См. также: «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 11. Эта информация противоречит источникам З. Вуйчика, который утверждает, что и после объявления писем Голицын продолжал требовать отдачи Витебска и Полоцка. Ср.: *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 44.

[127] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 224 об.–225 об.; «Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 51.

[128] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 228–229 об. Ср.: *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 44–45.

[129] Там же. Л. 229 об.–231 об.

[130] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 11–12. Голицын настаивал: «...pokażcie nam pożytki z tej wojny za tak wielkie koszty, które na nią łożyć musimy. Która tautologia uprzykrzyła się aż solwować sessją na niej przyszło».

[131] «Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 51.

[132] BPANKr. Rps. 645. S. 76–77.

[133] *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 45.

[134] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 12.

[135] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 232–232 об.

[136] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 12.

[137] Ср. ее описание у З. Вуйчика: *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 45.

[138] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 235–244; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 13–14.

[139] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 245–252; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 15; См. также: «Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 51–52.

[140] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 252 об.–254; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 15–16.

[141] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 254–254 об., 256–259 об.

[142] Там же. Л. 259 об.–263. Польские дипломаты также обещали удовлетворить просьбу Голицына о присылке в Посольский приказ текстов договоров между Австрией и Речью Посполитой, объявили устно о договоре Священной лиги, списка которого не имели при себе, а также сообщили о том, что с просьбой о вступлении в антиосманский союз царям будут писать французский король и курфюрст бранденбургский (последний возможно даже пришлет посла). «Список» польско-австрийского договора от 31 марта 1683 г. см.: Там же. Л. 265–276 об.

[143] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 16.

[144] В реляции Гжимултовского описание встречи 13 (3) марта отсутствует. З. Вуйчик (*Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 45) предполагает, что воевода просто ошибочно датировал встречу 14 марта. Однако содержание переговоров, описанных в реляции под датой 14 марта, не совпадает с соответствующими описаниями переговоров 13 марта, которые содержатся в российских источниках и в диариуше анонимного автора (ŹDP. T. 2. S. 51–52). Тем более что 14 (4) марта состоялся очередной «разговор». Таким образом, очевидно, что описание переговоров 13 (3) марта в реляцию воеводы познанского просто не было включено.

[145] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 280–283. По словам послов, Ян Собеский собирался построить на границе крепость, подобную Смоленску, но Речь Посполитая не дала на это согласие, чтобы не обострять отношения с Россией («Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 52).

[146] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 283 об.–286 («И тою крепость всему их царских величеств государству защиту для какова дела снесть <...> и ожиданы они послы со всякою охотою», — выговаривали российские дипломаты своим польским коллегам); «Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 52.

[147] «Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 52–53.

[148] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 286 об.–294. (Голицын заметил полякам, что попробовали б они выпросить что-нибудь у турок, которые «где что возмут, то никогда упоминатись <...> не велят, но и слушать не хотят»); «Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 53.

[149] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 298–301 об. М. Огинский обещал поискать в своих бумагах копию Журавненского мира на латинском языке, которая была предназначена для польской стороны, арабскую же версию турки забрали себе.

[150] Там же. Л. 302 об.–303, 306 об.

[151] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 13 марта 1686 г. Москва — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 983–986.

[152] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 4. Л. 15–18, 20–32.

[153] Там же. Д. 224. Л. 308–315, 319 об.–325, 326–328 об.

[154] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 17.

[155] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 328 об.; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 16–17.

[156] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 17–18.

[157] BPANKr. Rps. 645. S. 77–78.

[158] AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 987–990.

[159] А. Потоцкий — С.А. Щуке. 15 марта 1686 г. Москва — Ibid. S. 631–632.

[160] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 330–334; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 20.

[161] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 335–335 об. Русский канцлер говорил послам: «И естлиб то уступить, тоб весь посполитой наш народ стал дивитись и нарекать для чего то отдать, в начале воевались и проливали за то крови и головы складывали, а ныне паки за них же с турком и с татары розмиритись и войну всчать и крови проливать и великие убытки поднять, а еще к тому завоеванное отдать, и за тоб многие стали кричать, и охоты к войне не иметь».

[162] Там же. Л. 336–339; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 19–21.

[163] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 339 об.–347. В частности, интересная полемика разгорелась по поводу Украины. Российские дипломаты говорили послам «приватным делом и не в досаду», что земель, о которых они ведут переговоры, «в руках они не имеют», что поляки и ранее не могли удержать в повиновении казаков, в частности «уступленного» им Россией П.Д. Дорошенко с Правобережьем, т. к. последний «не похотел» быть в подданстве у польского короля «за многие их (казаков. — *К. К.*) прав нарушения и утеснения в вере<...> а царскому величеству за договоры принять было ево невозможно, тогда он розмысля то: на небо крыл нет, под землю дороги [нет], московской не примет, к польскому не хочю, кроме турка где денусь<...> и поддался турскому султану и всчал войну <...>. Так и ныне как бы королевскому величеству их держать, всегда говорят, мы от поляков свободились собою, а царскому величеству никто нас не поступался, а поддались добровольно, и у себя потеряли [казаков], а у нас отняли и от тогоб пущую лишь себе и нам беду навели», и если бы Россия отдала Киев Польше в срок, предусмотренный перемирием 1667 г., то казаки бы вместе с ним «турку поддались». Польские послы отвечали на это, что если бы за казаков, поднявших под руководством Б. Хмельницкого бунт, «не вступился царское величество», то польский король «нашел бы способы их укротить и в послушание привесть».

[164] Там же. Л. 347 об.–351; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 21. Под конец встречи польским послам были предъявлены претензии касательно поведения членов посольства в Москве: «Польские посольские люди чинят многие задоры царского величества людям, всяких чинов побивают и саблями рубят, так же и караульщиков бьют и рубят и чли им записку стрелецкого приказу как вчерашнего числа на Большом посольском дворе их человек караульного стрельца порубил и ту записку отдали послам, прося учинить виновному наказание». Послы, в свою очередь пожаловались, что караульные торговых людей на посольский двор не пускают, берут с них взятки «и живут пьяни», прося «чтоб купцов к ним пускать и стрель-

цом приказать стоять вежливо». Голицын ответил, что посольству оказана небывалая честь, купцам к ним ходить разрешено, кроме тех, которые ходят к людям их пьянствовать (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 351 об.–352).

165 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 353–355 об.

166 «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 18.

167 К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 22 марта 1686 г. Москва — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 975.

168 «Excerpt z listu Ichmcw Panów commisarzów do JKMci pisanego z stolice moskiewskiej d. 22 martij anno 1686» — BPANKr. Rps. 645. S. 79–80.

169 Ibid.

170 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 955–958; Там же. 1686 г. Д. 14. Л. 38–41.

171 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 17–19, 27, 49–49 об.

172 Там же. Л. 50–58 об.

173 Там же.

174 Там же. Л. 70–73 об.

175 Там же. Л. 57 об.–58 об.

176 Там же. Л. 61 об.–68.

177 Согласно З. Вуйчику, восьмая встреча прошла 24 (14) марта (Rokowania polsko-rosyjskie... S. 45), что противоречит и российским источникам, и реляции Гжимултовского, и диариушу неизвестного автора.

178 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 357–365; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 21. У Гжимултовского это, соответственно, седьмой разговор.

179 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 366–367; «Wjazd jaśnie wielmoznych...» // ŹDP. T. 2. S. 53.

180 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 368–375; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 21–22. Согласно реляции, Голицын согласился осадить турецкие крепости на Днепре уже в этом году.

181 «Wjazd jaśnie wielmoznych...» // ŹDP. T. 2. S. 54.

182 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 376–380.

183 «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 22.

184 «Wjazd jaśnie wielmoznych...» // Ibid. T. 2. S. 54.

185 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 378 об.–379; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 22.

186 *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 45–46.

187 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 382.

188 «Zdanie moie de statu moderno Ojczyzny naszej» — AGAD. APP. Rps. 47. T. 2. S. 611–613 (оригинал). Копию см.: BCz. TN. Rps. 181. S. 399–401.

189 Ibid.

190 К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 13 декабря 1685 г. Могилев — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 947–948.

191 Датировка этого разговора З. Вуйчиком 26 (16) марта вновь противоречит российским источникам, а также реляции и диариушу (Rokowania polsko-rosyjskie... S. 45).

192 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 383 об.

193 Там же. Л. 384 об.–392 об.; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 22–23.

194 «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 23.

[195] «Wjazd jaśnie wielmoznych...» // Ibid. S. 54.

[196] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 394–394 об.

[197] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 24; «Wjazd jaśnie wielmoznych...» // Ibid. S. 54.

[198] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 395 об.–397; Послы нарекали боярам, что «казну», которую они просят, можно за год собрать с уступленных России земель по шелегу с двора, российские дипломаты на это ответили, что «ни по единому шелегу с них в казну царских величеств не берут, но еще из их же царских величеств казны посылается в те городы жалованье ратным и другим служилым людям» (Там же. Л. 398–399).

[199] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 24.

[200] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 397 об.–399 об.; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 24.

[201] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 24; «Wjazd jaśnie wielmoznych...» // Ibid. S. 54.

[202] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 399 об.–401 об.

[203] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 24–25.

[204] У З. Вуйчика вновь, видимо ошибочно — 31 (21) марта (Rokowania polsko-rosyjskie... S. 46).

[205] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 402–405.

[206] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 25.

[207] К. Гжимултовский — М.К. Радзеёвскому. 31 марта 1686 г. Москва — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 361.

[208] *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 47 (см. примечания 56 и 57).

[209] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 407 об.; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 25. Интересно десятая встреча описана у анонима. Когда на вопрос Голицына, есть ли у них, послов, какие новые предложения, послы ответили отрицательно, русский канцлер крикнул «głosem wielkim na swoich», чтобы тотчас прикладывали печати к разъезжим письмам, сказав послам, чтобы езжали своей дорогой. См.: «Wjazd jaśnie wielmoznych...» // ŹDP. T. 2. S. 54.

[210] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 410 об.–423 об.

[211] Там же.

[212] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 407 об.–410; «Wjazd jaśnie wielmoznych...» // ŹDP. T. 2. S. 55.

[213] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 410; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 25.

[214] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 26.

[215] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 410–434; «Wjazd jaśnie wielmoznych...» // ŹDP. T. 2. S. 55–56.

[216] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 435–443 об. Грамота датирована 30 (20) марта.

[217] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 26.

[218] Ibid. К. Гжимултовский — М.К. Радзеёвскому. 31 марта 1686 г. Москва — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 358–362; «Wjazd jaśnie wielmoznych...» // ŹDP. T. 2. S. 56; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 434 об.

[219] «Wjazd jaśnie wielmożnych...» // ŹDP. T. 2. S. 56.

[220] AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 377.

[221] Ibid. Почерк приписки М. Огинского определен в сравнении с его собственноручными письмами в: AR. Dz. 5. Rps. 10718.

[222] *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 46.

[223] AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 358–362.

[224] *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 47.

[225] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 444. Список грамоты гетману Самойловичу о возвращении Посожских сел — Л. 444–447.

[226] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 461–466 об. Письма датированы 28 января 1686 г. из Жолквы. Подлинники писем см.: РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 1. (Однако здесь отмечено, что указанные письма были поданы послами в ответе 6 марта (24 февраля), вместе с грамотой французского короля.) 7 апреля (28 марта) польские послы прислали В.В. Голицыну также два письма Ф. де Бетюна, адресованные им. В них французский резидент сообщал, что получил грамоту к московским царям от своего короля, которую направляет послам. Он писал польско-литовским дипломатам, что французский король с удовольствием выразил желание посодействовать заключению Вечного мира, желал им успехов в переговорах, а также сообщал, что Велёпольский пересек границу Франции и скоро ожидается в Речи Посполитой. Даты те же.

[227] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 467 об.–468.

[228] Там же. Л. 491–493.

[229] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 26–27.

[230] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 860–861.

[231] AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 368–369. Ср. также описание событий после прощальной аудиенции у Гжимултовского («Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 27–28).

[232] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 6. Л. 1; *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. С. 162.

[233] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 497 об.; Там же. 1686 г. Д. 6. Л. 2–3; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 27.

[234] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 27–28.

[235] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 6. Л. 3.

[236] Там же. Д. 224. Л. 499–504 об.; «Punkta od Jchm Panów Posłów JKM i Rzpltej na stolicę do traktatu Panom Moskiewskim podane» — BCz. Rps. 428. S. 339–342.

[237] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 505.

[238] Там же. Д. 224. Л. 505–539; Там же. 1686 г. Д. 6. Л. 5–11, 44, 49–52, 56–59; «Punkta od Pana Galiczyna Jchmm PP Posłom przysłane 9 aprilis 1686 do traktatu» — BCz. TN. Rps. 181. S. 411–435; «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 28. Московские дипломаты требовали уступки берега Днепра шириной в 4 мили, начиная от устья р. Ирпени, «которое на полмили выше Киева» со всеми землями и городами аж до Черного моря.

[239] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 539 об.–545; Там же. 1686 г. Д. 6. Л. 4–12; *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. С. 162–163.

[240] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 545–547; Там же. 1686 г. Д. 6. Л. 13–17.

[241] Там же. Д. 224. Л. 547–572 об.; Там же. 1686 г. Д. 6. Л. 17–81.

[242] Там же. 1686 г. Д. 6. Л. 17–18, 23, 82. О титуле царей по Андрусовскому перемирию см: ПСЗ. Т. 1. С. 657–658; *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. С. 164.

[243] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 6. Л. 82.

[244] Там же. Л. 39–44, 69–68.

[245] Там же. Л. 83.

[246] Там же. Л. 44–45, 83.

[247] Там же. Л. 46–48, 83.

[248] Там же. Л. 49–52.

[249] М. Огинский — О. Паллавичини. Б. д. [конец апреля — май 1686 г.]. Москва // *Theiner A.* Op. cit. S. 304.

[250] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 6. Л. 84.

[251] Там же. Л. 53–62, 84–85.

[252] Там же. Л. 64, 73–75, 70–71 (в деле неправильный порядок листов).

[253] Там же. Л. 85.

[254] Там же. Л. 72, 65, 66.

[255] Там же. Л. 85–86.

[256] Там же. Л. 86.

[257] Там же. Л. 87–88. См. также: *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. С. 164–168.

[258] Воевода ошибается в своей реляции, утверждая, что католическая пасха в 1686 г. совпала с православной. Православная пасха наступила 10 апреля, католическая — 14 (4) апреля (Chronologia Polski. Warszawa, 1957. S. 325).

[259] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 29.

[260] *Kamieński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku. Dzieje polityczne. Poznan, 2002. S. 265. Автор, на наш взгляд, преувеличивает роль Фридириха-Вильгельма в заключении Вечного мира. См. также: AGAD. AR. Dz. 2. Ks. 31. S. 215–216.

[261] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 746 об.–749 об., 757–757 об. Здесь же и перевод письма, датированного 23 февраля 1686 г.

[262] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 29–30. См. также: Польско-литовские послы — Я. Собескому. 19 апреля 1686 г. Москва — BCz. TN. Rps. 181. S. 441–442; К. Гжимултовский — Я. Собескому. 26 апреля 1686 г. Москва — BCz. TN. Rps. 181. S. 446–447.

[263] BCz. TN. Rps. 181. S. 390–393. (Письмо адресовано номинату гнезненскому, которым в тот момент был Стефан Вежбовский, однако, учитывая, что М. Огинский с ним, в отличие от М.К. Радзеёвского, переписку не вел, то, вероятнее всего, адресат письма именно Радзеёвский, хотя он стал примасом только в 1687 г. Другая копия этого письма, содержащаяся в: AGAD. AR. Dz. 2. Ks. 31. S. 213–214, ошибочно датирована 3 мая 1686 г. Ср.: *Wójcik Z.* Epilog traktatu Grzymultowskiego w roku 1686 // Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1994. S. 28. Примечание 3.) Интересно, что о теплом приеме литовских послов в Москве вспоминал и Кшиштоф Завиша, племянник М. Огинского, впоследствии минский воевода: «Byłem tam traktowany bardzo ludzko i podarunki odbieralem rozmaite: a to dla pamięci nieboszczyka marszałka litewskiego dziada mego, który kilka razy bywał do Moskwy kommisarzem» (Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy, wojewody mińskiego (1666–1721). Wydane przez J. Bartoszewicza. Warszawa, 1862).

[264] [М. Огинский] — Я. Велёпольскому. 17 [18?] апреля 1686 г. Москва — BCz. TN. Rps. 181. S. 437–438.

[265] Ibid. S. 441–442.

[266] Ibid. S. 439–440.

[267] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 30–31; К. Гжимултовский — Я. Собескому. 26 апреля 1686 г. Москва — BCz. TN. Rps. 181. S. 447.

[268] *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII в. М., 2001. С. 146–149.

[269] Там же. С. 146. Неизвестный автор диариуша сообщает, что официальные переговоры были сорваны по вине патриарха: «...że nie doszedł traktat i pokój, z rady patriarchy stało się» («Wjazd jasnie wielmoznych...» // ŹDP. T. 2. S. 56). Патриарх, однако, не был противником

сближения с Речью Посполитой, а выступал именно как противник предусмотренной договором о союзе войны против Османской империи и Крыма. Во многом благодаря усилиям Иоакима, выступившего за возвращение Речи Посполитой Невеля, Себежа и Велижа и выплату денежной компенсации в 200 тыс. рублей, увенчались успехом долгие и трудные переговоры с посольством Чарторыского и Сапеги в Москве в 1678 г. (см.: *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji. 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976. S. 160; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888. С. 29–30).

270 *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 51–52. На этот факт обращали внимание исследователи регентства царевны Софьи В.К. Никольский (Земский собор о Вечном мире с Польшей 1683–1684 гг. // Научные труды Индустриально-педагогического института. Серия социально-экономическая. Вып. 2. М., 1928. С. 14.) и А.С. Лавров (Указ. соч. С. 118, 138–139).

271 *Желябужский И.А.* Записки с 1682 по 2 июля 1702. СПб., 1840. С. 16.

272 К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 9 августа 1686 г. Стрый — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 555–556.

273 AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 381–382. На документ впервые обратил внимание З. Вуйчик (Rokowania polsko-rosyjskie... S. 47–48). Ошибочно, однако, его утверждение, что царевна дала аудиенцию в Кремле кому-то из польских послов. Помимо того, что об этом нет речи в самом документе, дать аудиенцию до завершения переговоров Софья не могла и в силу существовавшего дипломатического церемониала, и в силу иных особенностей русской политической системы того времени. Ошибочно им подана и сумма, предложенная от имени царевны, — 500 тыс. (в документе «po milionu co rok»).

274 «Zdanie Jmci Pana wojewody poznańskiego PP. kollegom in scripto sub trutinam podane circa deliberationem, utrum expedit stanowić wieczny pokój z Moskwą...» — BCz. TN. Rps. 181. S. 443–444.

275 Ibid. S. 439–440.

276 К. Гжимултовский — Я. Собескому. 26 апреля 1686 г. Москва — Ibid. S. 447.

277 «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 31–32; К. Гжимултовский — Я. Собескому. 26 апреля 1686 г. Москва — BCz. TN. Rps. 181. S. 447–448.

278 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 757 об.–759 об.; публ.: *Станіславський В.В.* Запорозька січ та Річ Посполита. 1686–1699. Київ, 2004. С. 219–220.

279 К. Гжимултовский — Я. Собескому. 26 апреля 1686 г. Москва — Ibid. S. 448–449.

280 Ibid. S. 448–451. См. также: «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 32.

281 «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 32–33; «Z listu JmPana wojewody poznańskiego <...> z stolice moskiewskiej». 4 мая 1686 г. Москва — AGAD. AR. Dz. 2. Ks. 31. S. 216–218. З. Вуйчик называет иную дату окончательного согласования текста договора — 30 (20) апреля (Rokowania polsko-rosyjskie... S. 51).

282 *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 50; AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 383. А. Пшиемский также упоминает о некоем шифрованном письме от С.А. Щуки, побуждавшем их к немедленному заключению договора (AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 597).

283 См. с. 174–177 настоящей книги.

284 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 6. Л. 88–90; *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. С. 167–168.

285 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 742–745 об.; М. Огинский — О. Паллавичини. 9 мая 1686 г. Москва // *Theiner A.* Op. cit. S. 304–305. См. также: *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. С. 168–169.

[286] «Zdanie sprawy...» // ŹDP. T. 2. S. 34; Гжимултовский — С.А. Щуке. 6 мая 1686 г. Москва — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 907.

[287] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 830–833, 837 об.–838 об., 841. Сохранилось описание этой кареты: «...та корета с лица резная золоченая по золоту писаны люди и травы разными красками, в ней подбито небо (верх. — *К. К.*) и стороны и двери бархатом червчатым травчетым по золотной земле, места в той корете зделаны тогож бархату, в окнах и в дверях и в переди стекла хрустальные, стан и колеса окованы железом». См. также: *Чистякова Е.В.* Женщина и власть. Царевна Софья в российском цивилизационном процессе // Перекрестки эпох. Социокультурное время. Вып. 1. М., 1997. С. 313–314.

[288] Там же. Л. 914 об.–915.

[289] ПСЗ. Т. 2. С. 770–786. В нашу задачу не входит анализ сохранившихся текстов договора (о них см. у З. Вуйчика: Rokowania polsko-rosyjskie... S. 51. Примечание 81), отметим только, что в польской версии документа Киев был назван «богоспасемым градом, прародительной их царского величества отчиной» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 6. Л. 159).

[290] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 647–652.

[291] BCz. TN. Rps. 181. S. 445; *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie... S. 50.

Глава 7

Молдавский поход Яна Собеского. Военные действия России против Крымского ханства в 1686 г.

I. На исходе 1685 г., в то время как польское посольство во главе с К. Гжимултовским и М. Огинским было уже на пути в Россию, в Речи Посполитой началась подготовка к военной кампании 1686 г. Она сопровождалась очередной распрей между коронными гетманами — С. Яблоновским и А. Потоцким. В конце 1685 г. А. Потоцкий обвинял великого гетмана в намеренном затягивании проведения хибéрновой комиссии* и выдачи жалованья войскам, чтобы возбудить их недовольство. Оправдываясь, С. Яблоновский, в свою очередь обвинял шефа коронной канцелярии С.А. Щуку в сознательной задержке у себя поступавших от нунция денег, предназначенных для выплаты жалованья армии[1]. Помимо разногласий между гетманами, Яна Собеского не могло не беспокоить нежелание нунция О. Паллавичини выплачивать папские субсидии. Последний даже деньги на хиберну на зиму 1685–1686 гг. соглашался дать только при условии, что, если весной 1686 г. кавалерийские подразделения не явятся на смотр в полном составе, ротмистры должны будут вернуть полученные средства полностью[2].

3–5 декабря 1685 г. в Жолкве состоялась рада сената[3]. На сенатском совете были рассмотрены результаты посольств маршалка коронного И. Любомирского в Вену и Т. Голчевского в Крым, а также обсужден план будущей военной кампании. В королевских «предложениях» констатировалось, что на более активном участии Речи Посполитой в войне особенно настаивает Рим, от субсидий которого в значительной мере зависит финансовое обеспечение кампании, притом, указывал Ян Собеский, несколько воеводств объявило о необходимости скорейшего окончания «невыносимой» войны, не приносящей стране никакой пользы. На обсуждение сенаторов было вынесено предложение провести переговоры со шведским королем о найме шведской пехоты и, в случае его согласия, изыскать для этого средства.

Переговоры И. Любомирского в Вене окончательно развеяли надежды польского короля усилить свое войско отрядами немецких пехотинцев. В senatus con-

---

* Хиберна (hiberna) — денежное довольствие, выплачивавшееся кавалерии в период нахождения на зимних квартирах.

sulta в связи с этим заявлялось: «...zapomniawszy Wiedeń wylanej niedawno krwi polskiej na oswobodzenie siebie żadnej na to wdzięczności nie ma»*. «Неблагодарность» австрийцев подтолкнула сенаторов к решению сообщить папе о приезде вместе с Т. Голчевским татарского посла и о предложенном им посредничестве хана в заключении мира с Портой. Об этом также решили известить находящихся в Речи Посполитой резидентов иностранных государств, чтобы они знали, что не только венский двор может влиять на условия будущего мирного договора с османами и определять содержание возможного мирного договора Священной лиги с Портой[4].

Обсуждение плана военной кампании проходило в рамках прежней дилеммы между королевским замыслом молдавского похода и отстаиваемой коронным гетманом С. Яблоновским осадой Каменца. Одобренная сенаторами стратегия вновь предусматривала поход польско-литовской армии в Молдавию для разгрома Буджацкой орды и перекрытия путей снабжения каменецкой крепости.

Аргументы в пользу этого решения не сильно изменились по сравнению с 1684 г. Непосредственное наступление на Каменец и осада этого ключевого опорного пункта турецких войск на Днестре не сулили успеха, поскольку польская армия не располагала для этого необходимыми силами, особенно пехотой и осадной артиллерией. Взятие крепости поэтому представлялось маловероятным, а неудачная осада могла бы лишить армию Речи Посполитой возможности дальнейшего ведения активных действий.

Поход в Молдавию, напротив, позволил бы в условиях маневренной войны против Буджацкой орды и действий на коммуникациях противника шире использовать преимущества польской кавалерии, к тому же польские правящие круги все еще рассчитывали на широкую поддержку со стороны христианского населения Дунайских княжеств, намереваясь на зиму разместить войска в Молдавии. В случае успеха планировалось вытеснить турок за Дунай, изолировать гарнизон Каменца и лишить турецкие и татарские войска возможности взаимодействия. Крымские татары, считали сенаторы, увидев, что Дунай для турок «закрыт», были бы вынуждены ухватиться за польские предложения, сделанные хану через посредство Т. Голчевского. Субсидии папы, которые должен был предоставить нунций, было решено потратить на коронную артиллерию, а также на предполагаемый наем прусских и шведских войск[5].

Отклоненный сенаторами план С. Яблоновского нашел, однако, поддержку у нунция О. Паллавичини, который на прошедшей 9 января 1686 г. военной раде завил об отказе выделить деньги, поскольку план осады Каменца был отвергнут. Пришлось польскому королю из собственных средств выделить 400 тыс. злотых на первоочередные расходы — артиллерию, закупку провианта и приготовление понтонов, а также на обмундирование и провиант для 6 тыс. казаков гетмана А. Могилы.

---

* «...забыла неблагодарная Вена о недавно пролитой крови польской за свое освобождение».

Ян III попытался выяснить вопрос о папских субсидиях, отправив письмо своему послу в Риме с жалобой на нунция и даже послав туда специального гонца. Однако польский король так и не получил удовлетворительного ответа. По его словам, из Рима было сообщено, что Иннокентий XI отправил в Речь Посполитую 100 тыс. (талеров?). Однако, недоумевал король в письме М. Замойскому от 26 февраля, «u <...> nuncjusza tak altum w tym silentium, jakoby cale nic nie wiedział, co w tym ma za sekret, tego zgadnąć nie możemy» *. Обратился Ян Собеский за военной помощью и к своему главному союзнику — императору Леопольду I, прося предоставить для усиления польской армии под королевское командование 10-тысячный корпус немецкой пехоты в обмен на 6 тыс. польской кавалерии[6]. Однако и эти хлопоты оказались безрезультатными. По свидетельству бранденбургского резидента Кристофа фон Вихерта, получившего эти сведения из кругов польской оппозиции, Я. Собеский был недоволен позицией Вены и вследствие неудачи миссии И. Любомирского при императорском дворе серьезно подумывал о заключении сепаратного мира с Османской империей, если последняя согласится возвратить Речи Посполитой Подолию с Каменцом[7].

В январе–феврале 1686 г. польский король не только столкнулся с финансовыми трудностями, с эгоизмом пренебрегавших польскими интересами союзников, с интригами и распрями магнатов. В январе взбунтовались находящиеся на службе у польского короля казаки. Сообщая об этом в Берлин, Вихерт отмечал, что те угрожали в случае невыплаты им жалованья перейти на сторону османов. Только после решения рады сената от 3 марта 1686 г. хелмский каштелян С. Друшкевич был отправлен к казакам с деньгами[8]. В январе же — начале февраля татары совершили очередной набег под Станиславов и Броды, захватив множество ясырю[9].

Плачевную ситуацию на театре военных действий и плохое состояние коронной армии польский король обрисовал в феврале в письмах коронному подскарбию М. Замойскому. Татары постоянно нападали на пограничные земли Речи Посполитой, белгородские татары сожгли Тлумач, опустошив его окрестности. В ситуации, когда театр военных действий и прилегающие к нему территории из-за частых татарских набегов совершенно опустошены, а запасы продовольствия на них уничтожены, — считал Собеский, будет очень трудно вывести в поле войско, тем более что состояние польских хоругвей, расположенных на зимовку в пограничных районах из-за нехватки провианта и борьбы с татарами, оставляет желать лучшего. Указав, что татарские набеги могут вынудить Речь Посполитую отказаться от наступательных действий и перейти к обороне, Ян Собеский отмечал далее, что без значительных субсидий, необходимых в первую очередь для формирования пехотных частей, польская армия не сможет вести эффективные боевые действия. Польский король сетовал на отсутствие денег на наем пехоты и на сложившуюся традицию, что пехотинцы не получали плату в период нахождения на зимних квартирах, нарекал на нунция, который «cale się zaciął i żadnej czynić nie

* «у <...> нунция настолько полное молчание насчет этого, как будто бы он совершенно о том ничего не знает, какой в этом кроется секрет, мы отгадать не можем».

chce obiecanego miliona nadzieji»*. В другом письме М. Замойскому Ян III сообщал, что получил известия о подготовке противника к скорому началу боевых действий, что турецкую армию может возглавить сам султан: «Codziennie bowiem o gotowności nieprzyjaciela i rannym jego w pole wyjściu odbieramy przestrogi»**, — с польской же стороны, отмечал король, подготовка к боевым действиям идет с немалыми затруднениями. Собеского беспокоила полученная из надежных источников информация, что турки строят мост через Дунай и что сам султан собирается принять участие в кампании против Речи Посполитой, планируя двинуть войска одновременно в Валахию и Трансильванию, что даст возможность османам атаковать Польшу с двух сторон. Весьма вероятным считал польский король усиление татарских набегов — еще более опустошительных, чем прежде. Ян Собеский жаловался, что из выделенных на артиллерию 100 тыс. злотых половина была израсходована на другие нужды[10]. В приведенном письме обращает на себя внимание опасение польского короля по поводу возможного наступления на Речь Посполитую одновременно по двум направлениям: турецкой армии со стороны Семиградья и татарской орды из Крыма.

Военные планы предстоящей кампании вновь рассматривались на раде сената 3 марта 1686 г. в Жолкве. И на этот раз О. Паллавичини и С. Яблоновский настаивали на осаде Каменца, получив поддержку своих планов со стороны папы, выразившего готовность выделить на нее 75 тыс. злотых. Также нунций пообещал выделить 170 тыс. злотых на артиллерию и жалованье казакам, волнения которых удалось успокоить. Однако выделенных Римом средств было явно недостаточно для подготовки к боевым действиям. В Варшаве рассчитывали получить для ведения кампании 1686 г. 1 млн злотых. Даже если допустить, что эти претензии были существенно завышены, то все равно представлена была едва четверть от ожидаемой суммы[11].

Весной 1686 г. ожидавшегося турецко-татарского наступления против Речи Посполитой не произошло. Не спешили турки предпринимать какие-то активные действия и в Подолии. Более того, в мае, чтобы сосредоточить силы в Каменце, османские гарнизоны были выведены из крепостей Бар и Меджибож. Перед оставлением этих крепостей турки частично разрушили их укрепления минами, однако повреждения оказались не слишком большими из-за отсутствия у турок достаточного количества пороха для взрывов. Ян Собеский распорядился заделать проломы в стенах и ввести туда польские гарнизоны[12]. Отряду противника (2 тыс. турок и 4 тыс. татар), эвакуировавшему гарнизоны из замков, 20 мая удалось также ввести в Каменец большой обоз («несколько сот возов» с продовольствием и амуницией). Польская кавалерия, получив известие о движении транспорта, все же не смогла его захватить, что вызвало недовольство Яна Собеского, который даже хотел приговорить к смерти виновных в этом офицеров, и новый всплеск разногласий короля с С. Яблоновским[13]. В мае же татары совершили набег на Волынь, при-

* «запирается и ни в чем обнадежить относительно обещанного миллиона не хочет».

** «Каждый день мы получаем предупреждения о готовности неприятеля и о его раннем выходе в поле».

чинив значительный ущерб, причем крымские загоны не только набрали множество ясыря, но и уничтожали тех, кого не могли увести, разгромив польскую хоругвь легкой кавалерии[14]. В июне в Стрый, где находился король, приехал отпущенный османами на родину польский резидент С. Проский, передавший предложение Порты о заключении мира при условии возвращения Подолии, но без Каменца. Ян III отклонил его[15].

При дворе Яна Собеского, находившегося в Жолкве, с нетерпением ожидали исхода русско-польских переговоров в Москве. Известие о заключенном Вечном мире получили там в конце мая. Отношение двора к этому событию выразил 30 мая в письме подскарбию Мартину Замойскому киевский епископ Анджей Залуский. «Dwie razem przeciwne i wielkie nowiny w niedzielę rano po przykrym przeczekaniu przyszły, bo jedna z wprowadzonej zachariej do Kamieńca die 20 Maii i płacy skarbowej tamecznemu praesidium przywiezionej zaśmuciwszy nas i poalterowawszy, druga lennit dolorem et oppressit, bo o lidze i pokoju wiecznym, na stolicy moskiewskiej konkludowanym, przyniosła wiadomość. Jest za co Bogu dziękować, że tak wielkiej monarchijej, traktując ustąpieniem haraczu i Ukrainy, Porta na swoją stronę nie przeciągnęła. De datą 3 maii listy z tą wiadomością od Ichmm pp. posłów przyszły, który nazajutrz albo najdalej 5 praesentis przysięgą carów odebrać spodziewali się; 20 zaraz przykazów ordynowano do Siczy, aby na passach ordzie nastąpiwszy, dywersję uczynili, Duńskim zaś kozakom morzem Krym atakować kazano i zadnieprskim iść pozwolono. Na przyszłą zaś kampanię z potęgą całą i uniwersalnym wszystkim osobą swoją Piotr Car tam, gdzie trzeba, awansować powinien będzie nieprzyjaciela <...>. A lubo ta liga summa dificultate doszła i nie tak jkośmy sobie życzyli, bo Kijowa i Smoleńska ustąpilić przyszło, mamy jednak nadzieje, że skądinąd P. Bog to nagrodzi, kiedy Krym i potęga tatarska będzie miała swoich opiekunów»*[16]. Письмо киевского епископа лишний раз свидетельствует, что главной целью Речи Посполитой на переговорах с Россией было заключение военного союза против Крыма и Порты. Стремление это сопровождалось несколько преувеличенными опасениями, что Москва может заключить союз с Портой. Сожаление А. Залуского по поводу Киева и Смоленска позволяет предполагать, что в Речи Посполитой хотя и надеялись заключить союз

* «Одновременно две противоположные и великие новости рано утром в воскресенье по наскучившем ожидании пришли, одна, о проведенном в Каменец обозе 20 мая с деньгами для тамошнего гарнизона, заставила нас грустить и волноваться, другая же смягчила страдания, поскольку пришла весть о лиге и вечном мире, в московской столице заключенном. Есть за что Бога благодарить, что такую великую монархию, обещая ей освобождение от дани и уступку Украины, Порта на свою сторону не перетянула. От 3 мая пришли письма с этой новостью от господ послов, которые на следующий день либо 5 мая присягу царей получить надеялись; немедленно 20 полков направлено в Сечь, чтобы пути из Крыма орде перекрыли и диверсию учинили, донским казакам приказано морем атаковать Крым и заднепровским также позволено идти. В будущую же кампанию лично царь Петр наступать будет на неприятеля <...>. А хотя эта лига тяжело нам далась, не так, как мы желали, поскольку Киев и Смоленск пришлось уступить, надеемся, однако, что как-нибудь господь Бог наградит нас за это, когда Крым и сила татарская будут своих иметь опекунов».

на условиях продления перемирия, но, тем не менее, были готовы к требованиям России уступить земли, присоединенные к ней по Андрусовскому договору 1667 г.

Об удовлетворенности короля результатами переговоров сообщал в своей депеше маркиз Ф. де Бетюн, а сам Ян Собеский дал позитивную оценку трактату в письме папе Иннокентию XI. С радостью восприняли это известие и находившиеся в Речи Посполитой резиденты Святого престола, Австрии, а также Венеции[17].

Сразу после получения известия о заключении договора Ян III стал готовиться к новому походу в Дунайские княжества. М. Огинский писал В.В. Голицыну, что, получив весть о заключении Вечного мира, король 3 июня «тем охотнее <...> поднялся, хотя волошскую и мултянскую воевать земли»[18]. В другом письме от 20 июня литовский канцлер отмечал, что Ян Собеский, узнав об этом, был «зело радостен»[19]. Связь с заключением договора и началом военной кампании польских войск 1686 г. отмечают и другие источники, как русские, так и польские[20].

II. После мартовского сенатского совета составление оперативного плана будущей кампании продвигалось медленно. На военном совете 10 апреля во Львове было решено, что коронные войска должны собраться к 8 мая в трех лагерях под Стрыем, Теребовлей и Снятыном. Состояние армии было неудовлетворительным, о чем польный гетман А. Потоцкий сообщал шефу королевской канцелярии[21]. Эту оценку гетмана разделяют и историки[22]. В войске зрело недовольство продолжавшейся войной.

Польского короля возмущали медлительность литовских войск, которые к началу июня еще не прибыли на место сбора, и оправдания ссылавшегося на нездоровье литовского гетмана К. Сапеги. 6 июня Ян III отправил ему письмо, заявляя, что опоздание литовского войска ставит под удар судьбу всей кампании, требуя побудить литовское рыцарство к соединению с коронным войском «самыми суровыми распоряжениями»[23].

8 июня Ян Собеский прибыл в Стрый. Недалеко от намеченного места переправы через Днестр, под Устьем, между Тлумачем и Тысменицой, войска собрались в единый лагерь, где 19–20 июня Собеский провел смотр польско-литовской армии. По подсчетам Ч. Хованца, ее численность составляла 25 тыс. солдат коронных и 10 тыс. литовских войск, а также 6 тыс. казаков — всего 36–40 тыс. человек, при 88 пушках и 18 мортирах[24]. Информируя российских союзников о военных планах короля, К. Гжимултовский направил 30 июня письмо «посольских дел оберегателю», в котором подчеркнул их связь с намеченными действиями русских войск против крымских татар. В письме Голицыну познанский воевода вновь просил не торопиться с отъездом в Польшу русского посольства[25].

На военном совете 20 июля были рассмотрены три варианта наступления: 1) к устью Дуная на Буджак; 2) через Сучаву на Трансильванию; 3) вдоль Днестра к Каменцу. Последний вариант, предусматривавший создание фортов по линии движения войск вдоль Днестра и осаду Каменца, принадлежал гетману Яблоновскому. Ни один из вариантов одобрен не был. В итоге Ян Собеский принял решение идти

в Молдавию, перерезать коммуникации Каменца, в дальнейшем, если позволит обстановка, соединиться с австрийскими войсками в Трансильвании.

21 июля польско-литовское войско выступило в поход, двигаясь через Снятын и Лужаны левым берегом р. Прут. 29 июня под д. Боян состоялась переправа. На пройденном пути, около 100 км, был построен ряд фортов, однако без поддержки кавалерии они не могли воспрепятствовать движению неприятеля. Не удалось нарушить и коммуникации Каменца. Направленному к крепости отряду польской конницы удалось только уничтожить посевы вокруг города и рассеять турецкие дозоры.

К тактическим неудачам первого месяца похода добавились неприятные известия, полученные польским королем в начале августа. 6 августа Собеский узнал об отступлении императорских войск из Трансильвании и о появлении татар в районе Цецоры. В это же время молдавский господарь Константин Кантемир сообщил ему, что, вопреки прежнему обещанию, не сможет оказать полякам помощи своими войсками. Не дали результата и попытки Собеского привлечь его или представителей молдавского боярства на свою сторону дипломатическими средствами, его обещания обеспечить Кантемиру наследственный трон Молдавии и первое место в сенате Речи Посполитой. Позже господарь выступил на стороне турецко-татарских сил, а к польско-литовской армии присоединился лишь 2-тысячный отряд молдавской кавалерии.

На ходу пришлось менять план компании. 13 августа (по другим сведениям, днем раньше) посланный королем отряд занял Яссы. На военной раде 15 августа, получив словесные заверения в поддержке валашского господаря Шербана Кантакузино, Ян Собеский решил идти на Буджак. В Яссах был оставлен польский гарнизон. В конце августа польские войска, разбив перед этим в небольшой стычке татарский чамбул, переправились через р. Прут, двигаясь в сторону Фальчина (совр. Фэлчиу) и Галаца к устью Дуная. Однако уже 2 сентября гетманы, указывая на трудности похода в пустынной и безводной местности, убедили короля вернуться к Яссам, что было названо «стратегическим контрмаршем». Отступавшую польскую армию атаковали татарские отряды и по левому берегу Прута сопровождали турецкие войска сераскира Мустафы-паши, контролировавшие движения противника. Положение Яна Собеского усугублялось полным отсутствием известий с венгерского театра военных действий, а также из-под Каменца, что не позволяло ни верно оценить ситуацию, ни силы противника. Предложению короля дать противнику решающее сражение дважды воспротивился на радах 6 и 11 сентября коронный гетман, которого поддержали и другие военачальники. Пока гетман и его сторонники убеждали короля в трудности переправы через Прут при численном превосходстве турецких войск, татары перекрыли дорогу на Яссы. Несмотря на это, польско-литовская армия сумела пробиться к городу, где 15 сентября стала лагерем. Через два дня, эвакуировав гарнизон из Ясс, войско выступило на северо-запад, в направлении р. Серет. Это движение королевских сил открывало находившимся на левом берегу Прута турецким войскам путь в Подолию, давало возможность сообщения с Каменцом и даже позволяло отрезать противнику путь возвращения в Польшу. Чтобы не допустить этого, Ян Собеский принял решение

немедленно отступить к польской границе. 1 октября войска подошли к р. Сучаве, откуда по берегу двинулись к Снятыну, где были 13 октября. Все это время польско-литовская армия почти непрерывно вела бои с татарскими отрядами. Положение армии Яна Собеского осложнялось и сильной засухой.

На военной раде 14 октября было принято решение идти к Хотину, чтобы помешать приходу турецко-татарских отрядов под Каменец. Однако решение это запоздало — вскоре пришли известия, что чамбулы хана Селим-Гирея провели в крепость очередной обоз. Дальнейшие действия польского командования свелись главным образом к обороне пограничья. Во второй половине октября Ян Собеский выехал в Стрый.

Этим закончилась кампания 1686 г. Ее итоги были для Яна Собеского неутешительны, а польская историография считает ее совершенно неудачной[26]. Польско-литовским войскам удалось закрепиться только в некоторых районах на севере Молдавии[27]. Не оправдались надежды короля на поддержку валашского и молдавского господарей. Сил польско-литовской армии не хватало не только для завоевания Дунайских княжеств, но даже для удержания занятых территорий и блокады Каменца. Отсутствие не только четкого военного плана установления польского контроля над Молдавией, но разработанной политической концепции присоединения Молдавии и Валахии к Речи Посполитой, привлекательной для элиты обоих господарств, также предопределило неудачу Яна Собеского. Состав польского войска, где отсутствовала в достаточном количестве боеспособная пехота*, неразвитая инфраструктура театра военных действий (в частности, отсутствие достаточного количества укрепленных пунктов) обуславливали узость оперативных планов польского командования, сводившихся к стремлению навязать противнику генеральное сражение. Разделение руководства армией между королем и гетманами негативно отражалось на принятии стратегических и оперативных решений, затрудняло управление войсками, не способствовало укреплению воинской дисциплины. Несмотря на внушительную численность армии, ее качественное состояние оставляло желать лучшего. Давали о себе знать недостаток средств в государственной казне, общая военно-техническая отсталость польской армии по сравнению с передовыми в военном отношении странами Европы. Невысок был и боевой дух польско-литовских войск, сказывалась усталость солдат от войны.

Тем больнее было для Яна Собеского известие о блестящем успехе союзников. 2 сентября после ожесточенного штурма был взят главный оплот османов в Венгрии — Буда. Осада, длившаяся с 18 июля, увенчалась успехом. «Можно предположить, что творилось в душе короля, когда в лагере под Серетом он писал письмо с поздравлениями герцогу Лотарингскому», — отмечал З. Вуйчик[28].

В Москве сведения о молдавском походе получили от очевидца: русский посланник Кузьма Нефимонов сумел в конце сентября проехать в польский лагерь за

* Важность этого момента, несомненно, осознавалась польским королем, прилагавшим значительные усилия, чтобы получить под свое командование отряды австрийской, бранденбургской, шведской или русской пехоты.

Сучавой, миновав рыскавшие повсюду татарские загоны. Дипломат сообщил в Москву, что, кроме турок и буджацких татар (численность которых он соответственно оценивал 8 и 30 тыс. человек), в боях с польской армией участвовал и 10-тысячный корпус крымцев. То, что в Москве не строили иллюзий относительно полной блокады Крымского ханства в 1686 г., подтверждает и то, что на упреки, которые, находясь среди польских войск, Нефимонов слышал в адрес России, он отвечал в соответствии с полученными еще в Москве указаниями. По свидетельству русского дипломата, отступление из Молдавии активизировало часть оппозиционно настроенных солдат и офицеров: «На королевское величество голос великой, что напрасно ходил, славы никакой не доказал, лише их истощил, и явно кричат с великим невежеством, а естли б де стоял с таким войском неходя в Волохи под Каменцом, то, конечно, чаяли б таким ранним выходом Каменец добыт был чрез сдачю от голоду». В подобном ропоте нельзя не видеть интриг коронного гетмана С. Яблоновского. Вместе с тем Нефимонов отмечал популярность Собеского среди солдат, поскольку польский король наравне с ними разделял все тяготы похода: «...сам посполу с ними ту ж нужду приемлет, ездит во всем походе верхом и наметы не везде разбивает, толко при огне, оказывая к воинской терпеливости охоту свою».

Главное же полученное от Нефимонова известие, которое должно было быть благожелательно воспринято в русской столице, состояло в том, что в польской армии с одобрением было встречено заключение Вечного мира и союза с Россией. Это давало надежду на скорую ратификацию договора[29].

III. Одной из главных целей польской дипломатии, к достижению которой стремился Ян Собеский, добиваясь военного союза с Россией, была блокада Крымского ханства русскими войсками. Однако по поводу планов предстоящей военной кампании между Варшавой и Москвой возникли существенные разногласия. Какую же помощь оказала в 1686 г. Россия своему польскому союзнику?

Уже 10 мая (30 апреля) появился царский указ о направлении в Запорожскую Сечь подьячего Малороссийского приказа Федота Рогова[30]. В посланной с ним грамоте (датирована тем же числом) сечевикам припоминались все нанесенные им татарами обиды и притеснения, начиная с 1681 г., и объявлялось о заключении Вечного мира, по которому под власть царей перешло Запорожье и «вся Малая Россия». Запорожцам приказывалось, чтобы они «собрався всем Низовым Войском Запорожским над крымскими месты, тако ж и на перелазах, где обыкли крымские войска переправливатися Днепр, чинили, воинской поиск и промысл»[31]. Ф. Рогов прибыл в Сечь в конце июня. Сечевики с удовлетворением восприняли заключение Вечного мира. Кошевой атаман Федор Иваник сообщал гетману, что они готовы начать борьбу с Крымским ханством[32]. Чтобы подогреть желание запорожцев к священной войне с «басурманами», царское правительство направило на Сечь стольника Льва Миронова сына Поскочина с жалованьем. Особенно богатые подарки предназначались кошевому. Запорожскому посольству во главе с Трофимом Волошениным, прибывшему в Москву в июне, было указано выдать различных яств «сверх поденного корму» и «приказной дачи»[33].

9 мая (29) апреля с царской грамотой на Дон о заключении Вечного мира был послан Иван Кизылбашенин. Донцам предписывалось «идти войной» на турок и татар, разорвав заключенное в начале года перемирие[34]. По свидетельству польского посла К. Гжимултовского, донские казаки предвосхитили его, прислав посланцев в Москву просить позволения на набег. В.В. Голицын, сообщая познанскому воеводе о царских указах донцам и запорожцам, не замедлил воспользоваться договором о союзе, чтобы закрепить царскую власть над Запорожьем. Перед отъездом польского посольства из Москвы он лично просил К. Гжимултовского, чтобы король не издавал каких-либо универсалов к запорожским казакам, поскольку это может внести неразбериху в действия последних[35].

Однако главная роль в борьбе России с Крымом в 1686 г. отводилась войскам, которые должны были быть посланы в низовья Днепра под командованием Г.И. Косагова. Указ о направлении в Запорожье Косагов получил в первых числах мая, непосредственно после заключения договора о Вечном мире. Ему было предписано ехать в г. Колонтаев — небольшой городок Слободской Украины, недалеко от Полтавы, назначенный местом сбора войск. По пути Косагов в конце мая заехал в Батурин, где по поручению из Москвы обсудил с гетманом Самойловичем детали будущей кампании. К гетману 29 (19) мая была послана грамота с приказом «говорить» с Косаговым «о воинском промыслу на неприятели над турскими и крымскими людьми и о походе в Запороги <...> которыми месты итит также и в Запороги пришед, в [ко]торых местех стать». Того же числа кошевому Ф. Иванику была направлена царская грамота, сообщавшая о скором приходе в район Сечи войск Г.И. Косагова. Запорожцам предписывалось действовать совместно с ними. О том же должен был написать сечевикам и Самойлович.

В Колонтаев генерал-поручик прибыл 16 (6) июня. Еще в пути он получил наказ и «списки ратным людям»[36]. Из полков Белгородского разряда в походе должны были принять участие: рейтарский полк Ивана Михайлова сына Гопта (1000 человек); пеший солдатского строю Старооскольский полк под командованием полуполковника Ивана Гранковского (1317 человек); пеший солдатский Хотмыжский полк полковника Готфрида Эрнеста (926 человек). Из Москвы в Колонтаев был направлен пеший полк «новоприборных» солдат (700 человек). Кроме того, к войску Г.И. Косагова должны были присоединиться по 500 человек казаков из Сумского, Ахтырского и Острогожского слободских полков (всего 1500 человек). Всего русское войско по спискам, включая 2-х конных жильцов и 2-х конных городовых детей боярских, должно было насчитывать 5447 человек, а вместе с донскими, яицкими и орешковскими казаками и курскими новокрещеными калмыками, число которых не указано, — более 6 тыс. человек. Курскому воеводе М.А. Голицыну было указано придать дополнительно к 13 пушкам Старооскольского и Хотмышского полка 26 пушкарей, выдать солдатам необходимое число пищалей. Еще в Москве Косагов получил из Разряда полковое знамя, из Аптекарского приказа в его распоряжение был выделен «лекарь с лекарствы». Митрополиту Белгородскому Авраамию было предписано послать в его войско священника «со всей церковной утварью»; Л.Р. Неплюеву из Севска — доставить в Колонтаев 100 пудов «руч-

ного» пороха и столько же свинца, 7 тыс. четвертей «хлебных запасов» (сухарей и ржаной муки), по 200 четвертей круп и толокна; киевскому воеводе Ю.С. Урусову — направить в стругах на Запорожье муки и других «хлебных запасов». Из Карачева, Чугуева и Суджи в Колонтаев должны были прибыть трое подьячих, определенных в войско «для письма». В города Белгородского полка, расположенные по р. Ворскле, были посланы указы изготовить 50 лодок-однодеревок и направить их в Сечь[37].

Киевский воевода Юрий Урусов уже 28 (18) мая получил царскую грамоту с приказом доставить в низовья Днепра 700 четвертей ржаной муки в сопровождении конвоя, «чтоб пройти от неприятелских людей безопасно». Отряд, придя на место, должен был дожидаться войск Косагова «в крепких и пристойных местех». 11 (1) июня караван из 5 стругов, груженных 700 кулями муки, двинулся из Киева вниз по Днепру. Охраняли его 61 человек киевских солдат и стрельцов во главе с капитаном солдатского полка Иваном Личковским[38].

В «наказе», данном Косагову из Разряда, ему приказывалось после завершения военных приготовлений и сбора войск идти на Запорожье, «усмотря способное время, с великим береженьем и осторожностью». Примечательно, что приведенная фраза была вписана вместо зачеркнутого «наспех». Осторожность предписывалось соблюдать ввиду опасности появления в близлежащих степях татарских отрядов (об этом в Разрядном приказе были оповещены уже в мае). Придя «в Запороги», генерал-поручик должен был позаботиться о приемке лодок-однодеревок и хлебных запасов, устроив провиантские склады. Конкретные рекомендации по ведению боевых действий, уже будучи в Сечи, Косагов должен был получить в виде наказа из Малороссийского приказа[39].

Перед походом всем воинам было выплачено государево жалованье. «Новоприборные» получили его еще в Москве. «Кормовые деньги» калмыкам и «годовое денежное и хлебное жалованье» донским, яицким и орешковским казакам приказано было выдать в Курске[40]. На жалованье остальным казна была доставлена из Москвы в Колонтаев 5 июня (26 мая)[41].

18 (8) июня Косагов сообщал в Москву, что в Колонтаев прибыли казаки Сумского и Ахтырского полков во главе со стольником Иваном Литвиновым, а также рейтарский полк И.М. Гопта. Генерал-поручик сетовал, что до сих пор не приехали назначенные в полк подьячие во главе с дьяком Василием Березиным[42].

После сбора всех войск Григорий Косагов провел им смотр, после чего раздал жалованье солдатским и рейтарским полкам. По результатам смотра оказалось, что реальная численность собравшихся войск ниже штатной. Так, по известным данным, в полку И.М. Гопта оказалось 906 человек (вместо 1000 по списку); в Старооскольском солдатском полку — 1103 человек (вместо 1317 по списку); в Хотмыжском — 804 (вместо 926). Таким образом, количество явившихся в Колонтаев рейтар и солдат было на 13% меньше в сравнении со «списочным составом». Этот некомплект не могли восполнить 7 человек московских стрельцов, присланных в полк из Курска «за пьянство». На жалованье нетчикам, которые могли явиться позднее, Г.И. Косагов распорядился оставить из привезенной «казны» 200 рублей.

Остальные нерозданные деньги были отправлены назад в Москву[43]. Можно предположить, что нетчики были и в других формированиях, однако в целом реальная численность войск, направленных в Запорожье, вряд ли была ниже 5 тыс. человек.

В целом, оценивая военные мероприятия русского правительства, предпринятые непосредственно после заключения Вечного мира, стоит отметить, что Москва стремилась выполнить взятые на себя обязательства. В то же время руководителям русской внешней политики было очевидно, что подобными мерами невозможно полностью сковать все силы Крымской орды. Нам неизвестен на данный момент наказ, касающийся тактики и стратегии боевых действий, который Г.И. Косагов получил из Малороссийского приказа. Возможно, что он и не сохранился. Однако, исходя из численности направленного «в Запороги» русского отряда и последующих действий Г.И. Косагова, можно заключить, что ему был дан приказ вести борьбу с отдельными, небольшими татарскими отрядами, которые будут выходить с полуострова в направлении как русской, так и польской границы («над крымскими месты, тако ж и на перелазах, где обыкли крымские войска переправливатися Днепр, чинили воинской поиск и промысл», — так формулировалась задача в царской грамоте запорожцам). Другой задачей Косагова было, видимо, создание опорной базы для наступления русской армии на Крым весной будущего года.

Сами польско-литовские послы представляли себе деятельность России против Крыма в текущем году иначе. В июне М. Огинский прислал к В.В. Голицыну очередного посланца с письмом — Казимежа Амборка. Литовский канцлер приказал Амборку убеждать Голицына, чтобы в нынешнем, 1686 г. царские войска «ту пору не пропустили, ибо на том вся сила», непосредственно связывая успех будущей кампании польско-литовских войск с действиями русских войск против крымских татар. Канцлер считал, что Каменец «от турок отнят бы был, когда б не татары, от которых нас под договору должны оборонять»[44]. В ответ В.В. Голицын сообщал, что Г.И. Косагов с «многими войсками» уже должен был прибыть на Сечь, ему дано повеление сообщать польскому командованию, «что у него будет в том промысле делатся». При этом Голицын подчеркивал, что помощь в текущем году будет оказана «по должности» Вечного мира[45]. По итогам проведенных военных мероприятий 1 июля (21 июня) из Москвы была направлена и грамота царей Яну Собескому с изложением шагов, предпринятых Россией в соответствии с союзным соглашением. В ней, кроме прочего, отмечалось, что донские казаки уже «сухим и водным путем <...> пошли многим же собранием». Москва, в свою очередь, интересовалась состоянием дел на польско-османском фронте[46].

IV. И. Самойловичу через Л.Р. Неплюева был послан список с заключенного договора о Вечном мире и союзе с указанием съехаться с Неплюевым для обсуждения плана военных действий в текущем и следующим годах, согласно союзным статьям[47]. Для переговоров с гетманом для Л.Р. Неплюева в Посольском приказе был составлен наказ.

Первоначально, после окончания русско-польских переговоров, в Посольском приказе для Самойловича была подготовлена царская грамота. В ней гетману ука-

зывалось: «...ис тех сел и земель, которые по Сожь реку ко Мстиславскому воеводству и Речицкому повету до нынешнего заезду належали, а к Стародубскому и Черниговскому полком недавно присовокуплены, велеть казаков и посылных своих вывесть и отдать те места» Речи Посполитой, вернувшись к границам 1667 г. Земли предписывалось вернуть «со всеми людми и землями, и с хлебом, и скотом, и с озеры, и с мелницы <...> не отрывая от них ничего и убытков никаких не чиня». Понимая, что такое распоряжение вызовет недовольство гетмана, в Москве оправдывались тем, что иначе как без возвращения Засожья польские послы отказывались заключать договор о Вечном мире. Все официальные действия по передаче Посожских сел возлагались на И. Самойловича — он должен был направить своего представителя для встречи польским посланником, отмечалось также, что с польско-литовских послов взято «писмо» с обязательствами не требовать возмещения убытков. Последнее, несмотря на предыдущее распоряжение Москвы об оставлении захваченного в целости и сохранности, фактически развязывало казакам руки для грабежа Засожья. Это должно было отчасти сгладить недовольство гетмана возвращением Посожских сел. Грамота эта, однако, послана гетману не была[48]. Столь деликатный вопрос Неплюев должен был обсудить с гетманом лично, наедине.

Кроме того, в разговоре «на один» Л.Р. Неплюев должен был обсудить с гетманом другие, не менее важные вопросы. Прежде всего, севский воевода должен был объявить гетману о заключении Вечного мира, особо отметив, что все пожелания гетмана относительно русско-польской границы на Украине были по возможности учтены: за Россией остался Киев с обширным округом, включая Стайки, Треполье, Васильков, Вышгород и Межигорский монастырь; земли вниз по Днепру от Стаек до Чигирина оставлены «пустыми» «до совершенного о них постановления». Самойловичу поручалось объявить о Вечном мире на Украине (городовому и низовому войску) в своих универсалах, причем в наказе акцентировалось внимание на том, что цари «не указали» посылать «на Кош и к городовым казакам» грамот от своего имени. Сделать это Москва собиралась лишь в случае, если И. Самойлович сам об этом попросит. Ф. Рогова гетман должен был послать в Сечь лишь в сопровождении своего посланца, но писать к запорожцам то же, что и в царской грамоте. Также Самойловичу рекомендовалось усилить контроль над Запорожьем в связи с его переходом исключительно под царскую власть. В этих инструкциях Неплюеву отчасти можно видеть и маневр голицынской дипломатии, знавшей о недовольстве гетмана территориальными условиями Вечного мира и поэтому стремившейся переложить на И. Самойловича часть ответственности за его заключение в случае возможного недовольства украинского казачества.

Неплюев должен был изложить гетману поводы к войне с Крымским ханством и Османской империей, отметить нежелание татар прекращать набеги на русские и украинские земли, тягость для царской казны ежегодных выплат хану. В связи с обязательствами России предпринять в 1687 г. поход на Крым от Самойловича требовались детальные предложения по его проведению на основе плана, который гетман разрабатывал в 1673 и 1675 гг. Речь шла о сроках выступления украинских и русских войск, маршруте, месте соединения, тактике боевых действий и т. д. Так-

же гетману поручалось подумать о действиях русских и казацких войск в текущем году в районе Запорожья, чтобы не допустить выхода с Крымского полуострова татарских чамбулов. «Так же б и он, гетман, регименту своего казаков в Запороги нынешнего лета царского величества с ратными людьми послал», снабдив их «воинскими запасами», — говорилось в наказе. Неплюев должен был сообщить Самойловичу, что в Сечь направлены войска под командованием Косагова, а на Изюмскую сакмю — отряды князя Г.А. Козловского, что калмыкам и донским казакам посланы указы идти на Крым «водным и сухим путем» и «корысть себе получать».

Пункт наказа Неплюеву, посвященный крымской политике, содержал информацию, особенно важную для понимания курса Москвы в отношении Бахчисарая. Севский воевода должен был указать гетману на слабость Османской империи, на ее неспособность вести активные боевые действия и, главное — на намерение Крымского ханства воспользоваться этим и обрести независимость. Поэтому И. Самойловичу поручалось послать в Крым своего человека — либо вместе с царским гонцом, либо под предлогом жалобы на татарские набеги — с объявлением, «чтоб хан великим государем их царскому величеству милости себе поискали *и учинились в послушании у них великих государей* <...> *и служили им великим государем, а от послушания турского салтана отстали и в помочь к турским ратным людем не ходили* (курсив мой. — *К. К.*)». О реакции хана запорожский гетман должен был немедленно сообщить в Москву [49].

Подобные инструкции проливают свет на тактику, которой царское правительство придерживалось в отношениях с Крымом на протяжении не только 1686 г., но и в дальнейшем (известно, что в 1687 г. русское правительство открыто сформулировало одну из целей войны с Крымом и Портой как переход хана в подданство царей [50], а В.В. Голицын вел секретные переговоры с представителями хана во время второго Крымского похода 1689 г. [51]). Готовясь к войне, Москва одновременно дипломатическим путем, в т. ч. через посредство гетмана, пыталась склонить крымского хана к принятию русского протектората. Таким образом, можно констатировать, что уже правительство В.В. Голицына и царевны Софьи строило планы включения ханства в орбиту русской политики, т. е. почти за сто лет до его действительного присоединения к России. Это позволяет усомниться в принятом в историографии суждении, что одной из причин смещения И. Самойловича в 1687 г. были его контакты с Крымом (гетман был сторонником сохранения с ним мирных отношений), осуществляемые без ведома Москвы и вопреки ее политике конфронтации с ханством [52]. Основанием для такого суждения стали обвинения польской дипломатии, упрекавшей гетмана в секретных сношениях с крымским ханом. Наказ Неплюеву свидетельствует, что в отношении Крыма Москва и Батурин, несмотря на разногласия гетмана и царских дипломатов по другим вопросам, как раз действовали согласовано.

V. Еще когда в Москве продолжались русско-польские переговоры, в российскую столицу прибыли татарские гонцы, остававшиеся там и после завершения переговоров с посольством Гжимултовского. Однако, заключив с Речью Посполитой договор о мире и союзе, царское правительство не торопилось объявлять татарским

гонцам о вступлении России в войну с Османской империей и Крымским ханством. Формальным актом окончания татарского посольства стал отпуск гонцов 17 (7) июня в Посольском приказе. Прощальной аудиенции у царей они не получили. В обширном послании царей крымскому хану, которое вез в Бахчисарай выехавший вместе с татарскими гонцами толмач Василий Козлов, перечислялись обвинения в многочисленных «явных» нарушениях перемирия — набегах азовских, крымских и ногайских татар на украинские и русские земли. Причем, говорилось в послании, ни ныне правящий Селим-Гирей, ни его предшественники (Мурад-Гирей и Хаджи-Гирей) по многочисленным жалобам России ни «розыску не учинили», ни виновных не наказали, ни пленных не возвратили. Крымцам ставили в вину издевательства над русскими посланниками Никитой Тараканoвым и подьячим Петром Бурцовым зимой 1682–1683 гг.

В приведенной царской грамоте хану подчеркивалось, что, несмотря на такие недружественные действия, Россия готова быть и далее «в дружбе и ссылках» с крымским ханом. Ханские претензии относительно «недодачи» казны отвергались. Москва отказывалась присылать в Крым «годовых» посланников, которые прежде были «отставлены за великое мучение и тесноту».

Объявляя в царской грамоте крымскому хану о заключении мира и союза между царями и польским королем, московские политики стремились представить этот союз как оборонительный: «Учинилися мы, великие государи, наше царское величество з братом нашим с великим государем, с его королевским величеством польским в дружбе и любви, и в соединении против всякого *наступающего* (курсив мой. — *К. К.*) на обои великие государства наши общаго неприятеля». Такая трактовка договора о Вечном мире существенно контрастировала с тем, как его содержание рассматривалось на русско-польских переговорах в Москве. Она могла быть обусловлена желанием руководителей русской внешней политики, во-первых, представить ханство виновником начавшейся войны и, во-вторых, не объявляя заранее о собственных захватнических планах, сохранить при удобном случае возможность заключения мира и даже более того — перехода Крыма под протекторат Москвы. В связи с этим крымского хана призывали «быти с нами обоими, великими государи <...>, в дружбе и любви <...>, и всчатую войну с его королевским величеством полским прекратить, и войска свои <...> на полское государство не посылать, и разорения и кровопролития в наших обоих великих государствах чинить отнюдь не велеть». В грамоте утверждалось, что заключение Россией мира и союза с Речью Посполитой якобы вовсе не противоречит русско-крымским договоренностям, открывая возможность установления союзных отношений между Крымским ханством и Речью Посполитой. Подчеркивая миролюбие и добрососедство своей политики в отношении ханства, в Москве решительно отвергали любые упреки в недружественных действиях и даже, несмотря на показания Багасана Мамаева (данные им в Посольском приказе, в отсутствие представителей крымской стороны), отказались признать факт набега донских казаков под Перекоп. От имени царей хану заявлялось, что привезенный татарскими гонцами пленный калмык был в степи якобы «для звериной ловли»[53].

1 июня (22 мая) в Севск приехал новый гонец от крымского хана, Мубарекша мурза Сулешев, а 13 (3) июня он прибыл в Москву. Несмотря на сделанные ранее дружелюбные заверения в адрес хана в царской грамоте, направленной с предыдущими татарскими гонцами, прием нового гонца был обставлен более скромно, чем это было традиционно предписано церемониалом. При въезде в Москву Мубарекшу не сопровождал предусмотренный эскорт из 10 конюхов, значительно был уменьшен почетный караул стрельцов, не было визита татарского гонца к В.В. Голицыну в Посольский приказ. «Боярин в приказе не был и о деле не говорено», — отмечено в посольской книге.

В доставленном гонцом послании Селим-Гирей отвечал на ранее отправленную из Москвы через Запорожскую Сечь очередную грамоту с требованием не брать пошлины с запорожцев и жителей «украинных городов» за промыслы в низовьях Днепра, чего русское правительство безуспешно добивалось начиная с 1681 г. Ханское правительство, упорно перед тем не желавшее отказаться от взимания пошлин, вдруг резко изменило свою позицию, сообщая, что «для умножения <...> братцкие дружбы и любви» брать с казаков какие-либо поборы отныне запрещено. Хан Селим-Гирей подчеркивал, что мир между двумя странами должен содержаться «нерушимо», и обвинял донских казаков в провоцировании пограничных конфликтов: «...ваши люди, покрывая свои вины и воровство, доносят <...> на наших татар неправду, а наши татары для дружбы меж нами их казацкому дуровству терпят». В конце Селим-Гирей предлагал заключить союз против Речи Посполитой и обещал похлопотать у султана о позволении на добычу соли в приднепровских озерах[54]. Эта грамота крымского хана, несомненно, более дружелюбная, чем привезенная татарскими гонцами в Москву в марте, свидетельствовала, что в Бахчисарае знали о русско-польских переговорах и стремились предотвратить вступление России в антиосманскую коалицию.

То, что хан действительно перестал взимать поборы с казаков Запорожской Сечи (десятина с рыбной и звериной ловли была отменена, отмены налога на соль Селим-Гирей обещал добиться у султана), подтвердило и прибывшее оттуда посольство в начале июня в Москву во главе с Трофимом Волошенином и атаманом полтавского куреня Василием Кузьминым. Они же отвозили ранее царскую грамоту с просьбой об отмене пошлин в Крым[55].

Однако дружественные жесты крымского хана не означали, что Бахчисарай не готовился к предстоящей войне или отказывался от мелких набегов на русское пограничье. Тревожные вести с южной границы приходили в Москву еще до приезда татарского гонца в российскую столицу. Так, 30 (20) мая в Разрядный приказ поступила отписка от курского воеводы Михаила Андреевича Голицына о появлении под Острогожском татарских отрядов, направлявшихся к Воронежу и Усмани. Воевода, предупреждая об опасности, тотчас же разослал сообщения об этом по городкам Белгородской черты[56]. 21 (11) июля у крымского двора — московской резиденции татарских посланцев — было приказано усилить стрелецкий караул[57].

5 августа (26 июля) в Москву пришло новое тревожное известие. Посланный керенским воеводой Иваном Загоскиным в степь в ответ на вести о появлении в

окрестностях калмыков «объезжий караул» из керенских конных казаков 24 (14) июля захватил в плен крымского татарина Маметку. Присланный в Москву пленник поведал, что в марте Селим-Гирей послал отряд из 300 татар под командованием Мамут-султана и мурзы Юсупа Уракова под Керенск «подговаривать татар, которые живут тех городов в уездех, чтоб они шли к нему в Крым, для того приходили де ис тех городов татара и сказывали, что их крестят силно, и ис тех де городов многие их братья татара хотят итти в Крым». Также Мамут-султан должен был захватить языков «и, где можно, те уезды повоевать». В районе между Саратовом и Царицыным татарский отряд встретился с калмыцким (700 человек) под командованием Кучука, племянника калмыцкого тайши Аюки. Татары отказались идти с калмыками в набег и стали станом недалеко Керенска, рассылая загоны для захвата пленников. По сообщению Маметки, перед выходом отряда из Крыма в Бахчисарай приехал посланник от турецкого султана с казной для Селим-Гирея и приказом калге с частью орды идти в Венгрию, нураддину с другой частью — на поляков, а хану с частью войска — остаться в Крыму, и «велено остерегать, чтоб великих государей ратные люди не пошли на Крым». Вскоре отряды калги направились в Венгрию, а отряды нураддина были готовы к походу на Речь Посполитую[58]. Таким образом, известия о русско-польских переговорах заставили Бахчисарай и Стамбул скорректировать первоначальные военные планы. Русский гонец Петр Хивинец, бывший незадолго перед тем в Крыму, сообщал, что турецкий чауш, прибывший к Селим-Гирею в конце 1685 г., привез приказ султана о выступлении на Речь Посполитую самого хана с основным войском весной 1686 г., так же как это было и в кампанию 1685 г.[59]. Эту информацию в целом подтверждали запорожцы Трофим Волошенин и Василий Кузьмин, ездившие где-то в конце 1685 — начале 1686 г. в Крым с царской грамотой[60].

(9 августа) 30 июля показания пленника и сам он были предъявлены ханскому гонцу. Мубарекша отказался признать факт посылки татар к российским границам, а пленника объявил липским, а не крымским татарином. На очной ставке с гонцом пленник подтвердил свои показания, добавив, что языки были необходимы татарам в т. ч. и для «подлинной ведомости» о Вечном мире, но Мубарекша упорно настаивал, что татары, появившиеся под Керенском, — «своевольники». Ханскому гонцу было заявлено о нарушении его государством мира с Россией, а на следующий день заявлен протест в связи с умышленной задержкой в Очакове возвращавшихся из Стамбула Н. Алексеева и И. Лисицы. В ответ русское правительство объявило о задержке самого Мубарекши[61]. Селим-Гирея Москва известила об этом еще в грамоте от 13 (3) июля, направленной в Бахчисарай через Запорожскую Сечь и находившегося там Г. Косагова. Отпустить гонца Россия соглашалась только после отпуска на родину русских послов[62]. 31 (21) августа Мубарекше было объявлено об «убавке» царского жалованья, поскольку у царей «ныне с ханом и с крымским юртом война»[63]. Так, впервые ханскому гонцу в Москве было заявлено об объявлении войны Крымскому ханству, когда по известиям из Молдавии, Трансильвании и Венгрии в российской столице могли удостовериться в активных действиях союзников против Порты и в том, что в обозримом будущем со стороны

участников Священной лиги можно не опасаться заключения мира с турками за спиной Москвы.

В сентябре в Москве были получены три грамоты от воеводы и генерал-поручика Григория Косагова и новая грамота от крымского хана. Г. Косагов сообщал царям, что никаких активных действий против крымских татар ни его войсками, ни запорожскими казаками не предпринималось. Воевода доносил, что он «с кошевым и с казаками о промыслу общем [над Крымом] <...> говорили <...> многажды и кошевой с казаками говорят, хан де крымской со многими ордами вышед ис Крыму, стоит за Перекопом в дву милях по речке Колончаку (в 12 милях от Сечи и Каменного затона, где расположился лагерем Г. Косагов. — *К. К.*), а в Казы де кермене и в тованских, и в ыных городках турки и татаровя живут в великой осторожности, а в Запорожье де войско мало, многие разошлись в городы для запасов, и иные де пошли х королю полскому, а человек де с триста пропало под Казыкерменем, и за малолюдством для промыслу в крымские места и под городки итти опасно, чтоб и последних людей не потерять, и без прибавочных де ратных людей против хана крымского итить им самим нельзя, и о прибавке де ратных людей <...> к гетману Ивану Самойловичу писывали де они многажды, а нам, холопем вашим, <...> без запорожцев в крымские места и под городки ходить не мочно, да и для языков <...> ратных людей посылать немочно ж, вожей, которые б знали поле и крымские места, у нас в полку нет, а с коша <...> казаков от себя и нашего, холопей ваших, полку с служивыми людьми не посылали и по се число, а мы, холопи ваши, о том говорили им беспрестанно *и что воинского промыслу по се время нет* (курсив мой. — *К. К.*) и то не за нашим <...> нерадением медлитца». В другой грамоте Г. Косагов сообщал о заявлении кошевого Федора Иваника, что «без прибавочных ратных людей за малолюдством войска *против хана крымского воины почать немочно <...> и они воины с ханом крымским починать не будут толко де будут своего коша остерегать* (курсив мой. — *К. К.*)», пока от царей и гетмана не будут присланы подкрепления[64]. Косагову вторил в своем письме к И. Самойловичу запорожский кошевой «с товарыством». «Силы нашей не станет, — писал он гетману, — понеже с тем войском, что с воеводою с Григорием Ивановичем Косаговым и з сим войском низовым почати не можем, зане все орды крымских сил с ханом на Колончаку стоят». Условием начала активных боевых действий с русско-украинской стороны кошевой ставил присылку в Сечь нескольких городовых полков[65]. Г.И. Косагов, понимая малочисленность своих сил перед лицом стоявшей на Колончаке Крымской орды, ограничивался высылкой к турецким городкам на Днепре небольших отрядов для захвата языков. Однако и тут русские войска терпели неудачи. Направленный под Исламкермен отряд из 30 человек вернулся ни с чем[66]. С приближением зимы из полков Косагова начались побеги ратных людей, которым не очень улыбалась перспектива зимовать в Каменном Затоне. Гетман И. Самойлович «сыскивал» их и оправлял в Ахтырку[67]. О пассивности русско-украинских сил в низовьях Днепра свидетельствует и то, что загоны крымских татар не боялись подходить под самую Сечь, а однажды под покровом ночи, воспользовавшись беспечностью казаков, ворвались в запорожский кош. Впрочем, эта

вылазка, по свидетельству сообщавшего о ней в Москву гетмана И. Самойловича, окончилась неудачей, — «войско низовое тотчас их выбили и многих побили»[68].

Изменился и тон турецкой и крымской дипломатии в отношении России. Наряду с миролюбивыми жестами, в заявлениях Порты и хана зазвучали тревожные ноты. В грамоте Селим-Гирея, присланной в Москву Косаговым, сообщалось, что посольству Н. Алексеева в Стамбуле была «честь зело учинена, наипаче прежнего» и султан собирался направить в Россию посольство, но, получив известие о заключении Вечного мира, — передумал. Н. Алексеев и И. Лисица, как уверял крымский хан, задержаны «до времяни» и будут отпущены в обмен на отпуск Мубарекшы. Одновременно России предъявлялись обвинения в нарушении мира, задержке ханского гонца, пропуске «разменного времени», не присылке в срок «казны». Селим-Гирей, демонстрируя свою осведомленность о военных обязательствах России по договору с Речью Посполитой, писал: «Також и донские атаманы в Азов писали, что учинилась недружба и война с вами зачалась, да что вы указали ратным людем своим итить на Крым и на Азов и те ваши ратные люди, где ныне и в каких промыслах, и то нам ведомо». В ханской грамоте отмечалось, что Ян Собеский выступил в поход на Белгородскую орду, при этом «наше ханово величество <...> в ыную сторону воиною никуды ис Перекопи не выступили»[69]. Грамота Селим-Гирея в октябре была послана русским послам в Речь Посполитую Б.П. Шереметеву и И.И. Чаадаеву с подьячим Василием Айтемирьевым[70].

В царской грамоте хану от 16 (6) октября повторялись все прежние заявления — о готовности царей поддерживать мир и дипломатические контакты с ханом — и обвинения в нарушении татарами перемирия. Задержка гонца и пропуск «розменного времени» объяснялись задержанием русских гонцов в Очакове и появлением татарских загонов под «украинными» городами. Москва предлагала хану, чтобы он заключил мир с Речью Посполитой «и салтаново величество к тому миру <...> привели же и чтоб ево салтаново величество с королевским величеством польским учинил мир *и завоеванное ему уступил* (курсив мой. — *К. К.*)». Хану предлагалось обменять Н. Алексеева, В. Козлова и И. Лисицу на мурзу Мубарекшу и провести обмен у Переволочны[71]. Сделать это поручалось И. Самойловичу, которому были посланы копии приведенных выше грамот, которыми обменялись Москва и Бахчисарай[72]. 21 (11) октября Мубарекша нанес заключительный визит («был на отпуске») в Посольский приказ[73]. Решение о завершении его миссии и об отъезде гонца на родину было оформлено царским указом с боярским приговором и по «челобитью» И. Самойловича. Тем же указом было решено государское жалованье дать гонцу «против прежняго, что давано на отпуске крымским гонцом»[74]. Издание указа не только по боярскому приговору, но и по челобитью гетмана свидетельствует, что он имел важное значение. Присутствие в нем санкции Боярской думы и украинского гетмана должно было придать особый вес формальному правительственному постановлению об «отпуске» крымского гонца. И это не случайно. Подчеркнуто холодно принятый в начале своей миссии, Мубарекша покидал российскую столицу со всеми почестями, предусмотренными дипломатическим церемониалом мирного времени. Москва, очевидно, вела двойную игру в от-

ношении Бахчисарая, сочетая военные приготовления с демонстрацией миролюбия и попытками склонить крымских татар к принятию протектората русских царей. Отмеченные обстоятельства «отпуска» крымского гонца свидетельствовали также и о сохранявшихся в русских правящих кругах разногласиях по вопросу о вступлении в войну с Крымом. Противники войны настояли на сохранении посольского церемониала, соответствовавшего мирному времени.

В Крыму, надеясь сохранить мирные отношения с Россией, решили (видимо, по согласованию со Стамбулом) в знак доброй воли отпустить русских посланников без размена со всеми «пожитки и невольники». При этом ханский визирь призвал к себе Ивана Лисицу для разговора «наедину». Наговорив ему много «льстивых» слов в адрес гетмана И. Самойловича, визирь вручил Лисице послание для гетмана, о содержании которого тот не решился сообщать на письме [75]. Возможно, что хан повторял И. Самойловичу предложения о заключении союза, сделанные ранее через посредство запорожских казаков. В Батурине не стали скрывать этой встречи, прислав оригинал письма И. Лисицы и копию направленного гетману письма ханского визиря (последнюю пока не удалось обнаружить в архивах) в Посольский приказ уже через месяц после того, как оно было отправлено [76].

Получив известие о прибытии Н. Алексеева и И. Лисицы в Запорожскую Сечь, в Москве сначала распорядились отпустить мурзу Мубарекшу в Крым, о чем 13 (3) ноября направили грамоту И. Самойловичу. Однако в тот же день, «вечером поздно», к запорожскому гетману последовала новая грамота с предписанием задержать татарского гонца в Батурине, «потому что по ведомости от <...> Никиты Алексеева известно <...>, что хан и мурзы совершенно о воине и о [готовящемся] промысле над ними, бусурманы, <...> не ведают, и чтоб до болших снегов тот мурза в Крым был не отпущен, чтоб от него за прямою ведомостью хан не похотел ныне в скором времяни на <...> великороссийские, так малороссийские городы идти воиною, занеже чинить помешку к вешнему походу» [77]. В декабре гетману был послан новый указ: отпустить крымского дипломата домой после Рождества, проводив до Казыкерменя, так, чтобы он прибыл туда «на сырной неделе» [78].

Сведения о том, что в Бахчисарае действительно смутно представляли себе военные планы русского командования в начавшейся войне, приходили в Посольский приказ и из иных источников. 13 (3) октября в Москву, в сопровождении гетманского посланца Степана Романенко, прибыл запорожский казак поповичева куреня Филон, недавно побывавший в плену у крымских татар. В конце августа он еще с тремя товарищами был послан под Казыкермен для поимки языка. Акция оказалась неудачной: когда казацкий челн, плывший по реке Каменке, причалил для пополнения запасов продовольствия («для груш, для винограду и яблок»), на казаков напал отряд татар в 50 человек, также шедший по реке на двух челнах («шкалах»). В плен попали Филон и его товарищ Михаил, а двое других казаков, вышедших на берег, сумели скрыться. Филона сначала отправили в Казыкермен, где 3 дня продержали в яме, а затем — в ставку хана в урочище Колончак. И казыкерменский бей, и хан, самолично допрашивавшие пленного (эта деталь, впрочем, могла быть и вымыслом казака), интересовались планами русских войск, ожидая

нападения на турецкие городки на Днепре или на Крым. Селим-Гирей интересовался также, для чего Г.И. Косагов строит «крепость» в Каменном Затоне и почему Россия и Украина разорвали перемирие с Крымским ханством. Филон, по его словам, заявил, что у запорожцев «розмирения нет и ничем их татар не задирают», царского указа нападать на Крым или Казыкермен не было. Тогда хан предложил сечевикам ударить сообща на отряд Г.И. Косагова, «чтоб ево снесть», и заключить союз, «чтоб войско запорожское с ним ханом жили в совете, как и Хмелницкой преж сего их татар имел себе и просил против великих государей ратных людей в помощь, так бы и ныне к нему писали себе о помощи, потому что ныне Москва взяла их казаков в руки, как в мешок, толко не завязали». На следующий день после встречи с Селим-Гиреем Филона отвезли обратно в Казыкермен. Бей, подарив казаку «киндяшной кафтан да шапку» и вручив письмо для кошевого атамана, отпустил его обратно в Сечь. Хан в тот же день двинулся с войсками на соединение с Белгородской ордой, оставив под Перекопом 15-тысячный заслон[79]. Подобная откочевка крымских татар на зиму к Дунаю, если она действительно имела место, могла быть вызвана и тем, что на Крымском полуострове второй год подряд не родился хлеб и с конским кормом было «гораздо скудно»[80].

В письме к кошевому атаману казыкерменский бей признавал, что не имеет «подлиной ведомости с вашей стороны, в каких пребываете намерениях», и требовал, «если какие намерения против нас имеете, пущай явно деется, извольте объявить нам». «Такмо ж ваши чюмаки, — продолжал он, — и ныне с Руси к нам приходя, сказывают, что на Руси все по-прежнему, сего ради и мы не можем вашей познати правды, и для того доселе хан стоит со всеми силами под Перекопью». Бей просил прямо заявить, в каком состоянии Россия и подчиненные ей казаки находятся по отношению к Крымскому ханству: мира или войны[81]. Крымская дипломатия оказалась сбита с толку политикой России и Украины. С одной стороны, отовсюду приходили вести о заключении Вечного мира и вступлении русского государства в антиосманскую коалицию; с другой — никаких особенных военных демонстраций у крымских границ, за исключением прибытия в район Сечи отряда Косагова (да и тот никаких активных действий не вел), не производилось, торговля не прерывалась — казацкие чумаки по-прежнему гнали в Казыкермен скот, а из Москвы в Бахчисарай одну за другой слали «любительные грамоты» и уверяли, что с польским королем заключен только лишь оборонительный союз. Селим-Гирей, бывший крымским ханом еще в 1670-е гг., исходя из опыта русско-турецкой (1672–1681 гг.) и польско-турецкой (1672–1676 гг.) войн, безусловно, понимал, что даже заключение русско-польского союза еще не означает активных действий русских войск на крымском фронте и тем более согласованных действий союзников. И события второй половины 1686 г. вполне это подтверждали. В Бахчисарае, вероятно, еще не знали всех подробностей договора о Вечном мире и не могли представить, что в Москве идет активная подготовка к походу на Крым огромной русско-украинской армии («...наши государские рати, как конные, так и пехотные, будут многие и перед иными прошлыми походы прибавочное», — сообщалось в царской грамоте гетману И. Самойловичу[82]). Тем не менее крымская дипломатия,

применяя уже опробованную тактику, подталкивала склонную к «шатости» Запорожскую Сечь к заключению антироссийского союза. Однако сечевики, переживавшие далеко не лучшие времена «скудости» и «малолюдства», не могли себе позволить принять ханские предложения, а потому сочли для себя более выгодным сообщить о них в Батурин и Москву.

23 (13) декабря в Москву пришел ответ Селим-Гирея на царскую грамоту, направленную в Бахчисарай в октябре. На предложения русского правительства заключить мир с Речью Посполитой хан не дал прямого ответа, а только заметил, что с его стороны в отношении Яна Собеского война носит оборонительный характер, поскольку «он на наше государство приходил трижды». Крымское ханство подтверждало готовность вести переговоры о мире с Россией, непременным условием которых выставляя, однако, выплату «казны»[83]. Привезшие грамоту казаки Иван Богацкий и Григорий Сабченко, которые ездили и с царской грамотой в Бахчисарай, сообщили, что проводивший с ними переговоры «ближний человек» хана — визирь Батыр-ага, заявляя о готовности Крымского ханства сохранить мир с Россией, в то же время выразил недовольство присутствием войск Г. Косагова в Запорожье. Посланцы на это ответили, что Г. Косагов прислан для обороны царских владений от татарских «наездов». Также казаки подтвердили сведения Филона, что хан, опасаясь нападения русско-казацких войск, долго «стоял с войском у Перекопи на Колончаке верст с 5 от Перекопи <...>, а от Перекопи де отступил один без войска после Петрова дни вскоре, а с войском у Перекопи оставил салтана калгу <...>, взяв ведомость <...>, что <...> Григорий Косагов з <...> ратными людьми, стоя в Сече, делает город, *а войною на них не пойдет* (курсив мой. — *К. К.*)»[84].

В ответной царской грамоте хану от 4 января 1687 г. (25 декабря 1686 г.) сообщалось о готовности русского правительства провести пограничный съезд «меж Запорожья и Казыкерменя» для расследования всех случаев взаимных нарушений мира[85]. Русские посланцы на комиссию и указания по ее проведению были направлены к Г.И. Косагову[86], об этих планах был поставлен в известность и гетман И. Самойлович[87]. Предложенный в грамоте пограничный съезд, скорее всего, не состоялся, т. к. в дальнейшем упоминания о нем в посольской книге отсутствуют.

Имеющиеся источники позволяют с исчерпывающей полнотой представить роль России в 1686 г. как союзника Речи Посполитой по договору о Вечном мире. Никаких активных действий ни запорожские казаки, ни войска Г.И Косагова и Г.А. Козловского против татар в 1686 г. не вели. Более того, Москва даже не объявила хану, что находится с ним в состоянии войны. О войне с Крымом было заявлено только гонцу Мубарекше, который, однако же, был задержан в Москве до начала 1687 г., почти до начала первого Крымского похода. Русские дипломаты до последнего часа всячески поддерживали в Бахчисарае надежды путем переговоров не допустить вступления России в войну, стремились склонить Крымское ханство и Османскую империю к миру с Речью Посполитой, подчеркивали оборонительный характер заключенного с польским королем союза. Кроме того, в Москве существовали и планы установления над Крымским ханством российского протектората.

Такая политика России по отношению к Крыму определялась двумя факторами: во-первых, наличием в правящих кругах сильной боярской «партии», выступавшей против войны с ханством, и, во-вторых, что более весомо — желанием России, вступая в войну в составе антиосманской коалиции, обеспечить прежде всего свои собственные интересы и сохранить полную независимость от Лиги как в принятии стратегических решений, так и в ходе боевых действий. Вместе с тем, заключая договор о Вечном мире, царское правительство не собиралось уклоняться от выполнения принятых обязательств, которые в полной мере соответствовали российским интересам, и серьезно готовилось к намеченному в следующем году большому походу на Крым, стремясь сохранить эту подготовку в тайне от противника. В духе этой политики действовал и гетман И. Самойлович. В июле через полковника Илью Новицкого он уверил крымского посла к гетману мурзу Магмет-Чагина, что цари не намерены нарушать перемирие 1681 г. и возобновлять с ханом военные действия[88].

Подобная политика по отношению к ханству не была чем-то новым в европейской дипломатии — точно таким же образом вел себя Ян Собеский по отношению к Крыму в 1683 г., после заключения антиосманского союза с Австрией. Интенсивность дипломатической переписки Москвы и Бахчисарая при постоянных конфликтах и инцидентах на границе, несмотря на взаимные обвинения в нарушениях сторонами мирного договора, свидетельствует и о том, что русско-крымские отношения 1680-х гг. нельзя сводить к непримиримому противоборству, как это часто делалось в историографии ранее. То же самое, впрочем, можно сказать и о польско-крымских отношениях рассматриваемого периода.

Московским дипломатам, как и любым другим, были вовсе не чужды «лукавые» приемы, традиционно приписываемые туркам и татарам. Характерно, что политика эта проводилась Посольским приказом в глубокой тайне, и иностранные дипломаты на долгое время оказались сбиты с толку ловкими действиями «московитов». Голландский резидент И. Келлер сообщал, что тотчас по заключении Вечного мира все контакты с Крымом были прерваны, а татарские гонцы арестованы. Арестован был якобы и следующий гонец, который прибыл, чтобы вызволить своих товарищей[89]. Возможно, что на такую мысль голландского резидента натолкнуло усиление стрелецкого караула у Крымского двора в Москве. Однако эта информация Келлера, как мы теперь знаем, не соответствовала действительности.

VI. Стремление правительства в Москве не разглашать своих планов и не допустить распространения сведений о предпринимаемых военных приготовлениях и действиях касалось не только противников и нейтральных стран. В не меньшей степени оно затрагивало и союзников. Так, польское командование в течение всей кампании 1686 г. добивалось от своих русских партнеров предоставления сведений о действиях русско-казацких войск. С началом похода в Молдавию король направил посланника для установления контактов с царскими войсками, действующими против Крыма, однако об итогах его миссии ничего не известно[90]. Сведения о движении царских войск пытался получить от киевского воеводы и ко-

мендант Белой Церкви[91]. Однако и здесь российская сторона при помощи украинского гетмана дезинформировала союзников. И. Самойлович сообщил о начале якобы активных действий России против Крымского ханства Яну Собескому.

Польская сторона с надеждой воспринимала всякое известие о начале действий русско-казацких войск. М. Замойский в письме жене от 27 июля из лагеря под Трояном сообщал о прибытии посланца от гетмана И. Самойловича с объявлением о выступлении в направлении Крыма украинских казаков и 20-тысячного отряда русских. Кроме того, до польско-литовского войска доходили слухи, что донские казаки «добывают» Азов[92]. В другом письме подскарбий сообщал, что на Сечь направлено четыре городовых полка (полтавский, миргородский и др.). Командовал ими будто бы бывший правобережный гетман Петр Дорошенко. Замойский выражал надежду, что хан не выйдет из Крыма до конца кампании, сдерживаемый русско-казацкими войсками[93]. По Правобережной Украине ходили слухи, что в конце июня — начале июля в Черное море вышло 150 казацких чаек[94]. Нельзя все же исключать, что какие-то активные действия против Крыма предприняли в 1686 г. донские казаки.

В отличие от Москвы, в Речи Посполитой были заинтересованы в как можно скорейшем уведомлении турок и татар о появлении нового союзника у членов Священной лиги. С этой целью отрывок из письма В.В. Голицына К. Гжимултовскому, в котором князь объявлял о готовности России бороться с «басурманами», был размножен и переправлен в Каменец[95].

Причиной неудачи планировавшихся действий Г. Косагова и запорожских казаков против крымских татар оказались действия самого Селим-Гирея, своевременно выставившего заслон у Колончака. Отчасти планы русского командования спутал сам Ян Собеский. Видимо, не вполне полагаясь на российских союзников, польский король 10 августа издал универсал с призывом к запорожским казакам не допустить переправы крымских татар через Днепр и организовать нападение на сам полуостров, а также передать письмо с аналогичным обращением к донским казакам. Оригинал королевского письма, предварительно списав себе копию, запорожцы отправили И. Самойловичу. И хотя универсал польского короля не противоречил приказам, направленным в Сечь из Москвы, тем не менее запорожцы поняли его по-своему, рассчитывая, помимо добычи, на щедрое вознаграждение от Яна Собеского, никогда не жалевшего денег на наем казаков, даже если платить приходилось из собственного кармана. Рассчитывая на щедрое вознаграждение, запорожцы направили в распоряжение польского короля 2700 человек «доброго товариства», оправдываясь перед русскими воеводами тем, что не видят «з стороны російской службы военной». Король не обманул ожидания казацкой вольницы. По свидетельству летописи С.В. Величко, сечевики, отпущенные им со службы в Филиппов пост, получили каждый «по десять талерей битих»[96].

Именно малолюдство казаков было одной из причин, выдвигавшихся кошевым Федором Иваником в оправдание бездеятельности запорожцев. Отметим также, что ни Москва, ни Батурин не особо торопились с направлением подкреплений в Сечь и Каменный Затон. Только в начале осени гетману был направлен царский

указ о посылке в низовья Днепра городовых полков под командованием Григория Самойловича, с которыми должны были соединиться 1000 ратных людей Белгородского полка М.А. Голицына. Однако затем в Москве передумали и 17 (7) октября направили в Батурин новый указ, по которому к отрядам Г. Самойловича должно было присоединиться 500 рейтар из войск М.А. Голицына и 500 стрельцов из Курска и Севска под командой Ивана Нечаева, начальника стрелецкого гарнизона в Батурине. При этом на украинского гетмана возлагалась задача обеспечить стрельцов лошадьми, поскольку «ныне под них лошадей собрать вскоре невозможно и в покупке нет нигде». Все эти проволочки окончились тем, что гетман в конце октября прислал в Москву грамоту с просьбой поход отложить, «ради опозданного времени», и получил «милостивое» царское разрешение отставить этот вопрос на свое «разсмотрение», что означало отказ Москвы и Батурина от посылки дополнительных сил в Сечь в текущем году. В итоге И. Самойлович ограничился оборонительными мерами: приказанием пограничным с Крымом полкам (Гадяцкому, Лубенскому и Миргородскому) быть готовыми «к отпору неприятельскому на грядущую зиму» и выслать разъезды на Правый берег Днепра «в далние страны под шляхи бусурманские»; посылкой в Запорожье продовольствия, денег и вина на зиму[97]. Из Гадяцкого полка по приказу гетмана было направлено для зимовки на Сечи 400 казаков[98]. К этому И. Самойловича побуждали и сведения, сообщаемые выходцами из крымского плена, что Орда готовится в набег на Левобережье, после того как станут реки — «тогда мужик нигде не утаитца»[99]. В то же время гадяцкому полковнику Михаилу Василевичу были направлены дополнительные указания: не допустить грабежа запорожцами разменного бея, который поедет с «казной» в Крым (бея было приказано предупредить, но охраны не давать — пусть, мол, вызывает татар из Казыкерменя) и прохода в Речь Посполитую «своевольников» с Дона, о движении которых на службу к Яну Собескому пришли уведомления в Батурин[100].

Трудности ожидали московское правительство и в ходе подготовки русской армии к намеченному на следующий год весеннему наступлению на Крым. В июле 1686 г. в Брянск было послано распоряжение сделать 150 лодок-однодеревок, «мерея по семи и по шести и по пяти сажень». Лодки эти, видимо, с провиантом, должны были в сопровождении солдат под командой капитанов новоприборного полка Ивана Жерданова и Григория Кузьмина отведены по рекам Десне и Днепру до Киева. Грамота с приказом встретить лодки была направлена киевскому воеводе Юрию Урусову. Он должен был дать капитанам провожатых до Запорожья, где находился с войсками Г. Косагов. Однако в направленной в Москву грамоте от 16 (6) октября 1686 г. Урусов сообщал, что лодки в Киев до сих пор не прибыли[101].

Несомненно, однако, что само заключение договора о Вечном мире и союзе, даже несмотря на отсутствие в 1686 г. с русской стороны активных военных действий, позитивно сказалось на положении Речи Посполитой и на ситуации для польских войск на молдавском театре военных действий. Крымский хан, получив известие о заключении польско-русского антиосманского союза, вынужден был изменить первоначальные планы кампании 1686 г., приказал возвратить уже вы-

шедшие из Крыма загоны, запретив кому-либо из своих вассалов покидать территорию ханства без специального позволения[102]. В июне киевский епископ А. Залуский в письме М. Замойскому сообщал о прибывшем из Крыма к королю шпионе с донесением, что «Krym bardzo sie miesza i konfunduje ligą moskiewską. Wyszły rewokatoria, aby się rozbieżały czambuł wracał i nie ważył się nikt bez wiadomości hańskiej entra limites ruszać»* [103]. По сообщениям языков, взятых 22 июля находившимися в польско-литовском войске казаками, хан неохотно откликался на призывы визиря выступить в поход из-за начавшихся казацких нападений на Крым. Направленного в Стамбул ханского посланца — сына крымского визиря Батыр-аги казаки едва не захватили под Перекопом. В конце концов угрозы из Стамбула все же подействовали — примерно 40 тыс. крымских войск под командованием калги направились в Венгрию на помощь осажденной Буде. В августе направленный польским королем к валашскому господарю посланец сообщил, что сам хан попрежнему остается в Крыму и с ним часть орды, предназначенная для военных действий против русских и казацких войск[104].

Непосредственное же русско-польское сотрудничество в 1686 г. ограничилось только тем, что киевский воевода разрешил продавать в Речь Посполитую зерно[105]. В октябре 1686 г. захваченные поляками в плен татары утверждали, что Москва попрежнему находится в «хороших» отношениях с Турцией и Крымом[106]. Пассивность России выявилась уже после окончания кампании 1686 г. Под впечатлением от неудач польско-литовских войск в Молдавии в польских рукописных газетах («авизах») отмечалось, что ожидания вступления России в войну не оправдались, что русские войска не только не предприняли «диверсии» против Крыма, но и что русское правительство запрещало украинским казакам нападать на владения крымского хана. В подтверждение этому сообщалось о ста казаках, прибывших с Левого берега Днепра в Белую Церковь и шестистах — в Немиров, в поисках военной службы. Казаки заявляли, что у них никаких военных действий не ведется[107].

Само по себе заключение Вечного мира и союза не означало завершения дипломатической борьбы России и Речи Посполитой, продолжавшейся в течение всего 1686 г. и в дальнейшем. Удовлетворение и радость, с которыми при польском дворе первоначально было воспринято известие о заключении Вечного мира и союза, объяснялось тем, что русско-польское соглашение рассматривалось польскими правящими кругами чуть ли не как гарантия успешного похода в Молдавию. Оценка Яном Собеским в письмах М. Замойскому ситуации на молдавском театре в преддверии начала военной кампании 1686 г., а также ожидание большого турецкого наступления показывают, что польский король не очень-то рассчитывал на поддержку союзников, и делают понятной ту настойчивость, с которой он добивался от польских дипломатов в Москве заключения договора. Весной 1686 г., вопреки опасениям Яна III, турки не только не предприняли активных действий в

* «Крым очень боится и конфузится, узнав о союзе с Москвой. Разосланы приказы, чтобы разошедшийся [загонами] чамбул возвращался, и не решался никто без распоряжения ханского за границы выходить».

Подолии, но и вывели гарнизоны из крепостей Бара и Меджибожа. В этих условиях заключенный договор с Москвой только усиливал шансы польского короля на успех планируемого похода.

Условия Вечного мира и союза не предусматривали в 1686 г. значительной помощи Речи Посполитой со стороны России, что первоначально не особенно принималось во внимание. Справедливости ради надо заметить, что Россия не выполнила в 1686 г. даже тех обязательств, которые были зафиксированы договором. Выделенных сил во главе с Г. Косаговым оказалось явно недостаточно, чтобы перекрыть пути выхода татарских войск из Крыма. В действиях России просматривается прежде всего намерение обеспечить свои собственные интересы при ведении будущей военной кампании 1687 г.

Все это, возможно, подталкивало Яна Собеского к тому, чтобы пересмотреть условия заключенного договора в случае победного утверждения в Молдавии. Неудача молдавского похода, обусловленная в первую очередь внутренней слабостью Речи Посполитой, тем более лишила заключенный договор в глазах польской политической элиты привлекательности и вызвала обвинения России в несоблюдении условий союза. Россия действительно не торопилась со вступлением в войну против Крымского ханства, сомневаясь, и не без основания, что часть политической элиты Речи Посполитой, и в первую очередь Короны, не поддержит «договор Гжимултовского» и будет выступать против ратификации Вечного мира королем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski (1634–1720). Polityk i dowódca. T. 1. Siedlce, 1997. S. 227.

[2] А. Потоцкий — Я. Малаховскому. 27 ноября 1685 г. Львов — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Л. 202; Я. Малаховский — А. Потоцкому. 7 декабря 1685 г. Кельце. — APANW. MW. Teka 69. K. 417.

[3] BCz. Rps. 1696. S. 26–30; AGAD. APP. Rps. 48. S. 18–23. См. также: *Wagner M.* Op. cit. S. 228.

[4] BCz. Rps. 1696. S. 26–30; AGAD. APP. Rps. 48. S. 18–23.

[5] Ibid.

[6] *Chowaniec Cz.* Wyprawa Sobieskiego do Mołdawii w 1686 r. // Przegląd Historyczno-Wojskowy. T. 4. 1931. S. 19–20; BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 82; APANW. MW. Teka 70. K. 19–20.

[7] К. фон Вихерт сообщал об этом в своей депеше из Варшавы от 12 января — BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 79.

[8] Ibid. S. 80; *Wagner M.* Op. cit. S. 229.

[9] BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 82.

[10] APANW. MW. Teka 70. K. 18–20.

[11] *Wagner M.* Op. cit. S. 229; *Chowaniec Cz.* Op. cit. S. 19–20.

[12] APANW. MW. Teka 70. K. 33, 35; BO. TL. 3001/I. S. 98; BPANKr. Rps. 645. S. 92; РГАДА Ф. 79. Оп. 1. 1986 г. Д. 14. Л. 171; *Wagner M.* Op. cit. S. 231.

[13] *Chowaniec Cz.* Op. cit. S. 33–35; BO.TŁ. Rps. 3001/I. S. 89; «Awizy ze Lwowa». 30 мая 1686 г. — BPANKr. Rps. 645. S. 91–92.

[14] А. Залуский — М. Замойскому. 30 мая 1686 г. Жолква — APANW. MW. Teka 70. K. 33v.

[15] BO. TŁ. Rps. 3001/I. S. 98. См. также: *Власова Л.В.* Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в. Кишинев, 1980. С. 47. Информация об этом имела широкое хождение в европейской, в частности — английской, печати (*Mierzwa E.A.* Anglia a Polska w epoce Jana III Sobieskiego. Łódź, 1988. S. 246).

[16] APANW. MW. Teka 70. K. 33.

[17] *Wójcik Z.* Epilog traktatu Grzymułtowskiego w roku 1686 // Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1994. S. 35. Примечание 40.

[18] М. Огинский — В.В. Голицыну. 25 июня 1686 г. Могилев — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 101.

[19] Там же. Л. 168.

[20] В «авизах» из Львова от 30 мая 1686 г. писалось: «Król Jmc po wziętej w niedzielę przeszłą z stolice Moskiewskiej doskonałej wiadomości o wiecznym pokoju z Moskwą traktacie, i już poprzysiężonym wesoł jest w Jaworowie i tanto ferventius spirat martem na tę campanią i już z Jaworowa do obozu ruszył się» (BPANKr. Rps. 645. S. 92). О том же сообщали «вестовые письма» из Яворова, 30 мая, полученные в Посольском приказе (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 170).

[21] *Wagner M.* Op. Cit. S. 230; А. Потоцкий — С.А. Щуке. 11 мая 1686 г. Станиславов — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 12. S. 179–184.

[22] *Chowaniec Cz.* Op. cit. S. 40–41.

[23] BPANKr. Rps. 350. S. 72.

[24] *Chowaniec Cz.* Op. cit. S. 40–41.

[25] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 10. Л. 26–26 об.

[26] *Chowaniec Cz.* Op. cit.; *Wójcik Z.* Jan Sobieski. 1629–1696. Warszawa, 1983. S. 379–383; *Wimmer J.* Wedeń 1683. Dzieje kampanii i bitwy. Warszawa, 1983. S. 422–423; *Czamańska I.* Oswobodziciel czy najeźdźca? Polityka Jana III Sobieskiego wobec hospodarstw Mołdawii i Wołoszczyzny // Roczniki Historyczne. Rocznik LV–LVI za lata 1989–1990. Warsawa; Poznań, 1990. S. 169–170. См. также: *Власова Л.В.* Указ. соч. С. 46–68.

[27] *Chowaniec Cz.* Op. cit. S. 50–117.

[28] *Wójcik Z.* Jan Sobieski... S. 382.

[29] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 65 об.–69 об., 75–79.

[30] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 16. Л. 1–1 об.

[31] Там же. Д. 224. Л. 818–823. Публ.: *Станіславський В.В.* Запорозька січ та річ Посполитаю 1686–1699. Київ, 2004. С. 224–228.

[32] *Станіславський В.В.* Вказ. праця. С. 229–230.

[33] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–4 об.; См. также: *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 30–34.

[34] АИВД. Т. 1. С. 139–140, 142–144.

[35] *Wójcik Z.* Epilog traktatu Grzymułtowskiego... S. 29–30.

[36] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 17. Л. 1–11, 14.

[37] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1533. Л. 1–16.

[38] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 17. Л. 11–13 об.

[39] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1533. Л. 17–25.

[40] Там же. Л. 5 об.–8.

[41] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 17. Л. 14–15 об.

[42] Там же.

[43] РГАДА. Ф. 210. Книги Приказного стола. Д. 1045. Л. 501–504.

[44] М. Огинский — К. Амборку. 20 (10) июня 1686 г. Кадино — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 169. В более позднем письме М. Огинский напоминал, чтобы цари «по написанным договорным статьям, способам воевати Крым войском своим совершенно повелели» (М. Огинский — В.В. Голицыну. 5 июля (25 июня) 1686 г. Могилев // ПДС. Т. 6. Стб. 1320–1322).

[45] Там же. Л. 216–218.

[46] Там же. Д. 17. Л. 1–4 об.

[47] Там же. Д. 224. Л. 760–765 об. Публ.: *Станіславський В.В.* Вказ. праця. С. 220–224.

[48] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 766–769.

[49] Там же. Л. 780 об.–798 об.

[50] *Богданов А.П.* Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // ВИ. 2003. № 4. С. 39.

[51] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 396.

[52] См., напр.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 7. С. 384; *Чухліб Т.В.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ, 2005. С. 355–356.

[53] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 79–91 об.

[54] Там же. Л. 108 об.–140 об. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 34–39.

[55] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 5–6 об.

[56] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 105–108.

[57] Там же. Л. 141 об.–142.

[58] Там же. Л. 142–148. Показания Маметки в Москве отличались от данных керенскому воеводе. Так, численность татар оценивалась в 1 тыс., а калмыков — в 5 тыс. человек.

[59] Там же. Л. 27–33 об.

[60] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 5–6 об.

[61] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 148 об.–153 об. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 39–41.

[62] Там же. Л. 154 об.–160. При этом в царской грамоте вновь подтверждалась готовность царей «быти в ссылках» и в «любви и дружбе» с ханом. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 41–43.

[63] Там же. Л. 168 об.

[64] Там же. Л. 179 об.–187. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 45–47.

[65] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 26. Л. 15–17. Письмо датировано 12 сентября 1686 г.

[66] Там же. Л. 9.

[67] Там же. Д. 25. Л. 32–36 об.

[68] Там же. Д. 31. Л. 1–6, 13.

[69] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 187 об.–191 об. Грамота датирована 6 сентября (27 августа) 1686 г. Перекоп. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 48–49.

[70] Там же. Л. 192 об.

[71] Там же. Л. 193–199. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 50–52.

[72] Там же. Л. 206 об.–210. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 55–56.

[73] Там же Л. 231.

[74] Там. же. Л. 215–216 об.

[75] РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 490. Л. 1–2.

[76] Там же. Оп. 1. 1686 г. Д. 25. Л. 16–20 об.

[77] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 242–244 об., 246–248 об.

[78] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 25. Л. 25–27 об.

[79] Там же. Д. 26. Л. 1–8.

[80] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 260–268.

[81] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 26. Л. 23–25. Письмо датировано 5 сентября 1686 г.

[82] Там же. Д. 25. Л. 21–24.

[83] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 269 об.–273 об. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 69–71.

[84] Там же. Л. 259–268 об. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 65–69.

[85] Там же. Л. 274–279 об. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 71–73.

[86] Царская грамота Г. Косагову. 6 февраля (27 января) 1687 г. — Там же. Л. 288–291 об. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 77–78.

[87] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 25. Л. 43–44 об.

[88] В. Кочубей — И. Новицкому. 3 июля 1686 г. // АЗР. Т. 5. С. 193. Интересно, что в «авизах» из Вены от 7 июля среди новостей из Стамбула сообщалось, что «Han posłał do sołtana tureckiego, że się ani moskiewskich wojsk nie boi, a na dowód swoich successów posłał 20.000 niewolnika na pszedaż do Stambuła» (BRANKr. Rps. 645. S. 98–99).

[89] *Белов М.И.* К истории дипломатических отношений России во времена Крымских походов 1686–1689 гг. // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 14. Л., 1949. С. 158.

[90] BPANKr. Rps. 645. S. 102.

[91] «Awizy ze Lwowa». 28 июля 1686 г. — Ibid. S. 103–105.

[92] APANW. MW. Teka 70. K. 38. См. также: BRANKr. Rps. 645. S. 105.

[93] Ibid. K. 41.

[94] «Вестовые письма» от 11 июля 1686 г. Львов — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 255.

[95] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 23 августа 1686 г. Ярослав — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 12. S. 541–542.

[96] *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII-м веке. Т. 2. СПб., 1851. С. 597–602.

[97] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 25. Л. 2–3 об., 6–8 об., 37–40; Там же. Д. 31. Л. 1–6, 13.

[98] *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 58–60.

[99] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 31. Л. 14–15.

[100] Там же. Оп. 3. Д. 491. Л. 1–1 об.

[101] Там же. Оп. 1. 1686 г. Д. 28. Л. 1–1 об. Грамота получена в Москве 30 (20) октября 1686 г.

[102] «Вестовые письма» из Ярославля. 6 июня 1686 г. — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 105; М. Огинский — Б.В. Бутурлину. 15 июня 1686 г. Кадино — Там же. Л. 95–97.

[103] APANW. MW. Teka 70. K. 35. Ср.: ПДС. Т. 6. Стб. 1324.

[104] «Awizy ze Lwowa». 28 июля 1686 г. — BPANKr. Rps. 645. S. 103–104; «ze Lwowa». 22 августа 1686 г. — Ibid. S. 109.

[105] «Awizy ze Lwowa». 28 июля 1686 г. — Ibid. S. 104.

[106] Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 450.

[107] «w Warszawie». 5 ноября 1686 г. — BPANKr. Rps. 645. S. 124–125. Аналогичную информацию см.: «ze Lwowa». 7 ноября 1686 г. — Ibid. S. 127.

Глава 8

Посольство Б.П. Шереметева. Ратификация договора о Вечном мире

I. 6 мая (26 апреля), сразу после присяги царей в Грановитой палате, думный дьяк Емельян Украинцев объявил о заключении договора о Вечном мире «московского чину всяким людям» в Кремле с постельного крыльца. Всем служилым людям были «сказаны» денежные и отчинные (перевод части поместья в вотчину) награды, торговым людям «за помочь, которую они во время войны в денежных заборех на ратных людей и в полковых подъемах учинили» — предоставлялись льготы в уплате пошлин и денежные оклады. Особенно подчеркивалось, что польско-литовские послы «уступили и написали им великим государям <...> многия прибылыя славныя у всех христианских государей титла» — «пресветлейшие и державнейшие». Внимание дворянства обращалось на то, что Речь Посполитая отказалась от претензий на возвращения «полона» — вывезенных во время русско-польской войны в Россию крестьян, шляхты и мещан, поселенных в дворянских имениях. 13 (3) мая в Москве патриарх отслужил благодарственный молебен. В города воеводам были разосланы указы объявить о Вечном мире и царских пожалованиях у приказной избы и отслужить в церквях благодарственные молебны[1].

Спустя почти месяц, 9 июля (29 июня), было объявлено «особое царское благоволение и отчинные награды» участникам переговоров — боярам Б.П. Шереметеву, И.В. Бутурлину, думным дьякам Е.И. Украинцеву, П.Б. Возницыну и др. Особые царские милости были оказаны В.В. Голицыну, отмечались «великие трудности и многие споры», преодоленные Голицыным «со товарищи» в ходе переговоров. Примечательно, что «посольских дел оберегатель», среди прочего, получил вотчину — Белгородскую волость в Нижегородском уезде, которая ранее принадлежала Илье Даниловичу и Ивану Михайловичу Милославским (ум. в 1685 г.), а также золотую чашу весом в полтора фунта, усыпанную драгоценными камнями.

Об отношениях России с Речью Посполитой русское правительство объявляло, что старые споры и обиды между двумя государствами подлежали забвению «в вечные времена». Как важный внешнеполитический успех России преподносилось закрепленное в договоре обязательство Речи Посполитой не притеснять проживающих в ней православных и не принуждать их к унии, а также на приня-

тие православным духовенством шляхетской республики благословения и рукоположения от Киевского митрополита. Примечательно, что важность русского покровительства православным в Речи Посполитой ранее не прозвучала в ходе переговоров. Появление подобного заявления можно объяснить как стремлением правительства России с помощью демонстрации заботы о зарубежных единоверцах поднять свой авторитет внутри страны, так и намерением воспользоваться 9-й статьей Вечного мира для давления на шляхетскую республику. В подтверждение вышеуказанных деклараций уже в июне патриарх Иоаким направил грамоту Новгородскому митрополиту Корнилию, сообщая о возможности строить церкви на территории Речи Посполитой. При этом, правда, патриарх ссылался на просьбу воеводы Невля и добавлял, что православные церкви можно строить и на территории Швеции.

Царское правительство провозглашало также, что заключенным договором «царскому имени учинено многое повышение, а благочестивой и православной нашей вере от римского утеснения свобода и умножение». Сам договор именовался «прибыльным и хвальным», какого «напредь сего при предках их государских не бывало» [2]. Все это свидетельствует об исключительном значении, придаваемом Вечному миру правительством Софьи Алексеевны, рассчитывавшим путем внешнеполитических успехов укрепить свое положение среди правящей элиты и внутри страны.

При завершении переговоров русская сторона настаивала на наискорейшей ратификации договора королем. При «отпуске» польско-литовской делегации В.В. Голицын лично просил об этом К. Гжимултовского [3].

Заключение договора придало новое качество двум главным составляющим русско-польских отношений 1680-х гг., а именно признанию за Россией Левобережной Украины и Смоленска и антиосманскому союзу двух стран. Задачи России — закрепление за собой указанных территорий, и Речи Посполитой — втягивание России в войну, получили после заключения договора новую форму. Теперь главной целью Москвы стала ратификация соглашения, первоначально хотя бы польским королем, а Речи Посполитой — выполнение новым союзником статей договора, касавшихся военных действий против Крымского ханства.

II. 16 (6) мая 1686 г. польские послы выехали из Москвы [4]. Однако с выездом послов переговоры не закончились. 19 (9) мая М. Огинский направил к В.В. Голицыну для переговоров оршанского подчашия Самуила Эйсмонта. В переданных с ним «статьях к разговору» канцлер хотел выяснить состав русского посольства в Речь Посполитую и срок его выезда. Другой задачей С. Эйсмонта, отмеченной как «тайная», было добиться отсрочки выезда послов до осени. Посланник канцлера должен был сообщить об австрийско-польских переговорах (И. Жировского с Яном III) касательно взаимной помощи войсками, в случае если турки предпримут активные наступательные действия в Венгрии либо на Речь Посполитую, и о выходе 12-тысячного татарского войска в Венгрию для соединения с венгерскими повстанцами. Под предлогом намечавшихся активных действий на турецком фронте в кампанию

1686 г. М. Огинский просил отложить выезд послов до сентября или даже октября 1686 г.: «...того для, как будет недосужно, не до отпуску их милостей господ послов будет, так бы и время умерить», — писал канцлер. Он обещал В.В. Голицыну, что послы будут добиваться для него «королевского призрения», и, в свою очередь, просил о некоторых выплатах по примеру тех, что ранее давались литовскому канцлеру. То, что М. Огинский напоминал о выплате ему денежной пенсии непосредственно после окончания переговоров, позволяет предположить, что канцлер оказал московскому правительству некоторые услуги в ходе их проведения. Если припомнить двусмысленную позицию Марциана и Миколая Огинских во время переговоров, то предположения эти принимают вполне определенный характер. Также канцлер просил послать грамоту в Смоленск с разрешением ему купить в Смоленске место для постройки торгового двора, возвратить церковную утварь из его имения Дубровны, вырубить оршанским иезуитам в царских владениях лес, который они, несмотря на полученное ранее разрешение на вырубку, вырубить не в состоянии, и сплавить его по Днепру[5].

В связи с заключением союза стороны по инициативе России договорились вновь обменяться резидентами. Перед выездом из царской столицы М. Огинский хотел оставить в качестве резидента кого-то из своих людей, снабдив его верительными грамотами с печатью Великого княжества Литовского, однако К. Гжимултовский и другие послы от Короны категорически воспротивились этому, заявляя, что назначение резидента является исключительно прерогативой короля[6]. Впоследствии познанский воевода горячо убеждал поехать в Москву С.А. Щуку либо просить короля назначить кого-нибудь с Короны, утверждая, что если поедет человек канцлера, то в таком случае «podobno bardziej handlu niżeli publicznych pilnowało interessów»*[7]. В посланном с С. Эйсмонтом письме М. Огинский просил русскую сторону подтвердить свою готовность обменяться резидентами[8]. Вопрос об обмене резидентами был не новым в дипломатической практике обоих государств — в 1670-х гг. стороны уже обменивались ими в связи с заключением союзных постановлений против Порты, однако из-за того, что они не были реализованы, в 1677 г. резиденты были отозваны. Попытка России и Речи Посполитой установить тесный контакт посредством учреждения постоянных представительств должна была закрепить те обязательства, которые стороны взяли на себя по новому договору о союзе, открывала перспективы дальнейшего развития двусторонних отношений. Сам обмен резидентами состоялся в 1687 г.

В Москве, однако, отказались задерживать отправку посольства. В ответном письме от 20 (10) мая В.В. Голицын сообщал, что послы будут отправлены в середине июня, о составе посольства будет сообщено позднее. М. Огинскому разрешалось построить «хоромы» на смоленском посаде для торговых людей, но в возвращении церковной утвари было отказано. Царский указ от 20 (10) мая 1686 г. констатировал, что иезуитам из Орши ранее было «пожаловано» 60 «коп» сосны, непригодной для поташного промыслу, в дворцовых имениях Смоленского уезда.

* «будут заботиться больше о торговле, нежели об общественных интересах».

В силу того, что иезуиты не могут самостоятельно вырубить указанный лес, цари «повелели те бревна высечь и на воде в плоты устроить и в Оршу согнать нашим дворцовым крестьянам», 30 «коп» крестьяне должны были высечь зимой, и весной сплавить, а остальное иезуиты должны были вырубить и сплавить сами[9]. В ответном письме от 31 (21) мая с изъявлением благодарностей М. Огинский выражал надежду, что в числе послов будет сын В.В. Голицына Алексей[10], что, видимо, отвечало и желаниям самого русского канцлера.

20 (10) мая смоленскому воеводе Б.В. Бутурлину была послана царская грамота, сообщавшая, что М. Огинскому разрешено «для постановления Вечного миру и за ево к нам великим государям службы и радения в Смоленску за городом на посаде для приезду торговых людей маетностей ево купить поволною ценою дворовое место и построить на нем избы». М. Огинский вскоре приобрел землю и «бил челом» о позволении католическим священникам отправлять на его торговом дворе церковную службу и об освобождении от налогов. 16 (6) июля в Смоленск была послана новая грамота с указанием, что цари «с того дворового места <...> податей и поборов градских никаких впред имать не велели» и разрешили отправлять службу ксендзам, прибывшим из-за «литовского рубежа». Однако с «торговых людей», которые будут приезжать на двор Огинского, пошлины указано было взимать как обычно[11].

Пункт о строительстве костела в Смоленске, как уже говорилось в предыдущей главе, был выкинут из официального текста договора из-за противодействия патриарха. Однако В.В. Голицын сдержал обещание, данное литовскому канцлеру, и добился разрешения на строительство в Смоленске «молельного дома». Отметим также, что по просьбе воеводы познанского были освобождены и отпущены вместе с С. Эйсмонтом чернецы И. Зарудный и Ф. Храпкевич, схваченные на Украине с «прелестными письмами» в 1682 г. После заключения договора русское правительство имело основания уже не опасаться так, как ранее, польских диверсий на Украине. В.В. Голицын направил через воеводу познанского письма к венецианскому и австрийскому резидентам в Речи Посполитой[12].

Тесные контакты литовского канцлера и его русского коллеги продолжались и после заключения Вечного мира. Вопрос о резидентах окончательно выясняет причины разногласий польских и литовских членов посольства на переговорах в Москве. Снаряжение М. Огинским более представительной делегации не выглядит в данном случае пустым тщеславием, в котором обвинял литовского канцлера официальный глава посольства — К. Гжимултовский. Литвины претендовали на первенство, а часто и на самостоятельность в отношениях с восточным соседом Речи Посполитой. М. Огинский, канцлер Великого княжества, был недоволен тем, что при его личном участии в посольстве главой миссии назначен коронный сенатор. Вступая в неофициальные контакты с московскими дипломатами, выставляя более представительную делегацию, добиваясь отдельных дворов для польской и литовской частей посольства, он давал понять Москве о наличии у Литвы собственных интересов в отношениях с Россией, о том, кто фактически является главным действующим лицом со стороны Речи Посполитой на переговорах. Русская

дипломатия, в свою очередь, пыталась углубить противоречия между Короной и Литвой и использовать их в своих интересах.

III. Актуальными для русско-польских отношений оставались вопросы о возвращении Речи Посполитой Посожских сел и выплате предусмотренных договором 146 тыс. рублей. Сумма должна была быть выплачена в два этапа. Первую часть в размере 100 тыс. рублей (500 тыс. злотых) польские послы должны были получить сразу после заключения договора, а вторую часть Россия обязалась выплатить позже — в январе 1687 г.[13]. Выплата первой части денег состоялась в Смоленске, куда дипломаты Речи Посполитой прибыли к 25 (15) мая. Вопреки ожиданиям польско-литовских послов смоленский воевода передал им только 46 тыс. рублей (230 тыс. злотых). Не зная достоверно о подлинных причинах задержки и опасаясь, что имеют дело с отговорками, послы договорились до тех пор не покидать территорию России, пока не получат субсидий полностью, — и остались в Смоленске ждать выплаты остальных денег[14]. Однако решившись в конце концов все же выехать из города и выражая недовольство произошедшей задержкой, они 5 июня (26 мая) направили письмо В.В. Голицыну, сообщая, что будут ждать выплаты оставшихся денег еще неделю в Могилеве[15]. В ответном письме от 13 (3) июня русский канцлер уведомил польских дипломатов, что высланная из Москвы «казна» застряла в дороге из-за распутицы и советовал не ждать, оставив в Смоленске доверенных дворян[16]. 24 (14) июня польские послы все же получили обещанные суммы[17]. Сообщая об этом В.В. Голицыну, К. Гжимултовский писал, что «do króla Jmci z relatią usługi mojej pośpieszam, i tam wielkim i pełnomocnym ich Carskiego weliczestwa posłom służyć nie omieszkam» *. Воевода просил направляемые ему письма снабжать польским переводом, поскольку он не имеет собственного переводчика, а также чтобы русское посольство не спешило с выездом в Речь Посполитую[18].

К «финансовым» трудностям вскоре добавилась и проблема Засожья. Московское правительство явно не спешило с выполнением договоренности о Посожских селах, тем более что возвращение этих территорий Речи Посполитой столкнулось с решительным противодействием гетмана И. Самойловича. Наибольшую заинтересованность в возвращении Посожских сел проявил М. Огинский. Вскоре после выезда из Смоленска он направил в Кричев, расположенный на правом берегу р. Сож, рейтарскую хоругвь под командой мстиславского стольника Доминика Чехановского, снабженного договором о возвращении Засожья. Тот обнаружил, что все деревни в округе стояли пустыми, поскольку население разбежалось. Переночевав в Кричеве, хоругвь Д. Чехановского перешла на левый берег Сожи, где подверглась нападению казацко-крестьянского отряда (150 конных казаков и 3 тыс. вооруженных крестьян) под командованием некоего Муравинского, шляхтича мстиславского воеводства, который, убив несколько лет тому назад свою жену, сбежал к казакам. Литовская хоругвь, преследуемая Муравинским, поспешно

* «к королю спешу с реляцией об услуге моей и там великим и полномочным послам служить не замедлю».

ретировалась за Сож. Некоторые шляхтичи, вернувшиеся в свои имения после получения вести о возвращении Засожья, были перебиты крестьянами. Все это канцлер сообщил в письме находившемуся в Смоленске К. Гжимултовскому [19]. Встревоженные польские послы 8 июня (29 мая) выслали новое письмо В.В. Голицыну, приложив к нему копию письма канцлера [20]. В письме от 23 (13) июня воевода познанский выражал надежду, что проблема все же будет решена царскими «жестокими указами» и направленными в Засожье русскими комиссарами [21].

Казаки в ответ на направленные к ним копии договора о возвращении Посожских сел и письма с упреками в его несоблюдении обвиняли литовскую сторону в провокации вооруженных столкновений, просили прислать «ко наказанию подлинные свидетельства к принятию вам сее стороны по указу заехану землю Сожи. А хотя имели есте указ, то не военным з барабаны, но обыкновенным по достоинству способом, то возмогли есте сделать», — писали казаки Станиславу Лиходеевскому, подстаросте кричевскому [22]. В другом письме к хорунжию мстиславскому Яну Пожарицкому они объявляли присланные им копии «государских грамот» вымышленными и отказывались уступать Засожье, «а еще чаем и далее подаст Бог за Сожу вступить к вашим милостям в гости, убо еже час к нам люди прибывают», — добавлялось в конце [23].

В середине июня для переговоров по этому вопросу М. Огинский выслал в Москву своего посланца Казимежа Амборка. Канцлер жаловался, что казаки, взбунтовав тамошних крестьян, «в подданство себе принуждают и скотины их всякие продают» и т. д. Через несколько дней после выезда Амборка литовский канцлер получил известие об оставлении казаками Посожских сел и возвращении крестьян к своим господам, однако «многие мужики з жонами и детьми по наговору Муравенского пошли казаками». Все это не удовлетворяло М. Огинского, который требовал официальной передачи Засожья посредством съезда пограничных комиссаров, возвращения бежавших на российскую территорию крестьян, а также выдачи Муравинского. Свои претензии канцлер изложил во врученном Амборку специальном мемориале. В нем М. Огинский также в очередной раз просил об отсрочке выезда русского посольства. Переговоры прибывшего в Москву Амборка с В.В. Голицыным состоялись 8 июля (28 июня). В ответном послании «посольских дел оберегатель» констатировал, что проблема Засожья уже решена «и то все по договором успокоено», обещая, что Муравинский «сыскан и отдан будет».

Москва категорически отказывалась отложить выезд посольства. Более того, литовский канцлер был поставлен перед фактом, что посольство в Речь Посполитую уже выехало, причем послам наказано добиваться приема у короля, даже если он будет находиться в военном лагере. «А чтоб послов задержать до возвращения короля, то дело неподобное и вечному миру противное. И тебе, — писал русский канцлер М. Огинскому, — постараться чтоб послы в отпуску и приеме препинательства и замедления какова нигде не имели» [24]. О выезде посольства В.В. Голицын проинформировал и К. Гжимултовского. В посланном к нему письме он заверял о скором «успокоении» «посожского вопроса» и обвинял польскую сторону в произошедших там «замешках» [25].

Разногласия, возникшие в ходе переговоров между польской и литовской частями посольства, продолжались и по их завершении. После выезда посольства из Москвы К. Гжимултовский в высланном из Вязьмы 22 (12) мая письме королевскому секретарю Адаму Сарновскому обвинял М. Огинского, что тот опередил его, специально выслав первым письмо до двора с объявлением о заключенном договоре, чтобы «украсть королевские ласки», тогда как только он, воевода, может представить правдивый отчет о посольстве.

Уже находясь в Смоленске, К. Гжимултовский в письме к канцлеру обвинил его в том, что он преждевременно выехал из Смоленска, да еще и забрав с собой долю выплат, надлежащую Великому княжеству Литовскому, которая составила практически все выплаченные смоленским воеводой деньги. По словам воеводы, канцлер был виноват в несправедливом распределении полученных денег, а также забрал с собой единственного переводчика посольства. По получении известия о сложностях в установлении литовской власти над Засожьем воевода познанский направил М. Огинскому новое резкое письмо, в котором выдвинул ряд новых обвинений: канцлер направил для приема Засожья только представителей Литвы без участия представителей Короны, уехал из Смоленска без разрешения воеводы, бывшего официальным главой посольства, запретил управляющему могилевского замка пускать в него польских послов и вообще обошелся с ним как со своим подчиненным [26].

Борьба за отложение ратификации договора началась еще до его заключения. В этом, надо отметить, и польские и литовские дипломаты действовали согласованно, а М. Огинский даже более активно. Отсрочка выезда посольства до осени позволяла Яну Собескому уже до ратификации договора провести летнюю кампанию в Молдавии и на практике убедиться — стоят ли те выгоды, которые принес союз с Москвой, признания за Россией андрусовских приобретений. В случае если бы кампания сложилась неудачно для Речи Посполитой, у польской стороны появлялась возможность отказаться от ратификации договора. Это хорошо понимали и в Москве, снаряжая посольство как можно быстрее. О непопулярности среди русских правящих кругов, и особенно в Батурине, решения о возвращении Посожских сел свидетельствует то, что Россия проигнорировала требования польско-литовской стороны придать этому официальный характер, ограничившись посылкой грамот казакам. Все это, очевидно, не способствовало и развитию искреннего военного сотрудничества обеих сторон. «Посожский вопрос» со всей ясностью показывает, что Вечный мир не снял с повестки дня русско-польских противоречий касательно борьбы за влияние на Украине.

IV. Царским указом от 17 (7) июня 1686 г. в Речь Посполитую и Австрию с объявлением о направляющемся в эти страны великом посольстве был направлен гонцом секретарь посольской канцелярии подьячий Кузьма Нефимонов.

Наказ, который получил К. Нефимонов [27], был составлен в Посольском приказе по особому «шаблону» и, кроме предписаний по непосредственным действиям гонца, связанным с приемом его королем, включал указания по сбору сведений об

основных событиях европейской политики, касавшихся войны Священной лиги против Османской империи. Подобные же наказы, с незначительными конъюнктурными поправками, получали и другие русские гонцы, выезжавшие с царскими грамотами в Речь Посполитую после 1683 г., в частности Савва Сандырев [28] и Михаил Савин [29]. Поэтому следует очень осторожно делать выводы на основе наказа Нефимонову об ошибочности либо правильности оценок русской дипломатии, осведомленности или неосведомленности руководства Посольского приказа об основных событиях на османском фронте. В связи с этим мнение В.А. Артамонова, что «центрально-европейский театр военных действий в Москве представляли смутно», сделанное на основе анализа вышеупомянутого наказа Нефимонову, представляется излишне категоричным [30]. Включение в него задания узнать о тех или иных намерениях воюющих сторон может показаться неуместным для 1686 г., но вполне реальным — для 1684-го.

В целом же можно заключить, что в Москве достаточно неплохо представляли себе ход войны и действия противников, прежде всего — Речи Посполитой, а также влияние на них других событий европейской политики, и в первую очередь французско-габсбургских противоречий. В Посольском приказе были осведомлены о наличии у польского военного командования двух концепций борьбы с врагом: поход с целью захвата Молдавии и Валахии и осада Каменца; о взаимоотношениях в треугольнике Вена — Варшава — Тёкёли, о проблемах в польско-французских отношениях. Обоснованно считая все эти проблемы важными для отношений России и Речи Посполитой, в Москве хотели иметь самую свежую и проверенную информацию по этому поводу. В соответствии с требованиями момента Нефимонов должен был разузнать, как расценивают заключенный договор в Речи Посполитой и в Вене («...и ради ль Немцы и Поляки и Литва нынешнему учиненному Вечному миру или не ради?») [31].

Заинтересованность царского правительства в получении сведений о австрийско-французских отношениях имела под собой все основания. В возможности сотрудничества Версаля и Вены в борьбе с османами убеждали российских партнеров польские послы, доказательством этому должно было бы послужить письмо Людовика XIV русским царям [32]. Российские участники переговоров о Вечном мире, в свою очередь, настаивали, чтобы Франция была приглашена присоединиться к союзникам. Однако реальное положение дел не соответствовало этим пожеланиям.

Весной 1686 г. французскому послу в Вене было поручено заявить, что Франция воздержится от военных действий в отношении Австрии, пока император ведет войну с Османской империей. Как считает Т.П. Гусарова, в 1685–1686 гг. Людовик XIV, понимавший, что победы над турками поднимают международный авторитет Габсбургов, действительно испытывал некоторые колебания относительно французской политики в Средиземноморье. Тем не менее французский посол в Стамбуле весной 1686 г. уверял османские власти, что Людовик XIV не поддержит врагов султана. Во всяком случае, выдвинутые в июне 1686 г. новые территориальные претензии Франции (на этот раз к Пфальцу) побудили противников короля-

солнце объединиться в Аугсбургскую лигу в составе Австрии, Испании, Швеции, Баварии, Саксонии (герцогства и курфюршества), Франконии, Швабии и верхнерейнских княжеств империи[33]. Все это делало не только невозможным какое-либо сотрудничество Австрии и Франции в борьбе против Османской империи, но и исключало любые переговоры об этом. Актуальным во французско-австрийских отношениях был вопрос не о сотрудничестве двух борющихся за европейскую гегемонию держав, а о новом обострении ситуации на Рейне. Вскоре это подтвердила начавшаяся в 1688 г. Пфальцская война.

V. В Москве же всячески спешили с отправкой посольства в Речь Посполитую. Царский указ об отправлении посольства во главе с боярином, наместником вятским Б.П. Шереметевым появился 4 июля (24 июня) 1686 г. А на следующий день, практически сразу вслед за гонцом, послы побывали у царской руки и тронулись в путь. В посольство входили окольничий И.И. Чаадаев, думный дьяк П.И. Никифоров и дьяк И.М. Волков[34]. Главной задачей послов было добиться в Варшаве скорейшей ратификации заключенного договора о Вечном мире. Получил Шереметев «со товарищи» и другие поручения.

1) Добиться перехода «ничейной» полосы земель на Правобережье, расположенной вниз по Днепру от Киева с городами Трехтемиров, Канев, Черкассы, Чигирин, Ржищев и др., во владение царей. Решение этого вопроса на переговорах в Москве было отложено на будущее за неимением у польских послов «полной мочи» уступать эти города «в царскую сторону», что было зафиксировано в 7-й статье договора. Вопрос этот царские послы должны были поднять только после принесения королем присяги. Они должны были настаивать на том, что эти земли были уступлены султаном России по Бахчисарайскому договору 1681 г. и «издревле» принадлежали Войску Запорожскому. В случае отказа польской стороны признать эти земли за царями послам разрешалось пойти на уступку — дать обещание не заселять этих территорий, а при упорстве польской стороны предложить отложить этот вопрос «до иного лучшаго способного времени»[35].

2) Установить время съезда пограничных комиссаров с обеих сторон у Витебска, Смоленска, Киева, Чернигова, Стародуба[36].

3) На случай обвинений с польской стороны в несоблюдении статей о военном союзе, что татары якобы «от войны не удержаны» и «войска в Запороги не посланы», послам было велено отвечать, что стольник и генерал Григорий Косагов послан с «ратными людьми <...> в Запороги» еще до заключения Вечного мира для борьбы с крымскими татарами «на переправах, где они извыкли ходить», что в «ближние» от Крыма города посланы войска во главе с князем Г.А. Козловским (по свидетельству И.А. Желябужского, князь Григорий Афанасьевич Козловский в 1686 г. был полковым воеводой в Изюме[37]), а также отправлены грамоты к донским казакам с указом «о воинском промыслу» над Крымом. Здесь же послы должны были напомнить, что в договоре и речи не идет о том, чтобы полностью пресечь татарские набеги на территорию Речи Посполитой[38]. В Москве, как видим, отдавали себе отчет в том, что для Речи Посполитой и Яна Собеского главной целью трактата

Гжимултовского было получение эффективной помощи против Крымского ханства. В то же время в российской столице вовсе не исключали нападения в 1686 г. крымских татар на польские территории. Это заставляло российскую сторону особенно акцентировать внимание на том, что в договоре о Вечном мире отсутствует обязательство России любой ценой помешать набегам крымцев на Речь Посполитую.

4) Послам было наказано «остеречь накрепко», чтобы из королевского титула были исключены названия отошедших к России территорий, грамоты с таким титулом от короля принимать запрещалось.

5) Шереметеву с товарищами предписывалось «проведывать», не ведут ли поляки сепаратных переговоров с османами и Крымом. Послы должны были принять участие в переговорах союзных держав с Османской империей, если в ходе посольства они будут к ним приглашены, и при этом следить, чтобы мир с турками, если таковой будет заключен, предусматривал бы удовлетворение претензий России к Крымскому ханству, согласно 12-й статье Вечного мира[39].

6) Особенно поручено было настаивать на подтверждении «при иных» и 9-й статьи договора (о покровительстве православным) и внесении ее в сеймовые конституции, а при проезде через польские земли всем православным о той статье «объявлять» и раздавать «списки»[40].

7) Послы должны были добиться удаления некой надписи в «ответной палате», сделанной «на укоризну Российскому царствию», а также царю и великому князю Василию Ивановичу (Шуйскому)[41].

8) Уже после отъезда послов из Москвы в полученной ими 30 (20) июля по почте царской грамоте перед ними были поставлены еще две задачи. Первая — это требовать от Яна III «уволить» с польской службы и «не задерживать» у себя запорожских казаков, чьи дома и семьи находятся в «царского величества малороссийских городах». Второе — «во всяких своих речах салтана турского и хана крымского братьями не именовать и в писмах ни в каких того не писать», называя их «толко друзьями нашими и ближними соседи». Кроме того, в той же грамоте послам были повторены пункты наказа о правобережных землях, о вступлении в мирные переговоры с османами, причем отмечалось, что все эти проблемы имеют для царского правительства особую важность[42].

Миссия посольства в Вене и визит послов к императору Леопольду I, согласно наказу, носила более формальный характер. Русские послы должны были объявить о заключении Вечного мира с Речью Посполитой, выяснить, каковы ближайшие военные планы Габсбургов и перспективы мирных переговоров с Османской империей. Полномочий заключать с императором какого-либо союзного договора они не имели[43].

Наказ посольству Шереметева полностью соответствует тем действиям, которые Москва предприняла в отношении Крыма в 1686 г. и которые были рассмотрены в предыдущей главе. Кроме того, он показывает и иные мотивы политики царского правительства, которое не торопилось с началом военных действий, поскольку хотело убедиться, намерена ли польская сторона соблюдать заключенный договор и не ведут ли союзники по Священной лиге тайных переговоров о мире с турками.

Как уже говорилось, такая позиция российской дипломатии имела свое основание в статьях заключенного договора. Стремление по возможности уклониться от участия в военных действиях обозначилось еще при обсуждении союзных статей договора о Вечном мире, когда русская дипломатия не допустила включения в него обязательства о блокаде Крымского ханства. В 10-й статье договора говорилось: «В сем же воинском времени нынешнего от Рождества Христова 1686 а от создания мира 7194 году, за многие бусурманския неправды <...>, отвращая силы бусурманския хана крымского от государства его королевского величества <...>, укажут их царское величество послать войска свои со всяким воинским нарядом в Сечу и на преправах на Днепре, где крымския войска обыкли переправливатися, забороняя приходу в государства его королевскаго величества, и в тех местах всяко воинское дело и промысел над неприятелем креста святаго чинить; так же и донским козаком повелять великие государи <...> на того ж неприятеля наступить, и промысле воинской чинить на Черном море, под теми ж Крымскими юрты и под их городами и местами, где воинской случай с бусурманы употребляти будет» [44].

На очередном этапе русско-польских переговоров Москва намеревалась окончательно закрепить свой суверенитет над перешедшими в ее «вечное» владение территориями и продолжала настаивать на признании власти царя над частью Правобережья, чего не удалось добиться на переговорах в Москве в феврале–апреле 1686 г. Одновременно, несмотря на заключенный военный союз, в России не желали дать согласие на вербовку запорожских казаков на польскую службу. Все это лишний раз свидетельствовало, что торжественной присягой царей в Грановитой палате дипломатическая борьба за Украину отнюдь не окончилась.

С переходом киевской митрополии (1686 г.) под власть московского патриарха борьба России за право представлять интересы православного населения Речи Посполитой приобрела более прочную основу. Теперь статья о взаимной гарантии прав православных и католиков в России и Речи Посполитой, бывшая типичной для русско-польских договоров второй половины XVII в., получала для политики Москвы по отношению к православному населению польско-литовского государства новое значение.

Вечный мир и союз между Речью Посполитой и Россией непосредственно затрагивал интересы верхов украинского казачества. В связи с заключением договора гетман И. Самойлович направил 10 июня (31 мая) к Яну III своего посланца Стефана Гречаного, доставившего королю письмо украинского гетмана. В нем выражалась готовность начать войну с Крымом и в то же время указывалось на принадлежность Войску Запорожскому «з давних веков» земель Правобережной Украины по реки Рось, Соба, Каменка и Южный Буг. Самойлович, ссылаясь на согласие русского правительства («за их царских величеств позволением»), просил, чтобы указанные земли были переданы под его власть. Указанные территории были значительно больше, чем те, передачи которых России требовали русские дипломаты на переговорах с польско-литовскими послами в Москве [45]. К. Гжимултовский отмечал, что некий посол от И. Самойловича к Яну Собескому был «ласково» принят последним [46]. Однако идет ли речь о Гречаном или о другом посланце, неизвестно.

В конце июня С. Яблоновский направил И. Самойловичу послание, в котором просил выдать трех казацких полковников, которые, получив королевское жалование, сбежали на Левый берег Днепра вместе с подчиненными им казаками. По свидетельству польских источников, 25 июля к коронному гетману С. Яблоновскому прибыл посол И. Самойловича, сообщавший о готовности украинских казаков начать военные действия. Для координации действий С. Яблоновский направил к Самойловичу двух доверенных лиц, имевших, впрочем, и поручение вести сбор информации[47].

Готовность украинского гетмана воевать с Крымским ханством оказалась, однако, показной. В июле и августе он не только не предпринял каких-либо действий, но, наоборот, предъявил царскому союзнику новые претензии. Воспользовавшись тем, что договор был еще не ратифицирован, гетман выступил с собственной дипломатической инициативой, направленной на его улучшение в интересах Украины. 26 августа И. Самойлович обратился к коменданту Белой Церкви с обширным посланием, содержавшим обвинения в нарушении польской стороной недавно заключенного Вечного мира. Хотя послание гетмана начиналось с рассуждений по сугубо частным вопросам соблюдения польско-российского договора 1686 г., в дальнейшем в нем оказались затронуты принципиальные проблемы отношений с Речью Посполитой 1670–1680-х гг.

Украинский гетман начал с инцидента, когда в Переяславский полк оказались подброшены письма от имени С. Яблоновского, «через которыи дается знати, же в Корсуню и Богуславлю на Королевства Полского стороне слободы зводитися мают». Хотя названные местечки не были упомянуты в договоре (в 7-й статье) как спорные, тем не менее 4-й статьей договора было запрещено «перезывать» жителей из одного государства в другое. «Тилко почалося з самого початку, — констатировал И. Самойлович, — сего року на святый покой заводити на тот час, ораз от певных особ чинилася нам з Полски такая пересторога, же сторона полская под покривкою того покою утрактовала скрите и непокой учинити (так в тексте. — *К. К.*), хотячи зашкодити монархией великих оссударей наших пресветльших монархов российских, а тут же и по обоим сторонам Днепра народом малороссийским всему Воиску Запорозкому; який пересторозе тут и верено и неверено, аж теперь, самим скутком выявилося тое. Поневаж еще не в чом мирним договором конца не учинено и з стороны полской не закреплено, а уж сторона полская так рано поривается до обнятя тогобочное Украины, назначаючи осадчих, и оголошаючи слободы».

Обвинив Речь Посполитую в нарушении заключенного договора еще до его ратификации, И. Самойлович выдвинул свои претензии на обладание Правобережьем. «Мы теды гетман з Войском Запорозким и зо всем народом нашим малороссийским з тым ся осведчаем, же не тылко тых городов на слободы именованых здавна Воиску Запорозкому належных не маем [в] сторону Королевства Полского попустити, але всех тых краев, которыми почавши от Богдана Хмелницкого, гетмана Войска Запорозкого владели, в которой ленеи и Белая Церковь зо всеми приналежностями найдуется, уступити не хочем». Выражая надежду на поддержку его

требований «престветлейшими царскими величествами», украинский гетман подчеркивал, что «от нас тое отлучено не будет, если бовем так в тых вечного миру договорах утрактовано, же все народы тутейшїе украинскїе и все войско як городовое, так низовое вечне найдоватися мають в богохранимой их царского пресветлого величества державе, то для чожбы кгрунта и земле тогобочной Днепра, здавна Войску Запорозкому, и народом тутешным належний, отдалени были мели».

Сделав обширный исторический экскурс во времена П. Дорошенко, Б. Хмельницкого, гетман доказывал принадлежность Правобережной Украины по р. Случь Войску Запорожскому. И. Самойлович подчеркивал роль царя Алексея Михайловича и свою собственную в «отвращении» от османского протектората П. Дорошенко, что, по мнению гетмана, было благом и для Польши, поскольку прекратило его «наезды» на польские территории. В 1677–1678 гг. царские и запорожские войска пролили много крови за Чигирин, сражаясь с турками, следовательно, утверждал Самойлович, и принадлежать он должен Царству Российскому и Войску Запорожскому. Борьбу с турецким господством на Правобережье и турецким ставленником Ю. Хмельницким продолжил сын гетмана Семен своим походом 1679 г., «по яком часе тот край от регименту нашего никому не отходил, и полская сторона в оный не втручалася». Касаясь уступки части Правобережья Османской империи по перемирию 1681 г., И. Самойлович отмечал временность этого договора, который не означал отказа России от претензий на уступленные туркам территории, о чем свидетельствовало, по его мнению, условие не заселять этих земель. Вечный мир и союз, констатировал украинский гетман, был заключен царями, сохранявшими мирные отношения со всеми соседними державами, исключительно из милости к Речи Посполитой, которую османские нашествия «поставили близко до упадку». Королевство же польское царскую приязнь и милость «поставило в лехкой цене, же и земли тые од державы их оторвати бы хотело, а же в той предсявзятой против турчина войне и нам Войску Запорожскому, по указу пресветльиших великих государей наших быти будет належати. Теды якобы нас взяла до бою охота, кгды бы нам учинилося такое безправное утяженя отбиранем от нас тоей Днепра стороны <...> и за щобы нам з бесурманами битися, еслибисмо коло домов своих [в] землях и кгрунтах через полскую сторону не были волни <...> яко теды такое добр, земел и кгрунтов наших отбираня было бы нам не зносно и нетерпимо, так готови естесмо за тое и умирати», — подытоживал И. Самойлович. В заключение он требовал, чтобы комендант не посылал своих посланцев ни в Корсунь, ни в Богуслав, ни в другие «украинные» места, имея в виду инцидент в Переяславском полку [48].

Одновременно аналогичные требования И. Самойлович выдвинул в направленном с Лукашом Петровским послании гетману С. Яблоновскому (копия его, сохранившаяся в польских архивах, не датирована, однако польская сторона передала датированную копию русскому посольству). Определяя границы Войска Запорожского как распространяющиеся на Правобережье в Литовские, Польские и Волынские и Подольские края, он выступал против выделения части земель Полесья и Волыни казакам А. Могилы, которого именовал только «правителем» и считал «последним из черни Войска их Царского Величества Запорожского». Более

развернуто, чем в предыдущем письме, гетман подчеркивал, что не только «prarodytelnych Monarchow zawsze wypełniałem rozkazy, ale i JKM wieliczestwa i całej Rzep. Polskiej, choć teraz tego nie znać, uczyniłem przysługi» * своей борьбой с турками и их вассалом П. Дорошенко, которого «lub z silami Ich Carskiego <...> Wieliczestwa iednak własną moią dbałością <...> od Poganów <...> oderwałem» **, — писал он. И. Самойлович выражал недовольство, что в ходе переговоров в Москве, к «счастливому» окончанию которых, по его мнению, и он приложил руку, К. Гжимултовский вместе со своими коллегами «zatrzymał się przy tym nieodstępnie, aby Ziemie nasze Kozackie na tym tu boku Dniepra około Kaniowa, Korsunia, Bogusławia, Czerkas, Łysianki i Czechryna będące <...> nam wojsku Zaporoskiemu nie należeli» ***. Напоминая, что война, в которую вступила Россия, будет вестись не только для защиты Царства Российского, но и Речи Посполитой, гетман просил, чтобы упомянутые земли были переданы Войску Запорожскому ввиду того, что на его долю придется значительная часть будущих «военных трудов», хотя бы и с обязательством не заселять их. «A chocby i Biała Cerkiew powróciła się w przyzwoitą naszą moc Hetmańską, słusznie by było» ****, — добавлял он далее. Вновь вернулся гетман к толкованию Бахчисарайского перемирия, условия которого, считал он, предусматривали, что на оставленной «пустой» правой стороне Днепра его казаки могут заводить пасеки и заниматься промыслами. Упомянутые земли необходимы Войску Запорожскому и ввиду умножившегося населения, поэтому царям направлена челобитная, что Малороссия не может обойтись без этих земель. Подчеркивая, что, хотя булаве Войска Запорожского принадлежали «po tym boku wyzej Dniepra <...> ku Białej Rusi wsi i dalej kraie (т. е. Посожские села. — *К. К.*) <...>, które lub my objeliśmy byli w moc naszą, jednak z dzisiejszego mirnego traktatu iako pozwolili nam <...> Wielkie Hospodary Nasi, onych w stronę JKM Wieliczestwa ustąpiwszy, tak my bez spora i uczynili» *****, гетман просил возвратить из требуемых им земель «хотя бы половину».

В конце письма И. Самойлович просил о возвращении владений киевских монастырей и митрополичьей кафедры, находившихся на территории Речи Посполитой, под власть киевского митрополита, а также отказывал коронному гетману в просьбе обменяться резидентами[49].

---

* «прародительных монархов выполнял приказы, но и королевскому величеству и всей Речи Посполитой, хотя сейчас о том и не знают, оказал услуги».

** «хотя и силами их царского <...> величества, но и моей заботой <...> от поганых <...> оторвали».

*** «упорно настаивал на том, чтобы земли наши казацкие на той стороне Днепра около Канева, Корсуня, Богуслава, Черкасс, Лысянки и Чигирина <...> нам войску Запорожскому не принадлежали».

**** «А хоть бы и Белая Церковь перешла под нашу гетманскую власть, справедливо бы было».

***** «по той стороне Днепра Белой Руси деревни и далее края (Посожские села. — *К. К.*) <...>, которые хотя мы привели под нашу власть, однако по настоящему мирному договору, как позволили нам <...> великие государи наши, оные в сторону королевского величества уступить, так мы без спора и учинили».

Чуть ранее в таком же духе высказался в ответ на претензии мстиславской шляхты и сын гетмана — стародубский полковник Яков Самойлович, фактически управлявший присоединенными землями Засожья. В своем письме Яну Пожарицкому, хорунжему мстиславскому, он прямо подчеркнул, что, хотя цари и указали уступить в польскую сторону Засожье, делать этого не следовало бы[50].

Позиция украинского гетмана оказала большое влияние на заключение московского договора о Вечном мире. Условия договора, в частности отказ послов уступить часть правобережных земель и 4-я статья, согласно которой цари «козаков за Днепром будучих, Его Королевскому Величеству належащих в Немирове и в Паволочи и около Белой Церкви живущих в оборону свою принимать и до мест и до городов, там будучих, вступатися в вечные времена не будут и не велят»[51], явно не устраивали И. Самойловича. Считая, что по условиям Вечного мира Речь Посполитая отказалась от власти над Войском Запорожским, «городовым и низовым», и не признавая гетманом А. Могилу, И. Самойлович полагал возможным выдвинуть претензии и на «издавна» принадлежавшие войску земли. Границы территории, на которую претендовал запорожский гетман, первоначально оставлены им без четкого определения — то по рекам Соба, Каменка и Южный Буг, то по р. Случь. В письме к коронному гетману И. Самойлович уже более конкретно выразил свои требования — передача Войску Запорожскому земель около Белой Церкви, Канева, Корсуни, Богуслава, Черкасс, Лысянки, Чигирина. Это означало бы значительное расширение российских границ на Правобережье по сравнению с оговоренными спорными территориями в 7-й статье договора (там перечислялись Ржищев, Трехтемиров, Канев, Мошны (в ПСЗ ошибочно Люшны) Соколна, Черкассы, Боровица, Бужин, Воронков, Крылов и Чигирин[52]).

Итак, гетман требовал признания за российскими царями оговоренных русско-польским договором спорных территорий с расширением их границы на юго-запад, включая Белую Церковь, Корсунь, Лысянку и Богуслав. В этом случае, учитывая уже закрепленное договором расширение территорий вокруг Киева и переход под царскую власть Запорожской Сечи, которая занимала и правобережные земли южнее Чигирина, под управление гетмана должно было перейти почти все Киевское воеводство. Понимая, что будет очень трудно добиться уступки Белой Церкви, которую Речь Посполитая сохранила за собой даже по Журавненскому миру 1676 г., гетман выражал согласие на признание за Войском Запорожским хотя бы «половины» из указанных земель, т. е., видимо, тех, о которых шла речь в 7-й статье.

В осуществлении своих требований запорожский гетман не мог рассчитывать на согласие правящих кругов Речи Посполитой. Хотя Ян Собеский и надеялся привлечь казаков на свою сторону, посылая им универсалы с обещаниями «милостей» и защиты, возможно, среди этих универсалов был и такой, в котором польский король «жаловал» им Засожье (о чем говорили на переговорах в Смоленске М. Огинский и Н. Краевский, вспомним также и о том, что инструкциях 1682 г. казакам обещалось передать земли умершего короля Михала Корибута Вишневецкого), однако ни о каких территориальных уступках в пользу казачества не могло

быть и речи. Подобные планы неизбежно встретили бы мощный отпор среди магнатов и шляхты, которая ни в коем случае не хотела делиться с казачеством земельными владениями. Понимая это, И. Самойлович пользовался королевскими универсалами в своих целях, часто во вред польской же стороне и ее отношениям с Москвой. Переговоры, проводившиеся Яном III с И. Самойловичем через посреднисетво киевского митрополита Гедеона (Четвертинского) параллельно переговорам в Москве (т. е. в феврале–мае 1686 г.), окончились полной неудачей и никакого влияния на заключение русско-польского договора не оказали[53]. Переписка с коронным гетманом С. Яблоновским, которую И. Самойлович вел и ранее[54], не вызывала каких-то нареканий в Москве, тем более что гетман доказал свою верность царскому правительству в тревожном 1682 г. Все свои требования Самойлович выдвигал в рамках своих вассальных отношений с российскими царями и статуса Украины в составе Российского государства. Самойлович отказался от предложения С. Яблоновского сделать свои отношения с Речью Посполитой более тесными, обменявшись резидентами. Поэтому вызывают сомнение суждения украинских исследователей Т.В. Чухлиба и В. Степанкова, что намерения гетмана якобы совершенно расходились со стремлениями русского правительства, желавшего сохранить мирные отношения с Речью Посполитой[55]. В Москве существовала сильная боярская группировка, выступавшая за дальнейшую экспансию на земли шляхетской республики, о ее роли в русской политике гетман не мог не знать и мог вполне опереться на ее поддержку в своих претензиях к Речи Посполитой. Этим, по нашему мнению, объясняется уверенная и жесткая позиция И. Самойловича по отношению к Польско-Литовскому государству и его критика договора, высказанная им окольничему Л.Р. Неплюеву, который привез гетману известие о его заключении, а позднее повторенная в грамотах, направленных в Москву на царское имя. При этом недовольство И. Самойловича касалось более русско-польской границы на Западе, нежели отношений с Крымским ханством. Впрочем, отметим, что наиболее резкие замечания И. Самойловича, многократно цитировавшиеся украинскими историками, взяты из последующего доноса казацкой старшины на гетмана и поэтому достоверность их вызывает сомнение[56]. Так, например, согласно доносу, И. Самойлович «за тот мир, учиненний межи монархами, не велел и молебствовати по церквах»[57]. Однако донесения московских воевод, стоявших с войсками в украинских городах, свидетельствуют об ином. Киевский воевода князь Ю.С. Урусов получив царскую грамоту с сообщением о Вечном мире, новом царском титуле и новых границах киевского округа, «объявил» ее «преосвященному Гедеону, митрополиту киевскому и галицкому и Малыя России». 30 (20) июня 1686 г. Гедеон «с архимандритом и с ыгумены и со всем освященным собором» отправили торжественное богослужение в честь произошедшего события, молясь о здравии великих государей[58]. Запрет отправлять торжественные богослужения в честь Вечного мира если и мог иметь место, то, видимо, только в Батурине.

Позиция И. Самойловича не могла не вызвать, однако, недовольство В.В. Голицына и царевны Софьи. На гетмана жаловалась и польско-литовская сторона. Так, копия рассмотренного выше письма Самойловича С. Яблоновскому была пе-

редана русским послам, прибывшим во Львов для участия в церемонии ратификации польским королем договора о Вечном мире. В сентябре 1686 г. украинскому гетману через Л.Р. Неплюева был объявлен царский «выговор за противенство». И. Самойлович вынужден был послать в Москву письмо с извинениями, в ответ в октябре 1686 г. ему была направлена грамота, заверявшая гетмана, что «милость наша государская от тебя никогда отъемлема быти не имеет»[59]. Это, впрочем, не мешало гетману искать другие, более завуалированные способы выражения недовольства договором о Вечном мире. Киевский митрополит Гедеон (Четвертинский), при активной поддержке задумавшего с ним породниться Самойловича, жаловался в Москву на несоблюдение поляками 9-й статьи Вечного мира и продолжающиеся гонения на православных в Речи Посполитой. В декабре в Москву дважды приезжали посланцы гетмана с письмами митрополита. Гедеон информировал царей: «...благочестивые в королевстве Полском обретающиеся людие тяжким насилием убеждающися ко отступничеству унияцкому иного спасения не могут имети, токмо всесилное вашего царского величества заступление». Он сообщал, что на будущем сейме католики собираются вконец искоренить православие, и просил добиваться утверждения сеймом 9-й статьи Вечного мира. В ответной царской грамоте Гедеону подчеркивалось, что об удовлетворении требований его и украинского гетмана будут стараться русские послы, находящиеся в данный момент в Варшаве[60].

Позиция запорожского гетмана, фактически означавшая поддержку противников В.В. Голицына в Москве, во многом предопределила то, что в дальнейшем канцлер дал ход доносам и интригам казацкой старшины против Самойловича. В 1687 г., после неудачного Крымского похода, когда отступавшие русские войска остановились в военном лагере на р. Коломак, В.В. Голицын организовал смещение гетмана, закончившееся для Самойловича ссылкой в Сибирь[61].

О том, что опала и ссылка украинского гетмана были в решающей степени связаны с оказанным им сопротивлением соглашению с Польско-Литовским государством, свидетельствует специальное положение Коломацких статей от 6 августа (27 июля), направленное на то, чтобы положить конец дальнейшему проявлению недовольства со стороны гетмана и старшины официальной правительственной линией в отношении Вечного мира и союза с Речью Посполитой. «Гетману и всей старшине и всему Войску Запорожскому и народу малороссийскому содержать крепко [Вечный мир] и ничем не нарушить и довольствоватца теми городами, с принадлежностями их, которые в договорах имянно и пространно изображены. А что <...> уступлено в сторону королевского величества польского, и в те места не вступатца, и к нарушению договоров никакие причины не давать <...> А если б чрез тот же Вечного миру договор с полской стороны на Малороссийский край показалась какая противность, и им о том писать к великим государям, а самим нарушения ни какова не делать»[62].

Смещение Самойловича состоялось еще до возвращения Голицына с войском в Москву, без вынесения такого важного вопроса на обсуждение Боярской думы. Думается, канцлер понимал, что добиться соответствующего решения в Москве было бы очень трудно, если вообще возможно. Другая влиятельная фигура в пра-

вительстве царевны Софьи думный дьяк Федор Шакловитый писал В.В. Голицыну, что в Москве есть недовольные опалой И. Самойловича «без розыска»[63]. Находившийся в Москве чешский иезуит Иржи Давид отмечал в своих записках, что смещением запорожского гетмана было недовольно окружение царя Петра[64]. Шведский резидент в России Христофор фон Кохен сообщал, что гетман был союзником группировки Нарышкиных, представители которой настаивали на присылке арестованного И. Самойловича в Москву[65]. Более правильным, однако будет суждение, что прагматичный Самойлович прежде всего искал в Москве поддержки своей антипольской политики, а то, к какому лагерю — Нарышкиных или Милославских — принадлежали сторонники такого курса, имело гораздо меньшее значение. Подобным образом, впрочем, действовал и В.В. Голицын в своих стремлениях заключить с Речью Посполитой Вечный мир.

VI. Неудача молдавского похода Яна Собеского, в случае успеха которого, по предположению З. Вуйчика, польский король планировал пересмотреть условия договора с Россией, вызвала серьезное недовольство в польских правящих кругах, осложнявшееся к тому же различным отношением к Вечному миру политических элит Короны и Литвы.

Тем временем русское посольство Б.П. Шереметева и И.И. Чаадаева 27 (17) июля прибыло в Смоленск. Из-за распутицы посольство простояло в Смоленске более 10 дней — до 7 августа (28 июля). Задержка вызвала неудовольствие в Москве. В царской грамоте от 2 августа (23 июля), полученной послами после выезда из Смоленска, в с. Досугово, у самой литовской границы, им «выговаривалось» за слишком медленное продвижение. Шереметев оправдывался, сообщая в ответном послании, что послы задержались «по самой нужде, что не починив тележенок, которые ломались на грязных и топких местех в пути поспешить было нам <...> скорее того невозможно»[66]. Этот эпизод показывает, какое значение имела скорейшая ратификация договора для правительства Софьи и Голицына, демонстративно заявлявшего, что Речь Посполитая обязалась сделать это как можно быстрее, не допуская изменения его отдельных положений[67].

Однако польско-литовская сторона не торопилась принимать русских дипломатов. Высланный в Кадино подьячий Кондрат Никитин не нашел там урядника А. Константиновича, который выехал «в ыные деревни» М. Огинского, возможно умышленно. Не было ответа и от Бенедикта Сапеги, которому смоленский воевода Б.В. Бутурлин заранее сообщил о приближении к границе русского посольства. Послам ничего не оставалось делать, как двинуться в Литву, не получив ни кормов, ни подвод, гарантированных им Вечным миром. 15 (5) августа посольство прибыло в Могилев[68].

В отписке из Могилева Б.П. Шереметев и И.И. Чаадаев сообщали: «Ведомо нам, холопем вашим, в Могилеве учинилось от шляхты и от духовных благочестивыя веры людей, что королевскому величеству и всему княжеству Литовскому вечное мирное нынешнее постановление надобно, а корунные того мирного постановления будто не хотят принять для того, что де королевскому величеству и

Речи Посполитой <...> некоторые статьи не сносны». Часть сенаторов, доносили далее послы, выражает недовольство утратой Речью Посполитой Киева, 9-й статьей и необходимостью исключить из королевского титула названия отошедших к России земель и настаивает на отложении ратификации договора до сейма[69]. Поддержка Литвой ратификации договора, как и раньше, объяснялась нежеланием обострения русско-польских отношений в случае ее срыва.

К. Гжимултовский и М. Огинский прикладывали все усилия, чтобы задержать прибытие в Речь Посполитую русского посольства. Однако, поняв, что результатов это не принесло, литовский канцлер сменил тактику. Когда, из-за отсутствия подскарбия литовского Б. Сапеги, К. Нефимонов не мог получить ни денег из литовского скарба, ни пристава, М. Огинский выдал ему деньги на дорогу из собственных средств и приставил к нему одного из своих слуг[70].

Литовский канцлер в письмах королю настаивал на как можно скорейшем принятии посольства, в т. ч. и в польском военном лагере на территории Молдавии. Однако королевский двор, не желая в данный момент делать этого, игнорировал все обращения канцлера. Это не остановило М. Огинского, продолжавшего добиваться своего через королеву Марию Казимиру (по свидетельству К. Гжимултовского, она, находясь в августе с приближенными в Самборе, пересылала адресованные ей письма литовского канцлера Яну Собескому) и С.А. Щуку. В письме последнему литовский канцлер, ссылаясь на полученное им письмо В.В. Голицына, утверждал, что любую умышленную задержку в приеме русского посольства в Москве воспримут как нарушение договора и даже как повод к войне и тем более не захотят предпринимать каких-то враждебных действий в отношении Крымского ханства[71]. Канцлер выражал готовность лично встретить русских послов у Бреста и без задержек проводить их в расположение польско-литовских войск, в связи чем просил С.А. Щуку позаботиться о вооруженном конвое, ввиду опасности встречи с татарскими отрядами в районе Каменца (инициатива эта также не встретила поддержки при королевском дворе)[72]. Поняв, что все его попытки добиться от короля немедленного приема посольства терпят неудачу, М. Огинский, не желая далее обострять отношения с двором, вновь изменил свою политику. Под предлогом болезни он уехал в свои имения[73] и вступил в контакт с русскими послами значительно позднее, уже после их прибытия во Львов.

К. Гжимултовский использовал старания литовского канцлера обеспечить своевременный прием русского посольства для сведения с ним счетов и ослабления позиций М. Огинского при дворе в угоду собственному положению. Познанский воевода по-прежнему настаивал на задержке русских послов на границе с Литвой, подчеркивая свою заботу о скарбе Речи Посполитой и противопоставляя ей поступки канцлера, чья готовность немедленно принять посольство и «лично» проводить его до Львова, по его мнению, привела бы только к долговременному ожиданию русскими дипломатами приезда туда короля и, соответственно, к значительному увеличению расходов польской казны на их содержание. Гжимултовский, поддерживая точку зрения Собеского, считал, что принимать послов следует лишь исходя из итогов военной кампании польско-литовской армии в Молдавии. Слугу ли-

товского канцлера, исполнявшего обязанности пристава при К. Нефимонове, он называл в письмах к С.А. Щуке не иначе как «шутом», «простаком» и «глупцом». Воевода намекал, что и сам М. Огинский не достоин «канцлерской должности»[74]. Выражая уверенность, что русские послы выедут из Москвы только в августе и прибудут во Львов в декабре, Гжимултовский приписывал эту заслугу себе, считая, что именно он сумел убедить В.В. Голицына задержать посольство[75].

Только 30 (20) августа, когда русские дипломаты уже находились в Минске, Б. Сапега соблаговолил прислать к ним пристава — слонимского подчашия Федора Токаревского. Тот заявил, что «удоволствование» в кормах и подводах будет позже. Однако когда посольство прибыло 18 (8) сентября в Брест-Литовский, Токаревский покинул его без каких-либо объяснений, не дождавшись себе на смену коронного коллеги. В довершение всех бед у боярина Шереметева, стоявшего на дворе Полубинских «в ночи <...> ис казенной ево телеги покрали воровские люди суды серебряные и иную рухледь». Попытки послов добиться «сыску» похищенного или же возмещения его стоимости брестскими мещанами успехом не увенчались. Только на подъезде ко Львову, 30 (20) сентября, в Сокали послов встретил польский пристав, присланный канцлером Яном Велёпольским, — коронный скарбовый писарь Андрей Суслович, также не имевший указаний о кормах и подводах[76].

Несмотря на холодный прием посольства, в России демонстрировали решимость выполнить условия заключенного договора. Ко времени прибытия посольства во Львов в Москве 20 (10) октября была утверждена «роспись войскам», которые пойдут на Крым. Если до этого в России приготовления к первому Крымскому походу держались в секрете, то теперь копия «росписи» была отправлена из Москвы посольству Шереметева для «объявления» королю и сенаторам[77].

6 октября (26 сентября) русские послы прибыли во Львов, однако никакой официальной встречи им организовано не было: «...и встречи от королевского величества <...> не было, для того что в небытии королевского величества никово во Львове сенаторей и служилых людей не было, а встретили их <...> послов лвовские бурмистры со всеми мещаны и армяны з знамены и з барабаны и с ружем». Того же числа Ф. Токаревский привез послам письмо от Б. Сапеги, который сообщал, что деньги за корма и подводы от Литвы будут выданы на обратном пути. Через два дня по прибытии послы написали письмо гетману С. Яблоновскому, требуя, чтобы король принял их «в обозе». В тот же день они получили грамоты из Москвы. От послов требовалось информировать поляков о состоявшихся выборах киевского митрополита, которым стал Гедеон (Четвертинский). В связи с этим им предписывалось настаивать, чтобы ему позволено было рукополагать православных епископов (луцкого, львовского, перемышльского, любельского, замойского, виленского, минского и др.), добиться запрещения И. Шумлянскому титуловаться киевским митрополитом. Кроме того, послам сообщался ряд требований, представленных И. Самойловичем (возвращение беглых казаков с Левобережья и наказание белоцерковского коменданта О. Раппе, ограбившего казаков гетмана). Также послам предписывалось напомнить, что если «будет в каких ни есть делех по договорам неисполнение и то от нас великих государей на сторону его королевского величества причтено

будет договором к нарушению» [78]. Несмотря на заключение Вечного мира, Украина продолжала оставаться камнем преткновения в отношениях двух держав.

Приехав во Львов, послы сначала даже не могли точно узнать о местонахождении короля. По собранным ими слухам, польское войско было окружено турецко-татарскими войсками и только после упорных сражений поляки сумели «очистить» путь. Литва не особенно стремилась поддерживать Корону в таком рискованном предприятии — послы узнали, что литовского гетмана К. Сапеги «в обозе нет», а литовские сенаторы «живут в домех своих в Варшаве и Вильне». Русским дипломатам даже не удалось выяснить, добрался ли до королевского лагеря К. Нефимонов [79].

Коротая время, русские дипломаты 13 (3) октября «слушали божественные литоргии в церкви великомученика христова Георгия в монастыре в котором живет львовской же епископ Иосиф Шумлянской». В его отсутствие литургию служил игумен Феодосий, при этом «на ектениях молили господа Бога о здоровье благочестивейших государей царей и великих князей» Ивана и Петра. Русские «благодарствовали» и «похваляли» игумена, заметив попутно, что необходимо молить о здравии всего царского семейства, «а пачеж о здравии и спасении» царевны Софьи, которая «купно скиптродержавствует з братьями <...> и постановление вечного миру учинилось чрез ее государыни молитвы и тщание». Позднее по просьбе возвратившегося во Львов Шумлянского Шереметев «со товарищи» выслали ему «на письме како молити Бога» о здоровье царского дома [80].

20 (10) октября во Львове объявился Кузьма Нефимонов, который должен был быть уже на пути в Вену. Он поведал послам о своих злоключениях. 29 (19) сентября гонцу удалось достигнуть королевского обоза за Сучавой, в Молдавии. Ян Собеский согласился принять его после выхода из «Волоской земли». Аудиенция состоялась 8 октября (28 сентября) под Снятыном. Между сторонами сразу же возник конфликт из-за дипломатического протокола. Собеский не соглашался на использование полного царского титула в соответствии с новым договором, ссылаясь на то, что текст Вечного мира ему еще не известен. Нефимонов требовал аудиенции с оглашением новой формы царского титула, возражая, что текст Вечного мира должен быть известен королю по донесениям польско-литовских послов. Дело решили компромиссом: польская сторона использовала старую форму титула, русская — новую. Однако этим дело не кончилось. Ян Собеский категорически отказался дать послу «отпускную» грамоту с использованием нового царского титула. Поляки заявляли, что в царской грамоте, привезенной Нефимоновым, «написаны титлы новые со многими прибавками, о которых отнюдь королевскому величеству неизвестно, и послом было о том от Речи Посполитой поступать не наказано». Русский посланник отказался ехать в Вену без официального «отпуска», как ему предлагала польская сторона. Через пристава Яна Окрасу Кузьме Нефимонову было заявлено, что «о тех де царских величеств новых титлах будет у королевского величества со всеми сенатори рада» после окончания военной кампании, без решения которой «отпустить ево и таких титл царским величествам воздать отнюдь невозможно». Кроме того, Окраса пожаловался Нефимонову на гетмана И. Самой-

ловича, который якобы «того вечного миру и описанных в нем рубежей не приемлет и договаривается о новых рубежах», прислав сначала посланцев к Яну Собескому, а теперь вот к С. Яблоновскому, домогаясь «всей Украины сей стороны Днепра». «А ему де за таким вечным миром с королевским величеством и з гетманы о новых рубежах ссылатись не годилось», — настаивала польская сторона. Под «переговорами» имелись в виду уже известные нам письма гетмана, о которых знали и в Москве. Под предлогом этого король отказывался принести присягу на договор о Вечном мире до сейма. Явно желая бросить тень на лояльность украинского гетмана царям, Окраса предъявил русскому гонцу некие «печатных три листа на александрийской бумаге, а на них напечатаны гербы и ево гетманская персона, а над персоною многие статьи полским и латинским языком, а <...> те листы печатаны в Киеве». В этих листах, датированных 17 (7) января 1686 г., Самойлович будто бы объявлял себя «удельным великим князем». Нефимонов на все это заявил, что гетман служит царям верно, указы их исполняет «со страхом», Вечным миром «доволен» и «новых договоров чинить и рубежей иных домогатись он без воли царских величеств не смеет, разве те ево присылки для каких иных дел, належащих к Украине», печатные листы же «составные и печатаны не в Киеве и нехто их вымыслил напечатать на ссору»[81]. «Печатные листы» эти были вручены послам перед самым отъездом из Львова[82], однако в архивах их пока обнаружить не удалось.

23 (13) октября новый пристав рожанский хорунжий Станислав Эзерковский привез письмо И. Самойловича к С. Яблоновскому («инструкцию») и русским послам, сообщив, что король и сенаторы выражают недовольство по поводу нарушения казацким гетманом недавно заключенного договора. Прочитав его, послы, конечно же, ничего крамольного там не нашли, заявив, что «пишет он гетман в тех листах прося у королевского величества милосердия за свои заслуги которые явились в ынструкции» и что Самойлович «и воле их царских величеств ни в чем не противен»[83].

23 октября польский король и королева приехали в Стрый. Здесь же собрались и члены сената для обсуждения вопроса о созыве сейма и приема русского посольства во Львове. Присутствовал в Стрые и М. Огинский, однако не было К. Гжимултовского, без реляции которого, как официального главы посольства, обсуждение заключенного трактата и проблемы его ратификации состояться не могло[84]. Из Стрыя Собеский разослал письма deliberatoria сенаторам в связи с предстоящей новой радой в столице Русского воеводства, которая должна обсудить вопросы ратификации Вечного мира, переговоров с русским посольством и подготовки к военной кампании 1687 г.[85].

25 (15) октября послы узнали о прибытии в Стрый четы Собеских. В тот же день во Львов прибыл М. Огинский. Он немедленно установил контакт с русскими дипломатами, а 28 (18) октября приехал к ним лично. Послы пожаловались ему на нежелание короля принять посольство и ратифицировать Вечный мир. Литовский канцлер в ответ осыпал упреками И. Самойловича, который «ссылается с ханом крымским почасту», но пообещал немедленно выслать к Яну III нарочного с изло-

жением претензий послов, заверяя их, что король обязательно ратифицирует договор, а 29 (19) октября выехал в ставку Яна Собеского сам.

4 ноября (25 октября) Огинский «тайно» прислал к послам А. Константиновича, сообщая, что передал королю их требования, однако тот «нимало на то (т. е. к ратификации договора. — *К. К.*) склонности своей не показал, но еще за постановленные вечного миру договоры и гнев великой от ево королевского величества он, канцлер, приемлет». Этим М. Огинский оправдывал то, что не смеет добиваться у короля скорой аудиенции для русских послов. Он просил об официальном письме к себе, «чтоб ему <...> упоминатца королевскому величеству об них было незазорно». Послы немедленно написали М. Огинскому, требуя, чтобы король принял их как можно скорее. В противном случае они грозили выехать обратно в Россию, что приведет к разрыву Вечного мира по вине Речи Посполитой. В ответном письме (получено русскими дипломатами 9 ноября (30 октября)) М. Огинский вновь нападал на запорожского гетмана. Теперь И. Самойловича обвиняли в том, что он «не возбранял» выходу из Крыма татарской орды вопреки договору о Вечном мире и союзе, вел переговоры с ханом о принятии его протектората, «чрез посолства к его королевскому величеству с великим престолу его королевского величества безчестием в некие договоры хотел вступать», а ныне «рубеж себе по Случь реку ищет и занимает». В результате королю пришлось тяжело во время похода в Молдавию, и сейчас ему необходимо «учинить отпочивание» [86].

11 (1) ноября литовский канцлер вернулся из Стрыя во Львов, сообщив послам, что хотя король выехал в Жолкву, но скоро примет их и «постановленные Вечного миру договоры подтвердит» [87].

Постепенно среди шляхты распространялась информация об условиях Вечного мира. «Dopiero się pokazują ciężkie w traktatach na Rzeczpospolitą condycje <...>, król Jmć haeret co z tym czynić» *, — сообщалось в «авизах» из Стрыя от 6 ноября. В этих условиях, когда среди шляхты крепло недовольство подписанным в Москве договором, даже такой сторонник соглашения с Россией, как М. Огинский, не решался открыто агитировать за его ратификацию [88]. Королевская пара не спешила во Львов, где Яна Собеского ожидали русские послы, направившись из Стрыя в Жолкву. Не спешил, видимо умышленно, приезжать ко двору и К. Гжимултовский [89].

В Москве такое затягивание ратификации договора вызвало беспокойство. Там решили ускорить дело. В сентябре в Речь Посполитую был направлен новый гонец — Василий Клобуков. В высланной с ним царской грамоте Яну Собескому планировавшийся в 1687 г. поход русских войск на Крым ставился в непосредственную зависимость от удара польско-литовских войск на Буджацкую орду. Россия предполагала начать наступление на полуостров в марте, соответственно, в это же время должны были начаться и боевые действия польско-литовских войск. В противном случае поход русской рати, говорилось в грамоте, будет отложен «для того, что от наших царского величества великороссийских и малороссийских го-

* «Только сейчас обнаруживаются тяжелые условия договора для Речи Посполитой <...>, король не знает, что с этим делать».

родов как до Перекопи так и до иных крымского юрта мест в пути будут многие безводные места и иные трудности, чего войску поднять будет невозможно». Кроме того, в случае начала похода позднее марта Османская империя может успеть прислать помощь своему союзнику: «...в Перекопь так и в Казыкермень и в ыные места на оборону крымскому юрту свои турские силы как пехотные так и конные». О своей готовности вывести в поле войска в марте цари просили незамедлительно объявить в ответном послании. Царскую грамоту В. Клобуков отдал русским послам, которым предписывалось вручить ее королю и заявить, что, если польские войска не выступят в назначенное время, Россия ограничится такими же масштабами боевых действий, как и в 1686 г.[90]. Русская дипломатия пыталась действовать и неофициально, через А. Константиновича. Е.К. Неронович-Шпилёвский сообщал С.А. Щуке в декабре 1686 г., что Москва, недовольная долгим отсутствием ратификации Вечного мира, дала знать об этом А. Константиновичу (видимо, через смоленского воеводу), требуя от него ускорить процесс. Кроме того, он сообщал, что русские войска на границе с Литвой приведены в боевую готовность «inquantum by JKmś nie wykonał przysięgi, zaraz nas pogranicznych, żadną gotowością, ani fortecami nie obwarowanych grożą pożerać»*[91]. Последнее утверждение представляется данью традиционному страху пограничной литовской шляхты перед новой войной с Россией.

13 (3) ноября русским послам было объявлено, что король назначил депутацию сенаторов для переговоров с ними. Послы отказались вступать в какие-либо переговоры прежде ратификации договора и угрожали прекращением начатой в России мобилизации войск для похода на Крым[92].

В своей борьбе за ратификацию Вечного мира литовский канцлер нашел такого могущественного союзника, как коронный гетман С. Яблоновский. 25 (15) ноября послы отправили к С. Яблоновскому и М. Огинскому К. Нефимонова. Он объявил им содержание присланной с В. Клобуковым грамоты. Оба сенатора заверили присланного «с великою клятвою», что «хотя де и имел его королевское величество о присяге свое некакое противное намерение, толко де его королевскому величеству не учинить присяги невозможно, что <...> ево королевского величества и Речи Посполитой послы учинили договор и постановление о вечном миру и о союзе по данной себе от ево королевского величества полномочной грамоте и полной мочи от всей Речи Посополитой». «И на том они гетман и канцлер ныне стоят крепко», — докладывал русским дипломатам К. Нефимонов. По словам С. Яблоновского и М. Огинского, они заручились поддержкой луцкого епископа Станислава Витвицкого и краковского воеводы Щенстного Потоцкого, а кроме того, решили «иных сенаторей подговаривать и приводить к тому...»[93]. В ходе этой же встречи Огинский «особно» заявил Нефимонову, что «есть ли де королевское величество присяги о содержании того вечного миру и союзу ныне не учинит и княжство де Литовское и он канцлер, отделяся от коруны полские поддадутся вам великим государем вашему цар-

* «в случае, если бы королевское величество присяги не принес, сразу нас, пограничных [жителей], к отпору неготовых, крепостями не защищенных, грозятся сожрать».

скому величеству без всякого розмышления»[94]. Стоит напомнить, что подобные обещания литовских магнатов звучали не впервые. Аналогичное заявление сделал в 1673 г. в Вильне русскому гонцу, подьячему Посольского приказа Максиму Гавриловичу Бурцеву в ходе приватной аудиенции литовский гетман М. Пац[95]. Уже упоминавшийся М. Плосковицкий также заверял в 1683 г. гонца С. Дядкина, что «от самой Вильны до рубежа (т. е. границы с Россией. — *К. К.*) всякие тамошние жилецкие люди желают быть по прежнему за великим государем в вечном подданстве»[96]. Подобные высказывания со стороны литовских магнатов и их клиентов свидетельствовали, по нашему мнению, не о готовности присягнуть царю, а об их попытках, с одной стороны, не допустить обострения отношений России и Речи Посполитой, а с другой — получить, благодаря особым отношениям с восточным соседом, дополнительные козыри в своей политике по отношению к Короне.

Старания М. Огинского способствовать улучшению русско-польских, а точнее — русско-польско-литовских отношений и содействовать выполнению условий заключенного договора и ратификации его королем не мешали литовскому канцлеру публично критиковать некоторые его положения. Особенно его недовольство вызывала 9-я статья договора о русском покровительстве православным в Речи Посполитой, учитывая значительное их количество в Великом княжестве Литовском[97]. Позиция М. Огинского, впрочем, была довольно двусмысленна. Еще в письме из Можайска от 18 мая епископу варминьскому литовский канцлер «triumphowal z dzieła swego»*, т. е. по поводу заключенного Вечного мира[98]. Выше было приведено уже достаточно и других свидетельств активного содействия литовского канцлера заключению Вечного мира и вообще улучшению отношений с Россией, его тесных связей с Посольским приказом. Уже после ратификации договора в направленном В.В. Голицыну письме литовский канцлер сообщал о необходимости выплаты последней части предусмотренной договором суммы и напоминал об обещанном ему еще в ходе переговоров некоем «удоволствовании» (денежном вознаграждении) за содействие в заключении договора о Вечном мире и его ратификации[99]. Это еще раз подтверждает имевшие место какие-то тайные консультации между русским канцлером и его литовским коллегой в ходе московских переговоров.

Еще в августе 1686 г. М. Огинский в своих письмах королю настаивал на необходимости изготовления новой литовской печати, с которой были бы убраны названия отошедших к России по Вечному миру земель. Ян III ответил молчанием на эти предложения, и канцер пытался действовать через королеву Марию Казимиру[100]. Позднее, в конце 1688 — начале 1689 г. (незадолго до смерти), канцлер вновь писал Собескому по поводу приведения государственных печатей в соответствие с договором о Вечном мире. Предлогом к этому стал проезд через Речь Посполитую в Россию и далее в Китай троих французских иезуитов. В проезжих грамотах, которые иезуиты имели при себе, титулы царей были написаны в соответствии с договором о Вечном мире, однако на приложенной к документу малой коронной печати королевский титул был «старым», включавшим названия тех земель, от которых Речь

* «ликовал по поводу своего творения».

Посполитая отказалась «навсегда» в 1686 г. Протестуя против использования таких печатей, Огинский одновременно четко сформулировал свою позицию по вопросу отношений с Россией. «Wiadome iuż są Wej KrMci <...> pacta, iakowe z tym narodem stanęły według danej na sejmie instructiej. Łatwo ogień zapalić, ale zgasić go nie w naszym jest ręku. Kozacy Zaporożcy czterdziestego ósmego roku zaczęli rebellię, i <...> dotąd się wszystkie uspokoić nie mogą narody. I theatrum dimicationis uczynili u nas; że i teraz z tych wojen eluctari nie możemy» *, — писал он Яну III [101]. В конце концов, продержав иезуитов больше двух месяцев и, видимо, поняв, что не дождется соответствующей реакции из Варшавы, М. Огинский отпустил их в Москву. «Jednak ieżeli WaKrmć życzysz unikać offensas et ansas u naroda pełnego szkrupułów, — предостерегал он короля, — rozumiem że rozkazać raczysz nowe porobić pieczęci» **. [102]

16 (6) ноября вновь прибывший к Шереметеву и Чаадаеву С. Эзерковский спросил их от имени короля о здоровье, используя при этом новую форму царского титула согласно Вечному миру. Послы потребовали аудиенции и срочного «отпуска» Нефимонову. Пристав оправдывался тем, что аудиенция задерживается из-за отсутствия К. Гжимултовского ***, а «отпуск» гонца — из-за отсутствия канцлера Я. Велёпольского, у которого «печать корунная маестатовая». Терявшие терпение послы 20 (10) ноября вновь направили Нефимонова к С. Яблоновскому и польному гетману Анджею Потоцкому. Русский дипломат потребовал от сенаторов, чтобы они «совершенное ведомо <...> учинили», когда же Ян Собеский явится во Львов, где русское посольство ожидало его уже больше месяца. Нефимонов упирал на то, что Россия вступила в союз по призыву ведущих европейских держав: Австрии, Франции, Бранденбурга и Венеции. Оба коронных гетмана в который раз заверили присланного, что Собеский приедет через три дня «и невозможно де королевскому величеству не учинить присяги потому, что то дело надобно не толко его королевского величества государству, но и цесарскому величеству и всем окрестным государем християнским, и имеют они сенаторы непрестанно о том попечение, чтоб скорее то дело свершилось» [103].

Однако дело скорее не свершалось. Король не появился ни через три, ни через 8 дней. Теперь уже послы стали беспокоиться за то, что в случае срыва посольства дома их не ожидает ничего хорошего. Дознавшись, что против ратификации договора выступает часть сенаторов, на сторону которых склоняется и Ян III, они начали активно действовать через тех членов сената, кто поддерживал Вечный мир.

---

* «Известны ведь вашей королевской милости <...> договоры, которые постановлены с тем народом на основании данной на сейме инструкции. Огонь-то легко запалить, но погасить его не в наших силах. Казаки запорожские в сорок восьмом году начали восстание, и <...> до сих пор все эти народы успокоиться не могут, и такие разрушения у нас сотворили, что мы и теперь еще от тех войн оправиться не можем».

** «Однако если Ваша Королевская милость желаешь избегать вражды и повода к ней со стороны народа, столь щепетильного, — я думаю, что изволишь распорядиться изготовить новые печати».

*** К. Гжимултовский 8 ноября находился в Чарнкове, собираясь ехать во Львов через Варшаву (см. его письмо С.А. Щуке в: AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 331).

29 (19) ноября Нефимонов ультимативно заявил Анджею и Щенсному Потоцким, С. Яблоновскому и М. Огинскому, что если король не прибудет к 4 декабря (24 ноября), то послы выедут обратно в Москву, и это будет означать разрыв заключенного в Москве договора. Сенаторы пообещали, что немедленно соберутся и «учинят совет меж собою крепкой <...> а какое де и есть от ково при королевском величестве будущих тому добру нежелателство зачем по се время и отволока чинится, и тот непотребной их умысл они разрушат» [104].

Однако, несмотря на старания поддерживавших Вечный мир сенаторов, королевский двор продолжал свою дипломатическую «игру» с русским посольством с целью отложить ратификацию. Польская сторона использовала различные уловки, оттягивая срок официальной аудиенции, пыталась втянуть послов в переговоры до ратификации договора и т. д. Камнем преткновения стал и принципиальный для обеих сторон вопрос о царском титуле.

VII. 3 декабря (23 ноября) С. Эзерковский объявил, что король во Львове, однако с приемом русских послов, несмотря на обещания, Собеский по-прежнему не торопился. На следующий день в город прибыл очередной царский гонец — подьячий Василий Айтемирьев с царской грамотой королю. Он привез и уже известное нам письмо крымского хана от 6 сентября (27 августа), которое согласно указаниям из Москвы должно было служить главным свидетельством выполнения своих обязательств перед союзником в 1686 г. Послам предписывалось утверждать, что те крымские татары, которые в этом году таки выступили из Крыма на войну против польских войск, — только «малая часть», вышедшая «преж договоров постановленных и посланных наших войск на Запороже» [105].

Грамота Собескому подчеркивала важную роль России в кампании союзников против Османской империи, увенчавшейся взятием Буды: «...в чем и с нашей царских величеств стороны задержанием крымского хана явилас его цесарскому величеству также и вашему королевскому величеству великая помочь». Царское правительство считало, что условия договора в 1686 г. оно полностью выполнило. Грамота с поздравлениями со взятием Буды была прислана и для императора Леопольда [106].

Тем временем русско-польские споры продолжались. Польская сторона прежде «отпуска» Нефимонова и присяги короля на Вечный мир требовала официального «разговора» с русскими дипломатами о «нарушении» Вечного мира И. Самойловичем, соглашаясь в то же время дать в ближайшее время официальную аудиенцию Б.П. Шереметеву и И.И. Чаадаеву. Русская сторона заявляла, что прием послов до приема гонца невозможен, и требовала в королевской грамоте Нефимонову упомянуть о готовности Собеского принести присягу на Вечный мир. Кроме того, русские дипломаты требовали дать им предварительно «список» с текста королевской присяги. При этом особенно доставалось М. Огинскому, которого послы упрекали в нарушении «клятвенных обещаний». Канцер заявил присланному к нему 7 декабря (27 ноября) переводчику русского посольства Степану Чижинскому, что упоминать в королевской грамоте о присяге — значить дать «совершенное обязательство», которое без совета короля с сенаторами дано не будет. Он сообщил,

что во Львов съехались 27 членов сената «и имел королевское величество вместо сейму раду». На ней за подтверждение Вечного мира высказалось пока только 7 человек. Огинский надеялся, что некоторые сенаторы еще выступят в поддержку договора с Россией, т. к. сегодня они вновь планируют собраться у короля. «И когда та рада совершитца и его королевское величество и в грамоте своей к царским величествам по желанию их великих и полномочных послов написать велит. И посланному их царских величеств на отпуске быть укажет», — подытожил литовский канцлер [107].

Королевские предложения, вынесенные на обсуждение на рады сената, были посвящены отношениям с Россией и положению Речи Посполитой в Священной лиге: 1) Подтверждать ли Яну Собескому договоры с Москвой, если та уже сразу после заключения Вечного мира не выполнила своих обязательств по «задержанию» Крыма. 2) Как поступить в связи с действиями гетмана И. Самойловича, который не только до заключения Вечного мира писал Собескому «бунтовные» письма, но и теперь пишет к белоцерковскому коменданту, «узурпируя» господство над всей Украиной, сгоняя людей с земель Речи Посполитой, грабя пасеки на Правом берегу Днепра, требуя ликвидации должности правобережного гетмана и посылая к Яну III «отдельные посольства». 3) Мнение сенаторов испрашивалось и по поводу якобы сепаратных переговоров украинского гетмана с Крымским ханством. 4) Что делать с самим договором о Вечном мире, в тексте которого наряду с пунктами, одобренными Республикой, есть и имеющие двусмысленный характер и потому требующие дополнительных разъяснений, и включенные в него в результате превышения польско-литовскими послами полномочий, очерченных инструкцией. Одновременно в королевских предложениях сенаторам напоминалось, что договор заключен под давлением обстоятельств, ради союза, который так необходим «всему христианству». 5) Констатируя, что заключенный с Москвой союз принес больше пользы остальным членам лиги, нежели Речи Посполитой, которая своими военными усилиями в значительной мере обеспечила и нынешние (взятие немцами Буды и победы Венеции) и будущие успехи союзников, оплатив их к тому же уступками обширных «провинций», король предлагал сенаторам отправить вместе с русскими дипломатам и своего посла в Вену. Он должен представить императору всю важность роли Речи Посполитой в Священной лиге и добиваться соблюдения ее интересов при заключении русско-австрийского союза. 6) Сенаторы должны были высказать свои предложения касательно созыва сейма, поскольку время, когда он должен быть проведен, уже наступает, а приготовления к нему еще не начаты, а также по поводу подготовки армии к началу боевых действий уже в марте, когда русские войска двинутся на Крым, а польско-литовские согласно союзному постановлению должны будут ударить на Буджацкую орду. 7) Какие необходимо принять меры, чтобы не допустить нарушения Россией союзнических обязательств в кампанию 1687 г. [108].

На следующий день, 8 декабря (28 ноября), к послам неофициально, «воздаючи любовь», приехали К. Гжимултовский, М. Огинский и Александр Потоцкий, бывшие послами в Москве, чтобы проведать своих русских коллег по переговорам

о Вечном мире. Они заявили, что «желают <...> то дело привести к совершению, х крепчайшей междо обоими великими государи дружбе и любви как скорее возможно». Они повторили послам уже звучавшие аргументы о причинах того, почему посольство до сих пор не принято, и напомнили, что М. Огинский в своих письмах предупреждал В.В. Голицына не спешить с его высылкой. Прозвучали и новые обвинения против И. Самойловича: «Да и то де он Иван Самойлович к белоцерковскому коменданту написал, что чинены о вечном миру договоры без ведома ево и не со удоволствованием войску запорожскому и теми договорами он доволствоватца не хочет, потому что многие войска запорожского земли уступлены в сторону королевского величества, и естли ему те земли возвращены не будут, и он того терпеть не будет и по тем де того Самойловича писмам мочно выразуметь, что намеривает он особное владение иметь а не царского величества в подданстве быть». Кроме того, Гжимултовский и Огинский заявили, что Самойлович «посылал за Днепр к Немирову и в ыные места» четыре казацких полка, разорявшие правобережные земли. Предъявили поляки и само письмо гетмана к О. Раппе — уже разбиравшееся нами ранее послание от 26 августа. Такое толкование письма гетмана смутило русских послов — сначала на всякий случай они объявили письмо поддельным и составленным для того, чтобы «милость великих государей их царского величества от него гетмана умалить», а потом, прочитав, стали отстаивать уже ранее озвученную ими версию, что гетман просто просит короля о «милости» и ничего противного царской воле в этом нет[109].

Русские дипломаты согласно инструкциям, полученным с В. Клобуковым и В. Айтемирьевым, заявили о готовности русских войск к походу, о направлении судов с провиантом из Брянска и Смоленска в Киев и на Запорожье для планирующегося весной следующего года похода (суда эти, как отмечалось в предыдущей главе, ждали в Киеве с июля, но в октябре их еще там не было). Однако если присяги короля не будет — грозили послы, — назначенные посольства во Францию и другие с целью расширения антиосманской коалиции будут отменены, русские войска никуда не двинутся, да и в случае чего царям «обновить мир с салтаном турским и с ханом крымским возможно без всякие трудности». Московские дипломаты ставили в зависимость от соблюдения русско-польского союза позицию Франции, сообщив о том, что Османская империя якобы предлагает Версалю союз, и если Ян III не принесет присяги, то «король французской по давнему своему желателству в союз к салтану турскому склонитца». Такая преувеличенная оценка была вполне в духе голицынской дипломатии. Послы настаивали, что обязательства по договору Россия в 1686 г. выполнила полностью, сообщив польско-литовским дипломатам об имеющемся у них тому подтверждении — письме крымского хана. Казаков гетман если и направлял на Правобережье, то исключительно против крымских татар, а «пересылки» с Бахчисараем велись по причине взаимного задержания дипломатов крымской и русской сторонами. Напоследок познанский воевода пообещал послам, что о королевской присяге «радеть они учнут»[110].

Однако явившийся в тот же день к послам С. Эзерковский передал им королевское требование о проведении переговоров прежде присяги. Послы категори-

чески отвергли это требование и даже перешли к угрозам в адрес Речи Посполитой: «...и те царского величества рати (собранные в крымский поход. — *К. К.*) вотще роспущены не будут, а обратятца для отыскания тех множественных убытков в которую сторону укажут великие государи»[111].

Одновременно в эти дни Шереметев и Чаадаев продолжали свою деятельность по склонению на свою сторону польских и литовских сенаторов: «...послы посылали ко многим сенаторем и многим же знатным людем говорили, что б королевское величество и иные особы, которые нежелатели добра всему християнству желаемому делу непристойными отволоками замедления не чинили <...> и домогались всякими мерами чтоб они королевскому величеству о том советовали и приводили к тому, чтоб королевское величество по договором вечного миру учинил присягу без замедления»[112].

Известно выступление на раде сената серадзкого воеводы Яна Пенёнжка. Ян Пенёнжек произнес длинную речь с подробным анализом договора о Вечном мире и последствий его заключения. Он отметил невыгодность договора для Речи Посполитой, в особенности союзных статей, отдающих Крымское ханство «в добычу» Москве. Покорение ханства русскими войсками, превращения хана в вассала русских царей приведет к сильному росту могущества и влияния России в восточноевропейском регионе и, соответственно, к падению значения Речи Посполитой, считал он. Особенно вредной считал Ян Пенёнжек 9-ю статью договора, дающую право киевскому митрополиту рукополагать православных епископов Речи Посполитой.

Несмотря на тяжелые условия договора, по мнению серадзкого воеводы, все же следовало ратифицировать Вечный мир, т. к. в противном случае Польско-Литовскому государству угрожала бы война с Россией. Я. Пенёнжек, тем не менее, предлагал добиваться пересмотра условий трактата, опираясь на союзников по Священной лиге и шантажируя их возможностью заключения мира с Османской империей[113]. Настроения, возобладавшие среди сенаторов, весьма точно сформулировал коронный подскарбий М. Замойский: «Pacta złe, ale kiedy sposobu nie masz pod czas wojny tureckiej, trudno ich reicere»*. Он выступал и за то, чтобы признать те положения Вечного мира, на которые, по мнению королевского двора, польско-литовские дипломаты не имели полномочий, как возникшие под влиянием неизбежных обстоятельств, а также против немедленного созыва сейма[114].

В итоге сенаторы склонились к необходимости ратификации договора королем, поскольку из-за «враждебности с Севера» она не может быть отложена до сейма. А сам сейм решено было также отложить под предлогом необходимости быстрого приготовления к новой военной кампании. Ян Собеский «dura necessitatij coniunctiorum ciężkich okoliczności ulegając rad nie rad przysięgę wykonać musi tę publiczną»**, — констатировалось в senatus consulta. Было решено добиваться смягчения некоторых наиболее тяжелых для Речи Посполитой условий русско-польского договора в ходе будущих переговоров с посольством Б.П. Шереметева и требовать

---

* «Договор плох, однако из-за войны с турками никакой возможности отклонить его нет».

** «под давлением тяжелых обстоятельств, хочет не хочет, но должен принести присягу».

от русских дипломатов дополнительных обязательств соблюдения союзных постановлений. Сенаторы поддержали двор в намерении послать к государям — членам Священной лиги, и в первую очередь к папе, послов, чтобы разъяснить им, на какие убытки ради союзников пошла Речь Посполитая, заключив мир с Россией, и потребовать от них территориальных компенсаций за счет турок в ходе будущих мирных переговоров с Османской империей [115]. Послом в Вену был назначен один из приближенных польской королевы — перемышльский епископ Ян Збонский [116].

10 декабря (30 ноября) русским дипломатам было объявлено об окончании длившейся несколько дней рады сената и готовности короля «отпустить» на следующий день К. Нефимонова, а 12 (2) декабря принять самих послов. Добиться включения в королевскую грамоту для гонца обязательств короля принести присягу русской стороне так и не удалось.

«Отпуск» Нефимонова состоялся, как и было обещано. Обсуждая с русскими дипломатами церемонии их официальной аудиенции, польская сторона предлагала им «подойти к руке» во время нее не только Яна III, но и королевича Якуба. Однако послы отказались пойти на такой шаг под предлогом того, «что у королевского величества сенатори королевичю равной против королевского величества чести не воздают и к руке к нему не ходят». В тот же день произошло и еще одно заслуживающее внимания событие. М. Огинский через присланного шляхтича Станислава Милевского будто бы по указу Яна III объявил русским, что живший в Крыму 8 лет ксендз, находившийся там «для исповеди полоняников, которые полские люди ныне в Крыму в неволе», отпущен из Бахчисарая вместе с ханским послом Сеин-агой. Речь, несомненно, идет о Костанецком. «А чает он канцлер, — сообщал человек М. Огинского, — что послал хан того посла <...> для договору о миру» [117]. Эта информация подтверждалась и ездившими в ноябре 1686 г. в Крым с царской грамотой запорожским казаком Иваном Богацким и сумским Григорием Сабченко. Они сообщали, что во время их пребывания в Крыму «хан крымской ксенза полского, которой был в Крыму в полону дав под него карету отпустил ис Крыму х королю полскому говорить о миру». Ханский толмач, ранее «руской породы жител <...> малороссийских городов местечка Лысенки», по секрету сообщил казакам, что указанный ксендз был прислан в Крым весной (скорее всего, ему была прислана королевская грамота хану вместе с Т. Голчевским, сомнительно, чтобы Костанецкий покидал Крым в 1683–1684 гг.), но тогда по приказу хана он был закован в кандалы «и во все лето ходил все в кандалах», а теперь вот отпущен с «великою честию» [118]. Сам Костанецкий жаловался, что был действительно на некоторое время закован в кайданы, в письме Яну Собескому от 12 июня 1685 г. [119]. Сеин-ага действительно привез письмо ханского визиря Батыр-аги (от 26 октября), адресованное не названному по имени коронному подканцлеру (в Крыму не знали, кто в данный момент занимает этот пост). Речи Посполитой напоминалось о давних дружеских отношениях двух государств. Батыр-ага заявлял, что хан желает «aby z obu stron stateczny mógł bydź święty pokój»* и готов выступить посредником в

* «чтобы с обеих сторон постоянный мог быть святой мир».

польско-османских переговорах. Бахчисарай предлагал польской стороне не откладывая, выслать своих послов к хану, снабдив их соответствующими инструкциями, заверяя, что султан подтвердит заключенный договор [119а]. Татарского гонца отказались официально принимать до отъезда из Львова российского посольства, несмотря на его настойчивые требования. Прибывшего татарина навестил один из русских послов, заявив ему, что он приехал слишком поздно. Сеин-ага будто бы ответил, что татарские сабли вместе с польскими немало порубили русских голов и еще немало нарубят. Разозлившись, русский пообещал, что в следующем году московская армия опустошит Крым «огнем и мечом» [120].

Таким образом, польско-крымские контакты не окончились с неудачей миссии Т. Голчевского, более того, теперь, со вступлением России в войну против Османской империи и Крымского ханства, они могли приобрести характер посредничества между Стамбулом и Варшавой в деле заключения сепаратного мира.

12 (2) декабря состоялась аудиенция посольства в присутствии 21 сенатора. Послов вместе с Яном III приветствовал и королевич Якуб, однако русские дипломаты, как и было обещано, «х королевичю подступя поклонилися, а у руки не были» [121].

Несмотря на все ухищрения, русским дипломатам не удалось избежать «ответа» или официальной встречи с польско-литовской делегацией до принесения Яном Собеским присяги на Вечный мир. Объявивший им об этом С. Эзерковский сообщил, что польский король не только примет их в своих покоях, но и распорядился, чтобы послы были при саблях «для того, что у великих государей у их царского величества с его королевским величеством вечной мир и союз и опасения никакова иметь не надобно». 14 (4) декабря встреча состоялась: «...и как великие и полномочные послы перед королевское величество пришли и в то время королевское величество стал, а с левую сторону королевского величества стоял королевич Яков <...>. И королевич Ияков спрашивал про здоровье великих государей <...> стояж и сняв шляпу». В состав польско-литовской делегации, назначенной для переговоров с русскими послами, вошли М. Огинский, М. Замойский, надворный литовский маршалок князь Ян Дульский, С. Витвицкий, Щ. Потоцкий, К. Гжимултовский, Ю. Слушка, Я. Пенёнжек, С. Яблоновский, Я. Гнинский-младший, С. Друшкевич и Щенстный Парис, любельский каштелян. Вновь прозвучало предложение польско-литовской стороны провести переговоры прежде королевской присяги. Русские послы услышали новые подробности о деятельности казацкого гетмана. При походе казацких полков на Правобережье будто бы было уничтожено 500 пасек, а сам Самойлович «Волынь и Подолье во владении своем имети замышляет», а из царского подданства хочет «свободитись». За бесчестье Яну Собескому, нанесенное письмами Самойловича, польско-литовские дипломаты требовали учинить гетману «карание». Сенаторы доказывали, что в 1686 г. Россия не оказала Речи Посполитой обещанной по договору помощи. По сведениям польско-литовской стороны, возможно полученным от Костанецкого, крымские татары «ведая воинское с стороны царского величества на Крым наступления хотят вывесть из Крыму жен своих и детей за море и оставить Крым пуст, а сами готовятца идти войною на государство королевского величество». В связи с этим польско-литовская сторона требовала

«учинить договор и постановление какими б лучшими способами тех крымских татар до того не допустить». Получив категорический отказ русской стороны, сенаторы стали требовать «обнадежить их <...> не толко словом своим посолским, но и руками подписатись», что все поднятые проблемы будут «успокоены» после присяги Ян III, угрожая, что если похода на Крым не будет, то «и тогда де и присяга королевского величества будет не в присягу и договоры не в договоры». Добиться, однако, ничего не удалось: русская делегация считала, что в заключении нового договора нет необходимости и какое-либо письмо дать отказалась[122]. В конечном итоге 17 (7) декабря на русский посольский двор приехал регент коронной канцелярии С.А. Щука (в русских источниках ошибочно Павел), пообещавший, что Ян Собеский принесет присягу, «не принуждая их <...> ни в какие розговоры», попросив при этом послов дать слово после присяги «в дела <...> вступить и договоры о нужных статьях учинить». Русские дипломаты дали требуемое слово.

Дальнейшее время до ратификации договора прошло в спорах касательно сверки «подтвердительных» грамот на Вечный мир царей и короля. Причем из-за ошибок переводчика М. Огинского, Самуила Рожицкого, царские дипломаты отказались от церемонии ратификации 21 (11) декабря, требуя перенести ее на следующий день, после внесения в грамоту короля необходимых исправлений. М. Огинский приехал к послам и очень просил их изменить решение: «...и говорил с великим прошением, чтоб они <...> послы у королевского величества на подтверждении были и присяги выслушали и у стола были сего числа. Стол де уже вдругие для их <...> послов у королевского величества изготовлен (первоначально присяга и соответственно банкет планировались на 20 (10) декабря, но из-за ошибок в польском варианте ратификационной грамоты день присяги Яна III был перенесен. — *К. К.*) и королевское величество зело гневен на него канцлера, что в подтверждающей грамоте учинились неисправления <...> и сенаторы все за то на нево канцлера зело досадуют и появится ему х королевскому величеству невозможно». Литовский канцлер обещал, что грамота будет обязательно переделана задним числом и вручена послам, выражая готовность дать послам письменное обещание за своей подписью. Русские дипломаты отказывались, в конце концов был найден компромисс: русская делегация согласилась в этот день быть «у стола», а принять присягу на следующий день[123].

Между тем во Львов 18 (8) декабря пришел очередной пакет царских грамот из Москвы. Среди них была «роспись» царским войскам, которые должны были выступить в поход на Крым. Во главе Большого полка встал В.В. Голицын, в «товарищи» ему даны: ближний боярин и наместник белгородский князь Константин Осипович Щербатов, ближний боярин и наместник серпуховской Венедикт Андреевич Змеев, думный генерал Аггей Александрович Шепелев, думный дьяк Е.И. Украинцев. В состав Большого полка должен был войти и севский полк ближнего окольничего Л.Р. Неплюева. Новгородский разряд возглавляли ближний окольничий, наместник великопермский А.С. Шеин и ближний окольничий князь Данила Афанасьевич Барятинский. Рязанским разрядом командовали ближний боярин, наместник черниговский Владимир Дмитриевич Долгоруков и ближний окольничий,

наместник шацкий П.Д. Скуратов. «Низовые рати» и калмыцкие отряды были поручены стольнику и воеводе Ивану Юрьевичу Леонтьеву. В походе должен был участвовать и Иван Самойлович с казацкими войсками. Выступить войска должны были в марте 1687 г. Послам предписывалось объявить о том польско-литовским сенаторам и «цесарским ближним людям». Также им указывалось заявить в Варшаве и в Вене, что французский король через русского посла «обнадежил, что <...> помешки против наступления християнского на неприятеля креста святого <...> никакой не учинит». Для более конкретной информации послам были прислан статейный список посольства Алмазова. Для Венеции и Австрии также были присланы грамоты с объявлением о Крымском походе[124].

Длившаяся несколько дней рада сената не положила конец спорам. 19–20 декабря сенаторы собрались вновь. На новом заседании сената выступил один из главных творцов договора — познанский воевода К. Гжимултовский. Глава польско-литовского посольства в Россию напомнил собравшимся сенаторам, что в условиях войны с Портой отказ от ратификации Вечного мира грозит тем, что к войне с «Востоком» добавится война с «Севером». Познанский воевода резко осудил лицемерие тех магнатов, кто подписал инструкцию, предписывавшую «купить» антиосманский союз ценой уступки Москве на условиях «вечного» мира восточных провинций, а теперь выступает против договора. Одной из веских причин заключения договора Гжимултовский назвал требование литовской шляхты заключить с Россией прочный мир. Он напомнил собравшимся угрозу уже покойного к тому времени Яна Кердея, что в случае, если мир с Россией заключен не будет, то литвины будут встречать русские войска не саблями, но хлебом и солью. Гжимултовский считал, что этому нечего удивляться, поскольку Москва ведет себя в отношении Литвы, как некогда в отношении римлян поступал Октавиан Август, который после своих побед отказался от звания триумвира и, оставшись консулом, сумел покорить «своими щедротами воинов, раздачами хлеба — толпу и всех вместе — сладостными благами мира» (здесь Гжимултовский процитировал «Анналы» Тацита), исподволь готовя тем самым установление абсолютной власти. Суть этой красочной метафоры была, видимо, с одной стороны, в том, что российская дипломатия обещала литовским магнатам прочный мир в случае окончательного признания за Россией границ 1667 г., а с другой — что царское правительство охотно принимало на службу выходцев из Великого княжества Литовского, чья территория была географически наиболее близка к России, и при всяком удобном случае демонстрировало литовской шляхте выгоды нахождения под властью русского царя.

Кроме того, познанский воевода указывал на то, что в случае, если бы польско-литовское уехало из Москвы, не заключив договора, то новая русско-польская война была неизбежна. Последнее замечание Гжимултовского было вызвано не только желанием сгустить краски, но и имело под собой реальные основания, если вспомнить, что в русском правительстве было немало сторонников войны с Речью Посполитой.

Можно ли быть уверенными в близости мира с турками, имеет ли Речь Посполитая средства снарядить литовские войска для обороны русско-литовской границы, поддерживают ли поляков украинские казаки, чтобы можно было позволить се-

бе разорвать заключенный с Россией Вечный мир? — риторически вопрошал Гжимултовский сенаторов[125]. Его выступление, видимо, окончательно убедило сенат и короля в необходимости ратификации договора.

«Роспись войскам», присланная русским дипломатам, оказалась весьма кстати. На приеме 21 (11) декабря Ян Собеский поинтересовался, как идет в России подготовка к весеннему походу на Крым «и кто при ратях будут воеводы». Послы немедленно огласили полученный из Москвы документ. На банкете Ян Собеский «сидел <...> за столом в креслах под балдахином, а по левую сторону королевского величества сидел королевич Ияков». В дальнейшем он присутствовал на всех церемониях с участием русских послов[126].

22 (12) декабря Ян Собеский в торжественной обстановке ратифицировал договор о Вечном мире и союзе с Россией. После окончания церемонии литовский канцлер объявил послам, что официальный «разговор» с ними состоится на следующий день[127]. Для ратификационной грамоты с текстом договора, врученной королем послам, были специально изготовлены печати, надписи которых уже не включали названий «навечно» уступленных России земель[128].

Три «раунда» русско-польских переговоров, состоявшиеся 23 (13), 24 (14) и 29 (19) декабря, не привели к каким-нибудь особенным результатам. Первоначально каждая из сторон выдвинула свои требования. Русская сторона согласно инструкциям требовала передачи земель на Правобережье, оговоренных 7-й статьей Вечного мира, чтобы «в епархиях благочестивые грекороссийские веры монастыри и церкви от униатов были освобождены и уволнены», православные епископы получали благословение от киевского митрополита, чтобы казаки — выходцы с Левобережья были отпущены из королевского войска «в домы свои», чтобы король указал «счистить» надпись «в палате, в которой бывают на приезде иных государств послы и посланники», сделанную «на укоризну российскому царствию по царствовании царя и великого князя Василия Ивановича». Кроме того, московские дипломаты предложили провести в мае–июне 1687 г. межевание границ между двумя государствами и обменяться резидентами.

Польско-литовская делегация с завидным упорством требовала «учинить казнь без милосердия» И. Самойловичу, который «дерзнул» нарушить Вечный мир сразу после его заключения. Русские послы, более тщательно изучившие к тому времени письма гетмана, почти полностью восприняли содержавшуюся в них аргументацию. Даже если письма гетмана и настоящие, заверяли они своих польско-литовских коллег, никакого «бесчестья» королю в них не содержится — гетман лишь «о землях, которыми Хмелницкой владел, просил <...> королевского величества милосердия за многие свои труды, которые до сего времени над неприятелем под Чигирином и в ыных местех имел и впредь чинить не престанет». Разгром пасек и прочие «заезды» русские дипломаты объявили делом порубежных судей, предъявив и свои претензии: захват земель на русско-литовской границе в районе Смоленска, Пусторжева, Пскова.

Столкнувшись с претензиями русской стороны на часть Правобережья, сенаторы Речи Посполитой категорически отказались вести переговоры об уступке

спорных территорий, заявив, что «ныне никаких городов и земель в сторону царского величества уступить невозможно», более того, и за признание Речью Посполитой границы 1667 г. необходимо «со стороны царского величества его королевскому величеству награждение учинить и совершенной их царского величества ратными людми учинит под Крым воинской промысл неотложно».

Без сомнения, одной из наиболее важных проблем русско-польских переговоров декабря 1686 г. стал вопрос о правобережных землях. Русская сторона использовала уже опробованную тактику, заявляя, что Турция уступила правобережные земли России по Бахчисарайскому договору 1681 г. Польско-литовские дипломаты в ответ также выдвинули известные аргументы, заявив, что «те земли [по Журавненскому договору 1676 г.] оставлены быти имеют казаком, которые казаки в подданстве у королевского величества, а не у салтана турского». Они не признавали права России на эти земли, считая, что после начала войны с Портой все договоры с ней Речи Посполитой являются недействительными, поэтому османы уступили царю «чужие» земли, которые для России «неприбылны и непотребны». В этой ситуации русская сторона прибегла к новым доводам, заявляя, что благодаря русской помощи Речь Посполитая получит Валахию и Молдавию — за такие территориальные приобретения король вполне бы мог уступить России «те гродки», которые уже были под властью царей (в 1676–1677 гг.). Русские послы утверждали, что требуемые ими земли «исстари были казацкие» и якобы даже до восстания Богдана Хмельницкого ни польская, ни литовская шляхта не имела там владений. Казачество же пользовалось указанными территориями «безо всякой помешки <...> и ныне до тех всех земель и пасек и сенокосов там обретающихся свидетели и самые хозяева продедов и дедов и отцов своих по владению и по старине яко есть прямые тем землям наследники в малороссийских городех живут». В ход был пущен и «свежий» аргумент: основываясь на статьях недавно заключенного Вечного мира, закреплявших за Россией обширные территории вокруг Киева и Запорожье, послы утверждали, что теперь в царском подданстве находятся казаки по обеим сторонам Днепра, а требуемые территории «по договором з бывшими гетманы и з запорожскими казаки с стороны королевского величества уступлены были им казакам, и в соблюдении при их войске были».

Польско-литовская сторона возражала, что казаки живут и под королевской властью — в Немирове, около Белой Церкви и Паволочи. При этом заявлялось, что Собеский укажет выбрать им гетмана и заселить спорные территории, что прямо противоречило 7-й статье Вечного мира. Отсутствие на тех землях имений шляхты объяснялось тем, что, поскольку казаки были у нее в подданстве, «и шляхте с ними жить непристойно». Сенаторы потребовали заключить договор об уступке территорий вдоль Днепра Речи Посполитой. Столкнувшись с этим, русская делегация попробовала добиться своего, предложив передать России эти земли пустыми, так, чтобы «владеть бы на тех землях царского величества подданным всякими угодьи без поселения». Польско-литовские дипломаты отказались даже «доносить» об этом Яну III. В итоге яростные споры закончились тем, что обсуждение указанной проблемы решено было отложить на неопределенный срок.

В целом стоит отметить, что русская сторона полностью поддержала требования И. Самойловича, хотя предъявленное поляками письмо гетмана к О. Раппе оказалось для русских послов непрятной неожиданностью. Однако они быстро сориентировались, поняв, что никаких особых доказательств «посольств» гетмана к королю и его «трактатов» с крымским ханом польская сторона не имеет и все ее обвинения в адрес Батурина были, по большому счету, голословны. Думается, что главной целью усилий польской дипломатии было посеять недоверие между Москвой и Батуриным, представить И. Самойловича как главного виновника несоблюдения Россией обязательств по договору о Вечном мире.

Польско-литовская делегация отказалась выслать межевых судей до сейма, выразив согласие лишь на съезд пограничных судей; резидентов предложила выслать по два человека с каждой стороны — для нахождения в столице государства и в действующих войсках. По поводу двух резидентов русские послы отказались принять решение, ссылаясь на отсутствие инструкций. На остальные требования русской стороны было заявлено следующее: 1) Отрицались какие-либо гонения на православие, приводились в пример новые православные церкви, построенные в Жолкве и других городах, в то же время утверждалось, что ни к принятию унии, ни к отказу от нее никого не принуждают и впредь не будут. 2) Казакам с Левого берега, находящимся у себя на службе, король указал дать «волю», но насильно на Левобережье никого возвращать не собираются. 3) Что касается позорящей Россию «надписи», то ее было обещано уничтожить в знак русско-польской дружбы при условии выполнения Россией условий военного союза.

Вся последняя официальная встреча 29 (19) декабря была посвящена выработке плана совместных военных действий на будущий год. Точнее было бы сказать, что предлагала польско-литовская сторона, а московские дипломаты, не будучи готовы к таким разговорам, внимательно слушали и записывали. Для выработки плана король созвал раду сената, о чем пристав С. Эзерковский объявил послам 28 (18) декабря. Несомненно, что решающая роль в выработке плана принадлежала самому Яну Собескому.

Прежде всего, сенаторы отвергли план совместной кампании, предложенный русской стороной. Они заявили послам, что в марте польско-литовским войскам, т. е. синхронно с царскими, выступить в поход невозможно. Если на пути царских войск на Крым «в зимние времена <...> нужи никакой жилыми местами не будет», то дорога, по которой планирует наступать армия Речи Посполитой, разорена, трава там появится только в мае, не раньше. Однако, твердили сенаторы — «и в мае месяце тот путь войскам королевского величества зело тягостен и нужен, и переправы многие, Прут и Днестр — реки великие чрез которые и переправитца войскам вскоре невозможно, а о королевском величестве все государи христианские знают, что <...> всякие военные способы знает». «Способы» эти заключались в следующем. Царским войскам, в случае если они вторгнутся на полуостров, угрожал бы удар с тыла — от белгородских татар, и с моря — от турок, которые смогут перебросить войска из Константинополя в Кафу в короткий срок, через «одну толко проливу Черного моря». После этого противник получил бы возможность

атаковать армию Речи Посполитой. Поэтому в 1687 г. царские войска, согласно королевским планам, сначала должны были переправиться через Днепр в районе Крылова и, двигаясь вниз по правой стороне реки, уничтожить «турские вновь построенные городки». Части русских войск предлагалось, перейдя Днепр «блиско Сечи на Кучкасе где напред сего мост бывал», ударить на Очаков. Взятые крепости необходимо было снабдить гарнизонами и провиантом и таким образом обезопасить свои тылы. После этого, считал Ян Собеский, можно было вторгаться и в Крым, причем в том же году. Король предупреждал Россию, что для ведения на полуострове военных действий необходимо иметь сильную артиллерию, поскольку «Кафа и иные крымские городки зело крепки». Сообщили русской стороне и о других ожидающих русские войска трудностях: «...да и воды в Крыме мало, которые и есть колодези и те татаровя засыпают а в ыные и трутизну мечут, а за Перекопью де до Алмы самыми безводными месты ходу три дни. Да и не допуская Перекопи крымские татары встретят и бой на поле дадут». Вот одновременно с таким ударом на Крым и даже раньше («прежде крымского походу») польское командование выражало готовность ударить на Белгородскую орду и, захватив ее территорию, «укрепить бы ратными людьми». «Для лутчие надежности» предлагалось установить тесную связь между русскими и польскими войсками, а в случае прихода на помощь белгородским татарам турок польская сторона просила Россию предоставить вспомогательный корпус численностью от 20 до 30 тыс. человек. Одновременно с ударом русских по Крыму, а поляков по Буджаку донские казаки могли напасть на Азов.

Русские послы, сначала сгоряча заявившие, что если польские войска в марте не выступят, то Россия ограничится «промыслом», как в 1686 г., в конце концов признали, что предложенные польско-литовской стороной «способы» «небезделны». Однако, не имея полномочий заключить договор о совместных военных действиях, в т. ч. и с резидентами Венеции и Австрии (как предлагали поляки), они отказались, отговорившись тем, что проблему эту надо было обсуждать на переговорах о союзе в Москве. Сенаторы заявили, что представленный ими план будет изложен в королевской грамоте царям.

В ходе прошедших переговоров русская делегация также предъявила польско-литовским коллегам подлинную грамоту крымского хана (сенаторы внимательно осматривали ее, и внимательней всех — коронный гетман С. Яблоновский), «роспись войскам», назначенным в Крымский поход, и сообщила о результатах посольства С. Алмазова во Францию, потребовав, в свою очередь, объявить о целях миссии прибывшего недавно во Львов татарского гонца. Польско-литовские дипломаты сообщили, что гонец еще не получил аудиенции, но есть предположение, что прибыл он с мирными предложениями. Послы напомнили об обязательствах сторон не вести сепаратных мирных переговорах с Портой и Крымом. Позднее, 30 (20) декабря, С. Эзерковский уведомил русских дипломатов, что до аудиенции ханский посол согласился отдать только письмо от визиря Батыр-аги, в котором сообщалось, что русско-польские соглашения «ему хану противны», что хан готов с Яном Собеским «быть в дружбе по-прежнему». По словам польского пристава,

татарин заявил, что, пока он не будет отпущен, хан воздержится от ведения военных действия против Речи Посполитой и поэтому король дал распоряжение задержать крымского посла до весны, чтобы в итоге отправить его назад «ни с чем». Слабо верится, что в Бахчисарае действительно были готовы воздержаться от набегов на польские земли. Скорее татарский посол при королевском дворе нужен был Яну III для оказания давления на союзников.

Под конец русская сторона потребовала, чтобы Андрей Могила не титуловался запорожским гетманом, а из титула Иосифа Шумлянского были исключены названия отошедших к России земель (прежде всего Киева). Сенаторы пошли навстречу этим требованиям, заверив русских, что Могиле будет указано именоваться «казацким гетманом», соответствующие распоряжения будут даны и львовскому епископу [129].

Окончание официальных переговоров не означало, тем не менее, прекращение русско-польских дипломатических баталий. 3 января (24 декабря) на русский посольский двор во Львове приехал посланец М. Огинского с польским проектом «договорного письма», которое стороны должны были подписать по завершении переговоров. Письмо это совершенно обескуражило членов русского посольства. Помимо того, что в нем содержались претензии к России, «не удержавшей» Крым в 1686 г., и обвинения И. Самойловича в нарушении мира, в предварительный текст письма вошли и положения, которые, согласно статейному списку Б.П. Шереметева и И.И. Чаадаева, не обсуждались на переговорах или же позиция по ним русской стороны была совершенно иной. Так, русские послы якобы согласились с тем, что запорожский гетман «не может упоминатись сверх того, что в статьях [Вечного мира] подтверждено», что спорные земли на Правобережье до размежевания должны быть «в употреблении его королевского величества яко государя дедичного и у тех жителей, которые по древнему праву у тем волостям належат», что Россия гарантирует возвращение Речи Посполитой Каменца и что выдавать всех уроженцев Левобережья Речи Посполитой не обязательно, поскольку сам Иван Самойлович — уроженец Правобережья (местечко Ходорков). Наконец, по поводу претензий русской дипломатии на притеснение в Речи Посполитой православных заявлялось следующее: «...а как его королевское величество не прилагается ни в какие чюжих государств дела, тако ж де непристойно прилагатися к его королевского величества делам», а для православных Речи Посполитой достаточно гарантий польского короля, которые он дает во время коронации. Так, по сути, польская дипломатия сформулировала принцип недопустимости вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой под предлогом защиты прав православного населения. Это свидетельствует, что в Речи Посполитой очень быстро поняли, чем грозила шляхетской республике 9-я статья Вечного мира. Характерно, что еще недавно, в т. ч. и на переговорах в Москве, польско-литовские дипломаты не придавали этой проблеме большого значения. Для православной церкви Короны и Великого княжества Литовского осознание ее значимости при королевском дворе могло означать в недалеком будущем только одно — усиление гонений и давления на православных с целью обращения их в униатство. Все это, однако, не помогло Речи Посполитой

избежать проблемы «диссидентов» в отношениях с Российской империей уже в следующем, XVIII в. Виной такому резкому усилению внимания польско-литовских правящих кругов к православным Речи Посполитой была отчасти и позиция самой России. Мало того, что на содержании 9-й статьи, равного как и на новом царском титуле, делался акцент в царских манифестах внутри страны, так еще и православным Польско-Литовского государства русские послы Б.П. Шереметев и И.И. Чаадаев должны были объявлять о ней и давать ее «списки».

Русские послы с возмущением отвергли предложенное им договорное письмо, заявив, что оно написано «не по обыкновению посолскому». На следующий день М. Огинскому был послан русский образец документа, в котором результаты переговоров были изложены согласно статейному списку, кроме того, что спорные земли на Правобережье были определены как принадлежащие России «исстари» и «со всеми угодьи». 5 января (26 декабря) на посольский двор прибыли К. Гжимултовский и М. Огинский. Они заявили, что король и сенаторы не согласны с текстом русского варианта письма. Более всего они протестовали против именования Самойловича гетманом на обеих сторонах Днепра, твердили, что «верным [царям] его писать не довелось и годилось бы казнь ему <...> имяновать». Русские дипломаты парировали, заявив, что Киев и часть Запорожья находятся на Правом берегу Днепра, поэтому титул гетмана вполне может употребляться. Воевода и канцлер пригрозили, что послы будут опущены вообще без всякого письма. Послы согласились лишь написать о спорных землях по образцу 7-й статьи договора о Вечном мире, попутно заметив, что в польском образце письма написаны «вымышленные толко разговоры». В тот же день С. Рожицкий также заявил послам, что они будут отпущены вообще без всякого договорного письма [130].

Королевская грамота, направленная с послами к царю, содержала упреки в саботаже русским правительством статей о союзе: «...чють толко перо на договорех засохло а уже толико великие договоров нарушения, безправия, безчестия <...> чинятся» [131]. Военные предложения Яна III был посланы отдельной грамотой [132]. Официальная прощальная аудиенция послов состоялась 7 января (28 декабря) [133].

Несмотря на многочисленные дипломатические споры, посольство в Речь Посполитую Б.П. Шереметева и И.И. Чаадаева характеризовалось и некоторыми признаками, свидетельствовавшими о потеплении русско-польских отношений. Общение русских послов и представителей польско-литовских правящих кругов достаточно далеко вышло за рамки традиционного дипломатического этикета. Русских старались принять при королевском дворе тепло, подчеркнув при этом доверие, которое оказывают России король и сенаторы после заключения Вечного мира. Как уже говорилось, в ходе официальных приемов Собеский демонстративно разрешил послам не снимать сабель. После завершения последнего официального «разговора» русских дипломатов приняла королева Мария Казимира в обществе своей дочери — Терезы Кундегунды Собеской. Послы поцеловали королеве руку, а королевне отдали вежливый поклон. 1 января (22 декабря) Мария Казимира вновь пригласила послов к себе. На этот раз она играла с сенаторами в карты, и «послом играть с собою <...> велела». При этом король играл в карты за соседним столом

«особно в той же палате и к великим и полномочным послом смотреть приходил и королевичи смотрели <...> а после того смотрели <...> послы как танцевали королевское величество и королевино величество и королевичи и королевна и сенатори и сенаторские жены и дочери и девицы разными танцами и была музыка». После танцев королевич Якуб «пил здоровье <...> послов стоя». В день официального «отпуска» русские дипломаты вновь были приглашены ко двору. Наконец, не довольствуясь официальной прощальной церемонией, Ян Собеский 16 (6) января устроил послам «пожегнанье», которое совпало со свадьбой коронного конюшего Адама Йордана с воспитанницей Марии Казимиры, на которую они также были приглашены. В этот день послы были у короля в палатах «приватно». А на следующий день на посольский двор приехал лично попрощаться с послами (а заодно и в который раз пожаловаться на И. Самойловича, разорявшего его владения за р. Ирпень) коронный гетман С. Яблоновский[134]. По свидетельству поляков, особые похвалы своей «грацией и легкостью» в танце снискал Б.П. Шереметев. Русские послы, в свою очередь, были поражены пышностью двора королевы[135]. 21 (11) января русское посольство выехало из Львова, взяв курс на Вену[136].

Стоит отметить и еще один поступок литовского канцлера Марциана Огинского во время пребывания русских послов во Львове. Проезжая через территорию Литвы, русские дипломаты не получили гарантированные Вечным миром «корма́». При этом им было обещано, что все будет возмещено во Львове деньгами. Литовский канцер обещал послам выплатить необходимые суммы, но потребовал себе «почесть немалую», т. е. попросту говоря взятку, угрожая, что если им придется иметь дело с подскарбием Б. Сапегой, то они не получат и половины того, что он им даст. При этом М. Огинский напоминал, что «труды де ево канцлеровы и вовсяком деле помочь им чинена великая, о чем самим известно». За такую «помощь» русским дипломатам пришлось раскошелиться на две шубы для М. Огинского — рысью (ценой в 300 ефимков) и соболью (ценой 130 ефимков), а также дать ему 106 ефимков деньгами для Рожицкого и канцлерова подскарбия[137].

Заключение договора о Вечном мире активизировало тех представителей магнатско-шляхетских кругов, для которых утрата имений, находившихся на отошедших к России землях, стала окончательно свершившимся фактом. На заседаниях трибунала Великого княжества Литовского в конце августа — начале сентября стародубские и смоленские депутаты настаивали на аресте «московских сумм» и распределении их между «выгнанцами», однако большинство депутатов не допустило этого[138]. Рада сената, состоявшаяся 9 августа 1686 г., постановила использовать «московские суммы» на военные нужды Республики. Король направил литовскому канцлеру послание, чтобы тот не мешкая доставил деньги во Львов. Однако он, декларируя «послушание государской воле», медлил с выполнением этого указания, соглашаясь доставить деньги лишь на границу Короны и Литвы. В письме к С.А. Щуке он между прочим отмечал, что на привезенные из России деньги поданы «протестации» со стороны литовской шляхты[139]. А чуть позднее литовский канцлер уже высказывался за то, что вторую половину денег, которые должна выплатить Москва, необходимо использовать для удовлетворения претензий «выгнанцев»[140].

Получив в Смоленске причитавшуюся им первую часть суммы из 146 тыс. рублей, коронная и литовская части посольства поделили их между собой. Коронные деньги повез во Львов К. Гжимултовский, литовские деньги остались у М. Огинского. Достоверно известно, что единственный представитель «выгнанцев», кому была предназначена компенсация за утраченные имения, это — С.А. Щука. А. Потоцкий, еще будучи в Москве, уверял Щуку, что потребует для него 1 млн, хотя регент претендовал на 100 тыс. злотых [141], а М. Огинский после заключения Вечного мира сообщил регенту коронной канцелярии, что на его долю приходится 15 тыс. злотых из полученной в России первой части суммы. Канцлер сообщал Щуке, что это еще не конец, и обещал свое содействие в получении им денег и из той суммы, которая по договору должна была быть выплачена Россией позднее. Огинский уверял регента, что он и его коллеги пытались «выторговать» для него больше, но не смогли. За отстаивание интересов С.А. Щуки Огинский просил того похлопотать у Яна Собеского о выплате ему положенного жалованья Речи Посполитой за участие в посольстве (20 тыс. злотых); о предоставлении в его распоряжение Могилевской экономии и о возвращении на должность литовского почтмейстера, доверенного лица Огинского — Рейнгольда Бизинга, смещенного незадолго перед этим. Канцлер утверждал, что новый почтмейстер — некий пан Шретер, назначен вопреки законам Республики, без его рекомендации. Огинский обвинял его в незаконной перлюстрации своей почты [142]. Деньги, которые следовали С.А. Щуке из коронной части московских средств, К. Гжимултовский оставил на сохранение в Львовской ратуше [143]. Во Львове же к нему явились виленский воевода К. Сапега и хорунжий литовский Кшиштоф Белозор и потребовали передачи им части денег, необходимых для выплаты жалованья гусарской хоругви короля. Однако познанский воевода остался непреклонен, заявив, что выдаст деньги только по личному приказу Собеского [144].

А. Пшиемский и М. Огинский, хотя и публично отказались, по свидетельству К. Гжимултовского, от своих претензий на компенсации за утраченные имения в ходе переговоров в Москве [145], тем не менее, по-прежнему рассчитывали на какие-то выплаты. А. Пшиемский выражал надежду, что он, а также другие «выгнанцы» не утратили с заключением Вечного мира 1686 г. права на претензии к Речи Посполитой в отношении «московских сумм», и связывал возможность их реализации с будущим сеймом. Сообщая Щуке о возвращении Засожских земель, где у того также находились имения, он просил похлопотать о выплате денег, полагающихся ему за посольство в Москву [146].

5 декабря, когда во Львове велись переговоры с русским посольством, влиятельные сенаторы и магнаты: киевский епископ А. Залуский, литовский польный гетман Юзеф Богуслав Слушка, коронный подскарбий Мартин Замойский, равский каштелян Александр Залуский, С.А. Щука, а также хорунжий любельский Анджей Дрогойовский и Теодор Немирич потребовали передачи им выплаченных Россией по договору денег, соглашаясь выделить с каждой из частей, надлежащих Короне и Литве, по 100 тыс. злотых в королевский скарб. Позднее Двору удалось достичь компромисса с «выгнанцами», которые отказались от немедленного разде-

ла денег, согласившись передать их на нужды войска. В дальнейшем шляхта неоднократно предъявляла претензии на эти суммы[147].

Ратификация договора о Вечном мире вызвала новую волну недовольства среди шляхты и магнатов, и особенно среди «выгнанцев с Востока». Раздавались протесты в связи с тем, что столь представительное посольство, уполномоченное решать столь судьбоносный вопрос — об уступке обширных земель на востоке, было организовано без санкции сейма Речи Посполитой и без одобрения одного из станов (властей) республики, а именно шляхты, только лишь по решению рады сената. Шляхта апеллировала к одному из основных принципов идеологии средневекового сословного общества, что вопрос о Вечном мире с Россией касается всех «граждан» и, следовательно, должен был быть одобрен всеми станами (властями). Кроме того, королевский двор обвинялся в намеренном затягивании созыва очередного сейма (по законам Речи Посполитой его следовало провести в начале 1687 г.), чтобы избежать нежелательного для себя обсуждения договора о Вечном мире с Россией[148].

Крайне негативную характеристику договору дал в письме С.А. Щуке воевода смоленский Стефан Пясечиньский, писавший, что известие о заключении договора вызвало у него слезы «nie tak dla utraty tak wielkich dubr moich iako dla odstąpienia tytułuw starożytnych krolów panów naszych, który nam ten gnusny wiarołomny narod nie mocą ale iakimś przemysłem odjął» *. С. Пясечиньский считал, что союз с Россией не принесет никакой пользы, а его заключение было неоправданным, поскольку Речь Посполитая не испытывает в данный момент явной угрозы своему существованию от Османской империи[149]. Да и сам регент коронной канцелярии, еще недавно категорически требовавший от польско-литовского посольства заключения Вечного мира и союза любой ценой, теперь стремился отмежеваться от сторонников соглашения с Россией, заявляя, что в новом русско-польском договоре нет ни одного полезного для Речи Посполитой слова[150].

* * *

Торжества в Москве после заключения договора продемонстрировали то значение, которое придавали ему правящие круги во главе с царевной Софьей Алексеевной и В.В. Голицыным. С другой стороны, упорная констатация официальной пропагандой «прибыльности и хвальности» Вечного мира свидетельствует о непрочной позиции правящей группировки, стремлении царевны и канцлера укрепить свое положение при помощи заключенного договора.

Заключение договора не сняло, а еще больше обострило разногласия канцлера М. Огинского и воеводы К. Гжимултовского. Интенсивная и доверительная переписка литовского канцлера с В.В. Голицыным после заключения договора, получение им разрешения на строительство двора в Смоленске, неоднократные намеки

---

* «не для утраты таких больших моих владений, а из-за отказа от старинных титулов наших королей, которые у нас этот гнусный вероломный народ не силой, какой-то хитростью отнял».

на некие выплаты канцлеру из Посольского приказа, получение литвинами своей части субсидий в первую очередь, ранее Короны, — все это позволяет сделать вывод о наличии довольно обширных и развитых контактов литовской политической элиты с Посольским приказом, наличии у нее собственных интересов в отношениях с Россией, которые литвины готовы были блюсти даже в ущерб интересам Короны. Несомненно, что и в Москве рассматривали Литву как важного партнера в своей политике по отношению к Речи Посполитой в целом, одновременно стараясь играть на польско-литовских противоречиях. События июня–декабря отчетливо выявляют значительную роль канцлера М. Огинского, часто игравшего на руку русской дипломатии, в заключении и ратификации договора. Причины такого поведения литовских магнатов, часто упрощенно и неправильно определяемые в польской историографии как «государственная измена (zdrada stanu)» (например, З. Вуйчик), требуют, безусловно, более подробного выяснения, в задачи нашей работы не входящего.

Отношения двух стран осложнялись существовавшими в каждой из них внутренними противоречиями, которые выражались в расхождении взглядов на заключенный договор между Короной и Литвой — в Речи Посполитой и казацкого гетмана со старшиной (сторонники у которого в этом вопросе были и в Москве) и правительства царевны Софьи и канцлера В.В. Голицына — в Русском государстве. Это привело к трениям между Россией и Речью Посполитой и нарушению некоторых статей договора уже в первые месяцы после его заключения. Самой заметной проблемой было возвращение Засожья. Польско-литовская сторона настаивала, чтобы передача произошла посредством съезда официальных представителей двух государств (при этом литвины стремились исключить из этого процесса коронных дипломатов). Однако В.В. Голицын достаточно жестко отказал просившему об этом М. Огинскому, не желая лишний раз привлекать внимание к непопулярной и в Москве, и на Украине теме территориальных уступок Речи Посполитой. Московское правительство решило поручить передачу Посожских сел целиком в ведение И. Самойловича, что не предвещало для польско-литовской стороны ничего хорошего.

Сопоставление информированности польского и русского правительств о международных отношениях в Европе показывает, что Варшаве имели более отчетливое представление о событиях европейской политики благодаря более представительному присутствию в стране резидентов наиболее крупных европейских государств, более тесным культурно-экономическим связям Речи Посполитой с государствами Западной Европы, многочисленным поездкам по Европе королевских эмиссаров и частных лиц, чего в России не было. Однако на собственных резидентов сейм Речи Посполитой не слишком охотно соглашался выделять деньги.

В то же время следует отметить осведомленность Посольского приказа касательно основных европейских событий. Получаемые Москвой сведения вполне соответствовали уровню ее вовлеченности в европейскую политику. Своеобразный «изоляционизм» России был оправдан ее неспособностью на данном этапе «играть на равных» с великими державами на международной арене. Те осторожные внешнеполитические шаги, которые предпринимало русское правительство в отноше-

нии Священной лиги, свидетельствуют о том, что правящие круги России отдавали себе в этом отчет и не стремились форсировать вступление своей страны в ряды ведущих участников европейской политики. Напротив, польский король, пытавшийся переломить ситуацию внутри страны путем внешнеполитических успехов, принимал активное участие в различных коалициях и союзах. Однако внутренние ресурсы Польско-Литовского государства не отвечали ставившимся Я. Собеским задачам, что предопределяло фиаско его внешнеполитических акций.

Несмотря на старания польской дипломатии отложить прием русского посольства во Львове, перед правящими кругами Речи Посполитой все более отчетливо выявлялась необходимость ратификации договора королем. Отказ Порты уступить Речи Посполитой Каменец, успехи союзников в Венгрии, пик которых пришелся именно на 1686 г., что позволяло им все меньше оглядываться на Польско-Литовское государство, угрозы России отказаться от осуществления предусмотренной трактатом полномасштабной кампании против Крыма в 1687 г. в случае не принесения королем присяги — все это могло поставить слабеющую в военном отношении Речь Посполитую еще в более худшие условия. Признание за Россией «восточных провинций» становилось, таким образом, неизбежной необходимостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., напр., царскую грамоту в Белгород окольничему и воеводе князю Ф.Л. Волконскому от 20 (10) июня 1686 г. в: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 4. СПб., 1836. С. 429–433; СГГД. Ч. 4. С. 505–509.

[2] СГГД. Ч. 4. С. 519–525; Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842. С. 190. Об официальной пропаганде по поводу заключения Вечного мира см. также: *Богданов А.П.* Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // ВИ. 2003. № 4. С. 36.

[3] *Wójcik Z.* Epilog traktatu Grzymułtowskiego w roku 1686 // Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1994. S. 30–32. Примечание 30.

[4] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 916 об.; *Wójcik Z.* Epilog traktatu... S. 29.

[5] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 8–13. Составом будущего посольства интересовался и К. Гжимултовский в письме В.В. Голицыну от 13 (3) июня 1686 г. (Там же. Л. 56).

[6] *Wójcik Z.* Epilog traktatu... S. 31.

[7] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 9 августа 1686 г. Стрый — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 555–560.

[8] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 11.

[9] Там же. Л. 15–16, 23–27. Дело это тянулось с 1684 г. (ПДС. Т. 6. Стб. 808–809).

[10] Там же. Д. 10. Л. 12 об.

[11] Там же. Д. 224. Л. 1198–1199 об.; Там же. 1686 г. Д. 14. Л. 249.

[12] К. Гжимултовский — В.В. Голицыну. 19 (9) мая 1686 г.; В.В. Голицын — К. Гжимултовскому. 20 (10) мая 1686 г. — Там же. 1686 г. Д. 14. Л. 17–22 об., 54.

[13] ПСЗ. Т. 2. С. 775–776. В связи с этим неточной представляется информация З. Вуйчика о том, что в Смоленске послы должны были получить 900 тыс. злотых, из которых Короне

следовало 600, Литве — 300 тыс. (*Wójcik Z.* Epilog traktatu... S. 30). Судя по материалам переговоров, злотый равнялся ок. 1/5 российского серебряного рубля (ефимка) или талера. Таким образом, полная сумма, которую должны были получить польские дипломаты, составляла 730 тыс. злотых, из них 500 тыс. непосредственно после заключения Вечного мира. Аналогичная сумма подана в книге А. Каменьского. См.: *Kamieński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku. Dzieje polityczne. Poznań, 2002. S. 264.

[14] *Wójcik Z.* Epilog traktatu... S. 31–32.

[15] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 77–78; *Wójcik Z.* Epilog traktatu... S. 33. Историк датирует письмо 4 июня (25 мая).

[16] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 89–92. Недовольство задержкой выразил и М. Огинский, оставивший в Смоленске своего представителя, в письме из Кадино смоленскому воеводе Б.В. Бутурлину от 15 (5) июня 1686 г. (Там же Л. 95–96).

[17] Расписку польских послов в получении денег см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Д. 144.

[18] Там же. Оп. 1. 1686 г. Д. 10. Л. 15–16 об. Письмо от 30 (20) июня 1686 г. Перевод см.: Там же. Д. 14. Л. 235–238.

[19] Там же. Д. 10. Л. 14–14 об. См. также: *Wójcik Z.* Epilog traktatu... S. 33; *Perdenia J.* Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII–XVIII wieku. Wrocław, 1963. S. 53. Автор утверждает, что казаков было 1500 человек.

[20] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 14. Л. 61–63.

[21] Там же. Л. 56.

[22] Семен Федорович Залога Домарницкий — С. Лиходеевскому. 3 июня 1686 г. Б. м. — Там же. Л. 177–178.

[23] Микита Кашинович Залога Заостранский — Я. Пожарицкому. 8 июня 1686 г. из Корниливца (?) — Там же. Л. 179–180.

[24] Там же. Л. 161–168, 182–224.

[25] Там же. Л. 231–232.

[26] *Wójcik Z.* Epilog traktatu... S. 33–34.

[27] ПДС. Т. 6. Стб. 1010–1011.

[28] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 854–856 об. Собранные сведения Сандырев должен был записывать данной ему «обрасцовою азбукою», т. е. шифром.

[29] Там же. Д. 219. Л. 50–53.

[30] *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 303.

[31] ПДС. Т. 6. Стб. 1010–1011.

[32] РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1685 г. Д. 2. Письмо из Версаля от 20 декабря 1685 г.

[33] *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловацкого мира) // Османская империя... С. 268–269. См. также: *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 236–238, 244–245.

[34] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 1, 5–5 об.

[35] ПДС. Т. 6. Стб. 1201–1212.

[36] Там же. Стб. 1212–1213.

[37] *Желябужский И.А.* Записки с 1682 по 2 июля 1702 г. СПб., 1840. С. 16.

[38] ПДС. Т. 6. Стб. 1219–1220.

[39] Там же. Стб. 1197, 1222–1223.

[40] Там же. Стб. 1227–1229.

[41] Там же. Стб. 1221.

[42] Царская грамота послам. 22 (12) июля 1686 г. // Там же. Стб. 1311–1312; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 9–12 об.

[43] ПДС. Т. 6. Стб. 1260–1263.

[44] ПСЗ. Т. 2. С. 777–778.

[45] *Костомаров Н.И.* Руина. М., 1995. С. 383. Публикацию письма И. Самойловича Яну Собескому см.: *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 27–30. Архивную копию письма см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 487. Имя и фамилию посланника Н.И. Костомаров, скорее всего, установил на основе другого документа — доноса старшины на гетмана Самойловича 1687 г. Его публикацию см.: *Яковлева Т.Г.* Донос старшини на І. Самойловича: аналіз першоджерела // Український історичний журнал. 2006. № 4. С. 190–200.

[46] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 3 августа 1686 г. Стрый — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 12. S. 567.

[47] *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski (1634–1720). Polityk i dowódca. T. 1. Siedlce, 1997. S. 235–236.

[48] РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 489. Л. 1–4. Тот же текст латиницей см.: AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 389–392 (неправильный порядок листов).

[49] AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 393–396; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 10. Л. 22 об.–24; Там же. Д. 227. Л. 79–89.

[50] Я. Самойлович — Я. Пожарицкому. 13 августа 1686 г. Стародуб — Там же. 1686 г. Д. 10. Л. 19–19 об.

[51] ПСЗ. Т. 2. С. 775–776.

[52] Там же.

[53] *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie o «pokój wieczysty» w Moskwie w roku 1686 // Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Warszawa, 1994. S. 42, 47.

[54] См., напр.: И. Самойлович — С. Яблоновскому. 6 октября 1682 г. Батурин — AGAD. AZ. Rps. 3036. K. 265–266.

[55] *Чухліб Т.В.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ, 2005. С. 356; *Степанков В.* Проблема возз'єднання козацької України в контексті міжнародних відносин Центрально-Східної Європи (остання чверть XVII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 2. Київ, 2003. С. 265.

[56] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 25. Л. 1–1 об. Негативные высказывания И. Самойловича по этому вопросу представлены у Н.И. Костомарова (Указ. соч. С. 382–384, 392–393) и С.М. Соловьева (Сочинения. Кн. 7. М., 1991. С. 384–386). См. также: *Яковлева Т.Г.* Указ. соч.

[57] *Яковлева Т.Г.* Указ. соч. С. 194.

[58] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 1230 об.–1232 об.

[59] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 25. Л. 1–1 об.; *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 384; *Соловьев С.М.* Указ соч. С. 379.

[60] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1686 г. Д. 37. Л. 1–2, 3–6, 13–17; Там же. Д. 31. Л. 7–12.

[61] *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 393–406; *Соловьев С.М.* Указ соч. С. 388–391.

[62] *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Т. 3. Киев, 1855. С. 7–8.

[63] *Соловьев С.М.* Указ соч. С. 390.

[64] *Иржи Давид.* Современное состояние Великой России или Московии // ВИ. 1968. № 1. С. 127.

[65] *Бушкович П.* Россия и Украинское гетманство в 1653–1725 гг. // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 69, 84.

[66] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 12 об.–19.

[67] СГГД. Ч. 4. С. 524.

[68] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 19–22 об.

[69] ПДС. Т. 6. Стб. 1362; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 20 об.–26.

[70] М. Огинский — С.А. Щуке. 24 июля 1686 г. Смиловичи (Smiłowicze) — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 543–545; М. Огинский — Я. Собескому. Б. м., б. д. — Ibid. Rps. 47. T. 1. S. 385–386.

[71] М. Огинский — А. Залускому. 1 августа 1686 г. Минск — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 535–536; М. Огинский — С.А. Щуке. 8 августа 1686 г. Смиловичи (Smiłowicze) — Ibid. S. 567–569; К. Гжимултовский — С.А. Щуке. Постскриптум от 20 августа 1686 г. Самбор — Ibid. S. 579; М. Огинский — Я. Собескому. Б. м., б. д. — AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 385–386.

[72] М. Огинский — С.А. Щуке. 17 сентября 1686 г. Вильно — Ibid. Rps. 163a. T. 13. S. 485–487.

[73] Тот же — тому же. [Август–октябрь 1686 г.]. Б. м. — Ibid. T. 12. S. 5–7.

[74] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 18 августа 1686 г. Самбор. — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 583, 585–588; Тот же — тому же. 19 августа (постскриптум от 20 августа) 1686 г. Самбор — Ibid. S. 577–580. К. Гжимултовский обвинял Огинского в том, что он в угоду своему тщеславию якобы послал в Москву одного из своих приближенных в ранге посланника, в результате чего очередной дипломат из Москвы — Нефимонов — был также направлен в Речь Посполитую в аналогичном ранге. Если бы канцлер не кичился, считал воевода, и направил бы своего человека в Россию в более низком ранге — ранге гонца, то и Нефимонов приехал бы как гонец. Тогда расходы казны не его содержание (предусмотренные договором о Вечном мире 50 рублей в неделю посланнику и 30 рублей — гонцу) были бы ниже.

[75] К. Гжимултовский — С.А. Щуке. 3 августа 1686 г. Стрый — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 12. S. 568–569.

[76] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 26 об.–36.

[77] ПДС. Т. 6. Стб. 1458–1459.

[78] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 36–46.

[79] Отписка послов царям. 10 октября (30 сентября) 1686 г. Львов — Там же. Л. 51 об.–55.

[80] Там же. Л. 55–57.

[81] Там же. Л. 65 об.–74 об.

[82] Там же. Л. 523 об.–524.

[83] Там же. Л. 79–89 об.

[84] «w Warszawie». 5 ноября 1686 г. — BPANKr. Rps. 645. S. 123–124.

[85] Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 452.

[86] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 92–108.

[87] Там же. Л. 109.

[88] «w Stryju». 6 ноября 1686 г. — BPANKr. Rps. 645. S. 126; Стефан Пясечиньский, воевода смоленский — С.А. Щуке. 18 ноября 1686 г. Б. м. — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 12. S. 245.

[89] По одним данным, Ян Собеский и Мария Казимира выехали из Стрыя в Жолкву 6 ноября («w Stryju» — BPANKr. Rps. 645. S. 126), по другим 13-го («we Lwowie». 21 ноября 1686 г. — Ibid. S. 128–129).

[90] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 110–117 об.

[91] AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 776–777.

[92] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 118–121.

[93] Там же. Л. 124–127 об.

[94] ПДС. Т. 6. Стб. 1404; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 127 об.–128.

[95] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 6. М., 1991. С. 484–485.

[96] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1682 г. Д. 10. Л. 31–32.

[97] И. Волков — В.В. Голицыну. 20 (10) августа 1686 г. Могилев // ПДС. Т. 6. Стб. 1358–1360.

[98] М.К. Радзеёвский — С.А. Щуке. Июнь 1686 г. Варшава — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 644.

[99] М. Огинский — В.В. Голицыну. 23 января 1687 г. Брест // ПДС. Т. 6. Стб. 1507.

[100] М. Огинский — А. Залускому. 1 августа 1686 г. Минск — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 535–536.

[101] М. Огинский — Я. Собескому. 4 ноября 1688 г. «z Migunian» — AGAD. AR. Dz. 2. Ks. 25. S. 367–368 (252–253).

[102] Тот же — тому же. 29 января 1689 г. «z Olawy» — Ibid. S. 177–179.

[103] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 128–134.

[104] Там же. Л. 144 об.–148.

[105] Там же. Л. 151–156.

[106] Там же. Л. 156 об.–164 об. Грамоты датированы 16 (6) октября 1686 г.

[107] Там же. Л. 167 об.–176.

[108] «Punkta ad senatus consilium» — APANW. MW. Teka 70. K. 48–49.

[109] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 176–179, 183–185 об., 196 об.–203 об.

[110] Там же. Л. 179–183, 184–185 об., 186–187.

[111] Там же. Л. 187–189 об.

[112] Там же. Л. 190.

[113] *Wójcik Z.* Epilog traktatu... S. 40–42.

[114] APANW. MW. Teka 70. K. 49v.

[115] AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 423–425. См. также: Relacye nuncyuszów... T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 453.

[116] Relacye nuncyuszów... T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 457.

[117] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 190 об.–205.

[118] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 78. Л. 257 об.–268 об. См. также: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 64–69.

[119] AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 269.

[119a] Ibid. Rps. 13. T. 1. S. 49.

[120] Relacye nuncyuszów... T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 455–456.

[121] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 205 об.–229 об. На аудиенции присутствовали: епископы: луцкий Станислав Витвицкий, перемышльский Ян Збонский, жмудский Казимеж Пац, киевский Анджей Залуский; воеводы: познанский Кшиштоф Гжимултовский, серадзский Ян Пенёнжек, мальборгский Эрнест Денгоф, краковский Щенстный Потоцкий, киевский Мартин Контский (генерал коронной артиллерии), русский Станислав Яблоновский (великий гетман коронный), белзский Марек Матчиньский, брацлавский Ян Гнинский, любельский Мартин Замойский (коронный подскарбий); каштеляны: виленский Юзеф Слушка (гетман польный ВКЛ), равский Михал (Александр?) Залуский, подляшский Мартин Оборский, киевский Ян Дедушицкий, жарновский Мартин Хоментовский, хелмский Станислав Друшкевич, краковский Анджей Потоцкий (польный гетман коронный). «Явил» послов королю канцлер ВКЛ М. Огинский, а провожал до дверей коронный маршалок И. Любомирский. В тот же день на двор к русским дипломатам приезжали с королевским «столом» воеводичи, литовский чашник Григорий (сын Я.Я. Огинского, полоцкого воеводы), да Богуслав (сын Ш.К. Огинского, мстиславского воеводы) Огинские. См. также: Relacye nuncyuszów... T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 454.

[122] Там же. Л. 233–249 об. См. также: Relacye nuncyuszów... T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 454–455.

[123] Там же. Л. 250–252 об., 272 об.–280.

[124] Там же. Л. 253–270 об.

[125] «Mowa jmp wojewody poznańskiego in senatus consilio...» 19 декабря 1686 г. Львов — BN. BOZ. Rps. 1176. K. 85–87; APANW. MW. Teka 70. K. 59.

[126] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 281 об.–283, 290 об.

[127] Там же. Л. 286–298 об. Кроме уже выше упоминавшихся сенаторов в торжественной церемонии участвовал также епископ плоцкий Стефан Домский и Станислав Бидзинский, сандомирский каштелян.

[128] *Czołowski A.* Łzy króla Jana III. Epizod z przeszłości kamienicy królewskiej we Lwowie // Księga pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera. T. 1. Lwów, 1925. S. 13.

[129] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 408 об.–465 об., 471 об.–473. См. также: Relacye nuncyuszów... T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 456; *Ковальский Н.П.* Деятельность русской дипломатии в 70–90-х гг. XVII в. по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. Днепропетровск, 1968. С. 170–171.

[130] Там же. Л. 477 об.–499 об.

[131] ПДС. Т. 6. Стб. 1564–1565.

[132] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 506 об.–512.

[133] Там же. Л. 520 об.

[134] Там же. Л. 447 об.–449 об., 475–476, 523 об.–542 об. Ср.: *Czołowski A.* Op. cit. S. 17–19.

[135] Relacye nuncyuszów... T. 2. Berlin; Poznań, 1864. S. 456–457.

[136] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 227. Л. 542 об. О русско-австрийских переговорах в Вене см.: *Аугустинович К.* Деятельность и влияние великого московского посольства в Вену в 1687 г. // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 200 Jahre russisches Aussenministerium. № 50. 2003. С. 201–224.

[137] Там же. Л. 474 об.–475; 513–514 об.

[138] Ежи Олендский, подкоморий волковыский — С.А. Щуке. 7 сентября 1686 г. Вильно — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 259–265.

[139] BCz. Rps. 844. S. 119; М. Огинский — С.А. Щуке. 7 сентября 1686 г. Вильно — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 243.

[140] Тот же — тому же. [Август–октябрь 1686 г.]. Б. м. — Ibid. T. 12. S. 5–7.

[141] А. Потоцкий — С.А. Щуке. 15 марта 1686 г. Москва — Ibid. T. 13. S. 631.

[142] М. Огинский — С.А. Щуке. 22 июня 1686 г. Кадино — Ibid. S. 681–686; Тот же — тому же. Март 1686 г. Москва — Ibid. S. 973–974. Р. Бизинг был почтмейстером еще в январе 1686 г. (Ibid. T. 12. S. 786).

[143] К. Гжимултовский — С.А. Щуке (постскриптум). 9 августа 1686 г. Стрый — Ibid. T. 13. S. 559.

[144] Тот же — тому же. 31 июля 1686 г. Стрый — Ibid. T. 12. S. 405–406.

[145] ŹDP. T. 2. S. 20.

[146] А. Пшиемский — С.А. Щуке. 8 августа 1686 г. «z Kozmina» — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 13. S. 597–598.

[147] *Kulecki M.* Wygnańcy ze Wschodu. Egzulanci w Rzeczypospolitej w ostatnich latach panowania Jana Kazimierza i za panowania Michała Korybuta Wiśniowieckiego. Warszawa, 1997. S. 197–198; С. Пстроконьский — Я. Собескому. 26 декабря 1686 г. Б. м. — BCz. Rps. 1376. S. 598–599; Тот же — М. Замойскому. 28 декабря 1686 г. «Scigola(?)» — APANW. MW. Teka 70. K. 47; *Maroń J.* Echa traktatu Grzymułtowskiego na sejmach 1688 i 1688/89 r. // Studia z dziejów nowożytnych. Wrocław, 1988.

[148] Станислав Немира, подляшский подчаший — М. Замойскому. 30 декабря 1686 г. «Pakuniew» — APANW. MW. Teka 70. K. 63.

[149] С. Пясечиньский — С.А. Щуке. 29 декабря 1686 г. Б. м. — AGAD. APP. Rps. 163a. T. 12. S. 671–672.

[150] С.А. Щука — М. Замойскому. Б. д. [декабрь 1686 г.], б. м. — APANW. MW. Teka 70. K. 64.

Заключение

На рубеже XVII–XVIII вв. Речь Посполитая и Россия — два крупнейших государства Восточной Европы — стали перед необходимостью решительных действий на европейской политической арене, участия в противоборстве коалиций, возглавляемых великими державами. Активизация внешней политики обеих стран была обусловлена вековыми устремлениями как Польско-Литовского государства, так и Московского царства к завоеванию и укреплению позиций в Причерноморье и в Прибалтике. В свою очередь, успехи на этих стратегических направлениях внешней политики решающим образом должны были сказаться в целом на международном статусе Речи Посполитой и России.

Однако для осуществления этих задач оба государства в относительно короткий срок должны были преодолеть отставание от передовых стран прежде всего в военной области и в системе государственного управления, чтобы мобилизовать ресурсы страны, организационно и технически обеспечить успешные военные действия против грозных противников, таких как Османская Турция и Швеция. Трудности на этом пути в 1680-е гг. усугублялись кризисными явлениями во внутреннем устройстве и внутренней политике Речи Посполитой и России. Оба государства столкнулись в этот период с ослаблением центральной власти, характеризовавшимся господством магнатской олигархии в Польше и Литве и частичным возрождением системы боярского правления в России. Для обеих стран в это время были характерны слабость и неэффективность государственного аппарата, упадок вооруженных сил и основанной на дворянском ополчении военной организации. Правда, для России этот кризис оказался относительно кратковременным, в то время как для Речи Посполитой он был гораздо более глубоким и продолжительным.

Вместе с тем аналогии в некоторых чертах внутриполитической ситуации в Речи Посполитой и Московском государстве в 1680-е гг., хотя и имевшие существенное значение, не должны, однако, заслонять кардинальных различий в фундаментальных принципах их государственного устройства. В России оно было основано на централизованной системе феодального землевладения и огромном

государственном земельном фонде, примерно равном по размерам поместному и вотчинному землевладению, когда государственная раздача земельных пожалований за службу становилась необходимым условием экономического существования, социального и правового статуса «служилых» господствующих сословий. Централизация поземельных отношений дополнялась централизованным отчуждением феодальной ренты (системой податных и иных государственных повинностей закрепощенного «тяглого» населения). Отчуждаемая государством рента перераспределялась в виде расходов казны и в различных формах пожалований и вознаграждений за службу в интересах боярства и дворянства. Эта система служила основой политической централизации Московского государства, несмотря на временами относительное ослабление царской власти и интриги московских боярских придворных группировок.

В Речи Посполитой положение было принципиально иным. Поземельные связи шляхты и государства, в частности права королевской власти в отношении шляхетского землевладения, давно уже ушли в прошлое. Даже королевские полномочия по раздаче старостств (последние из сохранившихся поземельных королевских прерогатив) носили сугубо символический характер, а сами староства находились в руках магнатов и шляхты. Шляхетские имения в сословном отношении были абсолютно автономными и тяготели экономически, а также в силу различных персональных связей, с одной стороны, к своей шляхетской корпорации, а с другой — к магнатерии. На этом зиждились два основополагающих элемента шляхетского республиканского строя Речи Посполитой: полновластие сеймиков и политическая роль манипулировавших сеймом магнатских «партий».

Перспектива активизации внешней политики Речи Посполитой и России, возможность для обеих стран, объединив свои силы и при поддержке союзников, перейти в наступление против своих давних врагов — Османской Турции и Швеции — послужила основой для урегулирования ими двусторонних отношений.

Предпосылки заключения Польско-Литовским государством договора о Вечном мире оказались тесно связаны не только с внешне-, но и с внутриполитическим положением шляхетской республики. Политическая система Речи Посполитой, переживавшая во второй половине XVII в. нарастающий кризис, в первую половину правления Яна Собеского (в 1670–1680-е гг.) вступила в полосу некоторой стабилизации. Однако каких-либо предпосылок преодоления кризисной ситуации, грозившей стране социально-экономическим и политическим упадком, в это время не обозначилось. В этих условиях Ян Собеский и его окружение надеялись укрепить королевскую власть в стране и преодолеть своеволие и партикуляризм магнатов путем успешной внешней политики. Такая стратегия требовала от Яна III активности на международной арене. Однако действия здесь польского короля не отличались последовательностью. Колебания политического курса Яна Собеского объяснялись в известной мере тем, что государства, с которыми Речь Посполитая искала союзнических отношений (Австрия, Франция, Швеция, а также и Россия), видя внутреннее ослабление Польско-Литовского государства, не желали рассматривать его как равноправного и надежного партнера, а следовательно, и

в полной мере считаться с его интересами. Внутренне ослабление Речи Посполитой сказывалось и на главном показателе мощи государства того времени — армии. Все это в совокупности и предопределяло неудачи внешней политики шляхетской республики, когда ни благоприятная международная конъюнктура, ни отдельные блестящие военные успехи (победа под Веной) не могли ничего изменить.

Россия в период подготовки и заключения договора о Вечном мире в сравнении с предшествовавшими 1654–1681 гг., когда войны с поляками, шведами, турками следовали одна за другой, теперь могла пользоваться плодами мира на своих границах. Это, а также связанная с наступившим междуцарствием и стрелецкими волнениями в Москве внутренняя нестабильность обусловили выжидательную тактику правительства царевны Софьи Алексеевны и В.В. Голицына в международных делах. Исходной целью русской внешней политики 1682–1685 гг. было сохранение статус-кво в отношениях с главными соперниками России в Восточной Европе (Османской империей, Речью Посполитой и Швецией) в сочетании с поиском путей для активизации внешнеполитического курса в будущем.

Заключенный в Москве трактат о Вечном мире между Россией и Речью Посполитой по существу объединял два договора: договор о мире, положивший конец российско-польскому противостоянию на протяжении всего XVII в., и договор о союзе в войне 1683–1699 гг. Священной лиги с Османской Турцией. Центральным вопросом первого договора была проблема признания Речью Посполитой необратимости территориальных приобретений Московского государства и границы между обеими странами. Его обсуждение в ходе переговоров и связанные с ним противоречия продемонстрировали завершение территориальной экспансии Речи Посполитой на восток и сохранение тенденции территориального расширения России на запад. Формально разрешенная договором проблема границы сохраняла, однако, свое значение в российско-польских отношениях вплоть до конца 1760-х гг. и первого раздела Польши.

Если для России первостепенную важность имел вопрос о границе в связи с задачей «сохранения всего завоеванного» и продолжения борьбы за Украину, то для Речи Посполитой и Яна Собеского центральным вопросом стал антиосманский союз между двумя странами. В этом проявились принципиальные расхождения сторон. По плану польского короля союз должен был служить прежде всего польским военным целям и обеспечить завоевание Молдавии. Для этого Россия должна была предоставить Яну Собескому не только пехоту и артиллерию, которых так не хватало польским войскам, но и, приняв на себя главный удар турецких и крымских сил в Причерноморье, связать их и обеспечить польской армии выгодное стратегическое положение для военных действий между Днестром и Дунаем. Московские воеводы, напротив, стремились действовать независимо от польских союзников и преимущественно в собственных интересах, видя главной целью войны подчинение Крымского ханства. Рассмотрение различных редакций договора выявило стремление России обеспечить себе свободу рук при заключении военного союза. Русские дипломаты не соглашались первоначально ни обеспечить блокады

Крыма в 1686 г., ни включить в договор согласованные сроки «большого похода» русских войск против Крымского ханства. В то же время они настаивали на включении статьи о гарантии обязательств Речи Посполитой по договору со стороны ее союзников по Священной лиге.

Кардинальные расхождения по двум принципиальным вопросам — о границе и о союзе, — казалось бы, заставляли сомневаться в жизнеспособности самого трактата. Хотя и ратифицированный Яном Собеским, он так и остался формально неутвержденным сеймом Речи Посполитой, получив в польской традиции название «Трактата Гжимултовского». Однако договор о Вечном мире более чем на восемьдесят лет сохранил свое значение. Одно это свидетельствует, что подписанный в Москве договор в основе своей отвечал фундаментальным интересам как Польско-Литовского государства, так и России.

Детальный анализ внешней политики России в годы, предшествовавшие заключению договора о Вечном мире, не подтверждает тезиса советской историографии о якобы значительной и весомой роли России на международной арене в 1680-е гг., и в частности о способности русской дипломатии повлиять на ослабление французско-габсбургских противоречий. Такое утверждение было бы правомерно, по крайней мере, со времени Полтавской победы. Вместе с тем выступление России на стороне Священной лиги повлияло на ход военных действий в Причерноморье и на театре военных действий между Днестром и Дунаем, что в определенной мере сказалось и на соотношении сил европейских коалиций.

Подобного рода экстраполяция международной ситуации XVIII в. на российско-польские отношения 1680-х гг. присутствует и в работах польских историков. В польской историографии получило широкое распространение мнение, что российская политика 80-х гг. XVII в. сводилась к стремлению воспользоваться тем, что шляхетская республика попала в «ярмо» Священной лиги, и навсегда «отторгнуть» от Речи Посполитой ее восточные провинции. Однако польские историки нередко упускают из виду, что в 1682–1685 гг. период активизации на международной арене Польско-Литовского государства совпал со снижением внешнеполитической активности России, что именно польско-литовская дипломатия прилагала наибольшие усилия, чтобы вовлечь Россию в антиосманскую коалицию, стремясь при этом избежать нежелательного для себя обсуждения территориальных вопросов, тогда как Москва главным образом стремилась закрепить за собой то, чем уже обладала. Еще в 1681 г. правящие верхи Речи Посполитой, обеспокоенные претензиями Оттоманской Порты в ходе разграничения Подолии и требованиями турок размежевать украинские земли, были готовы, ради союза с Россией, согласиться на продление до 1704 г. перемирия с Москвой. Более того, в это же время при активном участии литовских магнатов в Варшаве составляется инструкция для комиссаров на предстоящую русско-польскую комиссию. В инструкции предусматривалось заключение мира с уступкой России присоединенных ею в 1667 г. земель. И именно русская сторона выступила инициатором свертывания этих переговоров. И только Московское восстание 1682 г., а затем победа Яна Собеского под Веной в 1683 г. способствовали ужесточению позиции польской дип-

ломатии в отношении России. В результате принятая ранее инструкция была скорректирована во время Андрусовской комиссии 1684 г. — было решено держаться «середины», т. е., согласившись на признание за Россией Смоленска, требовать превращения Левобережной Украины в совместный протекторат двух держав.

История подготовки и заключения Вечного мира позволяет по-новому взглянуть на ряд существенных обстоятельств в развитии русско-польских отношений 1680-х гг. Так, решение о направлении в Москву посольства К. Гжимултовского было принято сеймом 1685 г. — произошло это во время сейма на тайной раде сената в результате трудных и длительных консультаций королевского двора и оппозиции при активном посредничестве папского нунция. Официально же это решение было подтверждено на раде сената в июне 1685 г., одновременно с постановлением о направлении польских эмиссаров в Вену и Париж. Принятие решения о посылке посольства в Москву для переговоров о Вечном мире и союзе означало согласие Варшавы на выдвигаемые Москвой условия, сводившиеся в основном к «уступке всего завоеванного» при Алексее Михайловиче. Более того, через литовского канцлера М. Огинского в Москве узнали об этом задолго до прибытия посольства во главе с познанским воеводой и литовским канцлером в российскую столицу. Главной целью как польско-литовского посольства, так и российской делегации на переговорах в Москве должно было быть заключение военного союза. Вопрос о границе и территориальных уступках в пользу России был уже решен ранее в ходе различных переговоров 1683 — января 1686 г. Поэтому не получает подтверждения тезис польской историографии о «полной неожиданности» для польско-литовского посольства претензий России на земли, присоединенные по перемирию 1667 г., что вытекает из переписки самих польско-литовских дипломатов.

Вместе с тем ход российско-польских переговоров в Москве свидетельствует о существовании в российских правящих верхах существенных противоречий по вопросам внешней политики, и прежде всего по отношению к Речи Посполитой. Выявить их позволяет сопоставление как известных ранее свидетельств иностранцев и отечественных наблюдателей, так и новые данные вводимых в научный оборот русских и польских источников, в частности анализ персонального состава русских посольских делегаций в 1683–1686 гг. Противоречия в правящих кругах Московского государства по вопросу о направлении польской политики России оказали влияние на изменения в позиции на переговорах В.В. Голицына и русской делегации в феврале–марте 1686 г. Они указывали на наличие при царском дворе значительного числа противников сближения с Речью Посполитой, не желавших заключения договора о Вечном мире. Причем персональный состав «партии войны» и «партии мира» отнюдь не был тождественен лагерям Милославских и Нарышкиных, дворам царя Петра или царя Ивана.

Принимая во внимание расстановку сил в русском правительстве, становится более понятна и позиция по отношению к Вечному миру гетмана И. Самойловича, которая ранее почти всегда рассматривалась в историографии в отрыве от внутриполитической борьбы в московских правящих кругах. Влияние гетмана на выра-

ботку внешнеполитического курса правительства в Москве, его заочное воздействие на ход переговоров, его участие в разнообразных российско-польских интригах вокруг готовившегося договора свидетельствует, что проблема борьбы за Украину по-прежнему сохраняла актуальность для русской внешней политики. Подтверждением этого стала и статья договора о Вечном мире, провозглашавшая обширную полосу земель на правом берегу Днепра своего рода нейтральной зоной, перехода которой под царскую власть русские дипломаты могли бы добиваться в будущем и добивались (хотя и безуспешно) на переговорах во Львове в декабре 1686 г.

Рассмотрение хода официальных переговоров в Москве показало, что существенными вопросами, представлявшими немалые затруднения, стали: возвращение Речи Посполитой Посожских сел, взаимные частные территориальные претензии на границе Литвы и России и предоставление Россией субсидий Речи Посполитой для ведения войны с Османской Турцией. Невыясненными до конца остались причины прекращения официальных переговоров, однако имеющиеся источники не дают основания возложить ответственность за это исключительно на русскую сторону. Очевидно, что значительную роль в этом сыграли литовские члены посольства.

Прекращение официальных переговоров стало сигналом для активизации антипольской оппозиции в русском правительстве, итогом чего стало ужесточение территориальных требований к польско-литовской стороне. Не желая срыва переговоров, В.В. Голицын и царевна Софья попытались продолжить их в кулуарах, поддерживая неофициальные контакты с польскими дипломатами. Польские источники сохранили интереснейшие свидетельства деятельного участия в переговорах Софьи Алексеевны, о роли которой во внешней политике Московского царства историки могли ранее судить только по косвенным данным. Однако усилия царевны и ее фаворита и «оберегателя посольских дел» оказались тщетными. Они вынуждены были уступить перед непримиримой позицией Боярской думы, высказавшейся 17 (7) апреля за предъявление ультиматума польско-литовскому посольству.

Значительно повлияла на ход и исход переговоров позиция возглавляемой М. Огинским литовской части посольства, чему ранее в историографии не придавалось особого значения. Материалы Посольского приказа о контактах Н. Краевского с некоторыми литовскими магнатами во главе сначала с М. Пацом, а затем с М. Огинским свидетельствуют об особой роли Великого княжества Литовского в отношениях России с Речью Посполитой. Эта особая роль проявилась и в ходе переговоров о Вечном мире в Москве. С самого начала литвины демонстрировали свою особую позицию, в отличие от послов, представлявших провинции Короны, по вопросам о мире и союзе, чем существенно облегчали задачу русским дипломатам. В этой тактике М. Огинского и его товарищей нашли отражение как стремление принизить значение главы посольства К. Гжимултовского, так и продемонстрировать особый статус Великого княжества в отношениях с Россией. Но главной причиной этого была особая заинтересованность литовской шляхты в мире с Россией. Испытав на себе все тяготы войны с восточным соседом, литовские магнаты и шляхта рассматривали Вечный мир как важную гарантию со стороны москов-

ской державы безопасности Литвы и своих владений. Посольский приказ, со своей стороны, воспринимая Литву как важного партнера в отношениях с Речью Посполитой в целом, в то же время активно использовал разногласия между коронной и литовской частями посольства для достижения своих целей.

Существенное влияние на развитие российско-польских отношений и на заключение договора о Вечном мире оказали взаимоотношения Москвы и Крымского ханства. Детальное изучение последних позволило, во-первых, уточнить ряд немаловажных фактов, искаженное описание которых встречается в историографии. Так, не нашли подтверждения сведения о русско-крымских переговорах, якобы проводившихся в Москве одновременно с переговорами о Вечном мире (татарские гонцы не имели даже подобных полномочий); о немедленном аресте крымских посланников в Москве после заключения Вечного мира. Татарские посланники были отпущены на родину, а новый гонец, которому было объявлено о вступлении России в войну с Крымом и Османской империей, был задержан до ноября (до «больших снегов»), чтобы как можно дольше в Крыму не получили бы достоверной информации о военных намерениях и приготовлениях России. И руководители внешней политики в Москве, и гетман И. Самойлович в грамотах и письмах в Бахчисарай заявляли о намерении содержать «дружбу и любовь», причем крымскому хану было предложено даже провести пограничную комиссию для решения спорных вопросов. Одновременно через посредство украинского гетмана русская дипломатия пыталась привести Крым под протекторат царей.

Крымская политика России в мае–декабре 1686 г. демонстрирует, что, вступая в войну с Крымским ханством и Османской империей, Москва преследовала целый ряд целей. Прежде всего — обезопасить российские территории от татарских набегов в 1686 г. и обеспечить внезапность планировавшегося на 1687 г. большого похода в Крым. Сам этот поход представлял собой кардинально новое явление в противостоянии Московского государства и Крымского ханства, когда от тактики обороны от татарских набегов Россия переходила в решительное наступление. Более того, в Москве в полной мере сознавали стратегическое значение этого поворота, ибо, помимо чисто военных целей, преследовали и цели политического характера. Готовясь к большому походу, московские воеводы, видимо, не считали реальным уничтожение Крымского ханства военным путем и поэтому решили использовать комплекс военных и дипломатических средств, чтобы вывести ханство из войны, заставить его признать верховенство России. Видимо, при выборе подобной тактики в Москве учитывали и накопленный ранее немалый опыт покорения других татарских орд и ханств.

Однако действия России по отношению к Крыму в 1686 г. противоречили взятым на себя Москвой обязательствам по союзному договору с Речью Посполитой. В результате военной блокады Крыма и татарских переправ на Правобережье установлено не было. Вступление России в войну, правда, вынудило крымского хана во главе значительной части войска остаться на полуострове. Однако активных действий русские войска в это время не предпринимали. Поэтому военная ситуация в 1686 г. в Причерноморье, вопреки надеждам Яна Собеского, и как это выте-

кало из польско-российского договора, не могла облегчить положение польской армии в Молдавии.

Антиосманский союз, к которому Россия и Речь Посполитая шли с 1667 г., по сути, не принес большой пользы Священной лиге. История распорядилась так, что к тому времени, когда Речь Посполитая и Россия наконец-то договорились, пробил час окончания османской экспансии в Европе. Главный оплот османов в Венгрии — Буда — пал спустя пять месяцев после присяги царей в Грановитой палате, означавшей ратификацию ими договора о Вечном мире. Взятие Буды во многом предопределило победу Священной лиги. После войны 1683–1699 гг., в наступившем XVIII в., Османская империя перешла к стратегической обороне своих владений. Тем не менее союзный договор с Речью Посполитой сохранил значение в ходе русско-турецких войн XVIII в., давая, благодаря наличию союзника на северо-западе, возможность русскому правительству вести активные военные действия на Днестре и Дунае. Однако, правда и то, что в дальнейшем договор о Вечном мире и союзе послужил для совсем иных целей, нежели те, ради которых он заключался.

Именной указатель

(Составлен при участии С.И. Кочегаровой)

Абди-ага, знатный татарин 286
Абдул-баги-бей, крымский гонец в Москву 335
д'Авиано Марко духовник императора Леопольда I, дипломат 244
Авраамий, митрополит Белгородский 393
Авриль Филипп, французский иезуит 259
Агафья Семеновна (урожд. Грушецкая), русская царица 113, 124
Айтемирьев Василий, подьячий Посольского приказа 310, 402, 441, 443
Алексеев Никита, подьячий Посольского приказа 185, 193, 196, 288, 289, 363, 400, 402, 403
Алексей Михайлович, русский царь 7, 15, 40, 85, 101, 134, 235, 257, 270, 273, 373, 427, 470
Алеппский Павел, архидьякон, сын антиохийского патриарха Макария 134
Алиш-ага, знатный татарин 230
Алмазов Семен Ерофеевич, стольник 280, 289–292, 448, 452
Альтгейм, австрийский посол в Речи Посполитой 47
Амборк Казимеж, литовский шляхтич 55, 395, 412, 420
Анисимов Е.В. 295
Антонина Даниловна, игуменья Новодевичьего монастыря 134–135, 137–140, 358, 359
Апанович А.М. 39
Апостол Данила, миргородский полковник 117, 119, 145
Артамонов В.А. 23–24, 38–39, 259, 295, 422, 460
Арчил, имеретинский царь 346
Аугустинович К. 464
Ахмед-паша, бейлербей Варада 244
Ахмед-паша, бейлербей Каменца 66
Аюка, калмыцкий тайша 103–104, 200–204, 400

***Б**абушкина Г.К.* 19, 37, 98, 298, 299
Бантыш-Каменский Д.Н. 14, 36, 40, 299, 373
Бантыш-Каменский Н.Н. 14, 36, 225
Барберини Карло, кардинал-протектор Речи Посполитой 235–237
Барсуков А.П. 295
Барятинский Данила Афанасьевич, князь, ближний окольничий 447
Барятинский Юрий Никитич, князь, боярин, киевский воевода 258
Баттаглия О.Ф. де 27
Батыр-ага, «ближний человек» и визирь крымского хана 405, 409, 445, 452
Баутин Василий, подьячий Малороссийского приказа 104
Безобразов П.В. 299
Бекир-ага, турецкий пристав 76
Белободский Ян (Андрей), духовный писатель, философ 136, 147

Белов М.Н. 19, 37, 95, 98, 296, 413
Белозор Кшиштоф, хорунжий литовский 456
Белосельский И., князь, воевода в Переяславле-Южном 123
Бентковский Станислав, королевский дворянин 30, 52, 53, 95, 102, 105, 123–135, 138, 146, 161, 256
Бергенгельм Иоган, президент шведской королевской канцелярии 268
Березин Василий, дьяк 394
Бетюн Франсуа, де, маркиз, неофициальный французский резидент в Речи Посполитой 171, 235, 237, 238, 249, 279, 380, 389
Бжостовский Циприан Павел, литовский референдарий 49, 70, 105, 129, 142, 165, 167, 183, 194, 222
Бжостовский Ян Владислав, литовский референдарий 233, 252
Бидзинский Станислав, сандомирский каштелян 464
Бизинг Рейнгольд, литовский почтмейстер 165, 456, 465
Блинов Василий, астраханский служилый человек 201
Блюмберг Себстьян, австрийский посол в Москву 274–278, 290, 297
Бобинин Василий Иванович, дьяк Посольского приказа 86, 117, 118, 265
Богацкий Иван, запорожский казак 405, 445
Богданов А.П. 24, 38–39, 295, 381, 412, 459
Богословский М.М.
Богоявленский С.К. 143
Бодянский О. 40, 299, 373
Бойе Альберт де, католический священник, австрийский дипломат 279, 280
Борисов Ю.В. 92, 253, 460
Боровский Леонтий польский шляхтич 182
Бочкевич Казимир, кричевский бурмистр 214
Бреза Войчех, познанский каштелян 233, 238
Брюховецкий Иван Мартынович, запорожский гетман 110, 119, 180, 258
Буганов В.И. 143, 144, 145, 148, 295
Бурбоны, королевская династия во Франции 235, 263
Бурцев Максим Гаврилович, подьячий Посольского приказа 439
Бурцов Петр, подьячий, русский «годовой» посланник в Крыму 284–285, 335, 398
Бутурлин Борис Васильевич, ближний боярин и наместник галицкий, смоленский воевода 163, 208, 302, 307, 308, 317, 413, 418, 432, 460
Бутурлин Иван Васильевич, ближний боярин, наместник суздальский 49, 166–168, 188, 194, 198, 218, 223, 225, 257, 258, 261, 266, 274, 316, 317, 415
Бутурлины, дворянский род 295
Бушкович П. 462
Бэндза М. 14, 106

Вагнер М. 215, 255
Ваза, польская и шведская королевская династия 92
Вальдштейн Карл Фердинанд фон, граф, австрийский посол в Речь Посполитую 151–153, 158
Василевич Михаил, гадяцкий полковник 408
Василий III Иванович, великий князь московский 134
Василий IV Иванович Шуйский, русский царь 424, 449
Васильев Алексей, подьячий, русский гонец в Стамбул 287
Вежбовский Стефан, епископ познанский 175, 238, 381
Велёпольский Ян, коронный канцлер 99, 143, 165, 170, 174, 177, 190, 219, 220, 223–225, 227, 237, 238, 242, 247–250, 255, 297, 318, 322, 330, 356, 370–372, 381, 434, 440
Величко С.В. 407, 413, 461
Вельхорский Ежи, брацлавский каштелян 63

Венцлавский Александр, мечник полоцкий 207–208
Венюков Никифор, подьячий Посольского приказа 221
Вернадский В.И., советский ученый 144
Верне-Боку дю, французский резидент в Трансильвании 150, 151, 235
Верховская Л.А. 93
Веселовский Н.И. 93
Вилковский Томаш Адам, польский гонец в Москву 209, 305
Виммер Я. 151, 154–155, 216
Витвицкий Станислав, киевский, затем луцкий епископ 74, 98, 150, 173, 215, 438, 446, 464
Витри Николя Мари де, маркиз, французский резидент в Речи Посполитой 150–153, 157, 235, 236
Вихерт Кристоф фон, бранденбургский резидент в Речи Посполитой 255, 386, 410
Вишневецкие, польский магнатский род 41
Вишневецкий Дмитр, великий коронный гетман 71
Вишневецкий Иеремия, польский магнат 43
Владислав IV, польский король 220
Власова Л.В. 216, 252–254, 411
Власюк А.И. 147
Военьский Станислав, каменецкий епископ 173, 203
Возгрин В.Е. 294, 295
Возницын Прокофий Богданович, думный дьяк 76–77, 85, 112, 186, 277, 284, 343, 352, 361, 415
Волиньский Я. 12, 227
Волков А.А. 17, 37
Волков Иван Михайлович, подьячий, затем дьяк Посольского приказа 163, 423, 463
Волконский Федор Львович, окольничий, воевода в Белгороде 459
Воллович Ян Казимеж, староста хвейданский 240
Волошенин Трофим, запорожский казак 392, 399, 400
Волошенинов Василий, донской казак 201, 202
Волынский Василий Семенович, боярин, глава Посольского приказа 51, 59, 61–62, 69, 96, 258
Ворона Яков, запорожский казак 108, 112, 120, 129, 131, 145
Воронец Казимир, смоленский шляхтич 130, 133
Вуйчик З. 11–13, 14, 28, 30, 47, 50, 92, 106, 135, 147, 159, 178, 237, 238, 244, 253, 338, 368, 374–376, 378, 379, 382, 383, 391, 432, 458, 459
Выговский Иван Евстафьевич, запорожский гетман 110
Выджга Стефан, коронный канцлер, епископ варминьский 47

Габсбурги, королевская и императорская династия 16, 22, 149, 150, 151, 155, 158, 215, 228, 231, 235, 238, 249, 250, 252, 263, 264, 276, 277, 354, 422, 424
Гавловский, слуга К. Гжимултовского 195
Гамалеи, старшинский казацкий род 109
Гамалея Андрей Михайлович, лохвицкий сотник, позднее генеральный есаул Войска Запорожского 110, 120, 145
Гамалея Григорий Михайович, лубенской полковник 110, 120, 145
Ганиш-ага, крымский дипломат 74
Гебеи Ш. 28, 39
Гевель Иоганн Эбергарт, австрийский гонец в Москву 196, 274
Гедеон (князь Святополк-Четвертинский), епископ луцкий, киевский митрополит 282, 430, 431, 434
Гелгуд Анджей, литовский писарь, маршалок сейма 1685 г. 242
Гембицкий Анджей, уйский староста 165, 168, 169, 348
Герман Баденский, председатель императорского Придворного военного совета 232

Гжимултовский Кшиштоф, познаньский воевода 7, 10, 11, 12, 14, 16, 31, 36, 40, 54, 71, 74, 98, 139, 142, 152, 164–166, 168–175, 177, 182, 183, 185, 188–190, 193–198, 214, 218–220, 222–225, 227, 237, 238, 246, 248, 254, 255, 259, 272–275, 295, 297, 300–311, 317–322, 324–326, 328–334, 336, 338–348, 353–358, 360–364, 367–384, 389, 393, 407, 411, 413, 416–421, 425, 428, 433, 434, 436, 437, 440, 442, 443, 446, 448, 449, 454, 456, 457, 459, 461, 462, 464, 465, 470, 471
Гизель Иннокентий, архимандрит Киево-Печерской лавры 110, 206
Гиляров О. 147
Глаголев В.П. 143, 298
Гласко Данило Казимир, стражник инфлянский, полоцкий пограничный судья 213
Глебович Ежи Кароль, литовский магнат 91, 100
Гнинский Ян (младший), черниговский, затем брацлавский воевода 49, 156–157, 166, 216, 248, 446, 464
Гнинский Ян (старший), хелминский воевода, коронный подканцлер 46, 63, 74, 77, 80–82, 92, 98–99, 109, 127, 129, 164–166, 168, 170, 171, 173, 174, 179, 184, 192, 204, 217, 218, 241, 258, 296
Гогенцолерны, династия бранденбургских курфюрстов 250
Гоголева А.А. 144
Голицын Алексей Андреевич, князь, боярин, отец Б.А. Голицына 283
Голицын Алексей Васильевич, князь, ближний стольник, сын В.В. Голицына 259, 364, 418
Голицын Андрей Иванович, князь, астраханский воевода 201
Голицын Борис Алексеевич, князь, боярин, глава Приказа Казанского дворца 135–136, 178, 256, 261, 283, 358
Голицын Василий Васильевич, боярин, глава Посольского приказа 15, 19, 24, 28, 38, 39, 51, 52, 53, 54, 56, 93–94, 97, 100, 101, 120, 128–130, 146, 159, 162–164, 167, 168, 170, 171, 173, 174, 178, 181, 183, 197–199, 207–213, 217, 218, 227, 247, 255–263, 265, 270–280, 282, 283, 286, 288, 292, 294, 295, 297, 298, 305, 310, 313–333, 335–348, 350–362, 364, 365, 367–369, 371, 372, 374–376, 378–380, 389, 393, 394, 397, 399, 407, 411, 412, 415–420, 430–434, 439, 443, 447, 457–459, 463, 468, 470, 471
Голицын Михаил Андреевич, князь, боярин, курский воевода 203, 393, 399, 408
Головачев П. 17, 37
Головин Борис, стольник и полковник, царицынский воевода 201
Головнин Матвей Алексеевич, стольник 198
Голосов Лукьян Тимофеевич, дьяк Посольского приказа 97, 128, 159, 163, 165, 217, 252, 265, 284
Голчевский Томаш, польский посланник в Крым 250, 251, 384, 385, 445, 446
Гопт Иван Михайлович, полковник, командир рейтарского полка 393, 394
Гордон Патрик (Петр Иванович), генерал, служилый иноземец 15, 262, 295
Горленко Лазарь, прилуцкий полковник 258
Горохов Иван Саввинович, думный дьяк 166–168, 182, 194
Горфункель А.Х. 147, 148
Госевский Александр, смоленский воевода 301
Госевский Вицентий Корвин, польный гетман литовский 93, 301, 304, 341
Граам фон, граф, генерал-майор, служилый иноземец 297
Гранковский Иван, полуполковник, командир Старооскольского солдатского полка 393
Грачев В.Ф. 299
Греков И.Б. 19–21, 22, 23, 24, 37–38, 51, 93

Гречаный Стефан, гадяцкий судья, посланец И. Самойловича к польскому королю 425
Григорий XIII, римский папа 274
Гросс Леонтий, переводчик Посольского приказа 277
Грушевский М.С. 26, 27, 39, 226
Гурдзецкий (Гурджицкий) Богдан, польский посланник в Персию 231, 252
Гуржій О.І. 39
Гуровский Мельхиор, познанскйи подчаший 166, 218
Гусарова Т.П. 215, 216, 244, 252–254, 422, 460
Гутовский Кшиштоф, подстолий волковыский, польский гонец в Москву 69, 72
Гюлленшерна Карстен, шведский посол в Москву 270

Давид Иржи, чешский иезуит 432, 462
Даль В.И. 117
Даровский А. 10
Дедушицкий Ян, киевский каштелян 464
Денгоф Эрнест, литовский ловчий, виленский каштелян, мальборгский воевода 160, 464
Денгоф Ян Казимеж, аббат, польский резидент в Риме 156, 216, 235, 236
Дионисий, константинопольский патриарх 289
Дмитрашко Родион Григорьевич (Дмитрашко Райча), переяславский полковник 110, 120, 145
Дмитриев М.В. 14
Довмонт Ежи Доминик, подчаший жмудский 59–60, 65
Долгово Герасим, дьяк, русский посланник в Крым 49
Долгорукие, княжеский и боярский род 101, 124, 358
Долгорукий Юрий Алексеевич, князь, боярин, глава Стрелецкого приказа 52, 87, 101
Долгорукий Яков Федорович, князь 344
Долгоруков Владимир Дмитриевич, князь, ближний боярин, наместник черниговский 447
Домский Стефан, плоцкий епископ 464
Дорошенко Григорий Дорофеевич, брат П.Д. Дорошенко 106, 117, 118
Дорошенко Д. 27, 39
Дорошенко Петр Дорофеевич, гетман Правобережной Украины 44, 107, 110, 117, 119, 180, 205, 327, 377, 407, 427, 428
Драгинич Ян, наместник молдавского господаря на Правобережной Украине 156
Дрогойовский Анджей, любельский хорунжий 456
Друцкий-Соколиньский Михал, литовский писарь 182, 183, 190, 194, 224
Друшкевич Станислав, хелмский каштелян 386, 446, 464
Дука Георге, молдавский господарь 48, 78, 85, 113, 141, 156
Дульский Ян, князь, надворный литовский маршалок 446
Дуров Илья, стрелецкий полковник 166
Дядкин Семен, подьячий, гонец в Речь Посполитую 56, 160, 439

Екатерина II, русская императрица 15
Енин Г.П. 144
Епатович Константин, мстиславский протопоп 227

Желябужский Иван Афанасьевич, окольничий, наместник курмышский, автор «Записок» 59, 61, 62, 68–69, 71, 72–75, 77, 79, 80, 83, 84, 86, 163, 166–168, 182, 187, 323, 357, 382, 423, 460
Жерданов Иван, капитан новоприборного полка 408
Жимовский Франчишек, польский шляхтич 185
Жировский Иоганн, австрийский резидент в Речи Посполитой 58, 150, 216, 237, 248, 265, 274–278, 280, 290, 298, 416

Забела Петр, войсковой судья Войска Запорожского 214
Забельский Юрий Щит, полоцкий конюший, полоцкий пограничный судья 213
Завиша Кшиштоф, племянник М. Огинского, впоследствии минский воевода 182, 381
Загоровский В.П. 298, 299
Загоскин Иван, воевода г. Керенска 399
Залога Домарницкий Семен Федорович, казацкий предводитель 460
Залога Заостранский Микита Кашинович, казацкий предводитель 460
Залуский Александр, равский каштелян 456, 464
Залуский Анджей Хризостом, канцлер королевы Марии Казимиры, киевский епископ 15, 30, 157, 170, 173, 219, 220, 236, 304, 332, 388, 409, 411, 456, 462–464
Залуские, польский магнатский род 29
Замойские, польский магнатский род 11, 28, 30, 123, 142
Замойский Мартин, любельский воевода, коронный подскарбий 74, 98, 301, 302, 307, 370, 371, 386–388, 407, 409, 411, 444, 446, 456, 464, 465
Замысловский Е.Е. 60, 75, 93, 95, 97–99, 295, 296, 382
Запольский Казимеж, подкоможий серадзкий 182, 183, 224
Заремба Семен, белоцерковский протопоп 109, 112, 117–118, 145
Зарудный Данило Ионович, челядник гетмана И. Самойловича, сын И. Зарудного 118
Зарудный Иона, монах Креховского монастыря 116–118, 418
Збонский Ян, епископ перемышльский 445, 464
Згурский Константин, польский посол в Персию 201, 231
Зебжидовский Миколай, польский магнат, предводитель рокоша 1606–1607 гг. 43
Зедгинидзе Г.Э. 252
Зембоцкий Ян, ловчий витебский, польский дипломат 30, 31, 70, 161–162, 198, 205, 210–214, 217, 227, 259, 260, 278, 286, 301, 306, 319, 320, 322
Змеев Венедикт Андреевич, окольничий, затем ближний боярин и наместник серпуховский, глава Стрелецкого приказа 256, 258, 261, 447
Золотаренко Василий Никифорович, нежинский полковник 204
Зотов Никита Моисеевич, дьяк, русский посол в Крым 68–69, 97, 298

Иаков, константинопольский патриарх 288
Ибрагим-паша, наместник Буды 154
Ибрагим-паша, визирь, османский военачальник 288
Иван IV Васильевич Грозный, русский царь 40, 244, 274, 279, 324, 375
Иван V Алексеевич, русский царь 40, 101, 103, 104, 105, 121, 124, 125, 128, 131, 133, 135, 141, 245, 256, 257, 260, 263, 270, 272, 283, 284, 291, 300, 316, 369, 373, 435, 470
Иваник Федор, кошевой атаман Запорожской Сечи 392, 393, 401, 407
Иванов (Софир) Захарий, греческий купец, русский дипломатический агент в Стамбуле 288
Иванов Ларион Иванович, думный дьяк, глава Посольского приказа 51, 59, 86, 98, 101, 257
Иванов Тимофей, запорожский казак 201
Изабелла Мария Людвика, дочь португальского короля 248
Иконников В.С. 17, 37
Илиева И. 28, 39
Иловайский Д.И. 17, 37
Иналджик Х. 28, 39
Иннокентий XI, папа римский 85, 150, 153, 158–159, 198, 235, 236, 273, 278–280, 386, 389
Иоаким, патриарх Московский и всея Руси 167, 283, 357, 363, 382, 416

Иосиф, игумен униатского Творилского монастыря 116
Ипполитов Семен, дьяк Посольского приказа, русский посол во Францию 289–292
Искрицкий Василий, украинский шляхтич, казацкий полковник 108–111, 115, 117, 119, 144, 145, 181

Йордан Адам, коронный конюший 455

Кадавала, князь, португальский министр 250
Калиновские, польский магнатский род 41
Калистратов Андрей, выходец из турецкого плена 313
Калкштейн Кристиан Людвиг фон, полковник 43
Каменьский А. 92, 240, 460
Каминьский А.С. 14
Кантакузино Шербан, валашский господарь 252, 390
Кантемир Константин, молдавский господарь 390
Капрара Альбрехт, австрийский посол в Османскую империю 78, 149
Капустин М. 15, 16, 36
Кара-Мустафа, великий визирь 62, 64, 76, 78, 154, 155
Карвовский Ян, польский дипломат 62, 180
Карл I, английский король 152
Карл II, английский король 157
Карл Лотарингский, герцог, главнокомандующий австрийской армией 154, 155, 232, 391
Карл XI, шведский король 265–272
Карпович (Карпов) Григорий, киевский полковник 107, 117
Карчевский Томаш, саноцкий хорунжий 63
Карчевский, польский шляхтич 230
Качановский, литовский шляхтич, клиент Б. Сапеги 240, 241, 254
Келлер Иоганн фан, барон, голландский резидент в Москве 19, 75, 267, 279, 406
Кемпийский Фома, богослов 137
Кердей Ян Казимеж, литовский ловчий 167, 183, 194, 448
Кизылбашенин Иван, русский гонец в Крым 251, 335, 393
Киприан Жоховский, униатский архиепископ полоцкий и митрополит Белой Руси 314
Кисель Адам, витебский земский писарь 142
Климент X, римский папа 273
Клинкстедт Ионас, шведский посол в Москву 270
Клобуков Василий, подьячий Посольского приказа 437, 438, 443
Ключевский В.О. 17, 37, 297
Ключицкий Ф. 142
Кнаб Себастьян, архиепископ Наксиванский, австрийский посол в Персию 231, 273, 274, 278
Кобзарева Е.А. 298
Ковальский Н.П. 23, 38, 147, 220, 464
Коженевский Ян Станислав, регент коронной канцелярии, костянский староста 183, 188, 195
Козлов Василий, толмач, русский гонец в Крым 398, 402
Козловский Григорий Афанасьевич князь, полковой воевода в Изюме 137, 261, 397, 405, 423
Кокординов Андрей, князь, уфимский воевода 103
Колбрехт Томас, командир «Курского» солдатского полка 118
Комар Иероним, оршанский судья, пограничный судья Речи Посполитой 93, 213, 214, 227, 319
Коменский Станислав, польский шляхтич 132–133
Конецпольские, польский магнатский род 41
Конопчиньский В. 10–11, 43, 227, 234

Константинович Августин Погожий, писарь земский мстиславский 33, 52–56, 61, 62, 70, 79–81, 86, 88, 91, 94, 95, 97–99, 123, 124, 128–131, 141, 163, 167, 168, 207, 210, 212–214, 219, 241, 246, 247, 255, 301, 302, 304–305, 307, 370, 372, 432, 437, 438
Контский Мартин, львовский каштелян, затем киевский воевода, генерал артиллерии коронной 173, 464
Копреева Т.Н. 19, 21–22, 23, 37–38
Коренев Алексей, смоленский рейтар 69
Корнилий, митрополит Новгородский 416
Корычинский Петр, ксендз 92
Королюк В.Д. 217, 295
Косагов Григорий Иванович, генерал и воевода, окольничий 260, 364, 393–395, 400, 401, 402, 404, 405, 407, 408, 410, 413, 423
Костанецкий, ксендз, польский дипломатический агент в Крыму 120–122, 146, 250, 251, 285, 445
Костомаров Н.И. 25–26, 27, 39, 106, 144, 145, 257, 294, 298, 299, 461
Кох Юрий Готфрид, секретарь императора Леопольда I, дипломатический агент России в Вене 278
Кохен фон, Христофор, шведский резидент в Москве 432
Кочегаров К.А. 148, 216
Кочубей Василий, старший канцелярист Войска Запорожского 282, 283, 413
Кошанский Михал, литовский шляхтич 207–208
Краевский Назарий Михайлович, стольник, смоленский шляхтич 33, 50–54, 56, 59–62, 68, 73, 77, 79–81, 88–91, 93–96, 98–100, 123, 124, 127–131, 133, 142, 146, 151, 160, 167, 207, 210, 212, 214, 227, 230, 242, 246, 247, 255, 301, 302, 304–311, 367, 370–372, 429, 471
Краевский Петр Назарьевич, смоленский шляхтич, сын Н.М. Краевского 93
Краевский Станислав, смоленский шляхтич, брат Н.М. Краевского 51
Крипьякевич И.П. 27, 39
Круасси Шарль Кольбер, государственный секретарь Франции 236, 237, 249, 291, 292
Крыжевский Фаддей, смоленский дворянин, ротмистр 56, 134, 142
Кудрявцев Никифор, подьячий, гонец в Османскую империю 75
Кузьмин Василий, атаман полтавского куреня Запорожской Сечи 399, 400
Кузьмин Григорий, капитан новоприборного полка 408
Кулбацкий Иван, переводчик смоленской приказной избы 142, 302
Куницкий Александр, казацкий полковник 141, 194
Куницкий Стефан, казацкий гетман на Правобережной Украине 107, 141, 155, 156, 182, 224, 229, 238, 287
Куракин Борис Иванович, князь, автор «Гистории о царе Петре Алексеевиче» 34, 40, 357, 382
Куракин Ф.А., князь 40, 382
Курц Иоганн Игнатий, австрийский гонец в Москву 278, 279
Кучинский, слуга С. Яблоновского 110
Кучук, калмык, племянник тайши Аюки 400

Лаврецкий Семен Федорович, дьяк, переводчик Посольского приказа 185, 193, 196, 201, 318, 330, 333, 334, 336, 340–343, 347, 349, 351, 352, 363
Лавров А.С. 143, 146, 148, 221, 257, 260, 261, 294, 295, 297, 373, 382
Ласковский О. 11
Лашкевич Г. 14
Левиттер Л.Р. 13
Лейч В. 28
Лелевель И. 9
Ленкевич В. 10
Леонтьев Иван Юрьевич, стольник и воевода 448

Леопольд I, император Священной Римской империи 149–150, 154, 157–158, 211, 216, 227, 231, 234, 244, 249, 250, 267, 273, 275, 278, 279, 386, 424, 441
Лизогуб Яков Кондратьевич, генеральный есаул Войска Запорожского, черниговский полковник 119–120, 145
Липский Константин, львовский епископ 173
Лисица Иван, приближенный гетмана И. Самойловича, посланник в Стамбул 289, 363, 400, 402, 403
Литвинов Иван, стольник 394
Лихачев Алексей Тимофеевич, комнатный стольник царя Федора Алексеевича 101
Лиходеевский Станислав, литовский шляхтич, кричевский подстароста 420, 460
Личковский Иван, капитан солдатского полка 394
Лось Владислав, хелмский каштелян 173
Лукас 11, 227
Лупандин Максим, стольник и полковник, командир стрелецкого гарнизона в Батурине 104
Любомирский Ежи, польский магнат 43
Любомирский Иероним, коронный хорунжий, затем маршалок коронный надворный 46, 47, 109, 117, 122, 159, 247, 249, 255, 384, 386
Любомирский Станислав Гераклиуш, великий коронный маршалок 142, 170, 171, 219, 238, 303
Людвиг, сын бранденбургского курфюрста 72
Людвика Мария, польская королева 43
Людовик XIV, французский король 47, 64, 71, 92, 149, 150, 151, 156, 216, 231, 234, 235–237, 248, 249, 259, 260, 264, 289–292, 322, 326, 422
Лядинский Иосиф, мстиславский подстолий, литовский пограничный стражник 30, 60, 94, 105, 134–135, 137–140, 147, 161, 193, 213, 214, 308, 319, 358–360
Лянцкоронский, хорунжий 117

Магмет-Чагин, мурза, крымский посланник к гетману И. Самойловичу 406
Мадалинский Бонавентура, епископ куявский 238
Мазепа Иван Степанович, генеральный есаул, позднее гетман Войска Запорожского 39, 108, 110, 120, 312
Макс Эммануил, курфюрст баварский 231
Максим, митрополит Белгородский 103
Максимов Никита, подьячий 80
Малай, донской атаман 286
Малаховский Ян, коронный подканцлер, краковский епископ 86, 173, 410
Мамаев Аюшенко, калмык, посланец тайши Аюки к Яну Собескому 201
Мамаев Бага (Багасан), калмык, участник набега донских казаков на Крым 287, 335
Маметка, крымский татарин 400, 412
Маметша-мурза, крымский гонец в Москву 335
Мамут-слутан, крымский военачальник 400
Манькин А.С. 35
Мария Антонина, дочь императора Леопольда I 158
Мария Казимира, польская королева 235, 241, 242, 433, 439, 454, 455, 463
Маронь Е. 14
Матвеев Артамон Сергеевич, боярин 52, 93, 101, 121, 124, 235, 257, 263
Матчиньский Марек, воевода белзский 464
Махатка О. 22–23, 38
Медеведев Сильвестр, поэт 136, 147
Мезенцев Михаил Григорьевич, воевода г. Тора 284, 285
Мелания, игуменья Новодевичьего монастыря 134
Меледовская Анна, смоленская шляхтянка, родственница И. Лядинского 147

Мельгунов Никифор, стольник и полковник 308, 310, 317
Менезий Павел, русский посол в Рим 244, 273
Мехмед IV, турецкий султан 287
Мехмет-шах-бей, крымский дипломат 120
Мецевит Юрий, приближенный патриарха Иакова 288
Мещерский Ефим Васильевич князь, великолукский воевода 213
Милевский Станислав шляхтич, приближенный М. Огинского 445
Милославские, боярский и дворянский род 101–102, 124, 133, 137, 139, 140, 256, 260–262, 283, 432, 470
Милославский Иван Михайлович, боярин 101, 256, 257, 272, 283, 415
Милославский Илья Данилович, боярин, тесть царя Алексея Михайловича 415
Минаев Фрол, донской атаман 103, 204, 335
Миранович Теодор, польский посланник в Персию 231
Михаил, запорожский казак 403
Михайлов Василий, дьяк, русский посол в Крым 68, 106
Михал Корибут Вишневецкий, польский король 43, 45, 52, 116, 234, 429, 465
Многогрешный Демьян, запорожский гетман 204, 205
Могила Андрей, гетман Правобережной Украины 203, 226, 341, 385, 427, 429, 453
Модзалевский В. 145
Молчанов Н.Н. 23, 25, 39
Мондреновский 200
Монкольский Станислав, ротмистр, королевский дворянин, посланник в Запорожскую Сечь 200, 225
Морштын (Морштин) Анджей, коронный подскарбий 47, 62, 151–153, 157, 160, 171, 215, 228, 235, 239, 247, 254, 260, 291
Морштын Щенсный, литовский подконюший, польский посол в Англию 47, 62, 157
Мубарекша Сулешев, мурза, крымский гонец в Москву 399, 400, 402, 403, 405
Муравинский (Муравенский), шляхтич Мстиславского воеводства, предводитель казацко-крестьянского отряда 419, 420
Мурад-Гирей, крымский хан 98, 228–229, 252, 398
Муртаза-бей, крымский гонец в Москву 335
Мустафа-паша, османский военачальник 390
Мыцык Ю.А. 106, 144, 145
Мяновский Юзеф, польский меценат 35

Нажимский Миколай, плоцкий подкоможий, посол Речи Посполитой в Берлин 250
Нарушевич Адам, епископ смоленский и эмаусский 11, 29, 30, 105, 219
Нарышкины, боярский и дворянский род 101, 124, 135, 138, 140, 256, 257, 262, 263, 283, 432, 470
Наталья Кирилловна (урожд. Нарышкина), русская царица 101, 135, 136
Невестиньский Станислав, польский шляхтич, посол в Россию 30, 31, 82–88, 97, 99, 138, 224, 258
Негребецкий Павел Данилович, стольник 135–137, 139, 147
Немира Станислав, подляшский подчаший 465
Немирич Теодор, польский шляхтич 456
Неплюев Леонтий Романович, ближний окольничий, курский, затем севский воевода 103, 105, 107, 123, 210, 260, 312, 313, 393, 395–397, 430, 431, 447
Неронович-Шпилёвская Анна, дочь Е.К. Неронович-Шпилёвского 128
Неронович-Шпилёвская Тереза, дочь Е.К. Неронович-Шпилёвского 128

Неронович-Шпилёвский Ежи Казимеж, подсендек мстиславский 52, 94, 128, 207, 226, 438
Нефимонов Кузьма Никитич, подьячий Посольского приказа, 13, 349, 351, 352, 363, 391–392, 421, 422, 433–436, 438, 440, 441, 445, 462
Нечаев Иван, командир стрелецкого гарнизона в Батурине 408
Никитин Иван, толмач, гонец на Дон 204
Никитин Кондрат, подьячий Посольского приказа 265, 432
Никифоров Павел, донской атаман 202
Никифоров Протасий Иванович, думный дьяк, русский посол в Речь Посполитую 423
Никольский В.К. 18, 37, 143, 144, 259, 262, 293–295, 299, 382
Новицкий Илья, полковник наемного казацкого полка 406, 413
Новохатко О.В. 295
Ногманов А.И. 99

Оборский Мартин, подляшский каштелян 464
Огибалов Сильвестр, стольник 185
Огинская Катажина (урожд. Велёпольская), дочь канцлера Я. Велёпольского, вторая жена М. Огинского 242
Огинская Марцибелла (урожд. Глебович), первая жена М. Огинского 91
Огинские, литовский магнатский род 90, 100, 361
Огинский Богуслав, сын Ш.К. Огинского 464
Огинский Григорий, чашник литовский, сын Я.Я. Огинского 464
Огинский Марциан Александр, князь, троцкий воевода, литовский канцлер 16, 33, 40, 52–57, 59–62, 70, 73–74, 77, 79–82, 85–86, 88–91, 93–95, 97–100, 123, 128, 130–131, 140, 141, 152, 160, 163, 165, 167, 168, 170–172, 177, 182–186, 188–190, 193, 194, 196, 198, 199, 207, 214, 219, 220, 222–224, 227, 238, 240–242, 247, 253–255, 296, 300, 302–311, 316, 317, 325, 330–331, 341, 342, 344, 345, 353, 355, 356, 358–362, 365, 367, 369–373, 377, 379, 381, 383, 384, 389, 395, 411–413, 416–421, 432–434, 436–443, 445–447, 453–458, 460, 462–465, 470, 471
Огинский Миколай Франчишек, литовский мечник 184, 240, 242, 301, 311, 317, 417
Огинский Шимон Кароль, мстиславский воевода 55, 301
Огинский Ян Яцек, польный литовский гетман, полоцкий воевода 55, 240, 464
Одоевские, княжеский и боярский род 87, 124, 261, 358
Одоевский Никита Иванович, князь, боярин 167, 168, 283
Одоевский Василий Федорович, князь, боярин, дворецкий 283
Одоевский Яков Никитич, князь, ближний боярин, наместник астраханский 166–168, 180, 182, 184, 187, 188, 198, 199, 207, 218, 256, 258, 261, 315
Окраса Ян, польский дипломат 102, 134, 143, 162–164, 168, 170–174, 177, 178, 182, 183, 190, 193, 220, 260, 435, 436
Оксеншерна Бенгт, граф, шведский канцлер 267, 269
Октавиан Август, римский император 448
Олендский Ежи, подкоморий волковыский 464
Опалиньский Казимеж Ян, хелмский епископ 237
Опалиньский Петр, ленчицкий воевода 237, 240, 253
Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, боярин, воевода, дипломат 17, 37, 235, 257, 264
Останкевич Лаврин, смоленский шляхтич 147
Оссолиньские, польский магнатский род, 11

Пазухин Борис Андреевич, стольник, русский посланник в Крым 49, 93
Палий Семен, казацкий полковник 232
Паллавичини Опцио, папский нунций в Речи Посполитой 157, 169, 199, 209, 230, 232, 234, 237, 240, 242–246, 278, 280, 291, 293, 308, 353, 373, 381, 383–385, 387
Панченко А.М. 295
Парис Щенстный, любельский каштелян 446
Пац Казимеж, жмудский епископ 464
Пац Кшиштоф, литовский канцлер 50, 54, 60, 90, 91, 93, 100, 176, 177, 194, 240
Пац Михал Казимеж, великий литовский гетман 45, 50, 52, 53, 54, 59–62, 70–71, 73–74, 79–82, 85–86, 88, 90–91, 93, 95, 99, 131, 144, 152, 160, 178, 194, 439, 471
Пац Стефан, виленский епископ 142
Пацы, литовский магнатский род 68, 70, 90, 93, 124, 151, 176
Пенёнжек Ян, серадзкий воевода 237, 444, 446, 464
Перова О.А. 50, 93
Петр I Великий, русский император 15, 25, 34, 36, 39, 40, 101, 104, 105, 120, 124, 125, 128, 129, 131, 133, 135, 136, 138, 139, 141, 147, 245, 256, 259, 261, 270, 272, 283, 284, 291, 294, 295, 316, 358, 369, 373, 388, 432, 435, 470
Петр II, португальский король 250
Петричейку Стефан, молдавский господарь 156, 238, 253
Петровский Лукаш, посланец И. Самойловича к гетману С. Яблоновскому 427
Пиварский К. 10, 236, 237, 239, 240, 248
Пилат Семен Андреевич, мещанин г. Дубровны 308
Платер Ян Берггрис, польский дипломат 57, 95
Плосковицкий Миколай, литовский шляхтич, клиент гетмана К. Сапеги 56, 439
Подвинский Николай, витебский шляхтич 235
Подольский, шляхтич, дворянин польско-литовского посольства в Москву 348
Пожарицкий Ян Игнатий, мстиславский хорунжий 208, 213, 226, 227, 420, 429, 460, 461
Полубинские, литовский магнатский род 434
Полуботок Леонтий, войсковой есаул, переяславский полковник 212
Поплавский Гаврила, польский шляхтич 139
Поплавский Дмитрий, польский шляхтич 139
Поплавский, польский шпион 139
Порадовский Станислав, ротмистр, королевский дворянин, посланник в Запорожскую Сечь 200, 203, 225
Порега (Парега), смоленский шляхтич 147
Поскочин Лев Миронович, стольник, посланник в Запорожскую Сечь 392
Постников Василий Тимофеевич, дьяк Посольского приказа 86, 166
Потёмкин Петр Иванович, стольник, русский посол во Францию 289, 290
Потоцкая Элеонора (Елена) (урожд. Салтыкова), жена Павла Потоцкого 300
Потоцкие, польский магнатский род 10, 28, 29, 31, 41, 139, 212
Потоцкий Александр Ян, каштелянич каменецкий, посол Речи Посполитой в Россию 40, 300, 306, 316, 317, 331, 342, 370–373, 377, 442, 456
Потоцкий Анджей, краковский каштелян, польный гетман коронный 98, 141, 155, 156, 243, 384, 389, 410, 411, 440, 441, 464, 465
Потоцкий Павел, каштелян каменецкий 300
Потоцкий Щенстный, краковский воевода 438, 441, 446, 464
Прасковья Федоровна (урожд. Салтыкова), русская царица, жена царя Ивана Алексеевича 256, 300

Прёбстинг Гергарт, шведский гонец в Москву 270
Прозоровские, княжеский и боярский род 261, 369
Прозоровский А.А. 147
Прозоровский Петр Иванович, князь, боярин, воспитатель царя Ивана 256, 283, 314, 357
Прозоровский Петр Семенович, боярин, киевский, затем тобольский воевода 106, 122 144, 314
Прокопович Федор, приближенный В.В. Голицына 258
Прончищев Афанасий, стольник, член русского посольства в Швецию 269
Прончищев Иван Афанасьевич, окольничий, наместник чебоксарский 57, 59, 60, 61, 65, 257, 258, 265–267, 269, 270, 272
Прончищев Петр Иванович, стольник, наместник боровский, сын И.А. Прончищева 265
Проский Самуэль, польский резидент в Константинополе 58, 62, 63, 72–73, 74, 76–78, 86, 89, 98, 152, 154, 166, 169, 234, 253, 284, 296, 298, 324, 325, 388
Протопопов Семен Михайлович, дьяк 61, 68–69, 71, 72–75, 77, 79, 80, 83, 84, 86
Пстроконьский Спытек, брестско-куявский кастелян 182, 183, 222, 465
Пушкин Иван, черниговский воевода 123
Пушкин Михаил Степанович, боярин, крестный отец Н.М. Краевского 51
Пушкин Матвей Степанович, боярин, смоленский воевода 133, 218
Пшиемская (урожд. Госевская) Софья Корвиновна, дочь В.К. Госевского, жена А. Пшиемского 301
Пшиемские, польский магнатский род 301, 302
Пшиемский Александр, коронный подстолий, польский дипломат 40, 168, 183, 300, 301, 304, 306, 317, 328, 341–343, 370–373, 382, 456, 465
Пшиемский Владислав, великопольский посол на сейм 1681 г. 71
Перденя Я. 13, 14, 106, 138–139, 164, 218
Пясечиньский Стефан, смоленский воевода 457, 463, 465

Раджей Юрий, греческий купец 313
Радзеёвский Михал Казимеж, епископ варминьский 31, 153, 303, 345, 355, 379, 381, 463
Радзивилл Богуслав, литовский конюший 41
Радзивилл Доминик Миколай, литовский подканцлер 55, 69, 171, 241, 242, 254
Радзивилл Ежи, сын М.К. Радзивилла, племянник Яна III Собеского 248
Радзивилл Кароль, сын М.К. Радзивилла, племянник Яна III Собеского 248
Радзивилл Людвика Каролина, дочь Богуслава Радзивилла 72, 77
Радзивилл Михал Казимеж, литовский подканцлер 47, 49, 57–58, 62, 64, 66, 87, 90–91, 92–93, 95–96, 144, 188, 216
Радзивилл Станисалав Казимеж, литовский стольник 47
Радзивиллы, литовский магнатский род 28, 29, 241
Разин Степан Тимофеевич, донской атаман 103, 114, 187, 270
Ракович Семен, писарь Прилуцкого полка, член русского посольства в Крым 68
Рануцци, папский нунций во Франции 235–237, 248
Раппе Эрнест Оттон, фон, комендант Белой Церкви 107, 146, 434, 443, 451
Рафал Лещиньский, калишский воевода 237, 238
Рахманинов Андрей Григорьевич, острогожский воевода 103
Рахуба А.
Рачиньский Казимеж, дворянин польско-литовского посольства в Москву 345, 351

Репнин Иван Борисович, князь, боярин, смоленский воевода 53, 56, 80–81, 252, 283
Реут, польский шляхтич 182, 190, 220, 224
Ринхубер (Рингубер) Лаурент, саксонский дипломат 102, 261
Рогальский Л. 8,
Рогов А.И. 217, 295
Рогов Федот, подьячий Малороссийского приказа 392, 396
Рожицкий Самуил, литовский шляхтич, переводчик польского посольства 193, 363, 447, 454, 455
Роздражевский Ян Францишек, каштелян мендзыжецкий 159, 216, 272
Романенко Степан, посланец гетмана И. Самойловича в Москву 403
Романов М.Ю. 343
Романович Александр, смоленский шляхтич 130
Ромодановский Григорий Григорьевич, князь, боярин, военачальник 101, 113, 120
Ромодановский Михаил Григорьевич, князь, боярин, наместник коломенский, псковский воевода 166–168, 189, 194, 199, 213
Рославец Петр, стародубский полковник 110, 145

Саадет-Гирей, нураддин 285
Сабченко Григорий, казак сумского слободского полка 405, 445
Савин Михаил, подьячий, гонец в Речь Посполитую 202, 208–210, 422
Сагайдачный Григорий, кошевой атаман Запорожской Сечи 203
Салтыков Федор (Александр) Петрович, комнатный боярин, енисейский воевода 256, 283, 357
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович, русский писатель 21
Салтыковы, дворянский и боярский род 256, 260, 316, 369
Самарин Андрей Никитич, стольник, пограничный судья 106, 213, 319
Самарин Михаил, стольник, гонец на Дон 202
Самко Яков, наказной гетман Левобережной Украины 258
Самойлович Григорий Иванович, сын гетмана И. Самойловича 312, 316, 350, 408
Самойлович Иван Самойлович, запорожский гетман 13, 18, 23, 26, 27, 33, 34, 39, 75, 77, 83, 104–108, 110–111, 116–120, 123, 125, 127, 145, 161, 178, 180, 181, 186, 202–206, 208–211, 214, 257–258, 260, 261, 276, 280–284, 289, 290, 294, 309, 312–314, 317, 329, 331, 338, 346, 350, 357, 360, 361, 367, 369, 373, 380, 393, 395–397, 401–408, 419, 425–432, 434–436, 437, 441–443, 446, 448–451, 453–455, 458, 461, 470, 472
Самойлович Семен Иванович, сын гетмана И.С. Самойловича, стародубский полковник 427
Самойлович Яков Иванович, сын гетмана И.С. Самойловича, стародубский полковник 178, 429, 461
Сандырев Савва, подьячий, русский гонец в Речь Посполитую 205–206, 422, 460
Санин Г.А. 23, 38
Сапега Бенедикт, литовский подскарбий 153, 165, 168–171, 185, 186, 188, 190, 218–220, 222–224, 238, 242, 253, 254, 273, 296, 297, 307, 432–434, 455
Сапега Казимеж Ян, виленский воевода, великий литовский гетман 48, 61, 90–91, 99–100, 123, 133, 147, 153, 247, 308, 382, 389, 435, 456
Сапега Кристина (урожд. Глебович), жена К. Сапеги 91
Сапега Леон Базиль, генерал литовской артиллерии, подскарбий надворный литовский 308
Сапега Франчишек, конюший литовский 300, 306, 307, 310
Сапеги, литовский магнатский род 29, 61, 90–91, 99, 140, 194, 240–243, 307, 311

Сарновский Адам, секретарь короля Яна III Собеского 421
Сасов Иван, острогожский черкасский полковник 103
Сеин-ага, крымский посол в Речь Посполитую 445, 446
Селим-Гирей, крымский хан 230, 250, 251, 286, 289, 324, 335, 391, 398–400, 402, 404, 405, 407
Семенов Василий Григорьевич, думный дьяк, глава Разрядного приказа 257
Семенова Л.Е. 253
Сенявский Миколай, польный коронный гетман 155
Сербин Войца, переяславский полковник 107, 120
Серко Иван, запорожский атаман 83
Серко Иван (младший), названный сын И. Серко 108
Серчик В. 13
Сигизмунд III, польский король 10
Симеон Полоцкий, иеромонах, поэт 136
Скалозуб Максим, донской атаман 103
Скорашевский Владислав Михал, познанский хорунжий 98
Скултеус Иоахим фон, бранденбургский резидент в Речи Посполитой 100, 238
Скуратов Петр Дмитриевич, ближний окольничий, наместник шацкий 261, 284, 316, 317, 448
Слушка (урожд. Госевская) Тереза Корвиновна, дочь В. К. Госевского, жена Ю.Б. Слушки 301
Слушка Юзеф Богуслав, литовский маршалок, затем польный литовский гетман 173, 241, 243, 301, 304, 341, 446, 456, 464
Смирнов В.Д. 252, 298
Смирнов Н.А. 98, 298
Собеская Тереза Кунегунда, королевна, дочь Яна III Собеского 242, 454
Собеские, польский магнатский род 41, 234, 248, 436
Собеский Якуб (Ияков), королевич, сын короля Яна III 72, 157, 158, 221, 232, 242, 248, 250, 302, 445, 446, 449, 455
Соловьев С. М. 16, 17, 36, 94, 97, 99, 105, 106, 125, 143–145, 147, 256–258, 264, 280, 281, 282, 294–299, 412, 461–463
Солонина Константин, киевский полковник 107, 117, 118, 120
Солтык, польский шляхтич 230
Сотниченко В. 145
Софья Алексеевна, русская царевна, регентша при малолетних братьях Иване и Петре 8, 10, 15, 16, 25, 34, 36, 38, 39, 101–102, 121, 125, 134, 140, 143, 159, 197–199, 213, 221, 256, 257, 261–263, 272, 282, 294, 297, 310, 313, 314, 317, 319, 344, 345, 352, 358–360, 363–365, 369, 373, 374, 382, 383, 397, 416, 430, 432, 435, 457, 458, 468, 471
Станислав Август Понятовский, польский король 29
Станиславский В.В. 27, 39, 40, 106, 144, 226, 373, 382, 411, 412
Степан, донской атаман 287, 335
Степанков В. 27, 39, 430, 461
Степанова Е.А. 35
Стефан Баторий, польский король 244
Строев П.М. 147
Струков Федор, дьяк 213
Субботин Н.И. 147
Сулейман-паша, великий визирь 243, 327
Сумароков Иван, межевой судья 106
Суслов Михаил, житель г. Киева 144
Суслович Андрей, коронный скарбовый писарь 434
Сухотин Иван, русский посланник в Крым 68

Таленти Томаш, секретарь польского короля, ксендз 235
Тараканов Никита, стольник, русский «годовой» посланник в Крыму 284–285, 335, 398
Тарасов Михаил, подьячий Посольского приказа, русский гонец в Стамбул 62, 184

Тацит, римский историк 448
Тёкёли Имре, венгерский и трансильванский князь, предводитель венгерских повстанцев 132, 149, 150, 157, 158, 169, 244, 339, 422
Тетеря Павел, гетман Правобережной Украины 108, 109, 111, 313
Титов Ф.И. 17–18, 25, 37
Токаревский Федор, слонимский подчаший, литовский пристав русского посольства 434
Толочанов Семен Федорович, окольничий 163, 260, 270
Толстой Андрей Васильевич, окольничий, смоленский воевода 129, 261
Томицкий Константин, велюньский каштелян, польский посол в Москву 59–61, 65, 67, 73
Тохтамыш, калга 120
Троекуров Иван Борисович, боярин, глава Поместного приказа 261, 264, 270
Тышкевич Владислав, литовский кравчий 236
Тяжкогорский Иван, переводчик Посольского приказа 74, 196, 223, 225
Тяпкин Василий Михайлович, дьяк, русский резидент в Речи Посполитой и посол в Крым 68–69, 74–76, 97, 112, 136, 179, 298

Украинцев Емельян Игнатьевич, думный дьяк 57, 59, 61, 65, 89, 124, 132–133, 163, 208–209, 257–258, 260, 270, 273, 280–283, 317, 343, 355, 364, 415, 447
Уманец Петр, чигиринский полковник 285
Унютей, калмык, посланец тайши Аюки в Астрахань 201
Ураков Юсуп, крымский мурза 400
Урусов Юрий Семенович, князь, киевский воевода 394, 408, 430
Урусовы, княжеский и боярский род 256
Устрялов Н.Г. 15–16, 25, 36, 50, 297, 373, 380–383

Федор Алексеевич, русский царь 40, 52, 69, 75, 91, 93, 98, 101, 108, 113, 121, 124, 125, 136, 140, 258, 270, 289, 296, 373, 382
Филон, запорожский казак 403–405
Флоря Б.Н. 50, 93, 98
Форбин-Янсон Туссен де епископ, французский дипломат 235, 236
Форстен Г.В. 148, 295–297, 373
Французова Е.Б. 23, 38, 227
Фридрих Вильгельм, бранденбургский курфюрст 43–44, 46, 71, 77, 233, 250, 260, 354–356, 381
Фронов Илья Иванович, донской атаман 103
Фукс Пауль фон, бранденбургский тайный советник двора, министр 250

Хаджи-Гирей, крымский хан 229–230, 287, 398
Харлампович К.В. 136, 147
Хвеско Федор, попович, житель Левобережной Украины 110
Хивинец Петр, русский гонец в Крым 251, 289, 335, 400
Хлопов Кирилл Осипович, окольничий 284
Хмельницкий Богдан, запорожский гетман 7, 41, 110, 205, 377, 404, 426, 427, 449, 450
Хмельницкий Юрий Богданович, запорожский гетман 112, 180, 258, 427
Хованец Ч. 389
Хованские, княжеский и боярский род 124, 256, 261
Хованский Андрей Иванович, князь, сын И.А. Хованского 102, 130
Хованский Иван Андреевич, князь, боярин, глава Стрелецкого приказа 87, 101–102, 104, 118, 122, 130, 133, 143, 293
Хованский Петр Иванович Большой, князь, курский воевода 122
Ховербек Иоганн фон, бранденбургский дипломат 71

Ходкевич Ежи Кароль, литовский обозный 240
Ходкевичи, литовский магнатский род 29
Ходырева Г.В. 98
Хоментовский Мартин, жарновский каштелян 168, 183, 190, 464
Хорев В.А. 93
Хорн Хильдебрант фон, датский резидент в Москве 135–136, 143, 261, 263, 317
Хорошкевич А.Л. 299
Храпкевич Феодосий, монах Креховского монастыря 116–118, 418
Храповицкий Антоний Ян, витебский воевода 32, 56, 95, 123, 144, 173, 175, 182, 183, 194, 206–207, 218, 222–224, 226, 254, 307
Храповицкий Михаил, смоленский шляхтич 130, 218

Цветаев Д. 147
Цыклер Иван Елисеевич, стрелецкий полковник 343

Чаадаев Иван Иванович, ближний окольничий, наместник муромский 24, 49, 86–87, 88, 97, 128, 159–160, 163–168, 186, 187, 217–219, 223, 225, 252, 258, 260, 265, 284, 316, 317, 402, 423, 432, 440, 441, 444, 453, 454
Чартков Иван, стрелецкий капитан 102
Чарторыские, польский магнатский род 11, 28, 29
Чарторыский Михал, волынский воевода, посол в Москву 48, 340, 382
Чарыков О.В. 297
Черепнин Л.В. 143–144
Черкасские, княжеский и боярский род 256, 358
Черкасский Михаил Алегукович, князь, боярин 256, 283
Черкес Гаврила, польский шляхтич 71
Четвертинские, польский магнатский род 29
Чехановский Доминик, мстиславский стольник 419
Чижинский Степан, переводчик Посольского приказа 201, 441
Чириков Илья Иванович, окольничий, посол в Стамбул 76
Чистякова Е.В. 383
Чистякова М.В. 147
Чоловский А. 11
Чухлиб Т.В. 27, 39, 224, 412, 430, 461

Шакловитый Федор Леонтьевич, думный дьяк, глава Стрелецкого приказа 102, 256, 283, 343, 364, 432
Шамин М.С. 94, 97
Шарф Вилим, командир «Обоянского» солдатского полка 118
Швейковские (Швыйковские), братья, смоленские шляхтичи 127
Швейковский (Швыйковский) Владимир Иванович, генерал-майор 127
Швейковский (Швыйковский) Денис Иванович, генерал-поручик и воевода 127
Шеин Алексей Семенович, курский воевода, ближний окольничий, наместник великопермский 202, 355, 447
Шепелев Аггей Александрович, думный генерал 447
Шереметев Борис Петрович, боярин, наместник вятский 13, 14, 23, 316, 317, 402, 415, 423, 424, 432, 434, 435, 440, 441, 444, 453–455
Шереметев Василий Борисович, боярин, киевский воевода, попавший в плен к крымским татарам в 1660 г. 74, 83, 221, 258
Шереметев Федор Петрович, боярин 118
Шефенберг, австрийский генерал 231
Шкарлат (Маврокордато) Александр, переводчик Порты 288
Шмурло Е. 105, 144, 297
Шперлинг (Шперли) Юран, шведский комендант Ругодива 266
Шретер, почтмейстер Великого княжества Литовского 456
Штакельберг Отто, шведский посол в Москву 270

Штаремберг Рюдигер граф, комендант Вены 158
Шуйский Ю. 9–10
Шуленбург Левин Иоахим фон дер, бранденбургский посол в Речь Посполитую 248, 260
Шумлянский Иосиф, львовский епископ 109–111, 115–118, 131, 145, 205, 206, 208, 209, 225, 313, 434, 435, 453
Шустова Ю. Э. ***25, 39***

Щебальский П. 15, 36
Щербатов Константин Осипович, князь, ближний боярин и наместник белгородский 447
Щербатов Юрий Федорович, князь 218
Щука Станислав Антоний, подчаший виский, регент коронной канцелярии 13, 31, 94, 98, 127–130, 146, 205, 224, 226, 243, 300, 301, 303, 304, 307, 316, 329, 331, 333, 340–341, 363, 368, 370–373, 377, 378, 382–384, 411, 413, 417, 433, 434, 438, 440, 447, 455–457, 459, 461–465

Эварницкий Д.И. 13, 145, 298, 411–413, 461, 463
Эзерковский Станислав, рожанский хорунжий, коронный пристав русского посольства 436, 440, 441, 443, 446, 451, 452
Эйнгорн В. 17, 37
Эйсмонт Самуил, оршанский подчаший 416–418
Эренцкрец Иоган, граф, шведский дипломат 268
Эрнест Готфрид, полковник, командир Хотмыжского солдатского полка 393
д'Эстре, кардинал, французский посол в Риме 235, 236

Юстиниано Мариус Антониус, «арцух виниційский» 319

Яблоновский А. 10
Яблоновский Станислав, великий гетман коронный 62, 70–71, 92, 105, 108–110, 117, 118, 120, 122, 139, 145, 145, 153–155, 215, 216, 228, 232–234, 237, 238, 243, 249, 251–254, 338, 384, 385, 387, 389, 392, 410, 426, 427, 429, 430, 434, 436, 438, 440, 441, 446, 452, 455, 461, 464
Ягеллоны, польская королевская династия 43
Языков Иван Максимович, боярин, приближенный царя Федора Алексеевича 101, 136
Яковлев А. 26, 39
Яковлева Т.Г. 27, 39, 146, 461
Ян III Собеский, польский король 9, 10, 11, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 24, 27, 30, 31, 35, 36, 43, 44, 45–50, 54, 57–59, 61–68, 70–72, 74–75, 76, 78, 80–87, 90–91, 92–96, 98–100, 105–114, 116–118, 120, 122, 124–127, 129, 131, 133–135, 138–141, 144–148, 150–166, 169–171, 173, 174, 176, 177, 179, 182, 188, 190–193, 195–197, 200–210, 213–220, 224–246, 248–254, 260, 267, 275–277, 279, 282, 284, 287, 291, 295, 297, 300–308, 311, 313, 315–318, 321–324, 326–330, 332–334, 340, 343, 345–347, 350–353, 356, 361, 364–372, 375, 376, 381, 382, 384–392, 402, 405–411, 416, 421, 423–425, 429, 430, 432, 433, 435–437, 439–447, 449–456, 459, 461–465, 467–469, 472
Ян Казимир, польский король 10, 41, 43, 44, 117, 253, 465
Янов Степан, стрелецкий полковник 104
Янышевич Домна, московская мещанка 139
Янышевич Максим, московский мещанин 139
Ясенчик-Краевские, смоленский дворянский род 93
Ясногорский 225

Alexis Michaelovits, см. Алексей Михайлович
August II 40, 218, 253

Balzer O. 35, 464
Bartoszewicz J. 381
Battaglia O.F. de 39
Bentkowski (Bętkowski) Stanisław, см. Бентковский Станислав
Bendza M. 36, 144
O'Brien C.B. 39
Bushkovitch P. 147, 294, 295

Chodkiewicz 240
Chowaniec Cz. 252, 255, 410, 411
Codello A. 92
Czamańska I. 252, 411
Czapliński W. 91, 100
Czołowski A. 35, 464

Darowski A. 35
Deiches E. 215
Denhoff Jan Kazimierz (Dönhoff Joanni Casimirio), см. Денгоф Ян Казимеж
Dworżaczek W. 370

Eckhof E. 40

Fédor III, см. Федор Алексеевич

Galiczyn (Galliczyn), см Голицын В.В.
Gniński Jan (Ioanni), см. Гнинский-младший Ян.
Górna R. 253
Grzybowski S. 40
Grzymułtowski Krzysztof, см. Гжимултовский Кшиштоф

Hlebowicz Jerzy Karol, см. Глебович Ежи Кароль
Hughes L. 39

Iskrycki Bazyly, см. Искрицкий Василий

Jabłonowski A. 35, 40, 218
Jabłonowski Stanisław, см. Яблоновский Станислав
Jan Kazimierz, см. Ян Казимир
Jan III Sobieski, см. Ян III Собеский

Kamieński A. 91, 92, 97, 215, 216, 252–255, 381, 460
Kamiński A.S. 36
Kluczycki F. 148, 216, 236
Kočegarov K. 217
Kołodziejczyk D. 96–97, 216, 220, 221, 224
Konarski K. 92, 95, 97, 215, 216, 236, 252
Konopczyński W. 35, 91, 92, 253
Konstantynowicz Augustyn Pohożow, см. Константинович Августин Погожей
Kostanecki, см. Костанецкий
Kotarski H. 92
Kulecki M. 465
Kunicki Stefan, см. Куницкий Стефан

Ladziński Józef, см. Лядинский Иосиф
Laskowski O. 35
Lelewel J. 35
Lenkiewicz W. 35
Leitsch W. 40
Leopoldus, см. Леопольд I
Lewitter L.R. 39
Lubomirski Hieronim, см. Любомирский Иероним

Maroń J. 36, 465
Matwijowski K. 92
Mąkolski Stanisław, см. Монкольский Станислав
Michał Korybut Wiśniowiecki, см. Михал Корибут Вишневецкий
Mierzwa E.A. 216, 253, 411
Morsztyn (Morstin) Andrzej, см. Морштын Анджей

Naruszewicz A. 40
Nehrebecki Paweł, см. Негребецкий Павел

Ogiński Marcjan Aleksander, см. Огинский Марциан Александр
Opaliński Piotr, см. Опалиньский Петр

Ossolińscy, см. Оссолиньские

Pac Krzysztof, см. Пац Кшиштоф
Pacowie, см. Пацы
Perdenia J. 36, 144, 148, 218, 226, 460
Peter the Great, см. Петр I Великий
Pierre le Grand, см. Петр I Великий
Piwarski K. 35, 92, 216, 253, 255
Poradowski Stanisław, см. Порадовский Станислав
Potoccy, см. Потоцкие
Potocki Aleksander Jan, см. Потоцкий Александр Ян
Przyboś A. 93, 216, 218
Przyjemski Aleksander, см. Пшиемский Александр
Pukianiec L. 216, 252, 253
Pułaski F. 92

Rachuba A. 94, 99–100
Radziwiłłówie, см. Радзивиллы
Rappi, см. Раппе Эрнест Оттон фон
Reut, см. Реут
Rogalski L. 35
Rozdrażewski Ioanni, см. Роздражевский Ян Франчишек

Sapieha Kazimierz Jan, см. Сапега Казимеж Ян
Sapiehowie, см. Сапеги
Serczyk W.A. 36
Skrzydyłka W. 40, 218
Sobieski W. 92
Staszewski J. 253
Stolicki J. 96–98
Szujski J. 35
Szwaba M. 93, 100

Theiner A. 40, 223, 383

Wagner M. 92, 96–97, 215–216, 252–254, 410, 461
Wasilewski T. 92
Wasilewski W. 254
Wimmer J. 215–216, 252, 253, 255
Waza, см. Ваза
Wójcik Z. 35–36, 92–93, 95, 98, 144, 215–217, 220, 224, 226, 227, 252–255, 295, 372, 374–376, 378–383, 411, 459, 460, 463
Woliński J. 216
Wołłowicz 240

Załuski A.Ch. 40, 218, 219, 223
Zamojscy, см. Замойские
Zawisza Krzysztof, см Завиша Кшиштоф
Zernack K. 40

Использованные источники и литература

ПУБЛИКАЦИИ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6: Akta do dziejów króla Jana III. Sprawy roku 1683, a osobliwie wyprawy wiedeńskiej wyjaśniające. Wyd. F. Kluczycki. Kraków, 1883.
2. Diariusz zaboystwa tyrańskiego senatorów moskiewskich w stolicy roku 1682 y obraniu dwóch carów Ioanna y Piotra // Старина и новизна. СПб., 1901. Кн. 4.
3. Listy z czasów Jana III i Augusta II, wydane przez G.B.U. i Władysława Skrzydyłkę. Kraków, 1870.
4. Relacje nuncjuszów apostolskich o Polsce od roku 1548 do 1690. T. 2. Berlin; Poznań, 1864.
5. Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelovits, Fédor III, et Pierre le Grand czars de Russie extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859.
6. Traktaty pokojowe pomiędzy Rzeczpospolitą a Rosją w XVII wieku. Мирные договоры между Речью Посполитой и Россией в XVII веке. Kraków 2002.
7. Volumina Legum. T. 5–6. Sankt-Petersburg, 1860.
8. Załuski A. Epistolae historicum-familiarium. T. 1. P. 2. Braunsberg, 1711.
9. Źródła do dziejów polskich. Wydane przez M. Malinowskiego i A. Przezdzieckiego. T. 2. Wilno, 1844.
10. Źródła dziejowe. T. 1. Warszawa, 1876.
11. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891.
12. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 5. СПб., 1853.
13. *Величко С.В.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII-м веке. Т. 2–3. Киев, 1851, 1855.
14. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 9–12. СПб., 1865–1872.
15. *Желябужский И.А.* Записки с 1682 по 2 июля 1702. СПб., 1840.
16. *Иржи Давид.* Современное состояние Великой России или Московии // ВИ. 1968. № 1.
17. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышом-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. 1. М., 1858.
18. *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890.
19. Мотыжинский архив. Акты Переяславского полка. Киев, 1890.
20. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 6. СПб., 1862.

21. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1. Т. 1–2. СПб., 1830.
22. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. М., 1828.
23. Список с статейного списка великаго государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова <...> // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850.
24. *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 1. Владимир, 1903.

ОСНОВНЫЕ АРХИВНЫЕ И РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В РАБОТЕ:

1. РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ (РГАДА).

Фонд 79. Сношения России с Польшей.

Опись 1.

Посольские книги № 208, 213, 214, 217, 218, 219, 220, 221, 223, 224, 227.

Столбцы: *1680 г.*: Дела № 6, 9; 1681 г.: Дела № 2, 8; *1682 г.*: Дела № 1, 2, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 11а, 12; *1683 г.*: Дела № 1, 2, 5, 6, 8, 10; *1684 г.*: Дела № 1, 2; *1685 г.*: Дела № 1, 2. *1686 г.*: 2, 3, 4, 5, 6, 10, 11, 12, 17; *1687 г.:* Дело № 2.

Опись 2.

Дела № 236, 237, 239, 240.

Фонд 93. Сношения России с Францией.

Опись 1.

Посольские книги № 10, 11.

Столбцы: *1685 г.*: Дело № 2.

Фонд 96. Сношения России со Швецией.

Опись 1.

Посольские книги № 111, 112, 116.

Фонд 123. Сношения России с Крымским ханством.

Опись 1.

Посольские книги № 70, 78.

Фонд 124. Малороссийский приказ.

Опись 1.

1682 г.: Дела № 3, 4, 40, 44; *1686 г.:* Дела № 2, 16, 17, 19, 25, 26, 31, 36, 37.

Опись 3.

Дела № 487, 489 490, 491.

Опись 4.

Дело № 27.

Фонд 210. Разрядный приказ.

Книги Приказного стола.

Дела № 21, 1045.

Книги Денежного стола.

Дела № 138, 139, 217.

Столбцы Белгородского стола.

Дело № 1533.

Фонд 389. Литовская метрика.
Опись 1.
Дела № 141, 142, 581.

2. ARCHIWUM GŁÓWNY AKT DAWNYCH (AGAD).
Archiwum Publiczny Potockich (APP).
Rękopisy 13, 45; 47, t. 1–2; 48; 162, cz. 1; 163a, t. 2, 8, 10, 11, 12, 13; 324.
Archiwum Radziwiłłów (AR).
Dział 2. Rękopisy 1697, 1702, 1712, 1724.
Księgi 25, 31.
Dział 3. Rękopisy 15, 16.
Dział 5. Rękopisy 10718, 17574.

Archiwum Zamojskich (AZ).
Rękopisy 3031, 3036, 3037, 3046, 3053.

3. BIBLIOTEKA CZARTORYSKICH W KRAKOWIE (BCZ).
Rękopisy 179, 180, 181 (Teki Naruszewicza); 419; 428; 827; 844; 1376; 1865; 1696; 2106; 2109.

4. BIBLIOTEKA NARODOWA. BIBLIOTEKA ORDYNACJI ZAMOJSKICH (BN. BOZ).
Rękopisy 933, 1176, 1188.

5. ARCHIWUM PAN W WARSZAWIE (APANW). MATERIAŁY PROFESORA J. WOLIŃSKIEGO (MW).
Teki 68, 69, 70.

6. BIBLIOTEKA OSSOLIŃSKICH WE WROCŁAWIU (BO).
Rękopisy 248/II; 3001/I (Teki Łukasa).

7. BIBLIOTEKA PAN W KRAKOWIE (BPANKR).
Rękopisy 350; 645; 1082; 1855; 8426, 8428, 8435, 8436 (Teki Rzymskie).

8. MUZEUM NARODOWE W KRAKOWIE (MNKR).
Rękopis 169.

9. ARCHIWUM PAN W KRAKOWIE (APANKR).
Rękopis 363.

10. НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА УКРАИНЫ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО.
Отдел рукописей. Фонд 112.
Дело № 61.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Артамонов В.А.* Позиции гетманской власти и России на Украине в конце XVII — начале XVIII вв. // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
2. *Артамонов В.А.* Россия, Речь Посполитая и Крым 1686–1699 гг. // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993.

3. *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001.
4. *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. // ИЗ. Т. 33. М., 1950.
5. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. Ч. 1–4. СПб., 1898.
6. *Безобразов П.В.* О сношениях России с Францией. М., 1892.
7. *Белов М.Н.* К истории дипломатических отношений России во времена Крымских походов 1686–1689 гг. // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 14. Л., 1949.
8. *Белов М.Н.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966.
9. *Богданов А.П.* Василий Васильевич Голицын // «Око всей Великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII вв. М., 1989.
10. *Богданов А.П.* Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // ВИ. 2003. № 4.
11. *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. Москва, 2001.
12. *Богданов А.П.* Канцлер и генералиссимус В. Голицын // Перекрестки эпох. Социокультурное время. Т. 1. М., 1997.
13. *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.
14. *Буганов В.И.* Канцлер предпетровской поры // ВИ. 1971. № 10.
15. *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
16. *Бушкович П.* Россия и Украинское гетманство в 1653–1725 годах // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2004. М., 2005.
17. *Власова Л.В.* Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII вв. Кишинев, 1980.
18. *Возгрин В.Е.* Источники по русско-скандинавским отношениям XVI–XVIII вв. // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР. Археографический сборник. Л., 1982.
19. *Волков А.А.* Россия и Польша в XVII столетии. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. № 2. М., 1865.
20. *Гебеи Ш.* Роль России в антитурецкой войне Священной лиги (1687–1700) // Место России в Европе (материалы международной конференции). Budapest, 1999.
21. *Глаголев В.П.* Движение на Дону и на Юге России весной 1682 г. // Ученые записки Московского заочного пединститута. Т. 1. М., 1958.
22. *Горфункель А.Х.* Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 18. М.; Л., 1962.
23. *Грачев В.Ф.* Франко-русские отношения во второй половине XVII века // Ученые записки Шуйского государственного педагогического института. Вып. 8. Шуя, 1959.
24. *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 г. // Институт Славяноведения АН СССР. Краткие сообщения. Вып. 2. М., 1951.
25. *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 года. Кандидатская диссертация. М., 1950.
26. *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 года. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1950.
27. *Греков И.Б.* Международное значение договора 1686 г. между Россией и Речью Посполитой // Przemiany w Polsce, Rosji, na Ukrainie, Białorusi i Litwie (druga połowa XVII — pierwsza połowa XVIII). Wrocław-Warszawa-Kraków, 1991.

28. *Греков И.Б.* Московско-польский договор 1686 г. о союзе и «вечном мире» // Советское славяноведение. 1987. № 3.
29. *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. (от осады Вены до Карловацкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001.
30. *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.
31. *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888.
32. *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича. Б. м., б. д. [Оттиск из журнала Русский вестник].
33. *Зедгинидзе Г.Э.* Из истории польско-русских дипломатических отношений с Ираном (Деятельность Богдана Гурджицкого). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тбилиси, 1971.
34. *Илиева И.* Русия и Свещената лига (1684–1699) // 300 години Чипровско въстание. Принос към историята на българите през XVII в. София, 1988.
35. История внешней политики России. XVII век. М., 1999.
36. *Капустин М.* Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII-го века. М., 1852.
37. *Ковальский Н.П.* Деятельность русской дипломатии в 70–90-х. гг. 17 века по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. Днепропетровск, 1968.
38. *Копреева Т.Н.* Русско-польские отношения во второй половине XVII века (от Андрусовского перемирия 1667 г. до Вечного мира 1686 г.). Кандидатская диссертация. Л., 1952.
39. *Копреева Т.Н.* Русско-польские отношения во второй половине XVII века (от Андрусовского перемирия 1667 г. до Вечного мира 1686 г.). Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1952.
40. *Королюк В.Д., Рогов А.И.* Битва под Веной в 1683 г. и русско-польские отношения // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965.
41. *Костомаров Н.И.* Руина. М., 1995.
42. *Кочегаров К.А.* Участие украинского казачества в кампании 1683 года против Османской империи // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 5. Київ, 2005.
43. *Лавров А.С.* В.В. Голицын // ВИ. 1998. № 5.
44. *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Российского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.
45. *Махатка О.* Взаимоотношения России, Австрии и Польши в связи с антитурецкой войной 1683–1699 гг. Кандидатская диссертация. Л., 1958.
46. *Мицик Ю.А.* З джерел до секретної місії Василя Іскрицького 1682 року // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 5. Київ, 2005.
47. *Никольский В.К.* «Боярская попытка» 1681 г. // Исторические известия. 1917. № 2.
48. *Никольский В.К.* Земский собор о Вечном мире с Польшей 1683–1684 гг. // Научные труды индустриально-педагогического института. Серия социально-экономическая. Вып. 2. М., 1928.
49. *Перова О.А.* Дипломатическая деятельность А.С. Матвеева, связанная с разработкой нового внешнеполитического курса России во второй половине XVII в. // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. [Вып. 1.] Екатеринбург, 1996.

50. *Перова О.А.* К истории русско-польских дипломатических отношений середины XVII в. Посольство стольника А.С. Матвеева к литовскому гетману В.С. Госевскому 1656 и 1657 гг. // Проблемы истории России: сб. научных трудов. Вып. 2. Екатеринбург, 1998.
51. *Санин Г.А.* Антиосманские войны и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
52. *Санин Г.А.* Россия, Украина, Крым в XVII–XIX вв. // Россия и страны Ближнего Зарубежья. История и современность. М., 1995.
53. *Санин Г.А.* Украина в политических отношениях Российского государства и Османской империи // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 1. Київ, 2000.
54. *Семенова Л.Е.* Молдавия и Валахия в антиосманских планах стран региона в конце XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001.
55. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1946.
56. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до нач. XVIII в. СПб., 1887.
57. *Соловьев С.В.* Сочинения. Кн. 6–7 М., 1991.
58. *Станіславський В.В.* Статті гетьмана Самойловича щодо «вічного миру». // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 1. Київ, 2000.
59. *Станіславський В.В.* Запорозька Січ та Річ Посполита. 1686–1699. Київ, 2004.
60. *Степанков В.* Проблема возз'єднання козацької України в контексті міжнародних відносин Центрально-Східної Європи (остання чверть XVII ст.) // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 2. Київ, 2003.
61. [*Субботин Н.И.*] Ян Белободский и Павел Негребецкий. Эпизод из истории религиозных споров в России в конце XVII в. // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе за 1862 год. Ч. 21. М., 1862.
62. *Титов Ф.И.* Окончательный переход Киева от Польши к России по договору о Вечном мире между ними в 1686 г. Киев, 1904.
63. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царевны Софьи. СПб., 1858.
64. *Флоря Б.Н.* «Измена» Яна Собеского и русско-польские отношения 1667–1677 // Świat pogranicza. Warszawa, 2003.
65. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001.
66. *Форстен Г.[В.]* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века // ЖМНП. Ч. 356. 1904. Ноябрь.
67. *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции во второй половине XVII века (1648-1700) // ЖМНП. Ч. 322. 1899. Июнь; Ч. 325. 1899. Сентябрь.
68. *Французова Е.Б.* Из истории русско-польских отношений в последней трети XVII в. (по материалам межевых комиссий) // ИЗ. Т. 105. М., 1980.
69. *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914.
70. *Ходырева Г.В.* Российско-турецкие переговоры 1681–1682 годов о ратификации Бахчисарайского мирного договора // Отечественная история. 2003. № 2.
71. *Черепнин Л.В.* Классовая борьба 1682 г. на Юге Московского государства // ИЗ. Т. 4. М., 1938.

72. *Чистякова М.В.* Монахини «с Белой Роси» в Новодевичьем монастыре. М., 2000.
73. *Чухліб Т.В.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ, 2005.
74. *Шмурло Е.Ф.* Польский источник о воцарении Петра Великого // ЖМНП. Ч. 339. 1902. Январь.
75. *Шустова Ю.Э.* Посольские книги как источник по истории введения греко-католической унии на украинских землях в составе Речи Посполитой в 70–90-х гг. XVII века // Источниковедение: поиски и находки: сборник научных трудов. Вып. 1. Воронеж, 2000.
76. *Щебальский П.* Правление царевны Софьи. М., 1856.
77. *Яковлева Т.Г.* Донос старшини на І. Самойловича: аналіз першоджерела // Український історичний журнал. 2006. № 4.
78. *Battaglia* Otto Forst de. Jan Sobieski król Polski. Warszawa, 1983.
79. *Bendza M.* Inkorporacja metropolii kijowskiej do patriarchatu moskiewskiego // Rocznik Teologiczny. Rok XXVIII. Z. 2. Warszawa, 1986.
80. *Bendza M.* Tendencje unijne względem cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686. Warszawa, 1987.
81. *O'Brien C.B.* Russia under Two Tsars. 1682–1689. The Regency of Sophia Alekseevna. Berkley; Los Angeles, 1952.
82. *Bushkovitch P.* Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great // Forschugen zur osteuropäischen Geschichte. Band 50. Berlin, 1995.
83. *Chowaniec Cz.* Sobieski wobec tatarszczyzny 1683–85 // KH. Rocznik XLII. 1928.
84. *Chowaniec Cz.* Wyprawa Sobieskiego do Mołdawii w 1686 r. // Przegląd Historyczno-Wojskowy. T. 4. 1931.
85. *Chowaniec Cz.* Z dziejów polityki Jana III na Bliskim Wschodzie w latach 1683–1686 // KH. Rocznik XL. Z. 2. 1926.
86. *Codello A.* Litwa wobec polityki bałtyckiej Sobieskiego w latach 1675–1679 // KH. Rocznik 74. 1967.
87. *Czamańska I.* Oswobodziciel czy najeźdźca? Polityka Jana III Sobieskiego wobec hospodarstw Mołdawii i Wołoszczyzny // Roczniki Historyczne. Rocznik LV–LVI za lata 1989–1990. Warsawa; Poznań, 1990.
88. *Czapliński W.* Hlebowicz Jerzy Karol // PSB. T. 9. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1960–1961.
89. *Czołowski A.* Łzy króla Jana III. Epizod z przeszłości kamienicy królewskiej we Lwowie // Księga pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera. T. 1. Lwów, 1925.
90. *Darowski A.* 30 lat traktatów pokojowych (1656–1686) // Szkice historyczne. Seria 2. Sankt-Petersburg, 1895.
91. *Deiches Ernest.* Koniec Morstina. Studium historyczne z czasów Jana Sobieskiego. Kraków, 1894.
92. *Górna R.* Antykrólewska propaganda opozycji (od bitwy wiedeńskiej do sejmu 1685 r.) // Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka». Rocznik LI. 1996.
93. *Hughes L.* Sophia Regent of Russia. 1657–1704. New Haven; London, 1990.
94. *Jabłonowski A.* Krzysztof Grzymułtowski, wojewoda poznański. Żywot // Źródła dziejowe. T. 1. Warszawa, 1876.
95. *Kamieński A.* Polska a Brandenburgia-Prusy w drugiej połowie XVII wieku. Dzieje polityczne. Poznań, 2002.
96. *Kočegarov K.* Początek wojny polsko-tureckiej a stosunki polsko-rosyjskie w pierwszej połowie roku 1683 // KH. Rocznik CXII. 2005. № 1.

97. *Kołodziejczyk D.* Ejalet Kamieniecki. Podole pod panowaniem tureckim. 1672–1699. Warszawa, 1994.
98. *Konarski K.* Polska przed odsieczą wiedeńską r. 1683. Warszawa, 1914.
99. *Konopczyński W.* Polska a Szwecja od pokoju oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej. 1660–1795. Warszawa, 1924.
100. *Konopczyński W.* Dzieje Polski nowożytnej. T. 2. Warszawa, 1986.
101. *Konopczyński W.* Polska a Turcja. 1683–1792. Warszawa, 1936.
102. *Kotarski H.* Jan III Sobieski wobec traktatu Gnińskiego z 1678 r. // Rocznik Naukowo-Dydaktyczny Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie. Prace historyczne. XII. Z. 109. 1987.
103. *Kulecki M.* Wygnańcy ze Wschodu. Egzulanci w Rzeczypospolitej w ostatnich latach panowania Jana Kazimierza i za panowania Michała Korybuta Wiśniowieckiego. Warszawa, 1997.
104. *Laskowski O.* Jan III Sobieski. Lwów, 1933.
105. *Leitsch W.* Russo-Polish Confrontation // Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick; New Jersey, 1974.
106. *Lewitter L.R.* The Russo-Polish Treaty of 1686 and Its Antecedents // The Polish Review. 1964. № 3–4.
107. *Maroń J.* Echa traktatu Grzymułtowskiego na sejmach 1688 i 1688/89 r. // Studia z dziejów nowożytnych. Wrocław, 1988.
108. *Matwijowski K.* Czy Sobieski zamierzał dokonać absolutystycznego zamachu stanu? // Studia z dziejów epoki Jana III Sobieskiego. Wrocław, 1984.
109. *Matwijowski K.* Pierwsze sejmy z czasów Jana III Sobieskiego. Wrocław, 1976.
110. *Matwijowski K.* Sejm Grodzieński 1678–1679. Wrocław, 1985.
111. *Mierzwa E.A.* Anglia a Polska w epoce Jana III Sobieskiego. Łódź, 1988.
112. *Perdenia J.* Rokowania polsko-rosyjskie w Kadzyniu w 1684 r. // Rocznik Naukowo-Dydaktyczny Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie. Prace historyczne. IV. Z. 32. 1968.
113. *Perdenia J.* Szanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII–XVIII wieku. Wrocław, 1963.
114. *Piwarski K.* Denhoff Jan Kazimierz // PSB. T. 5. Kraków, 1937.
115. *Piwarski K.* Sprawa pruska za Jana III Sobieskiego (1688–1689) // KH. Rocznik 43. 1929. T. 1.
116. *Piwarski K.* Między Francją a Austrią. Z dziejów polityki Jana III Sobieskiego w latach 1687–1690. Kraków, 1933.
117. *Piwarski K.* Polityka bałtycka Jana III w latach 1675–1679 // Księga pamiątkowa ku czci Wacława Sobieskiego. T. 1. Kraków, 1932.
118. *Piwarski K.* Polska a Francja po roku 1683. Kraków, 1933.
119. *Piwarski K.* Osłabienie znaczenia międzynarodowego Rzeczypospolizej w drugiej połowie XVII wieku // Roczniki Historyczne. Rocznik XXIII. Poznań, 1957.
120. *Przyboś A., Woliński J.* Gniński Jan // PSB. T. 8. Kraków, 1958–1960.
121. *Pukianiec L.* Sobieski a Stolica Apostolska na tle wojny z Turcją (1683–1684). Wilno, 1937.
122. *Rachuba A.* Hegemonia Sapiehów na Litwie jako przejaw skrajnej dominacji magnaterii w życiu kraju // Władza i prestiż. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku. Białystok, 2003.
123. *Rachuba A.* Ogiński Marcjan // PSB. T. 23. Kraków, 1978.
124. *Rachuba A.* Sapieha Kazimierz Jan Paweł // PSB. T. 35. Warszawa; Kraków, 1994.
125. *Rogalski L.* Dzieje Jana III Sobieskiego, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego. Warszawa, 1847.
126. *Szujski J.* Dzieje Polski. T. 4. Lwów, 1866.

127. *Szwaba M.* Między dworem a opozycją. Krzysztof Pac wobec Jana III Sobieskiego w latach 1674–1684 // Studia i materiały z czasów Jana III Sobieskiego. Wrocław, 1992.
128. *Wagner M.* Stanisław Jabłonowski (1634–1720). Polityk i dowódca. T. 1. Siedlce, 1997.
129. *Wagner M.* Tatarskie elity władzy w latach 1684–1689 // W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696). Siedlce, 2002.
130. *Wagner M.* Wenecja i Polska a wojna turecka w latach 1683–1685 // W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696). Siedlce, 2002.
131. *Wasilewski W.* Wyprawa bukowińska Stanisława Jabłonowskiego w 1685 roku. Warszawa, 2002.
132. *Wimmer J.* Lubomirski Hieronim // PSB. T. 18. Kraków, 1973.
133. *Wimmer J.* Wiedeń 1683. Dzieje kampanii i bitwy. Warszawa, 1983.
134. *Wójcik Z.* Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968.
135. *Wójcik Z.* Międzynarodowe położenie Rzeczypospolitej // Polska XVII wieku. Państwo–społeczeństwo–kultura. Warszawa, 1974.
136. *Wójcik Z.* Rokowania polsko-rosyjskie o «pokój wieczysty» w Moskwie w roku 1686 // Z dziejów polityki i dyplomacji polskiej. Warszawa, 1994.
137. *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski i jego geneza. Warszawa, 1959.
138. *Wójcik Z.* Dyplomacja polska w okresie wojen drugiej połowy XVII w. (1648–1699) // Historia dyplomacji polskiej. T. 2. 1572–1795. Warszawa, 1982.
139. *Wójcik Z.* Epilog traktatu Grzymułtowskiego w roku 1687 // Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1994.
140. *Wójcik Z.* Jan Sobieski. 1629–1696. Wyd. 1. Warszawa, 1983. Wyd. 2. Warszawa, 1994.
141. *Wójcik Z.* Pacowie wobec kandydatury rosyjskiej na tron Polski w latach 1668–1669 // Przegląd Historyczny. T. LX. Z. 1. 1969.
142. *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976.
143. *Wójcik Z.* The Separatists Tendensies in the Grand Duchy of Lithuania in 17th Century // Acta Poloniae Historica. Vol. 69. 1994.
144. *Wójcik Z.* Wielkie księstwo Litewskie wobec Szwecji, Rosji i powstań kozackich w XVII wieku // Przegląd Wschodni. T. 1. Z. 3. 1991.

Список сокращений

AGAD	— Archiwum Główne Akt Dawnych
APANKr	— Archiwum PAN w Krakowie
APANW. MW	— Archiwum PAN w Warszawie. Materiały J. Wolińskiego
APP	— Archiwum Publiczne Potockich
AR	— Archiwum Radziwiłłów
BN. BOZ	— Biblioteka Narodowa. Biblioteka Ordynacji Zamojskich
BO	— Biblioteka Ossolińskich we Wrocławiu
BPANKr	— Biblioteka PAN w Krakowie
KH	— Kwartalnik Historyczny
MNKr	— Muzeum Narodowe w Krakowie
PSB	— Polski Słownik Biograficzny
TŁ	— Teki Łukasa
TN	— Teki Naruszewicza
TRz	— Teki Rzymskie
VL	— Volumina Legum. Sankt-Petersburg. T. 5, 6 — 1860
ŹDP	— Źródła do dziejów polskich. Wydane przez M. Malinowskiego i A. Przezdzieckiego. Wilno. T. 2 — 1844
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб. Т. 5 — 1853
АИВД	— Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск. Т. 1 — 1891
ВИ	— Вопросы истории
ДАИ	— Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб. Т. 9 — 1865. Т. 10 — 1867. Т. 11 — 1869. Т. 12 — 1872
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ	— Исторические записки
ПДС	— Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб. Т. 6 — 1862
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1. СПб. Т. 1, 2 — 1830
РБС	— Русский биографический словарь
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М. Ч. 4 — 1828

Научное издание

Кочегаров Кирилл Александрович

Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах
Заключение договора о Вечном мире

Издательство «Индрик»

Корректор *М.В. Архиреев*
Оригинал-макет *И.В. Заика*
Оформление *А.С. Старчеус*

Исключительное право оптовой реализации книг издательства «Индрик»
принадлежит книжной галерее «Нина»
www.kniginina.ru
тел./факс: **(495) 959-21-03**

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: **+7 495 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
31,5 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 1129

Отпечатано с оригинал-макета
В ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6